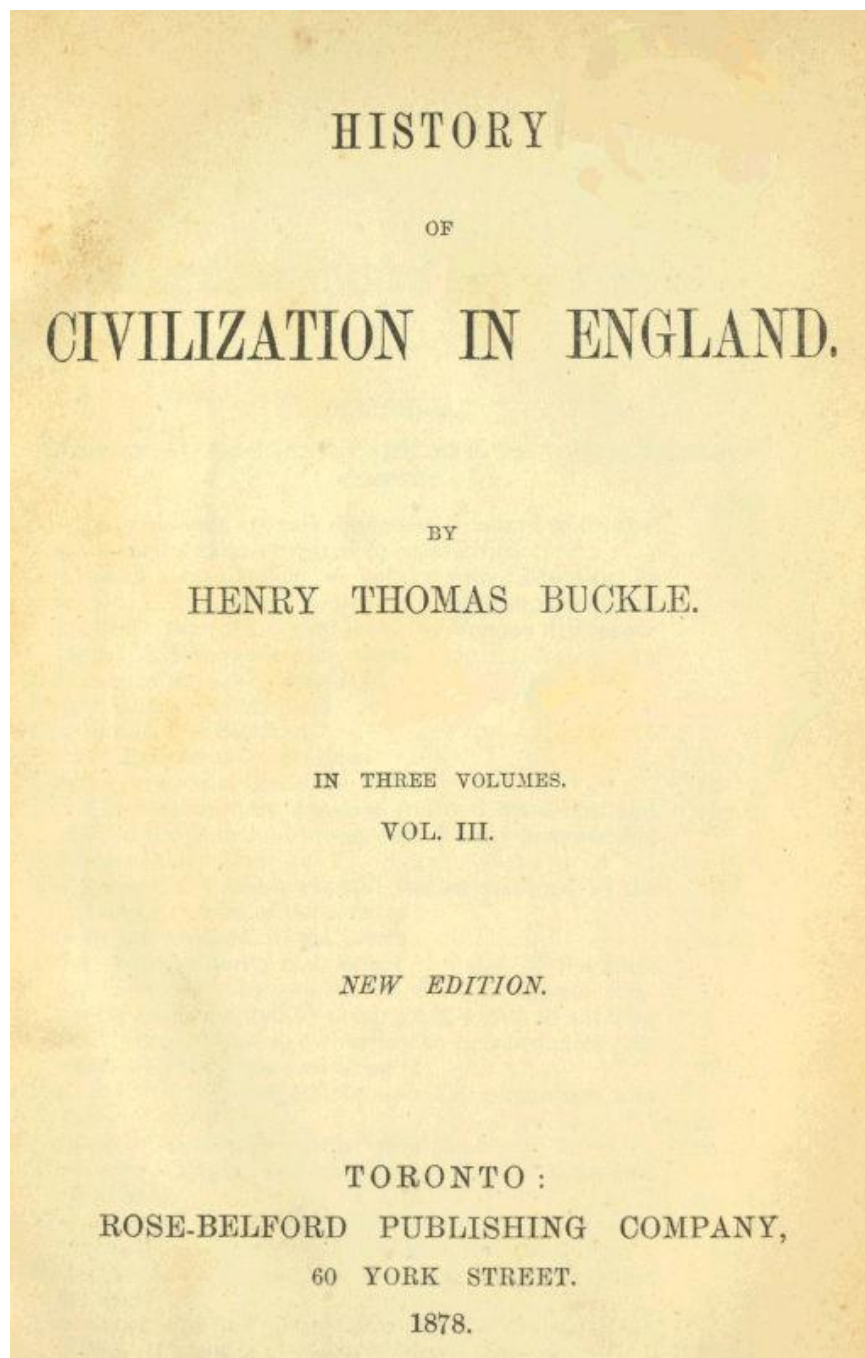

История цивилизации в Англии, Том 3 из 3

Генри Томас Бакл

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории цивилизации в Англии, том 3 из 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История цивилизации в Англии, Том 3 из 3

Автор: Генри Томас Бакл

Дата выхода: 28 декабря 2013 г. [Электронная книга № 44495]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Дэвидом Кларком, Йенсом Нордманном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ", ТОМ 3 ИЗ 3 ***

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ГЕНРИ ТОМАС БАКЛ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ III.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОРОНТО:

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ ROSE-BELFORD PUBLISHING COMPANY,

ЙОРК-СТРИТ, 60.

1878.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ К КОНЦУ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА.

	СТРАНИЦА
Шотландия и Испания очень непохожи в отношении лояльности	1
, но очень похожи в отношении суеверий	4
Шотландцы объединяют либеральность в политике с нелиберальностью в религии. Это крупнейший и наиболее важный факт в их истории; и остальная часть Тома будет занята исследованием его причин	5
Влияние физической географии	5-7
Вторжение римлян в Шотландию	7-9
Ирландское вторжение в Шотландию	9
Норвежское вторжение в Шотландию	11-12
Английское вторжение в Шотландию	12-17
Ущерб, который эти вторжения нанесли Шотландии, остановил рост городов и тем самым способствовал власти знати	18
Физическая структура страны еще больше способствовала власти знати	19-20
И, следовательно, из-за слабости короны	20-21
их авторитет к концу четырнадцатого века стал огромным. Корона, полностью затмеваемая ими, не могла получить помощи от граждан, потому что из-за только что упомянутых обстоятельств не было городов	21-23
Ибо промышленность была невозможна, а самые обычные искусства были неизвестны	23-26
Свидетельство малочисленности населения шотландских городов	26-30
Они были слишком слабы и незначительны, чтобы избирать своих собственных магистратов	32-33
Муниципальный элемент, таким образом, несовершенен, единственным союзником, которого корона могла найти, была Церковь	34-35
Следовательно, коалиция между королями и духовенством против знати	34
Духовенство было единственным органом, который мог противостоять знати. Причины большого влияния духовенства	35-44
ГЛАВА II.	
СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.	
В начале пятнадцатого века союз между короной и Церковью против знати стал очевидным	45
Яков I. нападал на дворян и благоволил Церкви; надеясь таким образом установить верховенство трона	46-47
Но его политика провалилась, потому что ей противостояли действия общих сил	47-48
Помимо неудачи, это привело к его собственному разрушению	49
Власть Дугласов, которые стояли во главе южной знати	49-50

Якова II. убитые вожди этой семьи	51-52
Корона в своих усилиях против знати поощрялась духовенством; и до середины пятнадцатого века Церковь и аристократия были полностью отчуждены друг от друга	52-54
Яков III, как и Яков II. и Яков I., объединился с духовенством против знати	55-56
Однако их власть была слишком глубоко укоренена, чтобы ее можно было поколебать; и в 1488 году они казнили короля	55
Тем не менее, и несмотря на эти последовательные неудачи, Джеймс IV. придерживался той же политики, что и его предшественники	56
Так же поступил и Яков V. В результате дворяне заключили его в тюрьму и изгнали духовенство со всех должностей в государстве	57
В 1528 году Яков V. сбежал; корона и Церковь восстановили господство, а основные вельможи были изгнаны	58
С этого момента дворяне возненавидели Церковь больше, чем когда-либо. Их ненависть привела к Реформации	58-59
Активные меры правительства против дворян	60-61
Дворяне отомстили, став реформаторами	62
Джеймс V. с другой стороны, полностью отдался в объятия Церкви	62-63
Поскольку дворяне заняли противоположную сторону, а поскольку народ не имел никакого влияния, успех или провал Реформации в Шотландии был просто вопросом успеха или провала аристократической власти	65-68
В 1542 году дворяне открыто заявили о себе. отказался повиноваться Якову V. и их обращение с ним в этот критический период его жизни разбило ему сердце	68-69
Сразу после его смерти они восстановили власть. Духовенство было перемещено, и были приняты меры, благоприятные для протестантизма	69-72
В 1546 году кардинал Битон был убит, и Нокс начал свою карьеру	74-75
Последующие разбирательства с Ноксом	76-77
Пока Нокс был за границей, дворяне основали Реформацию	78
Он вернулся в Шотландию в 1559 году, к тому времени борьба почти закончилась	79
В 1559 году королева-регентша была свергнута; дворяне стали верховными; а в 1560 году церковь была разрушена	80-84
Сразу же после завершения этой революции дворяне и проповедники начали ссориться из-за богатств Церкви	84
Дворяне, думая, что они должны владеть ими, взяли их в свои руки	85-88
Вслед за этим протестантские проповедники заявили, что дворяне были подстрекаемы дьяволом	88-90
Мортон, стоявший во главе дворянства, пришел в ярость из-за действий нового духовенства и преследовал их	91-92
Полный разрыв находясь между двумя классами	93
Духовенство, обнаружив, что правящий класс презирает его, искренне объединилось с народом и отстаивало демократические принципы	93

В 1574 году Мелвилл стал их лидером. Под его покровительством началась эта великая борьба, которая не прекращалась до тех пор, пока шестьдесят лет спустя не привела к восстанию против Карла I.	94
Первым проявлением этого мятежного духа было нападение на епископов	94
В 1575 году началось нападение. В 1580 году епископство было отменено	96-97
Но дворяне поддерживали этот институт, потому что они любили неравенство по тем же причинам, которые заставляли духовенство любить равенство	97-100
Борьба между высшими классами и духовенством за уважение епископства	100-103
В 1582 году Яков VI. был заключен в тюрьму; и его пленение было оправдано духовенством, демократические принципы которого теперь были открыто провозглашены	103-104
Жестокие высказывания, использованные духовенством против короля и дворян	104-109
Их лидер Мелвилл лично оскорбил короля, и они, вероятно, были причастны к заговору Гоури в 1600 году	110
Тем не менее, духовенство, несмотря на непристойность своего поведения, оказало Шотландии величайшее из всех благ, сохранив жизнь и взрастив дух свободы	111-114
ГЛАВА III.	
СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ В СЕМНАДЦАТОМ И ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКАХ.	
В 1603 году король Шотландии стал также королем Англии и решил использовать свои новые ресурсы для обуздания и наказания шотландского духовенства	115-122
За его жестокое обращение с ними	122-124
В 1610 году Джеймс, опираясь на мощь Англии, навязал Шотландии епископство. Также были созданы суды Высшей комиссии	125-127
Тираническое поведение епископов	127-129
Тем временем готовилась реакция	129-132
В 1637 году реакция заявила о себе, и в 1638 году епископы были свергнуты	132-133
Движение, по сути демократическое, не могло на этом остановиться, но быстро распространилось от Церкви к государству. В 1639 году шотландцы развязали войну против Карла I. Победив короля, они продали его англичанам, которые казнили его	134-136
Шотландцы, прежде чем короновать Карла II., вынудили его смириться и признать свои собственные ошибки и ошибки своей семьи	136-137
Но после того, как Карл II взошел на английский трон, он стал достаточно могущественным, чтобы одержать победу над шотландцами. Он воспользовался этой властью, чтобы угнетать Шотландию еще более жестоко, чем это делали его два предшественника	137-140
Однако, к счастью, дух свободы был достаточно силен, чтобы помешать его попыткам установить постоянный деспотизм	140
Тем не менее, кризис был ужасным, и народ и его духовенство подвергались всевозможным нападкам	141-146
Теперь, как и прежде, епископы помогали правительству в его усилиях по	147-150

порабощению Шотландии. Будучи ненавидимыми народом, они объединились с короной и проявили самую теплую привязанность к Джеймсу II., во время правления которого были совершены жестокости, худшие, чем любые ранее известные	151
В 1688 году последовала еще одна реакция, в ходе которой шотландцы снова освободились от своих угнетателей	151
Единственными могущественными друзьями этого плохого правительства были горцы	151-153
Причины, побудившие горцев восстать в пользу Стюартов	153-159
Восстания горцев 1715 и 1745 годов не были результатом лояльности	159
После 1745 года горцы утратили свое значение, и прогресс Шотландии был непрерывным	160-161
Начало торгового духа	161-162
Связь между ростом торгового духа и отменой в 1748 году наследственных юрисдикций	161
Отмена этих юрисдикций была симптомом упадка могущества шотландской знати, но не причиной этого	162-167
Одной из причин упадка их могущества был союз с Англией в 1707 году	167
Другой причиной был провал восстания 1745 года	169-170
Дворяне, ослабленные таким образом, были в 1748 году легко лишены своего права на юрисдикцию. Таким образом, они потеряли последнюю эмблему своей старой власти	171-172
Этому великому демократическому и освободительному движению способствовал рост торгового и мануфактурного классов	172
А самому их росту способствовал Союз с Англией	173-183
Свидетельство быстрого прогресса трудолюбивых классов в первой половине восемнадцатого века	183-184
В тот же период в Шотландии возникла новая и великолепная литература	184-186
Но, к сожалению, эта литература, несмотря на ее смелый и пылкий дух не смог ослабить национальные суеверия	186
Дело историка - установить причины его провала. Если он не сможет этого сделать, он не сможет понять историю Шотландии	186-190
Первое и наиболее существенное качество историка - это ясное восприятие великой научной доктрины права. Но тот, кто пытается применить эту доктрину ко всему ходу истории и прояснить с ее помощью ход и теорию событий, сталкивается с препятствиями, которые не может устранить ни один отдельный разум	
ГЛАВА IV.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ШОТЛАНДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.	
Остальная часть Тома будет занята еще более тщательным исследованием двойного парадокса, представленного историей Шотландии; а именно, 1-го, что один и тот же народ должен быть либеральным в политике и нелиберальным в религии; и, 2-го, что свободная и скептическая литература, которую они выпустили в восемнадцатом веке, не смогла уменьшить их религиозную нелиберальность	191

Их религиозная нелиберальность была результатом огромной власти, которой обладало их духовенство в семнадцатом веке. Причины этой силы будут рассмотрены в настоящей главе	192
Неудача их литературы в умалении этой нелиберальности в восемнадцатом веке была результатом особого метода исследования, принятого шотландскими философами. Причины повсеместного распространения этого метода, природа метода и его последствия будут рассмотрены в следующей главе, которая завершит Том	192-193
Обстоятельства семнадцатого века благоприятствовали влиянию шотландского духовенства	193-197
В то время как война Англии против Карла I была по сути политической, война шотландцев против него была по сути религиозной	197-200
Хотя это было следствием шотландских суеверий, это также стало причиной его дальнейшего развития	201-202
Следовательно, в семнадцатом веке шотландский , светскими интересами пренебрегли, а богословские стали главенствовать. Иллюстрацией этого является стремление людей слушать проповеди чрезмерной частоты и ужасающей длины; так что большую часть своей жизни они проводили в том, что ошибочно называлось религиозными упражнениями	203-206
Духовенство воспользовалось этими привычками, чтобы расширить и укрепить свою собственную власть	205-206
Их великим двигателем власти были церковные собрания. Тирания Кирка-Сессии	206-210
Чудовищные притязания духовенства	210-212
Случаи, в которых считалось, что эти притязания подтверждались чудесами	212-220
Духовенство, придя в восторг, выражается необычайно высокомерно	221-227
Они утверждали, что чудеса творились от их имени, и часто от их личности	228-229
Влияние этих разбирательств на шотландский разум	230-232
Духовенство, чтобы запугать народ , и полностью взять их под контроль, пропагандировали ужасные представления о злых духах и будущих наказаниях	232-243
С той же целью они выдвигали еще более ужасные представления о Божестве, которого они представляли как жестокое, страстное и кровожадное Существо	245-252
Более того, они заявляли, что безвредные и даже достойные похвалы действия греховны и могут вызвать Божественный гнев	251-262
Чтобы предотвратить такие воображаемые грехи, духовенство издавало произвольные постановления и наказывало тех, кто им не повиновался, иногда поркой, а иногда клеймом раскаленным железом, а иногда и другими способами	262-263
Примеры грехов, которые изобрело духовенство	264-268
Результатом было то, что в Шотландии было уничтожено всякое веселье, всякая невинная веселость, все проявления счастья и почти все физические наслаждения	268-269
Следовательно, национальный характер был искалечен. Ибо телесные удовольствия в нашем реальном состоянии являются такой же неотъемлемой частью великой схемы жизни и так же необходимы для человеческих дел, как и удовольствия разума	269-271

Но духовенство, осуждая эти чувственные удовольствия, делает все возможное в каждой стране, чтобы уменьшить общее количество счастья, которому подвержено человечество и которым оно имеет право наслаждаться	271-275
Ни в одной протестантской стране духовенство не распространяло эти узкие и антиобщественные догматы так далеко, как в Шотландии	275-276
Действительно, в некоторых отношениях шотландское духовенство было более аскетичным, чем представители любой ветви католической церкви, за исключением испанской; поскольку они пытались разрушить привязанности и разорвать самые священные узы семейной любви	276-279
ГЛАВА V.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ШОТЛАНДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.	
Шотландская философская литература восемнадцатого века была реакцией против теологического духа семнадцатого	281
Но особенность философии, которая возникла сейчас, заключается в том, что она была не индуктивной философией, а дедуктивной	281-282
Это заслуживает внимания; поскольку индуктивный метод, по сути, антибогословский, можно было ожидать, что противники теологического духа последуют этому методу	282-284
Истина, однако, заключалась в том, что теологический дух настолько овладел шотландским умом, что шотландцы не смогли прийти к нему. что индуктивный метод не мог завоевывать популярность	284-289
Следовательно, светская философия восемнадцатого века, хотя и была новой в своих результатах, не была новой в методе, с помощью которого эти результаты были получены	289
В этом отношении Шотландия похожа на Германию, но отличается от Англии	289-290
Краткое изложение наиболее важных различий между индукцией и дедукцией	291
Вся шотландская философия, как физическая, так и метафизическая, является дедуктивной	291
Философия Хатчесона	292-304
Ее результаты и тенденции	292-299
Ее метод	299-304
Философия Адама Смита	304-330
Его <i>Теория моральных чувств</i> и его <i>"Богатство наций"</i> - разные части одного предмета. Чтобы понять либо то, либо другое, мы должны изучить оба	304-305
Его дедуктивный метод зависел от подавления посылок	304-309
Изложение его <i>Теории моральных чувств</i>	309-314
Изложение его <i>Богатства народов</i>	314-330
Философия Юма	331-349
Недостаток воображения	331-332
Важность и новизна его доктрин	333-337

Его метод был в высшей степени дедуктивным; и он, как и Адам Смит, придерживался исключительно дедуктивного подхода. , мало заботился об опыте	337-341
Отсюда его несправедливость к Бэкону, метод которого был диаметрально противоположен его собственному	338-339
Его <i>Естественная история религии</i>	342-348
Сравнение метода этой работы с методом, используемым Кадвортом	348
Философия Рида	349-361
Его робость заставила его взглянуть на практическую направленность спекулятивных доктрин, вместо того чтобы ограничиться вопросом об их истинности или ложности	349-354
Но философ должен считать своим делом установление новых истин, не считаясь с их последствиями	349-350
Рид атаковал метод Юма, потому что ему не нравились результаты, к которым привел этот метод	354-355
И все же, создавая свою собственную философию, он сам следовал тому же методу	355-359
Оценка ценности того, чего добился Рид	359-360
Противопоставление метода Рида и метода Бэкона	360– 361
В физической философии дедуктивный метод был в равной степени распространен в Шотландии	361– продол жение.
Законы теплоты	362
Неуничтожимость силы. Взаимообмен силами	362-365
Философия Блэка	367-377
Его теория скрытого тепла подготовила путь для последующих открытий	367-371
Его метод был дедуктивным и не подпадал ни под одно из правил философии бэконизма	371-372
Он исходил из своих принципов умозрительно, вместо того чтобы заниматься длительным курсом экспериментов	372-377
Делать это означало потакать воображению, что считается опасным индуктивной школой английских физиков. Но в стремлении к истине нам нужны все наши силы; а прогресс физической науки тормозится из-за нашего пренебрежения творческими и эмоциональными способностями	377-382
Поэтому Блэк оказал огромную услугу, предоставив свободу воображению. Того же плана придерживался его преемник Лесли	383
Философия тепла Лесли	383-388
Он черпал большую помощь в поэзии	385
И был несправедлив к Бэкону, индуктивные взгляды которого ему не нравились	388
Огонь и вода - это две причины, которые изменили и продолжают изменять земную кору. Предположение о том, что вулканическая деятельность раньше была более мощной, чем в настоящее время, вполне согласуется с доктринами о непрерывной	388-390

последовательности событий и единообразии законов природы	
Действие огня и воды на земную кору можно изучать дедуктивным путем, вычисляя отдельно вероятное действие каждого из них. Или, может быть, они изучали индуктивно, наблюдая их объединенные следствия и поднимаясь от следствий к причинам; в то время как дедуктивный план состоит в том, чтобы спуститься от причин к следствиям	390-391
Из этих двух методов англичане следовали индуктивному; шотландцы и немцы следовали дедуктивному	391
Английская геология, основанная Уильямом Смитом	391-393
Немецкая геология, основанная Вернером	393-395
Шотландская геология, основанная Хаттоном	396
Англичане наблюдали за эффектами, чтобы установить причины. Немцы, предполагая, что причиной является вода, исходили из нее и исходили из следствий. Скотч, предполагая, тепла, чтобы быть причиной, сделанные своими принципами первый шаг в их аргументации	391-396
причинами, которые заставили скотч спорят геологи из принципов тепло, вместо того, чтобы, как немецкие геологи, утверждая, от принципов вода	396
хотя Хаттона основана на теории метаморфических пород, и приписывали такое огромное значение для тепла, он бы не взять на себя труд изучения одной области активных вулканов, где он мог видеть эти самые явления природы, уважение, которое он предположил,	398
, но, с помощью дедуктивного применения принципов развернувшийся на черный, он пришел к заключению о консолидации слоев тепловой	399-400
, что вывод был сделан исключительно умозрительно, и не подкреплены опытом	399
хоть эксперимент, возможно проверить ее, никто еще не сделал, и Хаттон был тоже непрочь индуктивный метод, чтобы провести расследование самому	400-401
сэр Джеймс Холл затем подняли вопрос, и эмпирически подтверждено идею, Хаттон был зафиксирован	401-402
Ватт изобретение парового двигателя и открытие состава воды	402-406
отличие между методом, с помощью которого он, как шотландец, обнаружен состав воды, и противоположный способ, с помощью которого англичанин Кавендиш, сделал то же самое открытие в то же время	404-406
характер доказательств предполагаемого разницы между органического и неорганического мира. Жизнь, вероятно, является свойством всей материи	406-410
Предполагая, однако, в целях классификации, что органический мир фундаментально отличается от неорганического, мы можем разделить органическую науку на физиологию и патологию	410-412
Два великих шотландских патолога - Каллен и Джон Хантер. Хантер, обладавший большим умом, чем Каллен, также был физиологом	412
Изложение философии Каллена	413-427
Его любовь к теории	413

Теория, хотя и необходима в науке, опасна на практике	414-416
Разница между наукой о патологии и искусством терапии	417-418
Сравнение метода патологии Каллена и метода, используемого Адамом Смитом	417-419
Теория твердых тел Каллена	420– продол жение.
Он отказался исследовать истинность принципов, из которых он исходил,	421-422
Его выводы, как и его послышки, представляют собой лишь часть истины и были крайне односторонними. Тем не менее, их ценность неоспорима, поскольку они составляют необходимую часть общего прогресса	423– 424
Его теория лихорадки	424-426
Его нозология	426-427
Философия Джона Хантера	428-458
Его величие и, к сожалению, неясность языка	428-430
В его сознании индуктивные и дедуктивные методы боролись за господство. Их конфликт угнетал его. Это одна из причин мрачности его мыслей и, следовательно, его стиля	429-432
Его природной склонностью была дедукция	432
Но обстоятельства сделали его индуктивным, и он собирал факты с неутомимым усердием	432-434
Таким образом он сделал большое количество любопытных физиологических открытий	434-436
Он проследил историю красных шариков крови и пришел к выводу, что их функция заключается в укреплении системы, а не в ее восстановлении	436-437
Спустя долгое время после своей смерти, этот вывод был подтвержден прогрессом микроскопических и химических исследований. Особенно это было подтверждено путем сравнения Лесани крови в разных полов, и в разных темпераментов.	439
охотника запросы, касающиеся перемещения животных и овощей	439-441
он осознал великую истину наук о неорганическом мире, должны лежать в основе этих органических	443
его целью было, чтобы объединить все физические науки, для того, чтобы показать, что явления природы не всегда равномерное, регулярность преобладает даже среди величайших видимого нарушения	443-444
следовательно, направленных в основном на обобщение нарушений, его любимая исследования патологии	444
в своей патологической запросы, он учитывал деформации кристаллов	445
как физиолог, он был равен или превосходил Аристотель; но как патологоанатом, он не имеет себе равных по величию его взгляды	446-447
в патологии, его любовь вычет был более очевидным, чем в физиологии	447
своей патологической спекуляций соблюдении принципов действия и принципы	448-452

симпатии

но его английских современников, будучи в высшей степени индуктивного, так невзлюбили его метод, что он осуществлял вряд ли на них никакого влияния	453
это более заметно, потому что его открытий соблюдая болезнь заставила его быть известен как основоположник современной хирургии, и главным автором доктрины сейчас учат в медицинской профессии	454– 457
такие были замечательные результаты, достигнутые шотландцев в XVIII веке. Разница между этой великолепной литературой и жалкими произведениями шотландского разума семнадцатого века.	458-460
Несмотря на это различие, дедуктивный метод был высшим в оба столетия	461
Дедуктивный метод поражает чувства меньше, чем индуктивный. Следовательно, индукция, будучи более доступной для среднего понимания, более популярна, чем дедукция. Следовательно, также, учения индуктивной философии с большей вероятностью повлияют на национальный характер, чем учения дедуктивной философии.	461-464
Теология составляет единственное исключение из этого правила	464-465
Шотландская литература восемнадцатого века, будучи по существу дедуктивной, была, по этой причине, неспособна повлиять на нацию. Таким образом, это не смогло ослабить национальные суеверия	465-469
Суеверия и религиозная нелиберальность, все еще существующие в Шотландии	469-471
Поддерживаемые там представления о происхождении эпидемий. Переписка, которая, вследствие этих представлений, имела место в 1853 году между шотландской церковью и английским правительством	471-476
Эти суеверия в высшей степени нерелигиозны и повсеместно стираются по мере развития физической науки. Ничто другое не может их тронуть. Отсюда постепенное освобождение человеческого разума от рабских и недостойных мужчины страхов, которыми он долгое время был угнетен	476-482

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ГЛАВА I.

СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ К КОНЦУ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА.

В предыдущем обзоре возвышения и упадка Испании я стремился показать последовательные шаги, с помощью которых то, что раньше было одной из величайших наций земли, было сломлено и низвергнуто со своего высокого положения. Когда мы оглядываемся назад, на ту сцену, картина действительно поражает. Страна, богатая всеми природными продуктами, населенная храбрым, преданным и религиозным народом, удаленная также благодаря своему географическому положению от опасностей европейских революций, в результате действия тех

общих причин, которые я указал, внезапно достигла несравненного величия; а затем, без возникновения какой-либо новой комбинации, а просто вследствие продолжения действия тех же причин, упала с такой же скоростью. И все же эти перипетии, какими бы странными и поразительными они ни казались, были совершенно регулярными. Они были законным следствием состояния общества, в котором дух защиты достиг своей высшей точки и в котором, хотя все делалось для людей, сам народ ничего не делал. Всякий раз, когда это происходит, может наблюдаться значительный политический прогресс, но не может быть по-настоящему национального прогресса. Могут быть присоединения территорий и огромный рост славы и власти. Возможны улучшения в практике администрации, в управлении финансами, в организации армий, в искусстве и теории войны, в уловках дипломатии и в тех различных ухищрениях, с помощью которых одна нация способна перехитрить и оскорбить другую. Однако пока это не приносит пользы людям, но вредит им двумя различными способами. Во-первых, повышая репутацию правящих классов, оно поощряет то слепое и раболепное уважение, которое люди слишком склонны испытывать к тем, кто выше их, и которое везде, где оно обычно практиковалось, было признано губительным для высших качеств гражданина и, следовательно, для постоянного величия нации. И, во-вторых, это увеличивает ресурсы исполнительной власти и, таким образом, делает страну неспособной, а также не желающей исправлять ошибки тех, кто стоит во главе государства. Следовательно, в Испании, как и во всех странах с аналогичными обстоятельствами, именно в тот момент, когда внешне все было наиболее благополучно, в основе все было наиболее прогнившим. При самом блестящем политическом успехе нация поспешила к своему падению, и кризис быстро приближался, в котором, когда все здание будет разрушено, ничего не останется, кроме памятного предупреждения о последствиях, которые должны последовать, когда люди, предаваясь страстям суеверия и лояльности, отрекутся от своих собственных функций, откажутся от собственной ответственности, откажутся от своих высших обязанностей и превратятся в пассивные инструменты для служения воле Церкви и престола.

Таков великий урок, преподанный историей Испании. Из истории Шотландии мы можем извлечь еще один урок, иного, но похожего рода. В Шотландии прогресс нации был очень медленным, но, в целом, очень уверенным. Страна крайне бесплодна; исполнительная власть, за редкими исключениями, всегда была слабой; и народ никогда не был отягощен теми чувствами лояльности, которые обстоятельства навязали испанцам. Конечно, последнее обвинение, которое будет выдвинуто против шотландцев, - это суеверная привязанность к своим принцам.^[1] Мы, в Англии, не всегда были очень нежны к личностям наших суверенов, и иногда мы наказывали их с тем, что некоторые считают чрезмерной суровостью. Из-за этого мы часто подвергались насмешкам со стороны более лояльных наций Континента; и, в частности, в Испании наше поведение вызвало величайшее отвращение. Но если мы сравним нашу историю с историей наших северных соседей, то должны признать себя кротким и покорным народом.^[2] В Шотландии было больше восстаний, чем в любой другой стране; и восстания были очень кровопролитными, а также очень многочисленными. Шотландцы объявили войну большинству своих королей и многих казнили. Говоря об их обращении с одной династией, они убили Якова I и Якова III. Они восстали против Якова II. и Якова VII. Они схватили Якова V., и поместили его в заточение. Марию они замуровали в замке, а затем свергли. Ее преемника, Якова VI, они заключили в тюрьму; они водили его пленником по стране и однажды покушались на его жизнь. По отношению к Карлу I они проявляли величайшую враждебность и были первыми, кто пресек его безумную карьеру. За три года до того, как англичане отважились

восстать против этого деспотичного принца, шотландцы смело взяли за оружие и пошли на него войной. Услугу, которую они тогда оказали делу свободы, трудно переоценить; но странная часть сделки заключалась в том, что, завладев впоследствии личностью Карла, они продали его англичанам за крупную сумму денег, в которых они, будучи очень бедными, остро нуждались. Подобная продажа не имеет аналогов в истории; и хотя шотландцы могли бы правдоподобно утверждать, что это была единственная выгода, которую они получили или когда-либо могли получить от существования своего наследного принца, все же это событие стоит особняком; оно было беспрецедентным; ему никогда не подражали; и его возникновение является ярким симптомом состояния общественного мнения и чувств страны, в которой это было разрешено.

Однако, хотя в том, что касается лояльности, противостояние между Шотландией и Испанией является полным, существует, как ни странно, самое поразительное сходство между этими странами в том, что касается суеверий. Обе страны позволили своему духовенству пользоваться огромным влиянием, и обе подчинили свои действия, а также свою совесть авторитету Церкви. Как естественное следствие, в обеих странах нетерпимость была и остается вопиющим злом; а в вопросах религии обычно проявляется фанатизм, действительно дискредитирующий Испанию, но гораздо более дискредитирующий Шотландию, которая произвела на свет множество выдающихся философов, которые охотно научили бы людей лучшему, но которые тщетно пытались стереть с национального сознания тот серьезный изъян, который портит его красоту и стремится нейтрализовать многие другие его замечательные качества.

В этом заключается кажущийся парадокс и реальная трудность шотландской истории. Это знание не должно было произвести тех последствий, которые последовали за ним в других местах; что смелая и пытливая литература должна быть найдена в крайне суеверной стране, не уменьшая ее суеверия; что люди должны постоянно противостоять своим королям и так же постоянно уступать своему духовенству; что, хотя они либеральны в политике, они должны быть нелиберальны в религии; и что, как естественное следствие всего этого, люди, которые в видимой и внешней сфере фактов и практической жизни проявляют проницательность и смелость, редко сравнимые, должны, тем не менее, в спекулятивной сфере проявлять терпимость. в жизни и в вопросах теории люди трепещут, как овцы, перед своими пастырями и соглашаются с каждым абсурдом, который они слышат, при условии, что его санкционировала их Церковь; то, что эти несоответствия должны сосуществовать, на первый взгляд кажется странным противоречием и, несомненно, является явлением, достойным нашего тщательного изучения. Указать на причины этой аномалии и проследить результаты, к которым она привела, будет задачей оставшейся части этого тома; и хотя расследование будет несколько продолжительным, я надеюсь, оно не покажется многословным тем, кто признает важность исследования и осознает, насколько полно им пренебрегали, даже те, кто наиболее полно написал об истории шотландской нации.

В Шотландии, как и везде, на ход событий повлияла ее физическая география; и под этим я подразумеваю не только ее собственные непосредственные особенности, но и ее связь с соседними странами. Он находится недалеко от Ирландии; он соприкасается с Англией; и из-за соседства Оркнейских и Шетландских островов он был в высшей степени подвержен нападениям этой великой нации пиратов, которая на протяжении веков населяла Скандинавский полуостров. Рассматриваемый сам по себе, он горист и бесплоден; природа воздвигла такие препятствия, что долгое время было невозможно наладить регулярное сообщение между его различными частями, что, действительно, в отношении Высокогорья

было осуществлено только после середины восемнадцатого века.[3] Наконец, и это, как мы сейчас увидим, имело огромное значение, самые плодородные земли Шотландии находятся на юге и, следовательно, постоянно разорялись английскими пограничниками. Следовательно, накоплению богатства препятствовали; росту городов препятствовали серьезные опасности, которым они подвергались; и было невозможно развить тот муниципальный дух, который мог бы существовать, если бы районы, наиболее благоприятствуемые природой, располагались на севере Шотландии, а не на юге. Если бы фактическое положение вещей было обратным, так что Высокогорье находилось на юге,[4] и Низменности на севере, вряд ли можно сомневаться, что после прекращения в тринадцатом веке великих скандинавских вторжений наиболее плодородные части Шотландии, будучи сравнительно безопасными, были бы центром городов, которые активный дух скандинавов поддерживал в Шотландии. люди стали бы причиной процветания, процветание которого внесло бы новый элемент в шотландские дела и изменило ход шотландской истории. Этому, однако, не суждено было сбыться; и поскольку нам приходится иметь дело с событиями такими, каковы они есть на самом деле, я сейчас попытаюсь проследить последствия физических особенностей, которые только что были замечены; и, согласовав их результаты, я, насколько смогу, покажу их общее значение и то, как они сформировали национальный характер.

Самым ранним фактом, с которым мы знакомы относительно истории Шотландии, является вторжение римлян под командованием Агриколы в конце первого века. Но ни его завоевания, ни победы его преемников не произвели сколько-нибудь постоянного впечатления. Страна так и не была по-настоящему покорена, и не было осуществлено ничего, кроме военной оккупации, которая, несмотря на возведение многочисленных фортов, стен и валов, не сломила дух жителей. Даже Север, который в 209 году предпринял последнюю и самую важную экспедицию против Шотландии, по-видимому, не проник дальше залива Мореи;[5] и сразу после его ухода туземцы снова были при оружии и снова независимы. После этого не предпринималось ничего достаточно масштабного, чтобы дать шанс на успех. Действительно, римляне, далекие от того, чтобы быть способными к таким усилиям, сами деградировали. В свои лучшие дни их добродетели были добродетелями варваров, и даже те, которые они теперь вот-вот потеряют. С самого начала их образ жизни был настолько односторонним и несовершенным, что увеличение богатства, которое улучшает цивилизацию действительно цивилизованных стран, было для римлян непоправимым злом; и они были развращены роскошью, вместо того чтобы совершенствоваться ею. В наше время, если мы сравним разные нации Европы, мы обнаружим, что самые богатые - это также самые могущественные, самые гуманные и самые счастливые. Мы живем в том развитом обществе, при котором богатство является одновременно причиной и следствием прогресса, в то время как бедность является плодотворным источником слабости, страданий и преступности. Но римляне, когда они перестали быть бедными, начали быть порочными. Настолько неустойчивой была основа их величия, что сами результаты, к которым привела их власть, оказались фатальными для самой власти. Их империя дала им богатство, а их богатство свергло их империю. Их национальный характер, несмотря на его кажущуюся силу, на самом деле был настолько хрупким, что был разрушен собственным развитием. По мере того, как он рос, он уменьшался. Следовательно, в третьем и четвертом веках их влияние на человечество заметно ослабло. Их авторитет был подорван, и, конечно, вмешались другие народы; так что набеги тех странных племен, которые хлынули с севера и появлению которых часто приписывают окончательную катастрофу, были в лучшем случае поводом, но ни в коем случае не причиной падения Римской империи. Все уже давно указывало на это великое и

спасительное событие. Бичеватели и угнетатели мира, которых ложное и невежественное сочувствие наделило благородными качествами, которыми они никогда не обладали, должны были теперь позаботиться о себе; и когда, отступив со всех сторон, они в середине пятого века вывели свои войска со всей Британии, они просто совершили движение, которое череда обстоятельств, продолжавшихся на протяжении нескольких поколений, сделала неизбежным.

Именно в этот момент мы начинаем понимать действие тех физических и географических особенностей, которые, как я упоминал, влияют на судьбу Шотландии. Римляне постепенно теряли позиции, близость Ирландии вызывала неоднократные нападения с этого плодородного острова, чья богатая почва и огромные природные преимущества породили буйное и, следовательно, беспокойное население. Перелив, который в цивилизованные времена является эмиграцией, в варварские времена является вторжением. Таким образом, ирландцы, или скотты, как их называли, утвердились силой оружия на западе Шотландии и вступили в столкновение с пиктами, которые занимали восточную часть. Завязалась смертельная борьба, которая продолжалась четыре столетия после ухода римлян и повергла страну в величайшее смятение. Наконец, в середине девятого века Кеннет Мак-Элпин, король скоттов, одержал верх и привел пиктов к полному подчинению.^[6] Теперь страна была объединена под одним правлением; и завоеватели, медленно поглощая завоеванных, дали свое имя целому, которое в десятом веке получило название Шотландии.^[7]

Но королевству не суждено было обрести покой. Ибо в то же время обстоятельства, о которых было бы утомительно рассказывать, сделали жителей Норвегии величайшей морской державой Европы. Использование этой нацией пиратов своей силы образует еще одно и очень важное звено в истории Шотландии и, более того, иллюстрирует огромное значение, которое в ранний период развития общества следовало придавать простым географическим соображениям. Ближайшая земля к центру протяженного побережья Норвегии - Шетландские острова, откуда легко добраться до Оркнейских островов. Северные пираты, естественно, захватили эти небольшие, но, по их мнению, наиболее полезные острова и, так же естественно, сделали из них промежуточные станции, с которых они могли удобно грабить побережья Шотландии. Постоянно получая подкрепления из Норвегии, они в девятом и десятом веках продвинулись с Оркнейских островов, основали постоянные поселения в самой Шотландии и заняли не только Кейтнесс, но и значительную часть Сазерленда. Другая группа пиратов завладела Западными островами; и поскольку Скай отделен от материка только очень узким каналом, эти пираты легко переправились через него и обосновались в Западном Росссе.^[8] Из своих новых жилищ они вели непрерывную и разрушительную войну против каждого округа в пределах своей досягаемости; и, держа большую часть Шотландии в постоянной тревоге, они примерно на три столетия лишили возможности ее социального улучшения. Действительно, эта несчастная страна никогда не была свободна от опасностей норвежского вторжения, пока не потерпела неудачу в последнем крупном нападении в 1263 году, когда Хако покинул Норвегию с огромным вооружением, которое он дополнительно усилил за счет подкреплений с Оркнейских и Гебридских островов. Шотландия могла оказать лишь незначительное сопротивление. Хако со своими союзниками проплыл вдоль западного побережья до Мулла Кентир, опустошил страну огнем и мечом, взял Арран и Бьют, вошел в залив Ферт-оф-Клайд, внезапно напал на Лох-Ломонд, уничтожил всю собственность на его берегах и островах, разорил все графство Стерлинг и пригрозил обрушиться со всеми своими силами на Эйршир. К счастью, неблагоприятные погодные условия прервали эту великую экспедицию и рассеяли или уничтожили весь флот.^[9] После его разгона ход дел в Норвегии не позволил возобновить

попытку; и опасность с этой стороны миновала, можно было надеяться, что Шотландия теперь будет наслаждаться миром и у нее будет досуг для освоения природных ресурсов, которыми она обладала, особенно в южных и более благоприятных районах.

Этому, однако, не суждено было сбыться. Ибо едва закончились атаки из Норвегии, как начались атаки из Англии. В начале XIII века демаркационные линии, отделявшие норманнов от саксов, в нашей стране настолько стерлись, что во многих случаях их было невозможно различить.^[10] К середине того же столетия две расы слились в одну могущественную нацию; и, поскольку у этой нации был сравнительно слабый сосед, было ясно, что более сильные люди попытаются угнетать более слабых.^[11] В невежественный и варварский век военный успех предпочтительнее всех других видов славы; и англичане, жадные до завоеваний, обратили свой взор на Шотландию, куда они были уверены вторгнуться при первой возможности. То, что Шотландия была рядом, делало ее заманчивой; то, что она считалась беззащитной, делало искушение непреодолимым. В 1290 году Эдуард I. решил воспользоваться неразберихой, в которую была повергнута Шотландия из-за споров о наследовании короны. О последовавших за этим интригах нет необходимости рассказывать; достаточно сказать, что в 1296 году меч был обнажен, и Эдуард вторгся в страну, которую он давно желал завоевать. Но он мало задумывался о миллионах сокровищ и сотнях тысяч жизней, которые предстояло растратить, прежде чем эта война закончится.^[12] Последовавшее за этим сражение было беспрецедентно долгим и суровым; и в его печальном ходе шотландцам, несмотря на их героическое сопротивление и победы, которые они время от времени одерживали, приходилось терпеть все зло, которое могло быть причинено их гордым и наглым соседом. Заветной целью англичан было подчинить шотландцев; и если что-то и могло усугубить позор столь низкого предприятия, так это то, что, предприняв его, они позорно потерпели неудачу.^[13] Страдания, однако, были неисчислимы и усугублялись тем важным фактом, что именно самая плодородная часть Шотландии была наиболее подвержена английским опустошениям. Это, как мы сейчас увидим, произвело некоторые весьма любопытные результаты на национальный характер; и по этой причине я, не вдаваясь во многие подробности, приведу краткий обзор более непосредственных последствий этой длительной и кровопролитной борьбы.

В 1296 году англичане вошли в Бервик, самый богатый город Шотландии, и не только уничтожили все имущество, но и перебили почти всех жителей.^[14] Они затем двинулись маршем на Абердин и Элджин; и так полностью опустошили страну, что шотландцам, бежавшим в горы и лишившимся всего, не осталось ничего другого, как вести из своих родных крепостей войну, подобную той, которую их дикие предки двенадцатью веками ранее вели против римлян.^[15] В 1298 году англичане снова ворвались в город, сожгли Перт и Сент-Эндрюс и разорили всю территорию к югу и западу.^[16] В 1310 году они вторглись в Шотландию восточным маршем и, унося остатки провизии, вызвали такую ужасную нехватку, что люди были вынуждены питаться лошадьми и другой падалью.^[17] По всей южной Шотландии, как на востоке, так и на западе, жители теперь были доведены до ужасных условий, будучи по большей части бездомными и умиравшими от голода. В 1314 году, доведенные до отчаяния своим государством, они на мгновение сплотились и в битве при Бэннокберне одержали славную победу над своими угнетателями. Но их безжалостный враг был рядом и давил на них так сильно, что в 1322 году Брюс, чтобы отразить английское вторжение, был вынужден опустошить все районы к югу от залива Ферт-оф-Форт; люди, как и прежде, укрывались в горах.^[18] Таким образом, на этот раз, когда Эдуард II достиг Эдинбурга, он ничего не разграбил, потому что страна была пустынной, грабить было нечего; но по возвращении он сделал все, что мог, и,

встретив несколько монастырей, которые были единственными признаками жизни, которые он встретил, он напал на них, ограбил монастыри Мелроуз и Холируд, сжег аббатство Драйбург и убил тех монахов, которые из-за возраста или болезни не смогли сбежать.[19] В 1336 году следующий король, Эдуард III, снарядил многочисленную армию, опустошил Низменности, и большую часть Нагорья, и уничтожил все, что смог найти, вплоть до Инвернесса.[20] В 1346 году англичане захватили районы Твиддейл, Мерс, Эттрик, Аннандейл и Галлоуэй;[21] а в 1355 году Эдуард, совершив еще более варварский набег, сжег каждую церковь, каждую деревню и каждый город, к которым приближался.[22] И едва эти ужасные потери были хоть немного восполнены, как на преданную землю обрушился новый шторм. В 1385 году Ричард II прошел через южные графства до Абердина, сея разрушения со всех сторон и превращая в пепел города Эдинбург, Данфермлин, Перт и Данди.[23]

Из-за этих бедствий земледелие повсюду было прервано, а во многих местах прекратилось на несколько поколений.[24] Рабочие либо бежали, либо были убиты; и поскольку некому было возделывать землю, некоторые из самых красивых частей Шотландии были превращены в дикую местность, заросшую шиповником и зарослями. В промежутках между вторжениями несколько жителей, набравшись храбрости, спустились с гор и построили жалкие хижины на месте своих прежних жилищ. Но даже тогда волки преследовали их до самых дверей в поисках пищи и сходили с ума от голода. Если бы они сбежали от этих голодных и свирепых животных, они и их семьи подверглись бы еще более ужасной опасности. Ибо в те ужасные дни, когда повсюду свирепствовал голод, отчаяние извращало души людей и толкало их на новые преступления. В стране водились каннибалы; и мы знаем из источников того времени, что мужчина и его жена, которые в конце концов предстали перед судом, в течение значительного периода питались телами детей, которых они ловили живыми в ловушки, пожирая их плоть и выпивая их кровь.[25]

Так прошел четырнадцатый век. В пятнадцатом веке опустошения англичан стали сравнительно редкими; и хотя границы были ареной постоянных военных действий,[26] с 1400 года нет ни одного случая, когда кто-либо из наших королей вторгнулся в Шотландию.[27] Когда этим кровавым экспедициям, превратившим страну в пустыню, был положен конец, Шотландия перевела дух и начала восстанавливать свои силы.[28] Но, хотя материальные потери были постепенно восполнены; хотя поля были снова обработаны, а города отстроены заново, были и другие последствия, которые было не так легко исправить, и от последствий которых люди долго страдали. Это была чрезмерная власть знати и отсутствие муниципального духа. Сила знати и слабость горожан являются наиболее важными особенностями Шотландии в пятнадцатом и шестнадцатом веках; и они, как я собираюсь показать, были непосредственно поощрены опустошениями, совершенными английскими войсками. Более того, мы увидим, что это сочетание событий повысило авторитет духовенства, ослабило влияние интеллектуальных классов и сделало суеверия более распространенными, чем это было бы в противном случае. Именно таким образом, в Шотландии, как и во всех других странах, все взаимосвязано; нет ничего случайного; и весь ход событий управляется общими причинами, которые из-за их обширности и отдаленности часто ускользают от внимания, но которые, будучи однажды осознаны, оказываются отмеченными простотой и единообразием, которые являются неизменными характеристиками высших истин, которых достиг человеческий разум.

Первым обстоятельством, благоприятствовавшим авторитету знати, было устройство страны. Горы, болота, озера и трясины, доступ к которым даже благодаря современному искусству стал

возможен лишь недавно, служили великим шотландским вождям убежищем, в котором они могли безнаказанно бросать вызов власти короны.[29] Бедность почвы также затрудняла армиям поиск средств к существованию; и только по этой причине королевские войска часто не могли преследовать беззаконных и непокорных баронов.[30] В четырнадцатом веке Шотландия постоянно подвергалась опустошениям со стороны англичан; и в промежутках между их отсутствием, для любого короля было бы безнадежным предприятием пытаться подавить таких могущественных подданных, поскольку ему пришлось бы маршировать через районы, настолько опустошенные врагом, что в них больше не было предметов первой необходимости. Кроме того, война с англичанами ослабила авторитет короны, как абсолютно, так и относительно. Его владения, лежащие на юге, постоянно опустошались жителями границ и к середине четырнадцатого века сильно обесценились.[31] В 1346 году, Давид II. попал в руки англичан, и во время своего одиннадцатилетнего плена дворяне превзошли все ожидания и повлияли, как говорит историк, на стиль и титул принцев.[32] Чем дольше продолжалась война с Англией, тем сильнее ощущались эти последствия; так что к концу четырнадцатого века несколько ведущих шотландских семейств достигли такого превосходства, что стало очевидно: либо между ними и короной должна начаться смертельная борьба, либо исполнительному правительству придется отказаться от своих важнейших функций и оставить Шотландию. страна стала добычей этих своевольных и свирепых вождей.[33]

В период этого кризиса естественными союзниками трона были бы граждане и свободные горожане, которые в большинстве европейских стран были пылкими и решительными противниками знати, чьи распущенные привычки препятствовали не только их торговле и производству, но и их личной свободе. Однако и здесь длительная война с Англией была выгодна шотландской аристократии. Ибо, поскольку захватчики опустошали южные районы Шотландии, которые к тому же были единственными сносно плодородными районами, было невозможно, чтобы города процветали в тех местах, которые предназначила для них природа. Там не было больших городов, не было убежища для горожан, и не могло быть муниципального духа. Поскольку муниципальный дух отсутствовал, корона была лишена того великого ресурса, который позволял английским королям ограничивать власть знати и наказывать беззаконие, которое долгое время препятствовало прогрессу общества.

В средние века шотландские города были настолько незначительны, что о них сохранилось лишь несколько упоминаний; современные авторы концентрируют свое внимание на действиях знати и духовенства. Что касается людей, нашедших приют в таких жалких городах, какие существовали тогда, то наши лучшие свидетельства весьма несовершенны; однако несомненно, что во время долгих английских войн жители обычно бежали при приближении захватчиков, а жалкие лачуги, в которых они жили, были сожжены дотла.[34] Следовательно, население приобрело непостоянный и бродячий характер, что препятствовало формированию оседлых производственных привычек и, таким образом, лишило людей одной из причин собираться вместе. В большей степени это относилось к Южным низменностям; для севера существовали и другие бедствия, не менее угрожающие. Свирепые горцы, жившие исключительно грабежом, были постоянно под рукой; и к ним нередко добавлялись разбойники с Западных островов. Любая вещь, несущая в себе хотя бы подобие богатства, вызвала непреодолимое возбуждение у их алчности. Они не могли знать, что у человека есть собственность, без страстного желания украсть ее; и, после воровства, их величайшим удовольствием было разрушать.[35] Абердин и Инвернесс были особенно подвержены их нападениям; и дважды в течение пятнадцатого века Инвернесс был полностью охвачен

пожарами, к тому же иногда приходилось платить большой выкуп, чтобы спастись от подобной участи.[36]

Такая незащищенность[37] как на севере, так и на юге, сделала невозможной мирную промышленность в любой части Шотландии. Нигде нельзя было построить город, не подвергаясь опасности немедленного разрушения. Следствием этого было то, что в течение многих столетий не существовало мануфактур; торговля практически не велась; и почти весь бизнес велся по бартеру.[38] Некоторые из самых распространенных искусств были неизвестны. Шотландцы не смогли изготовить даже оружие, которым они сражались. Среди такого воинственного народа это было бы очень прибыльным занятием; но они были настолько невежественны в этом, что в начале пятнадцатого века большая часть доспехов, которые они носили, была изготовлена за границей, так же как и их копья и даже луки и стрелы; а наконечники этого оружия были полностью импортированы из Фландрии.[39] Действительно, фламандские ремесленники снабжали шотландцев обычными сельскохозяйственными орудиями, такими как тележные колеса и тачанки, которые примерно в 1475 году регулярно поставлялись из Нидерландов.[40] Что касается искусств, которые указывают на определенную степень утонченности, о них тогда и много позже не могло быть и речи.[41] До семнадцатого века в Шотландии не производили стекло,[42] там также не производили мыло.[43] Даже высший класс граждан считал бы окна абсурдными в своих убогих жилищах;[44] и поскольку они были такими же грязными на лицах, как и в своих домах, то спрос на мыло был слишком мал, чтобы побудить кого-либо заняться его производством.[45] Другие отрасли промышленности были столь же отсталыми. В 1620 году искусство дубления кожи было впервые введено в Шотландии;[46] и утверждается, по-видимому, из надежных источников, что там не делали бумагу примерно до середины восемнадцатого века.[47]

Посреди такого всеобщего застоя самые цветущие города были, как легко можно предположить, очень малонаселенными. Действительно, людям было так мало чем заняться, что если бы они собрались в большом количестве, то, должно быть, умерли бы с голоду. Глазго - один из старейших городов Шотландии, и говорят, что он был основан примерно в шестом веке.[48] Во всяком случае, в двенадцатом веке это было, по меркам того времени, богатое и процветающее место, пользовавшееся привилегией проведения как рынка, так и ярмарки.[49] У него также была муниципальная организация, и им управляли его собственные проректоры и балыи.[50] Тем не менее, даже в этом знаменитом городе не было никакой торговли до пятнадцатого века, когда жители начали обрабатывать лосося и экспортировать его.[51] Это была единственная отрасль промышленности, с которой был знаком Глазго. Поэтому нам не нужно удивляться, услышав, что еще в середине пятнадцатого века все население не превышало полутора тысяч человек, богатство которых состояло из небольшого количества крупного рогатого скота и нескольких акров плохо обработанной земли.[52]

Другие города, хотя и носили знаменитые названия, в еще более поздний период были столь же отсталыми. Данфермлин связан со многими историческими воспоминаниями; это была любимая резиденция шотландских королей, и здесь проходило множество шотландских парламентов.[53] Предполагается, что такие события придают различие; но иллюзия исчезает, когда мы более детально исследуем состояние места, где они произошли. Несмотря на помпезность принцев и законодателей, Данфермлин, который в конце четырнадцатого века

все еще был бедной деревней, состоящей из деревянных хижин,[54] к началу семнадцатого века развивался так медленно, что его все население, включая жалкие пригороды, не превышало тысячи человек.[55] Для шотландского городка это было значительное число. Примерно в то же время Гринок, как нас уверяют, был деревней, состоящей из одного ряда коттеджей, арендуемых бедными рыбаками.[56] Килмарнок, который сейчас является крупным промышленным центром и источником богатства, в 1668 году насчитывал от пятисот до шестисот жителей.[57] И, если спуститься еще ниже, даже сам Пейсли в 1700 году обладал населением, которое, по самым высоким оценкам, не достигало трех тысяч.[58]

Абердин, столица севера, считался одним из самых влиятельных шотландских городов, и в средние века ему немало завидовали из-за его могущества и важности. Однако они, как и все другие слова, относительны и в разные периоды означают разные вещи. Конечно, мы не будем сильно поражены величиной этого города, когда узнаем из расчетов, сделанных на основе его таблиц смертности, что еще в 1572 году он мог похвастаться всего лишь двумя тысячами девятьюстами жителями.[59] Такой факт развеет многие мечты о старых шотландских городах, особенно если вспомнить, что это относится к дате, когда средневековая анархия уходила в прошлое, а Абердин в течение некоторого времени улучшался. Этот город — если столь жалкое собрание людей заслуживает того, чтобы называться городом, — был, тем не менее, одним из самых густонаселенных мест в Шотландии. С тринадцатого века до конца шестнадцатого нигде больше не собиралось столько шотландцев, кроме как в Перте, Эдинбурге и, возможно, в Сент-Эндрюсе.[60] Что касается Сент-Эндрюса, я не смог получить никакой точной информации;[61] но о Перте и Эдинбурге некоторые подробности сохранены. Перт долгое время был столицей Шотландии, и после потери этого превосходства он все еще считался вторым городом королевства.[62] Считалось, что его богатство поражает воображение, и каждый добропорядочный шотландец гордился им как одним из главных украшений своей страны.[63] Но, согласно оценке, недавно сделанной значительным авторитетом в этих вопросах, все его население в 1585 году составляло менее девяти тысяч человек.[64] Это удивит многих читателей; хотя, учитывая состояние общества в то время, настоящее чудо заключается не в том, что их было так мало, а в том, что их было так много. Ибо в самом Эдинбурге, несмотря на чиновников и многочисленных прихлебателей, которых всегда привлекает присутствие двора, в конце четырнадцатого века проживало не более шестнадцати тысяч человек.[65] Об их общем состоянии нам оставил некоторый отчет современный наблюдатель. Фруассар, посетивший Шотландию и записавший то, что он видел, а также то, что слышал, рисует плачевную картину положения дел. Дома в Эдинбурге были простыми хижинами, крытыми ветками, и были так плохо сколочены, что, когда один из них был разрушен, на его восстановление ушло всего три дня. Что касается людей, населявших эти жалкие лачуги, Фруассар, который ни в коей мере не был склонен к преувеличениям, уверяет нас, что французы, если бы они их не видели, не могли бы поверить, что такая нужда существует, и что теперь они впервые поняли, что такое бедность на самом деле.[66]

После этого периода, без сомнения, произошло значительное улучшение; но оно было очень медленным, и даже в конце XVI века квалифицированный труд был почти не известен, а честный труд повсеместно презирился.[67] Поэтому неудивительно, что граждане, бедные, несчастные и невежественные, часто покупают защиту какого-нибудь могущественного дворянина, уступая ему ту малую независимость, которую они могли бы сохранить.[68] Немногие шотландские

города отваживались избирать своего главного судью из числа своих соплеменников; но обычным делом было выбрать соседнего пэра в качестве провоста или бейли.[69] Действительно, часто случалось, что его должность становилась наследственной и рассматривалась как неотъемлемое право какой-нибудь аристократической семьи.[70] Главе этой семьи все уступило место. Его авторитет был настолько неоспорим, что оскорбление, нанесенное даже одному из его слуг, вызывало негодование, как если бы оно было нанесено ему самому.[71] Горожане, которых направляли в парламент, полностью зависели от дворянина, правившего городом. Вплоть до совершенно нового времени в Шотландии не было настоящего народного представительства. Так называемые представители были обязаны голосовать так, как им было приказано; фактически они были делегатами аристократии; и поскольку у них не было собственной палаты, они заседали и совещались среди своих могущественных хозяев, которые открыто запугивали их.[72]

При таких обстоятельствах короне было бы напрасно ожидать помощи от группы людей, которые сами по себе не имели никакого влияния и чьи скудные привилегии существовали только благодаря терпению. Но был еще один класс, который был чрезвычайно могуществен и к которому шотландские короли, естественно, обратились. Этим классом было духовенство; и заинтересованность обеих партий в ослаблении знати вызвала коалицию между церковью и тронном против аристократии. В течение длительного периода, и действительно, до второй половины шестнадцатого века, короли почти неизменно благоволили духовенству и всячески увеличивали его привилегии. Реформация расторгла этот союз и дала начало новым комбинациям, на которые я сейчас укажу. Но пока союз продолжался, он приносил большую пользу духовенству, придавая их притязаниям законную санкцию и выставляя их сторонниками порядка и регулярного правительства. Результат, однако, ясно доказал, что дворяне были более чем равны противостоящей им конфедерации. Действительно, глядя на их огромную власть, остается только удивляться, что духовенство могло так долго продолжать борьбу, поскольку фактически они не были свергнуты до 1560 года. То, что борьба оказалась такой упорной и затянулась на столь значительный период, - это то, чего, на поверхностный взгляд, никто не мог ожидать. Причину этого я сейчас попытаюсь объяснить; и я надеюсь, мне удастся доказать, что в Шотландии существовал длинный ряд общих причин, которые обеспечили духовным классам огромное влияние и которые позволили им не только вести борьбу с самой могущественной аристократией в Европе, но и подняться после того, что казалось им окончательным поражением, свежими и энергичными, как всегда, и в конечном итоге пользоваться в качестве протестантских проповедников авторитетом, ничуть не уступающим тому, которым они обладали в качестве католических священников.

Из всех протестантских стран Шотландия, безусловно, является той, где течение самого длительного периода положение дел было наиболее благоприятным для интересов суеверий. О том, как поощрялись эти интересы в семнадцатом и восемнадцатом веках, я расскажу позже. В настоящее время я намереваюсь исследовать причины их раннего роста и показать, каким образом они были не только связаны с Реформацией, но и придали этому великому событию некоторые особенности, которые чрезвычайно примечательны и диаметрально противоположны тому, что произошло в Англии.

Если читатель будет помнить о том, что я уже говорил в другом месте,[73] он вспомнит, что двумя основными источниками суеверий являются невежество и опасность; невежество не дает людям знать о естественных причинах, а опасность заставляет их обращаться к сверхъестественным причинам. Или, выражая то же самое утверждение другими словами, чувство почитания, которое в одном из своих аспектов принимает форму суеверия, является продуктом удивления и страха;[74] и очевидно, что удивление связано с невежеством, а страх - с опасностью.[75] Следовательно, все, что в какой-либо стране увеличивает общее количество изумления, или все, что в какой-либо стране увеличивает общее количество опасностей, имеет прямую тенденцию к увеличению общего количества суеверий и, следовательно, к укреплению рук духовенства.

Применив эти принципы к Шотландии, мы сможем объяснить несколько фактов из истории этой страны. Во-первых, особенности его пейзажа резко контрастируют с пейзажами Англии и, с гораздо большей вероятностью, среди невежественных людей наводят на мысль об эффективных и постоянных суевериях. Бури и туманы, потемневшее небо, часто вспыхивающее молниями, раскаты грома, отражающиеся от горы к горе и отдающиеся эхом со всех сторон, опасные ураганы, порывы ветра, захлестывающие бесчисленные озера, которыми усеяна страна, бурные потоки, затопляющие путь путешественника и останавливающие его продвижение, странным образом отличаются от тех более безопасных и умеренных явлений, среди которых английский народ достиг своего процветания и построил свои могущественные города. Даже вера в колдовство, одно из самых черных суеверий, когда-либо искажавших человеческий разум, была затронута этими особенностями; и было хорошо замечено, что, хотя, согласно староанглийскому вероучению, ведьма была жалкой и дряхлой ведьмой, скорее рабыней, чем повелительницей демонов, которые преследовали ее, в Шотландии она возвысилась до достоинства могущественной колдуньи, которая овладела злым духом и, заставив его исполнять ее волю, посеяла среди людей гораздо более глубокий и длительный ужас.[76]

К подобным результатам привели непрекращающиеся и кровопролитные войны, которым подвергалась Шотландия, и особенно жестокие опустошения англичан в четырнадцатом веке. Какая бы религия ни была восходящей, влияние ее служителей неизменно усиливается длительной и опасной войной, неопределенность которой смущает умы людей и побуждает их, когда природные ресурсы на исходе, обращаться за помощью к сверхъестественному. В таких случаях значение духовенства возрастает; церкви более чем обычно заполнены; и священник, выдвигающий себя в качестве выразителя воли Божьей, использует язык авторитета и либо утешает людей в связи с их потерями во имя праведного дела, либо объясняет им, что эти потери посланы как наказание за их грехи и как предупреждение о том, что они не были достаточно внимательны к своим религиозным обязанностям; другими словами, что они пренебрегли обрядами, в исполнении которых сам священник имеет личный интерес.

Поэтому неудивительно, что в четырнадцатом веке, когда страдания Шотландии были в самом разгаре, духовенство процветало больше, чем когда-либо; так что по мере того, как страна беднела, духовные классы становились богаче пропорционально остальной нации. Даже в пятнадцатом и первой половине шестнадцатого века, когда промышленность начала несколько продвигаться вперед, мы уверены, что, несмотря на улучшение положения мирян, все их

богатство, вместе взятое, включая имущество всех рангов, едва ли соответствовало богатству Церкви.[77] Если бы иерархия была такой алчной и такой успешной в период сравнительной безопасности, было бы трудно переоценить огромный урожай, который они, должно быть, собрали в те ранние дни, когда опасность была гораздо более неминуемой, вряд ли кто-нибудь умер, не оставив им чего-нибудь; все стремились засвидетельствовать свое уважение к тем, кто знал больше, чем их собратья, и чьи молитвы могли либо предотвратить нынешнее зло, либо , или обеспечить будущее счастье.[78]

Другим следствием этих затяжных войн было то, что более чем обычная часть населения приняла церковную профессию, потому что только в ней был некоторый шанс на безопасность: и монастыри, в частности, были переполнены людьми, которые надеялись, хотя часто и тщетно, спастись от сожжений и резни, которым подвергалась Шотландия. Когда страна в пятнадцатом веке начала оправляться от последствий этих разрушений, отсутствие мануфактур и торговли сделало Церковь лучшим путем к богатству;[79] так что в нее входили мирные люди в целях безопасности и честлюбивые люди как самое верное средство достижения отличия.

Таким образом, недостаток больших городов и той формы промышленности, которая им принадлежит, сделал духовные классы более многочисленными, чем они были бы в противном случае; и что очень заметно, так это то, что это не только увеличило их число, но и усилило склонность людей повиноваться им. Земледельцы от природы и в силу самих обстоятельств своей повседневной жизни более суеверны, чем промышленники, потому что события, с которыми они имеют дело, более таинственны, то есть их труднее обобщить и предсказать.[80] Следовательно, в целом жители сельскохозяйственных районов с большим уважением относятся к учению своего духовенства, чем жители производственных районов. Таким образом, рост городов был главной причиной упадка церковной власти; и тот факт, что до восемнадцатого века в Шотландии не было ничего, достойного называться городом, является одним из многих обстоятельств, объясняющих распространенность шотландских суеверий и чрезмерное влияние шотландского духовенства.

К этому мы должны добавить еще одно важное соображение. Отчасти из-за структуры страны, отчасти из-за слабости короны, а отчасти из-за необходимости постоянно быть с оружием в руках для отражения иностранных захватчиков поощрялись хищнические привычки, присущие раннему состоянию общества, и, следовательно, правление невежества продлилось. Мало что изучалось, и ничего не было известно. До пятнадцатого века в Шотландии даже не было университета, первый из которых был основан в Сент-Эндрюсе в 1412 году.[81] Дворяне, когда они не воевали с врагом, занимались тем, что перерезали друг другу глотки и крали друг у друга скот.[82] Их невежество было таково, что даже в конце четырнадцатого века, как говорят, не было случая, чтобы шотландский барон мог подписать свое имя.[83] И поскольку ничего, приближающегося к среднему классу, еще не было сформировано, мы можем из этого получить некоторое представление об объеме знаний, которыми обладают люди в целом.[84] Их умы, должно быть, были погружены во тьму, которую мы сейчас едва можем себе представить. Поскольку они не занимались никакими ремеслами или искусствами, требующими умения или ловкости, им нечем было упражнять свой интеллект. Следовательно, они оставались настолько глупыми и жестокими, что умный наблюдатель, посетивший Шотландию в 1360 году, сравнивает их с дикарями, настолько сильно он был поражен их варварством и антиобщественными манерами.[85] Другой писатель начала пятнадцатого века использует то же выражение; и,

сравнивая их с животными, за которыми они ухаживали, он заявляет, что в Шотландии больше дикарей, чем крупного рогатого скота.[86]

Благодаря такому стечению обстоятельств и соединению невежества с опасностью духовенство в пятнадцатом веке приобрело в Шотландии большее влияние, чем в какой-либо другой европейской стране, за исключением одной Испании. И поскольку могущество знати возрастало столь же стремительно, было естественно, что корона, полностью затмеваемая крупными баронами, обратилась за помощью к Церкви. В течение пятнадцатого века и части шестнадцатого этот союз строго соблюдался;[87] а политическая история Шотландии - это история борьбы королей и духовенства против огромной власти знати. Это состязание, длившееся около ста шестидесяти лет, завершилось в 1560 году триумфом аристократии и ниспровержением Церкви. Однако только что описанное обстоятельство с такой силой укоренило суеверие в характере шотландцев, что духовные классы быстро сплотились и под своим новым именем протестантов стали такими же грозными, как и под своим старым именем католиков. Через сорок три года после начала Реформации в Шотландии Яков VI вззошел на английский престол и смог направить силы юга страны против непокорных баронов севера. С этого момента шотландская аристократия начала приходить в упадок; и когда равновесие по отношению к духовенству было устранено, Церковь стала настолько могущественной, что в течение семнадцатого и восемнадцатого веков она была самым действенным препятствием на пути прогресса Шотландии; и даже сейчас она обладает властью, которая непостижима для тех, кто внимательно не изучил всю цепочку ее предшественников. Подробное описание длительного хода событий, приведшего к этому печальному результату, было бы несовместимо с целью Введения, единственной целью которого является установление широких и обобщающих принципов. Но, чтобы ясно донести этот вопрос до сознания читателя, необходимо, чтобы я вкратце описал отношение, которое дворяне питали к духовенству в пятнадцатом и шестнадцатом веках, и то, каким образом их относительное положение и их непримиримая ненависть друг к другу привели к Реформации. Таким образом, мы поймем, что великое протестантское движение, которое в других странах было демократическим, в Шотландии было аристократическим. Мы также увидим, что в Шотландии Реформация, не будучи делом рук народа, никогда не производила тех последствий, которых от нее можно было ожидать и которые она произвела в Англии. Действительно, слишком очевидно, что, в то время как в Англии протестантизм уменьшил суеверия, ослабил духовенство, усилил веротерпимость и, одним словом, обеспечил торжество светских интересов над церковными, его результат в Шотландии был совершенно иным; и что в этой стране Церковь, изменив свою форму, но не изменив своего духа, не только сохранила свои древние притязания, но, к несчастью, сохранила свою древнюю власть; и что, хотя эта власть сейчас иссякает, шотландские проповедники все еще проявляют, когда бы они ни были. они осмеливаются, дерзкий и властный дух, который показывает, сколько реальной слабости еще таится в нации, где такие экстравагантные заявления не сразу заглушаются громкими и всеобщими насмешками.

Сноски:

[1] Один из их собственных историков самодовольно замечает: 'Но шотландцы редко отличались лояльностью'. *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 199, изд. 1819. См. Также

стр. 366. С той же целью Броуди (*История Британской империи*, Эдинбург, 1822, том i, стр. 388): 'Недостаточное уважение к королевской семье бросается в глаза на каждой странице шотландской истории'. Или, как выразился Уилкс в Палате общин, "Шотландия действительно кажется естественным фоном восстания, как Египет - чумы'. *История парламента*, том xix, стр. 810, Лондон, 1814; и Ниммо (*История Стерлингшира*, Эдинбург, 1777, стр. 219): "Никогда ни одна раса монархов не была более несчастной, чем шотландская. Их правление, как правило, было бурным и катастрофическим, а их собственный конец часто был трагичным".

[2] Действительно, хорошо известный шотландец семнадцатого века презрительно говорит об англичанах: 'таково подобострастие и почти суеверная преданность этой нации своему принцу'. *Письма Бейли*, том i, стр. 204, правка. Лэйнг, Эдинбург, 1841. Это, однако, было написано в 1639 году, с тех пор мы успешно смыли этот упрек. С другой стороны, английский писатель семнадцатого века с негодованием, хотя и с явным преувеличением, приписывает шотландцам, что "сорок их королей были варварски убиты ими; и еще половина стольких же либо покончили с собой, опасаясь их пыток, либо умерли ужасной смертью в строгом заключении'. *Отчет о Шотландии в 1670 году, в Сборнике Харлея*, том vi. стр. 140, изд. Парк, 4то, 1810 год. Сравните два любопытных отрывка из книги Шилдса "*Hind let loose*", 1687, стр. 8, 9, 15.

[3] В Англии путешествовать было достаточно тяжело; в Шотландии все было намного хуже. Морер, описывая то, что он видел в 1689 году, говорит: 'Дилижансов у них нет; но в Эдинбурге есть несколько наемных экипажей, которые они могут нанять для поездки за город в экстренных случаях. Правда в том, что дороги вряд ли обеспечат им такие удобства, и именно по этой причине их дворяне, мужчины и женщины, предпочитают пользоваться своими лошадьми.' *Отчет Морера о Шотландии*, Лондон, 1702, стр. 24.

Что касается северных частей, то у нас есть следующий отчет, написанный в Инвернесе между 1726 и 1730 годами. 'Высокогорье мало знакомо даже жителям низменностей Шотландии, ибо они всегда страшились трудностей и опасностей путешествия среди гор; и когда какое-нибудь чрезвычайное обстоятельство вынуждало кого-либо из них к такому путешествию, он, вообще говоря, составлял свое завещание перед отправлением, как если бы он отправлялся в долгое и опасное морское путешествие, откуда было очень сомнительно, вернется ли он когда-нибудь". *Письма джентльмена с Севера Шотландии*, редактировать. Лондон, 1815, том i, стр. 4. Между 1720 и 1730 годами через некоторые районы Горной Шотландии были проложены военные дороги, но они были "проложены практичным солдатом и предназначались для военных целей, едва ли имея в виду цели, ради которых свободные и мирные граждане открывают систему внутреннего транзита", *История Шотландии Бертона*, том ii, стр. 255. См. также "*Каледония*" Чалмерса, том ii. стр. 36. Это подтверждается тем фактом, что даже между Инвернессом и Эдинбургом 'до 1755 года почту перевозили мужчины пешком'. Отчет об Инвернесс-шире в книге М.^к Каллоха "*Британская империя*", Лондон, 1847, т. i., стр. 299; к этому я могу добавить, что в Эссе Андерсона о высокогорье, Эдинбург, 1827, стр. 119, 120 утверждается, что 'Почтовая карета была впервые замечена в самом Инвернесе в 1760 году и долгое время была единственной четырехколесной повозкой в округе'. Что касается сообщений в стране о Перте, см. "*Традиции Перта*" Пенни, стр. 131, 132, Перт, 1836; а что касается сообщений от Абердина до Инвернесса и от Абердина до Эдинбурга, см. "*Анналы Абердина*" Кеннеди, том ii. стр. 269, 270, Лондон, 4то, 1818.

История улучшения дорог во второй половине восемнадцатого века так и не была написана; но она имеет огромное значение как с точки зрения интеллектуальных результатов, способствующих национальному слиянию, так и с точки зрения экономических результатов, способствующих развитию торговли. Некоторое представление о необычайной энергии, проявленной Шотландией в этом вопросе, можно составить, сравнив следующие отрывки: *"Каледония" Чалмерса*, том ii. стр. 494, 865, 939, том iii. стр. 599, 799; *"История графства Ренфрю" Кроуферда*, часть ii. стр. 128, 160; *"История Дамбартоншира" Ирвинга*, стр. 245, 246; *"Статистический отчет Шотландии" Синклера*, том i. стр. 109, 210, 367, 430, 496; т. ii. с. 498; т. iii. с. 331, 352, 353; т. iv. с. 313; т. v. стр. 128, 234, 235, 315, 364, 365; т. vi. стр. 107, 154, 180, 458; т. vii. стр. 135, 251, 275, 299, 417; вып. viii. с. 81, 243, 344, 345, 541; т. ix. с. 414, 530; т. x. с. 221, 237, 238, 466, 618; т. xi. с. 127, 380, 418, 432, 522, 541; т. xii. с. 59; т. xiii. стр. 42, 141, 488, 542, 663; т. xiv. стр. 217, 227, 413, 443, 466, 506; т. xv. стр. 54, 88, 276; т. xvi. стр. 120; вып. xvii. с. 5, 267, 297, 377, 533; т. xviii. с. 309; т. xx. с. 156.

[4] Я использую слово "Высокогорье" в обычном, хотя и неправильном смысле, включающем всю Шотландию от Пентленд-Ферт до начала гор, в нескольких милях к северу от Глазго, Стерлинга, Перта и Данди. Все подобные различия неизбежно несколько расплывчаты, потому что границы природы никогда не бывают четко обозначены. Сравните книгу Маки *"Шотландия"*, стр. 124, Лондон, 1732, с *"Путеводителем по высокогорью" Андерсона*, Эдинбург, 1847, стр. 17, 18.

[5] Браун (*История нагорья*, том i, стр. 33) говорит, что "он пересек всю Северную Британию, от стены Антонина до самой оконечности острова". То же самое говорится в книге Пеннанта *"Шотландия"*, том i, стр. 90. Ни один из этих авторов не ссылается на свои источники по этому поводу; но они, вероятно, опирались на отрывок из книги Бьюкенена *"Повторная шотландская история"*, библиотека iv, стр. 94. "Neque tamen desideratis quinquaginta millibus (ut scribit Dion) prius ab incœpto destiterunt, quam ad finem insulæ penetrassent". Я полагаю, однако, что шотландские антиквары сейчас согласны с тем, что это неправильно, поскольку Чалмерс был одним из первых, кто это понял. См. его *"Каледония"*, том i, стр. 187; очень ценная и ученая, но, к сожалению, плохо оформленная книга, написанная в стиле, который абсолютно огорчает. См. также *"Историю Дамбартоншира" Ирвинга*, 4то, 1860, стр. 14.

[6] История Шотландии в этот период находится в большом замешательстве и, возможно, никогда не будет восстановлена. Что касается утверждений, сделанных в тексте, я в основном использовал следующие авторитетные источники: *"Scotichronicon" Фордана*, том i; *"Rerum Scoticarum Historia" Бьюкенена*, lib. v., стр. 121-132, и начало шестой книги. Также различные части *Беды*; *Исследование Пинкертона о ранней истории Шотландии*; *"Каледония" Чалмерса*; первый том *"Истории высокогорья" Брауна*; и, прежде всего, острая и ученая работа мистера Скина о горцах. В последней по названию книге западная граница пиктов прослежена с большой изобретательностью, хотя, возможно, и с некоторой неопределенностью. *"Шотландские горцы" Скена*, том i, стр. 26-33, Лондон, 1837.

[7] Здесь, опять же, у нас возникают сомнения; неясно, когда название Scotia впервые было применено к Шотландии. Таким образом, дата, которую я привел, предназначена лишь для приблизительного определения истины. Чтобы прийти к нему, я сравнил следующие разные и часто противоречащие друг другу отрывки: *"Каледония" Чалмерса*, том i, стр. 339. *"История горной Шотландии" Брауна*, том i, стр. 34. *Исследование Пинкертона о ранней истории*

Шотландии, том i, стр. 253, 254, том ii, стр. 151, 228, 237, 240. "*История Шотландской церкви*" Споттисвуда, править. Russell, 1851, том i, стр. 16, примечание, где, однако, к авторитету Пинкертон апеллируют в связи с утверждением, которого он не делал. *Горцы Скена*, том i. стр. 45, 61, 244. *Эссе о высокогорье, получившее премию Андерсона*, стр. 34.

[8] *Исследование Пинкертон о ранней истории Шотландии*, том i. стр. 136, 317, том ii. стр. 179, 298. "*Горцы Скена*", том i. стр. 90, 91, 94, 106, 114, 258, 259. *Каледония Чалмерса*, том i. стр. 340-347.

[9] "*История Шотландии*" Тайтлера, том i. стр. 38-54. Отчет в *Шотландской хронике Холлинсхеда*, том i, стр. 399-403, слишком много приписывает доблести шотландцев и слишком мало - элементам, которые рассеяли флот. Сравните "*Историю Дамбартоншира*" Ирвинга, второе издание, 4то, 1860, стр. 48, 49.

[10] *История цивилизации Бакла*, том ii. стр. 116, 117.

[11] В "*Истории Шотландии*" Тайтлера, том i, стр. 18, "начало правления" Александра III. указывается как период, в который 'были сделаны первые шаги к великому плану по захвату Шотландии англичанами'. Alexander III. взошел на трон в 1249 году. Раньше это чувство было совсем другим. Таким образом, в конце XII века "две нации, согласно Фордану, казались одним народом; англичане путешествовали в свое удовольствие по всем уголкам Шотландии (?); и шотландцы таким же образом путешествовали по Англии". "*Пограничная история Ридпата*", стр. 76. Сравните "*Анналы Шотландии*" Далримпла, том i, стр. 158. В то время Англия, будучи слабой, была настроена миролюбиво.

[12] Старый шотландский писатель говорит, с некоторым преувеличением, 'О 1296 году, когда закончилась тайм, самая кровавая и продолжительная война, которая когда-либо велась между двумя нациями, и продолжалась двести с половиной лет, приведя к гибели многих благородных семей, с убийством миллиона человек'. "*Воспоминания Сомервилля о семействе Сомервилл*", том i, стр. 61.

[13] Смотрите несколько справедливых и едких замечаний в "*Истории дома Дугласов*" Юма, том i, стр. 85.

[14] С благодарностью MCCXCVI. tertio kalendas Aprilis, villa et castro de Berevvico, per magnificum regem Angliæ Eadvardum captis, omnes ibidem inuentos Angli gladio occiderunt, paucis exceptis, qui ipsam villam postmodum abiurarūt. 'Flores Historiarum per Matthæum Westmonasteriensem collecti, Lond. 1570, folio, lib. ii. p. 403. 'Atque modo prædicto villâ captâ, civibus prostratis, rex Angliæ prædictus nulli ætati parcens aut sexui, duobus diebus rivulis de cruore occisorum fluentibus, septem millia et quingentas animas promiscui sexûs iusserat, in sua tyrannide desæviens, trucidari.' *Fordun's Scotichronicon*, curâ Goodall, Edinb. 1775, folio, vol. ii. pp. 159, 160. 'Secutus Rex cum peditum copiis miserabilem omnis generis cædem edit.' *Buchanan's Rerum Scoticarum Historia*, Abredoniæ, 1762, lib. viii. c. 200. 'Они не оставили в живых ни одного существа шотландской крови во всем этом городе. *Шотландская хроника Холлинсхеда*, Арброт, 1805, 4то, том i, стр. 418. В 1286 году, то есть всего десятью годами ранее, 'Ни одна другая часть Шотландии по торговому значению и близко не могла сравниться с Бервиком'. "*Анналы торговли Макферсона*", Лондон, 4то, 1805, том i, стр. 446. Таковы были жестокие преступления наших жалких и невежественных предков.

[15] 'Шотландцы собирались в отряды и роты и уходили в леса, горы и болота, в которых их отцы защищались от римлян, готовясь к всеобщему восстанию против английской власти'. *"История Шотландии Скотта"*, Лондон, 1830, том i, стр. 70. Элджин, по-видимому, был самой северной точкой этой экспедиции. См. *Историю Шотландии Тайтлера*, том i, стр. 119, и *Каледонию Чалмерса*, том i, стр. 657. Общие результаты суммированы Бьюкененом: 'Мы должны бороться за то, чтобы сельскохозяйственная культура последовательно привилась в наших семьях и прославила чуму, несмотря на то, что время продолжается'. *Rerum Scoticarum Historia*, lib. viii. c. 203.

[16] 'Затем армия продвинулась в Шотландию умеренными маршами, опустошая и разрушая все на своем пути'. ... 'Отряд армии Эдуарда, отправленный на север, опустошил страну и сжег Перт и Сент-Эндрюс'. *Пограничная история Ридпата*, стр. 146, 147.

[17] "Король вступил в Шотландию восточным маршем с огромной армией". ... 'В этом году в Шотландии был такой ужасный дефицит провизии, вызванный опустошением войны, что многие были вынуждены питаться мясом лошадей и другой падалью'. Там же. стр. 164, 165. См. также *Scotichronicon* Фордана, том ii. Стр. 242, 243. 'Quo anno, propter guerrarum discrimina, tanta erat panis inopia et victualium caristia in Scotia, quòd in plerisque locis, compellente famis necessitate, multi carnibus equorum et aliorum pecorum immundorum vescebantur.'

[18] Брюс тщательно расчистил границы от мусора до Ферт-оф-Форт, переселив жителей в горы со всеми их сколько-нибудь ценными пожитками. Когда английская армия вошла, они обнаружили землю запустения, которую, казалось, охранял голод". *"История Шотландии" Скотта*, том i, стр. 145. См. также книгу Бьюкенена *"История шотландии"*, библиотека. viii. c. 218.

[19] 'Eadwardus, rex Angliæ, intravit Scotiam cum magno exercitu equitum et peditum, ac navium multitudine copiosa, duodecimo die mensis Augusti, et usque villam de Edinburgh pervenit.' ... 'Spoliatis tamen tunc in reditu Anglorum et prædatis monasteriis Sanctæ Crucis de Edinburgh et de Melros, atque ad magnam desolationem perductis. In ipso namque monasterio de Melros dominus Willelmus de Peblis, ejusdem monasterii Prior, unus etiam monachus tunc infirmus, et duo conversi cæci effecti, in dormitorio eorundem ab eisdem Anglis sunt interfecti, et plures monachi lethaliter vulnerati. Corpus Dominicum super magnum altare fuit projectum, ablatâ pixide argenteâ in quâ erat repositum. Monasterium de Driburgh igne penitùs consumptum est et in pulverem redactum. Ac *alia loca quamplurima* per prædicti regis violentiam ignis flamma consumpsit: quod, Deo retribuente, eisdem in prosperum non cessit.' *Fordun's Scotichronicon*, vol. ii. p. 278. 'In redeundo sacra juxta ac prophana spoliata. Monasteria Driburgum et Mulrossia etiam cæsis monachis infirmioribus, qui vel defectu virium, vel senectutis fiducia soli remanserant, incensa,' *Buchanan's Rerum Scoticarum Historia*, lib. viii. c. 219.

[20] *"Скотихроникон" Фордана*, том ii. стр. 322, 323. *"Анналы Дэлримпла"*, том ii. стр. 232, 447. *История Шотландии Скотта*, том i. стр. 187, 188.

[21] *История Шотландии Тайтлера*, том i, стр. 451.

[22] *"Анналы Далримпла"*, том ii. стр. 288. *Шотландский хроник Фордана*, том ii. стр. 352-354.

[23] 'Rex Angliæ, Richardus secundus ægrè ferens Scotos et Francos tam atrociter terram suam deprædare, et municipia sua assilire et ad terram prosternere, exercitum collegit grandem, et intravit

Scotiam, ætate tunc novemdecim annorum, in multitudine superba progrediens, omnia circumquaque perdens, et nihil salvans; templa Dei et sanctuaria religiosorum monasteria viz. Driburgh, Melros et Newbottel, ac nobilem villam de Edinburgh, cum ecclesia Sancti Ægidii ejusdem, voraci flammâ incineravit; et, destructione permaximâ factâ per eum in Laudonia, ad propria sine damno repatriavit' *Fordun's Scotichronicon*, vol. ii. p. 401. 'En ce séjour que le roi Richard fit en Haindebourch les Anglois coururent tout le pays d'environ et y firent moult de desrois; mais nullui n'y trouvèrent; car tout avoient retraits ens ès forts, et ens ès grands bois, et là chassé tout leur bétail.' ... 'Et ardirent les Anglois la ville de Saint-Jean-Ston en Ecosse, où la rivière du Tay cuert, et y a un bon port pour aller partout le monde; et puis la ville de Dondie; et n'épargnoient abbayes ni moûtiers; tout mettoient les Anglois en feu et en flambe; et coururent jusques à Abredane les coureurs et l'avant-garde.' *Les Chroniques de Froissart*, edit. Бюшон, том ii. стр. 334, 335, Париж, 1835. Смотрите также, об этой бандитской экспедиции, "*Каледония*" *Чалмерса*, том ii. стр. 592, 593, и "*Повторная шотландская история*" *Бьюкенена*, библиотека ix. стр. 253: "Никто не сумасшедший, никто не святой, никто не профанный, никто не человек, не воинственный образ жизни".

[24] "Сельское хозяйство было разрушено; и были утрачены самые необходимые для жизни предметы, когда у главных лордов едва хватало постели, чтобы полежать". "*Каледония*" *Чалмерса*, том ii. стр. 142. Смотрите также, на стр. 867 того же тома этого ученого труда, несколько любопытных выдержек из шотландских хартий и других источников, иллюстрирующих ужасное состояние страны. А о трудностях добывания пищи сравните "*Скотихронион*" *Фордана*, том ii, стр. 242, 324; "*Анналы Дэлримпла*", том i, стр. 307, том ii, стр. 238, 330; и "*История Шотландии*" *Тайтлера*, том ii, стр. 94.,.,

[25] Упоминания о шотландских каннибалах можно найти в "*Хрониках Шотландии*" *Линдси Питскотти*, изд. 1814, т. i, стр. 163; и в "*Шотландской хронике*" *Холлинсхеда*, 4то, 1805, т. ii, стр. 16, 99. В "*Scotichronicon*" *Фордана*, том ii, стр. 331, приводится следующий ужасный отчет: он относится к окрестностям Перта в 1339 году: 'Тота илла патрия временно обходила стороною в тантум фуит вастата, где не осталось квази обитаемого дома, где жили ферэ и черви потомков монтани около деревни сепиус венабантур. Tanta tunc temporis facta est caristia, et victualium inopia, ut passim plebicula deficeret, et tanquam oves herbas depascentes, in foveis mortua reperirentur. Prope illinc in abditis latitabat quidam robustus rusticus, Crysticleik nomine, cum viragine sua, qui mulierculis et pueris ac juvenibus insidiabantur, et, tanquam lupi eos strangulantes, de ipsorum carnibus victitabant.'

[26] Даже когда две нации жили в мире, пограничники находились в состоянии войны. См. "*Пограничную историю*" *Ридпата*, стр. 240, 308, 394; а для получения других свидетельств этой хронической анархии сравните "*Шотландскую хронику*" *Холлинсхеда*, том ii, стр. 30. "*Историю Шотландии*" *Лесли*, стр. 40, 52, 67. "*Государственные документы Сэдлера*", том i, стр. 300, 301, 444, 449. *Государственные документы правления Генриха VIII.*, 4то, 1836, т. iv. стр. 366, 370, 569, 570, т. v. стр. 17, 18, 161. *История Иакова Шестого*, стр. 21, 91, 146.

[27] В 1400 году Генрих IV совершил 'последнее вторжение английского монарха в Шотландию'. *История Шотландии Тайтлера*, том ii. стр. 406. Однако говорят, что только во времена правления Елизаветы английский монарх 'проводил политику отказа от любых притязаний на суверенитет над Шотландией'. "*Каледония Чалмерса*", том i, стр. 650.

[28] Но очень медленно. Пинкертон (*История Шотландии*, том i, стр. 166, 167) говорит: 'Частые войны между Шотландией и Англией после смерти Александра III привели к тому, что бывшая страна потеряла более столетия в развитии цивилизации. В то время как в Англии шотландским вторжениям подверглись только северные провинции, Шотландия пострадала в своих наиболее цивилизованных департаментах. Очевидно, что в царствование Александра III в королевстве было больше полезных искусств и мануфактур, чем во времена Роберта III'.

[29] Благодаря этому их замки были по своему положению самыми сильными в Европе; за исключением только Германии. Об их местонахождении, которое во многих случаях делало их почти неприступными, см. *"Каледония" Чалмерса*, том ii. стр. 122, 406, 407, 918, 919, т. iii. стр. 268, 269, 356-359, 864; *Шотландия Пеннанта*, т. i. стр. 175, 177; *Шотландия Синклера*, т. iii. стр. 169, т. vii. стр. 510, т. xi. стр. 102, 212, 407, 408, т. xii. стр. 25, 58, об. xiii. с. 598, т. xv. с. 187, т. xvi. с. 554, вып. xviii. стр. 579, том xix. стр. 474, том xx. стр. 56, 312; *Шотландия Маки*, стр. 183, 297; и несколько хороших замечаний в *"Истории Стерлингшира" Ниммо*, стр. 56. Ни Англия, ни Франция, ни Италия, ни Испания не давали таких огромных естественных преимуществ своей аристократии.

[30] 'Удалившись в свой собственный замок, мятежный барон мог бросить вызов власти своего суверена, поскольку вести армию через бесплодную страну в места, труднодоступные для одинокого человека, было практически невозможно'. *История Шотландии*, книга i, стр. 59, в *Работах Робертсона*, редактировать. Лондон, 1831 год. Несмотря на огромный материал, который был обнаружен со времен Робертсона, его *История Шотландии* по-прежнему ценна; потому что он обладал хваткой ума, которая позволила ему охватить общие взгляды, ускользающие от обычных составителей, какими бы трудолюбивыми они ни были.

[31] "Наследие короны было серьезно разрушено в период неразберихи, последовавшей за битвой при Дареме", *"История Шотландии Тайтлера"*, том ii. стр. 86.

[32] "Во время долгого плена Давида" дворяне были совершенно неподчиняющимися и "влияти на стиль и титул принцев", *"История Шотландии Тайтлера"*, том ii. стр. 85. Смотрите также о состоянии баронов при Давиде II., *"Горцы Скена"*, том ii. стр. 63-67.

[33] В 1299 году 'превосходный барон был во всех отношениях королем в миниатюре'. *История Шотландии Тайтлера*, том ii. стр. 150. В 1377 году 'власть баронов решительно возростала со времен Роберта Первого', стр. 332. А к 1398 году она поднялась еще выше, стр. 392.

[34] Об этом сожжении шотландских городов, которое, по-видимому, было неизменной практикой наших гуманных предков, см. *"Каледония Чалмерса"*, т. ii. стр. 592, 593; *"Анналы Абердина" Кеннеди*, т. i. стр. 18, 27, 375, т. ii. стр. 304; *"История Мерсера" из Данфермлина*, стр. 55, 66; *"Шотландия" Синклера*, т. v., стр. 485, т. x., стр. 584, т. xix, стр. 161; *"Пограничная история Ридпата"*, стр. 147, 221, 265.

[35] Любопытное описание их дано в шотландском статуте 1597 года. "Они любят, когда таир барбарус бесчеловечен, и представляют, что маки, саиды, хилиландис и Илес клк, являются самыми скромными в этом мире, они также будут плодородием земли, как и ричи фишингис, который в целом приносит пользу себе и всем своим близким, находящимся в этом мире; Они ни в коем случае не вмешиваются в их жизнь, они честны". общество также считает, что оно никогда не признает, что его население имеет право на движение в пределах своих границ, в том числе в городах таир и гуджарат; для напоминания о куэйрофе и о том, что население

саидов хиландии и Островов может быть лучше сведено к более благочестивому, честному и цивилизованному образу жизни, это закон и предписание"и т.д. *Акты парламентов Шотландии*, том iv. стр. 138, изд. фолио, 1816 год.

Эти небольшие особенности горцев сохранялись в полной силе примерно до середины восемнадцатого века, как будет показано в ходе этой истории. Но, не предвосхищая того, что будет рассказано в следующей главе, я просто отсылаю читателя к двум интересным отрывкам из "*Шотландии*" Пеннанта, т. i., стр. 154, и из "*Шотландии*" Херона, т. i., стр. 218, 219; оба они иллюстрируют положение вещей незадолго до 1745 года.

[36] Инвернесс был сожжен в 1429 году. "*История Западного нагорья*" Грегори, стр. 36; и снова в 1455 году, "*Повторная шотландская история*" Бьюкенена, lib. xi. стр. 322. 'Большая часть' его также была сожжена в 1411 году. См. "*Андерсон в горах*", Эдинбург, 1827, стр. 82.

"Абердин", будучи богаче, был более заманчивым, но в то же время был более способен защитить себя. Тем не менее, записи о бурге содержат любопытные свидетельства постоянного страха, в котором жили горожане, и о мерах предосторожности, которые они принимали, чтобы отразить нападения, иногда англичан, а иногда кланов. См. *Реестр совета Абердина* (опубликовано Клубом Сполдинга, Абердин, 1844-1848, 4то), том i. стр. 8, 19, 60, 83, 197, 219, 232, 268, том ii. стр. 82. Последняя запись, датированная 31 июля 1593 г., упоминает "ирландцев дезордурита и лоулза в Бирссе, Глентаннер, и их окрестностях, не только в безжалостном убийстве мужчин и детенышей, но и в массовом и жестоком ограблении и истреблении всего скотомогильного, гиди и гейр пары грит из числа обитателей границы, расстреле грита хайрципа". в то же время, будучи обязанным защищать этот город в течение xx миллионов лет, дейзит и орданит за сохранение этого города и населяющих его жителей, после тиранического вторжения горцев саидов, куха не имеет уважения ни к Богу, ни к человеку; что все жители этого города, фенсиболл олицетворяет также веру в себя как в бога, салбе в красоте, мы будем вооружены для защиты этого города, таир авин ливис, гудис и гейр, а также сопротивление и подавление упомянутых хеландских мужчин, при случае предлагаемое салбе, во все времена и гурии, какие потребует салбе и взимает плата.

Даже в 1668 году мы находим жалобы на то, что горцы насильно увозили женщин из Абердина или из его окрестностей. *Отчеты Абердинского синода*, стр. 290. Другие свидетельства их нападений в шестнадцатом и семнадцатом веках можно увидеть в "*Анналах Абердина*" Кеннеди, т. i., стр. 133; "*Истории смут*" Сполдинга, т. i., стр. 25, 217; *Выдержки из книги пресвитерии Стратбоги*, стр. 62, 73.

[37] Даже Перт перестал быть столицей Шотландии, потому что 'его близость к Высокогорью' делала пребывание там суверена опасным. *Книга Лоусона о Перте*, стр. xxxi.

[38] О распространенности бартера и нехватке денег в Шотландии см. В *Сборнике Клуба Сполдинга*, том iv. стр. lvii.–lx., Абердин, 1849, 4то. В 1492 году казначейство Абердина было вынуждено занять 4л. 16шилл. Шотландцы. "*Анналы Абердина*" Кеннеди, том i, стр. 61. Сравните "*Статистический отчет Шотландии*" Синклера, том x, стр. 542. Файнс Морисон, побывавший в Шотландии в конце шестнадцатого века, говорит: "Джентльмены исчисляют свои доходы не денежной рентой, а запасами провизии". "*Маршрут Морисона*", часть iii. стр. 155, Лондон, фолио, 1617; редкая и чрезвычайно любопытная книга, которую следовало бы переиздать. Через сто лет после того, как Морисон написал, было замечено, что "в Англии

арендная плата выплачивается деньгами; в Шотландии она, вообще говоря, выплачивается натурой, или продовольствием, как они это называют". *"История союза" Де Фо*, стр. 130.

[39] В правление Якова I. (1424-1436) "Похоже, что доспехи, нет, копья, луки и стрелы были в основном импортированы". ... "В частности, наконечники стрел и копий, по-видимому, были полностью импортированы из Фландрии", *"История Шотландии" Пинкертон*, том i. стр. 163. Из книги Раймера мы узнаем, что в 1368 году двум шотландцам довелось драться на дуэли, и они получили свои доспехи из Лондона. *"Анналы торговли Макферсона"*, том i, стр. 575.

[40] Из Библии английской политики, предположительно написанной в царствование Эдуарда IV, мы узнаем, что "шотландский импорт из Фландрии состоял из изделий ручной работы, но больше из галантереи, тележных колес и тачанок", *"История Шотландии" Пинкертон*, том i, стр. 408. В книге Мерсера *"История Данфермлина"*, стр. 61, говорится, что в пятнадцатом веке 'Даже в лучших частях Шотландии жители не могли производить самые необходимые предметы. Фландрия в те времена была большим рынком сбыта, и главным образом из Брюгге шотландцы импортировали даже подковы, сбрую, седла, уздечки, колеса для телег и тачки, не считая всех своих изделий из кожи и галантереи'.

[41] Абердин долгое время был одним из самых богатых и, в некоторых отношениях, самым передовым из всех шотландских городов. Но из муниципальных реестров Абердина следует, что "в начале шестнадцатого века в городе не было механика, способного выполнить обычный ремонт часов", *"Анналы Абердина" Кеннеди*, том i. стр. 99. О шотландских часах середины шестнадцатого века сравните *"Интересную жизнь Кардана" мистера Морли*, Лондон, 1854, том ii, стр. 128. Кардан был в Шотландии в 1552 году.

[42] Около 1619 года сэр Джордж Хэй "основал в деревне Уэмисс, в Файфе, небольшую стекольную мастерскую, которая, как известно, была первой среди существовавших у нас". *"Анналы Чемберса"*, том i, стр. 506. См. также стр. 428.

[43] 'До этого мыло ввозилось в Шотландию из-за рубежа, главным образом из Фландрии'. Там же., том i, стр. 507, под 1619 годом, где упоминается мануфактура, основанная в Лейте. "Раскопки Лейта" упоминаются в 1650 году в *"Анналах Бальфура"*, т. iv, стр. 68.

[44] Рэй, посетивший Шотландию в 1661 году, говорит: "В лучших шотландских домах, даже королевских дворцах, окна застеклены не повсюду, а только в верхней части; в нижней есть две деревянные задвижки, которые можно открывать по желанию и впускать свежий воздух". ... "Обычные загородные дома представляют собой жалкие хижины, построенные из камня и покрытые дерном, в них всего одна комната, во многих из них нет дымоходов, в окнах очень маленькие отверстия, и они не застеклены." *Маршруты Рэя*, стр. 153, под редакцией доктора Ланкестера, Лондон, 1846. 'Примерно в 1752 году стеклянные окна начали появляться в маленьких фермерских домиках'. *История Глазго Брауна*, том ii. стр. 265, Эдинбург, 1797.

[45] В 1650 году о шотландцах было сказано, что 'многие их женщины настолько распутны, что стирают свое белье не чаще одного раза в месяц, а руки и лица - не чаще одного раза в год'. *Мемориалы Уайтлока*, стр. 468, Лондон, 1732, фолио. Шесть или семь лет спустя путешественник по Шотландии сказал: 'белье, которым они нас снабжали, если бы не хвастовство, мало или вообще ничем не отличалось от тех женщин, которые никогда не умывались, чтобы сохранить свой христианский облик'. *Северные мемуары Франка*, редактировать. Эдинбург, 1821, стр. 94. Знаменитый шотландец замечает в 1698 году нечистые

привычки своих соотечественников, но приводит им комичную причину, поскольку, по его словам, они были в значительной степени вызваны положением столицы. 'Как благополучное положение Лондона было главной причиной славы и богатства Англии, так и плохое положение Эдинбурга стало одним из ярких проявлений бедности и нечистоплотности, в которых живет большая часть народа Шотландии'. *Второе рассуждение о делах Шотландии*, в "Политических произведениях Флетчера из Салтуна", стр. 119, Глазго, 1749. Другой шотландец в своих воспоминаниях о начале восемнадцатого века говорит, что 'столовое и нательное белье меняли редко'. *Мемуары сэра Арчибальда Гранта из Монимаска*, в сборнике *Сполдинг-клуба*, том ii. стр. 100, Абердин, 1842, 4-е издание. Наконец, у нас есть положительное доказательство того, что в некоторых частях Шотландии даже в конце восемнадцатого века люди использовали вместо мыла заменитель, слишком отвратительный, чтобы упоминать о нем. Смотрите отчет, переданный преподобным Уильямом Лесли сэру Джону Синклеру в "*Статистическом отчете Шотландии*" Синклера, том ix. стр. 177, Эдинбург, 1793.

[46] *Анналы Чамберса*, том i, стр. 512.

[47] Бумажная фабрика была основана недалеко от Эдинбурга в 1675 году; но 'есть основания заключить, что эта бумажная фабрика не была продолжена, и что производство бумаги не было успешно внедрено в Шотландии до середины следующего столетия'. *Анналы Чамберса*, том ii. стр. 399. Я встречался с таким количеством доказательств высокой точности этой ценной работы, что мне не хотелось бы подвергать сомнению любое утверждение, сделанное мистером Чамберсом, когда, как в данном случае, я могу доверять только своей памяти. Но я думаю, что видел свидетельства успешного производства бумаги в Шотландии в конце семнадцатого века, хотя я не могу вспомнить отрывки. Однако Арно в своей *Истории Эдинбурга*, стр. 599, изд. 4то, говорит: 'Около сорока лет назад в Шотландии начали производить печатную или писчую бумагу. До этого бумаги импортировались из Голландии или привозились из Англии', поскольку работа Арно была напечатана в 1788 году, это совпадает с заявлением мистера Чамберса. Я могу добавить, что в конце восемнадцатого века недалеко от Перта было 'две бумажные фабрики'. "*Путешествие Герона по Шотландии*", том i., стр. 117, Перт, 1799; и что в 1751 и 1763 годах к северу от Форта были построены две первые бумажные фабрики. *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том ix. стр. 593, том xvi. стр. 373. Сравните *Письма Леттис из Шотландии в 1792 г.*, стр. 420.

[48] 'Этот город был основан примерно в шестом веке'. *История Глазго Мура*, изд. 1830, стр. 120. Сравните "*Историю Глазго*" Денхолма, стр. 2, Глазго, 1804.

[49] В 1172 году Глазго был предоставлен рынок, а в 1190 году - ярмарка. Смотрите уставы в Приложении к "*Истории Глазго*" Гибсона, стр. 299, 302, Глазго, 1777.

[50] "При продаже земли, совершенной Робертом де Мифингби мистеру Реджинальду де Иревайну в 1268 году н.э., очевидно, что городом тогда управляли проректоры, олдермены или старосты и балы, которые, по-видимому, были независимы от епископа и имели общую печать, отличную от той, которая использовалась от имени епископа и капитула.' *История Глазго Гибсона*, стр. 72.

[51] 'Некий мистер Уильям Элфинстон упоминается как первый организатор торговли в Глазго еще в 1420 году; торговля, которую он продвигал, была, по всей вероятности,

консервированием и экспортом лосося'. *История Глазго Гибсона*, стр. 203. См. также *"Историю Глазго" Мура*, стр. 93.

[52] Гибсон (*История Глазго*, стр. 74), со всем желанием оптимистично взглянуть на раннее состояние своего собственного города, говорит, что в 1450 году жителей "могло, возможно, насчитываться до полутора тысяч;" и что "их богатство состояло из нескольких плохо возделываемых нор и небольшого количества крупного рогатого скота, которые питались за счет их общего достояния.

[53] 'Данфермлин оставался любимой королевской резиденцией до тех пор, пока существовала шотландская династия. Здесь родился Карл I. Как и его сестра Елизавета, впоследствии королева Богемии, от которой происходит ее нынешнее величество; и Карл II. посетили эту древнюю резиденцию королевской семьи в 1650 году. В нем часто заседал шотландский парламент". *Географический словарь Мак-Каллоха*, Лондон, 1849, том i, стр. 723. Сравните *"Историю Данфермлина" Мерсера*, 1828, стр. 56, 58 и *"Историю Данфермлина" Чалмерса*, 1844, стр. 264.

[54] В 1385 году это была 'всего лишь жалкая деревянная деревня, принадлежащая монастырю'. *История Данфермлина Мерсера*, стр. 62.

[55] См. 'Ms. "Анналы", в *"Истории Данфермлина" Чалмерса*, стр. 327. В 1624 году мы узнаем из *"Анналов Бальфура"*, изд. 1825, т. ii. стр. 99, что "корпус кухолл в тауне, который состоял из 120 многоквартирных домов и 287 семей, подвергся нападению и был уничтожен".

[56] 'Гринок, который сейчас является одним из крупнейших судоходных городов Шотландии, в конце шестнадцатого века был захудалой рыбацкой деревушкой, состоящей из одного ряда крытых соломой коттеджей, в которых жили бедные рыбаки'. *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 806, 4то, 1824.

[57] В мае 1668 года был сожжен Килмарнок; и 'это событие заслуживает внимания главным образом как свидетельство малости Килмарнока в те дни, когда в стране еще не существовало такого понятия, как обрабатывающая промышленность. Сто двадцать семей говорят о населении численностью от пятисот до шестисот человек.' *"Анналы Чемберса"*, Эдинбург, 1858, том ii. стр. 320. В 1658 году очевидец описал их дома как 'немногим лучше хижин.' *Северные мемуары Франка*, переиздано в Эдинбурге, 1821, стр. 101.

[58] "От двух до трех тысяч душ", *"История Глазго" Денхолма*, стр. 542, изд. Глазго, 1804 год.

[59] В 1572 году реестры Абердина показывают, что за год произошло семьдесят две смерти. Годовая смертность в 1 к 40 была бы очень благоприятной оценкой; на самом деле, даже слишком благоприятной, учитывая привычки людей в то время. Однако, предположив, что это 1 к 40, население составило бы 2880 человек; и если, в чем я не сомневаюсь, смертность была больше, чем 1 к 40, население, конечно, должно было быть меньше. Кеннеди в своей ценной, но очень некритичной работе высказывает предположение, что 'ежегодно умирала одна пятидесятая часть жителей', хотя несомненно, что в Европе не было города, в котором царили бы такие здоровые условия. Согласно этой гипотезе, которая опровергается всеми дошедшими до нас статистическими данными, это число было бы $72 \times 50 = 3600$. См. *"Анналы Абердина" Кеннеди*, том i, стр. 103, Лондон, 1818, 4 т.

[60] 'St. Эндрюс, Перт и Абердин, по-видимому, были тремя самыми густонаселенными городами до Реформации.' *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, 1836, стр. 26. То же утверждение содержится в *лайоновской истории Сент-Эндрюса*, 1843, том i, стр. 2. Но ни один из этих авторов, по-видимому, не проводил много исследований на эту тему, иначе они не предположили бы, что Абердин больше Эдинбурга.

[61] Я внимательно прочитал две истории Сент-Эндрюса, написанные доктором Гирсоном и мистером Лайоном, но не нашел в них ничего ценного, касающегося ранней истории этого города. Работа мистера Лайона, состоящая из двух толстых томов, необычайно поверхностна даже для местной истории, и это о многом говорит.

[62] 'Из тринадцати парламентов, состоявшихся в правление короля Якова I. одиннадцать были проведены в Перте, один в Стерлинге и один в Эдинбурге. Национальные соборы шотландского духовенства постоянно проводились там до 1459 года. Хотя Перт и утратил свое превосходство из-за выбора Эдинбурга в качестве столицы, он неизменно и постоянно сохранял второе место в ордене бергов, и его право на это неоднократно и торжественно признавалось.' *Традиции Пенни из Перта*, Перт, 1836, стр. 231. См. Также стр. 305. Однако из Фруассара следует, что Эдинбург считался столицей во второй половине четырнадцатого века.

[63] Я нахожу один пример, когда его хвалил человек, который не был шотландцем. Александр Нехэм обращает внимание на Перт в следующем отрывке, цитируемом в "Британии" Камдена:

Transis ample Tai, per rura, per oppida, per Perth:

Regnum sustentant illius urbis opes.

Так по-английски переведена книга Кэмдена епископом Гибсоном:

Великая Тэй, через Перт, через города, через сельскую местность летит:

Перт - все королевство с его богатствами".

Шотландия Синклера, том. xviii. с. 511.

[64] $1427 \times 6 = 8562$, вычисленное население в 1584 и 1585 годах, без учета чрезвычайной смертности, вызванной чумой. *"Анналы Шотландии" Чемберса*, 1858, том i, стр. 158.

[65] 'Население столицы в правление Роберта II едва превышало шестнадцать тысяч'. *История Шотландии Пинкертона*, том i, стр. 152.

[66] Когда французы прибыли в Эдинбург, шотландцы сказали: "Каков дьявол среди людей? Ne savons-nous pas bien faire notre guerre sans eux aux Anglois? Nous ne ferons jà bonne besogne tant comme ils soient avec nous. On leur dise que ils s'en revoient, et que nous sommes gens assez en Escosse pour parmaintenir notre guerre, et que point nous ne voulons leur compagnie. Ils ne nous entendent point, ni nous eux; nous ne savons parler ensemble; ils auront tantôt rifl   et mang   tout ce qui est en ce pays: ils nous feront plus de contraires, de d  pits, et de dommages, si nous les laissons convenir, que les Anglois ne feroient si ils s'  toient embattus entre nous sans ardoir. Et si les Anglois ardent nos maisons, que peut il chaloir? Nous les aurons tant  t refaites    bon march  , nous n'y mettons au refaire que trois jours, mais que nous ayons quatre ou six estaches et de la ram  e pour lier par dessus."'

‘Ainsi disoient les Escots en Escosse à la venue des seigneurs de France,’ ... ‘Et quand les Anglois y chevauchent ou que ils y vont, ainsi que ils y ont été plusieurs fois, il convient que leurs pourvéances, si ils veulent vivre, les suivent toujours au dos; car on ne trouve rien sur le pays: à grand'peine y recuevre-l'en du fer pour serrer les chevaux, ni du cuir pour faire harnois, selles ni brides. Les choses toutes faites leur viennent par mer de Flandre, et quand cela leur défaut, ils n'ont nulle chose. Quand ces barons et ces chevaliers de France qui avoient appris ces beaux hôtels à trouver, ces salles parées, ces chasteaux et ces bons mols lits pour reposer, se virent et trouvèrent en celle povreté, si commencèrent à rire et à dire: “En quel pays nous a ci amenés l'amiral? Nous ne sçumes oncques que ce fût de povreté ni de dureté fors maintenant.”’ *Les Chroniques de Froissart*, edit. Бюшон, Париж, 1835, том ii. стр. 314, 315. ‘Лачуги простых людей представляли собой небольшие сооружения из дерна или веток, которые, поскольку они часто опустошались в результате войн, были построены просто для временного жилья. Их города состояли в основном из деревянных коттеджей’ ... ‘Даже в 1600 году дома Эдинбурга были в основном построены из дерева’. *Каледония Чалмерса*, том i, стр. 802. В другом отчете, написанном в 1670 году, говорится: “Дома общинников очень убоги, глинобитные стены и соломенные крыши - самые лучшие; но бедняки живут в таких жалких хижинах, каких никогда не видел глаз”. ... “В некоторых частях, где много дерна, они строят из него маленькие капустные хижины с арочными крышами из дерна, без бревен; когда в доме становится достаточно сухо, чтобы гореть, он служит им топливом, и они перебираются в другой”. *Harleian Miscellany*, т. vi. стр. 139, 4 октября 1810 года.

[67] “Нашим производством занимались самые подлые люди, у которых были небольшие запасы и не было никакой репутации. По большей части это были рабочие для домашнего потребления, такие как каменщики, домашние плотники, оружейники, кузнецы, тейлоры, сапожники и тому подобное. Наших ткачей было мало, и они пользовались величайшим презрением, поскольку их занятия были более оседлыми, а сами они считались менее пригодными для войны, на которой все были вынуждены служить, когда нужда страны требовала их участия.” *Рассмотренные интересы Шотландии*, Эдинбург, 1733, стр. 82. Пинкертон (*История Шотландии*, том ii, стр. 392), ссылаясь на рукописи Слоуна, говорит: “Автор интересных мемуаров о состоянии Шотландии около 1590 года отмечает, что земледельцы были чем-то вроде рабов, только из года в год удерживавших свои земли; поскольку дворянство было слишком многочисленным для территории страны, возникло слишком большое неравенство в ранге и доходах; и не было среднего положения между гордым землевладельцем и и те, кому нечего было терять, были готовы к любым беспорядкам. Богатое войско йоменов, многочисленные торговцы и скупщики собственности, а также все конфессии среднего класса, столь важные в процветающем обществе, долгое время оставались только в Англии.” Тринадцать лет спустя нам сообщают, что мануфактуры Шотландии ‘ограничивались несколькими изделиями самой грубой природы, без которых беднейшие нации не в состоянии существовать’. *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 7, под 1603 годом.

[68] Так, например, ‘город Данбар естественным образом вырос под прикрытием одноименного замка’. ... ‘Данбар стал городом во владениях сменявших друг друга графов Данбара и Марча, испытывая их влияние, будь то несчастное или счастливое’. *Каледония Чалмерса*, том ii. стр. 416. ‘Но когда королевское правительство становилось на какое-то время слабым, эти города, не имея возможности защитить себя самостоятельно, находили прибежище у самого могущественного лорда по соседству. Таким образом, город Элджин считал необходимым в различные периоды между 1389 и 1452 годами принять множество охранных грамот и освобождений от налогов от графов Морей, которые держали его в некотором виде

вассалитета." *"Шотландия" Синклера*, том v. стр. 3. Сравните *"Историю Шотландии" Пинкертона*, том ii, стр. 396; и два письма, написанные в 1543 и 1544 годах магистратами Абердина графу Хантли и напечатанные в *Реестре совета Абердина*, том i. стр. 190, 201, Абердин, 1844, 4то. Они говорят ему: "Ты взял нашу группу под защиту ВСБ".

[69] *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 225. См. также стр. 131; и *"Историю Шотландии" Пинкертона*, том ii. стр. 179. Иногда дворяне не оставляли гражданам даже видимости свободных выборов, а боролись за них между собой. Пример подобного произошел в Перте в 1544 году, 'где спор о должности провоста решался с оружием в руках между лордом Рутвеном, с одной стороны, поддерживаемым многочисленной свитой его вассалов, и лордом Греем, с Норманом Лесли, магистром Ротса, и Чартерисом Кинфонсом, с другой'. *Тайтлер*, том iv. стр. 323.

[70] Иллюстрации этого обычая см. в *"Шотландской хронике" Холлинсхеда*, т. ii. стр. 230. *История Глазго Брауна*, том ii. стр. 154. *История Глазго Денхолма*, стр. 249. *История Данфермлина Мерсера*, стр. 83.

[71] 'Травма, нанесенная "мужчине" дворянина, вызвала такое же возмущение, как если бы он сам был пострадавшей стороной'. *Предисловие к Муниципальному реестру Абердина*, том i, стр. xii.

[72] Смотрите в *"Истории Англии" Маколея*, том i, стр. 93, 1-я правка, подробное описание Шотландии в 1639 году. 'Парламент северного королевства сильно отличался от того, что носил такое же название в Англии'. ... 'Три сословия заседали в одной палате. Уполномоченные бургов считались всего лишь слугами знати' и т. Д. Гораздо позже лорд Кокберн приводит ужасный отчет о положении вещей в Шотландии в 1794 году, когда Джеффри был вызван в коллегия адвокатов. "Тогда в этой стране не было народного представительства, не было эмансипированных бургов, не было эффективного соперника официальной церкви, не было независимой прессы, не было свободных публичных собраний и не было лучшего суда присяжных, даже по политическим делам (за исключением государственной измены), чем то, что соответствовало обстоятельствам, что присяжные не были отправлены в суд по какому-либо беспристрастному постановлению, и что в суде председательствующий назначал тех, кто должен был рассматривать дело. Шотландских представителей было всего сорок пять, из которых тридцать были избраны от графств и пятнадцать - от городов. Как по своей цене, так и по своей природе (будучи окутанным феодальными и техническими нелепостями), выборное право в графствах, где оно существовало единственное, было намного недоступно всему низшему слою населения, подавляющему большинству среднего и многим даже высшему званиям. Во всей Шотландии, вероятно, было не более 1500 или 2000 выборщиков графства; орган не слишком большой, чтобы его можно было удержать, включая хоуп, в руках правительства. Таким образом, возвращения хоть одного члена оппозиции никогда нельзя было ожидать.' ... 'Из пятнадцати городских депутатов Эдинбург вернул одного. Остальные четырнадцать были созданы группами из четырех или пяти несвязанных городов, избравших каждого по одному делегату, и эти четыре или пять делегатов избрали представителя. Какой бы ни была эта система изначально, по отношению к людям она превратилась в такое полное посмешище, как если бы она была изобретена для их деградации. Люди не имели к этому никакого отношения. Всем этим управляли городские советы, в состав которых никогда не входило более тридцати трех членов; и каждый городской совет был самовыбираемым и,

следовательно, отстаивал свои собственные интересы. Выборы городского или окружного депутата были настолько безразличны людям, что они часто узнавали об этом только по звону колокола или по упоминанию об этом на следующий день в газете; поскольку фарс обычно разыгрывался в помещении, из которого, при удобном случае, публика могла быть исключена, и никогда на открытом воздухе". *"Жизнь Джеффри Кокберна"*, Эдинбург, 1852, т. i, стр. 74-76. О состоянии представительства Шотландии между этим и законопроектом о реформе сравните *"Историю Дамбартоншира" Ирвинга*, 4то, 1860, стр. 275, 276, с *Мемуарами Мура*, отредактированными лордом Джоном Расселом, т. iv. стр. 268, т. vi. стр. 163, Лондон, 1853-4.

[73] *История цивилизации*, том i. стр. 125-129, 373-380.

[74] *История цивилизации*, том ii. стр. 171.

[75] Мы должны различать удивление и восхищение. Удивление - продукт невежества; восхищение - продукт знания. Невежество удивляется предполагаемым неправильностям природы; наука восхищается ее единообразием. Более ранние авторы редко обращали внимание на это различие, потому что их вводила в заблуждение этимология слова 'восхищение'. Римляне были очень поверхностными мыслителями во всех вопросах, кроме юриспруденции; и их неуклюжее употребление 'admirari' привело к ошибке, столь распространенной среди наших древних авторов, - "я восхищаюсь" вместо "я удивляюсь".

[76] 'Наша шотландская ведьма - гораздо более страшное существо, чем ее сверхъестественная напарница на южной стороне Твида. Иногда кажется, что она поднимается из надлежащей сферы ведьмы, которая всего лишь рабыня, в сферу колдуна, который является хозяином демона.' ... 'В народе, так далеко отставшем от своих соседей в организации домашнего хозяйства, бедном и выносливом, населяющем страну гор, бурных потоков и скал, где земледелие было скудным, привыкшем к мрачным туманам и диким бурям, каждое впечатление обязательно должно приобретать соответствующий характер. Суеверия, подобно грибкам и паразитам, существуют исключительно в том месте, где они появляются, и управляются его физическими проявлениями.' ... "И таким образом получается, что признаки колдовства в Шотландии так же отличаются от признаков суеверия, которое в Англии получило то же название, как Грампианские горы от Шутерс-Хилл или Кеннингтон-Коммон'. *Уголовные процессы Бертон в Шотландии*, том i. стр. 240-243. Это превосходно выражено и исчерпывает общий взгляд на предмет. Отношения между суеверием шотландцев и физические аспекты своей страны также затронуты, хотя и с гораздо уступают способностям, в *коричневой истории нагорья*, объем. я. стр. 106, а в *Синклер Шотландии*, том. Ив. стр. 560. У Юма в его *Комментариях к законам Шотландии*, том ii, стр. 556, есть интересный пассаж о высоких притязаниях шотландского колдовства, которое никогда не вырождалось, как в других странах, в простую попытку обмана, но всегда оставалось прочной и глубоко укоренившейся верой. Он говорит: 'Ибо среди множества судебных процессов по обвинению в колдовстве, которые заполняют летопись, я не заметил ни одного, в основе которого лежало бы представление о тщеславном или мошенническом искусстве, ложно используемом самозванцем для обмана слабых и легковверных'. Дополнительную информацию о шотландском колдовстве можно найти в *книге Маккензи "Уголовные законы Шотландии"*, Эдинбург, фолио, 1699, стр. 42-56; *Переписке миссис Грант из Лаггана*, Лондон, 1844, т. iii. стр. 186, 187; *"Жизни Белла" Саути*, Лондон, 1844, т. i, стр. 52; *"Переписке Вернона"*, отредактированной Джеймсом, Лондон, 1841, т. ii, стр. 301; *"Истории Королевского общества" Уэлда*, Лондон, 1848, т. i. с. 89; *Письма*

джентльмена с Севера Шотландии, изд. 1815, т. i. стр. 220, 221; *Сборник Споттисвуда*, т. ii. стр. 41, Эдинбург, 1845; *Лайоновская история Сент-Эндрюса*, Эдинбург, 1843, т. ii. стр. 56, 57. Вряд ли стоит ссылаться на работы Джеймса I и сэра Вальтера Скотта, поскольку они хорошо известны каждому, кто интересуется историей колдовства; но "*Уголовные процессы*" *Питкэрна*, хотя и менее читаемые, во всех отношениях более ценны из-за содержащихся в них материалов для изучения этого раздела шотландских суеверий..

[77] Пинкертон (*История Шотландии*, том i, стр. 414) говорит, что в правление Якова II и Якова III "богатство Церкви было, по крайней мере, эквивалентно богатству всех мирян". Смотрите также *Жизнь Споттисвуда*, стр. liii., в первом томе его *Истории Шотландской церкви*. "Многочисленные ухищрения, применявшиеся церковниками, как светскими, так и обычными, для обогащения нескольких Фондов, к которым они принадлежали, передали в их руки более половины территориальной собственности Шотландии или ее годового урожая".

Что касается первой половины шестнадцатого века, то высокий авторитет утверждает, что незадолго до Реформации 'полная половина богатства нации принадлежала духовенству'. "*Жизнь Нокса*" *Макри*, стр. 10. И другой автор говорит: "Если мы примем во внимание годовую стоимость всех этих аббатств и обителей в сочетании с епископствами, сразу станет ясно, что шотландская католическая иерархия была более щедро одарена, учитывая масштабы и ресурсы королевства, чем в любой другой стране Европы". *Лоусоновская Римско-католическая церковь в Шотландии*, стр. 22. Смотрите также, Что касается доходов шотландских епископов, которые, учитывая бедность страны, были поистине огромными, *Лайон История Сент-Эндрюса*, Эдинбург, 1843, том i. стр. 97, 125.

[78] 'Они могли использовать все мотивы страха и надежды, ужаса и утешения, которые наиболее сильно воздействуют на человеческий разум. Они преследовали слабых и легковверных; они осаждали постели больных и умирающих; они позволяли немногим уходить из мира, не оставив следов своей щедрости Церкви, и учили их примиряться со Всемогушим за свои грехи, даруя богатства тем, кто называл себя его слугами.' *История Шотландии*, книга ii. стр. 89, в *Трудах Робертсона*, Лондон, 1831. Интересно наблюдать за рвением, с которым духовенство одного вероисповедания разоблачает уловки священнослужителей другого вероисповедания. Сравнивая их различные утверждения, непрофессионалы получают представление обо всей схеме.

[79] Пинкертон отмечает под 1514 годом, что 'церковное достоинство представляло собой почти единственный путь к богатству'. *История Шотландии*, том ii. стр. 123.

[80] *История цивилизации Бакла*, том i. стр. 376-380.

[81] Арнот (*история Эдинбург*, стр. 386) говорит, что в Университете Сент-Эндрюс был основан в 1412; и то же самое говорится в *Кеннеди летописи Абердин*, объем. второй. стр. 83. Видно, в его *истории Сент-Эндрюс*, Капар, 1838, стр. 14, сказано, что в 1410 году в городе Сент-Эндрюс впервые увидел создание своего знаменитого университета, самый древний институт, как это происходит в Шотландии; но на стр. 144 той же работы, нам говорят, что устав, 'составляющих и объявив ее в университете, есть от в Сент-Эндрюсе, 27 февраля 1411'. См. также "*Лион*" *истории Сент-Эндрюс*, том. я. С. 203-206, объем. второй. стр. 223. Во всяком случае, "в начале пятнадцатого века в Шотландии не существовало университета; и молодежь, желавшая получить гуманитарное образование, была вынуждена искать его за

границей". *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том i, стр. 211. Хартия, дарованная Папой Римским, подтверждающая существование университета, достигла Шотландии в 1413 году. *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, Эдинбург, 1836, стр. 12.

[82] То были времена, когда, как деликатно выразился один шотландский юрист, 'воровство не было характерной привычкой низких и неимущих, но часто было обычным явлением для лиц высокого ранга и землевладения'. *Комментарии Юма к закону Шотландии*, 4то, 1797, том i, стр. 126. Обычной формой грабежа является кража крупного рогатого скота, для нее было придумано особое название; см. стр. 148, где мы узнаем, что это 'отличалось названием Hershип или Скотоводство, представляющее собой угон большого количества крупного рогатого скота или других животных умелой силой вооруженных людей".

[83] Тайтлер, который был большим патриотом и склонен преувеличивать достоинства всего, что было шотландским, тем не менее допускает это "с восшествия на престол Александра III. до смерти Давида II (то есть в 1370 году), я полагаю, было бы невозможно представить ни одного экземпляра шотландского барона, который мог бы подписаться своим именем". *История Шотландии Тайтлера*, том ii. стр. 239, 240. В начале шестнадцатого века я случайно нахожу упоминание о том, что "Дэвид Стрейтон, кадет дома Лорестонов"... "не умел читать". *Собрания Водроу*, том i, стр. 5, 6. Знаменитый вождь Вальтер Скотт из Хардена женился в 1567 году, и 'его брачный контракт подписан нотариусом, потому что ни одна из сторон не могла написать свои имена'. *"Анналы Чемберса"*, том i, стр. 46. Кроуферд (*"История Ренфру"*, часть iii, стр. 313) говорит: 'Современная практика указания имен при записи момента не использовалась в Шотландии примерно до 1540 года'; но он забывает сказать нам, почему она не использовалась. В 1564 году Роберт Скот из Терлстейна, 'предок лорда Нейпира', не смог подписать свое имя. См. *Уголовные процессы Питкэрна в Шотландии*, том iii. стр. 394.

[84] Шотландец, обладающий значительной ученостью, говорит: "Шотландия в начале пятнадцатого века была не менее невежественной и суеверной, чем к концу двенадцатого". *"Анналы Шотландии" Дэлримпла*, том i, стр. 428.

[85] 'Et sont ainsi comme gens sauvages qui ne se savent avoir ni de nulli accointer.' *Les Chroniques de Froissart*, edit. Бюшон, Париж, 1835, том ii. стр. 315.

[86] "Плюс ко всему, что касается красоты". *История. де Карл VI, часть труда*, цитируется в *"Истории Шотландии" Пинкертон*, том i, стр. 149.

[87] Иногда мы находим свидетельства этого ранее, но вряд ли они были систематическими. Сравните *"Историю Шотландии" Тайтлера*, том i, стр. 66, с *"Анналами" Далримпла*, том i, стр. 72, 110, 111, 194, том iii, стр. 296; *"Историей Стерлингшира" Ниммо*, стр. 88; *"Историей Данфермлина" Чалмерса*, стр. 133, 134.

ГЛАВА II.

СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

В начале пятнадцатого века союз между короной и церковью и решимость этого союза свергнуть знать стали очевидными. Признаки этого можно проследить в политике Олбани, который был регентом с 1406 по 1419 год и поставил своей главной целью поощрение и укрепление духовенства.[88] Он также нанес первый серьезный удар, на который какое-либо правительство отважилось против аристократии. Дональд, который был одним из самых могущественных шотландских вождей и который, действительно, благодаря владению Западными островами был почти независимым принцем, захватил графство Росс, которое, если бы он мог сохранить, позволило бы ему бросить вызов короне. Олбани, поддержанный Церковью, вторгся на его территорию в 1411 году, вынудил его отказаться от графства, лично подчиниться и предоставить заложников для его дальнейшего поведения.[89] Столь энергичное разбирательство со стороны исполнительной власти было крайне необычным в Шотландии;[90] и это было первым из серии агрессивных действий, закончившихся в Короне, получающей для себя не только Росс, но и Западные острова.[91] Политика, начатая Олбани, была с еще большей энергией продолжена Джеймсом I. В 1424 году этот смелый и деятельный принц добился принятия закона, обязывающего многих дворян предъявлять свои хартии, чтобы можно было установить, какими землями они владеют, которые ранее принадлежали короне.[92] И, чтобы примирить чувства духовенства, он в 1425 году издал распоряжение, уполномочивающее епископа Сент-Эндрюса вернуть Церкви все, что было у нее отчуждено; в то же время он распорядился, чтобы судьи оказали помощь в обеспечении исполнения указа.[93] Это произошло в июне; и что показывает, что это было частью общего плана, так это то, что предыдущей весной король внезапно арестовал в парламенте, собравшемся в Перте, более двадцати главных дворян, казнил четверых из них и конфисковал несколько их поместий. Два года спустя он с таким же вероломством вызвал вождей горцев встретиться с ним в Инвернесе, наложил руки и на них, казнил троих и заключил в тюрьму более сорока человек в разных частях королевства.[95]

Этими мерами и поддерживая Церковь с тем же рвением, с каким он нападал на знать, король думал изменить установленный до сих пор порядок вещей и обеспечить верховенство трона над аристократией.[96] Но здесь он переоценил свою собственную власть. Как почти все политики, он преувеличивал ценность политических средств правовой защиты. Законодатель и магистрат могут на мгновение смягчить зло; они никогда не смогут излечить его. Общее зло зависит от общих причин, и они находятся за пределами их искусства. К симптомам болезни они могут прикоснуться, в то время как сама болезнь сводит на нет их усилия и слишком часто выводит из себя их лечение. В Шотландии власть знати была жестокой болезнью, поражавшей жизненно важные органы нации; но она долго готовилась; это было хроническое заболевание; и, войдя в привычку, оно могло быть устранено со временем, его никогда нельзя было ослабить насилием. Напротив, в этом, как и во всех других вопросах, всякий раз, когда политики стремятся к великому добру, они неизменно наносят большой вред. Чрезмерное действие с одной стороны вызывает реакцию с другой, и баланс структуры нарушается. Из-за столкновения интересов схема жизни становится ненадежной. Разжигается новая вражда, старые озлобляются, а естественное раздрае усугубляется просто потому, что правителей человечества невозможно заставить понять, что, имея дело с великой страной, они имеют дело с организацией настолько тонкой, настолько чрезвычайно сложной и, к тому же, настолько неясной, что весьма вероятно, что все, что они в ней изменяют, они изменяют неправильно, и что, хотя их усилия по защите или укреплению отдельных ее частей чрезвычайно опасны, она, несомненно, обладает способностью восстанавливать свои повреждения, и что привнести такую способность в жизнь

общества невозможно. для игры просто требуется время и свобода, которыми слишком часто мешает наслаждаться вмешательство могущественных людей.

Так было в Шотландии в пятнадцатом веке. Попытки Якова I. потерпели неудачу, потому что это были особые меры, направленные против общего зла. Идеи и ассоциации, порожденные длительным ходом событий и глубоко укоренившиеся в общественном сознании, дали аристократии огромную власть; и если бы каждый дворянин в Шотландии был предан смерти, если бы все их замки были стерты с лица земли, а все их поместья конфискованы, несомненно, пришло бы время, когда их преемники были бы более влиятельны, чем когда-либо, потому что любовь их вассалов и зависимых людей возросла бы из-за совершенной несправедливости. Ибо каждая страсть возбуждает свою противоположность. Сегодняшняя жестокость завтра порождает сочувствие. Ненависть к несправедливости больше, чем любой другой принцип, способствует исправлению неравенства в жизни и поддержанию равновесия дел. Именно это отвращение к тирании, которое, пробуждая до глубины души самые теплые чувства в сердце, делает невозможным, чтобы тирания когда-либо окончательно восторжествовала. По правде говоря, это благородная сторона нашей натуры. Это та часть нас, которая, отмеченная богоподобной красотой, обнаруживает свое божественное происхождение и, учитывая самые отдаленные случайности, является нашей самой верной гарантией того, что насилие никогда в конечном итоге не восторжествует; что рано или поздно деспотизм всегда будет свергнут; и что великие и непреходящие интересы рода человеческого никогда не будут ущемлены злыми советами несправедливых людей.

В случае с Джеймсом I. реакция наступила раньше, чем можно было ожидать; и, как это случилось при его жизни, это было не только возмездием, но и реакцией. В течение нескольких лет он продолжал безнаказанно притеснять дворян;^[97] но в 1436 году они набросились на него и предали смерти в отместку за обращение, которому он подверг многих из них.^[98] Теперь их могущество возросло так же внезапно, как и упало. На юге Шотландии Дугласы были верховными,^[99] и граф этой семьи обладал доходами, примерно равными доходам короны.^[100] И, чтобы показать, что его авторитет был равен его богатству, он в день женитьбы Якова II в 1449 году появился на бракосочетании со свитой, состоящей из пяти тысяч последователей.^[101] Это были его собственные слуги, вооруженные и решительные люди, обязанные повиноваться любому приказу, который он мог бы им отдать. На самом деле, шотландскому дворянину не требовалось принуждения, чтобы добиться повиновения своего собственного народа. Рабство было добровольным и имело важное значение для национальных нравов. Тогда и долгое время спустя было дискредитирующим и небезопасным не принадлежать к большому клану; и те, кому так не повезло, что они не были связаны ни с одной из ведущих семей, привыкли брать имя какого-нибудь вождя и обеспечивать себе его защиту, посвящая себя служению ему.^[102]

Каким был граф Дуглас на юге Шотландии, такими были графы Кроуфорд и Росс на севере.^[103] Поодиночке они были грозны; объединившись, они казались непреодолимыми. Поэтому, когда в середине пятнадцатого века они действительно объединились и заключили строгий договор против всех своих общих врагов, было трудно сказать, какой предел можно было установить их власти или какой ресурс оставался у правительства, кроме как посеять между ними раздор.^[104]

Но тем временем склонность дворян к применению силы против короны усилилась из-за нового насилия. Правительство, вместо того чтобы быть предупрежденным судьбой Якова I, подражало его беспринципным действиям и проводило ту самую политику, которая привела к его гибели. Поскольку Дугласы были самой могущественной из всех великих семей, было решено, что их вожди должны быть преданы смерти; и поскольку их нельзя было убить силой, они должны были быть убиты путем предательства. В 1440 году граф Дуглас, пятнадцатилетний мальчик, и его брат, который был еще моложе его, были приглашены в Эдинбург с дружеским визитом к королю. Едва они прибыли, как по приказу канцлера их схватили, подвергли притворному суду, объявили виновными, выволокли во двор замка и отрубили головы бедным детям.^[105]

Принимая во внимание теплые чувства привязанности, которые шотландцы питали к своим вождям, трудно переоценить последствия этого варварского убийства, укрепившего класс, которого они надеялись запугать. Но это ужасное преступление было совершено только правительством, и произошло оно во время совершеннолетия короля: следующее убийство было делом рук самого короля. В 1452 году граф Дуглас^[106] был с большой вежливостью запрошен Джеймсом II. для ремонта ко двору, собравшемуся затем в Стирлинге. Граф колебался, но Джеймс преодолел его нежелание, отправив ему охранный документ с королевской подписью и заверенный большой печатью.^[107] Честь короля была вручена, опасения Дугласа были устранены. Он поспешил в Стерлинг, где его приняли со всеми почестями. Вечером в день его приезда король, после того как поужинал, разразился упреками в его адрес и, внезапно выхватив кинжал, ударил его ножом. Затем Грей ударил его боевым топором, и он упал замертво на пол в присутствии своего повелителя, который заманил его ко двору, чтобы безнаказанно убить.^[108]

Свирепость шотландского характера, которая была естественным результатом невежества и бедности нации, была, без сомнения, одной из причин, и очень важной, совершения подобных преступлений, не тайно, а открыто, при свете дня, и высшими лицами государства. Нельзя, однако, отрицать, что была и другая причина - влияние духовенства, в интересах которого было смирить дворян и которое ни в коем случае не было щепетильным в отношении средств, которые они использовали.^[109] По мере того, как корона все больше отдалялась от аристократии, она еще теснее объединялась с Церковью. В 1443 году был принят закон, целью которого было обезопасить церковную собственность от посягательств на нее знати.^[110] И хотя в том состоянии общества было легче принимать законы, чем исполнять их, такая мера указывала на общую политику правительства и союз между ним и Церковью. Действительно, на этот счет никто не мог ошибиться.^[111] В течение почти двадцати лет общепризнанным и конфиденциальным советником короны был Кеннеди, епископ Сент-Эндрюсский, который сохранял власть до своей смерти в 1466 году, во время несовершеннолетия Якова III.^[112] Он был злейшим врагом знати, против которой проявлял неумолимый дух, обостренный личными травмами; ибо граф Кроуфорд разграбил его земли, а граф Дуглас попытался схватить его и пригрозил заковать в кандалы.^[113] Это вполне могло возбудить самый кроткий дух; и поскольку Яков II, когда он убил Дугласа, находился под большим влиянием Кеннеди, чем кто-либо другой, вполне вероятно, что епископ был посвящен в эту грязную сделку. Во всяком случае, он не выразил порицания этому; и когда вследствие убийства Дугласы и их друзья подняли открытый мятеж, Кеннеди дал королю хитрый совет, в высшей степени характерный для хитрости его профессии. Взяв связку стрел, он показал Джеймсу, что, когда они вместе, их нельзя ломать, но что, если их разделить, их легко уничтожить. Отсюда он сделал вывод, что аристократию следует свергнуть, разобшив дворян и разоряя их одного за другим.^[114]

В этом он был прав, поскольку это касалось интересов его собственного ордена; но, рассматривая интересы нации, становится очевидным, что власть знати, несмотря на их грубое злоупотребление ею, была, в целом, полезной, поскольку это была единственная преграда против деспотизма. Зло, которое они на самом деле породили, было действительно огромным. Но они предотвратили другое зло, которое могло быть еще хуже. Вызвав нынешнюю анархию, они обеспечили будущую свободу. Ибо, поскольку среднего класса не существовало, в содружестве существовало только три сословия, а именно: правительство, духовенство и знать. Поскольку два первых объединились против последнего, несомненно, что, если бы они одержали победу, Шотландия была бы подавлена худшим из всех иг, которому может быть подвергнута страна. Им правили бы абсолютный король и абсолютная Церковь, которые, играя на руку друг другу, тиранили бы народ, который, хотя и был грубым и невежественным, все же любил определенную грубую и варварскую свободу, обладать которой для них было хорошо, но которой перед лицом такого сочетания они, несомненно, лишились бы.

Однако, к счастью, власть знати слишком глубоко укоренилась в сознании народа, чтобы допустить эту катастрофу. Напрасно Яков III. приложить усилия, чтобы обескуражить их,^[115] и возвысить их соперников, духовенство.^[116] Ничто не могло поколебать их авторитет; и в 1482 году они, видя решимость короля, собрались вместе, и их влияние на своих сторонников было таково, что им не составило труда схватить его лично и заключить в Эдинбургский замок.^[117] После его освобождения возникли новые ссоры;^[118] и в 1488 году главная знать собрала войска, встретила его в поле, победила и предала смерти.^[119] Ему наследовал Яков IV., при котором ход дел был точно таким же; то есть, с одной стороны, дворяне, а с другой - корона и Церковь. Все, что король мог сделать для поддержки духовенства, он делал с радостью. В 1493 году он добился принятия закона, гарантирующего иммунитет епархий Сент-Эндрюса и Глазго, двух самых важных в Шотландии.^[120] В 1503 году он добился общего аннулирования всех грантов и подарков, наносящих ущерб Церкви, независимо от того, были ли они сделаны парламентом или Советом.^[121] И в 1508 году он, по совету Эльфинстона, епископа Абердинского, отважился на еще большую смелость. Этот способный и амбициозный прелат побудил Джеймса возродить против знати несколько устаревших требований, в силу которых король мог при определенных обстоятельствах вступить во владение их поместьями и мог, в каждом случае, когда владелец владел короной, получать почти всю выручку в течение несовершеннолетия владельца.^[122]

Предъявлять такие требования было легко; привести их в исполнение было невозможно. Действительно, в то время знать скорее завоевывала позиции, чем теряла их; и после смерти Якова IV в 1513 году, во время несовершеннолетия Якова V. они стали настолько могущественны, что регент Олбани дважды в отчаянии смещал правительство и, наконец, отказался от него совсем.^[123] Он, наконец, покинул Шотландию в 1524 году, и вместе с ним, казалось, исчезла власть исполнительной власти. Дугласы вскоре завладели личностью короля и вынудили Битона, архиепископа Сент-Эндрюсского, самого влиятельного человека в Церкви, уйти в отставку с поста канцлера.^[124] Теперь все командование перешло в их руки; они или их приверженцы занимали все должности; преобладали светские интересы, а духовенство было полностью отброшено в тень.^[125] Однако в 1528 году произошло событие, благодаря которому духовные классы не только восстановили свое прежнее положение, но и получили превосходство, которое, как оказалось, в конечном итоге оказалось фатальным для них самих. Архиепископ Битон, раздраженный столь неблагоприятными для Церкви действиями, организовал заговор, с помощью которого Джеймс совершил побег от Дугласов и укрылся в

замке Стерлинг.[126] Эта внезапная реакция не была реальной и определяющей причиной, но она, несомненно, была непосредственной причиной утверждения протестантизма в Шотландии. Ибо бразды правления теперь перешли в руки Церкви, и вследствие этого наиболее влиятельные представители знати подверглись преследованиям, а некоторые из них были изгнаны из страны. Но, хотя их политическая власть исчезла, их социальная мощь осталась. Их лишили почестей и богатства. Они стали изгоями, предателями и нищими. Тем не менее, реальная основа их авторитета была непоколебима, потому что этот авторитет был результатом длительного стечения обстоятельств и основывался на симпатиях людей. Таким образом, дворяне, даже те, кто был изгнан и лишен звания, смогли вести трудную, но в конечном итоге успешную борьбу со своими врагами. Жажда мести подстегивала их усилия и привела к смертельному соперничеству между шотландской аристократией и шотландской церковью. Этот самый примечательный конфликт был, в какой-то степени, продолжением того, что началось в начале пятнадцатого века. Но это было гораздо более жестоко; это продолжалось без перерыва тридцать два года; и завершилось оно только триумфом знати, которая в 1560 году полностью ниспровергла Церковь и уничтожила, почти одним ударом, всю шотландскую иерархию.

События этой борьбы и превратности, которым подвергались обе стороны во время ее продолжения, описаны, хотя и несколько сбивчиво, в нашей общей истории: будет достаточно, если я укажу основные моменты и, избегая ненужных подробностей, попытаюсь пролить свет на общее движение. Таким образом, единство всей схемы предстает перед нашими умами, и мы увидим, что разрушение католической церкви было ее естественным завершением, и что последний акт этой великолепной драмы, столь далекий от того, чтобы быть напряженной и нерегулярной последовательностью, соответствовал всему предыдущему сюжету.

Когда Джеймс совершил свой побег в 1528 году, ему было шестнадцать лет, и его политика, насколько можно сказать, что у него было хоть какое-то собственное мнение, конечно, определялась духовенством, которому он был обязан своей свободой и которые были его естественными защитниками. Его главным советником был архиепископ Сент-Эндрюсский; и важный пост канцлера, который при Дугласах занимал мирянин, теперь был передан архиепископу Глазго.[127] Эти два прелата были высшими; в то же время настоятель Холируда был назначен казначеем, а епископ Данкельда получил тайную печать.[128] Всем дворянам, и даже всем последователям дома Дугласов, было запрещено приближаться ко двору ближе чем на двенадцать миль под страхом государственной измены.[129] Была снаряжена и отправлена экспедиция против графа Кейтнесса, который потерпел поражение и был убит.[130] Незадолго до того, как это произошло, граф Ангус был изгнан из Шотландии, а его поместья конфискованы.[131] Против Дугласов был принят судебный акт.[132] Более того, правительство схватило и бросило в тюрьму графов Босуэлла, Хоума, Максвелла и двух Керров, а также баронов Бакклю, Джонстона и Полварта.[133]

Все это было достаточно энергично и явилось следствием восстановления Церковью своей власти. Готовились другие меры, не менее решительные. В 1531 году король лишил графа Кроуфорда большей части его поместий и бросил графа Аргайла в тюрьму.[134] Даже тех дворян, которые были склонны следовать за ним, он теперь обескуражил. Он пользовался любой возможностью, чтобы относиться к ним холодно, в то время как их соперники, духовенство, занимали высшие посты.[135] Наконец, он в 1532 году нанес смертельный удар по их ордену, лишив их значительной части юрисдикции, которой они привыкли пользоваться в

своей собственной стране, и обладанию которой они были обязаны большей частью своей власти. По наущению архиепископа Глазго он учредил так называемую Коллегию правосудия, в которой должны были рассматриваться судебные иски, вместо того чтобы, как до сих пор, рассматриваться баронами дома, в их замках. Было приказано, чтобы этот новый трибунал состоял из пятнадцати судей, восемь из которых должны быть духовными лицами; и чтобы сделать намерение еще более ясным, было предусмотрено, что председателем неизменно должен быть священнослужитель.[136]

Это придавало завершающий штрих всему, и это, в сочетании с предыдущими мерами, привело дворян в ярость почти до безумия. Их ненависть к духовенству стала неконтролируемой; и в своем стремлении к мести они не только бросились в объятия Англии и поддерживали тайное соглашение с Генрихом VIII, но многие из них пошли еще дальше и продемонстрировали решительную склонность к принципам Реформации. По мере того как вражда между аристократией и Церковью становилась все более ожесточенной, точно в такой же пропорции желание реформировать Церковь становилось все более заметным. Любовь к новшествам поощрялась заинтересованными мотивами, пока в течение нескольких лет огромное большинство дворян не приняло крайних протестантских взглядов, почти не заботясь о том, какую ересь они исповедуют, лишь бы с ее помощью они могли нанести ущерб Церкви, от которой они недавно получили наибольший ущерб и с которой они и их прародители вели борьбу почти сто пятьдесят лет.[137]

Тем временем Джеймс V. еще теснее, чем когда-либо, объединился с иерархией. В 1534 году он угодил Церкви, лично оказав помощь на суде над некоторыми еретиками, которые предстали перед епископами и были сожжены.[138] В следующем году ему предложили, и он охотно принял титул Защитника веры, который перешел к нему от Генриха VIII.; Предполагалось, что этот король лишился его из-за своего нечестия.[139] Во всяком случае, Джеймс вполне это заслужил. Он был убежденным сторонником Церкви, и его тайный совет состоял в основном из духовенства, поскольку он считал опасным допускать мирян к слишком большой доле в правительстве.[140] И в 1538 году он еще больше обозначил свою политику, взяв в жены Марию де Гиз; таким образом, установив тесные отношения с самой могущественной католической семьей в Европе, чьи амбиции тоже были равны их могуществу, и которые сделали своей общепризнанной целью поддерживать католическую веру и защищать ее от тех грубых и невоспитанных вторжений, которые теперь были направлены против нее в большинстве частей Европы.[141]

Церковь приветствовала это как гарантию намерений короля. Так оно и оказалось на самом деле. Дэвид Битон, который вел переговоры о браке, стал главным советником Джеймса до конца его правления. Он был назначен архиепископом Сент-Эндрюса в 1539 году,[142] и, благодаря его влиянию, против протестантов было направлено преследование, более горячее, чем любое из известных до сих пор. Многие из них бежали в Англию,[143] где они увеличили число изгнанников, которые ждали, когда придет время совершить смертельную месть. Они и их сторонники дома объединились с недовольной знатью, особенно с Дугласами,[144] которые были, безусловно, самыми могущественными из шотландской аристократии и которые были связаны с большинством великих семей либо старыми ассоциациями, либо еще более тесными узами заинтересованности, которую все они имели в уменьшении власти Церкви.[145]

На этом этапе взгляды людей были обращены к Дугласам, которых Генрих VIII. приютил при своем дворе и которые теперь вынашивали свои планы.^[146] Хотя они еще не осмеливались вернуться в Шотландию, их шпионы и агенты докладывали им обо всем, что было сделано, и сохраняли свои связи дома. Феодальные соглашения, мэнрентские узы и другие соглашения, отказ от которых, даже если они были незаконны, считался бы позорным, были в полной силе; и позволяли Дугласам с уверенностью полагаться на многих из самых могущественных дворян, которым, кроме того, было противно преобладание духовенства и которые приветствовали перспективу любых изменений, которые могли бы ослабить авторитет Церкви.^[147]

При таком сочетании партий, в стране, где из-за отсутствия среднего класса люди ни с чем не считались, но следовали за тем, куда их вели, очевидно, что успех или неудача Реформации в Шотландии были просто вопросом успеха или неудачи знати. Они были одержимы местью. Единственное сомнение заключалось в том, что они были достаточно сильны, чтобы удовлетворить ее. Против них были Корона и Церковь. На их стороне были феодальные традиции, дух клановости, преданное послушание своих бесчисленных слуг и, что было не менее важно, та любовь к именам и семейным объединениям, которой Шотландия все еще примечательна, но влияние которой в шестнадцатом веке трудно было преувеличить.

Теперь настал момент действовать. В 1540 году правительство, полностью находившееся под контролем духовенства, приняло новые законы против протестантов, интересы которых к этому времени были идентичны интересам знати. Согласно этим статутам, никто, даже заподозренный в ереси, не мог в будущем занимать какие-либо должности; и всем католикам запрещалось укрывать или оказывать благосклонность лицам, исповедующим новые взгляды.^[148] Духовенство, теперь разгоряченное завоеваниями и жадное до уничтожения своих древних соперников, дошло до еще более крайних мер. Их злоба была настолько безжалостной, что в том же году они представили Джеймсу список, содержащий имена более трехсот представителей шотландской аристократии, которых они официально обвинили как еретиков, которые должны быть преданы смерти и чьи поместья они рекомендовали королю конфисковать.^[149]

Эти горячие и мстительные люди мало что знали о буре, которую они вызывали и которая вот-вот должна была разразиться на их головы и погрузить их самих и их Церковь в смятение. Не то чтобы у нас есть основания полагать, что более мудрое поведение в конечном счете спасло бы шотландскую иерархию. Напротив, есть вероятность, что их судьба была предрешена; ибо общие причины, которые управляли всем движением, действовали так долго, что в тот период вряд ли было возможно сбить их с толку. Но, даже если мы признаем несомненным, что шотландское духовенство было обречено, также несомненно, что их насилие сделало их падение более тяжким, разжигая страсти их противников. Поезд, действительно, был заложен; их враги снабдили его материалами, и все было готово к взрыву; но это были они сами, которые в конце концов поднесли спичку и взорвали мину для собственного уничтожения.

В 1542 году зная, видя, что Церковь и корона близки к гибели, предприняла самый решительный шаг, на который они когда-либо отваживались, и категорически отказалась повиноваться Джеймсу в войне с англичанами. Они знали, что война, в которой им хотелось участвовать, была разжигается духовенством с двойной целью - прекратить всякое общение с изгнанниками и пресечь распространение еретических мнений.^[150] Оба эти намерения они

решили расстроить и, собравшись на поле боя, в один голос заявили, что не будут вторгаться в Англию. Угрозы и уговоры были одинаково бесполезны. Джеймс, уязвленный досадой, вернулся домой и приказал распустить армию. Едва он удалился, как духовенство попыталось сплотить войска и побудить их выступить против врага. Несколько пэров, пристыженных тем, что казалось трусливым дезертирством короля, казалось, были готовы выступить в поход. Остальные, однако, отказались; и, пока они пребывали в таком состоянии сомнений и замешательства, англичане, застав их врасплох, внезапно напали на их беспорядочные ряды, наголову разбили их и взяли большое количество пленных. В ходе этой позорной акции десять тысяч шотландских солдат обратились в бегство перед тремя сотнями английских кавалеристов.[151] Новость, доведенная до Джеймса, когда он все еще страдал от неповиновения знати, была слишком тяжела для его гордого и чувствительного ума. Он пошатнулся от двойного потрясения; медленная лихорадка истощила его силы; он впал в длительный ступор; и, отказавшись от всякого утешения, он умер в декабре 1542 года, оставив корону своей малолетней дочери Марии, во время правления которой должно было окончательно решиться великое противостояние между аристократией и Церковью.[152]

Влияние знати возросло после смерти Якова V. И еще больше из-за дурной репутации, которую приобрело духовенство за то, что оно спровоцировало войну, результат которой был столь позорным.[153] Изгнанники еще больше укрепили их партию, которые, как только услышали радостную весть, приготовились покинуть Англию.[154] В начале 1543 года Ангус и Дуглас вернулись в Шотландию,[155] вскоре за ними последовали другие дворяне, большинство из которых исповедовали протестантство, однако в результате ясно доказано, что их протестантизм был вдохновлен любовью к грабежу и мести. Покойный король в своем завещании назначил кардинала Битона опекуном королевы и губернатором королевства.[156] Битон, хотя и был беспринципным человеком, был очень способным и пользовался уважением как глава национальной церкви; он был архиепископом Сент-Эндрюса и примасом Шотландии. Дворяне, однако, сразу же арестовали его,[157] лишил его регентства и поставил на его место графа Аррана, который в то время притворялся ревностным протестантом, хотя впоследствии, при подходящем случае, изменил свое мнение.[158] Среди сторонников нового вероучения самыми могущественными были граф Ангус и Дугласы. Теперь они были освобождены от пятнадцатилетнего срока давности; их права были отменены, и им были возвращены их поместья и почести.[159] Было очевидно, что не только исполнительная, но и законодательная власть перешла от Церкви к аристократии. И те, кто обладал властью, не скупились на ее использование. Лорд Максвелл, один из самых активных членов их партии, как и большинство из них, в своем рвении против иерархии принял принципы Реформации.[160] Весной 1543 года он получил санкцию графа Аррана, губернатора Шотландии, на предложение, которое он сделал лордам Статей, в обязанности которых входило обдумывать меры, которые должны быть представлены на рассмотрение парламента. Предложение состояло в том, чтобы разрешить людям читать Библию в шотландском или английском переводе. Духовенство направило все свои силы против того, что они справедливо сочли шагом, полным опасности для себя, как уступку фундаментальному принципу протестантизма. Но все было напрасно. Течение началось, и его было не переломить. Предложение было принято лордами Статей. С их разрешения оно было внесено в парламент. Оно было принято. Оно получило одобрение правительства; и под стенами Церкви оно было провозглашено со всеми формальностями на маркет-кросс в Эдинбурге.[161]

Едва дворяне, таким образом, одержали верх, как они начали ссориться между собой. Они были полны решимости разграбить Церковь, но не могли договориться о том, как разделить добычу. Они также не могли определить наилучший способ действий; одни выступали за открытый и немедленный раскол, в то время как другие хотели продвигаться осторожно и тянуть время со своими противниками, чтобы постепенно ослабить иерархию. Более активная и ревностная часть дворян была известна как английская партия,^[162] из-за их тесной связи с Генрихом VIII., от которого многие из них получали денежные средства. Но в 1544 году между двумя странами разразилась война, и духовенство, возглавляемое архиепископом Битоном, с таким успехом пробудило старые чувства национальной ненависти к англичанам, что дворяне были вынуждены на мгновение склониться перед бурей и выступить за союз с Францией. Действительно, в течение нескольких месяцев казалось, что Церковь и аристократия забыли свою старую и закоренелую вражду и вот-вот объединят свои силы в одном общем деле.^[163]

Однако это было всего лишь преходящим заблуждением. Антагонизм между двумя классами был непримиримым.^[164] Весной 1545 года ведущие протестантские дворяне составили заговор с целью убийства архиепископа Битона,^[165] которого они ненавидели больше всех, отчасти потому, что он был главой Церкви, и отчасти потому, что был самым способным и беспринципным из их противников. Однако прошел год, прежде чем их цель была достигнута; и только в мае 1546 года Лесли, молодой барон, в сопровождении лэрда Грейнджа и нескольких других ворвался в Сент-Эндрюс и убил примаса в его собственном замке.^[166]

Ужас, с которым Церковь услышала об этом отвратительном и варварском деянии,^[167] возможно, легко представить. Но заговорщики, ничуть не обескураженные и полагающиеся на поддержку могущественной партии, оправдали свой поступок, захватили замок Сент-Эндрюс и приготовились защищать его до последнего. И в этом решении их поддержал в высшей степени замечательный человек, который теперь впервые предстал перед публикой и которому, превосходно соответствовавшему эпохе, в которой он жил, было суждено стать самым заметным персонажем тех смутных времен.

Этим человеком был Джон Нокс. Сказать, что он был бесстрашен и неподкупен, что он с непоколебимым рвением отстаивал то, что считал истиной, и что он с неутомимой энергией посвятил себя тому, что считал высшей из всех целей, - значит лишь отдать общую справедливость многим благородным качествам, которыми он, несомненно, обладал. Но, с другой стороны, он был суров, неумолим и часто жесток; он был не только черств к человеческим страданиям, но и умел обратить их в шутку и использовать для этого ресурсы своего грубого, хотя и буйного юмора;^[168] и он так безмерно любил власть, что, не в силах вынести ни малейшего сопротивления, он топтал всех, кто попадался ему на пути или хотя бы на мгновение вставал на пути его скрытых замыслов.

Влияние Нокса на продвижение Реформации действительно было сильно преувеличено историками, которые слишком склонны приписывать огромные результаты индивидуальным усилиям, упуская из виду те большие и общие причины, в отсутствие которых индивидуальные усилия были бы бесплодными. Тем не менее, он добился большего, чем кто-либо другой;^[169] хотя действительно важный период его жизни в отношении Шотландии пришелся на 1559 год и после него, когда триумф протестантизма был уже обеспечен, и когда он пожинал плоды того, что было достигнуто за время его длительного отсутствия в его собственной стране. Его первая

попытка потерпела полный провал, и это больше, чем любое другое из его действий, нанесло ущерб его репутации. Это была санкция, которую он дал на жестокое убийство архиепископа Битона в 1546 году. Он отправился в замок Сент-Эндрюс; он заперся с ассасинами; он приготовился разделить их судьбу; и в сочинении, которое он написал впоследствии, открыто оправдал то, что они сделали.[170] За это ничто не может его оправдать; и с определенным чувством удовлетворенной справедливости мы узнаем, что в 1547 году, когда замок был взят французами, с Ноксом обращались очень сурово и заставляли работать на галерах, от которых он был освобожден только в 1549 году.[171]

В течение следующих пяти лет Нокс оставался в Англии, которую покинул в 1554 году и прибыл в Дьепп.[172] Затем он отправился за границу; и не возвращался в Шотландию до осени 1555 года, когда его горячо приветствовали главные дворяне и их приверженцы.[173] Однако по какой-то причине, которая не была достаточно объяснена, но, вероятно, из-за нежелания играть подчиненную роль среди этих гордых вождей, он в июле 1556 года снова покинул Шотландию и отправился в Женеву, где его пригласили возглавить конгрегацию.[174] Он оставался за границей до 1559 года, к тому времени настоящая борьба почти закончилась; дворянам настолько полностью удалось подорвать основы Церкви.

Ибо, поскольку ход событий был давно подготовлен, теперь он был действительно стремительным. В 1554 году вдовствующая королева сменила Аррана на посту регента.[175] Она была той Марией де Гиз, брак которой с Яковом V. мы рассматривали как одно из проявлений господствовавшей тогда политики. Если бы ее оставили в покое, она, вероятно, не причинила бы большого вреда;[176] но ее могущественная и нетерпимая семья убеждала ее подавлять еретиков и, как естественная часть того же плана, подавлять дворян. По совету своих братьев, герцога Гиза и кардинала Лотарингии, она в 1555 году предложила создать постоянную армию, чтобы обеспечить место войск, состоявших из феодальных баронов и их вассалов. Такие силы, оплачиваемые короной, были бы полностью под ее контролем; но дворяне увидели скрытый замысел и вынудили Марию отказаться от него на том основании, что они и их вассалы были в состоянии защитить Шотландию без дополнительной помощи.[177] Ее следующей попыткой было консолидировать интересы католической партии, чего она добилась в 1558 году, выдав свою дочь замуж за дофина. Это усилило влияние Гизов,[178] чья племянница, уже королева Шотландии, теперь, при обычном ходе дел, стала бы королевой Франции. Они призвали свою сестру к крайним мерам и пообещали помочь ей французскими войсками. С другой стороны, дворяне оставались твердыми и готовились к борьбе. В декабре 1557 года несколько из них заключили соглашение, согласившись поддерживать друг друга и противостоять тирании, которой им угрожали.[179] Теперь они приняли имя лордов Конгрегации и послали своих агентов за подписями тех, кто желал реформирования Церкви.[180] Более того, они написали Ноксу, чей стиль проповеди, будучи очень популярным, по их мнению, был бы полезен для подстрекательства людей к восстанию.[181] Тогда он был в Женеве и прибыл в Шотландию только в мае 1559 года,[182] к тому времени результат предстоящего состязания вряд ли был сомнительным, настолько успешно дворяне укрепили свои позиции. партия, и у них было так много оснований рассчитывать на поддержку Елизаветы.

Через девять дней после того, как Нокс вступил в Шотландию, был нанесен первый удар. 11 мая 1559 года он проповедовал в Перте. После проповеди поднялась суматоха, и люди грабили церкви и сносили монастыри.[183] Королева-регентша, спешно собрав войска, двинулась к городу. Но знать была начеку. Граф Гленкэрн присоединился к собранию с двумя тысячами

пятьюстами человек; и был заключен договор, по которому обе стороны согласились разоружиться при условии, что никто не будет наказан за то, что уже произошло.[184] Однако состояние общественного сознания было таково, что мир был невозможен. Через несколько дней война вспыхнула снова; и на этот раз результат был более решающим. Лорды Конгрегации собрали большие силы. Перт, Стерлинг и Линлитгоу попали в их руки. Королева-регент отступила перед ними. Она эвакуировала Эдинбург, и 29 июня протестанты с триумфом вошли в столицу.[185]

Все это было сделано за семь недель с момента начала первого бунта. Теперь обе стороны были готовы к переговорам с целью выиграть время; королева-регентша ожидала помощи от Франции, лорды - от Англии.[186] Но действия Елизаветы были запоздалыми, протестанты, подождав несколько месяцев, решили нанести решающий удар до прибытия подкрепления. В октябре главные пары во главе с герцогом Шастельхеро, графом Арраном, графом Аргайлом и графом Гленкэрном собрались в Эдинбурге. Было проведено большое собрание, президентом которого был назначен лорд Рутвен, и на котором королева-регентша была торжественно отстранена от власти на том основании, что она выступала против 'славы Божьей, свободы королевства и благополучия знати'.[187]

Зимой английский флот вошел в пролив Фрит и бросил якорь недалеко от Эдинбурга.[188] В январе 1560 года герцог Норфолк прибыл в Бервик и заключил со стороны Елизаветы договор с лордами Конгрегации, в силу которого английская армия вступила в Шотландию 2 апреля.[189] Против этой комбинации правительство ничего не могло предпринять и в июле было с радостью подписало мир, по которому французские войска должны были эвакуироваться из Шотландии, а вся административная власть была фактически передана протестантским лордам.[190]

Полный успех этой великой революции и скорость, с которой она была осуществлена, сами по себе являются решающим доказательством энергии тех общих причин, которые управляли всем движением. Более ста пятидесяти лет шла смертельная борьба между знатью и Церковью, и результатом этой борьбы стало установление Реформации и триумф аристократии. Они, наконец, добились своего. Иерархия была свергнута, и на ее место пришли новые, неопытные люди. Все старые представления об апостольской преемственности, о возложении рук и о божественном праве рукоположения были внезапно отброшены. Церковные службы исполняли еретики, большинство из которых даже не были рукоположены.[191] Наконец, и в довершение всего, летом того же 1560 года шотландский парламент принял два закона, которые полностью опровергли древнюю схему. Одним из этих законов все статуты, которые когда-либо были приняты в пользу Церкви, были немедленно отменены.[192] Другим законом было объявлено, что любой, кто либо служил мессу, либо присутствовал во время ее проведения, должен за первое преступление лишиться своего имущества; за второе преступление быть сослан; и за третье преступление быть предан смерти.[193]

Таким образом, учреждение, выдерживавшее основную тяжесть более тысячи лет, пошатнулось и развалилось на куски. И после его падения были предсказаны великие события. Считалось, что люди станут просветленными, что у них откроются глаза на их прежние безумства и что царствованию суеверий вот-вот придет конец. Но что было забыто тогда и что слишком часто забывается сейчас, так это то, что в этих делах существует порядок и естественная последовательность, которые никогда не могут быть обращены вспять. Это означает, что каждое учреждение в том виде, в каком оно существует на самом деле, независимо от того,

каково его название или претензии, является следствием общественного мнения в гораздо большей степени, чем причиной; и что нападки на это учреждение ничего не дадут, если вы не сможете сначала изменить это мнение. В Шотландии Церковь была крайне суеверна, но из этого не следовало, что свержение истеблишмента уменьшит зло. Те, кто думает, что суеверие можно ослабить таким образом, не знают жизнеспособности этого темного и зловещего принципа. Против него есть только одно оружие, и это оружие - знание. Когда люди невежественны, они должны быть суеверны; и где бы ни существовало суеверие, оно обязательно организует себя в какую-нибудь систему, которую делает своим домом. Если вы прогоните его из этого дома, он найдет другой. Дух переселяется; он принимает новую форму; но все же он живет. Насколько же бесполезна та война, которую слишком склонны вести реформаторы, в которой они убивают труп и сохраняют жизнь! Шелуху, конечно, они выискивают и уничтожают; но внутри этой шелухи находится семя смертельного яда, жизнеспособность которого они не в состоянии ослабить и которое, сдвинутое со своего места, приносит плоды в другом направлении и прорастает со свежим и часто более роковым изобилием.

Истина заключается в том, что каждый институт, будь то политический или религиозный, в своей реальной работе отражает форму и давление эпохи. Она может быть очень древней; она может носить почтенное имя; она может стремиться к самым высоким целям; но тот, кто внимательно изучит ее историю, обнаружит, что на практике она последовательно модифицируется сменяющимися друг друга поколениями и что вместо того, чтобы управлять обществом, она находится под его контролем. Когда была осуществлена протестантская реформация, шотландцы были чрезмерно невежественны, и поэтому, несмотря на Реформацию, они оставались чрезмерно суеверными. Как долго продолжалось это невежество и каковы были его результаты, мы сейчас увидим; но прежде чем приступить к этому исследованию, было бы целесообразно проследить непосредственные последствия самой Реформации в связи с могущественным классом, властью которого она была установлена.

Дворяне, свергнув Церковь и лишив ее значительной части богатств, думали, что они должны пожинать плоды своего собственного труда. Они убили врага и хотели разделить добычу.^[194] Но это не соответствовало взглядам протестантских проповедников. По их мнению, было нечестиво секуляризировать церковную собственность и использовать ее в нечестивых целях. Они считали, что лорды действительно были правы, грабя Церковь; но они считали само собой разумеющимся, что доходы от грабежа предназначались для их собственного обогащения. Они были благочестивыми людьми, и делом правящих классов было наделять их привилегиями, из которых старое и идолопоклонническое духовенство должно было быть изгнано.^[195]

В соответствии с этими мнениями Нокс и его коллеги в августе 1560 года представили в парламент петицию, призывающую дворян вернуть церковную собственность, которую они конфисковали, и должным образом направить ее на поддержку новых министров.^[196] На эту просьбу эти могущественные вожди даже не удостоили ответа.^[197] Они были довольны тем, как обстояли дела на самом деле, и, следовательно, не желали нарушать существующий порядок. Они сражались; они одержали победу и разделили добычу. Не следовало предполагать, что они мирно откажутся от того, что завоевали с бесконечным трудом. Также было маловероятно, что, будучи вовлеченными в тяжелую борьбу с Церковью в течение ста пятидесяти лет и, наконец, победив своего закоренелого врага, они откажутся от плодов своего триумфа ради нескольких проповедников, которых они лишь недавно призвали к себе на помощь; низкородных и

безвестных людей, которые скорее сочли бы за честь, что им было позволено участвовать со своими начальниками в общем предприятии, но не должны были полагаться на это обстоятельство, равно как и предполагать, что они, вышедшие на поле боя только в одиннадцатом часу, должны были разделить добычу. обо всем, что приближается к условиям равенства.[198]

Но шотландская аристократия плохо знала людей, с которыми им приходилось иметь дело. Еще меньше они понимали характер своей эпохи. Они не понимали, что при том состоянии общества, в котором они жили, суеверия были неизбежны и что, следовательно, духовные классы, хотя и впавшие на мгновение в депрессию, несомненно, быстро поднимутся снова. Знать ниспровергла Церковь; но принципы, на которых основана церковная власть, остались нетронутыми. Все, что было сделано, - это изменить название и форму. Была быстро организована новая иерархия, пришедшая на смену старой и завоевавшая расположение людей. На самом деле, она сделала больше. Ибо протестантское духовенство, пренебрегаемое знатью и не благодетельствованное государством, имело на жизнь лишь жалкие гроши, и они поневоле бросались в объятия народа, где только и могли найти поддержку и сочувствие.[199] Следовательно, более тесный и интимный союз, чем был бы возможен в противном случае. Отсюда также, как мы сейчас увидим, пресвитерианское духовенство, страдая от несправедливости, с которой к ним относились, проявляло ту ненависть к высшим классам и то особое отвращение к монархическому правлению, которое они проявляли всякий раз, когда осмеливались. На своих кафедрах, в своих пресвитериях и на своих Генеральных собраниях они поощряли демократический тон и непокорность, что в конечном итоге привело к самым счастливым результатам, поддержав в критический момент дух свободы; но именно по этой причине они заставили высшие чины пожалеть о том дне, когда своей несвоевременной и эгоистичной скупостью они вызвали гнев столь могущественного и непримиримого класса.

Вывод французских войск в 1560 году оставил дворян во владении правительства;[200] и именно им решать, в какой степени следует наделять реформированное духовенство. Первое прошение, представленное Ноксом и его братьями, было проигнорировано в презрительном молчании. Но от служителей было не так-то легко отказаться. Их следующим шагом было представить Тайному совету то, что известно как Первая книга дисциплины, в которой они снова настаивали на своей просьбе.[201] Против догматов, содержащихся в этой книге, у собора не было возражений; но они отказались ратифицировать ее, потому что, поступив таким образом, они санкционировали бы принцип, согласно которому новая церковь имела право на доходы старой.[202] Определенную долю, действительно, они были готовы уступить. Какова должна быть эта доля, было предметом серьезного спора и вызвало величайшую неприязнь между двумя сторонами. Наконец дворяне нарушили молчание и в декабре 1561 года объявили, что реформатское духовенство должно получить только одну шестую часть имущества Церкви; остальные пять шестых будут разделены между правительством и католическим духовенством.[203] Смысл этого был легко понятен, поскольку католики теперь полностью зависели от правительства, а правительством, по сути, были сами дворяне, которые в тот период были монополистами политической власти.

В таком случае, естественно, случилось так, что, когда об этом стало известно, проповедники были сильно тронуты. Они видели, насколько это неблагоприятно для их собственных интересов, и поэтому считали, что это неблагоприятно для интересов религии. Следовательно, по их мнению, это было придумано дьяволом, чьим целям это должно было служить.[204] Ибо

теперь те, кто трудился в винограднике Господнем, должны были впасть в уныние и пострадать, чтобы то, что по праву принадлежало им, могло быть съедено праздными желудками.[205] Дворяне могли какое-то время извлекать выгоду, но Божья месть была быстрой и, несомненно, настигнет их.[206] От начала и до конца это было ничем иным, как подделкой. В истинно христианской стране наследие Церкви осталось бы нетронутым.[207] Но, увы, в Шотландии! Сатана одержал верх,[208] и христианское милосердие остыло.[209] В Шотландии собственность, которую следует считать священной, была разделена; и раздел этот был наихудшего рода, поскольку, по его словам Нокса, две трети отдаются дьяволу, а другая треть делится между Богом и дьяволом. Это было так, как если бы Иосиф, будучи правителем Египта, отказал своим братьям в еде и отправил их обратно к их семьям с пустыми мешками.[210] Или, как предположил другой проповедник, Церковь теперь, подобно Маккавеям древности, подвергалась угнетению, иногда ассирийцами, а иногда египтянами.[211]

Но ни уговоры, ни угрозы[212] не произвели никакого эффекта на упрямые умы шотландской знати. Действительно, их сердца, вместо того чтобы смягчиться, стали жестче. Даже небольшие стипендии, которые выделялись протестантскому духовенству, выплачивались нерегулярно, а в основном использовались для других целей.[213] Когда министры пожаловались, над ними посмеялись и оскорбили дворяне, которые, добившись своих целей, думали, что могут обойтись без своих бывших союзников.[214] Граф Мортон, чьи способности, а также связи сделали его самым могущественным человеком в Шотландии, был особенно яростен против них; и двух проповедников, которые оскорбили его, он казнил при обстоятельствах большой жестокости.[215] Дворяне, считая его своим главой, избрали его регентом в 1572 году;[216] и, обладая теперь верховной властью, он использовал ее против Церкви. Он прибрал к рукам все бенефиции, которые освободились, и сохранил их прибыль в своих собственных руках.[217] Его ненависть к проповедникам перешла все границы. Он публично заявил, что в стране не будет ни мира, ни порядка, пока некоторые из них не будут повешены.[218] Он отказался санкционировать проведение Генеральных ассамблей своим присутствием; он хотел покончить с их привилегиями и даже с их именем; и с такой решимостью он проводил свои меры, что, по мнению историка Шотландской церкви, ничто, кроме особого вмешательства Божества, не могло сохранить существующее государственное устройство.[219]

Теперь разрыв между Церковью и государством был полным. Оставалось выяснить, какая сторона была сильнее. С каждым годом духовенство становилось все демократичнее; и после смерти Нокса в 1572 году они отважились на курс, который даже он вряд ли рекомендовал бы и который в более ранний период Реформации был бы невыполним.[220] Но к этому времени они заручились поддержкой народа; и обращение, которому они подвергались со стороны правительства и знати, ожесточило их умы и толкнуло их на отчаянные советы. Пока их планы были еще незрелыми, и пока будущее мрачно маячило перед ними, появился новый человек, который вполне подходил на роль их руководителя и который сразу же занял место, освободившееся после смерти Нокса. Это был Эндрю Мелвилл, который благодаря своим большим способностям, смелости характера и богатым ресурсам превосходно подходил на роль лидера Шотландской церкви в той трудной борьбе, в которую она вот-вот должна была вступить.[221]

В 1574 году Мелвилл, завершив свое образование за границей, прибыл в Шотландию.[222] Он быстро сплотил вокруг себя самых избранных представителей Церкви; и под его покровительством началась борьба с гражданской властью, которая продолжалась со многими колебаниями, пока не достигла кульминации, шестьдесят лет спустя, в открытом восстании против Карла I. Перечисление всех подробностей борьбы противоречило бы плану этого Введения; и, несмотря на чрезвычайный интерес событий, которые привели к этому, далее следует опустить большую часть из них; но я постараюсь указать на общий ход событий и познакомить читателя с такими фактами, которые наиболее характерны для эпохи, в которую они произошли.

Мелвилл пробыл в Шотландии всего несколько месяцев, прежде чем начал свое противодействие, сначала тайными интригами, а затем открытой враждебностью.[223] Во времена Нокса епископство было признано частью протестантской церкви и получило одобрение ведущих реформаторов.[224] Но это учреждение не соответствовало демократическому духу, который сейчас рос. Разница в рангах между епископами и низшим духовенством была неприятна, и служители решили положить этому конец.[225] В 1575 году Мелвилл побудил одного из них, по имени Джон Дьюри, вынести этот вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи в Эдинбурге.[226] После выступления Мелвилл также высказался против епископства; но, не будучи еще уверенным в настроении аудитории, его первые выступления были несколько осторожными. Такие колебания, однако, вряд ли были необходимы, поскольку из-за раскола между Церковью и высшими классами священники становились ярыми врагами тех принципов послушания и субординации, которые они поддерживали бы, если бы высшие чины были на их стороне. Как бы то ни было, духовенство пользовалось благосклонностью народа; поэтому они стремились организовать систему равенства и были готовы к смелым мерам, предложенным Мелвиллом и его последователями. Это было ясно продемонстрировано стремительностью последующего движения. В 1575 году первая атака была предпринята на Генеральной ассамблее в Эдинбурге. В апреле 1578 года очередная Генеральная ассамблея постановила, что в будущем епископов следует называть их собственными именами, а не титулами.[227] В том же теле также указано, что просмотр не должен быть заполнен до следующей сборки.[228] Два месяца спустя было объявлено, что это соглашение будет бессрочным и что нового епископа никогда назначать не следует.[229] И в 1580 году Церковное Собрание в Данди, разрушив всю систему до основания, единогласно постановило, что должность епископа была простым человеческим изобретением; что это незаконно; что с этим нужно немедленно покончить; и что каждый епископ должен немедленно сложить свои полномочия или быть отлучен от церкви, если он откажется это сделать.[230]

Теперь министр и народ выполнили свою работу, и, по их мнению, сделали это хорошо.[231] Но те же обстоятельства, которые заставили их желать равенства, заставили высшие классы желать неравенства.[232] Следовательно, столкновение было неизбежным, и это смелое решение Церкви ускорило его. Действительно, проповедники, поддерживаемые народом, скорее стремились к соперничеству, чем избегали его. Они использовали самые подстрекательские формулировки против епископата; и незадолго до его отмены они завершили и представили парламенту Вторую книгу дисциплины, в которой они категорически

противоречили тому, что они утверждали в своей Первой книге дисциплины.^[233] Из-за этого их часто обвиняют в непоследовательности.^[234] Но обвинение несправедливо. Они были совершенно последовательны; и они просто изменили свои максимы, чтобы сохранить свои принципы. Как и у любой когда-либо существовавшей корпорации, духовной или мирской, их высшим и первостепенным принципом было поддержание собственной власти. Является ли это хорошим принципом или нет, это другой вопрос; но вся история доказывает, что это универсальный принцип. И когда лидеры Шотландской церкви обнаружили, что все поставлено на карту и что спорный вопрос заключается в том, кто должен обладать властью, они с совершенной последовательностью отказались от мнений, которых они придерживались ранее, потому что теперь они понимали, что эти мнения неблагоприятны для их существования как независимого органа.

Когда в 1560 году появилась Первая Книга дисциплины, правительство находилось в руках дворян, которые только что сражались на стороне протестантских проповедников и были готовы снова сражаться на их стороне. Когда в 1578 году появилась Вторая Книга дисциплины, правительство все еще принадлежало знати; но теперь эти честолюбивые люди сбросили маску и, достигнув своей цели в разрушении старой иерархии, фактически развернулись и напали на новую. Обстоятельства изменились, и Церковь изменилась вместе с ними; но в этих изменениях не было ничего непоследовательного. Напротив, для министров было бы верхом непоследовательности сохранить свои прежние представления о послушании и субординации; и было совершенно естественно, что в условиях нынешнего кризиса они стали отстаивать демократическую идею равенства, точно так же, как раньше они выдвигали аристократическую идею неравенства.

Следовательно, в своей Первой Книге дисциплины они установили регулярно восходящую иерархию, согласно которой общее духовенство было обязано повиноваться своим церковным начальникам, которым было дано название суперинтендантов.^[235] Но во Второй книге Дисциплины все следы этого были сметены; и было изложено в самых общих чертах, что все проповедники, будучи соработниками, все были равны по силе; что ни у кого не было власти над другими; и что претендовать на такую власть или утверждать превосходство было изобретением человека, а не быть допущенным в богоустановленную Церковь.^[236]

Правительство, как можно предположить, придерживалось совершенно иной точки зрения. Высшие классы считали такие доктрины антисоциальными и подрывающими всякий порядок.^[237] Вместо того, чтобы применять к ним санкции, они решили, если возможно, свергнуть их; и через год после того, как Генеральная Ассамблея отменила епископство, было решено, что именно в этот момент между двумя партиями должна быть проведена проба сил.

В 1581 году Роберт Монтгомери был назначен архиепископом Глазго. Министры, составлявшие капитул Глазго, отказались избрать его; после чего Тайный совет объявил, что король в силу своей прерогативы имеет право выдвигать кандидатуры.^[238] Теперь все было в смятении и шуме. Генеральная ассамблея запретила архиепископу въезжать в Глазго.^[239] Он отказался подчиниться их приказу и заручился поддержкой герцога Леннокса, который добился для него назначения, и которому он, в свою очередь, отдал почти все доходы епархии, оставив для себя лишь небольшую стипендию.^[240] Это был обычай, который возник за последние несколько лет

и был одним из многих ухищрений, с помощью которых дворяне отняли у Церкви ее имущество.[241]

Однако сейчас речь шла не об этом.[242] Вопрос, который необходимо было решить, касался не доходов, а власти. Ибо духовенство прекрасно знало, что, если они установят свою власть, доходы последуют незамедлительно. Поэтому они предприняли самые энергичные действия. В апреле 1582 года Генеральная ассамблея собралась в Сент-Эндрюсе и назначила Мелвилла Модератором.[243] Правительство, опасаясь худшего, приказало прихожанам под страхом восстания не предпринимать никаких шагов в отношении архиепископства.[244] Но представители Церкви были неустрашими. Они вызвали Монтгомери к себе; они утвердили приговор, по которому он был отстранен от должности министра; и они заявили, что он понес наказание за деспотизм и отлучение от церкви.[245]

Приговор об отлучении от церкви был в те дни настолько разорительным, что Монтгомери пришел в ужас от открывшейся перед ним перспективы. Чтобы избежать последствий, он предстал перед Собранием и торжественно пообещал, что больше не будет предпринимать попыток завладеть архиепископством.[246] Сделав это, он, вероятно, спас себе жизнь; ибо люди, встав на сторону своего духовенства, созрели для злодеяний и были полны решимости, несмотря ни на что, отстаивать то, что они считали правами Церкви, в противовес посягательствам государства.

Правительство, с другой стороны, было столь же решительно.[247] Тайный совет вызвал нескольких министров до себя; и Дьюри, одного из самых активных, они изгнали из Эдинбурга.[248] Были готовы принять еще более жестокие меры, когда они были прерваны одним из тех необычных событий, которые нередко происходили в Шотландии и которые поразительно демонстрируют врожденную слабость короны, несмотря на непомерные притязания, которые она обычно предполагала.

Это был набег Рутвена, который произошел в 1582 году и в результате которого погибла личность Якова VI. содержался в тюрьме джуранс в течение десяти месяцев.[249] Духовенство, верное политике, которая теперь управляла им, громко одобрило пленение короля и объявило это благочестивым поступком.[250] Дьюри, которого согнали со своей кафедры, с триумфом доставили обратно в столицу;[251] и Генеральная Ассамблея, собравшаяся в Эдинбурге, распорядилась, чтобы заключение Джеймса каждый служитель должен быть оправдан перед своей паствой.[252]

В 1583 году король вновь обрел свободу, и борьба стала более ожесточенной, чем когда-либо; страсти обеих сторон были доведены до предела из-за травм, которые каждая нанесла другой. Заговор Рутвенов был объявлен государственной изменой, как это, несомненно, и было, Дьюри проповедовал в его пользу и открыто защищал его; и хотя под влиянием минутного страха он впоследствии отказался от своих слов,[253] из других обстоятельств было очевидно, что его чувства разделяли его братья.[254] Когда некоторых из них вызвали к королю за их бунтарский язык, они попросили его прислушаться к тому, что он задумал, и напомнили ему, что ни один человек, занимающий трон, никогда не преуспевал после того, как министры начали угрожать ему.[255] Мелвилл, который оказывал огромное влияние как на духовенство, так и на народ, ударил короля в лицо, отказался отчитываться за то, что он произнес с кафедры, и сказал

Джеймсу, что он извратил законы как Бога, так и человека.[256] Симпсон сравнил его с Каином и предупредил, чтобы он остерегался гнева Божьего.[257] Действительно, дух, проявляемый сейчас Церковью, был настолько неумолим, что, казалось, ей доставляло удовольствие изливать себя самым отталкивающим образом. В 1585 году священник по имени Гибсон в проповеди, которую он произнес в Эдинбурге, обвинил короля в проклятии Иеровоама, в том, что он умрет бездетным и что его род прекратится вместе с ним.[258] Через год после того, как это произошло, Джеймс, обнаружив, что Елизавета, очевидно, была полна решимости лишить жизни его мать, вспомнил о том, что ценилось в ту эпоху как надежный ресурс, и пожелал, чтобы духовенство вознесло молитвы от имени Марии. От этого они почти единогласно отказались.[259] И они не только сами воздержались от мольбы, но и решили, что никто другой не должен делать то, от чего они отказались. Архиепископ Сент-Эндрюсский собирался совершить богослужение перед королем, и они убедили некоего Джона Каупера заранее занять место за кафедрой, чтобы исключить прелата. И только после того, как капитан гвардии пригрозил отозвать Каупера с места, которое он узурпировал, служба могла продолжаться, и королю было позволено услышать, как молились за его собственную мать в этот печальный момент ее судьбы, когда все еще было неясно, будет ли она публично казнена или, как считалось более широко, ее тайно отравят.[260]

В 1594 году Джон Росс заявил с кафедры, что все советники короля были предателями, и что сам король также был предателем. Он также был мятежником и нечестивцем. То, что так должно было быть, неудивительно, учитывая происхождение Джеймса. Ведь его мать была Личиной и гонительницей святых. Он избегал открытых преследований и говорил о них честно; но его поступки не соответствовали его словам; и его лицемерие было настолько велико, что он был самым отъявленным лицемером, жившим тогда в Шотландии.[261]

В 1596 году Дэвид Блэк, один из самых влиятельных протестантских священников, произнес проповедь, наделавшую много шума. В своей речи он сказал, что все короли - дети дьявола, но что в Шотландии главой двора является сам сатана. Члены совета, добавил он, были бакланами, а лорды сессии - негодяями. Дворянство выродилось: оно было безбожным; оно было лицемерами; оно было врагами Церкви. Что касается королевы Англии, то она была никем иным, как атеисткой. А что касается королевы Шотландии, то все, что он сказал, было то, что они могли бы молиться за нее, если захотят, и потому что так было принято; но для этого не было никаких причин, поскольку от нее им никогда не будет добра.[262]

Для произнесения этой проповеди Блэк был вызван тайным советом. Он отказался присутствовать, потому что обращать внимание на то, что было произнесено с кафедры, надлежало духовному суду, а не мирскому. Церкви, конечно, он подчинился бы; но, получив свое послание от Бога, он был обязан передать его, и было бы нарушением долга, если бы он позволил гражданской власти судить такие вопросы.[263] Король, сильно разгневанный, приказал бросить Блэка в тюрьму; и трудно понять, какой другой путь был ему открыт; хотя было ясно, что ни это, ни какие-либо другие меры, которые он мог принять, не укротили бы неукротимый дух Шотландской церкви.[264]

В декабре того же года Церковь провозгласила пост; и Уэлш произнес в Эдинбурге проповедь с целью поднять народ против своих правителей. Король, сказал он своим слушателям, раньше был одержим дьяволом, и когда этот дьявол был изгнан, на его место пришли семь худших.

Таким образом, было очевидно, что Джеймс сошел с ума, и стало законным брать меч правосудия из его рук; точно так же, как было бы законно для слуг или детей схватить главу своей семьи, если бы небесам было угодно поразить его безумием. В таком случае, заметил проповедник, было бы правильно схватить сумасшедшего и связать его по рукам и ногам, чтобы он больше не причинил вреда.[265]

Ненависть, испытываемая духовенством, была в тот период настолько ожесточенной, а демократический дух в них настолько силен,[266] что они, казалось, не смогли сдержаться; и Эндрю Мелвилл на аудиенции у короля в 1596 году перешел к личным оскорблениям и, схватив его за рукав, назвал глупым вассалом Бога.[267] Большое количество правды, содержащееся в этой горькой насмешке, увеличило ее остроту. Но министры не всегда ограничивались словами.[268] Их участие в заговоре Рутвенов не подлежит сомнению; и вполне вероятно, что они были причастны к последней большой опасности, которой подвергся Джеймс, прежде чем он сбежал из этой беспокойной страны, которой, как считалось, он управлял. Несомненно, что граф Гоури, который в 1600 году заманил короля в ловушку в его замке, чтобы убить его, был надеждой и опорой пресвитерианского духовенства и был тесно связан с их амбициозными планами.[269] Действительно, их увлечение убийцей было настолько велико, что, когда его заговор был разгромлен, а он сам убит, несколько министров распространили сообщение о том, что Гоури стал жертвой королевского вероломства, и что, по сути, единственный когда-либо существовавший заговор был состряпан королем с фатальным искусством, против своего кроткого и невинного хозяина.[270]

В абсурдность такого рода[271] В невежественный и, следовательно, легковверный век легко верилось. То, что духовенство должно было распространять это, и что в этом, как и во многих других случаях, оно должно было работать со злонамеренным усердием, чтобы опорочить характер своего князя,[272] никого не удивит, кто знает, как быстро может быть вызван гнев Церкви и насколько духовные классы всегда готовы покрыть, даже самой грязной клеветой, тех, кто стоит у них на пути. . Собранные доказательства доказывают, что пресвитерианские священники проявляли насилие в отношении официальных властей штата до неприличия, если не до преступной степени; и мы не можем освободить их от обвинения в том, что они были беспокойной и беспринципной организацией, жадной до власти и крайне нетерпимой ко всему, что противоречило их собственным взглядам. Тем не менее, истинной причиной их поведения был дух их эпохи и особенности их положения. Никто из нас не может быть уверен, что, если бы мы были поставлены точно так же, как они, мы действовали бы иначе. Теперь, действительно, мы не можем читать об их деяниях, описанных в их собственных Собраниях и историками их собственной Церкви, без неприятного чувства неприязни, я бы даже сказал, отвращения, оттого, что мы оказались в присутствии такого количества суеверий, махинаций, низких, грязных искусств, и все же, вместе с тем, высокомерной и необузданной наглости. Истина, однако, заключается в том, что в Шотландии эпоха была злой, и зло поднялось на поверхность. Времена были беспокойные, и было трудно исправить их. Долгое господство анархии, невежества, бедности, насилия, мошенничества, внутренних беспорядков и иностранного вторжения довели Шотландию до состояния, которое мы едва ли можем себе представить. В дальнейшем я приведу некоторые свидетельства того эффекта, который это произвело на национальный характер, и того серьезного вреда, который это нанесло. В то же время, справедливости ради по отношению к шотландскому духовенству, мы должны признать, что состояние их страны наилучшим образом объясняет их поведение. Все вокруг них было низким и грубым; привычки людей в их повседневной жизни были жестокими и совершенно не

считались с общепринятыми приличиями; и, как естественное следствие, уровень человеческих поступков был настолько низок, что честные и благонамеренные люди не гнушались делать то, что нам, при нашем развитом состоянии общества, кажется невероятным. Давайте же не будем слишком опрометчивыми в этом вопросе. Давайте не будем слишком поспешно осуждать ведущих участников того великого кризиса, через который прошла Шотландия во второй половине шестнадцатого века. Они многое сделали, что вызывает у нас сильнейшее отвращение. Но они достигли одной вещи, которая должна заставить нас чтить их память и считать их благодетелями своего вида. В самый опасный момент они сохранили дух национальной свободы.^[273] То, что дворяне и корона подвергли опасности, спасло духовенство. Их заботой угасающая искра разгорелась в яркое пламя. Когда свет померк и замерцал на алтаре, их руки подогрели лампаду и подлили масла в священное пламя. В этом их настоящая слава, и на этом они вполне могут успокоиться. Они были стражами свободы Шотландии и стояли на своем посту. Там, где была опасность, они были первыми. Своими проповедями, своим поведением, как общественным, так и частным, работой своих Собраний, своими смелыми и частыми нападками на людей, невзирая на их ранг, более того, даже самой дерзостью, с которой они обращались со своими начальниками, они будоражили умы людей, пробуждали их от летаргии, приучали к дискуссиям и возбуждали тот пытливый и демократический дух, который является единственной действенной гарантией, которой когда-либо может обладать народ от тирании тех, кто поставлен над ним. Это было делом рук шотландского духовенства; и да здравствуют те, кто это сделал. Именно они научили своих соотечественников бесстрашно взирать на политику своих правителей. Именно они с презрением указывали пальцем на королей и знать и обнажали пустоту их притязаний. Они высмеивали их притязания и глумились над их тайнами. Они сорвали завесу и обнажили уловки сцены, которая лежала за ней. Великих мира сего они покрыли презрением; а тех, кто был выше их, они низвергли. Этим они совершили поступок, который должен был компенсировать все их проступки, даже если бы их проступки были в десять раз больше. Не придавая значения тому пагубному и унижающему достоинство уважению, которое люди слишком склонны оказывать тем, кого случай, а не заслуги, возвысил над ними, они способствовали росту гордой и стойкой независимости, которая, несомненно, сослужила бы хорошую службу в трудную минуту. И это время пришло быстрее, чем кто-либо ожидал. Всего за несколько лет Джеймс стал хозяином ресурсов Англии и попытался с их помощью подорвать свободы Шотландии. Позорное предприятие, которое он начал, было продолжено его жестоким и суеверным сыном. Как их попытки провалились; как Карл I в результате этих усилий потерпел кораблекрушение и спровоцировал восстание, которое привело на эшафот этого великого преступника, осмелившегося устроить заговор против народа и который, как общий враг и угнетатель всех, в конце концов понес справедливое наказание за свои грехи, известно каждому читателю нашей истории. Также хорошо известно, что в ведении борьбы англичане были в большом долгу перед шотландцами, которые, более того, имели заслугу первыми поднять руку на тирана. Что, однако, менее известно, но, несомненно, верно, так это то, что обе нации в неоплатном долгу перед теми смелыми людьми, которые во второй половине шестнадцатого века распространяли со своих кафедр и Собраний чувства, которые люди лелеяли в своих сердцах и которые в подходящий момент они воспроизвели, к ужасу и, в конечном итоге, к уничтожению тех, кто угрожал их свободам.

Сноски:

[88] "Олбани в высшей степени благоволил Церкви". *"История Шотландии" Пинкертон*, том i, стр. 86. Но Пинкертон неправильно понимает его политику по отношению к дворянам.

[89] *"Горцы Скена"*, том ii. стр. 72-74; *"История высокогорья" Брауна*, том i. стр. 162, том iv. стр. 435, 436.

[90] Чалмерс (*Каледония*, том i, стр. 826, 827), ссылаясь на положение вещей до Олбани, говорит: 'Нет никаких следов каких-либо попыток Роберта II. ограничить власть знати, что бы он ни добавил своими неосмотрительными пожертвованиями к их независимости. Он, по-видимому, не пытался вывести королевскую прерогативу из того унижения, в которое привели неосторожность и несчастья Давида II. оставил его'. И о своем преемнике Роберте III: 'Такой кроткий принц и такой слабый человек вряд ли стал бы покушаться на власть других, когда он едва мог прокормить свою собственную'.

[91] В 1476 году 'графство Росс было неотчуждаемо присоединено к короне; и таким образом был нанесен серьезный удар по могуществу и величию семьи, которая так неоднократно нарушала спокойствие Шотландии'. *"История Западного нагорья" Грегори*, Эдинбург, 1836, стр. 50. В 1493 году 'Джон, четвертый и последний лорд Островов, был конфискован и лишен своего титула и поместий'. Там же. стр. 58.

[92] Поскольку те, кто владел землями короны, юридически, хотя и не на самом деле, были королевскими арендаторами, в акте говорилось, что 'поступая по-королевски, он может распоряжаться всем и отдавать свои владения в любой подходящий день и в любом месте, чтобы завоевать чартис'. *Акты парламента Шотландии*, том ii. стр. 4, § 9, редактировать. фолио, 1814 год.

[93] '8 июня 1425 года Джеймс дал поручение Генри, епископу Сент-Эндрюса, уполномочивая его возобновить все отчуждения от Церкви, наложив анафему, и приказав всем судьям оказывать помощь'. Этот любопытный документ сохранился в Харл. Ms. 4637, том iii. f. 189. *"История Шотландии" Пинкертон*, том i, стр. 116. Архиепископ Споттисвуд, восхищенный его политикой, называет его "хорошим королем" и говорит, что он построил для картезианцев "прекрасный монастырь в Перте, пожертвовав ему большие доходы". *"История церкви Шотландии" Споттисвуда*, т. i, стр. 113. И Кит уверяет нас, что однажды Джеймс I зашел так далеко, что подарил одному из епископов 'серебряный крест, в котором находилась часть деревянного креста, на котором был распят апостол Святой Андрей'. *Каталог шотландских епископов Кита*, Эдинбург, 1755, 4to, стр. 67.

[94] Сравните *"Анналы" Бальфура*, т. i, стр. 153-156, с *"Историей Пинкертон"*, т. i, стр. 113-115. Между этими двумя авторитетами существует небольшое, но несущественное расхождение.

[95] *"История Шотландии" Тайтлера*, том iii. стр. 95-98; *"Горцы Скена"*, том ii. стр. 75; и несовершенное повествование в *"Истории Западного нагорья" Грегори*, стр. 35.

[96] Тайтлер (*История Шотландии*, том iii, стр. 126) под 1433 годом говорит: 'В разгар своих трудов по умиротворению своих северных владений и беспокойства о подавлении ереси король никогда не забывал о своем великом плане по уменьшению непомерной власти знати'. См. также стр. 84. 'Одним из принципов этого предприимчивого монарха в его планах восстановления и консолидации собственной власти было заручиться дружбой духовенства, которое он рассматривал как противовес знати'. Лорд Сомервилл (*Воспоминания о семействе*

Сомервиллей, том i, стр. 173) говорит, что высшую знать "никогда и редко призывали давать советы во время правления этого короля".

[97] Сравните "Каледонию" Чалмерса, том ii, стр. 263, с "Рерумом шотландской истории" Бьюкенена, библиотека x, стр. 286.

[98] *История Шотландии Тайтлера*, том iii. стр. 157, 158.

[99] Линдси из Питскотти (*Хроники*, том i, стр. 2) говорит, что сразу после смерти Якова I. 'Александр, граф Дуглас, будучи очень могущественным в семье и друзьях, презирал всех офицеров короля из-за его великого могущества'. Лучший отчет, который я видел о возвышении Дугласов, содержится в ученом, но плохо переваренном труде Чалмерса "Каледония", том i, стр. 579-583.

[100] В 1440 году "глава этой семьи имел доходы, возможно, эквивалентные доходам шотландского монарха". *История Шотландии Пинкертон*, том i, стр. 192.

[101] 'Это может дать нам некоторое представление об огромной власти, которой обладал в тот период граф Дуглас, если мы упомянем, что в этот рыцарский день военная свита, которой он был окружен и во главе которой он выводил шотландских чемпионов на ристалище, состояла из пяти тысяч человек'. *История Шотландии Тайтлера*, том iii. стр. 215. Старый историк его семьи говорит: 'С ним нелегко иметь дело; у них должны быть муфли, которые могли бы поймать такого кота. Действительно, он вел себя как человек, который думал, что они ему не грозят; у него была большая семья; он всегда ездил верхом в хорошем сопровождении, когда появлялся на публике; 1000 или 2000 лошадей были его обычным обозом.' "*История дома Дугласов*" Юма, том i, стр. 273, 274, переиздано в Эдинбурге в 1743 году.

[102] В семнадцатом веке 'Отсутствие вождя влекло за собой своего рода дурную славу; и те, у кого не было собственного определенного личного положения, сочли бы необходимым стать Гордонами или Крайтонами, на что могли бы указать благоразумие или склонность'. *Уголовные процессы Бертона в Шотландии*, том i, стр. 207. Сравните "*Уголовные процессы Питкэрна в Шотландии*", том iii, стр. 250, о "защитной фамилии Дуглас"; и "*Горцы Скена*", том ii, стр. 252, о чрезвычайной важности, придаваемой имени Макгрегор.

[103] 'Люди величайшего могущества и силы после Дугласов, которые были в Шотландии в свое время'. "*История дома Дугласов*" Юма, том i, стр. 344. Великая держава графов Росс на севере датируется тринадцатым веком. См. "*Горцы Скена*", т. i. стр. 133, 134, т. ii. стр. 52.

[104] В 1445 году граф Дуглас заключил "лигу наступления и обороны и комбинационный союз для всех, без исключения (не для самого короля), с графом Кроуфердом и Дональдом, лордом Островов; который был взаимно скреплен и подписан ими тремя, на 7-й день Марша". '*Анналы Бальфура*', том i, стр. 173. Это включало в себя союз других благородных семей. "Он служил в бандисе с Эрлом из Кроуферда, и с Дональдом Лордом из Илиса, и с Эрлом из Росса, чтобы принимать участие каждый день вместе с другими, а также с дайверсом и другими благородными людьми". "*История Шотландии*" Лесли, с 1436 по 1561 год, стр. 18.

[105] Интересный отчет об этом подлом преступлении приведен в "*Истории дома Дугласов*" Юма, том i, стр. 274-288, где выражено сильное, но естественное возмущение. С другой стороны, Лесли, епископ Росса, рассказывает об этом с хладнокровным безразличием,

характерным для недоброжелательности, которая существовала между дворянами и духовенством и которая помешала ему рассматривать убийство двух детей как преступление. 'И после того, как он был поставлен под бремя ответственности в присутствии губернатора, канцлера и других благородных людей, судья был смещен с должности, а ане буллис был представлен, килк в те дни был назначен исполняющим обязанности; а упомянутый эрл, Дэвид его брат и Малькольм Флеминг из Каммерналда предстали перед замком Йетт в Эденбурге'. *История Лесли*, стр. 16.

[106] Двоюродный брат мальчиков, которые были убиты в 1440 году. См. *"Историю дома Дугласов" Юма*, том i. стр. 297, 816.

[107] "С заверением за широкой печатью". *Дом Дугласов Хьюма*, том i, стр. 351. См. также *"Историю Стерлингшира" Ниммо*, Эдинбург, 1777, стр. 246, 322, 323.

[108] *"Дом Дугласов" Юма*, том i. стр. 351-353. Король "ударил его в грудь кинжалом". В тот же миг Патрик Грей ударил его топором по голове. Остальные, стоявшие у дверей, услышав шум, вошли внутрь и тоже набросились на него; и, чтобы показать свою привязанность к королю, нанесли ему каждый по удару после того, как он был мертв". *Сравните Линдси из "Хроник Шотландии" Питскотти*, том i, стр. 103. "Он приказал ему сбросить тело с ног; и стражник, услышав шум в комнате, ворвался внутрь и убил графа на месте".

[109] В *"Истории Стерлингшира" Ниммо*, стр. 99, 100, отчуждение дворян от Церкви датируется "серединой пятнадцатого века"; и это, возможно, правильно в отношении всеобщей неприязни, хотя движение можно четко проследить на пятьдесят лет раньше.

[110] См. *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 33, редактировать. фолио, 1814; уважение к "статуту хейли кирк кухилка угнетает и причиняет боль".

[111] В 1449 году Яков II "с тем нежным уважением к духовенству, которое не мог не испытывать принц, успешно использовавший их поддержку и советы, чтобы спастись от тирании своей знати, предоставил им некоторые важные привилегии". *История Шотландии Тайтлера*, том iii. стр. 226. См. Также стр. 309. Среди многих подобных мер он уступил монахам Пейсли некоторые важные юрисдикционные полномочия, принадлежавшие короне. Хартия, 13 января 1451-2, в *Каледонии Чалмерса*, том iii. стр. 823.

[112] *"История Шотландии" Пинкертона*, том i. стр. 188, 209, 247, 254. *Каталог шотландских епископов Кита*, стр. 19. *Пограничная история Ридпата*, стр. 298. *Шотландская хроника Холлинсхеда*, том ii. стр. 101. В книге Сомервилла *"Воспоминания о семействе Сомервилл"*, том i, стр. 213, говорится под 1452 годом, что страх перед знатью 'однажды побудил его величество задуматься об отъезде из страны; но епископ Кеннеди, в то время архиепископ Сент-Эндрюса, убедил его в обратном, советам которого в то время и далее он следовал во многом, что в конце концов принесло его величествам большую пользу'. См. также *"Историю Лесли"*, стр. 23. "Королю было бы подчеркнуто, что он был бы полон решимости покинуть королевство и остаться во Франции, если бы епископ Джеймс Кеннеди из Сент-Андройса не предостерег его от отставки".

[113] 'Его земли были разграблены графом Кроуфордом и Александром Огилви из Инверэрити по наущению графа Дугласа, который далее приказал им схватить, если возможно, епископа лично и заковать его в кандалы'. Мемуары Кеннеди, в книге Чемберса *"Жизнь шотландцев"*,

том iii. стр. 307, Глазго, 1834. 'Sed Kennedus et ætate, et consilio, ac proinde auctoritate cæteros anteibat. In eum potissimum ira est versa. Crafordiæ comes et Alexander Ogilvius conflato satis magno exercitu, agros ejus in Fifa latè populati, dum prædam magis, quam causam sequuntur, omni genere cladis in vicina etiam prædia grassati, nemine congregi auso pleni prædarum in Angusiam revertuntur. Kennedus ad sua arma conversus comitem Crafordiæ disceptationem juris fugientem diris ecclesiasticis est persecutus.' *Бьюкенен, Перум Шотландской истории*, lib. xi. стр. 306.

[114] "Эта святая святых бишопа очень похожа на короля, килк мог бы показать ему, как он может снова напасть на Дугласов и остальных заговорщиков. Этот бишоп туик, бывший великий шейф из эрроуза, быстро связал джиддера уэрри и пожелал, чтобы тот приложил руку к его колену и сломал руку. Король сказал, что это невозможно, потому что они так много воют, и поэтому мы решили подождать. Бишоп ответил, что это была чистая правда, и все же он рассказал королю морскому, как разбить их: и потянул дальше, и туа-туа-туа, пока он не разбил их всех; затем сказал королю: "Да, большинство из заговорщиков таким образом, и они жалуются, что снова восстали, потому что их так много, и они так крепко связаны, чтобы снова участвовать в заговоре, что да, они не могут их разбить". давай договоримся. Но будь отвратительной практикой, как я говорил, будь подобен своим стрелкам, то есть да должен побеждать и сокрушать лорда за лордом самого себя, ибо да не может справиться со всеми сразу". *Линдси из "Хроник Шотландии" Питскотти*, т. i. стр. 172, 173.

[115] "Он не допустил, чтобы дворяне приходили к нему и управляли королевством с помощью совета". *"История Шотландии Лесли"*, стр. 48. 'Уолд не воспользовался советом своих нобилей'. стр. 55. 'Исключая дворянство'. *"История дома Дугласов" Юма*, том ii. стр. 33. "Дворянство, видящее его решимость погубить их". стр. 46. 'Он презирает свое дворянство'. *"Анналы Бальфура"*, том i, стр. 206.

[116] Также для их усиления. Посмотрите, например, что "получило название золотой хартии из-за содержащихся в ней обширных привилегий, подтвержденных архиепископу Шевезу Джеймсом III 9 июля 1480 года". *"История Сент-Эндрюса" Грирсона*, стр. 58, Cupar, 1838.

[117] 'Влияние аристократии на своих воинственных сторонников было таково, что король был доставлен в эдинбургский замок без волнений или ропота'. *История Шотландии Пинкертон*, том i, стр. 308.

[118] "Король и его министры умножили оскорбления, которые они наносили знати". ... "Было издано воззвание, запрещающее любому лицу появляться с оружием в руках на территории двора; что в то время, когда ни один высокопоставленный человек не покидал свой собственный дом без многочисленной свиты вооруженных сторонников, фактически лишало дворян всякого доступа к король." ... "Его пренебрежение к знати раздражало, но не ослабляло их". *История Шотландии*, книга i. стр. 68, в *Трудах Робертсона*, изд. Лондон, 1831 год.

[119] *Balfour's Annales*, vol. i. pp. 213, 214; Buchanan, *Rerum Scoticarum Historia* Линдси из Питскотти (*Хроники*, том i, стр. 222) говорит: "Это может быть примером для всех королей, которые требуют наследства, а не отпадения от Бога". ... "или, если бы он послушался совета своих старших лордов и баронов, он не стал бы больным человеком".

[120] *Акты парламентов Шотландии*, фолио, 1814, том ii. стр. 232. "Что упомянутый настоятель подтверждает, что он является тамеей салл нейд на пружизюн римского двора".

[121] *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 240; и краткое изложение устава (стр. 21): 'Аннулирование пожертвований, статуты и всего, что причиняет вред кроуну или хали кирку'. В следующем году (1504) король 'значительно увеличил' доходы епископства Галлоуэй. *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 417.

[122] *Пинкертон истории Шотландии*, том. второй. стр. 63; *Калдервуд в истории Церкви Шотландии*, том. viii. стр. 135, редактировать. Общество Вудроу, Эдинбург, 1849. Последний авторитетный источник утверждает, что 'Епископ придумал королю Якову Четвертому способ, как тот мог бы достичь великого успеха и извлечь выгоду. Он посоветовал ему созвать своих баронов и всех тех, кто владел какими-либо землями в королевстве, предъявить свои свидетельства в порядке признания; и, если у них не будет достаточных письменных подтверждений, распоряжаться их землями по своему усмотрению; за этот совет его сильно возненавидели. Но король, почувствовав недовольство страны, легко согласился с владельцами.

[123] Регентство Олбани, мало понятное более ранним историкам, было тщательно изучено мистером Тайтлером, в чьей ценной, хотя и слишком пространной работе можно найти лучший отчет о нем. *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 98-160, Эдинбург, 1845. О вражде между Олбани и знатью см. "*Историю Дамбартоншира*" Ирвинга, стр. 99; а о возрождении их власти на севере после смерти Якова IV., см. "*Историю Западного нагорья*" Грегори, стр. 114, 115.

[124] *Tytler истории Шотландии*, том. Ив. С. 180-182: 'в течение нескольких месяцев, не было ни канцелярии доверять или жалование в Королевстве, который не был заполнен Дуглас, или существо из дома.' См. также стр. 187, 194; и *Каталог шотландских епископов Кита*, стр. 22, 23. Битон, которого так грубо лишили должности канцлера, что, по словам Кита, в 1525 году он был вынужден "скрываться среди своих друзей из-за страха за свою жизнь", упоминается в предыдущем году как главный сторонник правительства Олбани; 'это большинство благоволило герцогу Олбани'. *Государственные документы правления Генриха VIII.*, том iv. стр. 97, 4to, 1836.

[125] Полная власть Дугласов продолжалась с прекращения регентства Олбани до побега короля в 1528 году. "*История церкви и государства в Шотландии*" Кита, редактировать. Эдинбург, 1835, т. i. стр. 33-35. Сравните "*Анналы Бальфура*", том i, стр. 257. "Граф Ангус Виолентли захватывает одного из них в плен и фактически возвращает короля ему в качестве пленника; в течение этого времени он, граф Леннокс, и Джордж Дуглас, его старший брат, свободно распоряжаются всеми делами как церкви, так и стейта".

[126] *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 195, 196. В любопытном труде, озаглавленном *Дневник событий*, стр. 10, говорится: "В день Божий 1500 года, туанти ахт зейрис, королевская милость сличта уана из Дугласси". Из Стерлинга он отправился в Эдинбург 6 июля 1528 года и отправился в 'автобусную мастерскую Святого Андроса Легеринга'. Смотрите письмо, написанное 18 июля 1528 года лордом Дакром Вулси в *Государственных бумагах Генриха VIII.*, том iv. стр. 501, 4to, 1836. Сравните прокламацию от 10 сентября 1528 г. в *Уголовных процессах Питкэрна в Шотландии*, том i. часть i. стр. 138 *, 139*, Эдинбург, 4to, 1833. Я особо указываю на эти документы, потому что Линдсей из Питскотти (в своих *Хрониках Шотландии*, т. ii, стр. 335) ошибочно относит бегство Джеймса к 1527 году; и он, как правило, один из самых точных из старых авторов, если он действительно автор произведения, носящего его имя.

[127] *Государственные документы Генриха VIII.*, том iv. стр. 501.

[128] Арчибальд был депривитом тезауруса, а плацит таирин Роберт Кэрнкорс - настоятелем Халирудхауса. И это был тейн из упомянутого Арчибальда тайного сейла, и он отдавался бишопу из Данкелла.' *Дневник событий*, стр. 11.

[129] Тайтлер (*История Шотландии*, том iv, стр. 196) говорит: "Его первым действием было созвать совет и издать прокламацию о том, что ни один лорд или последователь дома Дугласов не должен осмеливаться приближаться ближе, чем на *шесть* миль от двора, под страхом государственной измены'. По этому поводу не приводится никаких авторитетных источников; и историк семьи Дугласов отчетливо заявляет: "в пределах *двенадцати* миль от короля, под страхом смерти". "*Дом Дугласов*" Юма, том ii. стр. 99. Смотрите также *Дневник событий*, стр. 10: "той нане из тейм-нор-таир-фамильярис, рядом с королем, был туэльф Милли'. Причина заключалась в том, что "упомянутая милость короля вызвала большие подозрения у временного лорда, потому что они были фаворитами Дугласси'. *Дневник*, стр. 12.

[130] 'Эрл кейтнесский и пять сотен его людей убили уэса и утопили его в море'. *История Шотландии Лесли*, стр. 141.

[131] *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 203, 204.

[132] *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 324, редактировать. фолио, 1814 год.

[133] *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 207.

[134] *Тайтлер*, том iv. стр. 212.

[135] 'Его предпочтение духовенства светским лордам вызывало отвращение у этих гордых вождей'. *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 230. См. Также стр. 236. Его причины изложены им самим в любопытном письме, которое он написал Генриху VIII в 1541 году. 'Мы надеемся, - пишет Джеймс, - что, как мы сказали, это письменно, а не информативно, и в конечном итоге это обычная попытка наших киркменов причинить нам вред и веру, и противопоставить нашу веру и пользу. Мы не можем понять, что могло бы заставить Вас поверить самину, заверив Вас, что *Мы никогда не будем поддерживать верность и требовать послушания вам во все времена*, и я не вижу и не пытаюсь использовать ни их юрисдикцию, ни превосходство, ни то, что они и я не были первыми институтами Шотландской церкви, поэтому Мы не можем изменить нашу совесть или уважение, которое Мы испытываем к чести и вере Бога и Халикирк, и вам не будет неудобно приходить в Ws и проходить через наше царство; поскольку Кирк - это первый институт в нашем царстве, штат, в котором он никогда не потерпит неудачу, но он по-прежнему послушен нашим прародителям и, по нашему мнению, очень благодарен Ws, и никогда не был таким, как раньше.' Это письмо, которое, с нескольких точек зрения, стоит прочитать, можно найти в *Государственных бумагах Генриха VIII.*, т. v., стр. 188-190, 4to, 1836.

[136] *Tytler истории Шотландии*, том. Ив. с. 212, 213, и *Арнот истории Эдинбурга*, 4to, 1788, стр. 468: 'пятнадцать рядовых судей, семь священников, семь мирян, и президента, которых его долг заключался в том, чтобы быть церковником.' В статуте, напечатанном в фолиантном издании 1814 года (*Акты парламентов Шотландии*, том ii, стр. 335), говорится: "xiii псоу наполовину временный, наполовину временный президент". Мистер Лоусон (*Римско-*

католическая церковь в Шотландии, Эдинбург, 1836, стр. 81) предполагает, что именно архиепископ Сент-Эндрюсский посоветовал создать этот трибунал.

[137] Кит, который явно не восхищается этой частью истории своей страны, говорит, что под 1546 годом 'Некоторые из нашей знати сочли своим мирским интересом, в той же степени, что и духовным, придерживаться новых мнений в религиозных вопросах'. *"Дела церкви и государства" Кита*, том i. стр. 112, 113. Позже, и с еще большей прямоотой: "Дворяне хотели прикоснуться к наследству киркменов". том iii. стр. 11.

[138] 'В августе месяце (1534 г.) епископы, получив подходящую возможность, возобновили свою битву против Иисуса Христа. Дэвид Стратилон, благородный человек из Дома Лорестоун, и мистер Норман Гоурли предстали перед судом в аббатстве Хейрудхаус. Сам король, весь облаченный в рид, присутствовал при этом, и грейт вел войну с Дэвидом Стратоуном, чтобы заставить его отречься и сжечь свой законопроект; но он, всегда стоявший на его защите, в конце концов был приговорен к сожжению. Он просил милости у короля. Епископы прайдли ответили, что "руки короля связаны войной и что у него нет милости, которую он мог бы оказать тем, кто был осужден законом". Так и его вместе с мистером Норманом после обеда, на 27-й день Августа, отвели в местечко рядом с деревней Гринсайд, между Летом и Эдинбругом, с намерением, чтобы жители Файфа, увидев пожар, пришли в ужас.' *Уголовные процессы Питкэрна в Шотландии*, том i. часть i. стр. 210*. Также *"История шотландской церкви" Калдервуда*, том i, стр. 106, 107.

[139] 'Судя по письму в Государственную газету, Генри протестовал против присвоения Джеймсу этого титула'. *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 223. См. Также стр. 258.

[140] В 1535 году в его тайный совет входили в основном духовные лица.' Там же. том iv. стр. 222. А сэр Ральф Сэдлер во время своего посольства в Шотландию в 1539-40 годах пишет: 'Итак, король, насколько я могу судить, вынужден силой использовать епископов и свое духовенство в качестве единственных министров для управления своим королевством. Это люди остроумия и политики, которых я вижу здесь; они никогда не ускользают от внимания короля. И если они чувствуют что-либо, что хоть в малейшей степени может их задеть, или что король, кажется, доволен чем-либо подобным, они прямо внушают ему, каким католическим принцем был его отец, и кормят его как справедливыми словами, так и многими другими, в соответствии с той политикой, которой они руководят (имея также все управление его делами), как им заблагорассудится.' *Государственные документы и письма сэра Ральфа Сэдлера*, Эдинбург, 1809, 4то, том i, стр. 47.

[141] *Государственные документы Генриха VIII.*, том v. стр. 128. *Дневник событий*, стр. 22. Преподобный мистер Кирктон заявляет, что новой королевой была 'ане эгге из кровавого гнезда Гизов'. *История церкви Шотландии Кирктона*, под редакцией Шарпа, Эдинбург, 1817, 4то, стр. 7.

[142] 'По возвращении домой он был назначен коадьютором и объявлен будущим преемником своего дяди в примате Сент-Эндрюса, в который он был полностью облечен после смерти своего дяди в следующем, 1539 году'. *Каталог шотландских епископов Кита*, стр. 23, 24.

[143] *"Жизнь Нокса" Макри*, стр. 20. *"История Шотландской церкви" Споттисвуда*, том i, стр. 139. *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, стр. 178. *Сборники Вудроу о жизни реформаторов*, том i, стр. 100.

[144] Тайтлер (*История Шотландии*, том iv, стр. 241) говорит, что жестокость 1539 года вынудила "многие преследуемые семьи принять интересы Дугласов".

[145] О Дугласах утверждается, что в начале шестнадцатого века их 'союзы и власть были равны половине шотландской знати'. *История Глазго Брауна*, том i, стр. 8. Смотрите также об их связях, *Дом Дугласов Хьюма*, том i, стр. xix. 252, 298, том ii, стр. 293.

[146] Генрих VIII в 1532 году прямо среди условий мира добивался, чтобы Дугласы, согласно его обещанию, были восстановлены. Что касается самого короля Генриха, то он оказывал им всевозможные милости и почести и сделал графа и сэра Джорджа членами своего Тайного Совета". *История дома Дугласов Хьюма*, том ii. стр. 105, 106. Джеймс очень ревниво относился к любому общению, происходившему между Дугласами и другими его подданными, но предотвратить это было невозможно. См. письмо, которое он написал сэру Томасу Эрскину (в*Сборнике Сполдинг-клуба*, том ii, стр. 193, Абердин, 1842, 4to), начинающееся так: "Я поручаю вам ричт Хартли, и мы сообщаем вам, что вы, возможно, встретитесь с Горджем и Арчебальдом Дуглзом в Англии, и вы снова получите мое приказание и ваше обещание, когда мы отбудем". Смотрите также дела леди Тракуэр, Джона Мэтисона, Джона Хьюма и других в*Уголовных процессах Питкэрна в Шотландии*, том i. часть i. стр. 161*, 177*, 202*, 243*, 247*.

[147] Дугласы все еще пользовались высокой благосклонностью и щедрыми пособиями в Англии; их власть, хотя номинально и угасла, все еще была далека от разрушения; их шпионы проникали во все уголки, следовали за королем во Францию и сообщали информацию о его самых частных действиях; их феодальные соглашения и бандитские разборки все еще существовали и связывали многих из наиболее могущественной знати в своих интересах. в то время как сила королевского правления и его предпочтение духовенства светским лордам вызывали отвращение у этих гордых вождей и побуждали их надеяться на восстановление своего влияния в результате любых перемен, которые могли произойти. ' *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 229, 230. Эти узы манрента, замеченные Тайтлером, были одним из наиболее эффективных средств, с помощью которых шотландская знать обеспечивала свою власть. Без них аристократии было бы трудно противостоять объединенной силе короны и Церкви. В связи с этим они заслуживают особого внимания. Чалмерс (*Каледония*, том i, стр. 824) не смог найти связь манрента ранее 1354 года; но в "*Воспоминаниях Сомервиллов*" лорда Сомервилля, изд. Эдинбург, 1815, том i, стр. 74, один упоминается в 1281 году. Это самый ранний экземпляр, с которым я встречался; и они не стали очень распространенными до пятнадцатого и шестнадцатого веков. Сравните "*Историю дома Дугласов*" Юма, том ii, стр. 19. "*Воспоминания Сомервиллов*" Сомервилля, том i, стр. 234. *Уголовные процессы Питкэрна в Шотландии*, том iii. стр. 83. *История Думбартоншира Ирвинга*, стр. 142, 143. "*Горцы Скена*", том ii. стр. 186. "*История Западного нагорья*" Грегори, стр. 126. "*Анналы Абердина*" Кеннеди, том i, стр. 55. *Сборник Сполдинг-клуба*, том ii, стр. cvi. 93, 251, том iv, стр. xlviii, 179. Поскольку эти пакты были чрезвычайно полезны для поддержания баланса сил и предотвращения превращения шотландской монархии в деспотичную, парламентские акты, естественно, были приняты против них. Смотрите одно в 1457 году, а другое в 1555 году, касающееся "лиги" и "банди манрента и поддержки", в*Актах парламентов Шотландии*, фолио, 1814, том ii. стр. 50, 495. Такие постановления, противоречащие духу эпохи и противоречащие требованиям общества, не оказали никакого влияния на общую практику, хотя и повлекли за собой наказание нескольких человек. Манрент был все еще частым явлением примерно до 1620 или 1630 года, когда завершилась великая социальная революция, в результате которой власть

аристократии была подчинена власти Церкви. Затем изменение ситуации без труда и даже спонтанно осуществило то, чего тщетно пытался добиться законодательный орган. Дворяне, постепенно опускаясь до ничтожества, пали духом и перестали прибегать к тем ухищрениям, с помощью которых они долгое время поддерживали свой порядок. Облигации манрента с каждым годом становились все менее распространенными, и сомнительно, сохранился ли какой-либо их экземпляр после 1661 года. См. *"Каледония"* Чалмерса, том iii. Стр. 32, 33. Однако утверждать отрицательное настолько опасно, что я не хочу полагаться на эту дату, и несколько случаев могут существовать позже; но если это так, то их очень мало, и несомненно, что, говоря в целом, середина семнадцатого века - это эпоха их исчезновения.

[148] *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 370, 371. "Что человек, занимающий должность или обусловленный тем, что он является гражданином, не лелеет и не одобряет еретиков". ... "И также, что человек, которого не подозревают в ереси, тем не менее, имеет право поддерживать и облагодетельствовать салля в этой сфере, если он не занимает ни честной должности, ни судебного^{суда}, ни тюрьмы в городе, ни в^тни за что на свете не признаюсь, что являюсь нашим советником".

[149] Линдси из Питскотти (*Хроники*, том ii, стр. 383) говорит, что они "замыслили посеять раздор и разногласие между лордами и джентльменами с помощью своего принца; ибо они отложили и письменно передали королю информацию о количестве трое графов, лордов и баронов, джентльменов и ремесленников, то есть, как они все знают, все были еретиками и не подчинялись законам папы Римского и постановлениям святой церкви; надеюсь, его светлость сочтет высшим кримом каждого человека, который сделал то же самое" ... "все таир ландис, рент, гидис и гейр аппертеанис благодарят вашу светлость за неуважение к наш святой отец Папа римский, и его законники, и глубокое презрение к авторитету вашей светлости. Этот документ был найден среди бумаг короля после его смерти, когда выяснилось, что из шестисот имен в списке более трехсот принадлежали к высшей знати: 'Eum timorem auxerunt codicilli post regis interitum reperti, e quibus supra trecentorum и prima nobilitate nomina continebantur'. Бьюкенен, *Рерум шотландской истории*, lib. xv. стр. 424. Сравните *Государственные документы Сэдлера*, 1809, том i, стр. 94; и *Исторические сборники Уотсона о церковных делах в Шотландии*, 1657, стр. 22. По словам Уотсона, это "называлось свитком Блуди".

[150] Осенью 1542 года духовенство побудило Джеймса "вступить в войну против короля Генриха, который одновременно гарантировал ему победу, поскольку он сражался против принца-еретика, и выплатил ренту в размере 50 000 крон за ведение войны". *"История графства Ренфрю"* Кроуферда, 1782, 4то, часть i. стр. 48. Сравните в *Государственных бумагах Генриха VIII.*, т. v., стр. 154, письмо, написанное в 1539 году Норфолком Кромвелю: "От различных других источников мне сообщают, что священнослужители Шотландии так опасаются, что их король поступит по их воле, как поступили королевские высочества в этом королевстве, что они делают все возможное, чтобы привести своего господина на войну; и от многих источников мне сообщают, что большая часть светской власти там была их король должен был последовать нашему примеру, о чем я молю Бога, чтобы на вас снизошла ваша милость". Даже после битвы при Солузе политика духовенства, как известно, была той же самой. 'И, несомненно, кыркемены трудятся всеми возможными способами, чтобы способствовать объединению и установлению этих двух царств; на каких основаниях вы можете легко догадаться'. Письмо Садлера Парру, датированное Эдинбургом 27 марта 1543 г., в *Государственных бумагах Генриха VIII.*, т. v. стр. 271, 4то, 1836.

[151] 'Десять тысяч шотландских солдат обратились в бегство при виде трехсот английских кавалеристов, почти не оказав мгновенного сопротивления'. *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 264.

[152] Лучший отчет об этих событиях можно найти в "*Истории Шотландии*" Тайтлера, т. iv. стр. 260-267. Я также ознакомился с *Историей границ Ридпата*, стр. 372, 373. *Шотландская хроника Холлинсхеда*, том ii. стр. 207-209. *История Лесли*, стр. 163-166. *Линдси из "Хроник Питскотти"*, том ii. стр. 399-406. "*История шотландской церкви*" Калдервуда, том i, стр. 145-152. *Бьюкенен, Рерум шотландской истории*, lib. xiv. стр. 420, 421.

[153] 'Это поражение было настолько бесчестным, особенно для духовенства, которое подтолкнуло короля к этой попытке и обещало ему большой успех в ней; и поскольку было такое видимое свидетельство гнева Божьего, сражающегося с ними по его провидению, все люди были поражены страхом и изумлением; епископам какое-то время было стыдно показывать свои лица'. *История церкви Шотландии Стивенсона*, переиздано, Эдинбург, 1840, стр. 30.

[154] Мы можем с готовностью поверить утверждению старого хрониста, что 'знать не слишком тяжело восприняла его смерть, потому что он многих оштрафовал, еще больше заключил в тюрьмы и заставил немало людей (чтобы избежать его неудовольствия) бежать в Англию и скорее верить себя врагу, чем его гневу'. *Шотландская хроника Холлинсхеда*, том ii. стр. 210.

[155] *История дома Дугласов Юма*, том ii. стр. 111.

[156] Часто говорили, что это завещание было подделано; но для такого утверждения я не могу найти ни малейшего доказательства, кроме заявления Аррана (*Государственные документы Сэдлера*, Эдинбург, 1809, т. i, стр. 138) и показаний, если это можно назвать показаниями, шотландских историков, которые не утверждают, что исследовали почерк, и которые, будучи сами протестантами, по-видимому, полагают, что тот факт, что человек является кардиналом, квалифицирует его как виновного в любом преступлении. Нет сомнений в том, что Битон был совершенно беспринципен и, следовательно, был способен на подделку. Тем не менее, у нас нет доказательств; и завещание такое, какого мы могли ожидать от короля. Что касается Аррана, то его заявление не стоит бумаги, на которой оно написано: потому что он ненавидел Битона; сам он был очень беспринципен; и он унаследовал пост, который Битону пришлось освободить на том основании, что завещание было подделано. Если такие обстоятельства не дисквалифицируют свидетеля, то некоторые из наиболее устоявшихся принципов доказывания являются ложными. Читатель, желающий глубже изучить этот предмет, может сравнить, в пользу подделки завещания, *Buchanan, Rerum Scoticarum Historia*, lib. xv. стр. 422, *Abredoniae*, 1762; *Knox's History of the Reformation*, edit. Лэйнг, Эдинбург, 1846, т. i, стр. 91, 92; "*История Дамбартоншира*" Ирвинга, второе издание, 4то, 1860, стр. 102; и, в пользу ее подлинности, "*История Сент-Эндрюса*" Лайона, Эдинбург, 1843, т. i, стр. 304, 305. Некоторые другие авторы по этому вопросу оставляют это сомнительным: "*История Шотландии*" Тайтлера, 1845, т. iv, стр. 274; "*Римская церковь Лоусона в Шотландии*", 1836, стр. 99; и примечание в "*Церкви и государстве Кейта в Шотландии*", 1844, т. i, стр. 63.

[157] 26 января 1542-3 гг. 'упомянутый кардинал был помещен в тюрьму в Далкейте'. *Дневник событий*, стр. 26. См. также относительно его заключения письмо, написанное Ангусом и

Дугласом 16 марта в *Государственных бумагах Генриха VIII.*, том v., стр. 263. Тогда он был в "твердыне".

[158] Его назначение было подтверждено парламентом 12 марта. *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 411: "tuto' lau'исполнен изящества и достоинства этого королевства'. Он отстранил духовенство от власти. 20 марта того же года сэр Ральф Сэдлер пишет Генриху VIII, что сэр Джордж Дуглас "привел меня в зал совета, где я обнаружил большое количество дворян и других лиц за длинным столом и стоящих дайверов, но среди них не было ни одного епископа или священника. В верхнем конце доски сидел губернатор". *Государственные документы Сэдлера*, том i, стр. 78.

[159] *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 415, 419, 424, 423*; и *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 285.

[160] "Стал сторонником его доктрин'. *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 286. Но он, как и другие дворяне, не разбирался в доктринах и не придавал им особого значения; более того, он был очень продажен. В апреле 1543 года сэр Ральф Сэдлер пишет Генриху VIII: 'И лорд Максвелл сказал мне отдельно, "Что, действительно, у него не хватало серебра, и у него не было другого способа помочь, кроме как вашему величеству", о чем он просил меня сообщить тому же. Я спросил его, что могло бы его успокоить? и он сказал: 300л.; "поскольку, - сказал он, - вашему величеству казалось, что, когда он был у вашей светлости, он пользуется большим доверием, чем остальные пленники вашего величества, поэтому он надеялся сослужить вам такую же хорошую службу, как и любой из них; и среди них они окажут вам такую услугу, что, если война увенчается успехом, вы легко завоюете это королевство; поскольку своей стороны он передаст в ваши руки, при вступлении вашей армии, ключи от того же самого на западных рубежах, будучи все тамошние крепости под его охраной. Я предложил ему немедленно написать милорду Саффолку за 100фунтов стерлингов. для него, если он пожелает; но он сказал: "он останется, пока снова не получит известий от вашего величества по этому поводу". *Государственные документы Сэдлера*, том i, стр. 165.

[161] *Акты парламентов Шотландии*, том ii. стр. 415, 425. *Государственные документы Сэдлера*, том i. стр. 83. Нокс в своей *Истории реформации* (изд. Лэйнг, том i, стр. 100), лукаво замечает: "Чистое сердце долго вызывало отвращение; но в конце концов, осужденное повторно, и множеством голосов против, они также смирились; и, таким образом, Актом парламента все мужчины и женщины были вольны читать Священные Писания на таирском или английском языках; и, таким образом, все военные действия против них отменены".

[162] Или, как называет их Кит, 'английские лорды'. *История церкви и государства в Шотландии*, том i, стр. 80.

[163] В мае 1544 года англичане напали на Шотландию, *История Тайтлера*, том iv. стр. 316; и в том же месяце "англо-шотландская партия" состояла только из графов Леннокса и Гленкэрна, поскольку даже "Ангус, Джордж Дуглас и их многочисленные и могущественные сторонники присоединились к кардиналу". стр. 319. Что касается роли шотландского духовенства, смотрите в *Государственных документах Сэдлера*, т. i., стр. 173, письмо Генриху VIII, написанное 1 мая 1543 г.: "А что касается служителей церкви, я заверяю ваше величество, что они стремятся к войне всеми доступными им средствами и ежедневно развлекают дворян деньгами и наградами для поддержания войн, вместо того, чтобы заключать какое-либо соглашение с

вашим величеством; истинно, думая, что если мир и единство увенчаются успехом, они исправятся и утратят свою славу, которая они скорее умерли бы и подвергли опасности все это царство, чем отказались бы от этого.' См. также примечание на стр. 184.

[164] Бьюкенен записывает очень любопытный разговор между регентом и Дугласом, который, поскольку я не помню, чтобы встречал где-либо еще, я перепишу. Точная дата этого события не упоминается, но, судя по контексту, оно, очевидно, имело место в 1544 или 1545 году. 'Ibi cum Prorex suam deploraret solitudinem, et se a nobilitate derelictum quereretur, Duglassius ostendit "id ipsius culpa fieri, non nobilium, qui et fortunas omnes et vitam ad publicam salutem tuendam conferrent, quorum consilio contempto ad sacrificulorum nutum circumageretur, qui foris imbelles, domi seditiosi, omniumque periculorum expertes alieni laboris fructu ad suas voluptates abuterentur. Ex hoc fonte inter te et procures facta est suspitio, quæ (quòd neutri alteris fidatis) rebus gerendis maxime est impedimento.'" *Rerum Scoticarum Historia*, lib. xv. p. 435. Бьюкенену было в то время около тридцати восьми лет; и то, что какой-то подобный разговор, о котором он повествует, действительно имел место, я думаю, весьма вероятно, хотя историк, возможно, добавил кое-какие свои штрихи. Во всяком случае, он был слишком великим ритором, чтобы выдумать то, что его современники сочли бы маловероятным; так что, с любой точки зрения, этот отрывок ценен как свидетельство глубоко укоренившейся враждебности, которую дворяне питали к Церкви.

[165] "*История Шотландии*" Тайтлера, том iv. стр. 337. 'Заговор совершенно неизвестен ни нашим шотландским, ни английским историкам; и теперь, по прошествии почти трех столетий, он был обнаружен в секретной переписке Государственного архива'. Первое предположение об убийстве появилось в апреле 1544 года. См. *Государственные документы Генриха VIII.*, т. v., стр. 377, и конец Предисловия к т. iv. Но мистер Тайтлер и редактор *государственных газет*, похоже, упустили из виду еще более раннее указание на готовящееся преступление в *бумагах Сэдлера*. Смотрите в этом сборнике, том i, стр. 77, беседу, состоявшуюся в марте 1543 года между сэром Ральфом Сэдлером и графом Арраном; Сэдлера вел граф Гленкэрн. В тот раз граф Арран употребил выражение, касающееся Битона, значение которого сэр Ральф, очевидно, понял. "Клянусь Богом, - сказал он, - он никогда не выйдет из тюрьмы, пока я могу действовать по своему усмотрению, разве что для того, чтобы еще больше навредить ему". Я допустил то же самое, - ответил Сэдлер, - и сказал: "Это было бы жалко, но он должен получить такую награду, какой требовали его заслуги".

[166] *Государственные документы Генриха VIII.*, т. v. стр. 560. *Дневник событий*, стр. 42. "*История шотландской церкви*" Калдервуда, том i. стр. 221-223. Линдси из Питскотти (*Хроники*, том ii, стр. 484) рассказывает об обстоятельствах убийства, которые слишком ужасны, чтобы упоминать о них, и о которых достаточно сказать, что оно состояло в непристойном надругательстве, совершенном над трупом жертвы. Хотя подобные факты сейчас не могут быть опубликованы, они настолько характерны для эпохи, что их не следует обходить полным молчанием.

[167] В отношении чего два шотландских протестантских историка выразились следующим образом: 'Этим судом Бог предостерег людей, что в конце концов он отомстит тиранам за их жестокость, как бы они себя ни укрепляли'. "*История шотландской церкви*" Калдервуда, том i, стр. 224. И тот, кто рассматривает все обстоятельства, "должен признать, что это был колоссальный акт суда Господня, и что все это было отменено и направлялось Божественным Провидением". *История церкви и государства Шотландии* Стивенсона, стр. 38.

[168] Даже редактор книги Макри *"Жизнь Нокса"*, Эдинбург, 1841, стр. xxxv., замечает "несвоевременное веселье, которое он проявляет, рассказывая о подлом деянии" убийства Битона.

[169] Незадолго до своей смерти он сказал с честной и оправданной гордостью: 'Пусть этот неблагодарный человек и не узнает, но грядущие люди будут вынуждены нести ответственность за правду'. *Журнал Бэннатайна*, Эдинбург, 1806. стр. 119. Бэннатайн был секретарем Нокса. Следует сожалеть, что "Хорошая жизнь Нокса" до сих пор не была опубликована. Этот панегирик Мак-Крика является ничем не примечательным и необдуманым, который, вызвав бурную реакцию общественного мнения, нанес ущерб репутации великого реформатора. С другой стороны, секта епископалов в Шотландии совершенно слепа к истинному величию этого человека и неспособна разглядеть его сильную любовь к истине и благородное бесстрашие его натуры.

[170] *История Шотландии Тайтлера*, том iv. стр. 374, 375. *"Жизнь Нокса" Макри*, стр. 27, 28. *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, стр. 154. *Выставленный напоказ Пресвитерий*, 1663, 4то, стр. 28. *Задние лапы Шилдса распущены*, 1687, стр. 14, 39, 638. В своей *Истории Реформации*, изд. Лэйнг, том i, стр. 177, 180, называет это 'божественным фактом' и говорит: 'Это работа нашего Бога', что, говоря простым языком, означает, что Божество является убийцей. Но, как бы плохо это ни было, я согласен с М'Крием в том, что нет достоверных доказательств того, что он причастен к убийству. Сравните, однако, *"Дневник событий"*, стр. 42, с *"Историей Сент-Эндрюса" Лиона*, том ii. стр. 364.

[171] *M'Crie's Life of Knox*, стр. 38, 43, 350. *Осмотр пресвитерии Аргайлла*, 1848, стр. 19.

[172] *M'Crie's Life of Knox*, стр. 44, 71.

[173] Там же. стр. 99. Что касается знати, которая принимала его и слышала его проповедь, см. стр. 102.

[174] 'Под влиянием мотивов, которые никогда не были полностью поняты, он уехал в Женеву, где на некоторое время стал пастором протестантской конгрегации'. *"История церкви в Шотландии" Рассела*, 1834, том i, стр. 193. Макри, который не видит никаких трудностей, просто говорит: "В июле 1556 года он покинул Шотландию и, прибыв в Дьепп, отправился со своей семьей в Женеву". *Жизнь Нокса*, стр. 107.

[175] Нокс в своей пикантной речи сравнивает ее назначение с надеванием седла на спину коровы. 'Она была регентшей в 1554 году от Рождества Христова; и крун ударил ее по голове, и было такое зрелище (если бы у мужчин оно было), как ударить садиллом по спине нечестивой коровы'. Я копирую этот отрывок из превосходного издания *Истории реформации Нокса*, подготовленного мистером Лэйнгом, том i, стр. 242; но в *Исторических сборниках Уотсона о церковных делах в Шотландии*, 1657, стр. 73, есть несколько иная версия. "Столь же пристойное зрелище, - говорит Джон Нокс на языке нового Евангелия, - как надеть седло на спину непокорной свиньи".

[176] Герцог Аргайлл в своем *"Исследовании пресвитерии"*, стр. 9, называет ее "амбициозной и интригующей". Однако Лесли не только хвалит ее (*История*, стр. 289, 290), чего можно было ожидать, но даже Бьюкенен отдает ей должное в отрывке, необычайно любезном для столь протестантского и демократического писателя. 'Mors ejus varie mentes hominum affecit. Nam et

apud quosdam eorum, quibuscum armis contendit, non mediocre sui desiderium reliquit. Erat enim singulari ingenio prædita, et animo ad æquitatem admodum propenso.' *Buchanan, Rerum Scoticarum Historia*, lib. xvi. p. 487.

[177] *История Шотландии*, книга ii. стр. 91, в трудах Робертсона, 1831. *История Тайтлера*, том v. стр. 22, 23. Из Лесли (*История*, стр. 254, 255) следует, что некоторые дворяне поддерживали этот план, надеясь таким образом снискать благосклонность. "Несмотря на то, что многие лорды знати ради удовольствия квена объединились, чтобы завоевать тайму, но люди барониса и джентилла были этим вполне довольны" ... "подтверждая, что таир фоирфатерис и предикессурис защитили самин" (*то есть* королевство) "моя сотая йерис, вайлиантли с таир авин хэндис".

[178] 'Это завершило почти деспотическую власть дома Гизов'. *История Шотландии Тайтлера*, том v., стр. 27.

[179] Этот пакт, знаменующий важную эпоху в истории Шотландии, датирован 3 декабря 1557 года. Это напечатано в *Истории церкви Шотландии Стивенсона*, стр. 47; в *Истории церкви Калдервуда*, т. i, стр. 326, 327; и в *Истории реформации Нокса*, т. i, стр. 273, 274.

[180] В 1558 году 'лорды конгрегации разослали агентов по королевству, чтобы собрать подписки у тех, кто был дружелюбен к реформации'. *История Шотландской церкви Стефана*, Лондон, 1848, том i, стр. 58.

[181] Кит (*Дела церкви и государства в Шотландии*, том iii. стр. 82) называет его 'трубачом восстания', которым он, несомненно, был, и это тоже большая его заслуга, хотя придворный епископ вменяет это ему в вину. Шотландцы, если бы не их мятежный дух, давно бы утратили свои свободы.

[182] "Он отплыл из Дьеппа 22 апреля 1559 года и благополучно приземлился в Лейте в начале мая". "*Жизнь Нокса*" Макри, стр. 139. Сам Нокс говорит: "Вторая жизнь Майджа". *История реформации*, редактировать. Лэйнг, том i, стр. 318. "Его призвали домой дворяне, которые инициировали Реформацию". *История Церкви Шотландии Споттисвуда*, редактировать. Рассел, том ii. стр. 180.

[183] *Традиции Пенни из Перта*, стр. 310. *История реформации Нокса*, том i. стр. 321-323. *Лайонская история Сент-Эндрюса*, том i, стр. 329; и вдохновенное повествование в книге Бьюкенена "*Rerum Scoticarum Historia*", lib. xvi. стр. 471, 472. Некоторые интересные обстоятельства также сохранились в *Истории Лесли*, стр. 271, 272; но, хотя Лесли был современником, он ошибочно относит бунт к 1558 году. Более того, он приписывает Ноксу высказывания более подстрекательские, чем те, которые он использовал на самом деле.

[184] "*История Шотландии*" Тайтлера, том v. стр. 59, 62, 63. О графе Гленкэрне Чалмерс (*Каледония*, том iii, стр. 485) говорит, что он был 'религиозным негодяем, который пользовался пенсиями от Генриха VIII за нанесение ущерба стране своего рождения и льготами'. Это, помимо того, что неграмотно, еще и глупо. Гленкерн, как и другие аристократические лидеры Реформации, несомненно, находился под влиянием низменных побуждений; но он не только не причинил вреда своей стране, но оказал ей большую услугу.

[185] *История Шотландии Тайтлера*, том v. стр. 64-73.

[186] О королеве-регентше говорится, что в июле 1559 года 'она уже послала во Францию за новыми военными людьми'. Смотрите любопытную брошюру, озаглавленную "История поместий Шотландии с июля 1558 по апрель 1560 года", в *Сборнике общества Вудроу*, стр. 63, Эдинбург, 1844. Ходили всевозможные слухи, и в письме, датированном 12 октября 1559 года, говорится: "Я думаю, регент отправится в отставку тайно". Суммирую, что она отправится в Юнчкейт, для этого нужно подготовить три корабля. Суммирую, что она действительно больна. Самме говорит, что дьявол не может убить ее". *Государственные документы Сэдлера*, том i, стр. 499.

[187] "*История Шотландии*" Тайтлера, том v. стр. 104. Это было 22 октября 1559 года. Сравните *Государственные документы Садлера*, том i, стр. 512. 'В этот понедельник, 22 октября, дуажье была лишена своих полномочий с общего согласия всех присутствующих здесь лордов и баронов'. По этому случаю 'Джон Виллоке', проповедник, произнес речь в поддержку ее низложения. Среди других аргументов он сказал, 'что при низложении князей и тех, кто был у власти, Бог не всегда использовал свою непосредственную власть, но иногда он использовал другие средства, которые его мудрость считала хорошими, а справедливость одобряла. Через Асу Он лишил Мааху, свою собственную мать, чести и авторитета, которыми она пользовалась раньше; через Ииуя Он уничтожил Иорама и все потомство Ахава". Поэтому 'он (оратор) не видел причин, по которым они, прирожденные советники, знать и бароны королевства, не могли бы просто так лишиться ее всего полка'. "*История церкви*" Колдервуда, том i, стр. 540, 541; и "*История реформации*" Нокса, том i, стр. 442, 443.

[188] В *Дневнике событий*, стр. 55, 272, говорится, что флот прибыл 24 января 1559-60 годов; 'aucht greit schippis из Ингланда на рейде Лейта'. А в письме (в *Государственных бумагах Сэдлера*, том i, стр. 697), датированном 23 января, говорится: 'Грузы прибыли вчера во Фрай, пока еще числа ix или x, а остатки следуют за ними'. Таким образом, дата 10 января, указанная в примечании к книге Кейта "*Церковь и государство в Шотландии*", том i, стр. 255, очевидно, ошибочна. Каким бы важным ни было это событие, его точная дата не упоминается ни Тайтлером (*История Шотландии*, т. v., стр. 114, 115), ни Чалмерсом (*Каледония*, т. ii, стр. 631).

[189] *Каледония Чалмерса*, том ii. стр. 632. *История реформации Нокса*, том ii. стр. 57. Февральский Бервикский договор опубликован в книге Кейта "*Церковь и государство в Шотландии*", том i. стр. 258-262. Влияние знати было так велико, что английские войска были хорошо приняты народом, несмотря на старую и ожесточенную вражду между двумя нациями. 'Особенно в Файфе их с благодарностью приняли и хорошо уговорили, с таким тихим и нежным общением между нашей нацией и ними, что никто бы и подумать не мог, что когда-либо были какие-либо разногласия". *История поместий Шотландии*, с 1558 по 1560 год, в *Сборнике общества Вудроу*, стр. 78.

[190] "В шестой день Июля было решено окончательно покончить с упомянутым послом, прекратив все дебоши, противоречия и материальные проблемы, связанные с захватом Лейта, разгромом французов в таирфре и randevu с то же самое; и упомянутый пик даитит этот упомянутый день.' *Дневник событий*, стр. 277, 278. См. также стр. 60; и "*Дела церкви и государства в Шотландии*" Кита, том i, стр. 295.

[191] "То, что сам Нокс состоял в ордене священников, является неоспоримым фактом, который его биограф, покойный доктор Макри, назвал неоспоримым; и некоторые другие лидеры также были священниками; но большее число проповедников и все те, кто впоследствии стали

министрами, не имели вообще никаких приказов, даже таких, которые могли бы дать суперинтенданты". для их собственного предполагаемого призвания избрание народа и гражданская церемония посвящения в живые были всем, что тогда "считалось необходимым". *"История Шотландской церкви Стефана"*, 1848, т. i. стр. 145, 146. 'Новомодный вид служения, неизвестный в христианской церкви всем предыдущим поколениям'. *Церковь и государство Кита в Шотландии*, том iii. стр. 204. Сравните *"Исследованный пресвитерий Аргайлла"*, стр. 34-36.

[192] 'пользовании estaitis парламента он ānullit и declarit все Сик акты номера в tymes bipast ne aggreing ж^т линия goddis Слово и теперь contrair к confessiouñ-разумеется Фэй^т в соответствии с указанным словом publist в этом парламенте. Тобе из нане авале ни силы, ни эффекта. И оформляйте упомянутые действия и все, что от них требуется, без последствий и усилий, чтобы закончить". *Акты парламента Шотландии*, 1814, фолио, том ii. стр. 535. Это было 24 августа 1560 года.

[193] "Чтобы ни лицо, ни наследник не говорили "беспорядок", ни наследник прыщей "беспорядок" и не подвергались конфискации на стадии конфискации всего движимого и не подлежащего перемещению имущества, а арест тела осуществляется по усмотрению магистрата в пределах юрисдикции куай-луппура - от лица возможно, [= у] это будет воспринято за первую ошибку: изгнание из Реальности за вторую ошибку и оправдание перед законом за третью ошибку.' *Там же.*, 24 августа 1560 г., том ii. стр. 525.

[194] Как говорит Робертсон в своем сдержанном и несколько неубедительном стиле, 'Среди шотландской знати одни ненавидели лиц, а другие жаждали богатства высокопоставленного духовенства; и, упразднив этот класс людей, первые потворствовали своему негодованию, а вторые надеялись удовлетворить свою алчность'. *История Шотландии*, книга iii. стр. 116, в *Трудах Робертсона*, изд. 1831. Современное повествование в *"Дневнике событий"*, стр. 269, звучит для моего уха гораздо энергичнее. "Во всем этом тайме" (1559), "все киркменни хороши, и гейр верен спульцайту, и возвращение из темзы, в европейском местечке куэйр самин может быть задержан; для европейского человека, для основной пары, которая может получить что-либо, относящееся к любому киркмену, то же самое, что мы выиграли гейр".

[195] "Ноксу и в голову не приходило, что доходы Церкви будут секуляризованы; но что он и его коллеги должны были просто убрать старых чиновников, а затем завладеть их пособиями'. *История Шотландской церкви Стефана*, том i, стр. 106. 'Церковные доходы, о которых они ни на минуту не помышляли, должны были быть конфискованы протестантской знатью'. *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, стр. 233.

[196] Сравните *"Историю реформации" Нокса*, том ii, стр. 89-92, с *"Жизнью Нокса" Макри*, стр. 179. Макри говорит об этом документе: 'Не может быть никаких сомнений в том, что он получил санкцию Реформатора, если не был составлен им самим'. ... "Оно призывало их" (дворян) "восстановить церковное достояние, которым они сами несправедливо владели".

[197] "На последний пункт ответа нет'. *"История Шотландской церкви" Споттисвуда*, том i, стр. 327. 'Без всякого уведомления'. *"Дела церкви и государства" Кита*, том i, стр. 321.

[198] 'Они рассматривали протестантских проповедников как людей низкого происхождения, не намного поднявшихся над положением механиков или торговцев, без влияния, авторитета или значимости'. *Римско-католическая церковь Лоусона в Шотландии*, стр. 251. 'Никто не был

более безжалостен к бедным министрам, чем те, кто получал наибольшую долю арендной платы кирка'. *"История Шотландской церкви" Калдервуда*, том ii. стр. 42.

[199] В 1561 году, 'Несмотря на полное установление Реформации, протестантские священники находились в состоянии крайней нищеты и зависели от ненадежной помощи своей паствы'. *История Шотландии Тайтлера*, том v., стр. 207. Сравните письмо, написанное Ноксом в 1566 году, 'о крайней бедности, в которую попадают наши служители'. *История реформации Нокса*, том ii. стр. 542.

[200] "Ограниченная власть, которой до сих пор обладала корона, была почти полностью уничтожена, и аристократическая власть, которая всегда преобладала в шотландском правительстве (?), стала высшей и неконтролируемой". *"История церкви в Шотландии" Рассела*, 1834, том i, стр. 223.

[201] Смотрите *Первую книгу дисциплины*, перепечатанную в *Сборнике законов Церкви Шотландии*, часть i., второе издание, Эдинбург, 1837. Они резюмировали свои просьбы в одном исчерпывающем отрывке (стр. 119) о том, что 'хейл рэнтис из Кирк абусит в Папистри салле должен снова обращаться к Кирк'. В другой части (стр. 106) они откровенно признают, что "мы не сомневаемся, но некоторые из наших прошений на первый взгляд покажутся вам странными".

[202] 'Форма правления, рекомендованная в Первой книге дисциплины, никогда не получала надлежащей санкции государства, главным образом из-за алчности знати и джентри, которые желали сохранить для себя доходы Церкви'. *Сборник общества Вудроу*, стр. 324. См. также *Исследованная пресвитерия Аргайлла*, стр. 26. Многие дворяне, однако, подписали это (*История реформации Нокса*, том ii, стр. 129); но, говорит Споттисвуд (*История церкви Шотландии*, том i, стр. 373), "Большинство из тех, кто подписался, получив в свои руки имущество Церкви, никогда не могли быть принуждены расстаться с ним, и в этом вопросе церковного наследия они стали еще большими врагами, чем были остальные". паписты или кто бы то ни было еще".

[203] *"Жизнь Нокса" Макри*, стр. 204. *История реформации Нокса*, том ii. стр. 298-301, 307-309. *Buchanan's Rerum Scoticarum Historia*, lib. xvii. с. 500. Номинальное соглашение, разработанное с большим искусством, заключалось в том, что треть церковных доходов должна была быть разделена на две части: одна часть предназначалась правительству, а другая - проповедникам. Оставшиеся две трети были серьезно отнесены к католическому духовенству, которое в тот самый момент, согласно Акту парламента, подлежало смертной казни, если они исполняли обряды своей религии. Люди, чьи жизни находились в руках правительства, вряд ли стали бы ссориться с правительством по денежным вопросам; и в результате почти все перешло во владение знати.

[204] 'Служители, особенно в начале, в публичных проповедях противопоставляли себя такому развращению, ибо они видели цель дьявола'. *История реформации Нокса*, том ii. стр. 310.

[205] 'Ибо кажется совершенно неразумным, что праздные беллеи пожирают достояние Церкви, в то время как верные путешественники в винограднике Господнем страдают от крайней нищеты, а нуждающиеся члены тела Христова полностью заброшены'. *"История кирки" Калдервуда*, том ii. стр. 484, 485. Это было в 1569 году; а в 1571 году знаменитый Фергюсон в одной из своих проповедей объявил, что владельцы церковной собственности,

большинство из которых были дворянами, были 'негодьями'. Смотрите отрывок из его проповеди в *"Истории Данфермлина" Чалмерса*, стр. 309, Эдинбург, 1844. "Ибо в этот день Христос является спасителем для нас, спасителем для мантена, Служителя Церкви и чистых, спасителем для пророков, льстецов при дворе, негодяев и хайрелингов". "Ибо в этот день Христос является спасителем для нас, как и для т для мантена, Служителя Церкви и чистых".

[206] В сентябре 1571 года Джон Роу объявил, что с кафедры на плоскости обратился к лордам из-за их алчности и из-за того, что они не удовлетворяют справедливые просьбы Церкви, Божья жестокая месть обрушится на них; и сказал, более того: "Я не боюсь, милордис, вашего неудовольствия; ибо Я обращаюсь со своей совестью к Богу, который не потерпит наказания за викитнес и неуважение". *"Журнал Бэннатайна"*, правка. Эдинбург, 1806, стр. 257.

[207] В 1576 году Генеральная Ассамблея объявила, что их право на 'вотчину Церкви' было 'ex jure divino'. *Акты Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии*, том i, стр. 360, Эдинбург, 1839, 4то. Более ста лет спустя шотландский священник демонстрирует, насколько глубоко представители его профессии переживали это разграбление Церкви, тем, что изо всех сил старается упомянуть об этом. См. *"Клятва Иакова" доктора Джона Кокберна*, Эдинбург, 1696, стр. 422, 423, 425. Но это ничто по сравнению с недавним автором, преподобным мистером Лайоном, который намеренно утверждает, что, поскольку эти и подобные им действия произошли в царствование Марии, следовательно, королева пришла к насильственному концу; таково справедливое наказание за святотатство. 'Практика' (служения месс по усопшим) 'прекратилась, конечно, во время Реформации; и деньги были переведены королевой Марией гражданским властям города. Это был, несомненно, акт святотатства, ибо, хотя жертвенные мессы по усопшим были ошибкой, все же хранители завещанных таким образом денег были обязаны использовать их для священной цели. Это и другие святотатственные действия со стороны Марии, еще более решительного и масштабного характера, справедливо рассматривались как причина всех бедствий, которые впоследствии постигли ее". *История Сент-Эндрюса, написанная преподобным К. Дж. Лайоном, магистром медицины, пресвитером Епископальной церкви, Сент-Эндрюс*, Эдинбург, 1843, т. i, с. 54. В другом месте (т. ii, с. 400) тот же богослов упоминает, что обычным наказанием за святотатство является отсутствие мужского потомства. "Следующие примеры, отобранные из епархии Сент-Эндрюс, в соответствии с ее границами до Реформации, подтверждают общую доктрину, отстаиваемую на протяжении всей этой работы, о том, что святотатство всегда наказывалось в нынешней жизни, *иглавным* образом, отсутствием мужского потомства'. Текст выделен курсивом. См. также том i, стр. 118. Для будущего историка общественного мнения, возможно, будет полезно заметить, что работа, содержащая эти настроения, не является перепечаткой более старой книги, а была впервые опубликована в 1843 году и, по-видимому, была только что написана.

[208] "Генеральная ассамблея Кирки Шотландии, созванная в Эдинбурге 25 декабря 1566 года, обращается к Знати этого Королевства, которая исповедует Господа Иисуса вместе с ними и отрекается от этого римского антихриста, желает постоянства в вере и духа праведного суда. Видя, что Сатана, при всей нашей небрежности, достопочтенный, он так далеко продвинулся в этом Царстве в эти последние дни, что мы действительно находимся в крайней опасности не только *потерять наше временное имущество*, но и лишиться славного Евангелия" и с. *Церковь и государство Кита*, том iii. стр. 154, 155.

[209] В 1566 году в своем жалобном обращении к английским епископам и духовенству они сказали: "Дни тяжкие; беззакония изобилуют; христианское милосердие, увы, холодно как воск". *Акты и труды Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии*, том i, стр. 87, Эдинбург, 1839, 4-е издание.

[210] "Я вижу, что две стороны свободно подчиняются Дьяволу, и третья часть может быть разделена между Богом и Дьяволом: Вайль, запомни мне, что сегодня я говорю это, или пройдет много времени, и у Дьявола будут три части от третьей; и тогда суди сам, какой будет Божья поддержка". ... "Кто бы мог подумать, что, когда Иосиф правил Египтом, его братья страдали из-за витталиса и вернулись с пустыми секи к своим семьям? Люди, скорее, подумали бы, что положение Фараона, его сокровища и гарналлис должны были бы уменьшиться или что дом Иакова оказался бы в опасности, если бы его сохранили для хунгара". *История реформации Нокса*, том ii. стр. 310, 311.

[211] В мае 1571 года "В этот день мистер Крейг прочитал 130 Псалом; и в своей проповеди он сравнил храм Божий в этом городе с храмом Маккавеев; которые были угнетены ассирийцами, а храм - египтянами". *Дневник Бэннатайна*, стр. 150.

[212] Первый случай, который я наблюдал за чем-либо подобным угрозе, относится к 1567 году, когда "Собрание Церкви, созданное в Эдинбурге", призвало всех лиц, а также дворян, баронов и представителей других сословий, встретиться и лично явиться в Эдинбург 20 июля, для дачи своих советов и согласия в вопросах, которые затем будут предложены; особенно для очищения королевства от папства, установления политики Церкви и *возвращения ее наследия справедливым владельцам*. Заверяя тех, кто случайно отлучится в указанное время, при должном и законном объявлении, что они будут считаться препятствующими намеченному доброму делу и каклицемерные профессора будут считаться недостойными общения с паствой Христовой". *История Церкви Шотландии Споттисвуда*, том ii. стр. 64. Это, очевидно, намекает на возможность отлучения от церкви тех, кто не отдаст протестантским проповедникам имущество, украденное у католической церкви; и в 1570 году мы находим еще один шаг, предпринятый в том же направлении. направление. Под этим годом в *Актах и трудах Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии* встречается следующий отрывок, том i, стр. 181. 'Q. Могут ли быть отлучены от Церкви те, кто не выполняет обязанности Кирка, через кого министры хотят получать свое жалованье? А. Все, чего требует гражданский порядок от них, которые не выполняют обязанности Кирка, министры куэрби хотят получать свое жалованье; Кирка может подвергнуться отлучению за их неуважение.'

[213] В 1526 году "бедные служители, увещеватели и чтецы заявили на церковном собрании, что они не в состоянии ни жить на разрешенные стипендии, ни получать оплату того небольшого пособия, которое было разрешено". *"История церкви" Калдервуда*, том ii, стр. 172. Сравните *Акты Генеральных ассамблей*, 1839, 4то, том i, стр. 53; 'Потребовать выплаты министрам стипендий за прошлый год в соответствии с данным обещанием'. Это было в декабре 1564 года. В декабре 1565 года Генеральная Ассамблея заявила (стр. 71): "Несмотря на то, что нам часто и в разное время давались обещания, что наши упомянутые братья, путешественники и проповедники в Церкви Божьей, не будут лишены назначенных им стипендий, и зеты никоим образом не должны нарушать свои функции; тем не менее, зеты повсеместно хотят, чтобы стипендии назначались на разные периоды в прошлом". О положении вещей в 1566 году см. "The Мольба министров к королеве", в *"Истории реформации" Нокса*, том ii. стр. 529. Смотрите

также в *Сборнике Сполдингского клуба*, т. iv. стр. 92-101, Абердин, 1849, 4то, письмо, написанное Джоном Эрскином в декабре 1571 г., особенно стр. 97; "величайший из дворян, получающий величайшую ренту во владении и Божью жертву во имя чести, перестает ночевать, может добровольно ослепнуть сознанием, чтобы испортить и привлечь к себе внимание, - это владения Церкви.

[214] 'Министров называли гордыми негодьями, и они выслушивали множество оскорбительных слов от лордов, особенно от Мортон, который правил всеми. Он сказал, что мог бы усмирить их гордыню и навести в них порядок'. *"История кирки" Калдервуда*, том iii. стр. 137, 138. Это было в 1571 году.

[215] *"Анналы Шотландии Чемберса"*, том i. стр. 79, 80.

[216] 'Нобилитет созывает съезд в Эдинбурге, а чesит и избирает регентом Джеймса эрла из Мортон'. *Дневник событий*, стр. 320.

[217] В 1573 году "когда Кирк вайкит получал какие-либо бенефиции, он держал проффета таира рент са ланг в своей правой руке, пока его не ургит был кирком для пожертвования маку тарофу, и это был не гевин, а проффит, несмотря ни на что". *История и жизнь короля Якова секст*, редактировать. Эдинбург, 1825, 4то, стр. 147. Даже в 1570 году, когда Леннокс был регентом, 'граф Мортунский был главным распорядителем всего, что находилось в его подчинении', и был "распорядителем церковной ренты", и "дарил ее знати". *Сборники Вудроу о жизни реформаторов Шотландской церкви*, том i. часть i. стр. 27, 126, Глазго, 1834, 4-е издание.

[218] 'Во время всех этих Собраний и серьезных начинаний братьев регенту часто требовалось сообщать о своем присутствии Собранию, а также о причине Бога. Он не только отказался, но и пригрозил некоторым из самых рьяных повешением, заявив, что в противном случае в стране не может быть ни мира, ни порядка". *"История кирки" Калдервуда*, том iii. стр. 393, 394. 'Использует грейт трентнинг против мэста зелуса брайтринга, шоринга повесят там, утервейс, что в стране не может быть ни мира, ни опустошения'. *Автобиография и дневник Джеймса Мелвилла*, под редакцией Р. Питкэрна, Эдинбург, 1842, стр. 59, 60.

[219] "Он ввел в заблуждение Генеральную Ассамблею и изменил бы название, чтобы лишить ее силы и привилегий; и, несомненно, он остановил бы работу полиции, которая находилась в его руках, если бы Бог не возбудил против него дело". *"История шотландской кирки" Калдервуда.*, том iii. стр. 396. См. также *Автобиографию Джеймса Мелвилла*, стр. 61.

[220] В течение двух лет после смерти Нокса с каждым днем зрела все более решительная оппозиция Церкви. Разрыв между духовенством и основной массой народа, а также правительством или высшей знатью быстро расширялся. ' *Осмотр пресвитерии Аргайлла*, стр. 70.

[221] 'После ее Реформатора, который с Божьей помощью освободил ее от унижительных оков папских суеверий и тирании, я не знаю человека, от которого Шотландия получила такие важные услуги или которому она продолжает оставаться в таком глубоком долгу национального уважения и благодарности, как Эндрю Мелвилл'. *"Жизнь Эндрю Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 473, Эдинбург, 1819. Его племянник, сам выдающийся человек, говорит: "Шотландия никогда не

получала большей выгоды ни от рук Бога, ни от этого человека'. *Автобиография Джеймса Мелвилла*, стр. 38.

[222] Он покинул Шотландию в 1564 году в возрасте девятнадцати лет и вернулся 'в начале июля 1574 года после десятилетнего отсутствия в своей родной стране'. *"Жизнь Эндрю Мелвилла" Макри*, том i. стр. 17, 57. Смотрите также *Апологетическое повествование Скотта о состоянии церкви Шотландии*, редактировать. Общество Вудроу, стр. 34; и *Биография шотландца Хоуи*, стр. 111, Глазго, 1781.

[223] Похоже, что он впервые приступил к работе в ноябре 1574 года. См. *"Историю Шотландской церкви" Стефана*, том i, стр. 261, Лондон, 1848.

[224] "Составители Книги дисциплины" (т.е. Первой книги 1560 года) 'до конца своих дней отличались прелатическими принципами'. ... "То, что сам Нокс не был врагом прелатства, считавшегося древним и апостольским институтом, становится ясно из его "Призыва к Англии поскорее принять Евангелие Христа"". *"История церкви в Шотландии" Рассела*, 1834, т. i, стр. 240. 'Соратники Нокса, очевидно, не были пресвитерианами и не имели намерения устанавливать систему равенства между служителями своего нового истеблишмента'. стр. 243. См. также стр. 332. Даже в 1572 году, в год смерти Нокса, я обнаружил, что 'вся епархия Святого Эндрюса объявляется Собранием, принадлежащим епископу того же города'. *Акты и труды Генеральной ассамблеи Кирки Шотландии*, том i, стр. 264, с 4 по 1839 год. Шотландские пресвитериане очень несправедливо обошлись с этой частью истории своей Церкви.

[225] Вскоре после этого Дэвид Фергюссон, умерший в 1598 году и бывший священником в Данфермлине, очень откровенно сказал Якову VI: "Да, сэр, у вас здесь могут быть епископы, но вы должны помнить, что должны сделать нас всех равными; сделайте нас всех епископами, иначе вы нас никогда не удовлетворите". *История Роу о шотландский кирк с 1558 по 1637 год*, править. Общество Вудроу, стр. 418. Сравните *"Историю церкви" Калдервуда*, том iv, стр. 214: в 1584 году "эти чудовищные титулы высшего ранга". В 1586 году "это тираническое превосходство епископов и архиепископов над министрами". стр. 604.

[226] 'Он побудил Джона Дьюри, одного из министров Эдинбурга, на созванном затем Собрании выдвинуть вопрос, касающийся законности епископской функции и полномочий капитулов при их избрании. Сам он, как будто не был знаком с предложением, после того, как он похвалил усердие оратора и поддержал цель длинной речью о процветающем состоянии Женевской церкви и мнениях Кальвина и Теодора Безы относительно церковного управления, пришел к утверждению, "Что никто не должен быть уважаемым должностным лицом в Церкви, чьи титулы не были найдены в книге Божьей. И что касается титула епископов, то, хотя он и встречается в Священном Писании, его все же не следовало понимать в том смысле, который понимали обычные люди, поскольку Христос не допускал превосходства среди служителей", и с. *"История церкви Шотландии" Споттисвуда*, т. ii. стр. 200. Смотрите также *Акты Генеральных Ассамблей*, том i, стр. 331, где говорится, что на этом памятном мероприятии присутствовали шесть епископов. Был поднят вопрос: 'Куда, если бишопы, как они сейчас находятся в Шотландской церкви, несут свою функцию слова Божьего или нет, или если Капитул назначил создать из них церковь, которая будет взиматься в этой реформированной церкви'. стр. 340.

[227] 'Было предписано, Чтобы епископы и все остальные, несущие Церковную функцию, назывались своими именами, или Братьями, в грядущем тайме'. *Акты Генеральной ассамблеи Кирки Шотландии*, том ii. стр. 404.

[228] 'Поэтому Кирк пришел к выводу, что никакие Бишопы не будут избраны или назначены наследниками до первого Общего собрания'. *Там же*. том ii. стр. 408.

[229] Что касается Акта, принятого на последнем Собрании, 28 апреля 1578 года, относительно избрания Бишопса, приостанавливаем действие настоящего Собрания и в дальнейшем оставляем за собой право: Общее собрание, единогласно, приходит к выводу, что указанный акт может распространяться на все времена до пойдем, да и кухилл, коррупционер из поместья Бишопс, уберется восвояси. *Там же*. том ii. стр. 413.

[230] 'Forsameikle в офисе Bischof, как сейчас всит, и commonly беру в этом realm, он не уверен warrant, auctoritie, ни доброй земле из (книга и) писания Бога; но brocht на спорт и загрязнений (мужской) изобретения, к великому свержения Кирка Бога: haill блок Кирка, в Ане vouse, после libertie даю всем людям к разуму в вопросе, *никто opposing себя в защите*, - сказал *pretendit* управления, считает и декларирует то же самое во *pretendit* офис, vseit и termeit, как выше сказано, vnlaufull в селфи, как haveand ни фундамент, землю, а также не ручается за слово Божие и ordaines, что все больные, как bruiks, или Салль bruik heirafter указанной должности, salbe chargeit таковое в demitt, quyt и оставить то же самое во, как Анэ офис quhervnto они не назвать Богом; и siclyke отказаться и прекратить проповедь, служение таинств, или vsing никак управления пасторов, quhill они получаютде *ново* допуск общий блок, vnder Пейн из excommunicatioun быть denuncit против них; quherin если они будут найдены dissobedient, или contraveine настоящего закона в любой момент, приговор excommunicatioun, после росы, увещевания, чтобы быть против выполнить их. *Акты общих собраний*, объем. второй. стр. 453.

[231] Как торжествующе говорит Калдервуд, 'должность епископов была проклята'. *История церкви*, том iii. стр. 469. 'Все их поместье, как духовная, так и гражданская часть, было проклято'. стр. 526. Джеймс Мелвилл (*Автобиография*, стр. 52) говорит, что вследствие этого достижения его дядя Эндрю "получил имя епископости, *взыскатель епископора*, изгнанник Бишопов".

[232] Тайтлер (*История Шотландии*, том vi, стр. 302) отмечает, что, хотя 'большая часть бюргеров, средние и низшие классы народа' были пресвитерианами, 'значительная часть знати поддерживала епископство'. Вместо "значительной доли" он был бы не так уж неправ, если бы сказал "все". Действительно, "сам Мелвилл говорит, что все пары были против него". *История Шотландской церкви Стефана*, том i, стр. 269. Форбс приписывает аристократическое движение против пресвитерии 'божественным атеистам', которые настаивали, 'что не может быть ничего более противоречащего природе монархии' и т. Д., "Чем такое соотношение авторитета у пасторов". *Forbes, Официальные записи, касающиеся имущества Кирка*, стр. 349, редактировать. Общество Вудроу. См. также стр. 355. 'Эта демократия (как они ее называли), хотя и всегда была полна мятежа и беспокойства по отношению к аристократии, а значит, в конечном итоге и к монархии'. Читатель заметит это важное изменение в отношении классов в Шотландии. Раньше духовенство было союзником короны против знати. Теперь дворяне объединились с короной против духовенства. Духовенство в целях самообороны было вынуждено вступить в союз с народом.

[233] В книге Аргайлла "*Исследованный пресвитерий*" есть несколько замечаний, на которые стоит обратить внимание., 1848, стр. 38-43. Но этот автор, хотя и гораздо более свободен от предрассудков, чем большинство пресвитерианских авторов, не желает признать, насколько полностью Вторая книга Дисциплины противоречит Первой.

[234] Шотландскими епископами.

[235] Смотрите *Первую книгу дисциплины*, перепечатанную в первом томе *Сборника законов Церкви Шотландии*, 2-е издание., Эдинбург, 1837. Суперинтенданты должны были 'назначать министров', стр. 61; и, казалось бы (стр. 88), ни один министр не мог быть смещен без согласия своего суперинтенданта; но вряд ли это могло быть сделано с целью вмешательства в верховную власть Генеральной Ассамблеи. Смотрите также краткое изложение, стр. 114, где о суперинтендантах сказано, что 'при посещении они не только оценивают, но также изучают доктрину, жизнь, усердие и поведение служителей, рейдеров, старейшин и диаконов'. Согласно Споттисвуду (*История Церкви Шотландии*, том ii, стр. 167), 'суперинтенданты занимали свои должности при жизни, и их власть была епископальной; поскольку они избирали и рукополагали служителей, они председательствовали на синодах и направляли все церковные порицания, и ни одно отлучение от церкви не было вынесено без их разрешения'. Смотрите далее, основываясь на их авторитете, "*Историю реформации*" Нокса, том ii, стр. 161. 'Это наказание должно быть назначено для таких, как диссобеид или пренебрегший обязанностями суперинтенданта'. Это было в 1561 году; а в 1562 году 'Было предписано, что если служители проявляют неповиновение суперинтендантам в чем-либо, относящемся к назиданию, они должны быть подвергнуты исправлению'. *Акты Генеральных ассамблей Церкви*, том i, стр. 14. Сравните стр. 131: "больные вещи как суперинтенданты могут решать на своих собраниях синода".

[236] "Ибо, хотя Церковь Божья освещена и правит ею Иисус Христос, который является единственным Царем, Священником и Наследником, все же он использует служение людей как наиболее необходимое средство для этой цели". ... "И чтобы устранить все возможности для тирании, он желает, чтобы они могли повторно с взаимного согласия братьев и при равенстве полномочий, каждый в соответствии со своими функциями." *Вторая книга дисциплины*, в *Сборнике законов Шотландской церкви*, том i, стр. 126, 127. Что касается Бишопов, то, если правильно понимать название *επισκοπος*, все они принадлежат к числу служителей, как и было заявлено ранее. Ибо это не обозначение превосходства и лордства, а должности и наблюдения'. стр. 142. Чтобы понять полный смысл этого, следует упомянуть, что суперинтенданты, учрежденные Киркой в 1560 году, нередко носили титул 'Светлость' в качестве украшения к предоставленным им обширным полномочиям. См., например, примечания к сборнику Водроу "*О жизни реформаторов Шотландской церкви*", том i, часть ii, стр. 461. Но во Второй Книге дисциплины 1578 года суперинтенданты, если я правильно помню, даже ни разу не названы.

[237] Так же, как и в Англии, мы обнаруживаем, что высшие классы в основном являются приверженцами епископальной церкви; на их умы влияет, часто бессознательно, приятное для них зрелище неравенства рангов, которое является обычным и не зависит от способностей. С другой стороны, сила инакомыслящих находится среди среднего и низшего классов, где энергия и интеллект пользуются большим уважением и где естественно возникает презрение к системе, которая по простой воле государя или министра того времени присваивает титулы и

богатство людям, которых природа не предназначала для величия, но которым, к удивлению их современников, навязывают величие. Об этой разнице во мнениях в Шотландии, соответствующей разнице в социальном положении, см. Замечания о семнадцатом веке в *"Комментариях Юма к закону Шотландии"*, т. ii. стр. 544, Эдинбург, 1797, 4 т.

[238] Отчет Тайного совета, в книге *Макри "Жизнь Мелвилла"*, том i, стр. 267. "Братьям из Глазго было поручено под руководством Пейна из Хорнинга принять мистера Роберта Монтгомери". *"История кирки" Калдервуда*, том iii. стр. 596.

[239] "Поручает упомянутому мистеру Роберту продолжить служение в Церкви Стремления" и с. *Акты Генеральной Ассамблеи*, том ii. стр. 547. Это было в октябре 1581 года; Отчет Тайного совета был составлен в апреле 1582 года. Мойзи, который был его современником, говорит, что в марте 1581 г. 2 не только декан и капитул, но и все духовенство ('министерство Хейла') объявили с кафедры, что назначение Монтгомери "было оправдано законом, а не словом Божьим, как, черт возьми, Уэс Тейрби". *Воспоминания Мойзи*, Эдинбург, 1830, 4то, стр. 36.

[240] "Титул, который упомянутый герцог предоставил ему, чтобы он, имея имя епископа и восемьсот меркских денег на жизнь и содержание, всю арендную плату и другие выплаты упомянутого пособия, мог поступить в распоряжение герцога и служить ему". *"История кирки Колдервуда"*, том iv. с. 111. См. также стр. 401.

[241] Апологетическое повествование Скотта о состоянии Кирки, стр. 24, 25. *"История кирки" Колдервуда*, том iii. стр. 302. *Сборники Вудроу о жизни реформаторов*, том i. часть i. стр. 206. *Лайонская история Сент-Эндрюса*, том i, стр. 379. *"История Глазго" Гибсона*, стр. 59. *"История дома Дугласов" Юма*, том ii. стр. 216, 217. *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 624.

[242] "Но Церковь, проходящая мимо этого пункта" (т.е. симония) "поссорилась с ним за принятие епископства". *"История церкви Шотландии" Споттисвуда*, том ii. стр. 282.

[243] *Акты Генеральной ассамблеи Церкви*, том ii. стр. 548.

[244] 'В палату вошел вооруженный посланец и потребовал от модератора и членов собрания под страхом восстания воздержаться от процесса'. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том i, стр. 268.

[245] "Ассамблея и присутствующие братья после голосования по указанному вопросу отстраняют упомянутого мистера Роберта от всех функций Министерства в Церкви Божьей, выполняя волю Церкви Божьей; и далее, опишите, какой страшный приговор об отлучении от Церкви будет вынесен против него перед лицом хейл Ассемблер, будь голосом и устами присутствующего Модератора; о том, что, *поскольку его гордая плоть отдана в руки сатаны*, он может быть возвращен, если это возможно, Богу; и указанное предложение (должно) быть доведено до сведения каждого конкретного служителя в его конкретной церкви, торжественно произнесенное им в первой проповеди, которая будет произнесена после их возвращения.' *Акты Генеральной ассамблеи Церкви*, том ii. стр. 562.

[246] Там же., том ii. стр. 565. Калдервуд (*История Церкви*, том iii, стр. 604) говорит: "После долгих колебаний в конце концов он снизошел".

[247] Мак-Крий (*Жизнь Мелвилла*, том i, стр. 274) говорит: 'Во всех этих спорах министры не получали поддержки ни от кого из знати'. Было бы странно, если бы они это сделали, учитывая, что все движение было по сути демократическим.

[248] Melville's *Autobiography*, стр. 129. *"История Кирки" Калдервуда*, том iii. стр. 620. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том i, стр. 270.

[249] Он был схвачен в августе 1582 года и снова выпущен на свободу в июне 1583 года. *История Шотландии Тайтлера*, том vi. стр. 321, 360. Жаль, что эта ценная и действительно способная работа оказалась столь поверхностной в отношении церковных дел Шотландии. Мистер Тайтлер, по-видимому, вообще не изучал работу пресвитериев или даже Генеральных ассамблей; он также не проявляет никакого знакомства с богословской литературой своей страны. И все же, с 1560 по 1700 год эти источники раскрывают больше подлинной истории шотландского народа, чем все остальные источники, вместе взятые.

[250] 'С кафедры раздались аплодисменты в честь благочестивого поступка'. *История Эдинбурга Арно*, стр. 37.

[251] 'Когда он направлялся из Лейта в Эдинбург, во вторник, 4 сентября, на Виселице Грин его встретили двести человек из числа жителей Эдинбурга. Их число все увеличивалось, пока он не приблизился к Ближайшему Носу Корабля. Там они начали петь 124-й псалом "Ныне да скажет Израиль" и другие, и пели в четырех частях, известных большей части народа. Они шли по улице, пока не добрались до Большой Церкви, распевая так всю дорогу, до двух тысяч человек. Они сами были гораздо более тронуты, как и все зрители. Герцог был поражен и напуган этим зрелищем больше, чем чем-либо, что он когда-либо видел прежде в Шотландии, и от гнева растерзал себе бороду.' *"История кирки" Калдервуда*, том iii. стр. 646, 647.

[252] *Акты Генеральной Ассамблеи*, том ii. стр. 595, 596. Это было приказано Генеральной ассамблеей, собравшейся в Эдинбурге 9 октября 1582 г., стр. 585. См. также *Исторические сборники Уотсона о церковных делах в Шотландии*, стр. 192, "требующие от служителей всех их церквей рассказать об этом народу".

[253] *"История церкви Шотландии" Споттисвуда*, том ii. стр. 308.

[254] Джеймс после своего побега "созвал всех своих миролюбивых прелатов и дворян, и там он уведомил тейме грейфа, что он сожалеет о своем незаконном заключении под стражу в прошлом году гейном, и прежде чем просить тейма признать то же самое; и генерал войтис объявил рейда рутвена явным предателем. Министры, со своей стороны, убеждали народ, что это был благочестивый факт и что тот, кто не допускал этого в свое сердце, недостойн быть настоящим христианином.' *История короля Якова Шестого*, стр. 202, опубликовано Клубом Баннатайн, Эдинбург, 1825, 4-е издание.

[255] "Не пренебрегайте нашими угрозами; ибо в этом королевстве, в том месте, где находится ваша светлость, еще не было никого, кто процветал бы после того, как министры начали угрожать ему". *"История Шотландии" Тайтлера*, том vi. стр. 364. Смотрите также в *"Истории церкви"* Колдервуда, т. v., стр. 540, 541, письмо одного из священнослужителей Файфа, адресованное королю в 1597 году. 'А теперь, сэр, позвольте мне вместе с вами составить отчеты других людей и самых мудрых политиков. Они говорят, что наш исторический отчет и опыт учат, что *раро и фере нунквам* есть король и принц, которые долгое время жили вместе в этом королевстве; ибо *в анно-анте-дием патриос вопрошает*. И они говорят, сэр, далее, что кем бы они ни были из предшественников вашего Величества в правительстве, которые прямо или косвенно противодействовали Божьему постановлению в его Церкви, в конце концов, это было их ошибкой и ниспровержением. Я мог бы здесь выразиться более определенно, но

оставляю это на усмотрение вашего величества, поскольку это касается вас самым непосредственным образом.

[256] ‘Говоря: “Он извратил законы как Бога, так и человека”.’ *История Церкви Шотландии Споттисвуда*, том ii. стр. 309. Также *“История Шотландии” Тайтлера*, том vi. стр. 371.

[257] “Мистер Патрик Симсон, проповедуя перед королем на тему Бытия iv. 9: “Господь сказал Каину: “Где Авель, брат твой?” сказал королю перед собранием: “Сэр, я уверяю вас, во имя Бога, Господь спросит у вас, где граф Морей, ваш брат?” Король ответил перед всей паствой: “Мистер Патрик, мой чалмердур уэс никогда не навязывался вам: вы могли бы сказать мне все, что думаете, по секрету”. Он ответил: “Сэр, скандал достоин огласки”.’ *История церкви Роу*, стр. 144. “Имея случай, в 1593 году, проповедовать перед королем, он публично призвал его остерегаться, чтобы тот не навлек на себя гнев Божий, покровительствуя явному нарушению божественных законов’. *Шотландская биография Хоуи*, стр. 120.

[258] “, В котором говорится, что ”Капитан Джеймс со своей леди Джезабель и Уильям Стюарт (имеется в виду полковник) были приняты за гонителей Церкви; но теперь выяснилось, что это был сам король, против которого он осудил проклятие, павшее на Иеровоама — что он умрет бездетным и будет последним в своем роду “. *“История Шотландской церкви” Споттисвуда*, том ii. стр. 335.

[259] “Король, поняв по всем этим письмам, что смерть его матери предрешена, отозвал своих послов и дома отдал приказ министрам поминать ее в своих публичных молитвах, что они отказались делать”. ... “После их отказа были выдвинуты обвинения в том, что всем епископам, министрам и другим должностным лицам Церкви было предписано упоминать о ее горе в своих публичных молитвах, и предайте ее Богу в назначенной форме. Но из всего этого числа только мистер Дэвид Линдсей в Лейте и собственные министры короля повиновались.’ *“История церкви” Споттисвуда*, том ii. стр. 355, 356. ‘Они, за единственным исключением, отказались подчиниться’. *История церкви в Шотландии Рассела*, том ii. стр. 23. Сравните *Исторические сборники Уотсона о церковных делах в Шотландии*, стр. 208; и *История Иакова Шестого*, стр. 225.

[260] “Они подговорили мистера Джона Каупера, молодого человека, еще не допущенного к служению, занять кафедру раньше времени и исключить епископа. Король пришел в назначенный час и, увидев его на месте, окликнул его со своего места и сказал: “Господин Джон, это место предназначено для другого; но раз уж ты там, если ты подчинишься данному поручению и вспомнишь мою мать в своих молитвах, ты должен идти дальше”. Он ответил, “что поступит так, как укажет ему Дух Божий”, ему было приказано покинуть это место; и, сделав вид, что он собирается остаться, капитан стражи пошел вытаскивать его; после чего он разразился такими речами: “Этот день будет свидетельством против короля в великий день Господень”, а затем объявил горе жителям Эдинбурга. , он спустился вниз, и епископ Сент-Эндрюс, взойдя на кафедру, действительно выполнил свой долг.’ *“История Шотландской церкви” Споттисвуда*, том ii. стр. 356. ‘Королевское величество, чтобы засвидетельствовать свою искреннюю и естественную привязанность к своей матери, предостерегает молиться за нее лично; это может вызвать большие разногласия между всем министерством и его Величеством, а именно министерством Эдинбурга. Однажды король назначил Патрика, архиепископа Сент-Андрейса, священником, поскольку он должен был стать мистером Джоном Ковпаром, министром, который пришел к власти и занял кафедру. И когда упомянутый мистер Джон Уэс начал молитву,

Королевское Величество повелело ему остаться: так что, когда мистер Джон рашит мичтели поднялся с кафедры, сказав: “В этот день плывите с аганисом прямо сейчас, в день Господень: горе вам, Эдинбург, ибо последний из этих пледов будет самым худшим”. *Воспоминания Мойзи*, стр. 59.

[261] Смотрите *Историю короля Якова Шестого*, стр. 316-318, из "точной копии его проповеди", предоставленной самим Россом. ‘Его текст был основан на шестой главе пророка Иеремии, стихе 28. “Братья, у нас есть много, и даже неисчислимое множество дел в этой стране, которые заслуживают сожаления, поскольку неправильное управление нашим королем является зловещим советом многих конкретных людей. Все они мятежные предатели, даже король - единственная в своем роде личность и, в частности, каждый житель страны”. ... “Наш король в синдри пойнтисе он благосклонен к мятежному аганису, Величеству Божьему”. ... “По этой причине мы никогда не слышали о Парне блюде, потому что Королева Мария, его мать, была противником, преследующим святыню Божью, и, хотя король не был противником, мы слышали много его слов, хотя он и мой друг, но за его доброту я поручаю меня тейму”. ... “Признаю, что наш король - христианский король, но, аминь, он король-нечестивец. Из всех мужчин в этой стране сам король - самый ловкий и самый лживый лицемер”. “Очень краткое описание этой проповеди дано Калдервудом (*История церкви*, т. v., стр. 299), который, вероятно, не видел оригинальных записей.

[262] Обвинение, которое было полностью доказано, состояло в том, что “он публично заявил с кафедры, что папист эрлес уэс вернется домой с королевским коварством и согласием, и что в его предательстве мы обнаружим предательство; что все короли воюют с дейлисом и происходят от дейлиса; что герцог - глава двора и в придворных кругах; что он молится об этом за королеву Шотландии, за фашионе, потому что он не видел появления гида в их тайме”, *Мемуары Мойзи*, стр. 128. “После того, как было выслушано утверждение, что папские лорды вернулись в страну с разрешения короля, и что таким образом король обнаружил “вероломное лицемерие своего сердца”, что “все короли были порождениями дьявола, и что дьявол был при дворе и руководил им“. Было доказано, что он использовал в своей молитве эти неприличные слова, говоря о королеве: “Мы должны молиться за нее ради моды; но мы могли бы и не молиться, потому что она никогда не принесет нам никакой пользы“, - Он назвал королеву Англии атеист, а сессионные лорды *взяточники*; и сказал, что дворянство в целом “было дегенератами, безбожниками, лицемерами и врагами церкви”. “*История Сент-Эндрюса*” *Грирсона*, стр. 30, Сираг, 1838. Среди выдвинутых против него обвинений было, в-четвертых, то, что он назвал английскую королеву атеисткой. В-пятых, что он обсуждал с кафедрой отстранение от должности, предоставленное сессионными лордами, и называл их негодяями и взяточниками. В-шестых, говоря о дворянстве, он назвал их “выродившимися, безбожными, лицемерами и врагами церкви”. Точно так же, говоря о совете, он назвал их “хулиганами, бакланами и людьми без религии”. *История церкви* *Споттисвуда*, том iii. стр. 21.

[263] Смотрите оригинальные статьи об “Упадке короля и судебной деятельности советника в *Maters Spirituall*, а именно в проповеди Слова”, в *Истории Кирки* *Колдервуда*, т. v. стр. 457-459, 475-480. Тайтлер (*История Шотландии*, том vii. стр. 326-332) привел выдержки из них и сделал несколько замечаний об их очевидной тенденции. Смотрите также об уменьшении юрисдикции, на которую претендует Шотландская церковь, *Конституционная история Халлама*, 4-е издание. 1842, том ii. стр. 461; и *Законы и обычаи Шотландии в уголовных делах* *Маккензи*, Эдинбург, 1699, фолио, стр. 181, 182.

[264] Маккри в своей *"Жизни Мелвилла"*, том ii. стр. 70 и далее, рассказал о наказании Блэка, но, как обычно, скрывает провокацию; или, по крайней мере, смягчает ее до тех пор, пока она едва ли станет провокацией. По его словам, 'Дэвиду Блэку вручили повестку для ответа перед тайным советом за определенные выражения, использованные им в своих проповедях'. Действительно, определенные выражения! Но зачем назначать наказание и пресекать правонарушение? Этот образованный писатель прекрасно знал, что сделал Блэк, и все же вся информация, предоставляемая читателю, представляет собой примечание на стр. 72, содержащее искаженный отрывок из Споттисвуда.

[265] "Сказав: "Он был одержим дьяволом; когда один дьявол был изгнан, на его место пришли семь худших; и чтобы подданные могли законно подняться и вынуть меч из его руки": что он подтвердил примером отца, который, впад в безумие, мог быть схвачен детьми и слугами семьи и связан по рукам и ногам, чтобы не делать этого. насилие.' *"История церкви Шотландии" Споттисвуда*, том iii, стр. 34. См. Также *"Историю Эдинбурга" Арнота*, стр. 46, 47.

[266] Это не ускользнуло от внимания английского правительства; и Елизавета, которая была замечательно хорошо информирована относительно шотландских дел, написала Джеймсу в 1590 году предупреждение, в котором вряд ли была необходимость, но которое, должно быть, усилило его опасения. 'И дабы видимость реальности, которая легко может возникнуть, не плодила вашего невежества в отношении таких людей, как эфир, притворяющийся религиозным или лицемерно притворяющийся, позвольте мне предупредить вас, что восстала, как в вашем королевстве, так и во мне, секта с опасными последствиями, у которой не будет королей, кроме пресвитерии, и займет наше место, пока это наша привилегия, с оттенком Божьего слова, за которым никто не может следовать прямо, не подвергнув их такому порицанию. Да, посмотрите, как мы к ним относимся". *Письма Елизаветы и Якова VI.*, под редакцией Джона Брюса, Камденское общество, 1849, 4то, стр. 63.

[267] Преподобный Джеймс Мелвилл, присутствовавший при этой сцене, описывает ее с нескрываемым восторгом. "На что я начинаю отвечать, в своей манере, мистер Андро ни разу не нарушил этого, оба напали на короля в лице зилуса, могущественного и не поддающегося сопротивлению человека, который, будучи королем, использовал свою власть в отношении мэйста крэббита и кольрика мэнера, но мистер Андро отстранил его и выполнил Поручение, как от могущественного Бога, назвав короля "глупым вассалом Бога" и назначив его убийцей". ис. *Автобиография и дневник Джеймса Мелвилла*, стр. 370. См. также *"Отпущенная задница Шилдса"*, 1687, стр. 52; и *"Жизнь Мелвилла"* Мак-Крий, том ii, стр. 66.

[268] В 1593 году 4 некоторые из них составили заговор с целью его захвата. Смотрите свидетельства из Государственного архива в *"Истории Шотландии" Тайтлера*, том vii. стр. 249, правка. Эдинбург, 1845 год.

[269] "Он был главной надеждой пресвитерианской партии'. *Там же.*, том vii. стр. 410.

[270] "Заговор Гоури был ими обвинен в короле как его уловка, чтобы избавиться от этого графа". *История Бернета его собственного времени*, редактировать. Оксфорд, 1823, том i, стр. 31. См. также *"Историю Шотландии" Тайтлера*, том vii, стр. 439, 440; а о распространении "этой абсурдной галлюцинации" см. *Сборник Споттисвуда*, том ii, стр. 320, Эдинбург, 1845.

[271] Смотрите хорошую заметку в *Уголовных процессах Питкэрна в Шотландии*, том ii. стр. 179, Эдинбург, 1833, 4то. Сравните *Книгу Лоусона о Перте*, Эдинбург, 1847, стр. xxxix.

[272] Их язык и общее поведение настолько взбесили Джеймса, что в 1592 году он вырвал у него страстное заявление о том, что "не будет добра, пока дворяне и джентльмены не получат лицензию проламывать головы министрам". *"История кирки" Колдервуда*, т. v. стр. 148.

[273] 'В период, о котором мы говорим" (примерно в 1584 году) "кафедра была, по сути, единственным органом, посредством которого выражалось или могло выражаться общественное мнение; и церковные суды были единственными собраниями в стране, которые обладали чем-либо, что имело право называться свободой или независимостью. У парламента были заранее подготовлены дела, и они были представлены ему в форме актов, которые требовали только его согласия. Дискуссии и свобода слова на его заседаниях были неизвестны. Суды правосудия зависели от воли суверена, и часто их судопроизводство регулировалось, а решения диктовались письмами или посланиями с трона. Именно проповедники первыми научили людей выражать мнение о поведении своих правителей; а собрания Церкви подали самый ранний пример регулярного и решительного противодействия произвольным и неконституционным мерам суда.' *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том i, стр. 302.

ГЛАВА III.

СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ В СЕМНАДЦАТОМ И ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

Едва Яков взошел на английский трон, как начал всерьез и в больших масштабах пытаться подчинить себе шотландскую церковь, которая, как он ясно видел, была главным препятствием, стоявшим между ним и деспотической властью. Пока он был всего лишь королем Шотландии, он предпринял несколько попыток, которые постоянно терпели неудачу; но теперь, когда он владел огромными ресурсами Англии, победа казалась легкой.[274] Уже в 1584 году он одержал временную победу, вынудив многих представителей духовенства признать епископство.[275] Но это учреждение было настолько противно их уравнительному и демократическим принципам, что ничто не могло преодолеть их отвращение к нему;[276] и, полностью внушив благоговейный страх королю, они вынудили его отдать путь, и вернуться по его следам. Результатом стало то, что в 1592 году был принят Парламентский акт, который подорвал авторитет епископов и установил пресвитерианство; схема, основанная на идее равенства и, следовательно, соответствующая потребностям Шотландской церкви.[277]

С этим законом Джеймс согласился с величайшей неохотой.[278] Действительно, его чувство в отношении этого было настолько сильным, что он решил при первой возможности добиться его отмены, даже если он применит силу для достижения своей цели. Курс, который он избрал, был характерен как для мужчины, так и для эпохи. В декабре 1596 года в Эдинбурге поднялось одно из тех народных волнений, которые естественны в варварские времена и которые при обычных обстоятельствах были бы подавлены, и никто больше не думал об этом.[279] Но Джеймс воспользовался этим, чтобы нанести то, что он считал решающим ударом. Его план состоял ни в чем ином, как превратить в столицу своей собственной монархии большие отряды вооруженных и лицензированных бандитов, которые, угрожая разграбить город, должны были вынудить духовенство и их паству согласиться на любые условия, которые он решит продиктовать. Этот великодушный план был вполне достоин ума Джеймса, и он был неукоснительно выполнен. С

севера он призвал знатных горцев, а с юга - пограничных баронов, которых должны были сопровождать их свирепые слуги — люди, живущие грабежом, и которым доставляло удовольствие обгагрять свои руки кровью. По прямому приказу Джеймса эти свирепые разбойники 1 января 1597 года появились на улицах Эдинбурга, злорадствуя открывшейся перед ними перспективе и готовые, когда их суверен даст слово, разграбить столицу и стереть ее с лица земли.^[280] Соппротивление было безнадежным. Все, чего требовал король, было удовлетворено; и Яков предположил, что теперь настало время, когда он сможет твердо утвердить власть епископов и с их помощью контролировать духовенство и сломить его непокорный дух.^[281]

На это предприятие ушло три года. Чтобы обеспечить свой успех, король, поддерживаемый знатью, полагался не только на силу, но и на уловку, которая теперь, по-видимому, была применена впервые. Это было сделано для того, чтобы заполнить Генеральные собрания, наводнив их священнослужителями, набранными с севера Шотландии, где господствовал старый клановый и аристократический дух, а демократический дух, встречающийся на юге, был неизвестен. До сих пор эти северные служители редко присутствовали на больших собраниях Церкви; но Джеймс в 1597 году отправил к ним сэра Патрика Мюррея со специальной миссией, настоятельно призывая их присутствовать, чтобы они могли проголосовать на его стороне.^[282] На них, как на очень невежественную группу, мало знающую или вообще ничего не знающую о действительно обсуждаемых вопросах, и, более того, привыкшую к состоянию общества, в котором люди, несмотря на их незаконие, проявляли самое рабское повиновение своим непосредственным начальникам, легко воздействовали и заставляли делать то, что им прикажут. С их помощью корона и знать настолько укрепили свою партию в Генеральной ассамблее, что во многих случаях получали большинство; и постепенно вводились новшества, рассчитанные на то, чтобы разрушить демократический характер Шотландской церкви.^[283]

Движение началось в 1597 году. С тех пор и до 1600 года сменявшие друг друга Ассамблеи санкционировали различные изменения, все из которых были отмечены той аристократической тенденцией, которая, казалось, вот-вот перевернет все с ног на голову. В 1600 году Генеральная Ассамблея собралась в Монтрозе, и правительство решило предпринять последние усилия, чтобы заставить Церковь создать епископальное государство. Эндрю Мелвилл, безусловно, самый влиятельный человек в Церкви и лидер демократической партии, был избран, как обычно, членом Собрания; но король, самовольно вмешавшись, отказался позволить ему занять свое место.^[284] Тем не менее, ни угрозами, ни силой, ни обещаниями суд не смог доказать свою точку зрения. Все, чего они добились, это того, что некоторым священнослужителям было разрешено заседать в парламенте; но было приказано, чтобы такие лица каждый год возлагали свои полномочия к ногам Генеральной Ассамблеи и отчитывались о своем поведении. Ассамблея должна была иметь право низлагать их; и, чтобы держать их в большем подчинении, им было запрещено называть себя епископами, но они должны были довольствоваться низшим титулом Уполномоченных Церкви.^[285]

Выдержав этот отпор, Джеймс, по-видимому, впал в уныние, поскольку не предпринимал дальнейших усилий, хотя все еще тайно трудился над восстановлением епископства.^[286] Если бы он проявил упорство, это могло бы стоить ему короны. Ибо его ресурсов было мало; он был

крайне беден;[287] и недавние события показали, что духовенство сильнее, чем он предполагал. Когда он считал себя наиболее уверенным в успехе, они нанесли ему унизительное поражение; и это было тем более примечательно, что это была полностью их собственная работа; к тому времени они были настолько полностью отделены от знати, что не могли положиться ни на одного члена этого могущественного сообщества.

Пока дела находились в таком состоянии и пока свободы Шотландии, хранительницей которых была Церковь, балансировали на волоске, Елизавета умерла, и король Шотландии стал также королем Англии. Иаков сразу же решил использовать ресурсы своего нового королевства, чтобы обуздать свое старое. В 1604 году, то есть всего через год после своего восшествия на английский престол, он нанес смертельный удар Шотландской церкви, покушаясь на независимость их Собраний; и, руководствуясь собственной властью, он приостановил работу Генеральной ассамблеи Абердина.[288] В 1605 году он снова отложил его; и, чтобы прояснить свои намерения, на этот раз он отказался назначить день для его будущей встречи.[289] После этого некоторые министры, назначенные пресвитериями, взяли на себя смелость созвать его, на что они имели несомненное право, поскольку поступок короля был явно незаконным. В назначенный день они собрались в сессионном зале Абердина. Им было приказано разойтись. Поскольку, по их мнению, сам факт собрания в достаточной степени подтвердил их привилегии, они подчинились. Но Джеймс, теперь поддержанный могуществом Англии, решил, что они должны почувствовать изменение его положения, а следовательно, и их собственного. В соответствии с приказами, которые он прислал из Лондона, четырнадцать священнослужителей были заключены в тюрьму.[290] Шестеро из них, отрицавших власть тайного совета, были обвинены в государственной измене. Они сразу же предстали перед судом. Они были осуждены. И смертный приговор был отложен только для того, чтобы сначала узнать мнение короля о том, не удовлетворится ли он каким-нибудь наказанием, не требующим принесения в жертву жизней этих несчастных людей.[291]

Их жизни, действительно, были спасены, но они были подвергнуты строгому заключению, а затем приговорены к вечному изгнанию.[292] В других частях страны были приняты аналогичные меры. Почти по всей Шотландии многие священнослужители были либо заключены в тюрьму, либо вынуждены бежать.[293] Террор и проскрипции были повсеместными. Паника была такой, что обычно считалось, что ничто не может помешать постоянному установлению деспотизма, если только не произойдет какое-то немедленное вмешательство провидения от имени Церкви и народа.[294]

Нельзя также отрицать, что для этих опасений имелись веские основания. У народа не было друзей, кроме как среди духовенства, а самые способные из духовенства находились либо в тюрьме, либо в ссылке.[295] Чтобы полностью лишить Церковь ее лидеров, Джеймс в 1606 году вызвал в Лондон Мелвилла и семерых его коллег под предлогом того, что нуждается в их совете.[296] Завладев их личностями, он задержал их в Англии.[297] Им было запрещено возвращаться в Шотландию, а Мелвилл, которого больше всего боялись, был заключен под стражу. Затем он был заключен в Тауэр, где пробыл четыре года и откуда был освобожден только при условии проживания за границей и полного отказа от своей родной страны.[298] Семь министров, сопровождавших его в Лондон, также были заключены в тюрьму; но, поскольку их сочли менее опасными, чем их лидера, им через некоторое время разрешили вернуться домой. Однако племяннику Мелвилла было приказано не удаляться от Ньюкасла дальше чем на две мили, а шестерых его спутников поместили в разных частях Шотландии.[299]

Теперь, казалось, все созрело для разрушения тех идей равенства, единственным представителем которых в Шотландии была Церковь. В 1610 году в Глазго была проведена Генеральная ассамблея; и, поскольку ее члены были назначены короной,[300] было разрешено все, чего желало правительство. Их голосованием был учрежден епископат, и власть епископов над служителями была полностью признана.[301] Немного раньше, но в том же году были возведены два суда Высшей комиссии, один в Сент-Эндрюсе и один в Глазго. Им подчинялись все церковные суды. Они были вооружены такой огромной властью, что могли вызвать к себе любого, кого им заблагорассудится, могли допросить его с учетом его религиозных убеждений, могли отлучить от церкви и могли оштрафовать или заключить в тюрьму, как они считали нужным.[302] Наконец, и в довершение унижения Шотландии, учреждение епископства не считалось завершенным до тех пор, пока не был совершен акт, который ничто, кроме того, что он был очень позорным, не могло спасти от высмеивания как праздный и детский фарс. Архиепископ Глазго, епископ Бречинский и епископ Галлоуэйский были вынуждены проделать весь путь до Лондона, чтобы некоторые английские епископы могли прикоснуться к ним. Каким бы невероятным это ни казалось, на самом деле предполагалось, что в Шотландии нет силы, достаточно духовной, чтобы превратить шотландца в прелата. Поэтому архиепископ Глазго и его спутники совершили то, что тогда было трудным путешествием в незнакомую и далекую столицу, ради обретения некой скрытой добродетели, которую по возвращении домой они могли бы передать своим братьям. К горю и изумлению своей страны, эти недостойные священники, отказавшись от традиций своей родины и забыв гордый дух, воодушевлявший их отцов, согласились отречься от собственной независимости, смириться перед английской церковью и предаться ряженью, которое в глубине души они, должно быть, презирали, но которое теперь было навязано им их древними и закоренелыми врагами.[303]

Мы можем легко представить, каково было бы будущее поведение людей, которые только ради собственного возвеличивания и в угоду своему монарху могли бы таким образом отказаться от желанной независимости Шотландской церкви. Те, кто пресмыкается перед теми, кто выше их, всегда попирают тех, кто ниже их. Сразу по возвращении в Шотландию они сообщили о хиротонии, полученной ими в Англии, своим братьям-епископам,[304] которые были такого же склада, поскольку все они помогали Джеймсу в его попытке подчинить свободы их родной страны. Теперь, когда они были должным образом рукоположены, их духовная жизнь была завершена; им оставалось обеспечить себе счастье своей мирской жизни. Этого они добились, постепенно монополизировав всю власть и обходясь с беспощадной суровостью с теми, кто выступал против них. Осенний триумф епископов пришелся на царствование Карла I. Когда некоторые из них получили места в тайном совете, где они вели себя с такой властной наглостью, что даже Кларендон, несмотря на свое печально известное пристрастие к их ордену, осуждает их поведение.[305] Однако во времена Якова I. они несли почти все, что было до них.[306] Они лишили города их привилегий и заставили их принимать магистратов по своему собственному выбору.[307] Они накопили богатство и демонстративно демонстрировали его; что было тем более позорно, что страна была ужасно бедной, а их сограждане голодали вокруг них.[308] Лорды Статей, без санкции которых никакая мера не могла быть представлена парламенту, до сих пор избирались мирянами; но теперь епископы внесли изменения, в силу которых право выдвижения перешло к ним самим.[309] Таким образом, получив в свое распоряжение законодательный орган, они добились введения новых санкций против своих соотечественников. Многих священнослужителей они отстранили от должности; других лишили их пособий; третьих заключили в тюрьму. Город Эдинбург, будучи противником недавно

введенных обрядов и церемоний и будучи, как и вся остальная страна, враждебным епископату, епископы обрушились и на него, сместили нескольких его магистратов, арестовали некоторых видных граждан и пригрозили лишить его судов и чести быть резиденцией правительства.^[310]

Посреди всего этого, когда ситуация, казалось, была наихудшей, готовилась грандиозная реакция. И объяснение такой реакции следует искать в том обширном и содержательном принципе, на котором я часто настаивал, но который наши обычные историки не в состоянии понять; а именно, что плохое правительство, плохие законы или плохо управляемые законы, действительно, чрезвычайно вредны в данный момент, но не могут причинить постоянного вреда; другими словами, они могут нанести вред стране, но никогда не смогут ее разрушить. Пока люди здоровы, есть жизнь, а пока есть жизнь, будет и реакция. В таком случае тирания провоцирует восстание, а деспотизм порождает свободу. Но если люди нездоровы, всякая надежда исчезает, и нация гибнет. В обоих случаях правительство в долгосрочной перспективе бездействует и не несет никакой ответственности за конечный результат. Правящие классы обладают на данный момент огромной властью, которой они неизменно злоупотребляют, за исключением тех случаев, когда их сдерживает либо страх, либо стыд. Народ может внушить им страх; общественное мнение может внушить им стыд. Но произойдет это или нет, зависит от духа народа и от общественного мнения. Эти два обстоятельства сами по себе определяются длинной цепью предшествующих событий, уходящих корнями в период, всегда очень отдаленный, а иногда настолько отдаленный, что затрудняет наблюдение. Когда доказательств достаточно много, эти предпосылки могут быть обобщены; и их обобщение приводит нас к определенным большим и могущественным причинам, от которых зависит все движение. В короткие периоды действие этих причин незаметно, но в длительные периоды оно бросается в глаза и является высшим; оно окрашивает национальный характер; оно управляет большим размахом и средним ходом дел. В Шотландии, как я уже показал, общие дела заставили людей полюбить свое духовенство, а духовенство - свободу. Пока эти два факта сосуществовали, судьба нации была в безопасности. Он может быть ранен, оскорблен и растоптан. Ему может быть причинен вред различными способами; но чем больше вред, тем вернее средство, потому что тем выше будет дух страны. Все, что было нужно, - это еще немного времени и еще немного провокации. Мы, которые, стоя на расстоянии, можем созерцать эти вопросы с высоты и видеть, как события нарастали и сгущались, не можем ошибиться в регулярности их последовательности. Несмотря на кажущуюся неразбериху, все было организовано и методично. Нам открылась схема. Вот ткань, и она одного оттенка и одного производства. Узор четко обозначен, и, к счастью, он был воплощен в текстуру, могучую паутину которой не разорвать ни искусством, ни насилием людей-дизайнеров.

Следовательно, бесполезно было и то, что тирания делала все возможное. Бесполезно было то, что трон занимал деспотичный и беспринципный король, которому наследовал другой, еще более деспотичный и беспринципный, чем он сам. Бесполезно было то, что горстка назойливых епископов, получивших хиротонию в Лондоне и поддерживаемых авторитетом английской церкви, собралась вместе и устроила заговор против свобод своей родной страны. Они играли роль шпионов и предателей, но они играли ее напрасно. Тем не менее, все, что правительство могло им дать, оно дало. На их стороне был закон, и они имели право вершить закон. Они были законодателями, советниками и судьями. У них было богатство; у них были громкие титулы; у них были все великолепие и атрибуты, на которые они обменивали свою независимость и которыми они надеялись ослепить глаза простонародья. И все же, они не могли повернуть поток вспять; они даже не могли остановить его; они не могли помешать ему набежать и поглотить их в своем

течении. Прежде чем ушло из жизни то поколение, эти маленькие человечки, какими бы великими они ни были в своем собственном тщеславии, не выдержали и пали. Рука века была над ними, и они не смогли сопротивляться. Они были повержены и унижены; они были лишены своих должностей, своих почестей и своего великолепия: они потеряли все, что больше всего дорого умам, подобным их. Их судьба - поучительный урок. Это урок как для правителей народов, так и для тех, кто пишет историю народов. Для правителей - постольку, поскольку это одно из многих доказательств того, как мало они могут сделать и сколь ничтожна роль, которую они играют в великой мировой драме. Для историков результат должен быть особенно поучительным, поскольку убеждает их в том, что события, на которых они концентрируют свое внимание и которые, по их мнению, имеют первостепенное значение, на самом деле имеют незначительную ценность и, вместо того чтобы занимать первое место, должны быть подчинены тем большим и всесторонним исследованиям, только с помощью которых мы можем установить условия, определяющие поступки и судьбы наций.

Можно быстро рассказать о событиях, которые сейчас произошли в Шотландии. Терпение страны было на исходе, и день расплаты был близок.^[311] В 1637 году народ начал восстание. Летом того же года в Эдинбурге вспыхнул первый крупный бунт.^[312] Пламя быстро распространялось, и ничто не могло его остановить. К октябрю восстала вся нация, и против епископов было выдвинуто обвинение, которое подписали почти все корпорации и люди всех рангов.^[313] В ноябре шотландцы, вопреки короне, организовали собственную систему представительства, в которой каждый класс имел свою долю.^[314] В начале 1638 года был составлен Национальный пакт; и рвение, с которым в нем присягали, показало, что люди были полны решимости во что бы то ни стало отстаивать свои права.^[315] Теперь было очевидно, что все кончено. Летом 1638 года велись приготовления, а осенью разразилась буря. В ноябре в Глазго собралась первая за двадцать лет Генеральная ассамблея в Шотландии.^[316] Маркиз Гамильтон, королевский уполномоченный, приказал участникам разойтись.^[317] Они отказались.^[318] И они не будут распускаться, пока не выполнят ожидаемую от них работу.^[319] Их голосованием демократический институт пресвитерий был восстановлен в своей прежней силе; формы хиротонии были отменены; епископы были отстранены от своих функций, а епископатство было упразднено.^[320]

Таким образом, епископы пали еще быстрее, чем поднялись.^[321] Однако, поскольку их падение было всего лишь частью демократического движения, на этом дело не могло остановиться.^[322] Едва шотландцы изгнали своих епископов, как они объявили войну своему королю. В 1639 году они подняли оружие против Карла. В 1640 году они вторглись в Англию. В 1641 году король в надежде умиротворить их посетил Шотландию и согласился с большинством их требований. Было слишком поздно. Люди были разгорячены, и раздался крик о крови. Снова разразилась война. Шотландцы объединились с англичанами, и Чарльз везде потерпел поражение. В качестве последнего шанса он отдался на милость своих северных подданных,^[323] Но его проступки были такого ранга и пышного роста, что простить их было невозможно. Действительно, Виски, вместо того чтобы простить его, превратило его в наживу. Он не только растоптал их свободы, но и вынудил их к огромным расходам. За причиненный вред он не мог предложить адекватного искупления, но расходы, которые они понесли, можно было покрыть. И поскольку это старая и общепризнанная максима, что тот, кто не может заплатить своим кошельком, должен заплатить своим телом, шотландцы не видели причин, почему бы им не извлечь некоторую выгоду из личности своего суверена, особенно учитывая, что до сих пор он не приносил им ничего, кроме убытков и досады. Поэтому они выдали его

англичанам и, взамен, получили крупную сумму денег, которую они потребовали в качестве задолженности, причитающейся им за расходы на ведение войны с ним.[324] Благодаря этому соглашению выиграла обе договаривающиеся стороны. Шотландцы, будучи очень бедными, получали то, чего им больше всего не хватало. Англичанам, богатому народу, действительно пришлось заплатить деньги, но они были вознаграждены тем, что схватили своего угнетателя, которому они жаждали отомстить; и они тщательно следили за тем, чтобы не выпускать его на свободу, пока не свершится последнее наказание за его великие и многообразные преступления.[325]

После казни Карла I шотландцы признали его сына своим преемником. Но прежде чем короновать нового короля, они подвергли его обращению, к которому наследственные монархи не слишком привыкли. Они заставили его подписать публичное заявление, в котором он выражал сожаление о случившемся и признавал, что его отец, руководствуясь злыми советами, несправедливо пролил кровь своих подданных. Он также был вынужден заявить, что из-за этих вещей он чувствовал себя униженным духом. Более того, ему пришлось извиниться за свои собственные ошибки, которые он приписывал отчасти своей неопытности, а отчасти плохому образованию.[326] Чтобы продемонстрировать искренность этого признания и для того, чтобы оно стало общеизвестным, ему было приказано соблюдать день поста и унижения, во время которого вся нация плакала и молилась за него в надежде, что он сможет избежать последствий грехов, совершенных его семьей.[327]

Дух, подобные действия которого являются лишь симптомами, продолжал одушевлять шотландцев до конца семнадцатого века. И, к счастью для них, так оно и было. Например, во времена правления Карла II и Якова II. это были всего лишь повторения правлений Якова I и Карла I. С 1660 по 1688 год Шотландия снова подверглась тирании, настолько жестокой и изнуряющей, что она подорвала бы энергию почти любой другой нации.[328] Дворяне, чья власть медленно, но постоянно снижалась,[329] не смогли противостоять англичанам, с которыми, действительно, они, казалось, были готовы объединиться, чтобы иметь долю в грабят и угнетают свою собственную страну.[330] В этот, самый несчастливый период, через который Шотландия прошла с четырнадцатого века, правительство было чрезвычайно могущественным; высшие классы, пресмыкаясь перед ним, думали только об обеспечении собственной безопасности; судьи были настолько коррумпированы, что правосудие не осуществлялось плохо, а не осуществлялось вообще;[331] и парламент, охваченный благоговейным страхом, согласился с тем, что было названо законом о реклассификации, которым одним ударом были отменены все законы, действовавшие с 1633 года; при этом считалось, что эти двадцать восемь лет составили эпоху, память о которой следует, по возможности, стереть.[332]

Но, хотя высшие чины с позором покинули свои посты и уничтожили законы, поддерживавшие свободы Шотландии, результат доказал, что сами свободы нерушимы. Это произошло потому, что сохранился дух, благодаря которому были завоеваны свободы. Нация была здоровой в своей основе; и пока это было так, законодатели действительно могли отменить внешние проявления свободы, но никоим образом не могли затронуть причины, от которых эта свобода зависела. Свобода была повержена, но все же она жила. И несомненно, придет время, когда народ, который так горячо ее любил, отстают свои права. Придет время, когда, по словам великого поэта английской свободы, нация пробудится, как сильный человек после сна, и, встряхнув своими непокорными кудрями, будет подобна орлу, радующемуся своей могучей юности, устремляющему свои незамутненные глаза на полуденный луч, очищающему и

разжижающему свой взор на небесный источник; в то время как пугливые птицы ее злой судьбы, любящие сумерки, будут порхать вокруг, пораженные тем, что она имела в виду.

Тем не менее, кризис был печальным и опасным. Люди, покинутые всеми, кроме духовенства, были безжалостно разграблены, убиты и затравлены, как дикие звери, с места на место. От тирании епископов они так недавно пострадали, что ненавидели епископство больше, чем когда-либо; и все же это учреждение было не только навязано им, но правительство поставило во главе его Шарпа, жестокого и алчного человека, который в 1661 году был возведен в сан архиепископа Сент-Эндрюса.[333] Он учредил церковную комиссию, которая заполнила тюрьмы до отказа; а когда они больше не выдерживали, жертв перевозили на Барбадос и в другие нездоровые поселения.[334] Люди, будучи полны решимости не подчиняться диктату правительства в отношении их религиозного культа, собирались вместе в частных домах; и, когда это было объявлено незаконным, они бежали из своих домов в поля. Но и там епископы были рядом с ними.[335] Лодердейл, который в течение многих лет был во главе дел, находился под большим влиянием новых прелатов и помогал им властью исполнительной власти.[336] Под их совместной эгидой было придумано новое изобретение; и отряд солдат под командованием Тернера, пьяного и свирепого солдата, был выпущен на людей.[337] Доведенные до безумия страдальцы поднялись с оружием в руках. В 1667 году это было сделано под предлогом новых военных казней, в результате которых были опустошены некоторые из самых красивых районов западной Шотландии, сожжены дома, мужчин пытали, женщин насиловали.[338] В 1670 году был принят парламентский акт, объявляющий, что любой, кто проповедует на полях без разрешения, должен быть предан смерти.[339] Некоторые юристы были признаны достаточно смелыми, чтобы защищать невинных людей, когда их судили за их жизнь; поэтому было решено заставить замолчать и их, и в 1674 году большая часть факультета адвокатов была исключена из Эдинбурга.[340] В 1678 году по прямому приказу правительства горцы были низвергнуты со своих гор и в течение трех месяцев поощрялись убивать, грабить и сжигать в свое удовольствие жителей самых густонаселенных и трудолюбивых частей Шотландии. На протяжении веков между горцами и жителями Равнин существовала жесточайшая вражда; и теперь этих свирепых горцев вызвали из их домов, чтобы они могли сполна отомстить. И хорошо, что они утолили свой гнев. В течение трех месяцев они наслаждались всеми лицензиями. Восемь тысяч[341] вооруженные горцы, приглашенные английским правительством и заранее получившие компенсацию за каждое превышение,[342] были оставлены вершить свою волю в городах и деревнях Западной Шотландии. Они не щадили ни возраста, ни пола. Они лишали людей их собственности; они даже срывали с них одежду и отправляли их голыми умирать в полях. Многим они подвергали самые ужасные пытки. Дети, оторванные от своих матерей, подвергались жестокому обращению; в то время как и матери, и дочери были подвергнуты участи, по сравнению с которой смерть была бы радостной альтернативой.[343]

Именно таким образом английское правительство стремилось сломить дух и изменить мнения шотландского народа. Знать молча наблюдала за происходящим и не только не сопротивлялась, но даже не имела мужества возразить. Парламент был столь же раболепен и санкционировал все, чего требовало правительство. Тем не менее, народ был тверд. Их духовенство, набранное из средних классов, цеплялось за них; они цеплялись за свое духовенство, и то и другое оставалось неизменным. Епископов ненавидели как союзников правительства, и их не без оснований считали врагами общества. Было известно, что они

одобряли и часто намекали на совершенные зверства;[\[344\]](#) и они были так довольны наказанием, которому подверглись их противники, что никто не удивился, когда несколько лет спустя они в обращении к Якову II, самому жестокому из всех Стюартов, заявили, что он был любимцем небес, и надеялся, что Бог дарует ему сердца его подданных и шеи его врагов.[\[345\]](#)

Характер принца, которому епископы с таким удовольствием оказывали почести, теперь хорошо понятен. Какими бы ужасными ни были совершенные преступления, они были превзойдены тем, что произошло, когда он в 1680 году взял на себя руководство делами.[\[346\]](#) Он довел себя до такой степени беззакония, что получал настоящее удовольствие, наблюдая за agonией своих собратьев. Это бездна зла, в которую редко падают даже самые развращенные натуры. Было и всегда будет много людей, которым наплевать на человеческие страдания и которые причинят любую боль, чтобы добиться определенных целей. Но получать удовольствие от зрелища - это своеобразная и отвратительная мерзость. Джеймс, однако, был настолько опозорен, что даже не позаботился скрыть свои ужасные вкусы. Всякий раз, когда подвергались пыткам, он обязательно присутствовал, наслаждаясь своими глазами и упиваясь дьявольской радостью.[\[347\]](#) От мысли, что такой человек должен был быть правителем миллионов, у нас мурашки бегут по коже. Но что мы скажем шотландским епископам, которые аплодировали ему, свидетелями поведения которых они были ежедневно? Где мы можем найти достаточно сильные выражения, чтобы заклеить тех священников-отступников, которые, потратив годы на попытки подчинить свободы своей страны, к концу своей карьеры и незадолго до своего окончательного падения объединились и использовали свой единый авторитет как служители святой и мирной религии, чтобы с общественным одобрением заклеить принца, чья злобная жестокость вызывала отвращение у современников, и чьи отвратительные пристрастия, если мы не приписываем их больному мозгу, являются не только пятном на эпоху, которая их терпела, но и предрассудком? позор для высших инстинктов нашей обычной природы?

Однако правящие классы Шотландии были настолько коррумпированы, что подобные преступления, по-видимому, вряд ли вызывали возмущение. Страдальцы были непокорными субъектами, и против них все было законно. Обычная пытка, которая называлась пыткой сапогами, заключалась в том, чтобы поместить ногу в каркас, в который вбивали клинья, пока кости не были сломаны.[\[348\]](#) Но когда Джеймс посетил Шотландию, начало расти мнение, что это было слишком мягко, и что необходимо придумать другие средства. Дух, который он передавал своим подчиненным, вдохновлял его непосредственных преемников, и в 1684 году, во время его отсутствия, был представлен новый инструмент, получивший название thumbikins. Он состоял из маленьких стальных шурупов, расположенных с таким дьявольским искусством, что ими можно было сжимать не только большой палец, но и всю кисть, причиняя боль более сильную, чем любая из известных до сих пор, и, кроме того, имея то преимущество, что не подвергая опасности жизнь; так что пытку можно было часто повторять над одним и тем же человеком.[\[349\]](#)

После этого говорить больше не о чем.[\[350\]](#) От простого упоминания таких вещей разум содрогается от отвращения. Читатель истории того времени испытывает отвращение и падает в обморок при виде ухищрений, с помощью которых эти жалкие создания пытались подавить общественное мнение и навсегда погубить доблестный и возвышенный духом народ. Но теперь, как и прежде, они трудились напрасно. Однако предстояло вынести еще больше. Короткое правление Якова II. началось с акта исключительного варварства. Через несколько недель

после того, как этот плохой человек взошел на трон, все дети в Аннандейле и Нитсдейле в возрасте от шести до десяти лет были схвачены солдатами, разлучены со своими родителями и им угрожали немедленной смертью.[351] Следующим шагом было массовое изгнание большого количества взрослых, которых отправляли в нездоровые поселения; многие мужчины сначала теряли уши, а женщинам ставили клеймо, кому на руке, кому на щеке.[352] Однако те, кто остался, были готовы к чрезвычайной ситуации и сделать то, что оставалось сделать. В 1688 году, как и в 1642 году, шотландский и английский народы объединились против своего общего угнетателя, который спас себя внезапным и позорным бегством. Он был трусом, а также деспотом, и от него больше не исходило опасности. Епископы, действительно, любили его; но они были незначительной группой, и у них было достаточно дел, чтобы позаботиться о себе. Его единственными могущественными друзьями были горцы. Эта варварская раса с сожалением думала о тех давно минувших днях, когда правительство не только позволяло им, но и приказывало грабить и угнетать своих южных соседей. Для этой цели Карл II. он воспользовался их услугами, и едва ли можно было сомневаться, что, если династия Стюартов будет восстановлена, они снова получат работу и снова обогатятся, грабя жителей Равнин.[353] Война была их главным развлечением; это также было их средством к существованию; и это было единственное, что они понимали.[354] Помимо этого, сам факт того, что Джеймс больше не обладал властью, чудесным образом увеличил их лояльность к нему. Горцы процветали за счет грабежа и торговали анархией.[355] Поэтому они ненавидели любое правительство, достаточно сильное, чтобы наказывать за преступления; а поскольку Стюарты были теперь далеко, эта нация воров любила их с таким пылом, который могло вызвать только их отсутствие. Они опасались сдержанности со стороны Вильгельма III, но принц-изгнанник не мог причинить им вреда и смотрел на их эксцессы как на естественный результат их рвения. Не то чтобы их заботил принцип монархической преемственности или они спекулировали на доктрине божественного права.[356] Единственной преемственностью, которая их интересовала, была преемственность их вождей. Их единственным представлением о праве было делать то, что приказывали эти вожди. Будучи ужасно бедными,[357] они, поднимая восстание, ничем не рисковали, кроме своих жизней, к которым при таком состоянии общества люди всегда относятся безрассудно. В случае неудачи их ждала быстрая и, как они считали, почетная смерть. В случае успеха они приобретали славу и богатство. В любом случае их ждало множество удовольствий. Они были уверены, что смогут, по крайней мере на какое-то время, заниматься грабежом и убийствами и без ограничений предаваться тем излишества, которые они считали лучшим проявлением солдатской карьеры.

Таким образом, я далек от размышлений о восстаниях 1715 и 1745 годов,[358] единственное чудо в том, что они не вспыхнули раньше и что их не поддержали лучше. В 1745 году, когда внезапное появление повстанцев повергло Англию в ужас и когда они проникли даже в сердце королевства, их численность, даже на пике своего могущества, включая новобранцев из низменностей и англичан, никогда не достигала шести тысяч человек. Обычный размер пяти тысяч рублей;[359] и они заботились о нем ничтожно мало дело, за которое они исповедовали, чтобы бороться, что, в 1715 году, когда их насчитывалось гораздо сильнее, чем в 1745 году они отказались войти в Англию, и все-таки выступить против власти, пока они подкупили обещаниями дополнительной оплаты.[360] Точно так же в 1745 году, после того как они выиграли битву при Престон-пэнсе, единственным результатом этой великой победы было то, что горцы, вместо того чтобы нанести новый удар, дезертировали большими группами, чтобы они могли сохранить добытую добычу, и только она одна была им дорога. Им было все равно,

кто победит - Стюарт или ганноверцы; и в этот критический момент они не смогли, как говорит историк, устоять перед желанием вернуться в свои долины и украсить награбленным свои хижины.[361]

В самом деле, мало что может быть более абсурдным, чем тот лживый романтический дух, который представляет восстание горцев как вспышку беззаветной преданности. Ничто не было дальше от их мыслей, чем это. У горцев достаточно преступлений, за которые нужно отвечать, и они не обременены ненужными упреками. Они были ворами и убийцами, но это было в их образе жизни, и они не чувствовали позора. Хотя они были невежественны и свирепы, они не были настолько глупы, чтобы испытывать личную привязанность к этой опустившейся семье, которая до восшествия на престол Вильгельма III занимала трон Шотландии. Любовь к таким людям, как Карл II и Яков II, можно, пожалуй, извинить как одну из тех особенностей вкуса, о которых иногда приходится слышать. Но любить всех своих потомков; испытывать привязанность настолько всеобъемлющую, чтобы охватить всю династию, и ради удовлетворения этой эксцентричной страсти не только претерпевать великие лишения, но и причинять огромное зло двум королевствам, было бы не только безрассудством, но и порочностью и обвинило бы горцев в разновидности безумия, чуждой их природе. Они подняли восстание, потому что восстание соответствовало их привычкам, и потому что они ненавидели всякое правительство и всякий порядок.[362] Но, будучи далеки от заботы о монархе, сам институт монархии вызывал у них отвращение. Это противоречило тому духу клановости, которому они были преданы; и с самого раннего детства они привыкли не уважать никого, кроме своих вождей, которым они охотно подчинялись и которых считали намного выше всех властителей земли.[363] Никто, действительно, кто действительно знаком с их историей, не подумает, что они способны были проливать свою кровь во имя любого государя, кем бы он ни был; еще меньше мы можем поверить, что они покинули бы свою родину и предприняли долгие и опасные походы с целью восстановления этой коррумпированной и тиранической династии, чьи преступления пахли до небес, и чья жестокость, в конце концов, разожгла гнев даже скромных и кротко мыслящих людей.

Простой факт заключается в том, что вспышки 1715 и 1745 годов были в нашей стране последней борьбой варварства против цивилизации. С одной стороны, война и неразбериха. С другой стороны, мир и процветание. Это были интересы, за которые люди действительно боролись; и ни одна из сторон не заботилась ни о Стюартах, ни о ганноверцах. Результат такого состязания в восемнадцатом веке вряд ли мог быть сомнительным. В то время восстания вызвали большую тревогу как своей внезапностью, так и странным и свирепым появлением захватчиков с гор.[364] Но знания, которыми мы сейчас обладаем, позволяют нам видеть, что с самого начала успех был невозможен. Хотя правительство проявило крайнюю небрежность и, несмотря на полученную информацию, в обоих случаях позволило застать себя врасплох, реальной опасности не было.[365] Англичане, не будучи особенно влюбленными ни в горцев, ни в стюартов, отказались восстать;[366] и нельзя всерьез предполагать, что несколько тысяч полувоенных голые бандиты имели право предписывать народу Англии, какому суверену они должны подчиняться и при каком правительстве они должны жить.

После 1745 года перерывов больше не было. Интересы цивилизации, то есть интересы знания, свободы и богатства, постепенно взяли верх и низвели таких людей, как горцы, до полного ничтожества. Через их страну были проложены дороги, и впервые путешественники с юга начали смешиваться с ними в их доселе недоступных дебрях.[367] В тех местах движение

действительно было очень медленным; но в Низинах оно было гораздо более быстрым. Ибо торговцы и жители городов теперь становились заметными, и их авторитет помог нейтрализовать старые воинственные и анархические привычки. К концу семнадцатого века появился вкус к коммерческим спекуляциям, и большая часть энергии Шотландии была направлена в это новое русло.^[368] В начале восемнадцатого века та же тенденция проявилась и в литературе; и работы на меркантильные и экономические темы стали обычным явлением.^[369] Заметна была и перемена в манерах. Примерно в этот период шотландцы начали терять что-то от той суровой свирепости, которая отличала их в старину. Это улучшение проявилось несколькими способами; одним из наиболее примечательных было изменение, которое впервые было замечено в 1710 году, когда было замечено, что мужчины снимают доспехи, которые до сих пор носили все, кто мог себе это позволить, в качестве полезной меры предосторожности в варварском и, следовательно, воинственном обществе.^[370]

Чтобы проследить общий прогресс в различных его частях или даже указать на непосредственные последствия, потребовался бы отдельный том. Однако один из результатов слишком бросается в глаза, чтобы обойти его молчанием, хотя он и не заслуживает всего того значения, которое ему придавалось. Это отмена наследственной юрисдикции, которая, в конце концов, была всего лишь симптомом великого движения, а не его причиной; сама по себе она была обусловлена отчасти ростом промышленного духа, а отчасти тем ослаблением власти аристократии, которое было заметно еще в начале семнадцатого века. На протяжении многих веков определенные лица благородного происхождения пользовались привилегией рассматривать дела о преступлениях и даже выносить смертные приговоры просто потому, что их предки поступали так до них; судебная власть фактически была частью их наследия и переходила к ним по наследству, как и остальная их собственность.^[371] Учреждение такого рода, которое делало человека судьей не потому, что он подходил для этой должности, а потому, что он родился при особых обстоятельствах, было глупостью, от которой революционный темперамент восемнадцатого века вряд ли избавил. Новаторский дух, которым была примечательна та эпоха, едва ли мог не выступить против столь нелепого обычая; и его исчезновению способствовал как упадок знати, обладавшей этой привилегией, так и возвышение их естественных противников, торговых кругов. Упадок шотландской знати в восемнадцатом веке можно объяснить двумя особыми причинами, в дополнение к тем общим причинам, которые ослабляли аристократию почти по всей Европе. Общие причины, которые были общими для Англии и для большинства частей Континента, нас сейчас не интересуют. Достаточно сказать, что они были полностью зависимы от того прогресса знаний, который, повышая авторитет интеллектуального класса, подрывает и должен в конечном итоге свергнуть простые наследственные и случайные различия. Но те причины, которые ограничивались Шотландией, носили скорее политический характер, и хотя они были чисто местными, они соответствовали общему ходу событий и должны быть замечены как звенья обширной цепи, которая связывает нынешнее состояние этой уникальной страны с ее прошлой историей.

Первой причиной стала уния Шотландии с Англией в 1707 году, которая нанесла тяжелый удар шотландской аристократии. Благодаря этому законодательный орган меньшей страны был поглощен законодательным органом более крупной, и наследственные законодатели внезапно отошли на второй план. В шотландском парламенте насчитывалось сто сорок пять пэров, все из которых, за исключением шестнадцати, были по Закону о союзе лишены права принимать законы.^[372] Эти шестнадцать человек были отправлены в Лондон и заняли свои места в Палате лордов, в которой они составляли небольшую и жалкую фракцию. По любому вопросу, каким бы

важным он ни был для их собственной страны, они легко проигрывали; их манеры, жестикация и особенно комичная манера произносить английский язык открыто высмеивались;^[373] и вожди этой старой и могущественной аристократии обнаружили, что на них, к их крайнему изумлению, смотрели как на людей, не заслуживающих внимания, и они часто были вынуждены лебезить и пресмыкаются перед священником, чтобы добыть место для какого-нибудь нуждающегося иждивенца. Их друзья и родственники обращались к ним за служебными должностями, и, как правило, безуспешно. Действительно, шотландская знать, будучи очень бедной, хотела для себя большего, чем английское правительство было склонно дать, и в пылу своих требований они потеряли и достоинство, и репутацию.^[374] Они подверглись унижительному отпору, и вскоре их истинное положение стало известно, что ослабило их влияние дома, среди людей, уже готовых свергнуть их власть. К этому, однако, они отнеслись сравнительно равнодушно, поскольку они искали будущего счастья не в Шотландии, а в Англии. Лондон стал центром их интриг и надежд.^[375] Те, у кого не было места в Палате лордов, жаждали его иметь, и было печально известно, что заветной целью почти каждого шотландского дворянина было стать английским пэром.^[376] Их амбиции изменились, они постепенно отвыкли от своих старых ассоциаций. Как только это стало очевидным, основа их власти исчезла. С этого момента их настоящая национальность исчезла. Стало очевидно, что их патриотизм был всего лишь эгоистичной страстью. Они перестали любить страну, которая ничего не могла им дать, и, как естественное следствие, их страна перестала любить их.

Таким образом, эта великая связь была разорвана. В этом, как и во всех подобных движениях, были, конечно, исключения. Некоторые из дворян были бескорыстны, а некоторые из их иждивенцев были верны друг другу. Но, глядя на Низменности в целом, не может быть никаких сомнений в том, что еще до середины восемнадцатого века исчезли те узы привязанности, которые в прежние времена заставляли десятки тысяч шотландцев следовать за своими начальниками в любом деле и жертвовать своими жизнями по первому кивку. Этот дух, который когда-то считался пылким и великодушным, но который, как показывает более глубокий анализ, был подлым и раболепствующим, теперь почти угас, за исключением варваров-горцев, чье незнание дел долгое время не позволяло им поддаваться влиянию потока событий. Тот факт, что непосредственной причиной этой перемены был Профсоюз, вероятно, не будет отрицать ни один человек, скрупулезно изучивший историю того периода. И в том, что перемена была благотворной, могут усомниться только те сентиментальные мечтатели, для которых жизнь - это вопрос скорее чувств, чем суждений, и которые, презирая реальные и осязаемые интересы, упрекают свой век в его материальном процветании и любви к роскоши, как будто они были результатом низких и низменных желаний, неведомых более возвышенным людям прошлых дней. Мечтателям такого рода вполне может показаться, что варварский и невежественный аристократ, окруженный сонмом преданных слуг и живущий с грубой простотой в своем собственном унылом и убогом замке, являет собой прекрасную картину тех бессребренических и безотчетных времен, когда люди, вместо того чтобы стремиться к знаниям, богатству или комфорту, довольствовались скромной невинностью своих отцов, и когда, получая защиту от одного класса и благодарность от другого, поддерживалось подчинение общества, и разные его части были спаяны симпатией, а другие - благодарностью. силой обычных эмоций, а не, как сейчас, грубыми сентенциями вульгарной и эгоистичной полезности.

Однако те, чьи знания дают им некоторое представление о реальном ходе человеческих дел, увидят, что в Шотландии, как и во всех цивилизованных странах, упадок аристократической власти составляет существенную часть общего прогресса. Поэтому следует считать удачным

обстоятельством то, что среди шотландцев, где эта власть долгое время была огромной, она была ослаблена в восемнадцатом веке не только общими причинами, действовавшими в других местах, но и двумя меньшими и более особыми причинами. Первой из этих второстепенных причин была, как мы только что видели, Уния с Англией. Другая причина была, говоря сравнительно, незначительной, но все же она произвела решающий эффект, особенно в северных округах. Оно заключалось в том факте, что некоторые из старейших шотландских дворян были замешаны в восстании 1745 года, и что, когда это восстание было подавлено, те, кто спасся от меча, были рады спасти свои жизни, улетев за границу, оставив своих иждивенцев перебиваться самостоятельно.^[377] Они привязались ко двору Претендента или, во всяком случае, были заинтересованы в нем. Это, действительно, был их единственный шанс, поскольку их поместья дома были конфискованы. Почти сорок лет несколько знатных семей находились в изгнании, и хотя примерно в 1784 году они начали возвращаться,^[378] за время их отсутствия сформировались другие ассоциации, и новые идеи возникли как в их собственных умах, так и в умах их приближенных. Выросло новое поколение, и в нем проявились новые влияния. Чужеземцы, к которым народ не испытывал симпатии, вторглись во владения знати, и хотя они могли добиться повиновения, это было повиновение, не сопровождаемое почтением. Настоящее благоговение исчезло; почтения сердца больше не было. И поскольку такое положение вещей продолжалось около сорока лет, оно прервало весь ход мыслей; и прежние привычки были настолько полностью сломлены, что, даже когда вождем вернули их утраченные почести, они обнаружили, что была еще одна часть их наследства, которую они не смогли вернуть, и что они навсегда утратили то безоговорочное подчинение, которым в былые времена охотно пользовались их отцы.^[379]

В силу этих обстоятельств ход дел в Шотландии в течение восемнадцатого века, и особенно в первой его половине, был отмечен более быстрым падением влияния высших чинов, чем это наблюдалось в какой-либо другой стране. Поэтому английскому правительству было нетрудно добиться принятия закона, который, упраздняя наследственную юрисдикцию, лишил шотландскую аристократию в 1748 году последнего великого представителя их власти.^[380] Закон, соответствовавший духу времени, работал хорошо; и в Горной Шотландии, в частности, это было одной из непосредственных причин установления чего-то вроде порядка оседлого государства.^[381] Но в этом случае, как и в любом другом, реальную и преобладающую причину следует искать в состоянии окружающего общества. Несколькими поколениями ранее вряд ли кому-то пришло бы в голову упразднить эти пагубные юрисдикции, которые тогда считались выгодными и пользовались уважением как принадлежащие великим семьям по естественному и неотъемлемому праву. Такое мнение было неизбежным результатом существовавшего тогда положения вещей. В таком случае, несомненно, что, если бы законодательная власть в то время была настолько опрометчива, чтобы наложить руку на то, что уважает нация, народное сочувствие было бы возбуждено, и дворяне были бы укреплены тем, что должно было их ослабить.^[382] Однако в 1748 году дела обстояли совсем по-другому. Общественное мнение изменилось; и это изменение мнения стало не только причиной принятия нового закона, но и причиной того, что новый закон стал эффективным. И так бывает всегда. Действительно, те, чьи знания почти ограничиваются тем, что они видят вокруг себя, и кого из-за их невежества называют практичными людьми, могут сколько угодно говорить о реформах, проведенных правительством, и об улучшении, которого следует ожидать от законодательства. Но тот, кто примет более широкий и властный взгляд на дела, вскоре обнаружит, что такие надежды

химеричны. Они узнают, что законодатели почти всегда являются препятствиями обществу, а не его помощниками; и что в чрезвычайно немногих случаях, когда их меры оказывались успешными, их успех объяснялся тем фактом, что, вопреки своему обычаю, они безоговорочно подчинялись духу своего времени и были, как и всегда должны быть, простыми слугами народа, желаниям которого они обязаны давать общественную и юридическую санкцию.

Другой поразительной особенностью Шотландии в тот замечательный период, который мы сейчас рассматриваем, был внезапный рост торговых и производственных интересов. Это на целое поколение предшествовало знаменитому статуту 1748 года и было одной из его причин, поскольку ослабляло знатные семьи, против которых был направлен этот статут. Это движение можно проследить, как я уже заметил, до конца семнадцатого века, и оно активно действовало еще до того, как прошли первые двадцать лет восемнадцатого века. Дух меркантилизма и делания денег распространился до ранее неизвестной степени, и людей стали ценить не только за их происхождение, но и за их богатство, был введен новый стандарт совершенства, и на сцене появились новые действующие лица. Раньше людей уважали исключительно за их происхождение; теперь их уважали еще и за их богатство. Старая аристократия, обеспокоенная переменами, делала все возможное, чтобы помешать этим молодым и опасным соперникам.^[383] Мы также не можем удивляться тому, что они чувствуют себя несколько обиженными. Тенденция, которая была проявлена, была, действительно, фатальной для их притязаний. Вместо того, чтобы спрашивать, кто был отцом человека, вопрос сводился к тому, сколько он получил. И, конечно, если ставить любой из этих вопросов, то последний является более рациональным. Богатство - это реальная и существенная вещь, которая служит нашим удовольствиям, увеличивает наш комфорт, приумножает наши ресурсы и нередко облегчает наши страдания. Но рождение - это мечта и тень, которые, будучи далеки от того, чтобы приносить пользу ни телу, ни уму, лишь возвышают своего обладателя воображаемым превосходством и учат его презирать тех, кого природа поставила выше его, и которые, независимо от того, заняты ли они пополнением наших знаний или нашего богатства, в любом случае улучшают состояние общества и оказывают ему истинную и ценную услугу.

Этот антагонизм между аристократическим духом и духом торговли заложен в природе вещей и существенен, как бы он ни маскировался в определенные периоды. Следовательно, история торговли имеет философское значение по отношению к прогрессу общества, совершенно независимое от практических соображений. По этой причине я привлек внимание читателя к тому, что в противном случае было бы чуждо предметам настоящего Введения; и теперь я как можно короче прослежу начало того великого промышленного движения, распространению которого отчасти следует приписать свержение шотландской аристократии.

Союз с Англией, который был завершен в 1707 году, оказал немедленное и поразительное воздействие на торговлю. Его первым результатом было открытие для шотландцев новой и обширной торговли с английскими колониями в Америке. До вступления в Союз никакие товары любого рода не могли быть доставлены в Шотландию с американских плантаций, если только они не были предварительно доставлены в Англию и не были уплачены там пошлины; и даже в этом случае они не могли быть перевезены каким-либо шотландским судном.^[384] Это было одно из многих глупых постановлений, с помощью которых наши законодатели вмешивались в естественный ход дел и наносили ущерб интересам своей собственной страны, а также интересам своих соседей. Однако раньше такие законы считались чрезвычайно мудрыми, и политики постоянно изобретали защитные схемы такого рода, которые с самыми благими

намерениями наносили неисчислимый вред. Но если, как кажется вероятным, одной из их целей в данном случае было замедлить развитие Шотландии, то они более чем обычно преуспели в достижении цели, к которой стремились. Ибо все западное побережье, будучи отрезанным от прямых сношений с американскими колониями, было лишено единственного выгодного направления внешней торговли, которому оно могло следовать; поскольку европейские порты находились на востоке, и жители Западной Шотландии не могли добраться до них без длительного кругосветного плавания, что не позволяло им конкурировать на равных со своими соотечественниками, которые, приплывая с другой стороны, уже находились недалеко от главных торговых центров. Следствием этого было то, что Глазго и другие западные порты оставались почти неподвижными, имея сравнительно мало средств для удовлетворения того предприимчивого духа, который поднялся среди них в конце семнадцатого века, и не осмеливаясь торговать с теми процветающими колониями, которые находились прямо перед ними за Атлантикой, но доступ к которым они были полностью исключены ревнивыми мерами предосторожности английского парламента.[385]

Однако, когда в соответствии с Актом об объединении две страны стали одной, эти меры предосторожности были отменены, и Шотландии было разрешено поддерживать прямые сношения с Америкой и островами Вест-Индии. Результат, который это произвело на национальную промышленность, был почти мгновенным, потому что это дало выход духу, который начал проявляться среди людей в конце семнадцатого века, и потому что этому способствовали те еще более общие причины, которые в большинстве частей Европы предрасполагали ту эпоху к росту промышленности. Запад Шотландии, находящийся ближе всего к Америке, первым ощутил это движение. В 1707 году жители Гринока без вмешательства правительства наложили на себя добровольный налог с целью строительства гавани. В этом начинании они проявили такое усердие, что к 1710 году все работы были завершены; были возведены пирс и просторная гавань, и Гринок внезапно превратился из незначительного места в важное место в торговле Атлантики.[386] Некоторое время торговцы довольствовались тем, что продолжали свои перевозки на кораблях, нанятых у англичан. Вскоре, однако, они осмелели; они начали строить за свой счет; и в 1719 году первое судно, принадлежащее Гриноку, отплыло в Америку.[387] С этого момента их торговля росла так быстро, что к 1740 году налога, который граждане наложили на себя, было достаточно не только для погашения возникшего долга, но и для того, чтобы оставить значительный излишек, доступный для муниципальных нужд.[388] В то же время и под действием тех же причин Глазго вышел из неизвестности. В 1718 году его предприимчивые жители спустили на воду в реке Клайд первое шотландское судно, когда-либо пересекавшее Атлантику; таким образом, они опередили жителей Гринока на один год.[389] Глазго и Гринок стали двумя крупнейшими торговыми точками Шотландии и главными центрами деятельности.[390] Удобства и даже роскошь, до сих пор достижимые только за огромные деньги, начали распространяться по стране. Продукцию тропиков теперь можно было закупать непосредственно в Новом Свете, который, в свою очередь, предлагал богатый рынок промышленных товаров. Это стало еще одним стимулом для шотландской промышленности, и его последствия стали очевидны сразу. Жители Глазго, обнаружив большой спрос американцев на полотно, в 1725 году ввели его производство в своем городе, откуда оно распространилось на другие места и за короткое время дало работу тысячам рабочих.[391] Также именно с 1725 года Пейсли датирует свой расцвет. Даже в начале восемнадцатого века этот богатый и процветающий город все еще представлял собой

разрозненную деревню с единственной улицей.^[392] Но после Распада Союза его бедные и доселе бездействовавшие жители начали приходить в волнение от активности, которую они видели со всех сторон. Постепенно их взгляды расширились; и введение среди них в 1725 году производства ниток стало первым шагом в той великой карьере, на которой они никогда не останавливались, пока не превратили Пейсли в огромный промышленный центр и успешного популяризатора каждого искусства, с помощью которого развивается промышленность.^[393]

Это движение проявилось не только на западе. В Шотландии в целом дух торговли стал настолько распространенным, что начал посягать на старый теологический дух, который долгое время был верховным. До сих пор шотландцев мало что интересовало, кроме религиозной полемики. В каждом обществе это были главные темы для разговоров; и на них люди растрачивали свою энергию без малейшей пользы ни для себя, ни для других. Но примерно в это же время было замечено, что совершенствование производства стало обычной темой для разговоров.^[394] Такое заявление, сделанное хорошо информированным писателем, который был свидетелем того, о чем он рассказывает, является любопытным доказательством перемен, которые начинали, хотя и очень слабо, овладевать сознанием шотландцев. Это показывает, что, во всяком случае, существовала тенденция уходить от тем, которые недоступны нашему пониманию и обсуждение которых не имеет никакого эффекта, кроме раздражения тех, кто спорит, и делает их более нетерпимыми, чем когда-либо, к богословским мнениям, отличным от их собственных. К несчастью, были, как я сейчас укажу, и другие причины, которые помешали этой тенденции принести все то хорошее, чего можно было ожидать. Тем не менее, пока это продолжалось, это был явный выигрыш. Это был удар по суевериям, поскольку это была попытка занять человеческий разум простыми мирскими соображениями. В такой стране, как Шотландия, это само по себе было чрезвычайно важно. Мы должны также добавить, что, хотя это было следствием возросшей трудолюбивости, оно, как это часто бывает, отреагировало на ее причину и усилило ее. Ибо, уменьшив, пусть и незначительно, чрезмерное уважение, которое раньше уделялось богословским занятиям, это в той же пропорции побудило честолюбивых и предприимчивых людей воздерживаться от этих занятий и заниматься мирскими делами, где способности, будучи менее скованными предрассудками, имеют больший размах и пользуются большей свободой действий. Из этих людей некоторые достигли первых высот в литературе, в то время как другие, избрав другой, но столь же полезный путь, стали столь же выдающимися в торговле. Таким образом, в Шотландии в XVIII веке впервые появились два могущественных и активных класса, чьи цели были по существу светскими, — интеллектуальный класс и промышленный класс. До XVIII века ни один из этих классов не пользовался независимым влиянием и, действительно, нельзя было сказать, что они существовали отдельно. Интеллект страны был поглощен церковью; промышленность страны находилась под контролем знати. Влияние, которое это изменение произвело на литературу Шотландии, будет прослежено в последней главе настоящего тома. Его влияние на промышленность было столь же замечательным и столь же ценным для благосостояния нации. Но она не представляет того общенаучного интереса, который присущ интеллектуальному движению; и поэтому я, в дополнение к уже приведенным свидетельствам, ограничусь еще несколькими фактами, иллюстрирующими историю шотландской промышленности вплоть до середины восемнадцатого века, когда уже не оставалось сомнений в том, что поток материального процветания действительно начался.

В течение семнадцатого века единственным сколько-нибудь важным шотландским производством было производство льна, которое, однако, как и любая другая отрасль промышленности, было очень отсталой и подвергалось всевозможным упадкам.^[395] Но после Объединения это получило внезапный импульс по двум причинам. Одной из таких причин, как я уже заметил, был спрос со стороны Америки, возникший в результате открытия торговли через Атлантику. Другой причиной была отмена пошлины, которую Англия ввела на ввоз шотландского льна. Эти два обстоятельства, произошедшие почти в одно и то же время, оказали такое влияние на национальную промышленность, что Де Фо, который разбирался в деталях торговли шире, чем любой человек того времени, сказал, что, похоже, в будущем шотландская беднота никогда не будет испытывать недостатка в работе.^[396] К сожалению, этого не было и никогда не будет, пока общество радикально не изменится. Но движение, вызвавшее столь смелое замечание такого осторожного наблюдателя, как Де Фо, должно было быть очень поразительным; и мы знаем из других источников, что между 1728 и 1738 годами производство одного только льна для экспорта увеличилось более чем вдвое.^[397] После этого периода этот и другие подразделения шотландской промышленности развивались с постоянно возрастающей скоростью. Современник, который, вероятно, был хорошо информирован, упоминает, что между 1715 и 1745 годами торговля и мануфактуры Шотландии выросли больше, чем за многие века до этого.^[398] Такое утверждение, хотя и ценное как подтверждение других свидетельств, слишком расплывчато, чтобы на него можно было полностью положиться; и историки, которые обычно занимаются незначительными деталями о дворах, принцах и государственных деятелях, оставляют нас в вопросах, которые действительно важны, так что сейчас вряд ли возможно реконструировать историю шотландского народа в эту первую эпоху их материального процветания. Я, однако, собрал несколько фактов, которые, по-видимому, основаны на хорошем авторитете и которые дают нам нечто вроде точной информации относительно дат. В 1739 году производство льна было введено в Килбарчане,^[399] а в 1740 году - в Арброуте.^[400] С 1742 года начинается расцвет мануфактур Килмарнока.^[401] В 1748 году в Каллене было произведено первое льняное полотно;^[402] и в том же году в Инверэри.^[403] В 1749 году в Абердине была основана в больших масштабах эта великая отрасль промышленности и источник богатства;^[404] примерно в 1750 году она начала рассеиваться в Уэмиссе, в графстве Файф.^[405] Эти события, происходившие в течение одиннадцати лет в частях страны, столь удаленных друг от друга и столь совершенно не связанных, указывают на существование общих причин, которые управляли всем движением; хотя в этом, как и во всех случаях, все обычно приписывается влиянию нескольких влиятельных личностей. У нас есть, однако, другие доказательства того, что прогресс был по существу национальным. Даже в Эдинбурге, где до сих пор не уважались никакие притязания, кроме притязаний знати или духовенства, начал раздаваться голос этого нового торгового интереса. В этой бедной и воинственной столице впервые было создано общество поощрения мануфактур; и мы уверены, что это было лишь единичным проявлением энтузиазма, который обычно испытывали по этому поводу.^[406] Совпадая с этим движением и действительно являясь его частью, мы можем различить самые ранние симптомы так называемого денежного класса. В 1749 году в Абердине был основан первый окружной банк, когда-либо существовавший в Шотландии; и в том же году аналогичное учреждение было создано в Глазго.^[407] Они представляли восток и запад, и тем прогрессом, которого они смогли добиться, каждый способствовал торговле в своем районе. Сношения между восточной и западной Шотландией до сих пор были трудными и дорогостоящими. Но это также должно было быть исправлено предприятием, одно только представление о котором раньше вызвало бы насмешки. После Объединения возникла идея

объединить восток с западом каналом, который должен был соединить Форт с Клайдом. План сочли химерическим и отказались от него. Однако, как только мануфактурный и торговый классы приобрели достаточное влияние, они приняли его с той энергией, которая характерна для их сословия и которая более распространена среди них, чем среди любого другого слоя общества. Результатом стало то, что в 1768 году великая работа была честно начата;^[408] и был сделан первый шаг к тому, что с материальной точки зрения было предприятием огромной важности, но с социальной и интеллектуальной точек зрения имело еще большую ценность, поскольку, обеспечивая дешевый и легкий транзит через сердце самой густонаселенной части Шотландии, оно было создано в 1768 году. , это имело прямую тенденцию заставлять разные районы и разные места чувствовать, что каждый нуждается в других, и, таким образом, поощряя представление о том, что все они принадлежат к одной общей схеме, это помогало уменьшить местные предрассудки и утолить местную зависть; в то же время, в той же пропорции, побуждая людей выходить из узкого круга, в котором они обычно жили, это готовило их к определенной широте кругозора, которая является естественным следствием рассмотрения дел с разных точек зрения и которая никогда не встречается ни в одной стране, где средства передвижения либо очень опасны, либо очень дороги.

Таково было состояние Шотландии к середине восемнадцатого века; и, несомненно, ни перед одной страной не открывалась более прекрасная перспектива. На земле царил мир. Ей нечего было бояться, ни иностранного вторжения, ни внутренней тирании. Искусства, повышающие комфорт человека и служащие его счастью, усердно культивировались; богатство создавалось с беспрецедентной быстротой, и блага, следующие за богатством, широко распространялись; в то время как наглость знати была настолько эффективно обуздана, что трудолюбивые граждане впервые смогли ощутить свою собственную независимость, могли знать, что тем, что они заработали, они также должны наслаждаться, и могли держаться прямо, с мужественным видом, в присутствии класса, перед которым они долгое время пресмыкались в униженной покорности.

Помимо этого, теперь возникла великая литература, литература редкой и непревзойденной красоты. Чтобы рассказать об интеллектуальных достижениях шотландцев в восемнадцатом веке в манере, соизмеримой с их важностью, потребовался бы отдельный трактат, и я не могу сейчас остановиться даже на упоминании того, с чем все образованные люди хотя бы частично знакомы; каждый студент признает ценность того, что было сделано в его собственном стремлении. В последней главе этого тома я, однако, попытаюсь дать некоторое представление об общих результатах, рассматриваемых в целом; в настоящее время достаточно сказать, что в каждой отрасли знания этот некогда бедный и невежественный народ породил оригинальных и успешных мыслителей. Что делает это место еще более примечательным, так это его полный контраст с их прежним состоянием. Вплоть до начала восемнадцатого века Шотландия могла похвастаться только двумя авторами, чьи произведения принесли пользу человечеству. Это были Бьюкенен и Нейпир. Бьюкенен был первым политическим писателем, который придерживался точных взглядов в отношении правительства и который четко определил истинные отношения между народом и его правителями. Он поставил права народа на прочную основу и предвосхитил все последующие революции. Нейпир, столь же смелый в другой области, преуспел могучим усилием гения в обнаружении и доведении до крайности закона прогрессии чисел, который настолько прост и в то же время настолько действен, что позволяет распутывать самые утомительные и запутанные вычисления, и, таким образом, экономя труд мозга, избавил от огромных и неисчислимых потерь. Эти два человека действительно были

великими благодетелями своего вида; но они стоят особняком, и если бы все остальные авторы, созданные Шотландией до конца семнадцатого века, никогда не родились, или если бы, родившись, они никогда не писали, общество ничего бы не потеряло, а находилось бы точно в том же положении, что и сейчас.

Однако в начале восемнадцатого века движение ощущалось по всей Европе, и в этом движении участвовала Шотландия. Повсюду витал дух исследования, настолько повсеместный и ищущий, что ни одна страна не могла полностью избежать его действия. Сангвиники были взволнованы, и даже серьезные люди были взволнованы. Казалось, что долгая ночь вот-вот закончится. Там, где раньше не было ничего, кроме темноты, вспыхнул свет. Мнения, выдержавшие испытание веками, внезапно подверглись сомнению; и со всех сторон возникли сомнения, и были затребованы доказательства. Человеческий разум, набравшийся смелости, не удовлетворился бы старыми доказательствами. Вещи изучались с самого начала, и основа каждого верования подвергалась ревнивой проверке. Какое-то время это касалось только высших умов; но вскоре движение распространилось и в самых передовых странах подействовало почти на все классы. В Англии и Франции результат был чрезвычайно благоприятным. Можно было бы надеяться, что и в Шотландии общественное мнение постепенно просветлело. Но это не так. Время шло; одно поколение сменяло другое; восемнадцатый век прошел; наступил девятнадцатый; а люди по-прежнему не подавали никаких признаков жизни. Мрак средневековья все еще был над ними. Пока все вокруг было светло, шотландцы, окутанные туманом, ползли дальше, нащупывая свой путь, уныло и со страхом. В то время как другие народы избавлялись от своих старых суеверий, этот необычный народ цеплялся за свои с неослабевающим упорством. Теперь, действительно, их хватка постепенно ослабевает, но крайне медленно, и часто появляются угрожающие реакции. Это всегда было и остается проклятием Шотландии, так же как и главной трудностью, с которой приходится бороться историку Шотландии. Повсюду, когда подъем интеллектуальных классов и подъем торговых и мануфактурных классов сопровождали друг друга, неизменным результатом было ослабление власти духовенства и, следовательно, уменьшение влияния суеверий. Особенность Шотландии заключается в том, что на протяжении восемнадцатого века и даже вплоть до середины девятнадцатого века промышленный и интеллектуальный прогресс продолжался, существенно не поколебав авторитет духовенства.^[409] Странное и неравноценное сочетание! Страна смелых и предприимчивых купцов, проницательных фабрикантов, дальновидных деловых людей и искусных ремесленников; страна также таких бесстрашных мыслителей, как Джордж Бьюкенен, Дэвид Юм и Адам Смит, внушает благоговейный страх нескольким шумным и невежественным проповедникам, которым она позволяет вольности и подчиняется, позорящим эпоху и несовместимым с самыми обычными представлениями о свободе. Народ, во многих отношениях очень развитый и придерживающийся в политических вопросах просвещенных взглядов, во всех религиозных вопросах проявляет ограниченность ума, нелиберальность чувств, вспыльчивость и любовь к преследованию других, что показывает, что протестантизм, которым они хвастаются, не принес им никакой пользы; что в наиболее важных вопросах он оставил их такими же узкими, какими и нашел; и что он не смог освободить их от предрассудков, которые делают их посмешищем Европы и которые превратили само название шотландской церкви в синодальное слово. поговорка и порицание среди образованных людей.

Теперь я попытаюсь объяснить, как все это возникло и как можно примирить такие очевидные несоответствия. Тот, кто способен к научному пониманию истории, сразу признает, что они

могут быть согласованы и что несоответствия являются лишь кажущимися, а не реальными. Ибо в моральном мире, как и в физическом, нет ничего аномального; нет ничего неестественного; нет ничего странного. Все есть порядок, симметрия и закон. Есть противоположности, но нет противоречий. В характере нации непоследовательность невозможна. Таково, однако, все еще отсталое состояние человеческого разума, и с таким недобрым и желчным пристрастием мы подходим к величайшим проблемам, что не только обычные писатели, но даже люди, от которых можно было бы ожидать лучшего, находятся в этом вопросе в постоянном замешательстве, ставя в тупик себя и своих читателей, говоря о непоследовательности, как будто это качество, присущее предмету, который они исследуют, вместо того, чтобы быть, как это есть на самом деле, показателем их собственного невежества. Задача историка - устранить это невежество, показав, что перемещения наций совершенно регулярны и что, как и все другие движения, они определяются исключительно своими предшественниками. Если он не может этого сделать, то он не историк. Он может быть летописцем, или биографом, или хронистом, но выше этого он не сможет подняться, пока не проникнется тем духом науки, который преподает в качестве символа веры доктрину единообразной последовательности; другими словами, доктрину о том, что определенные события уже произошли, и некоторые другие события, соответствующие им, также произойдут. Твердо усвоить эту идею и применять ее во всех случаях, не обращая внимания ни на какие исключения, чрезвычайно трудно, но это должен сделать тот, кто желает вывести изучение истории из ее нынешнего грубого и неформального состояния и сделать все возможное для того, чтобы поставить ее на надлежащее место, как главу всех наук. Даже в этом случае он не сможет выполнить свою задачу, если его материалы не будут достаточными и почерпнутыми из источников, пользующихся несомненным доверием. Но если его факты достаточно многочисленны; если они очень разнообразны; если они были собраны из таких различных источников, что могут проверять и противопоставлять друг другу, чтобы устранить всякое подозрение в искажении их показаний; и если тот, кто использует их, обладает той способностью обобщения, без которой не может быть достигнуто ничего великого, он вряд ли потерпит неудачу в успешном завершении какой-то части своих трудов, при условии, что он посвятит все свои силы этому одному предприятию, отложив ради него все другие цели честолюбия и пожертвовав ради этого многими интересами, которые дороги людям. Некоторыми из наиболее приятных стимулов к действию он должен пренебречь. Не для него те награды, которые при других занятиях принесла бы та же энергия; не для него сладость народных аплодисментов; не для него роскошь власти; не для него участие в советах своей страны; не для него заметное и почетное место в глазах общественности. Даже осознавая, на что он способен, он может не участвовать в великом состязании; он не может надеяться выиграть приз; он даже не может насладиться азартом борьбы. Для него арена закрыта. Его вознаграждение находится внутри него самого, и он должен научиться мало заботиться о сочувствии своих ближних или о тех почестях, которые они способны оказать. Столь далекий от поисков этих вещей, он скорее должен быть готов к тому позору, который всегда ожидает тех, кто, открывая новые пути мысли, разрушает предрассудки своих современников. В то время как ему вменяется невежество, и даже хуже, чем невежество, в то время как его мотивы искажаются, а его честность ставится под сомнение, в то время как его обвиняют в отрицании ценности моральных принципов и нападении на основы всех религий, как если бы он был каким-то врагом общества, который сделал своим делом развращение общества и которому доставляло удовольствие видеть, какое зло он может натворить; в то время как эти обвинения выдвигаются и повторяются из уст в уста, он должен быть способен молча следовать ровным путем, не сворачивая, не останавливаясь и не сходя со своего пути. замечать гневные выкрики,

которые он не может не слышать и которые он более чем человек, если ему не хочется упрекать. Таковы качества и таковы высокие решения, необходимые тому, кто в самом важном из всех вопросов, полагая, что старый путь изношен и бесполезен, стремится проложить для себя новый и в этом усилении, возможно, не только истощает свои силы, но и наверняка навлекает на себя враждебность тех, кто стремится сохранить древнюю схему в неприкосновенности. Разрешить великую проблему положения вещей; обнаружить те скрытые обстоятельства, которые определяют ход событий и судьбу наций; и найти в событиях прошлого ключ к действиям в будущем - это не что иное, как объединить в единой науке все законы морального и физического мира. Тот, кто это сделает, заново выстроит структуру нашего знания, перестроит различные его части и согласует кажущиеся несоответствия. Возможно, человеческий разум вряд ли готов к такому масштабному предприятию. Во всяком случае, тот, кто возьмется за это, не встретит особого сочувствия и мало кого найдет, кто сможет ему помочь. И пусть он трудится, как может, солнце и полдень его жизни пройдут, вечер его дней настигнет его, и ему самому придется уйти со сцены, оставив незаконченным то, что он тщетно надеялся завершить. Он может заложить фундамент; его преемникам предстоит возвести здание. Их руки нанесут последний штрих; они пожнут славу; их имена будут помнить, когда он будет забыт.

Действительно, слишком верно, что такая работа требует не только нескольких умов, но и последовательного опыта нескольких поколений. Признаюсь, когда-то я думал иначе. Однажды, когда я впервые увидел всю область знания и, казалось, хотя и смутно, различил различные ее части и их связь друг с другом, я был настолько очарован ее непревзойденной красотой, что мое суждение было обманчивым, и я счел себя способным не только охватить поверхность, но и овладеть деталями. Я и не подозревал, как расширяется и отдаляется горизонт и как тщетно мы хватаемся за мимолетные формы, которые тают и ускользают от нас вдалеке. Из всего, что я надеялся сделать, теперь я слишком точно понимаю, насколько малую часть я выполняю. В тех ранних устремлениях было много причудливого; возможно, было много глупого. Возможно, также, что они содержали моральный изъян и отдавали высокомерием, присущим силе, которая отказывается признавать собственную слабость. Тем не менее, даже сейчас, когда они побеждены и сведены на нет, я не могу раскаяться в том, что потворствовал им, но, напротив, я бы охотно вспомнил о них, если бы мог. Ибо такие надежды относятся к тому радостному и оптимистичному периоду жизни, когда одни мы по-настоящему счастливы; когда эмоции более активны, чем суждения; когда опыт еще не ожесточил нашу натуру; когда привязанности еще не омрачены и не подавлены до глубины души; и когда горечь разочарования еще не прочувствована, трудности не замечены, препятствия невидимы, честолюбие доставляет удовольствие, а не укол, и кровь быстро бежит по венам, пульс учащается, а сердце трепещет от перспективы будущего. Это славные дни, но они уходят от нас, и ничто не может компенсировать их отсутствие. Мне они сейчас кажутся скорее видениями расстроенной фантазии, чем трезвой реальностью того, что было и чего нет. Мне больно делать это признание, но я обязан сделать его ради читателя, потому что я не хотел бы, чтобы он предположил, что ни в этом, ни в будущих томах моей Истории я смогу выполнить свое обещание. Я надеюсь достичь чего-то, что заинтересует мыслителей нашего времени; и чего-то, возможно, на чем смогут опираться потомки. Однако это будет лишь фрагмент моего первоначального замысла. В двух последних главах я попытался, и в двух следующих главах я сделаю еще одну попытку разрешить любопытную проблему в истории Шотландии, которая тесно связана с другими проблемами еще более серьезного значения: но хотя решение, я полагаю, будет полным, свидетельства о решении, несомненно, будут несовершенными. Я с сожалением должен добавить, что такое несовершенство отныне является неотъемлемой

частью моего плана. Это важно, потому что я отчаиваюсь восполнить те пробелы в моих знаниях, которые я все больше ощущаю по мере того, как мои взгляды становятся более обширными. Это также важно, потому что, справедливо оценив мои собственные силы, вероятную продолжительность моей жизни и пределы, до которых можно безопасно довести трудолюбие, я пришел к выводу, что это Введение, которое я проектировал как прочную основу, на которой впоследствии могла бы быть построена история Англии, должно быть либо сильно сокращено и, следовательно, лишено своей силы, либо что, если не сокращать, вряд ли у меня будет шанс рассказать с размахом и полнотой деталей, которых они в высшей степени заслуживают, о деяниях этого великого народа. и великолепная нация, с которой я лучше всего знаком и членом которой я горжусь считать себя. Мои симпатии наиболее тесно связаны со свободным, благородным и возвышенно мыслящим английским народом; на них, естественно, сосредоточены мои чувства; из их литературы и из их примера я извлек лучшие уроки; и сейчас самым заветным и священным желанием моего сердца является то, чтобы я мог преуспеть в написании их истории и в раскрытии последовательных этапов их могучей карьеры, пока я еще в какой-то степени справляюсь с этой задачей и до того, как мои способности начнут истощаться или сила постоянного внимания начнет ослабевать.

Сноски:

[274] Лорд Дартмут говорит (Примечание в *"Истории своего времени"* Бернета, том i, стр. 15): "Граф Сифилд сказал мне, что король Яков часто заявлял, что никогда не считал себя кем-то большим, чем номинальным королем Шотландии, пока не стал королем Англии; но теперь, по его словам, одно королевство поможет ему стать королем Шотландии". управлять другим, иначе он изучал королевское искусство без особой надобности колыбели и до того времени.' Сравните *"Мемуары герцогов Гамильтонских"* Бернета, Оксфорд, 1852, стр. 36. "Как только он счастливо воссел на английский трон, он с большим рвением принялся за работу".

[275] Сравните *"Историю Шотландии"* Тайтлера, том vi, стр. 430, с *Актами парламентов Шотландии*, том iii, стр. 303, § 20; также Закон (стр. 293, § 4), также принятый в 1584 году, ограничивающий полномочия Генеральных ассамблей. Джеймс, льстивший себе мыслью, что теперь он все уладил, обозначил свой триумф тем, что лично оскорбил духовенство, "назвав их лоунами, смайками, мятежными негодьями и так далее'. См. Письмо, датированное 2 января 1585-6, в *Сборнике общества Вудроу*, стр. 438, Эдинбург, 1844.

[276] "На епископов всегда смотрели с неодобрением". *История Церкви Шотландии Кирктона*, стр. 129.

[277] Смотрите этот замечательный статут в *Актах парламентов Шотландии*, том iii. стр. 541, 2. Поскольку некоторые историки Шотландской церкви сильно исказили его, я процитирую ту часть, которая прямо отменяет Акт 1584 года в пользу епископов. "Пункт, о котором мы сказали, что суэранский лорд и учредители парламента заявили, отменяют касс и отменяют XX акт того же плиамета халдина в Эдинбурге, упомянутый зеир 1584 года, предоставляющий полномочия епископу, и втерис юджис составляют церковное право На возобновление его представления в пользу бенефициев, на предоставление компенсации таирвану и на установление порядка' во всех церковных делах его Мэйсти и истейтис фойрсэйд заявляют, что они исчерпали себя и ничего не значат в тайме и не имеют никакой силы или эффекта".

[278] "Король раскаялся после того, как согласился на это". *"История кирки" Калдервуда*, том v., стр. 162. Но это дает слабое представление о его настоящих чувствах. Пожалуй, вряд ли есть необходимость приводить доказательства того, какого мнения придерживался по этому поводу принц, одним из любимых высказываний которого было: 'Нет епископа, нет короля'. Читатель, однако, найдет в *Государственных документах Кларендона* (том ii. стр. 260, Оксфорд, 1773, фолио) письмо Карла I. На него стоит взглянуть, потому что в нем откровенно признается, что Джеймс, любя епископство и ненавидя пресвитерианство, руководствовался скорее политическими мотивами, чем религиозными. Чарльз пишет: 'Благоразумная часть любого рассмотрения никогда не будет противопоставлена добросовестной, более того, они идут рука об руку; ибо (согласно lawyers lodgique) покажите мне любого президента, где когда-либо существовало пресвитериальное правительство и власть без постоянных восстаний. *Что и послужило причиной, побудившей короля, моего Отца, сменить правительство в Шотландии.* Сравните, что говорит шотландский пресвитерианин семнадцатого века в *Биографиях, отредактированных для Общества Вудроу* преподобным У. К. Твиди, Эдинбург, 1845, том i, стр. 13. "Причина, по которой король Яков был так жесток по отношению к епископам, заключалась не в их божественном учреждении (которое, как он отрицал, у них было), и не в выгоде, которую Церковь могла бы извлечь из них (поскольку он хорошо знал и этих людей, и их связи), а просто в том, что он верил, что они были полезными инструментами для превращения ограниченной монархии в абсолютное господство, а подданных - в рабов, и этот замысел в мире волновал его больше всего".

[279] 'Если бы это не было использовано политиками-конструкторами в качестве инструмента для реализации своих мер, сейчас не было бы известно, что такое событие когда-либо имело место'. *"Жизнь Мелвилла" Мак-Кри*, том ii. стр. 85. "Каким бы безобидным ни был этот шум, он предоставил суду предлог для приведения в исполнение своих замыслов против свобод и правления Церкви". стр. 89.

[280] *"История Шотландии" Тайтлера*, том vii. стр. 342-345. *История церкви Калдервуда*, том v. стр. 514, 515, 530, 531.

[281] 'Запуганные этими угрозами и огорченные потерей судов, они пришли к решению уступить свои политические и религиозные свободы королю'. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 92. Это сказано о магистратах Эдинбурга. Среди других угроз была одна: "сравнять с землей и вспахать Эдинбург и засеять его солью". *"Жизнь Брюса" Уодроу*, стр. 48, предисловие к *"Проповедям Брюса"*, под редакцией преподобного Уильяма Каннингема, Эдинбург, 1843. По этому случаю Елизавета написала письмо Джеймсу, которое напечатано в *Письмах королевы Елизаветы и Джеймса VI.*, 1849, 4to, стр. 120, 121.

[282] *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 100. Шотландец (Апологетическое повествование о состоянии Церкви, стр. 88) говорит: 'Сэр Патрик Мюррей, прилежный апостол Севера, познакомился с королем'. Также, *Автобиография и дневник Джеймса Мелвилла*, стр. 403.

[283] *"История Шотландии" Тайтлера*, том vii. стр. 350, 359. Но, безусловно, лучший отчет о влиянии этих северных священнослужителей можно найти в *"Жизни Мелвилла" Макри* (том ii. стр. 100-105, 109, 131, 152), в нескольких случаях почерпнутой из рукописей. Сравните *"Историю кирки" Калдервуда*, том v., стр. 625.

[284] Об этом рассказывает его племянник Джеймс Мелвилл. 'Мистер Андро Мелвилл прибыл на Ассамблею по поручению своего Пресвитерианина, но мы приказываем ему продолжать свое правление; почему, поскольку он обратился к королю с глазу на глаз и потребовал этого, почему он настолько самонадеян, что явился на Ассамблею без разрешения? Он отвечает, что у него было призвание в Церкви Бога и Иисуса Христа, Царя царей, поэтому он обязан увольняться при любых обстоятельствах, поскольку он находится в таком положении, в каком он находится в настоящее время; и что за это более суровое наказание мог бы назначить любой земной Король.' *Автобиография и дневник Джеймса Мелвилла*, стр. 542.

[285] Поскольку из-за страстей соперничающих классов каждый шаг в этой части истории Шотландии является предметом ожесточенных споров, и поскольку даже мистер Тайтлер (*История Шотландии*, том vii. стр. 360) утверждает, что 'окончательное установление епископства' состоялось на Ассамблее Монтроуза в 1600 году. Я привожу несколько выдержек из постановлений этой Ассамблеи, чтобы читатель мог судить сам и мог проверить точность того, что я изложил в тексте. "Что касается способа избрания того, кто будет иметь право голоса в парламенте от имени Кирки: Допустимо, чтобы он *сначала был рекомендован на пост кирки его Величеству*; и чтобы Кирка выдвигала по шесть кандидатур на каждое место, которое нам нужно заполнить, из которых его Величество выберет одно, из которых ему больше всего нравится; и его Величество обещает, соглашается и связывает себя не выбирать ничего, кроме одного из них". это число: И в случае, если его Величество откажет в приеме как раз по причине недостаточности и большего количества тех, кто не рекомендован, Кирк даст новую рекомендацию из числа людей, согласно первому номеру, от штата, и тот, кого он выберет своим Величеством, без каких-либо дальнейших отказов или новых назначений; и тот, кого он выберет своим Величеством, будет принят Синодами.' *Акты Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии*, том iii. стр. 954. "Что касается предостережений, чтобы оградить его от коррупции, чтобы все имели право голоса в парламенте: Они заключаются в следующем: 1. *Чтобы он ни при каких обстоятельствах не осмеливался предлагать в парламенте, на Совете или Съезде, от имени Церкви, что-либо без явной гарантии и прямого указания со стороны Церкви*, а также отвратительные вещи, которые, как он отвечает, должны быть за волю Церкви, вплоть до отстранения от должности". ... 2. "Он говорит быть обязанным на каждом Общем собрании сопровождать исполнению своих обязанностей перед Собранием в ближайшее время; и добровольно подвергнуть себя этому порицанию и стоять на своем определении в куатсуме, когда бы оно ни было, без апелляции; и подать жалобу и получить одобрение своих действий на упомянутом Собрании, несмотря на позор и отлучение от церкви." ... 6. "В отправлении дисциплины, получении пособий, посещая все остальные пункты церковного управления, он не должен ни создавать, ни присваивать себе *никакой власти или юрисдикции дальше, чем любая другая часть его жизни*, если только он не будет подразумевать, что это его жизнь, в условиях лишения свободы". стр. 955. 'Назовите его имя, за которое Кирк салл (имеет) право голоса в парламенте: желательно, без согласия старшего брата, чтобы он мог называть себя комиссаром такого места'. стр. 956. "Потому что Генеральная Ассамблея, рассмотрев, наконец, упомянутый вопрос, принимая решение о продолжении полномочий того, кто будет иметь право голоса в парламенте, после голосования по тому же вопросу находит и решает, что он *должен ежегодно предоставлять часть своих полномочий, получаемых от Ассамблеи, и устанавливать то же самое на том основании, что* продолжать или изменять его будет его мэрия и Ассамблея, поскольку Ассамблея, с согласия его мэрии, сочтет наиболее целесообразным для вейл из Кирки". стр. 959.

[286] 'Пока Джеймс оставался в Шотландии, план введения епископства, хотя и никогда не терялся из виду, осторожно преследовался'. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 178.

[287] Джеймс в течение всего своего правления в основном зависел от денег, которые давала ему Елизавета и которые она раздавала довольно скупно. Его потребности были таковы, что он был вынужден заложить свою тарелку, и даже тогда он часто не мог покрыть свои обычные домашние расходы. См. *"Историю Шотландии" Тайтлера*, том vi. стр. 265, 266, 272, том vii. стр. 158, 378-380. *Сборник Сполдинг-клуба*, том ii. стр. xlv. 114. *"История Западного нагорья" Грегори*, стр. 241, 277. Смотрите также громкое письмо-мольбу от Джеймса к Елизавете, написанное в 1591 году в *Письмах королевы Елизаветы и Джеймса VI.*, 1849, 4то, стр. 68, 69. В 1593 году она извиняется за то, что послала ему лишь небольшую сумму: "Небольшой знак внимания, который вы получите от меня, я желаю, чтобы он заставил вас вспомнить тайм и мои многочисленные важные дела, которые делают это дешевле, чем я бы хотел, и я ничего не хочу, но когда вы все услышите, вы будете довольны этим". стр. 84. В письме Джеймса Хадсона, написанном примерно в 1591 году, говорится, что "стол короля и королевы, похоже, не обслуживался из-за нужды; и что у короля не было ничего, что он считал бы определенным". чтобы залезть в его кошелек, но то, что он получил от английской королевы". *"Пограничная история Ридпата"*, стр. 465, Бервик, 1848, 4то.

[288] *"История Шотландии" Лэйнга*, изд. 1819, т. iii. стр. 28. *"История Кирки" Колдервуда*, том vi. стр. 264, 323. *История Эдинбургского университета Бауэра*, том i, стр. 175, Эдинбург, 1817. *История Шотландской церкви Стивенсона*, стр. 88.

[289] Добавим к этому, что в письме комиссара и последнего модератора не было указано ни определенного времени, ни дня, на который указанное Собрание могло бы быть отложено; так что оно привело к распущенности и дезертизму, да, и захвату собственности нашего Собрания; что может быть опаснее для свободы и самосознания? о церкви Иисуса Христа, в такое время, как Международный трактат, когда все сословия королевства, и каждое в отдельности, ревностно и бережно относятся к своим правам и собственности?' *"История Кирки" Калдервуда*, том vi. стр. 309, 310.

[290] Смотрите их список в *"Истории Кирки" Колдервуда*, том vi. стр. 347, где четырнадцать имен сохранены с благочестивой тщательностью.

[291] *Уголовные процессы на Питкэрне в Шотландии*, том ii. стр. 494-502. *Официальные записи Forbes, касающиеся имущества Кирка*, редактировать. Общество Вудроу, Эдинбург, 1846, стр. 463-496. "Отложили вынесение приговора об осуждении до тех пор, пока не станет известно мнение короля". См. также *"Историю церкви" Калдервуда*, том vi. стр. 434, 449. Когда их признали виновными, прихожане сказали: "Несомненно, это был слуга тьмы, чтобы сделать Кристиса верным слугой тратурииса королю! Дай Бог, чтобы он не подвергся еще большей опасности и не избежал так называемого траитуриса". *Автобиография и дневник Мелвилла*, стр. 626.

[292] *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 207, 208. *Уголовные процессы на Питкэрне*, том ii. стр. 504. В связи с этими сделками в "Уинвудских бумагах" сохранилось письмо, которое слишком любопытно, чтобы обойти его молчанием. Оно адресовано графом Солсбери сэру Чарльзу Корнуоллису и датировано 12 сентября 1605 года. Солсбери, который в то время возглавлял дела, пишет: "Правда в том, что его Величество стремился украсить это

королевство Шотландии прелатами, как они есть в Англии, некоторые министры выступили против этого с презрением; и хотя его Величество когда-либо требовал созыва ими Генеральных собраний ни при каких других условиях, кроме того, что они должны были познакомить его с ним, получить его ордер и представителя его Величества в их советах, все же они (за которыми последовало несколько жалких голосов плебеев) осмелились провести свои Генеральные собрания. Собрания в какой-то части Королевства противоречат его заповедям. После чего его величество выказал недовольство и процитировал некоторые из них перед своим советом", и с. *Памятные записки по государственным делам, из бумаг сэра Ральфа Уинвуда*, Лондон, 1725, фолио, том ii. стр. 132. И все же человек, который мог написать такую чушь, как эта, и который мог видеть в великом демократическом движении шотландского разума только нежелание украшать епископство, считался одним из самых выдающихся государственных деятелей своего времени, и его репутация пережила его. Если великие государственные деятели так мало понимают из того, что находится перед ними и вокруг них, у нас возникает соблазн спросить, насколько следует доверять мнению тех средних государственных деятелей, которые управляют странами. Со своей стороны, я могу только сказать, что у меня была возможность прочитать многие тысячи писем, написанных дипломатами и политиками, и я едва ли когда-либо находил хоть одно из них, которое понимало бы дух и тенденции эпохи, в которую он жил.

[293] 'Министры во всех частях страны были брошены в тюрьмы или объявлены мятежниками и вынуждены были скрыться'. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 250. Свобода слова была настолько полностью подавлена, что в 1605 году, когда самые ревностные и умные священнослужители были изгнаны, 'было дано прямое указание' магистратам и другим должностным лицам берроуиса, что в случае, если какой-либо проповедник может высказаться против этого запрета, или в защиту, или для наставления этого собрания, или публично помолиться за них, чтобы они были замечены и представлены тайному совету, и исправлены за свою ошибку'. *История короля Якова Шестого*, стр. 380.

[294] Смотрите красноречивый и трогательный отрывок в *"Истории кирки" Колдервуда*, том vi. стр. 696, 697.

[295] "Самые благочестивые, мудрейшие, образованные и наиболее ревностные мужи министерства Шотландии были либо изгнаны, либо защищены, либо задержаны в Инглии с целью, чтобы они не могли быть пособниками великого замысла". *История церкви Роу*, стр. 238.

[296] *Апологетическое повествование Скотта о состоянии Церкви*, стр. 164, 165. Сравните *Автобиографию и дневник Джеймса Мелвилла*, стр. 642-645.

[297] "Когда мы немного отошли от Палисадника в сторону Кингстоуна, мистер Александр Хэй прислал за нами, и вместе со всеми, при Королевском дворе, передал нам от короля распоряжение не возвращаться в Шотландию, ни приближаться к королю, Куэйну, ни принцу их Двора без особого разрешения". требующий разрешения. *Автобиография Мелвилла*, стр. 661.

[298] *M'Crie's Life of Melville* 246, 252, 260, 337-339, 403, 407-411, 414. Этот поистине великий и бесстрашный человек умер в изгнании в 1622 году. стр. 458.

[299] *Автобиография и дневник Мелвилла*, стр. 709. *Апологетическое повествование Скотта*, стр. 194. *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 252, 253, 267, 268.

[300] "Королевские послания были разосланы пресвитериям с указанием лиц, которых они должны избрать своими представителями в нем". *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 387, 388. Что касается характера ее членов, сравните *"Историю страданий Шотландской церкви" Водроу*, редактировать. Глазго, 1838, том i, стр. 256. *"История Шотландской церкви" Стивенсона*, стр. 320, 321. *Шотландская церковь Крукшенка*, Эдинбург, 1812, т. i, стр. 28; и *"История церкви" Колдервуда*, т. vii. стр. 97, 98.

[301] *Акты Генеральной ассамблеи Церкви*, том iii. стр. 1096, 1097. Ассамблея даже запретила пропагандировать демократическое понятие равенства. См. стр. 1101. "Потому что цивилизованно, что законы и конституции, гражданские или Церковные, будучи официально установленными и действующими с общественного согласия, могут контролироваться и ставиться под сомнение любым лицом: следовательно, с формального согласия этого высшего Собрания установлено законом, что никто из священнослужителей ни с кафедры, ни в своей проповеди, ни в публичных выступлениях не выступает с речью и доводами против действий этого нынешнего Собрания, равно как и не возражает против того, чтобы пейна о лишении свободы, будучи судимым за это; иособенно важно, чтобы вопрос равенства и неравноправия в Церкви не рассматривался с кафедры за пределами упомянутого пейна."

[302] Мистер Рассел (*История церкви в Шотландии*, том ii, стр. 88), введенный в заблуждение, вероятно, отрывком из *"Истории церкви" Споттисвуда*, том iii, стр. 210, говорит: "Был учрежден Суд Высокой комиссии". Но несомненно, что таких судов было два: один для епархии Сент-Эндрюса, а другой для епархии Глазго. Смотрите "Поручение, данное под великой печатью двум архиепископам", датированное 15 февраля 1610 года, в *"Истории церкви" Калдервуда*, том vii. стр. 57-62. См. также стр. 210. Они не были объединены до декабря 1615 года. См. *"Апологетическое повествование Скотта о состоянии церкви"*, стр. 218, 239; и *"Историю страданий церкви Шотландии" Крукшенка*, т. i., стр. 28. Королевской комиссией этим деспотическим трибуналам было разрешено (*Калдервуд*, т. vii, стр. 59) "вызывать к себе в такие сроки и в таких местах, какие, по их мнению, встретятся, любое лицо или лиц, проживающих и остающихся в пределах их провинций, указанных выше, в Сент-Эндрюсе". или в Глазго, или в пределах любой другой епархии того же города, будучи правонарушителями в жизни или религии, которых они считают скандальными, и что они пытаются сделать то же самое; и если они находят их виновными и нераскаявшимися, отказывающимися признать свое преступление, они отдают приказ проповеднику того прихода, где они проживают, вынести против них приговор об отлучении от церкви; который, если это затянется и их приказ этого служителя не будет выполнен, они передают такого служителя перед ними, и продолжайте порицать его за непослушание, в том числе путем временного отстранения от должности, лишения свободы или ареста, в зависимости от того, насколько по своему усмотрению они сочтут его упрямство заслуженным и откажутся от своего прямого указания. И далее, искать по своему усмотрению, посадить в тюрьму или охранять такое-то лицо, которое, будучи осужденным перед ними, онисочтут, что трайелл заслужил такое-то наказание.' Вслед за этим Калдервуд справедливо замечает, стр. 62: "Это поручение и его исполнение, поскольку оно возвысило честолюбивых епископов фарре выше любого прелата, который когда-либо был в Шотландии, так же оно предоставило королю во владение то, за чем он так долго охотился; в частности, королевскую прерогативу и абсолютную власть использовать тела и имущество подданных по своему усмотрению, без формы или процесса общественного права, даже тогда, когда Нижняя палата в Англии завершала работу в своем парламенте". по факту причинения вреда здоровью.

Так что наши епископы были подходящими инструментами для свержения либерте как Церкви, так и страны".

[303] Смотрите *"Историю церкви Шотландии" Стивенсона*, стр. 93, и *"Историю Кирктона"*, стр. 15. Кирктон с возмущением говорит, что Джеймс "убедил нескольких недостойных людей лжесвидетельствовать о себе и после их епископской хиротонии английскими епископами в Англии исполнять эту одиозную должность в Шотландии против их собственная клятва и совесть их братьев." Сравните презрительное примечание в *"Истории церкви" Роу*, стр. 283, об "объявлении оила и других церемониях" и о "глупых парнях, участвовавших в нем". Действительно, по этому поводу каждый шотландский писатель, который заботился о свободе своей страны, выражался либо с презрением, либо с негодованием.

[304] Калдервуд с плохо скрываемой горечью говорит: "Тем же способом, каким они были посвящены сами, *также нет ничего, чему они могли бы подражать*". *История церкви*, том vii, стр. 152. Сравните *сборники Вудроу*, том i. часть i. стр. 293. "Епископы, рукоположенные в Англии, держались настолько близко к манере поведения, принятой там, насколько могли".

[305] "Некоторые из них из-за несдержанности или недостатка воспитания вели себя не так пристойно в своих дебатах по отношению к величайшим людям королевства, как им следовало бы поступать осмотрительно и как другие разумно ожидали от них". *История восстания Кларендона*, редактировать. Оксфорд, 1843, стр. 35. В 1633 году "девять из них были членами тайного совета", и 'их гордость была названа непомерной'. *"Воспоминания Бернета о герцогах Гамильтонских"*, стр. 38. Сэр Джон Скот приписывает им 'наглость, гордыню и алчность'. *Ошеломляющее положение шотландских государственных деятелей*, Эдинбург, 1754, стр. 41. См. также *"Историю смут" Сполдинга*, том i, стр. 46, 47, Эдинбург, 1828, 4 т.

[306] Еще в 1613 году в письме Джеймса Инглиша (сохранившемся в *сборниках Вудроу*, том ii, часть i, стр. 110, Глазго, 1845, 4то) жалуется, что 'свободы Церкви Господней сильно ограничены гордыней епископов, и их власть над ней с каждым днем возрастает'. Гражданские права также были сведены на нет епископами; и среди других законодательных актов, которые они получили, один гласил, что 'никому не должно быть позволено практиковать или исповедовать какую-либо медицину, если он сначала не удовлетворит епископа епархии в отношении своей религии'. *"История Шотландской церкви" Споттисвуда*, том iii. стр. 236. Это сразу же дало им контроль над всей медицинской профессией.

[307] 'Не удовлетворенные решением церковных судов, они заявили о широкой гражданской власти в своих епархиях. Бурги были лишены своих привилегий и вынуждены принимать таких магистратов, которых их епископальное начальство, по согласованию с судом, было угодно назначить. ' ... 'Архиепископ Гладстанес в письме королю от 9 июня 1611 года говорит: "Это было ваше желание и указание, чтобы я мог обладать такими же привилегиями при избрании магистратов там (в Сент-Эндрюсе), какими милорд Глазго наделен в этом своем городе. Сэр, несмотря на то, что они доставляют беспокойство, я буду отчитываться перед вашим величеством и давать за них советы, после чего я буду пользоваться своим правом". Ср. в Библ. Юрид. Един. М. 6, 9. н°. 72.' *"Жизнь Мелвилла" Макри*, том ii. стр. 422.

[308] И их расточительность была равна их жадности. Когда в 1615 году умер архиепископ Гладстанес, было установлено, что, 'несмотря на большую ренту своего епископства, он умер с долгом в двадцать тысяч фунтов'. *"История церкви" Калдервуда*, том vii. стр. 197. См. Также стр.

303. Также случай с епископом Галлоуэя, который умер в 1619 году, и о котором Калдервуд говорит (*История церкви*, том vii, стр. 350): "Считается, что если бы был произведен точный подсчет товаров, вымогаемых им через его епархию по совету двух его жадных советников, Андро Купера, его брата, и Джона Грилмора, писателя в Эдинбурге, для его и их использования путем взимания арендной платы, сбора урожая, установки таксы, тейты и другие подобные средства превысят сумму в сто тысяч мерков, или, по мнению других, почти вдвое больше; так что многие в пределах этой епархии и присоединенных прелатств вряд ли в свое время вернут свои поместья." Сравните *"Историю церкви" Стивенсона*, стр. 212, 392.

[309] Об этом изменении, которое было завершено в 1621 году, см. *"Историю Шотландии" Лэйнга*, том iii, стр. 88; *"Историю Кирки" Калдервуда*, том vii, стр. 490; и *"Письма и дневники Бейли"*, том i, стр. 486, редактировать. Лэйнг, Эдинбург, 1841 год.

[310] *"История Кирки" Колдервуда*, том vii. стр. 472-474, 507, 509, 511, 517-520, 530-543, 549-553, 566, 567, 614, 621. *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 90, 91. Лэйнг очень несправедливо обвиняет епископов в том, что они были настолько милосердны, что не одобряли некоторые из этих сделок. Но тот, кто много читал шотландской литературы семнадцатого века, с радостью снимет с епископов обвинение, которое они сами отвергли бы и которому они ни в коей мере не поддаются.

[311] В октябре 1637 года Бейли, который внимательно следил за ходом событий, пишет: 'Ни один человек не может публично говорить что-либо от имени короля, за исключением того, что он хочет, чтобы его однажды принесли в жертву и убили. Я думаю, что наш народ одержим кровавым дьяволом, который превосходит все, что я когда-либо мог себе представить, хотя и была представлена месса на латыни.' И в постскрипуме, датированном 3 октября, он добавляет: 'Мои прежние страхи не простирались дальше церковного отделения, но теперь я больше боюсь кровавой гражданской войны'. *Письма и дневники Бейли*, редактировать. Лэйнг, Эдинбург, 1841, том i. стр. 23, 25.

[312] *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 131. *Анналы Чемберса*, том ii. стр. 101-104. *История смуты в Шотландии Сполдинга*, том i. стр. 47, 48.

[313] "Обвинение, которое между собой было узами союза, а для их врагов сигналом враждебности, было подписано дворянством, джентри, духовенством, а впоследствии всеми рангами и почти каждой корпорацией в королевстве". *История Шотландии Лэйнга*, том iii, стр. 137.

[314] *Там же.*, том iii. стр. 138.

[315] 'Это было подписано подавляющим большинством людей в пароксизме энтузиазма, превосходящего все примеры в нашей истории'. *Анналы Чемберса*, том ii. стр. 105. Кирктон, который был современником, говорит: 'И хотя только одиннадцать частных лиц (и некоторые из них очень незначительные) имели смелость первыми приступить к этой работе, даже не спросив разрешения короля или совета, тем не менее, она была очень быстро принята всем народом Шотландии с самым торжественным поднятием рук'. *История церкви Шотландии Кирктона*, стр. 33. Лорд Сомервилл, придерживающийся несколько иного взгляда на дела, отмечает, что 'большинство нации заключило адский договор, в котором они взаимно обязались искоренять епископство и защищать друг друга от любых лиц, не исключая и

личность его священного величества; но на условиях единого фреймворка'. *"Воспоминания Сомервиллов"*, том ii. стр. 187.

[316] Генеральной ассамблеи не проводилось с 1618 года. *Исследованная пресвитерия Аргайлла*, стр. 102; и *Сборник Споттисвуда*, том i, стр. 88. Но "провинциальные синоды, пресвитерии и сессии все еще оставались, и в них хорошие люди взаимно утешали друг друга". *История церкви Шотландии Стивенсона*, стр. 162.

[317] 'Собрание продолжалось с такой скоростью, что маркиз счел, что оно больше не годится для того, чтобы мириться с их курсами'. *Мемуары Бернета о герцогах Гамильтонских*, стр. 128. "В конце концов, видя, что разум не возобладал ни в чем из сказанного, он именем его величества распустил ассамблею и прекратил их дальнейшие действия под страхом государственной измены". стр. 135.

[318] *История церкви Шотландии Стивенсона*, стр. 310.

[319] 'Несмотря на Провозглашение, Ассамблея вскоре после этого собралась и заседала ежедневно в течение нескольких недель, пока они не закончили свои дела и сами не обратились с просьбой о роспуске'. *Мемуары Гатри*, стр. 41, изд. Лондон, 1702.

[320] *Акты Генеральной Ассамблеи Церкви Шотландии*, с 1638 по 1842 год, Эдинбург, 1843, стр. 9-18. *История Шотландской церкви Стивенсона*, стр. 332, 338.

[321] Смотрите об их падении некоторые весьма характерные замечания в *Письмах и дневниках Бейли*, т. i, стр. 168. В 1639 году Хауэлл пишет из Эдинбурга: "Все епископы пришли в отчаяние, и похороны у них были лишь жалкие; само имя стало настолько презренным, что черную собаку, если на ней есть какие-либо белые отметины, называют *Бишоп*. Наш лорд Кентерберийский стал здесь настолько ненавистен, что за кафедрой его обычно называют Жрецом Ваала и Сыном Велиала.' *Письма Хауэлла*, редактировать. Лондон, 1754, стр. 276.

[322] 'Что люди, однажды начав, энергично продолжали бизнес и со всем мыслимым презрением к правительству'. *История восстания Кларендона*, стр. 45. Теперь, впервые, английское правительство начало дрожать. 13 декабря 1639 года государственный секретарь Уиндебенк пишет: "Его Величество в течение последних шести недель постоянно консультировался с избранным комитетом своего Совета (одним из членов которого я имел честь быть) о том, как поправить свои дела в Шотландии, поскольку пожар там продолжается и разрастается до такой степени, что он угрожает не только тамошнему монархическому правительству, но даже правительству этого королевства'. *Государственные документы Кларендона*, том ii. стр. 81, Оксфорд, 1773, фолио. Это первый намек, с которым я столкнулся, на то, что Карл и его советники осознали реальную опасность, нависшую над ними. Но хотя король был способен на страх, он был неспособен на раскаяние. В записях нет никаких свидетельств того, что он хотя бы испытывал угрызения совести за то, что спланировал и осуществил те произвольные и беспринципные меры, с помощью которых он причинил огромные страдания Шотландии и Англии, но особенно Шотландии.

[323] "Теперь ситуация была настолько нестабильной, что не было ни нижнего туна, ни форта, ни армии, а Оксфорд был пустынным и укрепленным туном, откуда, как он ожидал, дейли будет взят волей-неволей, поэтому он решает броситься в объятия шотландцев; которые, будучи его родным народом и из так поздно, что после того, как с грэтфулли разобрались англичане, он

надеялся, что их особая заслуга и заслуга всей нации, зависящая от этого, не заставят его снова обратиться к англичанам. ‘ *Британская смута* ” Гордона, стр. 193, опубликовано клубом Сполдинга, Абердин, 1844, 4 т.

[324] Чтобы не предполагалось, что я, как англичанин, искажаю эту сделку, рассматривая ее с английской точки зрения, я просто процитирую то, что шотландские авторы сказали относительно нее. ‘Отдать короля на волю и угождение английского парламента, чтобы они могли получить эти деньги’. *“Воспоминания Сомервиллей”* Сомервилля, том ii. стр. 366. “Шотландцы продали своего несчастного короля, который бежал к ним за защитой, комиссарам английского парламента за 200 000 фунтов стерлингов’. *“История Сент-Эндрюса”* Лайона, том ii. стр. 38. “Сам инцидент свидетельствовал о сделке с услугой за услугу’. *“История Шотландии”* Бертон, том i, стр. 493. ‘Продажа короля парламенту’. *“Жизнь Монтроза”* Нейпира, Эдинбург, 1840, стр. 448. ‘Король был выдан или, скорее, продан уполномоченным парламента. *История Глазго Брауна*, том i, стр. 91. “Их задолженность, несомненно, была погашена; сумма была установлена до начала спора о распоряжении его личностью, и выплата была произведена английским парламентом за пять месяцев до выдачи короля. Но совпадение, каким бы неизбежным оно ни было, между этим событием и фактическим увольнением их армии, все же служит предполагаемым доказательством позорного обвинения в продаже своего короля; “поскольку англичане, если бы заранее не были уверены в получении его лично, никогда бы не отказались от суммы, столь значительной, чтобы ослабить себя, в то время как это усилило народ, с которым еще предстояло обсудить такой существенный вопрос”. *История Шотландии* Лэйнга, т. iii. стр. 369, 370.

[325] Письмо от сэра Эдуарда. Хайд лорду Хаттону, датированный 12 апреля 1649 г. (в *Государственных документах Кларендона*, т. ii. стр. 479, Оксфорд, 1773, fol.), говорит о Карле II, что шотландец “продал своего отца тем, кто его убил”. Но это неправда. Карл I, хотя, безусловно, и был куплен англичанами, не был ими убит. Его судили среди бела дня; он был признан виновным; он был казнен. И, несомненно, не проходило и года, чтобы людей, гораздо менее преступных, чем он, не постигла та же участь. Возможно, правы те, кто считает всякую смертную казнь излишней. Это, однако, так и не было доказано; и если это последнее и самое ужасное наказание когда-либо будет приведено в исполнение, я не могу сказать, где мы могли бы найти более подходящего субъекта для его применения, чем деспот, который стремится подчинить свободы людей, которыми он призван править, подвергает жестокому и незаконному наказанию тех, кто выступает против него, и, скорее, чем откажется от своих замыслов, развязывает гражданскую войну, настраивая отцов против их детей, дезорганизуя общество и заставляя землю заливаться кровью. Такие люди вне закона; они враги рода человеческого; кто удивится, если они падут, или, когда они падут, кто пожалеет их?

[326] Декларация была подписана Чарльзом 16 августа 1650 года. Краткое изложение его приведено в *“Анналах Шотландии”* Бальфура, т. iv. стр. 92-94; но весь документ сохранился у сэра Эдварда Уокера. См. *Журнал событий в Шотландии*, в *Исторических беседах Уокера*, Лондон, фолио, 1705, стр. 170-176. В нем Чарльза заставляют заявить, что ‘хотя его Величество как послушный сын обязан чтить память своего Царственного Отца и ценить личность своей Матери, все же он желает быть глубоко униженным и сокрушенным духом перед Богом из-за того, что его Отец прислушивался к злым советам и следовал им, а также его противодействию делу реформации и торжественному союзу и завету, благодаря которым в этих королевствах было пролито так много крови народа Господня’. Далее он сказал, что, хотя он мог бы смягчить

свой проступок, сославшись на "свое образование и возраст", он считает, что лучше "гениально признать все свои собственные грехи и грехи дома его отца". Бернет (*История его собственного времени*, том i, стр. 97) говорит об этом заявлении: 'В нем было много трудных вещей. Король признал грех своего отца, женившегося на идолопоклоннической семье: он признал, что кровопролитие в последних войнах было на совести его отца: он выразил глубокое сожаление по поводу собственного дурного воспитания' и т. Д.

[327] В связи с этим событием в дневнике Ламонта встречается следующая запись: "1650, 22 декабря — Пост, назначенный комиссией церкви для соблюдения по всему королевству перед коронацией, был соблюден в течение длительного времени на следующий день мистером Дж. Магиллом; его лекция, стр. 3. из ст. 14 до конца главы; его текст см. 2. 4, 5. В следующий четверг, 26 числа сего дня, пост продолжался в том же духе; его лекция 2. С 29 по 12 ст.; его текст 2. Паралипоменон. 12, 12. Причинами первого дня (не зачитанного) было великое неуважение к Евангелию, изложенному в его разделах; второго дня (которые были зачитаны) - грехи короля и дома его отца, где были признаны различные проступки К. Иакова Шестого и К. Карл 1-й и К. Ч. 2-й, ныне король.' *Дневник мистера Джона Ламонта из Ньютона*, стр. 25, Эдинбург, 1830, 4то. См. также *Письма и дневники Бейли*, том iii, стр. 107; *Дневник Николла*, Эдинбург, 4то, 1836, стр. 38; *Продолжение автобиографии Блэра*, написанное, изд. Общество Вудроу, стр. 255; *История Эдинбургского университета Бауэра*, том i, стр. 253; *Книга пресвитерии Стратбоги*, изд. Клуб Сполдинга, стр. 169; и, прежде всего, *Реестры пресвитерии Ланарка*, опубликованные Эбботсфордским клубом, Эдинбург, 1839, 4то, стр. 88, 89.

[328] Уодроу, имевший в своем распоряжении отчеты Тайного совета, помимо других доказательств, ныне утраченных, говорит, что период с 1660 по 1688 год был 'очень ужасной сценой угнетения, лишений и жестокости, которые, не будь они неоспоримо правдивы, хорошо подтверждены и подтверждены, не могли быть признаны в последующие века'. "*История церкви Шотландии от Реставрации до революции*" Уодроу, том i, стр. 57. И преподобный Александр Шилдс странно, но правдиво замечает, 'что упомянутое правительство было самым несправедливым, неумолимым, тираническим, деспотичным и порочным, которое когда-либо было в Шотландии в любую эпоху или период'. *Шотландская инквизиция Шилдса*, Эдинбург, 1745, стр. 24.

[329] Когда Яков I взошел на английский престол, его сопровождала "основная местная знать"; и 'сам мир, наступивший после объединения корон, можно рассматривать как начало эпохи, в которой многие из наших национальных оплотов были либо преобразованы в простые резиденции, либо совершенно опустели'. "*История Дамбартоншира*" Ирвинга, 4то, 1860, стр. 137, 166. У знати больше не было возможности проявить себя на войне, от их власти в вассалитете было мало толку, и их влияние, конечно, пошло на убыль. Они мало что знали об искусстве мира и не имели склонности культивировать его. "*Рассмотренные интересы Шотландии*", Эдинбург, 1733, стр. 85. При Карле I. движение продолжалось; "которое прекратилось частично из-за головокружения тех времен, но больше из-за того пути, который избрал его Величество в начале своего правления; в это время он отнял у некоторых из них их наследственные должности, а также заставил их отказаться от уплаты десятины (которая раньше держала дворянство в зависимости от них), в результате чего они были настолько ослаблены, что теперь, когда он встал на сторону короля. больше всего нуждаясь в них (за

исключением глав кланов), они не могли командовать никем, кроме своих вассалов.' *Мемуары Гатри*, изд. 1702, стр. 127, 128. Затем начались гражданские войны и правление Кромвеля, во время которого они пострадали как лично, так и имущественно. Сравните *"Анналы Чемберса"*, том ii, стр. 225, с *"Историей Шотландии"* Лэйнга, том iii, стр. 515, 516. В 1654 году Бейли пишет (*Письма и дневники*, том iii, стр. 249): 'Наше дворянство, мы и почти все, повержены.' В 1656 году 'Наши дворяне, сидящие в тюрьмах, под стражей или за долги, частные или государственные, по большей части либо сломлены, либо разорены'. Там же., стр. 317. А в 1658 году тот же обозреватель пишет (том iii, стр. 387): "Наших благородных семей почти не осталось: у Леннокса в Шотландии мало что осталось непроданным; Поместье Гамильтона, за исключением Аррана и баронства Гамильтон, продано; Аргайл может выплачивать всего семьсот или восемьсот тысяч фунтов стерлингов в год; и он погряз в долгах не больше, чем в общественной ненависти почти ко всем, как шотландским, так и английским; гордонов больше нет; Дугласам немногим лучше; Эглинтаун и Гленкэрн на грани разорения; многие поместья наших главных семей трещат по швам, и нет никаких признаков того, что тайме кто-то поможет".

Результат всего этого так описан Уодроу в 1661 году: 'Наша знать и джентри поразительно изменились к худшему: лишь немногие из них, которые были активны в прежние годы, теперь были живы, и эти немногие были обречены на разорение. Молодое поколение выросло при английском правительстве, воспитывалось в бедности и угнетении; их поместья были обременены, и у многих из них не было других перспектив поправить свое состояние, кроме как благодаря благосклонности короля, и поэтому они были готовы играть ту роль, которая была ему больше всего по душе.' *История Шотландской церкви Вудроу*, том i, стр. 89.

[330] 'При реставрации Карла II. восстановил полное владение королевской прерогативой в Шотландии; и дворяне, чьи поместья были опустошены или их дух сломлен бедствиями, которым они подвергались, были менее способны и менее охотно, чем когда-либо, сопротивляться власти короны. Во время его правления и правления Якова VII диктат монарха воспринимался в Шотландии с самой смиренной покорностью. Бедность, до которой дошли многие дворяне, сделала их еще более подлыми рабами и невыносимыми тиранами, чем когда-либо. Народ, которым всегда пренебрегали, теперь стал одиозным и обремененным всяческими обидами из-за своей приверженности религиозным и политическим принципам, крайне отталкивающим от тех, которые были приняты его князьями.' *История Шотландии Робертсона*, книга viii. стр. 257, 258.

[331] Автор большого авторитета, говоря о временах Вильгельма III, говорит: "Едва ли возможно представить, насколько сильно осквернился источник правосудия за два предыдущих правления. Шотландская скамья подсудимых была расточительной и подбострастной в предельно возможной степени расточительности и раболепия." *"История Шотландии" Бертон*, с 1689 по 1748 год, Лондон, 1853, т. i, стр. 72. См. Также том ii, стр. 37; и *"История Глазго" Брауна*, т. i, стр. 194, Глазго, 1795.

[332] *Laing's History of Scotland*, vol. iv. p. 10. *Baillie's Letters and Journals* Поскольку мало кто берет на себя труд ознакомиться с Актами шотландского парламента, я приведу выдержку из этого, наиболее аргументированного отрывка. "И поскольку теперь Всемогущему Богу было угодно, силой его единственной десницы, столь чудесным образом восстановить короля Мэйсти в управлении его Королевствами и в осуществлении его Королевской власти и Суверенности над ними: поместья Parlia^t doe считают себя ущемленными в нарушении долга и совести перед

Богом и королями Мэйсти, чтобы использовать всю свою силу и интересы для защиты Власти его Мэйсти от всех этих насильственных вторжений". которые были сделаны на нем; И, насколько возможно, *убрать с дороги все, что может вернуть хоть какое-то воспоминание об этих вещах*, которые были столь пагубны для его Матери и его Власти, столь пагубны и бесчестны для королевства и наносят ущерб всем справедливым и истинным интересам внутри него. " ... "Не для того, чтобы вернуть какое-либо воспоминание о них, но чтобы оно было предано *вечному забвению*". *Акты парламентов Шотландии*, том vii. стр. 87, изд. фолио, 1820. Дата этого Акта - 28 марта 1661 года.

[333] Он был назначен 'примасом' в 1661 году, но прибыл в Шотландию только в апреле 1662 года. *История Шотландской церкви Уодроу*, том i. стр. 236, 247; и *Дневник Николла*, стр. 363, 364. "То, что он был порядочным, если не регулярным, в своем поведении, наделенным величайшим трудолюбием и не безграмотным, никогда не оспаривалось; то, что он был тщеславным, мстительным, вероломным, одновременно надменным и раболепным, алчным и жестоким, его друзья никогда не пытались отрицать". *История Шотландии Лэйнга*, том iv. стр. 98, 99. Официальное учреждение епископства состоялось осенью 1661 года, как мы узнаем из записи в дневнике Ламонта. '1661 год. 5 сентября, поскольку это был четверг (канцлер Гленкэрна и Э. Ротса, покинувшие двор за несколько дней до этого), сенат штата сел в Эдб., а на следующий день, в пятницу, они издали и провозгласили на Кресте прокламацию от его имени об учреждении *again* Episcopacie в церкви Шотландии; что было сделано с большой торжественностью и впоследствии напечатано. *Все лица, как мужчины, так и женщины, были уволены за выступления против этой должности по обвинению в государственной измене.*' *Дневник мистера Джона Ламонта*, стр. 140. Это, как мы узнаем от другого современника, произошло из-за того, что "королевское величество приняло твердое решение продвигать статус, власть и достоинство Бишопса и *устранить все препятствия, противоречащие этому*". *Дневник Николла*, 4то, стр. 353; 21 ноября 1661 года. Этот любопытный дневник, написанный Джоном Николлом и продолжавшийся с 1650 по 1667 год, был напечатан в Эдинбурге в 1836 году клубом "Баннатэйн", и сейчас его не часто можно встретить.

[334] *История Шотландской церкви Уодроу*, том i. стр. 383, 390-395. "*История Шотландии*" Лэйнга, том iv. стр. 38: 'Шарп организовал церковный суд'. См. Также стр. 41: 'Под влиянием Шарпа и прелатов, которому друзья Лодердейла не смогли противостоять, правительство, казалось, руководствовалось слепым негодованием против своих собственных подданных'. Сравните "*Историю своего времени*" Бернета, том i, стр. 365. 'Правда в том, что все лицо правительства больше напоминало работу инквизиции, чем законных судов; и все же Шарп никогда не был удовлетворен.' Другой современник, Кирктон, говорит об этих Комиссарах: 'Насколько я мог слышать, перед ними не предстал ни один, кто избежал бы наказания. В их обычае было без предчувствия или лукавства задавать человеку вопрос и немедленно судить его либо по его молчанию, либо по его ответу.' ... 'Они много раз удваивали законное наказание; и, не довольствуясь наказанием, назначенным законом, они добавляли религиозность в некоторых отдаленных местах, или депортацию на Барбадос, или продажу в рабство'. *История Шотландской церкви Кирктона*, стр. 206. См. также *Неффалим, или Борьба Шотландской церкви*, 1667, стр. 126-130. Но поскольку конкретные случаи проясняют подобные вопросы, я перепису из "*Истории Шотландской церкви*" Крукшенка, том i, стр. 154, приговоры, вынесенные по одному случаю этим епископальным судом. 'Нельзя упускать из виду обращение с некоторыми прихожанами Анкрума. Когда у них забрали их превосходного министра мистера Ливингстона, некоему мистеру Джеймсу Скотту, приговоренному к

отлучению от церкви, было предъявлено это обвинение. В день, назначенный для его поселения, несколько человек собрались вместе, чтобы выступить против этого; и особенно одна деревенская женщина, желавшая поговорить с ним, чтобы отговорить его от вторжения в возвращающийся народ, потянула его за плащ, умоляя немного выслушать ее; после чего он повернулся и ударил ее своим посохом. Это спровоцировало двух или трех мальчиков бросить несколько камней, которые не задели ни его, ни кого-либо из его компании. Однако в настоящее время это было расценено как мятеж на почве государственной измены, и поэтому шериф и мировые судьи в тех пределах оштрафовали и заключили в тюрьму некоторых из этих людей, что, казалось бы, могло искупить преступление подобного рода. Но верховная комиссия, не считая этого достаточным, приказала доставить этих преступников к ним. Соответственно, четверо мальчиков и эта женщина вместе с двумя ее братьями по фамилии Тернбулл были доставлены пленными в Эдинбург. Четверо парней признались, что после того, как Скотт избил женщину, они бросили каждый свой камень. Комиссар сказал им, что повешение - это слишком хорошо для них. Однако приговор этого безжалостного суда заключался только в том, что их следовало прогнать бичеванием по городу Эдинбургу, прижечь лицо каленым железом, а затем продать в рабство барбадосцам. Мальчики вынесли свое наказание как мужчины и христиане, к восхищению множества людей. Двух братьев сослали в Виргинию; а женщину приказали выпороть плетями в городе Джедбург. Бернет, епископ Глазго, когда его попросили пощадить ее, чтобы она не забеременела, мягко ответил, что он заставит их выцарапать зуд из ее плеч".

[335] Они были облечены такой огромной властью, что 'старая группа епископов, созданная парламентом в 1612 году, была всего лишь пигмеями по сравнению с нынешними высокими и могущественными лордами'. *"История Шотландской церкви" Водроу*, том i, стр. 262. Смотрите также, на стр. 286, замечания Дугласа: "Тогда неудивительно, что их епископы жалуются на то, что их мизинец толще, чем чресла первых".

[336] В 1663 году Миддлтон был уволен; его сменил Лодердейл, который 'зависел от прелатов и был вынужден уступить их самым яростным требованиям'. *"История Шотландии" Лэйнга*, том iv, стр. 33. 'Влияние или, скорее, тирания, которая, таким образом, находилась в распоряжении прелатов, была неограниченной; и они осуществляли ее беспощадной рукой'. *История Эдинбургского университета Бауэра*, том i, стр. 284.

[337] 'Сэр Джеймс Тернер, командовавший ими, был от природы свиреп, но сходил с ума, когда напивался; а это случалось очень часто'. *История Бернета его собственного времени*, том i, стр. 364. Кирктон (*История Церкви*, стр. 221) говорит: "Сэр Джеймс Тернер Хейд предпринял одну экспедицию в западную страну, чтобы подчинить ее епископам, в 1664 году; другую в 1665 году; и третью в 1666 году; и это было хуже всего'. Полные подробности можно найти в *"Истории Шотландской церкви" Уодроу*, т. i. стр. 373-375, 411, т. ii. стр. 8, 17, т. iii. стр. 264, 265. "Этот метод принуждения людей к церкви, поскольку он противоречит духу христианства, был незнакомым в Шотландии, пока епископ Шарп и прелаты не ввели его". том i, стр. 401.

Сэр Джеймс Тернер, чьи Мемуары, написанные им самим, были опубликованы только тридцать лет назад, рассказывает анекдот о своем собственном пьянстве в порыве слезливого благочестия, вполне достойном его карьеры. *Воспоминания Тернера о его собственной жизни*, Эдинбург, 1829, 4то, стр. 42, 43. На стр. 206 этот дерзкий человек пишет: "И все же я признаюсь, мое настроение никогда не было и пока не является одним из самых спокойных; когда оно будет, одному Богу известно; и все же по многим печальным эпизодам моей жизни я знаю, что

мне было полезно страдать'. Возможно, однако, он воспользуется своим утверждением (стр. 144), "что я был настолько далек от превышения своих полномочий и инструкций, что так и не выполнил их в полной мере". Учитывая жестокость, которую он совершил, какие инструкции могло дать ему начальство?

[338] "Сэр Джеймс Тернер недавно своей жестокостью в прошлые годы вынудил Гэллоуэя взяться за оружие; но он был легким хозяином по сравнению с генералом Дэлзилом, его головорезами и сэром Уильямом Бэннатайном в этом году". *Шотландская церковь Уодроу*, том ii. стр. 62. Дэлзил "жестоко пытал, кого хотел". стр. 63. "Одну женщину" привезли пленницей в Килмарнок, где ее приговорили к спуску в глубокую яму под домом декана, полную жаб и других мерзких тварей. Ее крики оттуда были слышны на большом расстоянии". стр. 64. Двое соотечественников были "связаны веревками и подвешены за большие пальцы рук к дереву, чтобы провисеть там всю ночь". Там же. Солдаты сэра Уильяма Бэннатайна схватили женщину, 'связали ее и несколько часов вставляли зажженные спички между ее пальцами; пытки и боль почти лишили ее рассудка; она потеряла одну руку и через несколько дней умерла'. Там же. 'Притеснения, убийства, грабежи, изнасилования'. стр. 65. 'Он разводил большие костры и поджаривал перед ними людей, когда они не хотели или не могли дать ему денег, которые он требовал, или информации, которую он искал'. стр. 104. См. также *"Историю Шотландской церкви" Крукшенка*, том i, стр. 204-207. История основана на великом труде Уодроу, но содержит много фактов, с которыми Уодроу не был знаком. См. *Крукшенк*, том i, стр. 11. Что касается бесчинств 1667 года, то в книге, опубликованной в том же году под названием *"Неффалим, или Борьба Шотландской церкви"*, есть несколько ужасных подробностей. Смотрите, в частности, краткое изложение на стр. 174: "нанесение увечий, избиение, раздевание и заключение в тюрьму лиц мужского пола, насильственный взлом их домов как днем, так и ночью, а также избиение и ранение жен и детей, изнасилование и лишение девственности женщин, принуждение жен и других лиц с помощью зажженных спичек и других пыток к обнаружению своих мужей и ближайших родственников, хотя это и не входит в сферу их компетенции, а также угон и порча всего их имущества, которое можно унести, без учета вины или невиновности".

[339] "Что всякий, кто не имеет лицензии или полномочий, от которых отказались, должен проповедовать, разъяснять Священное Писание или молиться на любом из этих собраний в поле или в любом доме, где есть мои люди и в доме нет людей, так что некоторые из них без дверей (что настоящим объявляется местным собранием), или кто созывает любое количество людей на эти собрания, наказывается смертной казнью и конфискацией имущества." *Акты парламентов Шотландии*, том. viii. стр. 9, изд. 1820, фолио. Это было 13 августа 1670 года.

[340] Немедленная попытка покончить с апелляциями. См. *"Историю Шотландии" Лэйнга*, том iv. стр. 72-74.

[341] "Дикие полчища горцев были ниспосланы для опустошения западных графств численностью в десять или одиннадцать тысяч человек, которые совершали самые возмутительные варварства, вплоть до опустошения некоторых графств". *Облако свидетелей королевских прерогатив Иисуса Христа*, редактировать. Глазго, 1779, стр. 18. Но большинство авторитетных источников утверждают, что это число составляло восемь тысяч. См. *Историю Кирктона*, стр. 386; *Историю Эдинбурга* Арнота, стр. 154; *Историю своего времени Бернета*, том ii, стр. 134; *Историю Глазго* Денхолма, стр. 67; и *Жизнь и страдания Джона Нисбета* в

Избранных биографиях, опубликованных Обществом Вудроу, том ii, стр. 381. Однако Чалмерс в своей *Каледонии*, том iii, стр. 592, говорит о 10 000.

[342] "Они были освобождены от всех преследований, гражданских и уголовных, в связи с убийством, ранением, задержанием или заключением в тюрьму тех, кто должен был им противостоять". *"История церкви Шотландии Крукшенка"*, том i, стр. 337, 338.

[343] Краткие и несовершенные упоминания об этом "Горном воинстве", как его называли в то время, можно найти в *"Истории Кирктона"*, стр. 385-390, и в *"Истории Крукшенка"*, т. i, стр. 354, 355..... "Но самый полный отчет о чудовищах, совершенных этими варварами, содержится в великом труде Вудроу, собранном из подлинных и официальных документов. См. его *Историю Церкви Шотландии*, том ii, стр. 375-413, 421-432, том iii, стр. 76, 79, 486. Они были заранее снабжены орудиями пыток. "У них был хороший запас железных кандалов, как будто им предстояло увести назад огромное количество рабов, и замков для большого пальца, как они их называют" (*то есть* винтов для большого пальца), "с помощью которых они проводили свои экзамены и испытания". т. ii, стр. 389. "В некоторых местах они пытали людей, сжигая их тела на огромных кострах, и другими способами", том ii, стр. 422. Сравните *"Историю Шотландии" Лэйнга*, том iv, стр. 88. "Ни возраст, ни пол не были исключением из правил, и пытки свободно применялись, чтобы добиться признания в спрятанном богатстве". И на стр. 91: "Горцы, после того как потребовали бесплатного жилья и опустошали страну в течение трех месяцев, были отправлены в свои холмы с безнаказанностью и богатством".

[344] "Действительно, вся суровость, лишения и кровопролитие с этого года" (1661), "вплоть до революции, были либо фактически вызваны епископами, либо приобретены ими, либо совершены для их поддержки". *"История Шотландской церкви" Вудроу*, том i, стр. 223. 'Именно наши прелаты подтолкнули совет к большей части своих строгостей'. стр. 247. 'Епископы, действительно, яростно настаивали на судебном преследовании'. *"История церкви Крукшенка"*, том i, стр. 298. В 1666 году "Что касается прелатов, то они решили применить все меры строгости и применить все мыслимые жестокие и непреклонные способы сначала против остальных заключенных, а затем и против всего запада Шотландии". *Продолжение автобиографии Блэра Роу*, стр. 505, 506, редактировать. Эдинбург, 1848. Эта интересная работа отредактирована доктором Макри и опубликована Обществом Вудроу.

[345] В 1688 году 'епископы согласились в благочестивом и дружеском обращении к Джеймсу как любимцу небес, чтобы Бог даровал ему сердца его подданных и шеи его врагов'. *История Шотландии Лэйнга*, том iv, стр. 193.

[346] "После свержения герцога Йоркского в октябре" (1680) "преследование стало еще более суровым". *"История Шотландской церкви" Вудроу*, том iii, стр. 225. 'Преследование и тирания, в основном поощряемые герцогом Йоркским'. Шилдс *"Выпустил Хинд на волю"*, стр. 147. "Сразу же после его восшествия на трон казни и акты преследования бедных странников были более жестокими, чем когда-либо". стр. 200.

[347] Это было хорошо известно в Шотландии; и, очевидно, на это ссылается писатель того времени, преподобный Александр Шилдс, который называет Джеймса не человеком, а чудовищем. См. *"Hind let loose" Шилдса*, 1687, стр. 365. 'Этот человек, или, скорее, чудовище, которое сейчас взойшло на трон'. И, несомненно, он был чудовищем. Сравните *"Историю*

церкви Шотландии" Крукшенка, том ii, стр. 66, где упоминается, что, когда Шпреля пытали, 'герцог Йоркский был рад порадовать его взор этой восхитительной сценой'. Также, "История Уодроу", том iii, стр. 253, и "История Шотландии" Лэйнга, том iv, стр. 116. По словам Бернета, удовольствие герцога от наблюдения за человеческой агонией было холодным и, так сказать, умозрительным удовольствием, как будто он присутствовал с целью созерцать какой-то любопытный эксперимент. Но Джеймс был настолько легковозбудимым человеком, что это вряд ли возможно. Во всяком случае, замечания Бернета представляют болезненный интерес для тех, кто изучает эти темные и, как нам может быть приятно думать, очень редкие формы человеческой злобности.' 'Когда кого-то нужно ударить по башмакам, это делается в присутствии совета; и в этом случае почти все предлагают сбежать. Зрелище настолько ужасное, что без приказа, запрещающего такому количеству людей оставаться на месте, правление было бы покинуто. Но герцог, находясь в Шотландии, был так далек от того, чтобы удалиться, что наблюдал за всем происходящим с невозмутимым безразличием *ис таким вниманием, словно ему предстояло наблюдать за каким-то любопытным экспериментом.* Это навело всех, кто это наблюдал, на ужасное представление о нем, как о человеке, в котором не было ни внутренностей, ни человечности". *История Бернета его собственного времени*, том ii. стр. 416, 417.

[348] Шилдс (*A Hind let loose*, стр. 186) описывает сапоги как 'жестокий железный механизм, при помощи клиньев пытающий ногу, пока мозг не выйдет из кости'. Сравните "*Неффалим, или Борьба Шотландской церкви*", 1667, стр. 268: "необычайное сжатие плоти, сухожилий и костей с помощью деревянных клиньев и молотка".

[349] В 1684 году Карстерс был подвергнут этой пытке. См. его собственный отчет в письме, напечатанном в "*Истории Шотландской церкви*" Уодроу, том iv. стр. 96-100. Он пишет (стр. 99): 'После этого причащения был вызван королевский кузнец, чтобы принести новый инструмент для пыток тумбинсом, который никогда раньше не использовался. Ибо в то время как первый состоял только в том, чтобы прикручивать два куска железа сверху и снизу большим и указательным пальцами, эти были сделаны для того, чтобы закручивать винт всей рукой. И эта пытка продолжалась почти полтора часа.' Смотрите также случай со Спенсом в том же году в книге Бернета "*История его собственного времени*", том ii. стр. 418. "Были использованы маленькие стальные шурупы, которые прикручивали большие пальцы с такой изощренной пыткой, что он утонул под этим; ибо лорд Перт сказал ему, что они будут прикручивать каждый сустав всего его тела, один за другим, пока он не принесет клятву". Лэйнг (*История Шотландии*, т. iv. стр. 143) говорит: 'Зажимы для большого пальца; маленькие стальные шурупы, которые сжимали большой палец и всю кисть с такой изощренной пыткой'; изобретение, привезенное Драммондом и Дэлзилом из России. Другие примечания см. в "*Записках Фаунтенхолла о шотландских делах*" с 1680 по 1701 год, Эдинбург, 4-е издание 1822 г., стр. 41, 97, 101; "*История Эдинбургского университета*" Бауэра, том ii, стр. 30; "*История церкви Шотландии Крукшенка*", том ii, стр. 192; "*Облако свидетелей королевских прерогатив Иисуса Христа*", изд. Глазго, 1779, стр. 371; и *Жизнь Уолтера Смита*, стр. 85, во втором томе Пресвитерианской биографии Уокера, Эдинбург, 1827.

[350] 'В 1684 году шотландская нация находилась в самом удручающем и прискорбном положении, которое только можно себе представить'. ... 'Состояние общества теперь стало таким, что в Эдинбурге пренебрегали обычным бизнесом, и каждый завидовал своему соседу'. *История Эдинбургского университета Бауэра*, том i, стр. 307.

[351] '10 марта все фригольдеры, наследники и джентльмены в Нитсдейле и Аннандейле, и, я полагаю, в большинстве других графств королевства, но я называю те, которые являются аренной используемых сейчас суровостей, были созваны под королевские знамена; и было собрано ополчение в нескольких графствах. Куда бы ни приходил Клеверхауз, он останавливался на узкой и универсальной работе. Он обычно направлял свою лошадь по холмам и возвышенностям, причем разными группами, чтобы никто не мог убежать; и там его нога ступала по более низким, болотистым и замшелым местам, где лошадь не могла так хорошо передвигаться. Графство он разделил на множество частей, и шесть или восемь квадратных миль были бы захвачены сразу. В каждом подразделении все жители, мужчины и женщины, молодые и старые, без различия, были согнаны в одно удобное место. ' ... 'Все дети в подразделении были собраны вместе поодиночке, в возрасте до десяти и старше шести лет, и перед ними была выстроена группа солдат. Затем им было велено помолиться, потому что их собирались расстрелять. Некоторые из них отвечали: "Сэр, мы не можем молиться". "...В других случаях они обращались с ними самым бесчеловечным образом, угрожая смертью, и с небольшого расстояния стреляли из пистолетов, не пуская пули им в лицо. Некоторые из бедных детей были напуганы почти до полусмерти, а другие проявили мужество, совершенно не свойственное их возрасту. Эти рассказы настолько далеки от обычного пути человечества, что я не стал бы их вставлять, если бы передо мной не было нескольких сведений, совпадающих во всех этих обстоятельствах, написанных в то время людьми, которые знали правду о них". *История Шотландской церкви Вудроу*, том iv. стр. 255, 256.

[352] "Людей перевозили на Ямайку, Барбадос и в поселения Северной Америки; но женщинам нередко прижигали щеки, а мужчинам отрезали уши, чтобы предотвратить или обнаружить их возвращение", *"История Шотландии" Лэйнга*, том iv, стр. 162. "Великое множество изгнанных", *"История церкви" Уодроу*, том iv. стр. 211. В июле 1685 года 'мужчинам приказано обрезать уши, а женщинам - пометить руку'. стр. 217. "Иметь следующее клеймо, чтобы они могли быть известны как изгнанные лица, если они вернутся в это королевство, а именно. что мужчинам рукой палача отрезают одно ухо, а женщинам той же рукой обжигают щеку раскаленным железом'. стр. 218. Это выдержки из заседаний тайного совета.

[353] "Джеймс II. благоволил кланам Хайленда", Примечание в *"Шотландских делах Фаунтенхолла"* с 1680 по 1701 год, стр. 100. Он вряд ли мог поступить иначе. Этот союз был естественным и готовым для него.

[354] За исключением грабежей, которые, однако, в той или иной форме всегда являются частью войны. В этом они были очень удачливы. Бернет (*История его собственного времени*, том i, стр. 67) емко описывает их как "искусных в воровстве"; а Бертон (*Жизнеописания Ловата и Форбса*, стр. 47) говорит: "Украсть даже облачение было значительно более похвально, чем изготовить его". В остальном они были полностью поглощены своей страстью к войне. См. *"Воспоминания якобитов" Томсона*, том ii. стр. 175, 176, Лондон, 1845.

[355] 'Месть считалась долгом, уничтожение ближнего - достойным подвигом, а грабеж - почетным занятием'. *"История высокогорья" Брауна*, том iv. стр. 395. 'Дух соперничества между кланами поддерживал вкус к вражде и превратил грабеж в службу чести'. *Воспоминания Томсона о якобитах*, том ii. стр. 229.

[356] Следовательно, глядя, как они это делали, просто на физические качества людей, внешний вид Претендента в 1715 году вызвал у них отвращение, несмотря на его великолепное

происхождение. Смотрите несколько превосходных замечаний в *Истории Шотландии Бертона*, с 1689 по 1748 год, Лондон, 1853, т. ii. стр. 198, 199. На стр. 383 м-р Бертон справедливо замечает, что 'те, кто действительно знал горцев, знали, что их последователи были не более прирожденными сторонниками притязаний короля Якова на трон Великобритании, чем Марии Терезии на трон Венгрии. Они придерживались политики главы клана, какой бы она ни была; и хотя более чем полувековая пропаганда изгнанного дома' (имеется в виду последнее восстание 1745 года) 'сделала якобитизм политическим кредо в некоторых кланах, среди последователей, высших и низших, он был немногим лучше номенклатуры, которую можно было менять при обстоятельствах'. Поскольку Робертсон, мистер Бертон и мистер Чемберс, я осмелюсь сказать, являются двумя писателями, которые придерживаются наиболее точных и всеобъемлющих взглядов на историю Шотландии. История Робертсона обрывается там, где начинается самый важный период; и его материалы были скудны. Но то, чего он добился с помощью этих материалов, было замечательным. На мой взгляд, его "История Шотландии" - величайшее из его произведений.

[357] Любопытное описание их внешности, данное *Дерби Меркьюри* в 1746 году (в "Воспоминаниях якобитов" Томсона, том iii, стр. 115), можно сравнить с более общим утверждением в *Призовом эссе Андерсона о высокогорье*, Эдинбург, 1827, стр. 128. Крупный рогатый скот был главным ресурсом племени — его приобретение было главной целью их враждебных набегов. Неурожай давал им средства для выпечки овсяных лепешек или перегонки эля или виски. Когда они заканчивались, перенаселенное население испытывало крайние формы нищеты. В частности, одно время в Сазерленде они были вынуждены питаться бульоном из крапивы, загущенным небольшим количеством овсянки. В другом случае те, у кого был крупный рогатый скот, прибегали к способу пустить ему кровь и смешать ее с овсяной мукой, которую затем нарежали ломтиками и обжарили".

[358] Некоторые авторы ошибочно называют их 'неестественными'. См., например, *Историю восстания Рея*, Лондон, 1746, стр. 158, 169; и *Историю восстания Хоума*, Лондон, 1802, 4то, стр. 347.

[359] "Когда повстанцы начали свой марш на юг, их не было 6000 человек в полном составе", *История восстания Хоума в 1745 году*, 4то, стр. 137. При Стирлинге армия, 'после того как соединение было совершено, насчитывала немногим более 9000 человек, самое большое число, которое Чарльз когда-либо имел под своим командованием', стр. 164. Но фактических захватчиков Англии было гораздо меньше. 'Численность повстанцев, когда они начали свой марш в Англию, составляла немногим более 5000 пеших и около 500 верховых'. *Главная страница*, стр. 331. Браун (*История горной шотландии*, том iii, стр. 140) говорит: "При сборе в Карлайле армия принца насчитывала всего около 4500 человек"; а лорд Джордж Мюррей утверждает, что при Дерби "нас было не более пяти тысяч бойцов, если не так много". *Якобитские мемуары о восстании 1745 г.*, под редакцией Роберта Чемберса, Эдинбург, 1834, стр. 54. Другой автор, опираясь в основном на традиционные свидетельства, говорит: "Чарльз во главе 4000 горцев прошел маршем до Дерби". *История Глазго Брауна*, том ii. стр. 41, Эдинбург, 1797. Сравните "Воспоминания о восстании" Джонстона, 3-е изд., Лондон, 1822, стр. xxxvii. xxxviii. 30-32, 52. Джонстон говорит, стр. 60: 'М. Патулло, наш начальник сбора, произвел смотр нашей армии в Карлайле, когда она не превышала четырех тысяч пятисот человек'. Впоследствии, вернувшись в Шотландию, "наша армия внезапно увеличилась до восьми тысяч человек, вдвое по сравнению с тем, что было, когда мы были в Англии". стр. 111.

[360] Были отданы приказы двигаться в направлении Карлайла и отозвать отряд, посланный вперед к Дамфрису. Горцы, все еще верные своим косным принципам, отказались повиноваться. '...Теперь начались денежные переговоры, и им предложили регулярное жалование по шесть пенсов в день — разумное вознаграждение в то время для обычных войск, но для диких детей гор это была блестящая взятка, противостоять которой могло бы только самое стойкое упрямство. Отчасти это было эффективно'. *"История Шотландии" Бертон*, том ii. стр. 168. 'И с этого дня горцам платили по шесть пенсов с человека в день, чтобы они содержали их в хорошем порядке и под командованием'. *История позднего восстания Паттена*, Лондон, 1717, стр. 73. См. Также о нежелании горцев въезжать в Англию, *Историю восстания Рея*, Лондон, 1746, 2-е издание. стр. 270, 271. Браун говорит (*История горной Шотландии*, том ii. стр. 300, 304): "Отвращение горцев, по разным соображениям, к кампании в Англии было почти непреодолимым"; но "с помощью больших обещаний и денег большую часть горцев убедили последовать примеру своего командира".

[361] 'Немногие победы были более полными. Говорят, что едва ли две сотни пехотинцев спаслись бегством. '... Горцы получили великолепную добычу в виде оружия и одежды, помимо самодвижущихся часов и других продуктов цивилизации, которые удивили и озадачили их. Воодушевленные такими приобретениями, значительное число людей не смогли воспротивиться старому обычаю своего народа возвращаться в свои долины и украшать свои хижины добычей.' *История Шотландии Бертон*, том ii. стр. 465. Сравните *"Историю восстания Хоума"*, стр. 123. Это была их старая практика, как выяснил Монтроз столетием ранее, 'когда многие горцы, нагруженные добычей, тайно дезертировали и вскоре после этого вернулись в свою страну'. *"Воспоминания Уишарта о маркизе Монтроузе"*, Эдинбург, 1819, стр. 189. То же самое говорит и Бернет (*Воспоминания герцогов Гамильтонских*, стр. 272): 'Кроме того, любые отряды, которые можно было бы вывести с Гор, могли бы какое-то время действовать достаточно успешно, но от них нельзя было ожидать никакого порядка, поскольку, как только они были нагружены добычей, они убегали домой в свои тайные норы и бросали тех, кто им доверял'. См. Также стр. 354. Более поздний автор, приоткрывая завесу над этим маленьким недостатком, с большой деликатностью замечает, что 'у горцев, какими бы храбрыми они ни были, был обычай возвращаться домой после битвы'. *"Воспоминания якобитов" Томсона*, Лондон, 1845, том i, стр. 122. Нередко они сначала грабили своих сослуживцев. В 1746 году Биссет пишет: 'Горцы, которые ушли после сражения, забрали лошадей и багаж у своих людей, жителей Равнин'. *Дневник преподобного Джона Биссета*, в *Сборнике Сполдинг-клуба*, том i, стр. 377, Абердин, 1841, 4-е место.

[362] 'Тот, кто желал с помощью меча потревожить или свергнуть постоянное правительство, был уверен в помощи вождей, потому что постоянное правительство разрушало их власть и почти угрожало их существованию. Чем больше оно культивировало искусство мира и преуспевало в промышленно созданном благосостоянии, тем больше оно ставило в положение антагониста народ, который не изменил своей природы, который не добился промышленного прогресса и который жил мечами, добывавшими для них плоды труда других людей. Мирное, сильное правительство было так же несовместимо с их интересами, как хорошо охраняемая овчарня с интересами волков.' *История Шотландии Бертон*, том i. стр. 105, 106. 'Горцы во все времена правления отличались тем, что нарушали устоявшееся правительство Шотландии, берясь за оружие при каждом вторжении захватчиков'. *"История нынешнего восстания" Марчанта*, Лондон, 1746, стр. 18. См. также *"Путешествие Мэкки по Шотландии"*, Лондон,

1732, стр. 129; и краткий, но очень любопытный отчет о горцах 1744 года в *Сборнике Клуба Сполдинга*, т. ii. стр. 87-89.

[363] Наблюдатель, у которого были отличные возможности изучить их характер в период между восстаниями 1715 и 1745 годов, пишет: "Обычные горцы считают высшей степенью добродетели любить своего вождя и слепо повиноваться ему, хотя это противоречит правительству, законам королевства или даже закону Божьему. Он их идол; и поскольку *они заявляют, что не знают другого короля, кроме него* (я шел дальше), то и они скажут, что должны выполнять все, что он прикажет, без расспросов.' *Письма джентльмена с Севера Шотландии*, редактировать. Лондон, 1815 г., том ii. стр. 83, 84. "Шотландские горцы из всех людей в мире быстрее всех идут в бой за своими вождями, испытывая удивительное почтение к своим лордам и вождям, как их там называют: *При этом эти люди никогда не задумываются о правомерности захватывающего дела*, но слепо следуют за своими вождями, совершая то зло, которое им заблагорассудится, и это с величайшей поспешностью, какую только можно вообразить'. *История восстания Паттена*, Лондон, 1717, стр. 151. 'Власть вождей над своими кланами была истинным источником двух восстаний. Члены клана заботились о законной расе Стюартов не больше, чем о войне за испанское наследство.' ... 'Вожди горцев—якобитов выставляли своих сторонников на стороне якобитов, ганноверцы выставляли своих сторонников на стороне правительства. Поведение Ловата было своего рода *крукцианским экспериментом*; он сделал свой клан ганноверцем в одном восстании и якобитом в другом.' *"Жизнь Ловата и Форбса" Бертона*, стр. 150. Сравните смену стороны Макинтошей в *"Истории высокогорья" Брауна*, том ii. стр. 285. Даже в конце американской войны суверен считался подчиненным вождя. 'Некий капитан Фрейзер из северного округа уничтожил сотню членов своего клана, все по фамилии Фрейзер. Мало кто из них мог понять хоть слово по-английски; и единственное отчетливое представление, которое они имели обо всем скоплении сил, которое они видели вокруг себя, заключалось в том, что они собирались сражаться за короля Фрейзера и Георга Третьего.' *Традиции Пенни из Перта*, стр. 49, 50, Перт, 1836.

[364] Что привело к появлению сообщения о том, что они были каннибалами. 'Покойный мистер Хэлкстон из Ратхиллета, который участвовал в этой экспедиции' (Восстание 1745 года), "сказал мистеру Янгу, что среди народа Англии распространено поверье, что горцы едят детей'. *Воспоминания Джонстона о восстании*, 3-е издание. Лондон, 1822, стр. 101. Такой слух, несмотря на его абсурдность, стал несколько правдоподобным благодаря отвратительному поведению горцев во время первого восстания 1715 года, когда они совершили в Низинах ужасные надругательства над трупами, которые они выкопали. Смотрите свидетельства современников в *Переписке преподобного Роберта Уодроу*, опубликованной Обществом Уодроу, том ii. стр. 86, 87, 93. 'Они даже подняли на ноги нескольких детей милорда Ротса и калечили их мертвые тела'... 'пока злобное не заставило их замолчать'. В 1745 году они обозначили свой въезд в Англию следующим образом. 'Мятежники во время своего пребывания в Карлайле совершали самые возмутительные злодеяния; ибо, не довольствуясь тем, что отнимали у семей их самое ценное имущество, они не стеснялись проявлять свою зверскую дерзость по отношению к некоторым юным леди, даже в присутствии их родителей. Джентльмен в письме своему другу в Лондон пишет так: "После того, как его лишили всего, он имел несчастье видеть, как с тремя его дочерьми обращались таким образом, что он не мог этого описать". *"История нынешнего восстания Марчанта"*, Лондон, 1746, стр. 181, 182.

[365] Даже когда они добрались до Дерби, наиболее информированные из их собственной партии отчаялись в успехе. Смотрите якобитский отчет в *The Lockhart Papers*, Лондон, 4to, 1817, т. ii. стр. 458: 'Следующим, о чем следовало подумать, было то, что теперь предстояло сделать; теперь они были в Дерби с армией, вдвое меньшей, чем о них сообщалось, окруженные регулярными войсками со всех сторон, и более чем вдвое превосходящей их числом. Продвигаться вперед их никто не поощрял, поскольку их друзья (если они у них были) почти не переписывались с ними с того момента, как они приехали в Англию.' Шевалье де Джонстон, принимавший активное участие в Восстании, откровенно говорит: 'Если бы мы продолжали продвигаться к Лондону и столкнулись со всеми войсками Англии, на жалованье у которых были гессенцы и швейцарцы, было бы все равно, что нас немедленно истребили, без малейшего шанса на спасение'. *Воспоминания Джонстона о восстании 1745 и 1746 гг.*, стр. 79.

[366] Лорд Джордж Мюррей, главнокомандующий в 1745 году, не желал продвигаться далеко к югу от Карлайла, "без большей поддержки со стороны страны, чем мы до сих пор получали". См. его собственный отчет в *"Якобитских воспоминаниях о восстании 1745 года"*, под редакцией Р. Чемберса, Эдинбург, 1834, стр. 48. Но его благоразумный совет был отвергнут. Горцы продолжали наступление; и произошло то, что любой человек, достаточно хорошо знакомый с Англией, мог бы предвидеть. Джонстон (*Воспоминания о восстании*, стр. 70) говорит: "В случае поражения в Англии никто в нашей армии никоим образом не смог бы избежать уничтожения, поскольку английские крестьяне были настроены к нам в высшей степени враждебно; и, кроме того, армия маршала Уэйда находилась у нас в тылу, чтобы отрезать нас от всех коммуникаций с Шотландией". И на стр. 81: "В каждом месте, через которое мы проезжали, мы находили англичан очень недоброжелательно настроенными по отношению к нам, за исключением Манчестера, где, по-видимому, сохранились какие-то остатки привязанности к дому Стюартов". Поборник произвола нашел бы теперь другой прием в этом великолепном образце английского процветания и истинного английского бесстрашия с открытым ртом. Но столетие назад жители Манчестера были бедны и невежественны; и заявление Джонстона о них подтверждается Хоумом, который говорит: "В Манчестере несколько джентльменов и около 200 или 300 простых людей присоединились к армии повстанцев; это были единственные англичане (за исключением нескольких человек), которые присоединились к Чарльзу в его походе по Англии". *История восстания Хоума в 1745 году*, Лондон, 1802, 4to, стр. 145. В 1715 году англичане также сдерживались, за исключением Манчестера. См. *"Историю позднего восстания"* Паттена, Лондон, 1717, стр. 89, 108.

[367] Создание дорог вызвало большое неудовольствие. Пеннант, посетивший Шотландию в 1769 году, говорит: 'Эти общественные работы поначалу были очень неприятны старым вождям и значительно ослабили их влияние: поскольку, допуская к себе чужаков, их кланы научились тому, что лэрды не были первыми среди людей'. *Тур Пеннанта по Шотландии*, 4-я редакция. Дублин, 1775, том i, стр. 204. К концу восемнадцатого века это чувство начало угасать. 'До недавнего времени жители Кинтейла, как и других горных районов, испытывали сильное отвращение к дорогам. Чем недоступнее, тем надежнее была их максима'. *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том vi. стр. 244, Эдинбург, 1793.

[368] 'Вскоре после основания революционного поселения пылкие чувства шотландского народа были обращены из их старых каналов религиозных споров и войн в русло

коммерческого предпринимательства'. *Уголовные процессы Бертон в Шотландии*, том i, стр. 104. Сравните *"Историю своего времени" Бернета*, том iv, стр. 286, 287, 418; и примечание (на стр. 419): 'Лорды и общины Шотландии тогда желали заняться торговлей'. Это относится к 1699 году. В 1698 году Флетчер из Салтауна пишет: 'не по вине какого-либо человека, а благодаря непредвиденной перемене в гении этой нации, все их мысли и склонности, как будто объединенные и направляемые высшей силой, казалось, были обращены на торговлю и сговорились ради ее развития'. *Первое рассуждение о делах Шотландии в Политических сочинениях Флетчера из Салтуна*, Глазго, 1749, стр. 57. Услышав это, духовенство встревожилось. В 1709 году преподобный Роберт Удроу в одном из своих писем выразил мнение, что "я смиренно думаю, что грех нашей слишком большой любви к торговле, заключающийся в пренебрежении нашими более ценными интересами, будет вынесен на наш суд'. *Переписка Вудроу*, Эдинбург, 1842, 8vo, том i, стр. 67. В том же году несколько кораблей были захвачены французами, часть потерь пришлось на Глазго. Вслед за этим Удроу пишет: 'Говорят, что в общей сложности там потеряно около восьмидесяти тысяч фунтов стерлингов, из которых Глазго потерял десять тысяч фунтов. Я хотел бы, чтобы торговые люди могли понять язык такого Провидения. Я уверен, что Господь оказывает значительное влияние на нашу торговлю во многих отношениях, с тех пор как она была отнесена к сфере религии при последнем изменении нашей конституции'. *Анализ Вудроу*, том i, стр. 218, 4to, опубликовано the Maitland Club.

[369] Лэйнг (*История Шотландии*, том iv, стр. 296), под 1703 годом, говорит: "Со времени предполагаемого поселения в Дариене гений нации приобрел новое направление; и поскольку пресса является истинным критерием духа времени, многочисленные произведения на политические и коммерческие темы, с которыми он ежедневно сталкивается". изобиловавший, вытеснивший религиозные споры прежней эпохи. 'К несчастью для Шотландии, они ни в коем случае не были вытеснены. Тем не менее, движение было великим, и в этом нельзя ошибиться.

[370] 'Только в 1710 году они начали сбрасывать доспехи и позволять солдату превратиться в тихого и трудолюбивого ремесленника'. *Традиции Пенни из Перта*, стр. 335, Перт, 1836. Это особенно относится к жителям Перта.

[371] Об этих "наследственных или имущественных юрисдикциях", которые предоставляли право или, я бы скорее сказал, власть предавать людей смерти, см. *"Историю Шотландии" Бертон*, том i, стр. 425, том ii, стр. 402. Техническим термином, обозначающим столь чудовищную привилегию, было право 'на яму и виселицу'. *Уголовные процессы Питкэрна в Шотландии*, том ii, стр. 94; и *"Законы и обычаи Шотландии в уголовных делах" Маккензи*, стр. 70, 100, 187, 210. Это означало, что мужчины должны были быть повешены, а женщины утоплены. См. также *"Историю Эдинбурга" Арнота*, стр. 224; *"Заметки о шотландских делах" Фаунтенхолла*, стр. 139; *"Историю дома Дугласов" Юма*, т. i, стр. 346; *"Шотландию" Леттис*, стр. 271; *"Шотландию" Синклера*, т. i, стр. 417, т. iv, стр. 478, т. vi, стр. 195, 258, об. viii. с. 129, 348, т. xiii. с. 563, т. xiv. с. 34, т. xvii. с. 442, 600, т. xviii. с. 473.

[372] Лэйнг (*История Шотландии*, том iv, стр. 345) говорит, что в 1706 году 'количество общин в шотландском парламенте составляло 160; пэров 145'. Из этих пэров в Союзном договоре было указано, что "шестнадцать человек должны заседать и голосовать в Палате лордов". *История союза между Англией и Шотландией Де Фо*, Лондон, 1786, 4to, стр. 205, 538. Английская палата лордов состояла из 179 членов. См. *Документы Локхарта*, Лондон, 1817, 4to, том i. стр. 343,

547. Невозможно было ошибиться в результате этой радикальной меры, с помощью которой, как говорилось в то время, 'Шотландия должна была сократить свое дворянство'. *"История союза" Де Фо*, стр. 495. Сравните стр. 471: 'Таким образом, дворянство как бы принижает свой характер'. В 1710 году шотландец записывает в своем дневнике: "Это было одно из самых печальных зрелищ для любого, кто хоть немного понимает наше древнее Благородство, - видеть, как они идут на выборы, создают партии и отдают свои голоса тем, кто когда-то голосовал за ОУН; и я подозреваю, что многие из них нарушают заключенную ими сделку, отдавая своих членов оун". *Анализ Вудроу*, том i, стр. 308.

[373] Шотландцы, следовательно, так стремились покончить с этим источником веселья, что даже в 1761 году, когда печально известный лектор Шеридан посетил Эдинбург, "разговор с английским акцентом вызвал такой ажиотаж, что более трехсот джентльменов, среди которых были самые выдающиеся в стране по положению и учености, посетили его". *"Жизнь Юма" Ричи*, Лондон, 1807, стр. 94. Однако в течение примерно двадцати лет сразу после Объединения шотландские члены парламента, как лорды, так и члены Палаты общин, подвергались наибольшему насмешкам в Лондоне, и к ним относились с явным неуважением, как в социальном, так и в политическом плане. Над ними не только насмехались и высмеивали, но и делали из них орудия труда. В сентябре 1711 года Удроу пишет (*Analecta*, vol. i. p. 348, 4to, 1842): 'В начале этого (месяца) я слышу общее недовольство нашей знати, которая наконец-то попала в парламент, обращением с ними в Лондоне. Они завершают тем, что англичане используют их только как инструменты и бросают, когда их партийные планы заканчиваются.' В следующем году (1712) шотландские члены Палаты общин встретились вместе и выразили свое 'глубокое возмущение нецивилизованным, надменным обращением, которому они подверглись со стороны англичан'. *Документы Локхарта*, Лондон, 1817, 4to, том i, стр. 417. См. далее, *"Историю Шотландии"* Бертоне, том ii, стр. 27. "Не опускаясь до грубости, утонченные современники Уортона и Сент-Джона могли свести с ума чувствительных и надменных шотландцев легкими насмешками по поводу их произношения или знания парламентского этикета'. Некоторые любопытные наблюдения о том, как шотландцы произносили английский в конце семнадцатого века, можно найти в *Кратком отчете Морера о Шотландии*, Лондон, 1702, стр. 13, 14. Автор этой книги был капелланом шотландского полка.

[374] Среди многих иллюстраций, которыми изобилуют современные мемуары, следующая ни в коем случае не самая худшая. Бернет, как шотландец, считает уместным сказать, что те из его соотечественников, которых направили в парламент, 'были личностями настолько выдающимися, что они вполне заслуживали' того уважения, с которым к ним относились. К чему лорд Дартмут добавляет: "и были очень настойчивы в том, чтобы их заслуги были вознаграждены. Шотландский граф настойчиво требовал у лорда Годольфина места. Он сказал, что свободных мест нет. Другой сказал, что его светлость вскоре может сделать так, если пожелает. Лорд Годольфин спросил его, ожидает ли он, что кого-нибудь убьют, чтобы освободить место? Он сказал, что Нет; но лорд Дартмут обычно голосовал против суда, и все удивлялись, что его до сих пор не выгнали. Лорд Годольфин сказал ему, что он надеется, что его светлость не ожидает, что именно он сделает это предложение; и посоветовал ему никогда больше не упоминать об этом, опасаясь, что королева услышит об этом; ибо, если она это сделает, его светлость сильно рискует никогда не получить места, пока она жива. Но он не мог удержаться и везде рассказывал, как плохо обращался с ним лорд-казначей". *"История своего времени" Бернета*, т. v., стр. 349, Оксфорд, 1823. Сравните отчет 1710 года в *"Аналитической статье" Удроу*, том i, стр. 293. "Аргайл и выбран (то есть уязвлен) в Марлберроу, и его брат

Ила за то, что отказал ему в полку; и Годольфину следовало бы сказать королеве, что милорду Иле нельзя доверять полк! Граф Марр был одним из самых близких друзей Годольфина, пока не встал вопрос о его пенсии после того, как у него отняли должность секретаря. Годольфин заставил нарисовать это во время удовольствия; Марр ожидал этого при жизни, на что Казначей не согласился бы, и поэтому они тормозят.' История того времени полна этих жалких дразг, которые показывают, из чего была сделана шотландская знать. Действительно, их алчность была настолько бесстыдной, что в 1711 году некоторые из них отказались исполнять свои законодательные обязанности в Лондоне, если только не получат какие-то должности, на которые они рассчитывали. 'Примерно в середине этого месяца, я слышал, была встреча нескольких наших шотландских пэров у виконта Килсайта, где они договорились не появляться в этом парламенте до тех пор, пока этого не потребует императив; и (также) будут даны некоторые гарантии относительно мест, на которые они надеялись на прошлой сессии и которые пропустили'. *Анализ Водроу*, том i, стр. 365. В 1712 году тот же шотландец пишет (*Analecta*, том ii, стр. 8): 'Выход наших шотландских пэров из Палаты пэров наделал много шума; но они на этом не остановились. Они иногда приходят, а иногда уходят, иони унижают себя в глазах англичан.' Смотрите также письмо "О звании пэров Шотландии" в "*Трактатах Сомерса*", том xii. стр. 607, изд. Скотт, Лондон, 1814, 4 ч.

[375] Шотландский писатель через двадцать лет после Объединения говорит: 'Большинство наших джентльменов и знатных людей, у которых лучшие поместья в нашей стране, живут по большей части в Лондоне'. *Причины улучшения рыболовства и льняного производства Шотландии*, Лондон, 1727, стр. 22. Я не знаю, кто написал этот любопытный маленький трактат; но автор, очевидно, был уроженцем Шотландии. См. стр. 25. Однако у меня есть еще более ранние доказательства. В письме Уодроу, датированном 9 августа 1725 года, жалуется на то, что "генерал отправляет нашу знатную молодежь в Англию", а в письме к нему от 1716 года описывается процесс англизации, происходящий среди шотландской аристократии всего через девять лет после Унии. "Большинство наших лордов и других присутствующих здесь настолько зависят отангличан в своих должностях и стремятся к тому или иному, что у них почти совсем затыкаются рты; и действительно, большинство из них во всем придерживаются английского пути'. *Переписка Водрова*, том ii. стр. 196, том iii. стр. 224. Граф Мар потерял популярность в Шотландии из-за двора, который он оказывал лорду Годольфину; поскольку он, "похоже, провел гораздо больше времени в интригах в Лондоне, чем в садах Аллоа'. "*Мемуары якобитов*" Томсона, том i. стр. 36. Даже граф Илэй, стремясь продвинуться при английском дворе, "обычно сожалел о том, что он шотландский пэр, и искренне желал быть простолюдином'. *Письма лорда Грейнджа*, в *Сборнике статей Клуба Сполдинга*, том iii. стр. 39, Абердин, 4-е издание, 1846.

[376] Действительно, их ожидания были настолько высоки, что породили надежду не только на то, что те уполномоченные Союза, которые были шотландскими пэрами, станут английскими, но и на то, что "со временем может быть допущена вся знать Шотландии'. *История Шотландии Лэйнга*, том iv. стр. 346. Сравните *Документы Локхарта*, том i, стр. 298, 343: 'Список пэров Шотландии, многие из которых тешили себя надеждами стать британскими пэрами'. Также *Письма Гордона*, в *сборнике Сполдинг-клуба*, том iii. стр. 227, 228.

[377] Шевалье де Джонстон в своих жалобных замечаниях о битве при Каллодене говорит: "Разорение многих самых прославленных семей Шотландии последовало сразу же за нашим поражением". *Мемуары Джонстона о восстании 1745 года*, стр. 211. Он, конечно, не мог

понять, что, каким бы печальным ни было такое разорение для отдельных страдальцев, оно принесло огромную пользу нации. М-р Скин, имея в виду 1748 год, говорит о горцах: 'их давно лелеемые идеи клановости постепенно уступили место отсутствию и разорению стольких их вождей'. *"Горцы Скена"*, том i, стр. 147.

[378] "Примерно в 1784 году семьи изгнанников начали возвращаться". *"Традиции Перта" Пенни*, стр. 41. См. также *"Анналы торговли" Макферсона*, том iv, стр. 53. В 1784 году 'палата общин приняла законопроект без возражений' о восстановлении 'Конфискованных поместий' на севере Шотландии. См. *Парламентскую историю*, том xxiv, стр. 1316-1322. По этому поводу Фокс сказал (стр. 1321), что владельцы "были достаточно наказаны сорокалетним лишением своего состояния за ошибки своих предков".

[379] Дин Рамзи в своих *воспоминаниях* (5-е изд. Эдинбург, 1859, стр. 57), отмечает, что из-за "передачи собственности и вымирания старых семей в Горной Шотландии, а также по более общим причинам" старая клановая привязанность "уходит". Но этот умный наблюдатель не указал на связь между столь важным фактом и Восстанием 1745 года. В 1792 году Херон пишет: "Клановые предрассудки почти исчезли". ... "Иждивенцы семьи Кенмур все еще привязаны к ее представителю с большой долей той привязанности и уважения, с которыми до недавнего времени племена Высокогорья привыкли быть верными своему господину". *Путешествие Херон по западным графствам Шотландии*, 2-я правка. Перт, 1799, том i, с. 248, том ii, с. 154. См. также замечания, сделанные в том же году в *Письмах Леттис о путешествии по различным частям Шотландии*, Лондон, 1794, стр. 340. Чтобы проследить это движение еще дальше, Пеннант пишет в 1769 году: "Но во многих частях Высокогорья их характер начинает проявляться более слабо; они больше общаются с миром; и с каждым днем становятся все менее привязанными к своим вождям." ... "Во время феодального правления их любовь к своему вождю заставляла их переносить многое, что в настоящее время невыносимо". Эти два важных отрывка содержатся в 4-м издании *"Путешествия Пеннанта по Шотландии"*, том i, стр. 194, том ii, стр. 307, Дублин, 1775. Они доказывают, что через двадцать четыре года после Восстания 1745 года угасание привязанности было настолько очевидным, что могло поразить искреннего и внимательного, но ни в коем случае не философствующего наблюдателя. Чтобы Пеннант заметил эти изменения, они, должно быть, уже поднялись на поверхность. Другие подтверждающие свидетельства можно найти в *Отчете Синклера о Шотландии*, т. ii, стр. 545, Эдинбург, 1792; и т. iii, стр. 377, 437, vol. xiii, с. 310, т. xv, с. 592, т. xx, с. 33.

[380] *История Шотландии Бертон*, том ii, стр. 535-537. *История Шотландии Стратерса*, Глазго, 1828, том ii, стр. 519-525.

[381] Макферсон (*"Анналы торговли"*, том iii, стр. 259) говорит: "Этот превосходный статут можно с полным основанием назвать новой великой хартией вольностей для свободного народа Шотландии".

[382] Поэтому я не могу согласиться с Макферсоном, который утверждает в своей ценной работе, что отмена этих юрисдикций "несомненно, должна была стать важным предварительным шагом к объединяющему союзу двух королевств Англии и Шотландии, заключенному сорок лет назад". *"Анналы торговли" Макферсона*, том iii, стр. 257. Сравните *"Историю союза между Англией и Шотландией" Де Фо*, стр. 458, 459, Лондон, 1786, 4то.

[383] В 1740 году 'на растущие производственные и торговые интересы страны' феодальная аристократия 'смотрела свысока и не поощряла их'. *"Жизнь Ловата и Форбса" Бертон, стр. 361.*

[384] "Принимая во внимание, что Шотландия до этого запретила все английские шерстяные мануфактуры под страхом суровых наказаний, а Англия, с другой стороны, запретила шотландцам торговать с шотландскими кораблями, направляющимися в их колонии в Америке непосредственно из Шотландии, и конфисковала даже их собственные английские суда, ведущие торговлю в указанные колонии из Англии, если они управлялись или укомплектовывались более чем одной третью шотландских моряков", & с. *"История союза" Де Фо, стр. 603.* В 1696 году мудрецы в нашем английском парламенте приняли закон, "согласно которому ни под каким предлогом какие бы то ни было товары с англо-американских плантаций не должны в дальнейшем доставляться на берег ни в королевствах Ирландии, ни в Шотландии без предварительной высадки в Англии, а также уплаты там пошлин с конфискацией судна и груза". *"Анналы торговли Макферсона", том ii, стр. 684.* Конечно, чем больше человек узнает об истории законодательства, тем больше он будет удивляться тому, что нации смогли продвинуться вперед перед лицом тех огромных препятствий, которые законодатели воздвигли на их пути.

[385] "Дух коммерции, по-видимому, был поднят среди жителей Глазго между периодами 1660 и 1707 годов, когда был заключен союз с Англией". ... Но, "какой бы ни была их торговля, в то время она не могла быть значительной; порты, с которыми они были вынуждены торговать, находились все на востоке; кругосветное плавание вокруг острова, следовательно, возникнет почти непреодолимая преграда для торговли Глазго; жители восточного побережья, исходя из их положения, будут владеть почти всей торговлей Шотландии." *"История Глазго Гибсона, стр. 205, Глазго, 1777.*

[386] Важность этой меры побудила жителей Гринока заключить контракт с настоятелем, по которому они согласились на вознаграждение в размере 1s. 4д. стерлингов за каждый мешок солода, из которого варят эль, в пределах города; взимаемые таким образом деньги должны были быть использованы для покрытия расходов на создание настоящей гавани в Гриноке. Работы были начаты в эпоху Союза, в 1707 году; и вместительная гавань, занимающая более десяти шотландских акров, была образована путем строительства обширного круглого причала с прямым молом, или язычком, посередине, которым гавань была разделена на две части. На это грандиозное произведение, величайшее в своем роде в то время в Шотландии, было потрачено более 100 000 шотландских марок.' *"Каледония Чалмерса", том iii. стр. 807, Лондон, 1824, 4то. В географическом и статистическом словаре Мак-Каллоха, Лондон, 1849 г., том i, стр. 930, утверждает, что "жители взяли дело (1707 г.) в свои руки и договорились со своим начальством оценить себя по определенной ставке, построить надлежащий пирс и гавань. Работа была закончена в 1710 году ценой 5555 фунтов стерлингов'*

[387] 'Торговля Гринока идет в ногу с улучшениями, произведенными в его гавани. Союз королевств (1707) открыл колонии для предприимчивых жителей этого города и вообще запада Шотландии; но только в 1719 году первое судно, принадлежащее Гриноку, пересекло Атлантику". *Географический и статистический словарь Мак-Каллоха, том i, стр. 930.*

[388] "Эффект новой гавани в увеличении торговли и численности населения города был таков, что оценка и портовые сборы полностью покрыли долг до 1740 года и оставили в том году явный

профицит в размере 27 000 шотландских марок, или 1500 фунтов стерлингов'. *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 807. 'Однако после Объединения торговля порта возросла так быстро, что в 1740 году весь долг был погашен, и остался профицит, составляющий основу нынешних городских фондов, в размере 27 000 марок'. *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том v. стр. 576, Эдинбург, 1793.

[389] Однако благодаря Союзу купцам города открылись новые взгляды; таким образом, они получили свободу свободной торговли с Америкой и Вест-Индией, доступ в которые им ранее был закрыт; они зафрахтовали английские суда для этих рейсов, поскольку поначалу ни одно из них не подходило для этой цели; отправили грузы товаров для использования в колониях и вернулись домой, нагруженные табаком. Бизнес процветал, строились суда, принадлежащие городу, и в 1718 году первый корабль, собственность Глазго, пересек Атлантику". *История Глазго Денхолма*, стр. 405, 3-я правка. Глазго, 1804 год. Браун (*История Глазго*, том ii, стр. 330, Эдинбург, 1797) говорит, что торговцы Глазго много лет фрахтовали корабли Уайтхейвена: "но что "в 1716 году судно водоизмещением шестьдесят тонн было спущено на воду в Кроуфорд-даик, это был первый корабль Клайда, который отправился в британские поселения в Америке с товарами и суперкарго". Но эта дата, вероятно, на два года преждевременна. М-р Мак-Каллох в своем превосходном *Географическом и статистическом словаре*, Лондон, 1849, том ii, стр. 659, говорит: 'Но какое-то время купцы из Глазго, которые первыми начали торговлю с Америкой, вели ее с помощью судов, принадлежащих английским портам; и только в 1718 году корабль, построенный в Шотландии (в проливе Клайд), собственность шотландских владельцев, отплыл в американские колонии'. Гибсон также (*История Глазго*, 1777, стр. 206) говорит: "В 1718 году первое судно, принадлежащее Глазго, пересекло Атлантику". И с той же целью в *Статистическом отчете Шотландии Синклера*, т. v. стр. 498, Эдинбург, 1793.

[390] Прогресс был настолько быстрым, что в работе, напечатанной в 1732 году, утверждается, что 'этот город Глазго является местом наибольшей торговли в королевстве, особенно с Плантациями; откуда ежегодно отплывает двадцать или тридцать судов, груженных табаком и сахаром; преимуществом, которым это королевство никогда не пользовалось до Объединения. Они покупают гавань на реке Фрит, недалеко от Аллоуэя, до которой всего двенадцать миль по суше; и тогда они смогут переправлять свой сахар и табак в Голландию, Германию и Балтийское море, не утруждая себя плаванием вокруг Англии или Шотландии". *Путешествие Мэкки по Шотландии*, стр. 294, 295, 2-е издание. Лондон, 1732. Первое издание этой книги также было напечатано в 1732 году. См. *Британскую библиотеку Уотта*, том i, стр. 631 м., Эдинбург, 1824, 4 т.

[391] Гибсон, который был торговцем из Глазго, говорит в своей "*Истории Глазго*", стр. 236: "то, что торговля с Америкой впервые навела на мысль о введении мануфактур в Глазго, для меня совершенно очевидно; и то, что их пытались внедрить только около 1725 года, очевидно'. Денхолм (*История Глазго*, стр. 412) говорит: "Производство льна, начавшееся здесь в 1725 году, долгое время было основным продуктом питания не только этого города, но и запада Шотландии". Сравните "*Путешествие Герона по западным графствам Шотландии*", Перт, 1799, т. ii, стр. 412.

[392] 'Состоит только из одной главной улицы длиной около полумили'. *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том vii. стр. 62. Но местный историк с явной гордостью

упоминает, что на этой единственной улице стояли "красивые дома". *"История графства Ренфрю" Кроуферда*, часть iii. стр. 305, правка. Пейсли, 1782, 4 т.

[393] *"История Глазго" Денхолма*, стр. 546, 547; и *"Статистический отчет Шотландии" Синклера*, том vii. стр. 62-64. Смотрите также "О возвышении Пейсли", *"Путешествие Херона по западным графствам Шотландии"*, т. ii. стр. 399, 400; *"Путешествие Пеннанта по Шотландии"*, т. ii. стр. 144; и *"История графства Ренфрю" Кроуферда*, часть iii. стр. 321. В более ранний период Пейсли был известен по-другому. В средние века он кишел монахами. Кит (*Каталог шотландских епископов*, стр. 252, Эдинбург, 1755, 4то) сообщает нам, что "раньше это был монастырь, а затем преобразован в Аббатство черных монахов".

[394] Автор книги *"Рассмотренные интересы Шотландии"*, Эдинбург, 1733 г., говорит (стр. xvi.), что с 1727 г. "мы с радостью обратили наши взоры на улучшение наших производств, которое сейчас является общей темой для обсуждения, и это немало способствует его успеху".

[395] Морер, который был в Шотландии в 1688 и 1689 годах, говорит: "Но то, на чем занята большая часть их земель, - это конопля, которой у них огромное количество и на которую они тратят много забот и усилий, чтобы обработать ее и подготовить для производства льна, самого известного и полезного производства королевства". *Краткий отчет Морера о Шотландии*, Лондон, 1702, стр. 3, 4.

[396] 'Отмена в Англии пошлин на шотландский лен привела к тому, что спрос на шотландский лен стал настолько большим, чем обычно, что, казалось, беднякам не хватало работы'. *История союза Англии и Шотландии Де Фо*, стр. 604. Сравните *"Анналы торговли" Макферсона*, том ii, стр. 736: 'потрясающая отдушина не только для Англии, но и для американских плантаций'. Это касается более позднего периода.

[397] "Излишек произведенного льна сверх потребления составлял в 1728 году 2 183 978 ярдов; в 1738 году 4 666 011 ярдов". *"Каледония Чалмерса"*, том i, стр. 873. Об увеличении между 1728 и 1732 годами смотрите Таблицу в *Рассмотренных интересах Шотландии*, Эдинбург, 1733, стр. 97. В работе, опубликованной в 1732 году, утверждается, что 'они производят большое количество льна по всему королевству не только для собственного употребления, но и экспортируют его в Англию и на Плантации. Короче говоря, все женщины имеют работу, от высшей до низшей из них'. *Путешествие Мэкки по Шотландии*, Лондон, 1732, стр. 271. Это относится всего лишь к женщинам Шотландии, которых Мэкки изображает гораздо более трудолюбивыми, чем мужчин.

[398] В 1745 году Крейк пишет лорду Нитисдейлу: 'Нынешняя семья правит нами вот уже тридцать лет, и хотя за столь долгое время они, возможно, впадали в ошибки или совершали проступки (без которых не обходится ни одно правительство?) и все же я брошу вызов самому оптимистичному фанатику, если он найдет в истории период, равный этому, когда Шотландия обладала таким непрерывным счастьем, когда свободой, гражданской и религиозной, так универсально пользовались все люди независимо от вероисповедания — более того, открытые и общепризнанные враги семьи и конституции, или период, когда все слои населения были так надежно защищены в своей собственности. Разве торговля, мануфактуры, сельское хозяйство и дух трудолюбия в нашей стране не распространились в этот период и при этой семье дальше, чем за века до этого?' *"Воспоминания якобитов" Томсона*, Лондон, 1845, том ii. стр. 60, 61.

[399] *"История графства Ренфрю" Кроуферда*, часть ii. стр. 114.

[400] *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том vii. стр. 341, сравнение с томом xii. стр. 176, 177.

[401] *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 483.

[402] *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том xii. стр. 145.

[403] *Там же*. том v. стр. 297.

[404] *"Анналы Абердина" Кеннеди*, том ii. стр. 199, 200.

[405] *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том xvi. стр. 520: 'Около 1750 года'. Вряд ли мне нужно говорить, что некоторые из этих дат, в зависимости от традиции, даются авторами приблизительно.

[406] "В период с 1750 по 1760 год в Шотландии возник большой патриотический энтузиазм, направленный на поощрение искусства и мануфактур; и *Эдинбургское общество* было основано в 1755 году специально для их улучшения'. *История Эдинбургского университета Бауэра*, том iii. стр. 126, 7.

[407] 'Первым окружным банком, который где-либо появился, был банк Абердина, основанный в 1749 году: за ним сразу же последовало аналогичное учреждение в Глазго в том же году'. *Каледония Чалмерса*, том iii. стр. 9, 4то, 1824. Кеннеди (*Анналы Абердина*, 4то, 1818, том ii, стр. 195) говорит: 'Банковское дело было первоначально задумано в Абердине примерно в 1752 году несколькими видными гражданами, которые занимались торговлей и мануфактурой. Они начали бизнес в ограниченном масштабе в офисе на северной стороне Касл-стрит, выпустили от руки банкноты достоинством в пять фунтов и двадцать шиллингов стерлингов, а также векселя со скидкой и простые расписки для удобства населения. 'Неизвестно, знал ли Чалмерс об этом отрывке; но он был более точным автором, чем Кеннеди, и поэтому я отдаю предпочтение его авторитету. Кроме того, Кеннеди туманно говорит: "примерно в 1752 году".

[408] После частых предложений, начиная с Объединения, строительство этого канала было, наконец, начато в 1768 году и завершено в 1790 году. Торговля на нем уже велика и быстро растет.' *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том ii. стр. 279, 280, Эдинбург, 1792. См. также том xii. стр. 125; *"История Дамбартоншира" Ирвинга*, 1860, 4то, стр. 247; и интересное современное замечание в *"Истории Стирлингшира" Ниммо*, Эдинбург, 1777, стр. 468-481. В 1767 году Уатт был нанят геодезистом. См. *"Жизнь Уотта" Мюрхеда*, 2-е издание. Лондон, 1859, стр. 167.

[409] Я процитирую в одном отрывке мнения выдающегося немца и выдающегося шотландца. 'Доктор Шпурцхайм, когда он в последний раз посещал Шотландию, заметил, что шотландцы кажутся ему самой священнической нацией в Европе, не исключая Испанию и Португалию. *Повидавав другие страны, я могу понять силу этого наблюдения.*' *Заметки Джорджа Комба о Соединенных Штатах Северной Америки*, том iii, стр. 32, Эдинбург, 1841.

ГЛАВА IV.

ИССЛЕДОВАНИЕ ШОТЛАНДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Оставшуюся часть этого тома я намереваюсь посвятить попытке еще глубже разгадать этот двойной парадокс, составляющий выдающуюся особенность истории Шотландии. Парадокс состоит, как мы видели, в том факте, что, во-первых, одни и те же люди долгое время были либеральны в политике и нелиберальны в религии; и, во-вторых, что блестящая, пытливая и скептическая литература, которую они создали в восемнадцатом веке, не смогла ослабить их суеверия или привить им более мудрые и масштабные принципы в религиозных вопросах. С самого раннего периода, как я попытался показать, существовало множество обстоятельств, которые предрасполагали шотландцев к суевериям и, до сих пор, имели общую связь с рассматриваемым нами предметом. Но замечательное явление, которым мы непосредственно занимаемся, может, я думаю, быть объяснено двумя различными причинами. Первая причина заключалась в том, что в течение ста двадцати лет после установления протестантизма правители Шотландии либо пренебрегали Церковью, либо преследовали ее, тем самым загоняя духовенство в объятия народа, от которого только они могли получить сочувствие и поддержку. Отсюда союз между двумя партиями, более тесный, чем был бы возможен в противном случае; и отсюда также подъем того демократического духа, который был необходимым следствием такого союза и который духовенство поощряло, потому что ему противостояли высшие классы. До сих пор результат был чрезвычайно благоприятным, поскольку породил любовь к независимости и ненависть к тирании, которые дважды в течение семнадцатого века спасали страну от ига жестокого деспотизма. Но те самые обстоятельства, которые оберегали народ от политического деспотизма, еще больше подвергали его деспотизму церковному. Ибо, не имея никого, кому можно было бы доверять, кроме своих проповедников, они доверяли им полностью и по всем вопросам. Духовенство постепенно стало высшим не только в духовных вопросах, но и в мирских. В конце шестнадцатого века они были рады найти убежище среди народа; до середины семнадцатого века они правили народом. О том, как постыдно они злоупотребляли своей властью и как, поощряя худший вид суеверия, они продлевали царство невежества и останавливали движение общества, будет рассказано в ходе этой главы; но, справедливости ради по отношению к ним, мы должны признать, что религиозное рабство, в которое шотландцы попали в семнадцатом веке, было, в целом, добровольным, и что, каким бы пагубным оно ни было, оно имело, по крайней мере, благородное происхождение, поскольку влияние протестантского духовенства в основном следует приписывать бесстрашию, с которым они служили шотландцам. выступил в качестве лидера народа в период, когда этот пост был полон опасностей, и когда высшие классы были готовы объединиться с короной в уничтожении последних остатков национальной свободы.

Проследить действие этой причины шотландских суеверий будет задачей настоящей главы; в то время как в следующей и заключительной главе я рассмотрю другую причину, о которой я пока почти не упоминал. Это последнее исследование будет включать в себя некоторые соображения, касающиеся философии метода, которая все еще недостаточно оценена среди нас и на которую история шотландского мышления прольет значительный свет. Ибо, как окажется, в течение восемнадцатого века самые способные шотландцы, едва ли без исключения, переняли метод исследования истины, который отрезал их от симпатий их соотечественников и помешал их работам произвести тот эффект, которого они могли бы добиться в противном случае. Результатом было то, что, хотя была выпущена очень

скептическая литература, скептицизм не продвинулся вперед, и, следовательно, суеверия не уменьшились. Высокообразованные умы, действительно, были затронуты; но они образовывали отдельный класс, и между ними и народом не было никаких средств общения. То, что это произошло благодаря методу, который использовали литераторы, я надеюсь доказать в следующей главе; и если мне это удастся, станет очевидно, что я без преувеличения назвал это второй великой причиной распространения шотландских суеверий, поскольку они были достаточно сильны, чтобы помешать интеллектуальным классам выполнять свои естественные функции возмутителей старых мнений.

Мы уже видели, что почти сразу после Реформации между высшими классами и духовными лидерами протестантской церкви возникла неприязнь, и что эта неприязнь усиливалась до тех пор, пока в 1580 году она не дала выход упразднению епископства. Эта смелая и решительная мера сделала брешь непоправимой. Проповедники зашли теперь слишком далеко, чтобы отступать, даже если бы они этого хотели; и с этого момента, сердечно объединившись с народом, они заняли позицию, которую с тех пор никогда не покидали. В течение оставшихся двадцати трех лет, пока Яков находился в Шотландии, они были заняты возбуждением народа против своих правителей; и по мере того, как они становились более демократичными, корона и знать становились все более враждебными и впервые проявили склонность объединяться для защиты своих общих интересов. В 1603 году Джеймс взойшел на английский престол, и борьба началась всерьез. Она длилась, с небольшими перерывами, восемьдесят пять лет, и все это время пресвитерианское духовенство никогда не колебалось; они всегда были верны правому делу, всегда были на стороне народа. Это значительно усилило их влияние; и что еще больше способствовало этому, так это то, что, помимо того, что они были поборниками народной свободы, они были также поборниками национальной независимости. Когда Яков I и два Карла попытались навязать Шотландии епископство, шотландцы отвергли его не только потому, что ненавидели этот институт, но и потому, что рассматривали его как признак иностранного господства, которому они были полны решимости противостоять. Их ближайшим и наиболее опасным врагом была Англия; и они отвергли идею принимать епископов, которые в первую очередь должны были быть рукоположены в Лондоне и которые, несомненно, никогда не были бы допущены в Шотландию, если бы Англия не была более сильной страной. Следовательно, шотландское духовенство в семнадцатом веке боролось против епископата не только на религиозных, но и на патриотических основаниях;^[410] и когда они свергли его в 1638 году, их смелое и решительное поведение ассоциировало в сознании людей любовь к родине с любовью к церкви. Последующие события укрепили эту ассоциацию.^[411] В 1650 году Кромвель вторгся в Шотландию, разгромил шотландцев в битве при Данбаре и поручил Монку обуздать их дух, построив крепости и установив длинную цепь военных постов.^[412] Нация, запуганная и сломленная, уступила дорогу и впервые за три столетия почувствовала давление иностранного ига. Только духовенство оставалось непоколебимым.^[413] Кромвель, который знал, что они были главным препятствием для завершения его завоевания, ненавидел их и делал все возможное, чтобы уничтожить.^[414] Но их власть была слишком глубоко укоренившейся, чтобы ее можно было поколебать. Со своих кафедр они продолжали влиять на людей и воодушевлять их. Перед лицом захватчиков и вопреки им шотландская церковь продолжала проводить свои Генеральные собрания до лета 1653 года. Тогда, действительно, им пришлось уступить грубой силе; и люди, к своему невыразимому горю, увидели, как английские солдаты изгнали уважаемых представителей шотландской церкви с места их собрания и повели их, как преступников, по улицам Эдинбурга.^[415]

Таким образом, после второй половины шестнадцатого века в Шотландии все имело тенденцию повышать репутацию духовенства, выдвигая его на первое место среди защитников своей страны. И было вполне естественно, что духовные классы, оказавшиеся на подъеме, должны были вести борьбу в соответствии со взглядами, обычными для их профессии, и должны были стремиться к религиозным преимуществам, а не к мирским выгодам. Война, которую шотландцы вели против Карла I. В большей степени носила характер крестового похода, чем любая война, когда-либо проводимая протестантской нацией.[416] Главной целью было возвысить пресвитеров и уничтожить епископов. Прелатство было проклято, и его следовало искоренять при любой опасности. По сравнению с этим все остальные соображения были второстепенными.[417] Шотландцы любили свободу и ненавидели Англию. Тем не менее, даже эти две страсти, несмотря на их силу, были ничем по сравнению с их страстным желанием расширять и пропагандировать, если потребуется, острием меча, свое собственное пресвитерианское государство. Это было их первым и первостепенным долгом. Они действительно боролись за свободу, но, прежде всего, они боролись за религию. В их глазах Чарльз был идолопоклонническим главой идолопоклоннической церкви, и эту церковь они были полны решимости уничтожить. Они чувствовали, что их дело свято, и шли вперед, полные уверенности, убежденные, что меч Гедеона обнажен на их стороне и что их враги будут преданы им.

Следовательно, восстание против Карла, которое со стороны англичан было по сути светским,[418] было со стороны шотландцев по сути религиозным. Это было потому, что у нас миряне были сильнее духовенства; в то время как у них духовенство было сильнее мирян. В 1643 году, когда обе нации объединились против короля, было сочтено целесообразным заключить тесный союз; но в ходе последовавших переговоров современный наблюдатель заметил, что, хотя англичане просто желали гражданской лиги, шотландцы требовали заключения религиозного соглашения.[419] И поскольку они продолжают войну только при условии, что это будет предоставлено, англичане были вынуждены уступить. Результатом стала Торжественная Лига и Соглашение, посредством которых между двумя странами был заключен то, что казалось сердечным союзом.[420] Однако такое соглашение было недолговечным, поскольку у каждой партии были разные цели; цель англичан была политической, в то время как цель шотландцев - религиозной. Последствия этого различия вскоре стали очевидны. В январе 1645 года, после начала переговоров с королем, уполномоченные встретились в Аксбридже с целью заключения мира. Попытка провалилась, как и следовало ожидать, учитывая, что не только притязания короля были непримиримы с притязаниями его противников, но и то, что притязания его противников были непримиримы друг с другом. В Аксбридже, во время конференций, шотландцы выразили готовность уступить ему то, что он требовал, если он удовлетворит их в том, что касается Церкви; в то время как англичане, занимаясь гражданскими и политическими вопросами, меньше заботились, по словам Кларендона, о том, что касалось Церкви, чем о чем-либо другом.[421] Вряд ли можно было найти лучшую иллюстрацию светского характера английского восстания по сравнению с духовным характером шотландского восстания. Действительно, шотландцы, отнюдь не скрывая этого, хвастались этим и, очевидно, считали, что это доказывает, насколько они выше своих мирских соседей. В феврале 1645 года Генеральная Ассамблея обратилась с обращением к нации, в котором приняли участие не только те, кто находился дома, но и те, кто служил в армиях за пределами Шотландии. В этом документе, который, исходя из такой точки зрения, неизбежно оказывал большое влияние, политические соображения, как имеющие отношение просто к временному счастью людей,

рассматриваются как незначительные и почти презренные. То, что Руперт потерпел поражение, а Йорк и Ньюкасл были взяты, было всего лишь пустяками. Они были лишь средством достижения цели, и этой целью была религиозная реформа в Англии и установление там чисто пресвитерианского государственного устройства.[422]

Война, начатая с использованием таких священных предметов и задуманная в столь возвышенном духе, должна была находиться под непосредственной защитой Божества, от имени которого она велась. Выражаясь языком того времени, это была война за Бога и за Божью церковь. Каждая одержанная победа была результатом не мастерства генерала и не доблести войск, а была ответом на молитву.[423] Когда битва была проиграна, это было либо потому, что Бог был разгневан грехами людей,[424] либо для того, чтобы показать им, что они не должны полагаться на оружие плоти.[425] Ничто не было естественным; все было сверхъестественным. Весь ход событий определялся не их собственным прошлым, а серией чудес. Чтобы помочь шотландцам, были изменены ветры, а штормы утихли. Такие важные для них сведения часто доставлялись морем; и в таких случаях ожидалось, что, если ветер будет неблагоприятным, вмешается Провидение, переместит его с одной стороны на другую и, когда новости благополучно дойдут, позволит ему вернуться в прежнее русло.[426]

Таким образом, в Шотландии все было направлено на усиление того религиозного элемента, который сила обстоятельств в ранний период выдвинула на первый план и который теперь угрожал поглотить все остальные элементы национального характера. Духовенство было высшим; и привычки мышления, естественные и приличествующие им самим, были распространены среди всех классов. Теории одной профессии перевешивали теории всех других профессий; и не только война, но также торговля, литература, наука и искусство не принимались в расчет, если они не служили общему чувству. Состояние общества, столь узкое и одностороннее, никогда не наблюдалось ни в одной другой столь же цивилизованной стране. Не было и особых шансов ослабить эту странную монополию. По мере продвижения семнадцатого века продолжался тот же ход событий; духовенство и народ всегда выступали заодно против короны и были, в силу необходимости самосохранения, вынуждены вступать в самый тесный союз друг с другом. Этим воспользовались проповедники, чтобы усилить свое собственное влияние; и на протяжении более чем столетия их усилия подрывали всякую интеллектуальную культуру, препятствовали любому независимому исследованию, делали людей в религиозных вопросах пугливыми и суровыми и окрашивали весь национальный характер тем мрачным оттенком, который, хотя сейчас постепенно смягчается, все еще сохраняется.

Шотландцы в семнадцатом веке, вместо того чтобы заниматься жизненными искусствами, совершенствовать свой ум или приумножать свое богатство, проводили большую часть своего времени в так называемых религиозных упражнениях. Проповеди были такими длинными и частыми, что поглощали весь досуг, и все же людям никогда не надоедало их слушать. Когда проповедник однажды поднимался за кафедру, единственным ограничением его болтливости была его сила. Будучи уверенным в терпеливой и благоговейной аудитории, он продолжал так долго, как только мог. Если он выступал в течение двух часов без перерыва, его ценили как ревностного пастыря, который всем сердцем заботился о благе своей паствы; и это было примерно то, что мог сделать обычный священнослужитель, потому что, высказывая свои чувства, он должен был проявлять большую горячность и проявлять свою серьезность, трудясь и обильно потея.[427] Эту границу, однако, часто переходили те, кто был равен лейбористам; и

Форбс, который был энергичен так же, как и словоохотлив, не задумывался о проповеди в течение пяти или шести часов.[428] Но при обычном течении природы такие подвиги были редкостью; и, поскольку люди были в этих вопросах чрезвычайно нетерпеливы, было придумано остроумное изобретение, с помощью которого их желания могли быть удовлетворены. В особо торжественных случаях в одной церкви присутствовало несколько священнослужителей, чтобы, когда один из них уставал, он мог покинуть кафедру и сменить другого, за которым, в свою очередь, следовал третий; терпение слушателей, по-видимому, было неистощимым.[429] Действительно, шотландцы к середине семнадцатого века привыкли смотреть на своего министра снизу вверх, как на бога, и с восторгом внимать каждому слову, слетающему с его губ. Чтобы послушать любимого проповедника, они были готовы на любую усталость и предпринимали длительные путешествия без сна и еды.[430] Их сила внимания была поразительной. Иногда одна и та же паства оставалась вместе по десять часов, слушая проповеди и молитвы, перемежаемые пением и чтениями.[431] В отчете о Шотландии за 1670 год говорится, что в одной церкви в Эдинбурге каждую неделю читалось тридцать проповедей.[432] Это вовсе не маловероятно, учитывая религиозный энтузиазм эпохи. Ибо в те времена люди наслаждались самыми изнуряющими и аскетичными богослужениями. Так, например, в 1653 году, когда совершалось причастие, они придерживались следующего курса. В среду они постились и слушали молитвы и проповеди более восьми часов. В субботу они прослушали две или три проповеди; а в воскресенье количество проповедей было так велико, что они оставались в церкви более двенадцати часов; в то время как, в завершение всего, в понедельник были прочитаны еще три или четыре проповеди в знак благодарения.[433]

Такое рвение и в то же время такое терпение указывают на совершенно необычное состояние общества, которому мы не находим аналогов в истории ни одной цивилизованной страны. Это сильное желание услышать все, что хотели сказать проповедники, само по себе было данью уважения самого лестного рода и, естественно, сопровождалось верой в то, что они были наделены светом, который был скрыт от их менее одаренных соотечественников. Неудивительно, что духовенство, которое ни в одно время и ни в одной стране не отличалось кротостью или неуверенностью в себе, при обстоятельствах, столь в высшей степени благоприятных для их притязаний, было несколько воодушевлено и претендовало на авторитет, даже больший, чем тот, который был им предоставлен. И поскольку это тесно связано с последующей историей Шотландии, необходимо будет собрать некоторые свидетельства, касающиеся их поведения, которые будут иметь дополнительное преимущество, поскольку продемонстрируют истинный характер духовного господства и покажут, как оно действует не только на интеллектуальную, но и на практическую жизнь народа.

Согласно пресвитерианскому государственному устройству, достигшему своего расцвета в семнадцатом веке, приходской священник выбирал определенное количество мирян, на которых он мог положиться и которые под именем старейшин были его советниками, или, скорее, исполнителями его полномочий. Собравшись вместе, они образовали так называемую Кирк-сессию, и этот маленький суд, приводивший в исполнение решения, произносимые с кафедры, пользовался такой поддержкой суеверного благоговения народа, что он был гораздо более могущественным, чем любой гражданский трибунал. С его помощью министр становился верховным. Ибо всякий, кто осмеливался ослушаться его, подвергался отлучению от церкви, лишался своего имущества и, как считалось, навлекал на себя наказание в виде вечных мук.[434] Против такого оружия, при таком состоянии общества, сопротивление было невозможно. Духовенство вмешивалось в личные дела каждого человека, указывало, как он

должен управлять своей семьей, и часто брало на себя личный контроль над его домашним хозяйством.[435] Их приспешники, старейшины, были повсюду; каждый приход был разделен на несколько кварталов, и к каждому кварталу был приставлен один из этих чиновников, чтобы он мог обращать особое внимание на то, что делалось в его собственном округе.[436] Кроме того, были назначены шпионы, чтобы ничто не могло ускользнуть от их надзора.[437] Были проведены обыски не только на улицах, но даже в частных домах, чтобы выяснить, отсутствовал ли кто-либо в церкви во время проповеди священника.[438] К нему все должны прислушиваться, и ему все должны повиноваться. Без согласия своего трибунала никто не может наняться ни в качестве домашней прислуги, ни в качестве полевого рабочего.[439] Если кто-либо вызывал неудовольствие духовенства, они, не колеблясь, вызывали его слуг и заставляли их рассказать все, что им было известно о нем, и все, что они видели совершенным в его доме.[440] Неуважительно отзываться о проповеднике было тяжким преступлением;[441] отличаться от него было ересью;[442] даже пройти мимо него на улице, не отдав ему честь, каралось как преступление.[443] Само его имя считалось священным, и его нельзя произносить всуе. И чтобы она могла быть должным образом защищена и почитаться с должным почетом, Церковное собрание в 1642 году запретило использовать ее в какой-либо общественной газете, если предварительно не было получено согласие святого человека.[444]

Это и подобные судебные разбирательства, поддержанные общественным мнением, увенчались полным успехом. Действительно, вряд ли могло быть иначе, поскольку обычно считалось, что тот, кто воспротивится духовенству, будет подвергнут не только светским наказаниям, но и духовным. За такое преступление полагалось наказание здесь и в будущей жизни. Проповедники охотно поддерживали заблуждение, от которого они извлекали выгоду. Они говорили своим слушателям, что сказанное с кафедры является обязательным для всех верующих и должно рассматриваться как непосредственно исходящее от Божества.[445] Поскольку это утверждение установлено, естественно следуют другие утверждения. Духовенство верило, что только они посвящены в советы Всемогущего и что благодаря этому знанию они могут определить, каким будет будущее состояние любого человека.[446] Идя еще дальше, они заявляли, что обладают властью не только предсказывать его будущее состояние, но и контролировать его; и они не стеснялись утверждать, что своими осуждениями они могут открывать и закрывать царство небесное.[447] Как будто этого было недостаточно, они также сообщили, что одно их слово может ускорить момент смерти и, лишая грешника жизни в расцвете сил, может сразу же привести его к Божьему судилищу.[448]

Какой бы ужасной ни казалась такая претензия сейчас, она была сделана не только безнаказанно, но и с выгодой для себя; и зафиксированы многочисленные случаи, когда люди верили, что она строго соблюдалась. Знаменитый Джон Уэлш, сидя однажды вечером за столом, вокруг которого за ужином собралась компания, начал рассуждать с собравшимися о состоянии их душ. Присутствовавшие слушали со смирением, но из этого общего чувства было одно исключение. Ибо так случилось, что в комнате находился римский католик, и он, конечно же, не согласился с мнением, выраженным пресвитерианским священником. Если бы он был осторожным человеком, то оставил бы свое несогласие при себе; но, будучи вспыльчивым юношей и теряя терпение при виде того, что разговор переходит к одному человеку, он вышел из себя, и не только высмеивал Уэлша, но и корчил ему рожи. Вслед за этим Уэлш приказал компании прислушаться и посмотреть, что Господь собирается сделать с тем, кто насмехается. Едва эта угроза была произнесена, как она была приведена в исполнение. Тот, кто осмелился

пошутить над священником, внезапно упал, нырнул под стол и умер там на глазах у всей компании.[\[449\]](#)

Это произошло в начале семнадцатого века, и, будучи разглашенным за границей, это стало великим ужасом для всех злодеев. Но через некоторое время его действие, по-видимому, ослабло, поскольку примерно сорок или пятьдесят лет спустя другой человек поступил столь же опрометчиво. Кажется, шотландский священник с большой репутацией, мистер Томас Хог, как и Уэлш, сидел за ужином, когда случилось так, что слуги забыли положить ножи. Мистер Хог, сочтя представившуюся возможность благоприятной, заметил, что такая забывчивость не имела значения и что, хотя мы так много думали о наших удобствах здесь, гораздо важнее было подумать о нашем положении в будущем. Присутствующий джентльмен, которого позабавили то ли манеры мистера Хога, то ли умение, с которым он излагал темы своей профессии, не смог сдержаться и разразился бурным приступом смеха. Священника, однако, было не остановить, и он продолжал в такой манере, что смех повторился громче, чем когда-либо. Наконец мистер Хог обернулся и сказал своему веселому товарищу, что очень скоро тот будет просить пощады, но не найдет ее. В ту же ночь насмешнику стало плохо, и он в большой тревоге послал за мистером Хогом. Однако это было бесполезно. Прежде чем священник успел дойти до своей комнаты, грешник лежал мертвый, потерянный и разоренный человек.[\[450\]](#)

Подобные примеры приводились не только в частных домах. Иногда священник обличал правонарушителя с кафедры, и наказание было таким же публичным, как и само преступление. Говорят, что у Гэбриела Сэмпла во время проповеди была странная привычка высовывать язык, и это вызвало веселье пьяного человека, который вошел в церковь и в насмешку тоже высунул язык. Но, к своему ужасу, он обнаружил, что, хотя и может потушить его, не может втянуть снова. Результатом было то, что язык одеревенел; он потерял всякую чувствительность; и, поскольку наступил паралич, человек умер через несколько дней после своего проступка.[\[451\]](#)

Иногда наказание было менее суровым, хотя чудо было столь же заметным. В 1682 году некая женщина взяла на себя смелость отругать знаменитого священника Педена, который по праву считался одним из величайших светочей Шотландской церкви. "Я удивляюсь, - сказал этот выдающийся человек, - я удивляюсь, что у вас язык не болит от такого количества праздной болтовни". Она с негодованием ответила, что никогда не страдала ни от воспаления языка, ни от воспаления рта. Он сказал ей, что скоро будет. И следствием его слов стало то, что ее язык и десны распухли до такой степени, что в течение нескольких дней она не могла принимать свою обычную пищу.[\[452\]](#)

Она спаслась; с другими обошлись более сурово. Священнослужителя прервали посреди проповеди трое джентльменов, вышедших из церкви. Не утверждается, что в их поведении было что-то оскорбительное; но целью их похода было развлечься на какой-нибудь ярмарке или скачках, и священник, без сомнения, думал, что они должны были довольствоваться удовольствием послушать его. Во всяком случае, он был недоволен и после окончания проповеди осудил их поведение и пригрозил им божественным гневом. Его слова запомнились, и, к благоговейному трепету его прихожан, каждое слово было исполнено. Из трехджентльменов все умерли насильственной смертью; один из них сломал шею, упав с лошади, а другой был найден в своей комнате с перерезанным горлом.[\[453\]](#)

Случаи подобного рода были часты в семнадцатом веке; и поскольку в тот легковверный век в них твердо верили и они были широко распространены, власть духовенства была ими укреплена. Лэрд Хилтона однажды осмелился стащить священника с кафедры, которая ему не принадлежала и на которую он незаконно вторгся. 'За оскорбление, которое вы причинили слуге Божьему, - воскликнул разъяренный проповедник, - вы будете приведены в эту церковь, как свинья, которую закололи'. И так оно и было на самом деле. Еще немного, и Хилтон оказался втянутым в ссору, его проткнули насквозь, и его труп, все еще истекающий кровью, внесли в ту самую церковь, где было совершено безобразие.[454]

Даже когда священнослужитель находился в тюрьме, он сохранял ту же власть. Его власть была передана ему свыше, и никакие мирские невзгоды не могли ее ограничить. В 1673 году преподобный Александр Педен, находясь в заключении, услышал, как молодая девушка смеялась над ним за дверью его комнаты, в то время как он был занят теми громогласными молитвами, которыми он прославился. Веселье бедного ребенка дорого обошлось ей. Педен обвинил ее в Божьем суде. В результате этого доноса ветер сдул ее со скалы, по которой она шла, и унес в море, где она быстро утонула.[455]

Иногда месть духовенства распространялась и на невинных отпрысков человека, который их оскорбил. Некий священник, чье имя не сохранилось, столкнулся с противодействием в своем приходе и столкнулся с денежными и другими трудностями. Он обратился за помощью к торговцу, который, будучи богатым, должен был, по его мнению, предоставить ему помощь. Торговец, однако, думал иначе и отказался. После этого священник объявил, что Бог посетит его. В результате его бизнес не только пришел в упадок, но и его разум помутился, и он умер идиотом. У него было два сына и две дочери. Оба его сына сошли с ума. Одна из его дочерей также потеряла рассудок. Другая дочь вышла замуж, и даже ее муж обнищал, а дети от этого брака стали нищими, чтобы это ужасное преступление могло быть наказано третьим поколением.[456]

Преследовать министра в судебном порядке или даже отстаивать свои права против него в гражданском суде было не только рискованно, но и губительно. Примерно в 1665 году на Джеймса Фрейзера в суде был предъявлен иск о взыскании крупной суммы денег, которая, как утверждалось, причиталась из наследства его отца. Как обычно бывает в таких случаях, сторона подала в суд, посчитав, что с ней несправедливо обошлись и что его оппонент не имел права предъявлять иск. До сих пор все было естественно. Но особенность заключалась в том, что Фрейзер, против которого был возбужден иск, был молодым человеком, готовившимся к служению и, следовательно, находившимся под непосредственной защитой Провидения. Такого человека нельзя было мучить безнаказанно; и сам Фрейзер заверяет нас, что Бог специально вмешался, чтобы предотвратить его гибель; что один из его противников не смог явиться в суд, и что Господь, возложив свою руку на остальных, предал их смерти, чтобы все препятствия могли быть немедленно устранены.[457]

Хотя историям такого рода обычно верили, вполне естественно, что возникло мнение, что вмешиваться в дела министра или каким-либо образом вмешиваться в его поведение

опасно.[458] Духовенство, опьяненное обладанием властью, дошло до такой степени высокомерия, что не постеснялось заявить, что всякий, кто уважает Христа, обязан, именно по этой причине, уважать их.[459] Они осудили суды Божьи над всеми, кто отказывался слышать мнения, которые они проповедовали со своих кафедр.[460] Это также не относилось только к лицам, которые обычно составляли их аудиторию. Таково было их тщеславие и так жадны они были до аплодисментов, что не позволили бы даже незнакомцу остаться в их приходе, если бы он тоже не пришел послушать то, что они хотели сказать.[461] Поскольку они приняли пресвитерианскую форму правления, они утверждали, что Всемогущий никогда не упускал случая наказать каждого, кто пытался ее заменить;[462] и поскольку это было совершенством церкви, те, которые были слепы к его достоинствам, были преданы гневу и, действительно, были рабами сатаны.[463] Духовенство, которое придерживалось этого языка, уважая своих оппонентов, исчерпало отборные хвалебные эпитеты в свой адрес и в адрес своих собственных занятий. Когда один из них поднимался за кафедру или брал в руки ручку, казалось, что он не может найти достаточно сильных слов, чтобы выразить свое ощущение исключительной важности того класса, членом которого он сам был.[464] Они одни знали правду; они одни были способны информировать и просвещать человечество. Они получали инструкции непосредственно с небес; фактически, они были посланниками Христа; от Него они получили свое назначение; и поскольку никто другой не мог вознаградить их, никто другой не имел права управлять ими.[465] Поскольку они были посланниками, посланными Всемогущим, их по праву называли ангелами, и долгом людей было слушать своего служителя, как если бы он действительно был ангелом, спустившимся на землю.[466] Следовательно, его прихожане были обязаны не только признавать его и обеспечивать его, но и подчиняться ему.[467] Действительно, никто не мог отказать в послушании, учитывая, кем были священнослужители и какие функции они выполняли. Помимо того, что они были послами и ангелами, они были стражами, которые замечали любую опасность и чья неусыпная бдительность защищала верующих.[468] Они были радостью и восхищением земли. Они были музыкантами, исполнявшими сладостные песни; более того, они были сиренами, которые стремились совратить людей с пути зла и спасти их от гибели.[469] Это были избранные стрелы, хранившиеся в колчане Бога.[470] Они жгли огни и сияли факелами. Без них воцарилась бы тьма; но их присутствие озаряло мир и делало вещи ясными.[471] Поэтому их называли звездами, что также выражало возвышенность их должности и ее превосходство над всеми остальными.[472] Чтобы сделать это еще более очевидным, были удостоены чести чудеса, и иногда можно было видеть странные огни, которые, паря вокруг фигуры священника, подтверждали его сверхъестественную миссию.[473] Профаны хотели пошутить над этими вещами, но они были слишком печально известны, чтобы их отрицать; и был хорошо известный случай, когда после смерти священнослужителя на небосводе чудесным образом появилась звезда, которую видели многие люди, хотя тогда был полдень.[474]

Это не следовало рассматривать как единичный случай. Напротив, обычно случалось, что, когда шотландский священник уходил из этой жизни, это событие сопровождалось знаменами, чтобы люди могли понять, что происходит что-то ужасное и что они несут серьезную, возможно, невозполнимую утрату. Иногда свечи таинственным образом гасли без всякого дуновения ветра и без того, чтобы кто-нибудь прикасался к ним.[475] Иногда, даже когда священник проповедовал, сверхъестественное появление животного возвещало о его приближающемся конце перед лицом прихожан, которые могли тщетно оплакивать то, чего они не смогли предотвратить.[476] Иногда тело святого человека годами оставалось неизменным и

нетронутым; смерть не имела над ним той власти, которую она имела бы над трупом обычного человека.[477] В других случаях ему сообщали о его смерти за годы до того, как это произошло;[478] и, чтобы вселить больший трепет в общественное сознание, было отмечено, что когда умирал один священник, в то же время забирали других, чтобы, поскольку тяжелая утрата ощущалась более широко, люди могли по силе потрясения осознать неоценимую ценность тех проповедников, чьи жизни были счастливо спасены.[479]

Более того, общепринято было считать, что служитель во время своего пребывания в этом мире чудесным образом находился под присмотром и защитой. Он пользовался особым благоволением ангелов, которые, хотя и оказывали добрые услуги всем членам истинной церкви, были особенно добры к духовенству;[480] и было хорошо известно, что знаменитый Резерфорд, когда ему было всего четыре года, упал в колодец и был вытащен ангелом, который пришел туда с целью спасти его жизнь.[481] Другого священнослужителя, имевшего привычку сам проспать, по утрам будили к исполнению своих обязанностей три таинственных стука в дверь, которые, если не производили должного эффекта, повторялись рядом с его кроватью. Эти стуки никогда не прекращались по воскресеньям и в те дни, когда он должен был причащаться; и они продолжались в течение всего его служения, пока он не состарился и не ослабел, когда они полностью прекратились.[482]

Благодаря распространению этих и подобных историй в стране, уже подготовленной к их приему, шотландское сознание прониклось верой в чудесное вмешательство до такой степени, которая была бы совершенно невероятной, если бы это не было засвидетельствовано множеством современных и безупречных свидетелей. Духовенство, отчасти потому, что разделяло всеобщее заблуждение, а отчасти потому, что извлекало из него выгоду, делало все возможное, чтобы усилить суеверие своих соотечественников и познакомить их с представлениями о сверхъестественном мире, параллели которым можно найти только в монашеских легендах средневековья.[483] Ни одному современному читателю до сих пор не известно, как они стремились развратить национальный интеллект и насколько успешны были в этом низменном призвании, потому что ни у кого не хватило терпения ознакомиться с их бесконечными беседами, комментариями и другой религиозной литературой, в которой сохранились их чувства. Поскольку, однако, проповедники были в Шотландии более влиятельными, чем все другие классы, вместе взятые, только сравнивая их заявления с тем, что можно найти в общих воспоминаниях и переписке того времени, мы можем вообще преуспеть в реконструкции истории периода, который для изучающего человеческий разум философа полон большого, хотя и меланхолического, интереса. Поэтому я не стану извиняться за то, что вдаюсь в дальнейшие подробности, касающиеся этих вопросов; и я надеюсь познакомить читателя с такими фактами, которые свяжут прошлую историю Шотландии с ее нынешним состоянием и позволят ему понять, почему столь великий народ во многих отношениях все еще борется во тьме просто потому, что они все еще живут под сенью той долгой и ужасной ночи, которая более века покрывала эту землю. Также окажется, что их жесткость и угрюмость характера, отсутствие у них веселости и безразличие ко многим радостям жизни прослеживаются по той же причине и являются естественным результатом мрачных и аскетических взглядов, привитых их религиозными учителями. Ибо в ту эпоху, как и в любую

другую, духовенство, некогда обладавшее властью, показало себя суровыми и бесчувственными хозяевами. Они держали людей в худшем, чем египетское, рабстве, поскольку порабощали не только тело, но и разум, и не только лишали людей невинных развлечений, но и учили их, что эти развлечения греховны. И они так тщательно выполняли свою работу, что, хотя прошло сто пятьдесят лет с тех пор, как их господство начало ослабевать, отпечаток их рук заметен повсюду. Люди все еще носят следы ударов плетью; память об их прежнем рабстве живет среди них; и они пресмыкаются перед своим духовенством, как делали это в старину, отказываясь от своих прав, жертвуя своей независимостью и поступаясь своей совестью ради диктата нетерпимого и амбициозного духовенства.

Из всех средств устрашения, используемых шотландским духовенством, ни одно не было более эффективным, чем доктрины, которые они выдвигали относительно злых духов и будущего наказания. По этому поводу они постоянно произносили самые ужасные угрозы. Язык, который они использовали, был рассчитан на то, чтобы свести людей с ума от страха и довести их до глубин отчаяния. Мы сейчас увидим, что это часто приводило к таким последствиям и приводило к самым фатальным результатам. И что делало это более эффективным, так это то, что оно полностью гармонировало с теми другими мрачными и аскетическими представлениями, которые насаждало духовенство и в соответствии с которыми удовольствия считались греховными, а страдания - религиозными. Отсюда та любовь к причинению боли и тот восторг от ужасных и отвратительных идей, которые характеризовали шотландский ум в семнадцатом веке. Несколько примеров преобладающих мнений позволят читателю понять характер того времени и оценить ресурсы, которыми могло располагать шотландское духовенство, и материалы, из которых они создавали основу своей власти.

Обычно считалось, что мир наводнен злыми духами, которые не только ходят вверх и вниз по земле, но и живут в воздухе, и чьей работой было искушать и причинять вред человечеству.[484] Их число было бесконечным, и их можно было встретить везде и в любое время года. Во главе их стоял сам сатана, которому доставляло удовольствие появляться лично, заманивая в ловушку или наводя ужас на каждого, кого он встречал.[485] С этим объектом он принимал различные формы. Однажды он посетит землю в образе черной собаки;[486] в другой день в образе ворона;[487] в другой раз его было слышно вдалеке, он рычал, как бык.[488] Иногда он появлялся как белый человек в черной одежде;[489] а иногда он приходил как черный человек в черной одежде, когда было замечено, что у него ужасный голос, что на нем не было обуви и что одна из его ног была раздвоена.[490] Его уловкам не было конца. Ибо, по мнению богословов, его хитрость возрастала с возрастом; и, занимаясь более пяти тысяч лет, он теперь достиг непревзойденной ловкости.[491] Он мог, и он это делал, хватать как мужчин, так и женщин и уносить их по воздуху.[492] Обычно он носил одежду мирянина, но поговаривали, что не раз он нагло наряжался служителем Евангелия.[493] Во всяком случае, в том или ином наряде он часто появлялся перед духовенством и пытался склонить их на свою сторону.[494] В этом, конечно, он потерпел неудачу; но за пределами министерства, действительно, мало кто мог противостоять ему. Он мог вызывать бури; он мог воздействовать не только на разум, но и на органы тела, заставляя людей слышать и видеть все, что он пожелает.[495] Некоторых из его жертв он побудил совершить самоубийство,[496] других совершить убийство.[497] Тем не менее, каким бы грозным он ни был, считалось, что ни один христианин не достиг полного религиозного опыта, если он буквально не видел его, не разговаривал с ним и не сражался вместе с ним.[498] Духовенство постоянно проповедовало о нем и готовило аудиторию к встрече со своим великим врагом. Следствием этого было то, что люди почти обезумели от страха. Всякий раз, когда

проповедник упоминал сатану, ужас был так велик, что церковь оглашалась вздохами и стонами.[499] Нам действительно трудно представить, что представляла собой шотландская община в те дни. Нередко люди, оцепеневшие от благоговейного трепета, приковывались к своим местам из-за охватившего их ужасного очарования, которое заставляло их слушать, хотя их описывают как задыхающихся и со вставшими дыбом волосами.[500] Такие впечатления было нелегко стереть. Образы ужаса остались в памяти и преследовали людей до их домов и в их повседневных занятиях. Они верили, что дьявол всегда и буквально под рукой; что он преследует их, разговаривает с ними и искушает их. Спасения не было. Куда бы они ни пошли, он был там. Внезапный шум, нет, даже вид неодушевленного предмета, такого как камень, был способен оживить ассоциацию идей и воскресить в памяти язык, произносимый с кафедры.[501]

И нет ничего странного в том, что это так. По всей Шотландии проповеди, почти без исключения, строились по одному и тому же плану и преследовали одну и ту же цель. Главной целью было вызвать страх.[502] Духовенство хвасталось, что это была их особая миссия - изгонять гнев и проклятия Господа.[503] В их глазах Божество было не благодетельным существом, а жестоким и безжалостным тираном. Они заявили, что все человечество, за исключением очень небольшой части, обречено на вечные страдания. И когда они приступили к описанию того, что это были за страдания, их мрачное воображение упивалось и злорадствовало при виде перспективы. В картинах, которые они рисовали, они воспроизводили и усиливали варварские образы варварской эпохи. Они с удовольствием рассказывали своим слушателям, что их поджарят на больших кострах и подвешат за языки.[504] Они должны были быть нашпигованы скорпионами и видеть, как их товарищи корчатся и воют вокруг них.[505] Их должны были бросить в кипящее масло и раскаленный свинец.[506] Река огня и серы, шире земли, была приготовлена для них;[507] в нее они должны были быть погружены; их кости, легкие и печень должны были свариться, но никогда не быть съеденными.[508] В то же время черви должны были охотиться на них; и пока они грызли их тела, они должны были быть окружены дьяволами, насмехающимися над их страданиями и развлекающимися ими.[509] Таковы были первые стадии страдания, и они были только первыми. Ибо пытка, помимо того, что была непрекращающейся, должна была постепенно усиливаться. Жестокость была настолько утонченной, что один ад сменялся другим; и, чтобы страдалец не огрубел, его через некоторое время перемещали дальше, чтобы он мог подвергнуться новым мучениям в новых местах, при этом было предусмотрено, что мучения не должны притуплять чувства, но должны быть разнообразными по своему характеру, а также вечными по своей продолжительности.[510]

Все это было делом рук Бога шотландского духовенства.[511] Это была не только его работа, это была его радость и его гордость. Ибо, по их словам, ад был создан до того, как человек пришел в мир; они не постеснялись сказать, что Всемогущий потратил свой предыдущий досуг на подготовку и достройку этого места пыток, чтобы, когда появится человеческая раса, оно было готово к их приему.[512] Однако, какими бы ни были приготовления, их было недостаточно; и ад, будучи недостаточно большим, чтобы вместить бесчисленные жертвы, непрерывно вливаемые в него, в эти последние дни был расширен.[513] Теперь места было достаточно. Но на этом огромном пространстве не было пустоты, ибо все оно сотрясилось от воплей неумирающей агонии.[514] Они сотрясали воздух с ужасным звуком, и во время их пауз происходили другие сцены, если это было возможно, еще более мучительные. Громкие упреки наполнили слух: дети,

упрекающие своих родителей, и слуги, упрекающие своих хозяев. Тогда, действительно, ужас был распространен и распространялся со всех сторон. Ибо, пока ребенок проклинал своего отца, отец, терзаемый угрызениями совести, чувствовал свою собственную вину; и оба, и дети, и отцы, заставляли ад отзываться эхом своих пронзительных криков, корчась в конвульсивной агонии от мучений, которым они подвергались, и зная, что им уготованы другие муки, еще более тяжкие.[515]

Даже сейчас от таких высказываний леденеет кровь, когда мы задумываемся о том, что, должно быть, происходило в умах тех, кто мог заставить себя произнести это. Высказывание таких идей раскрывает характер людей и обнажает их сокровенный дух. Мы содрогаемся, когда думаем о темных и развращенных фантазиях, мстительных замыслах, диких, незаконных и неопределенных мыслях, которые, должно быть, лелеяли те, кто смог объединить и упорядочить различные части этого отвратительного плана. Ни колебаний, ни раскаяния, ни чувства милосердия, кажется, никогда не возникало в их груди. Очевидно, что их представления были хорошо развиты; столь же очевидно, что они наслаждались ими. Они были отмечены единством концепции и подкреплены свежестью и энергичностью языка, что показывает, что они всей душой отдавались своей работе. Но прежде чем это могло произойти, они, должно быть, умерли для таких эмоций, как жалость и нежность. И все же они были учителями великой нации и во всех отношениях самыми влиятельными людьми в этой стране. Люди, легковверные и крайне невежественные, слушали и верили. Мы, находясь на таком расстоянии во времени и живя в другом царстве мысли, можем составить лишь слабое представление о том эффекте, который произвело на них это ужасное тщеславие. Они были убеждены, что в этом мире их постоянно преследует дьявол, и что он и другие злые духи постоянно витают вокруг них в телесном и видимом виде, искушая их и заманивая на погибель. В загробном мире их ожидали самые страшные и неслыханные наказания, в то время как и этим миром, и следующим управляло мстящее Божество, гнев которого невозможно было умиротворить. Неудивительно, что при таких идеях перед ними часто терял рассудок и начиналась религиозная мания, под влиянием которой они в черном отчаянии сводили счеты с жизнью.[516]

Действительно, мало утешения люди могли тогда получить от своей религии. Не только дьявол, как автор всего зла, но даже Тот, кого мы признаем автором всего хорошего, был в глазах шотландского духовенства жестоким и мстительным существом, движимым таким же гневом, как и они сами. Они заглянули в свои собственные сердца и нашли там изображение своего Бога. По их словам, Он был Богом ужаса, а не Богом любви.[517] Ему они приписывали худшие страсти своей собственной сварливой и раздражительной натуры. Они приписывали Ему месть, хитрость и постоянную склонность причинять боль. Хотя они заявляли, что почти все человечество - грешники, у которых нет шансов на искупление, и они действительно обречены на вечную гибель, они не постеснялись обвинить Божество в том, что оно прибегает к хитрости против этих несчастных жертв, подстерегая их, чтобы застать врасплох.[518] Шотландское духовенство учило своих слушателей, что Всемогущий был настолько кровожаден и настолько склонен к гневу, что Он бушевал даже против стен, домов и бесчувственных существ, сея Свою ярость сильнее, чем когда-либо, и сеял опустошение во все стороны.[519] Скорее, чем упустить Свою низменную и злобную цель, Он, по их словам, выпустил бы ангелов-мстителей, чтобы они обрушились на людей и их семьи.[520] Независимо от этого ресурса, у Него были различные способы, с помощью которых Он мог одновременно довольствоваться Собой и изводить Своих

созданий, что было особенно показано в устройствах, которые Он использовал, чтобы навлечь голод на людей.[521] Когда страна голодала, это было потому, что Бог в Своем гневe поразил почву, не дал облакам источать влагу и, таким образом, заставил плоды земли увянуть.[522] Все невыносимые страдания, вызванные нехваткой еды, медленная смерть, агония, всеобщее несчастье, преступления, к которым привело это несчастье, страдания матери, когда она видела, как ее дети чахнут, и не могла дать им хлеба, все это было Его деянием и делом Его рук.[523] В гневе Он иногда наносил ущерб посевам, делая весну такой неурожайной, а погоду такой холодной и дождливой, что это приводило к дефициту грядущего урожая.[524] Или же он обманул бы людей, послав им благоприятный сезон, и, позволив им трудиться и потеть в надежде на обильные запасы, Он бы в последний момент внезапно вмешался и уничтожил кукурузу именно в том виде, в каком она была пригодна для сбора урожая.[525] Ибо Бог шотландцев Кирк был Богом, который мучил Свои создания, а также наказывал их; и когда Его провоцировали, Он сначала соблазнял людей, поощряя их ожидания, чтобы их последующие страдания могли быть более мучительными.[526]

Под влиянием этого ужасного вероучения и неограниченной власти, которой пользовалось проповедовавшее его духовенство, шотландский разум был повергнут в такое состояние, что в течение семнадцатого и части восемнадцатого века некоторые из самых благородных чувств, на которые способна наша природа, чувства надежды, любви и благодарности были отброшены в сторону и заменены диктатом рабского и постыдного страха. Считалось, что физические страдания, которым подвержен человеческий организм, более того, даже сами несчастные случаи, которым мы случайно подвергаемся, происходят не от нашего невежества или беспечности, а от гнева Божества. Если в Эдинбурге случалось вспыхнуть пожару, поднималась величайшая тревога, потому что это был глас Божий, вопиющий против роскошного и распутного города.[527] Если на вашем теле появлялся фурункул или язва, это тоже было божественным наказанием, и было более чем сомнительно, что их можно было законно вылечить.[528] Оспа, будучи одной из самых смертельных, а также одной из самых отвратительных болезней, была специально послана Богом; и по этой причине средство прививки было расценено как нечестивая попытка расстроить Его намерения.[529] Другие расстройства, которые, хотя и были менее ужасными, но были очень болезненными, происходили из того же источника, и все они были обязаны своим возникновением гневу Всевышнего.[530] Во всем проявлялась Его сила, но не в увеличении счастья людей и не в увеличении их удобств, а в причинении им боли и досады всеми возможными способами. Его рука, всегда поднятая против людей, иногда лишала их вина, портя урожай;[531] иногда уничтожал их скот во время шторма;[532] и иногда даже заставлял собак кусать себя за ноги, когда они меньше всего этого ожидали.[533] Иногда Он проявлял Свой гнев, делая погоду чрезмерно сухой;[534] иногда, делая ее такой же влажной. Он всегда наказывал, всегда был занят тем, чтобы увеличить всеобщие страдания, или, выражаясь языком того времени, сделать существо умнее под розгами.[536] Каждая новая война была результатом Его особого вмешательства; это не было вызвано вмешательством глупости или безумных амбиций государственных деятелей, но это была непосредственная работа Божества, которое, таким образом, стало ответственным за все разрушения, убийства и другие преступления, еще более ужасные, которые порождает война.[537] В периоды мира, которые в тот период были очень редкими, у Него были другие средства досаждать человечеству. Потрясение от землетрясения было признаком Его недовольства;[538] комета была признаком грядущего бедствия;[539] и когда появилось затмение, паника была настолько всеобщая, что люди всех рангов спешили в

церковь, чтобы смягчить Его гнев.[540] То, что они там слышали, усилило бы их страх, вместо того чтобы ослабить его. Ибо духовенство учило своих слушателей, что даже такое обычное событие, как гром, должно вызывать благоговейный трепет и было послано с целью показать людям, с каким ужасным хозяином им приходится иметь дело.[541] Следовательно, не трепетать при раскатах грома было признаком нечестия; и в этом отношении человек представлял неблагоприятный контраст с низшими животными, поскольку они неизменно были тронуты этим признаком божественной силы.[542]

Эти посещения, затмения, кометы, землетрясения, раскаты грома, голод, мор, войны, болезни, порча воздуха, неурожай, холодные зимы, засушливое лето и тому подобное были, по мнению шотландских богословов, вспышками гнева Всемогущего на грехи людей; и то, что такие вспышки были непрерывными, неудивительно, если учесть, что в ту же эпоху и согласно тому же вероучению самые невинные и даже достойные похвалы поступки считались греховными и заслуживали наказания. Мнения, высказываемые по этому поводу, не только любопытны, но и чрезвычайно поучительны. Помимо того, что они составляют важную часть истории человеческого разума, они являются решающим доказательством опасности того, что можно позволить какой-то одной профессии превозноситься над всеми другими профессиями. Ибо в Шотландии, как и везде, как только духовенству удалось привлечь к себе больше обычного внимания общественности, они воспользовались этим обстоятельством для пропаганды тех аскетических доктрин, которые, хотя и подрывают основы человеческого счастья, не приносят пользы никому, кроме класса, который их защищает. Этот класс, действительно, вряд ли сможет не извлечь выгоду из политики, которая, усиливая опасения, которым невежество и робость людей делают их слишком подверженными, также усиливает их стремление обратиться за поддержкой к своим духовным наставникам. И чем сильнее были опасения, тем больше было рвение. Шотландское духовенство, которое было совершенным мастером своего дела, хорошо понимало это. Под их влиянием была создана система морали, которая, представляя почти каждое действие греховным, держала людей в постоянном страхе, что они невольно совершат какое-нибудь чудовищное преступление, которое навлечет на их головы сигнальное и суровое наказание.

Согласно этому кодексу, все естественные привязанности, все социальные удовольствия, все забавы и все радостные инстинкты человеческого сердца были греховными и подлежали искоренению. Для матери было греховно желать иметь сыновей;[543] и, если у нее были сыновья, было греховно беспокоиться об их благополучии.[544] Было грехом угождать себе или другим, потому что, избрав любой из этих путей, вы наверняка вызвали бы неудовольствие Бога.[545] Поэтому всех удовольствий, какими бы незначительными они ни казались сами по себе или какими бы законными они ни казались, следует тщательно избегать.[546] Вращаясь в обществе, мы должны были бы назидать компанию, если бы нам был дарован дар назидания; но мы ни в коем случае не должны пытаться развлечь их.[547] От жизнерадостности, особенно когда она переходит в смех, следовало остерегаться; и мы должны выбирать в наши партнеры серьезных и печальных людей, которые вряд ли стали бы заниматься таким глупым занятием.[548] Улыбаться, при условии, что это не смех, иногда разрешалось; тем не менее, поскольку это плотское времяпрепровождение, улыбаться в воскресенье было грехом.[549]

Даже в будние дни те, кто был наиболее проникнут религиозными принципами, почти никогда не улыбались, но вздыхали, стонали и плакали.[550] Истинный христианин должен быть осторожен в своих движениях, сохранять неизменную серьезность, никогда не бежать, а ходить трезво, а не вышагивать быстрым шагом, как это обычно делают неверующие.[551] Точно так же, если он написал другу, он должен остерегаться, чтобы в его письме не было ничего похожего на шутку; поскольку шутки несовместимы со святой и серьезной жизнью.[552]

Более того, неправильно получать удовольствие от красивых пейзажей, ибо благочестивого человека не волнуют такие вещи, которые ниже его достоинства и восхищение которыми следует предоставить необращенным.[553] Невозрожденные могли бы наслаждаться этим тщеславием, но те, кто был должным образом проинструктирован, видели Природу такой, какой она была на самом деле, и знали, что поскольку она в течение примерно пяти тысяч лет постоянно находилась в движении, ее энергия была почти израсходована, и ее первозданная энергия ушла.[554] На невежественный взгляд она все еще казалась красивой и свежей; факт, однако, заключался в том, что она была изношенной и дряхлой; она страдала от глубокой старости; ее тело, утратившее упругость, клонилось набок, и вскоре она должна была погибнуть.[555] Из-за греха человека все становилось хуже, и природа вырождалась так быстро, что лилии уже теряли свою белизну, а розы - свой запах.[556] Небеса старели;[557] само солнце, освещавшее землю, становилось слабым.[558] Грустно было думать об этом всеобщем вырождении; но профаны этого не знали. Их нечестивым глазам все еще нравилось то, что они видели. Таков был результат их упрямой решимости потакать чувствам, все из которых были порочными; глаз был, вне всякого сравнения, самым порочным. Следовательно, оно было особенно обречено на божественное наказание; и, будучи постоянно грешным, оно было поражено пятьюдесятью двумя различными болезнями, то есть по одной болезни на каждую неделю в году.[559]

По этой причине было неприлично заботиться о красоте любого рода; или, говоря точнее, настоящей красоты не существовало. В мире не было ничего, на что стоило бы смотреть, кроме шотландской кирки, которая была несравненно прекраснее всего под небесами.[560] Смотреть на это было законным удовольствием, но любое другое удовольствие было греховным. Писать стихи, например, было тяжким преступлением и заслуживало особого осуждения.[561] Слушать музыку было в равной степени неправильно; ибо мужчины не имели права предаваться такому праздному времяпрепровождению. Следовательно, духовенство запрещало включать музыку даже во время брачных торжеств;[562] они также ни при каких обстоятельствах не разрешили бы национальное развлечение волынщиков.[563] Действительно, было грешно смотреть на любую выставку на улице, даже если ты смотрел на нее только из своего окна.[564] Танцы были настолько греховными, что Генеральная Ассамблея приняла указ, прямо запрещающий их, и зачитывала его в каждой церкви Эдинбурга.[565] Канун Нового года долгое время был периодом ликования в Шотландии, как и в других частях Европы. Церковь также наложила на это свои руки и приказала, чтобы никто не пел обычных в этот день песен и не допускал таких певцов в свой частный дом.[566]

На крестины ребенка шотландцы имели обыкновение собирать своих родственников, включая дальних кузенов, которыми тогда, как и сейчас, они были в большом изобилии. Но это вызывало удовольствие, а удовольствие было греховным. Поэтому это было запрещено; количество

гостей было ограничено; и духовенство осуществляло строжайший надзор, чтобы предотвратить возможность того, что кто-то будет неподобающе счастлив в таких случаях.[567]

Тот же дух проявлялся не только при крещениях, но и при бракосочетаниях. В каждой стране было принято веселиться во время бракосочетаний; отчасти из естественного чувства, а отчасти, возможно, из представления о том, что контракт, столь часто приносящий несчастья, мог бы, во всяком случае, начинаться с веселья. Шотландское духовенство, однако, считало иначе. На свадьбах бедных они не допускали веселья;[568] а на свадьбах богатых было принято, чтобы один из них ходил с явной целью предотвратить излишнее веселье. Едва ли можно было придумать лучшую предосторожность, но они не полагались исключительно на нее. Чтобы обуздать похоти плоти, они, кроме того, учитывали кулинарные особенности, выбор мяса и количество блюд. На самом деле они были настолько щепетильны в этих вопросах и так озабочены тем, чтобы брачный пир не был слишком привлекательным, что установили его стоимость и не позволили ни одному человеку превышать сумму, которую они сочли нужным назвать.[569]

Ничто не ускользало от их бдительности. Ибо, по их мнению, даже самый лучший человек в свое лучшее время был настолько порочен, что его поступки не могли не быть порочными.[570] Он не проходил и дня без того, чтобы не согрешить, и малейший грех заслуживал вечного гнева.[571] Действительно, все, что он делал, было греховным, независимо от того, насколько чисты были его мотивы.[572] Человек постепенно опускался все ниже и ниже и теперь опустился до такой степени унижения, что стал ниже животных, которые погибают.[573] Его чувство вины возникло еще до его рождения, когда он был еще в утробе матери.[574] И когда он вырос, его преступления множились очень быстро; одним из самых отвратительных из них было обучение детей новым словам — ужасный обычай, справедливо наказанный божественным гневом.[575] Это, однако, было лишь одним из ряда бесчисленных и непрекращающихся оскорблений; так что единственным чудом было то, что земля смогла сдержаться при виде отвратительного зрелища, которое представлял человек, и что она не открыла рот, как в древности, и не проглотила его даже в разгар его злодеяний.[576] Ибо было ясно, что во всем творении не было ничего более деформированного и чудовищного, чем он.[577]

В таком случае духовенству надлежало выступить вперед и оградить людей от их собственных пороков, контролируя их повседневные действия и принуждая их к правильному поведению. Это они делали энергично. С помощью старейшин, которые были их орудиями и созданиями их власти, они по всей Шотландии организовались в законодательные органы и в центре своего маленького сената принимали законы, которым народ был обязан подчиняться. Если они откажутся, горе им. Они стали непослушными сынами Церкви и подлежали тюремному заключению, штрафу или порке,[578] или клеймению каленым железом,[579] или покаяться перед всей паствой, смиряя себя, босиком и с подстриженными набок волосами,[580] в то время как слугитель, под предлогом упрека, наслаждался своим триумфом.[581] Все это было вполне естественно. Ибо духовенство было посланцами неба и толкователями его воли. Следовательно, они были лучшими судьями в том, что должны делать люди; и любой, кого они осуждали, был обязан подчиниться со смирением и покаянием.[582]

Произвольные и безответственные суды, которые теперь возникли по всей Шотландии, объединили исполнительную власть с законодательной и выполняли обе функции

одновременно. Заявив, что определенные действия не должны совершаться, они взяли закон в свои руки и наказали тех, кто их совершил. Согласно принципам этой новой юриспруденции, авторами которой были духовенство, для любого шотландца стало грехом путешествовать по католической стране.[583] Для любого шотландского трактирщика было грехом впустить католика в свою гостиницу.[584] В любом шотландском городе было грехом устраивать ярмарку в субботу или в понедельник, потому что оба дня приближались к воскресенью.[585] Для шотландки было грехом прислуживать в таверне;[586] для нее было грехом жить одной;[587] для нее также было грехом жить с незамужние сестры.[588] Было грехом ездить из одного города в другой в воскресенье, какими бы неотложными ни были дела.[589] Было грехом навещать своего друга в воскресенье;[590] также грешно было поливать свой сад,[591] или брить бороду.[592] Такие вещи нельзя было терпеть на христианской земле. Никто в воскресенье не должен обращать внимания на свое здоровье или вообще думать о своем теле. В тот день верховая езда была греховной;[593] так же было гулять в полях, или на лугах, или по улицам, или наслаждаться хорошей погодой, сидя у дверей своего дома.[594] Ложиться спать в воскресенье до того, как закончатся дневные обязанности, тоже было грехом и заслуживало церковного порицания.[595] Купание, будучи приятным и полезным, считалось особенно тяжким преступлением; и никому не разрешалось купаться в воскресенье.[596] На самом деле было сомнительно, разрешено ли христианину купаться в любое время, даже в будние дни, и было несомненно, что однажды Бог выказал Свое неодобрение, отняв жизнь у мальчика, когда он предавался этому плотскому занятию.[597]

Что это грех, чтобы очистить свое тело, может, действительно, были приняты на веру; видеть, что шотландское духовенство выглядело по всем удобствам, как греховные сами по себе, просто потому, что они были в городе.[598] Великая цель жизни состояла в том, чтобы пребывать в состоянии постоянного страдания.[599] Все, что доставляло удовольствие чувствам, подлежало подозрению.[600] Христианин должен остерегаться наслаждаться своим обедом, ибо никто, кроме нечестивых, не получал удовольствия от своей пищи.[601] По справедливости рассуждений, со стороны мужчины было неправильно желать продвинуться в жизни или каким-либо образом улучшить свое положение.[602] Христианам не подходило ни зарабатывать деньги, ни копить их; и даже обладание значительной их частью вызывало возражения, потому что это не только служило человеческим удовольствиям, но и поощряло те привычки к предвидению и обеспечению будущего, которые несовместимы с полной покорностью Божественной воле. Желать большего, чем было необходимо для поддержания собственной жизни, было грехом так же, как и глупостью, и было нарушением подчинения, которым мы обязаны Богу.[603] То, что это противоречило Его желанию, было, кроме того, очевидно из того факта, что Он щедро раздавал богатство скупцам и алчным людям; замечательное обстоятельство, которое, по мнению шотландских богословов, доказывало, что Он не был любителем богатства, иначе Он не раздал бы его таким низким и подлым людям.[604]

Быть бедным, грязным и голодным, проходить жизнь в страданиях и покидать ее со страхом, страдать от нарывов, язв и всевозможных болезней, постоянно вздыхать и стенать, иметь лицо, по которому текут слезы, а грудь вздымается от рыданий, одним словом, постоянно страдать и подвергаться всевозможным мучениям; претерпевать все это считалось доказательством добра, точно так же как противоположное было доказательством зла. Не имело значения, что нравилось мужчине; сам факт того, что ему это нравилось, делал это греховным. Все, что было естественным, было неправильным. Духовенство лишило людей их праздников, их увеселений, их представлений, их игр и спортивных состязаний; они подавили всякое проявление радости,

они запретили всякое веселье, они прекратили все празднества, они перекрыли все пути, по которым могло проникнуть удовольствие, и они распространили по стране всеобщий мрак.^[605] Тогда, поистине, тьма опустилась на землю. Люди в своих повседневных действиях и в самом своем облике стали обеспокоенными, меланхоличными и аскетичными. Их лица омрачились и были подавлены. Не только их мнения, но и их походка, их поведение, их голос, их общий вид находились под влиянием той смертельной порчи, которая уничтожала все, что было добродушным и теплым. Образ жизни превратился в увядший и пожелтевший лист; его краски постепенно становились темнее; его цветение увяло и сошло на нет; его весна, его свежесть и его красота ушли; радость и любовь либо исчезли, либо были вынуждены прятаться в темных уголках, пока, наконец, самые прекрасные и привлекательные стороны нашей природы, постоянно подавляемые, не перестали приносить плоды и, казалось, засохли в вечном бесплодии.

Таким образом, национальный характер шотландцев в семнадцатом веке был принижен и изуродован. Для наций, как и для отдельных людей, гармония и свободное развитие жизни могут быть достигнуты только при смелом и бесстрашном выполнении ее основных функций. Эти функции бывают двух видов; один набор из них увеличивает счастье ума, другой набор увеличивает счастье тела. Если бы мы могли предположить, что человек совершенно совершенен, мы должны были бы считать само собой разумеющимся, что он в высшей степени объединил бы эти две формы удовольствия и извлекал бы как из тела, так и из ума всякое наслаждение, соответствующее его собственному счастью и счастьем других. Но поскольку такого характера не найти, неизменно оказывается, что даже самые мудрые из нас неспособны удержать равновесие; поэтому мы ошибаемся, кто-то чрезмерно потакая телу, кто-то чрезмерно потакая уму. Сравнивая один набор удовольствий с другим, не может быть сомнений в том, что интеллектуальные удовольствия во многих отношениях превосходят физические; они более многочисленны, более разнообразны, более постоянны и более облагораживают; они менее склонны вызывать пресыщение у индивида и приносят больше пользы всему виду. Но на одного человека, который может наслаждаться интеллектуальными удовольствиями, приходится по меньшей мере сотня тех, кто может наслаждаться физическими удовольствиями. Счастье, получаемое от удовлетворения чувств, будучи, таким образом, распространенным на более широкую область и приносящим удовлетворение в каждый данный момент большему числу людей, чем способна другая форма счастья, обладает, по этой причине, важностью, которую многие, называющие себя философами, не желают признавать. Слишком часто философы и спекулятивные мыслители, глупо осуждая такие удовольствия, делали все, что было в их силах, чтобы сократить количество счастья, к которому восприимчиво человечество. Забывая, что у нас есть не только разум, но и тело, и забывая также, что в огромном большинстве случаев тело более активно, чем разум, что оно более могущественное, что оно играет более заметную роль и приспособлено для более значительных достижений, такие авторы совершают огромную ошибку, пренебрегая тем классом действий, к которым девяносто девять человек из каждых ста наиболее склонны и для которых они лучше всего приспособлены. И за совершение этой ошибки они расплачиваются тем, что обнаруживают, что их книги не прочитаны, их системы игнорируются, а их образ жизни принят, возможно, небольшим классом студентов-одиночек, но оторван от того великого мира реальности, для которого он не подходит и в котором он мог бы причинить самый серьезный вред.

Если, таким образом, мы рассмотрим историю мнений в связи с историей действий, то, вероятно, сможем сказать, что аскетические представления философов, такие, например, как

доктрины стоиков, и подобные теории умерщвления плоти, не причинили того вреда, которого можно было ожидать, и не преуспели в сколько-нибудь заметном сокращении существенного счастья человечества. Я полагаю, есть две причины, по которым они потерпели неудачу. Во-первых, эти философы, едва ли за исключением, имели мало реального представления о человеческой природе и, следовательно, были неспособны затронуть те струны и воззвать к тем скрытым мотивам, влиянием на которые один человек перетягивает другого на свою сторону. И, во-вторых, они, к счастью для нас, никогда не обладали авторитетом и, следовательно, не могли ни навязать свою доктрину с помощью наказаний, ни рекомендовать ее с помощью вознаграждений.

Но, хотя философы потерпели неудачу в своих попытках уменьшить удовольствия человечества, есть другая группа людей, которые, предприняв ту же попытку, добились гораздо большего успеха. Я имею в виду, конечно, теологов, которые, рассматриваемые как класс, в каждой стране и в каждую эпоху сознательно противопоставляли себя удовольствиям, необходимым для счастья подавляющего большинства человечества. Воздвигая Бога своего собственного творения, которого они выставляют любителем покаяния, жертвоприношений и умерщвления плоти, они под этим предлогом запрещают наслаждения, которые не только невинны, но и достойны похвалы. Ибо всякое наслаждение, от которого никто не страдает, невинно; и всякое невинное наслаждение достойно похвалы, потому что оно помогает распространять тот дух довольства, который благоприятствует практике доброжелательности по отношению к другим. Теологи, однако, по причинам, которые я уже изложил, культивируют противоположный дух, и всякий раз, когда они обладали властью, они всегда запрещали большое количество приятных действий на том основании, что такие действия оскорбительны для Божества. То, что у них нет никаких оснований для этого, и что они просто потворствуют безапелляционным утверждениям по предметам, относительно которых у нас нет достоверной информации, хорошо известно тем, кто беспристрастно и без предвзятости изучил их аргументы и доказательства, которые они приводят. На этом, однако, мне нет нужды распространяться; ибо, поскольку люди почти с каждым годом и, конечно, с каждым поколением все больше привыкают к последовательным и точным рассуждениям, точно в той же пропорции распространяется убеждение, что теологи исходят из произвольных предположений, для которых у них нет доказательств, кроме как апеллируя к другим предположениям, столь же произвольным и столь же недоказанным. Вся их система основана на страхе, и на страхе худшего рода; поскольку, по их мнению, Великий Творец нашего бытия использовал Свое всемогущество столь жестоким образом, что наделил свои создания вкусами, инстинктами и желаниями, которые Он не только запрещает им удовлетворять, но которые, если они все-таки удовлетворяют, навлекут на себя вечное наказание.

Что богословы для чулана, то священники для кафедры. Богословы воздействуют на прилежных, которые читают; духовенство воздействует на праздных, которые слушают. Видя, однако, что один и тот же человек часто выполняет обе должности, и видя также, что дух и тенденция каждой должности одинаковы, мы можем для практических целей рассматривать эти два класса как идентичные; и, собирая их вместе и рассматривая как единое целое, тот, кто хочет получить всесторонний взгляд на то, что они на самом деле сделали, должен признать, что они были не только самыми злейшими врагами человеческого счастья, но и самыми успешными. В свои высокие и благодатные дни, когда они царили безраздельно, когда легкое верие было всеобщим, а сомнения неизвестными, они поражали человечество всеми возможными способами; предписывая посты, епитимьи и паломничества, обучая своих простых и невежественных жертв всем видам аскезы, уча их пороть свои собственные тела, терзать

собственную плоть и умерщвлять самые естественные из своих appetitов. Таково было состояние Европы в средние века. Таково до сих пор состояние каждой части мира, где духовенство неконтролируемо. Такие аскетические и самоистязательные обряды являются неизбежной проблемой теологического духа, если этот дух не обуздан. Сейчас, в связи с быстрым развитием наших знаний, она постоянно теряет позиции, потому что научный и светский дух вторгается в ее сферу. Поэтому в наше время, и особенно в нашей стране, его самые отталкивающие черты замаскированы, и он вынужден маскировать свое врожденное уродство. Среди нашего духовенства привычка к серьезному и достойному компромиссу заняла место той смелой и пламенной войны, которую их предшественники вели против чувственного и невежественного мира. Их угрозы заметно уменьшились. Теперь они позволяют нам немного удовольствий, немного роскоши, немного счастья. Они больше не призывают нас умерять всякий аппетит и отказываться от любого комфорта. Язык власти покинул их. То тут, то там мы находим остатки древнего духа; но это только среди необразованных людей, обращающихся к невежественной аудитории. Высшее духовенство, которому есть что терять, становится осторожным; и, каким бы ни было их частное мнение, они редко отваживаются на те ужасающие обличения, которыми некогда гремели их кафедры и которые в былые времена заставляли людей сжиматься от страха и унижали всех, кроме того, кем было произнесено обличение.

Тем не менее, хотя многое из этого исчезло, осталось достаточно, чтобы показать, что такое теологический дух, и обосновать веру в то, что ничто, кроме давления общественного мнения, не мешает ему вырваться на свободу в своей прежней экстравагантности. Многие священнослужители упорно нападают на мирские удовольствия, забывая, что не только мир, но и все, что в нем содержится, является делом рук Всемогущего, и что инстинкты и желания, которые они клеймят как нечестивые, являются частью его даров человеку. Им еще предстоит усвоить, что наши аппетиты, являясь такой же частью нас самих, как и любое другое качество, которым мы обладаем, следует потакать, иначе личность в целом не будет развита. Если человек подавляет часть себя, он становится искалеченным и обстриженным. Надлежащий предел потакания своим желаниям заключается в том, что он не должен причинять вреда ни себе, ни другим. За исключением этого, все законно. Это более чем законно; это необходимо. Тот, кто воздерживается от безопасного и умеренного удовлетворения чувств, позволяет некоторым из своих основных способностей бездействовать, и по этой причине его следует считать несовершеннолетним и незаконченным. Такой человек неполноценен; он калека; он никогда не достигал своего полного роста. Он может быть монахом; он может быть святым; но человеком он не является. И сейчас, больше, чем когда-либо, нам нужны настоящие мужчины. Ни в одну предыдущую эпоху не требовалось столько работы, и для выполнения этой работы нам нужны крепкие и энергичные натуры, каждая функция которых выполнялась свободно, без каких-либо препятствий. Никогда прежде жизненная практика не была такой трудной; никогда проблемы, возникающие перед человеческим умом, не были столь многочисленными и сложными. Каждое дополнение к нашим знаниям, каждая свежая идея открывает новые трудности и рождает новые комбинации. Под этим накопившимся давлением мы, несомненно, утонем, если будем подражать легковерию наших предков, которые позволяли ограничивать и ослаблять свою энергию тем пагубным представлениям, которые духовенство, отчасти по невежеству, а отчасти из корысти, во все века подсовывало народу и, таким образом, уменьшало национальное счастье и тормозило продвижение национального процветания.

Точно так же мы постоянно слышим о пагубности богатства и о греховности любви к деньгам; хотя несомненно, что после любви к знаниям нет ни одной страсти, которая принесла бы столько пользы человечеству, как любовь к деньгам. Именно любви к деньгам мы обязаны всей торговлей; другими словами, обладанию всеми удобствами и роскошью, которые наша собственная страна не в состоянии обеспечить. Торговля познакомила нас с продуктами многих стран, пробудила любопытство, расширила наши представления, установив контакт с народами с различными манерами, речью и мышлением, дала выход энергии, которая в противном случае сдерживалась бы и растрачивалась впустую, приучила людей к предприимчивости, предусмотрительности и расчету, более того, научила нас многим искусствам большой полезности и дала нам в распоряжение некоторые из самых ценных средств, с которыми мы знакомы, либо для спасения жизни, либо для уменьшения боли. Всем этим мы обязаны любви к деньгам. Если бы теологи могли преуспеть в своем желании уничтожить эту любовь, все это прекратилось бы, и мы вернулись бы к сравнительному варварству. Сребролюбие, как и все наши аппетиты, подвержено злоупотреблениям; но выступать против него как зла само по себе и, прежде всего, представлять его как чувство, потворство которому вызывает гнев Божий, значит выдавать невежество, естественное, возможно, в прежние века, но постыдное в наше время, особенно когда оно исходит от людей, которые выдают себя за общественных учителей и заявляют, что их миссия - просвещать мир.

Однако, поскольку все это отвечает наилучшим интересам общества, это ничто по сравнению с доктринами, которые ранее отстаивали шотландские богословы. Каковы были их идеи, я показал из их собственных проповедей, чтение которых было самой болезненной литературной задачей, за которую я когда-либо брался, поскольку, в дополнение к ограниченности и догматизму, которые присущи даже лучшим из таких сочинений, в этих произведениях есть черствость сердца, аскетизм характера, отсутствие сочувствия человеческому счастью и ненависть к человеческой природе, которые редко проявлялись ни в одну эпоху и, я рад думать, никогда не проявлялись ни в одной другой протестантской стране. Эти вещи я воскресил из забвения, в котором они были долгое время похоронены, отчасти потому, что это было необходимо для понимания истории шотландского сознания, а отчасти потому, что я хотел показать, какова тенденция теологов, когда эта тенденция неконтролируема. Протестанты, как правило, слишком склонны полагать, что в их вероучении есть нечто такое, что защищает их от тех пагубных излишеств, которые практиковались и, в определенной степени, все еще практикуются в католической церкви. Никогда не было большей ошибки. Есть только одна защита от тирании любого класса; и это дать этому классу очень мало власти. Какими бы притязаниями ни обладала любая группа людей, какими бы плавными ни были их формулировки и какими бы правдоподобными ни были их заявления, они обязательно злоупотребят властью, если большая ее часть будет им предоставлена. Вся мировая история не дает примеров обратного. В католических странах, за исключением только Франции, духовенство пользуется большим авторитетом, чем в протестантских странах. Поэтому в католических странах они приносят больше вреда, чем в протестантских, и их особые взгляды развиваются с большей свободой. Разница зависит не от характера вероучения, а от власти класса. Это очень очевидно в Шотландии, где духовенство, будучи высшим, хотя и было протестантами, подражало аскетическим, асоциальным и жестоким доктринам, которые в католической церкви породили монастыри, посты, бичевание и все другие приспособления к грубому и негениальному суеверию.

Действительно, шотландские богословы в некоторых своих теориях выходили за рамки любой части католической церкви, за исключением испанской. Они стремились уничтожить не только человеческие удовольствия, но и человеческие привязанности. Они считали, что наши привязанности обязательно связаны с нашими похотями и что поэтому мы должны отучать себя от них как от земной суеты.[606] Христианину не было дела до любви или сочувствия. Ему нужно было заботиться о своей собственной душе, и этого было для него достаточно. Пусть он посмотрит на себя. В воскресенье, в частности, он никогда не должен думать о том, чтобы принести пользу другим; и шотландское духовенство без колебаний учило людей, что в этот день грешно спасать судно, терпящее бедствие, и что доказательством религиозности является оставление корабля и команды погибать.[607] Они могли бы уйти; никто, кроме их жен и детей, не пострадал бы, а это было ничто по сравнению с нарушением субботы. Точно так же духовенство учило, что ни в коем случае нельзя давать пищу или кров голодающему человеку, если только его взгляды не ортодоксальны.[608] Зачем ему жить? Действительно, они учили, что вообще терпеть его представления - грех, и что правильным поступком было бы подвергнуть его суровому и немедленному наказанию.[609] Идя еще дальше, они разорвали семейные узы и настроили родителей против своих отпрысков. Они научили отца наказывать неверующего ребенка и скорее убить своего собственного мальчика, чем позволить ему распространять заблуждение.[610] Как будто этого было недостаточно, они попытались искоренить другую привязанность, еще более священную и еще более преданную. Они наложили свои грубые и безжалостные руки на самую святую страсть, на которую способна наша природа, - любовь матери к своему сыну. Они осмелились вторгнуться в это святилище; они вторглись в него своими изможденными и неджентльскими формами. Если мать придерживалась мнения, которое они не одобряли, они без колебаний вторгались в ее дом, забирали ее детей и запрещали ей общаться с ними.[611] Или, если, возможно, ее сын вызвал их неудовольствие, они не были удовлетворены насильственным разлучением, но они старались развратить ее сердце и ожесточить его против ее ребенка, чтобы она могла быть причастна к этому поступку. В одном из таких случаев, упомянутых в записях церкви Глазго, собрание церкви этого города вызвало к себе женщину, просто потому, что она приняла в свой дом собственного сына после того, как духовенство отлучило его от церкви. Они так эффективно воздействовали на ее разум, что заставили ее пообещать, что она не только закроет дверь перед своим ребенком, но и поможет привлечь его к ответственности. Она согрешила, любя его; она согрешила даже тем, что дала ему приют; но, как говорится в протоколе, "она пообещала больше этого не делать и рассказать судьям, когда он придет к ней в следующий раз".[612]

Она пообещала больше так не делать. Она пообещала забыть того, кого родила из своего чрева и вскормила грудью. Она пообещала забыть своего мальчика, который часто забирался к ней на колени, который спал у нее на груди и за чьим нежным телом она ухаживала. Все самые дорогие ассоциации прошлого, все, что может дать или получить самая изысканная форма человеческой привязанности, все, что радует память, все, что озаряет перспективу жизни, - все исчезло, все ушло из разума этой бедной женщины по велению ее духовных учителей. Одним махом все исчезли. Искусство этих людей было настолько сильным, что они убедили мать составить заговор против ее сына, чтобы она могла выдать его им. Они осквернили ее природу, очистив ее от любви. С того дня ее душа была осквернена. Она была потеряна для себя, а также для своего сына. Услышать о таких вещах достаточно, чтобы кровь снова забулжила в жилах и поднялась буря в нашей сокровенной природе. Но видеть их, жить среди них и все же не восстать против них - это для нас совершенно непостижимо и доказывает, в каком полном

рабстве находились шотландцы и насколько основательно были порабощены их умы, а также тела.

Что еще мне нужно сказать? Какие еще доказательства мне нужно привести, чтобы прояснить реальный характер одной из самых отвратительных тираний, когда-либо существовавших на земле? Когда шотландская церковь была на пике своего могущества, мы можем тщетно искать в истории какой-либо институт, который мог бы соперничать с ней, за исключением испанской инквизиции. Между этими двумя существует тесная аналогия. Оба были нетерпимы, оба были жестоки, оба воевали с лучшими сторонами человеческой натуры, и оба уничтожили все остатки свободы вероисповедания. Однако было одно различие, имевшее огромное значение. В политических вопросах Церковь, которая была раболопной в Испании, была мятежной в Шотландии. Следовательно, у шотландцев всегда было одно направление, в котором они могли говорить и действовать с неограниченной свободой. В политике они находили отдушину. Там разум был свободен. И в этом было их спасение. Это спасло их от участи Испании, обеспечив им развитие тех способностей, которые в противном случае оставались бы дремлющими, если бы они действительно не были полностью уничтожены тем долгим и изнуряющим рабством, в котором их держало духовенство и из которого, если бы не это благоприятное обстоятельство, не было бы выхода.

Сноски:

[410] В 1638 году один из самых выдающихся представителей шотландского духовенства пишет: "Наш страх штата Мэн" - "потерять нашу религию, перерезать нам глотки, превратить нашу бедную страну в английскую провинцию, которой отныне и навсегда будет распоряжаться епископ Кентерберийский". *Письма и дневники Бейли*, том i, стр. 66. Сравните стр. 450. 'Эта церковь - свободная и независимая церковь, равно как и королевство - свободное и независимое королевство; и как наши собственные патриоты могут лучше всего судить о том, что служит благу королевства, так и наши собственные Пасторы должны быть лучше всего способны судить, какая форма богослужения подходит нашей Реформации и что больше всего служит благу людей'. Два поколения спустя одним из самых популярных аргументов против Унии было то, что она могла позволить англичанам навязать Шотландии епископство. См. *"Историю союза Англии и Шотландии" Де Фо*, стр. 222, 284, 359. "Опасность Шотландской церкви, исходящая от избирательных прав английских епископов" и проч.

[411] Ненависть, которую шотландцы, естественно, испытывали к англичанам за то, что они причинили им столько страданий, была сильной примерно в середине семнадцатого века, несмотря на временный союз двух наций против Карла. В 1652 году 'криминальная хроника полна случаев убийства английских солдат. Народ убивал их всякий раз, когда представлялась подходящая возможность, и в Шотландии их ненавидели так же сильно, как французских солдат в Испании во время войны на Пиренейском полуострове.' *Сборник Споттисвуда*, том ii. стр. 98, Эдинбург, 1845. См. также стр. 167: "национальная ссора, и не для Стюартов".

[412] *"История высокогорья" Брауна*, том ii. стр. 75-77: "Английская армия была увеличена до двадцати тысяч человек, в нескольких городах возведены цитадели, а по всей стране протянулась длинная вереница военных постов, чтобы обуздать жителей".

[413] Кларендон, под 1655 годом, говорит: "Хотя Шотландия была побеждена и покорена до такой степени, что не нашлось ни места, ни человека, которые хотя бы демонстративно выступили против Кромвеля; который, благодаря правлению Монка, сделал иго очень тяжелым для всей нации; тем не менее проповедники сохранили лицензию на проповедничество; и, более того из-за оскорбления, нанесенного пресвитерианству, а не из-за осознания того, что причитається величеству, многие из них осмелились молиться за короля; и в целом, хотя и тайно, настроили умы людей против нынешнего правительства." *История восстания Кларендона*, стр. 803.

[414] И, что они, должно быть, чувствовали очень остро, он не пошел слушать их проповеди. Писатель того времени сообщает нам, что даже в 1648 году, когда Кромвель был в Эдинбурге, 'он не ходил в их церкви; но постоянно сообщается, что каждый день он читал проповеди в своем доме в луджинджинге, сам будучи проповедником, когда на него сошел дух; что привело его к приступам лихорадки, иногда дважды, иногда трижды в день'. *"Британская смута" Гордона*, стр. 212. В 1650 году, по словам другого современника, 'он устроил во всех церквях конюшни для своих лошадей, когда пришел сюда, и сжег в них все сиденья и скамьи; разгромил дома священников и привел их в смятение'. *"Анналы Шотландии" Бальфура*, том iv. стр. 88. Духовенство, с другой стороны, используя средства, с которыми их профессия всегда была знакома, представляло Кромвеля противостоящим Провидению, потому что он противостоял им. Резерфорд (*Религиозные письма*, переиздано в Глазго, 1824, стр. 346) говорит, что он боролся "против тайных от Господа"; а Роу (*Продолжение автобиографии Блэра*, стр. 335), под 1658 годом, торжествующе замечает: 'В начале сентября этого года Защитник, этот старый лис, умер. Было отмечено, как замечательное проявление божественного провидения, что он умер 3 сентября, которое он, прославляя разгром наших армий при Данбаре и Вустере в тот день, называл своим днем. В тот же самый день Справедливый Судья потребовал от него отчета" и т. Д.

[415] Смотрите современные заметки об этом в *Дневнике Николла*, стр. 110; и в *Дневнике мистера Джона Ламонта из Ньютона*, стр. 56, 57. Но лучший отчет - это тот, что дан Бейли в письме Калами, датированном Глазго 27 июля 1653 года. Он пишет: "Что 20 июля прошлого года, когда наше Генеральное собрание проводилось в обычном месте, подполковник Коттералл окружил церковь несколькими ратями мушкетеров и отрядом лошадей; сам (после нашего поста, во время которого мистер Диксон и мистер Доуглас произнесли две благодатные проповеди) вошел в здание Собрания и сразу же после того, как мистер Диксон, ведущий молитву, потребовал аудиенции; на что он спросил, действительно ли мы собрались там с разрешения парламента Английского Содружества? или о главнокомандующих английскими войсками? или об английских судьях в Шотландии? Ведущий ответил, Что мы являемся Всецерковным синодом, Духовным судом Иисуса Христа, который не вмешивается ни в какие Гражданские дела; что наша власть исходит от Бога и установлена законами страны, которые все еще остаются нераскрытыми; что по Торжественному Соглашению большая часть английской армии была призвана защищать наше Общее Собрание. Когда прозвучало несколько речей такого рода, сказал нам подполковник, его приказом было распустить нас; после чего он приказал всем нам следовать за ним, иначе он вытащит нас из зала. Когда мы начали Протестовать против этого неслыханного и беспримерного насилия, мы встали и последовали за ним; он повел нас всех по улицам на милю от города, окружив нас пешими отрядами мушкетеров и всадниками снаружи; все люди смотрели и скорбели, как на самое печальное зрелище, которое они когда-либо видели. Когда он вывел нас на милю за пределы

тауна, он затем объявил, что у него есть дальнейшее поручение, чтобы мы не осмеливались больше встречаться с кем-либо численностью более трех человек; и что завтра в восемь часов мы должны покинуть таун под предлогом обвинения в нарушении общественного порядка; А на следующий день по звуку трубы нам было приказано покинуть таун под предлогом нынешнего заключения. Таким образом, наше Всеобщее Собрание, слава и сила нашей Церкви на земле, по воле вашего духовного наставника раздавлена и растоптана без малейшей провокации с нашей стороны, в настоящее время, ни словом, ни делом'. *Письма и дневники Бейли*, том iii. стр. 225, 226.

[416] В августе 1640 года армия вступила маршем в Англию; и "было очень приятно отметить, что после того, как мы ночью пришли в другой квартал, во всей армии почти ничего не было слышно, кроме пения псалмов, молитв и чтения Священного Писания солдатами в их отдельных хаттах'. *Избранные биографии*, отредактированные мистером Твиди для Общества Вудроу, том i, стр. 163. 'Самые ревностные из них хвастались, что они пронесут победоносные знамена пакта до самого Рима'. *История Эдинбурга Арно*, стр. 124. В 1644 году знаменитый богослов Эндрю Кант был назначен комиссарами Генеральной ассамблеи "проповедовать на открытии парламента, где он полностью оправдал их ожидания". Ибо главный тезис, к которому он стремился в своей проповеди, состоял в том, чтобы заявить о противостоянии между королем Карлом и королем Иисусом (как он изволил выразиться) и на этой основе оказать сопротивление королю Карлу в интересах короля Иисуса. Можно удивляться, что такая доктрина пришлась по вкусу людям, воспитанным на знании Священных Писаний; и все же таково было безумие того времени, что никто из тех, кто проповедовал публично с начала Смуты, не был так восхищен, как он, этой проповедью'. *Воспоминания Гатри*, стр. 136, 137.

[417] 'Искоренение прелатства и столь очевидно описанной в нем нечестивой иерархии является главной обязанностью'. *Неффалим, или Борьба Шотландской церкви*, стр. 53, 54. Имеется в виду Завет 1643 года. Точно так же продолжатель "*Истории церкви*" Роу, стр. 521, говорит под 1639 годом, что целью войны было 'противостоять прелатической фракции и злобе, поддерживаемой кинджем в его собственном лице'. Сравните вспышку преподобного Сэмюэля Резерфорда против "проклятых и жалких прелатов, первенцев антихриста и первого плода его мерзкого чрева". *Религиозные письма Резерфорда*, стр. 179.

[418] Наша гражданская война не была религиозной; это была борьба между короной и парламентом. Смотрите заметку в "*Истории цивилизации*" Бакла, том i, стр. 359.

[419] В сентябре 1643 года Бейли, составляя отчет о работе Вестминстерской ассамблеи в предыдущем месяце, говорит: 'В наших комитетах также были достаточно жесткие дебаты. Англичане были за гражданскую лигу, мы - за религиозный союз.' Письмо мистеру Уильяму Спангу, датированное 22 сентября 1643 г., в "*Письмах и дневниках Бейли*", том ii. стр. 90.

[420] "Торжественная лига и завет", которая 'запоминается как первый шаг к тесному союзу между королевствами, но, согласно нетерпимым принципам эпохи, федеральный союз был построен на хрупкой и узкой основе религиозного общения'. *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 258, 259. Однако отрывок, который я процитировал в последнем примечании Бейли, показывает, что Англия не была ответственна за нетерпимые принципы или, следовательно, за узкую основу.

[421] Канцлер Шотландии "сделал все возможное, чтобы прийти к выводу", что если король удовлетворит их в делах Церкви, они не будут касаться ни одного из других требований". '... 'И по частным совещаниям с другими комиссарами было достаточно очевидно, что парламент не принимал ни один из спорных моментов менее близко к сердцу и не был менее един в, чем в том, что касалось Церкви.' *История восстания Кларендона*, редактировать. Оксфорд, 1843, стр. 522. См. также стр. 527: "что шотландцы будут настаивать на том, чтобы все управление принадлежало Церкви, и во всех других вопросах будут подчиняться королю".

[422] Смотрите этот необычный документ в *Актах Генеральной Ассамблеи Церкви Шотландии с 1638 по 1842 год*, стр. 122-128, Эдинбург, 1843. Он озаглавлен "Торжественное и своевременное предупреждение дворянам, баронам, джентльменам, берроузам, министрам и палате общин Шотландии; а также армиям за пределами и в пределах этого королевства". В нем (стр. 123) встречается следующий отрывок: "И, со своей стороны, нашим силам, направленным в это королевство во исполнение этого Завета, была оказана столь милостивая и явная помощь и благословение с небес (хотя посреди многих опасностей и невзгод, большой нужды и лишений), и они были столь далеко продвинуты в создании и рассеянии из двух главных армий; сначала маркиза Ньюкасла со своей армией; а затем принца Руперта и его вместе взятых; и к взятию двух сильных городов, Йорка и Ньюкасла, чтобы у нас было, что ответить врагу, который упрекает нас в этом деле, и что может заставить беззаконие само собой заткнуть ей рот. Но *что для нас важнее всех побед или любого временного благословения*, реформация религии в Англии и единообразие в ней между обоими королевствами (основная цель этого Соглашения) продвинулись так далеко, что английский богослужебный устав со Святыми днями и многими другими церемониями, содержащимися в нем, вместе с прелатством, источником всего этого, отменены и отменены постановлением парламента, а также справочник по богослужению во всех трех королевствах, согласованный на Ассамблеях и в парламентах обоих королевств, без возражений ни в одном из них.; управление киркой конгрегационалистскими старейшинами, классическими пресвитериями, провинциальными и национальными собраниями согласовывается Собранием богословов в Вестминстере, которое также проходит голосование и завершается в обеих палатах парламента Англии".

[423] В 1644 году 'Бог внял нашим молитвам в среду: Бальфур и Уоллер одержали славную победу над Фортом и Хоптоном и полностью разгромили их, конных и пеших'. *Письма и дневники Бейли*, том ii. стр. 155. В том же году, когда в Абердине возносили благодарственные молитвы за победу Лесли над Рупертом, "наш служитель мистер Уильям Стратошин провозгласил с кафедры, что эта победа была чудесной, совершенной рукой Божьей'. *История СмутСполдинга*, том ii. стр. 254. В 1648 году члены Генеральной Ассамблеи в обращении к принцу Уэльскому заявили, что Божество 'сражалось за свой народ", подразумевая под своим народом шотландцев. Они добавили, что тот факт, что их враги были отброшены, был доказательством того, "насколько сильно Господь был недоволен их путем'. *Государственные документы Кларендона*, том ii. стр. 424, Оксфорд, 1773, фолио.

[424] Сейчас передо мной два шотландских уведомления о роковой битве при Данбаре. Согласно одному из них, поражение должно было свидетельствовать против 'великого греха и нечестия' народа. *Неффалим, или Борьба Шотландской церкви*, стр. 75. Согласно другой версии, это произошло из-за гнева Божества на шотландцев, проявивших благосклонность к сторонникам Карла. Ибо, говорит преподобный Александр Шилдс, 'и в то время, и с тех пор Господь никогда не одобрял экспедицию, в ходе которой проявлялся такой злобный интерес к

состоянию ссоры. После этого на нашу землю вторгся Оливер Кромвель, который разгромил нашу армию при Данбаре, где гнев Господень, очевидно, возгорелся против нас за то, что мы поддерживали эти интересы.' *Задние лапы Шилдса ослабли*, стр. 75. Эти мнения сформировались после битвы. Перед битвой была выдвинута другая гипотеза. Сэр Эдвард Уокер, который в то время находился в Шотландии, рассказывает нам, что духовенство уверяло людей, что 'у них есть армия святых и что их невозможно победить'. *Журнал событий в Шотландии в 1650 году, в Исторических беседах Уокера*, Лондон, 1705, фолио, стр. 165.

[425] "Каждая новая победа Монтроуза была недвусмысленно приписана предостерегающему "негодованию Господа" против его избранного народа за их грех, за "чрезмерное доверие руке плоти"". *"Жизнь Монтроза" Нейпира*, Эдинбург, 1840, стр. 283. Сравните соображения Гатри, способствующие открытию опасностей, угрожающих религии, стр. 274, 275, переиздано в Эдинбурге в 1846 году. Гатри был на пике своей репутации в середине семнадцатого века. Лорд Сомервилл говорит о шотландцах, когда они вели войну против Карла I., что "для них было обычным делом, переживая всю эту войну, приписывать свой великий успех доброте и справедливости своего дела, пока Божественное Правосудие не подвергло их какому-нибудь жестокому наказанию, и тогда вы, возможно, слышали от них такие слова, что Господу было угодно дать своему народу самую тяжелую ветку дерева, что святые и народ Божий, должно быть, все еще страдают, пока они здесь, вдали; что это злобная партия была Божьим жезлом, чтобы наказать их за неблагодарность" и с. *"Воспоминания Сомервиллов" Сомервилля*, том ii, стр. 351, 352.

[426] Бейли упоминает в 1644 году случай, когда эти ожидания оправдались. Он говорит (*Письма и дневники*, том ii, стр. 138): "Эти вещи были доставлены в очень важный момент милостивым Божьим провидением: никогда еще не было более быстрого перехода от Холи-Айленда до Ярмута за тридцать часов; они не успели бросить якорь и через полчаса, как ветер переменился на противоположный". Сравните, стр. 142: "Если это было в прошлом, мы ищем нового пути и энергии во всех делах, особенно, если Богу будет угодно послать приятный северный ветер, несущий определенные вести о взятии Ньюкасла, которого мы ежедневно ожидаем".

[427] Возможно, никто не продвинулся в этом дальше, чем Джон Мензис, знаменитый профессор богословия в Абердине. "Столь необычным было его рвение за кафедрой, что, как нам сообщают, он "всегда менял рубашку после проповеди и каждую проповедь смачивал слезами две или три салфетки". Примечание в *переписке Вудроу*, том ii, стр. 222. Джеймс Форбс также был "способным и ревностным проповедником, которому после каждой проповеди полагалось менять рубашку, он говорил с такой горячностью и обливался потом". *Избранные биографии*, опубликованные Обществом Вудроу, том i, стр. 333. Лорд Сомервилл, писавший в 1679 году, упоминает 'их громоподобные проповеди'. *Воспоминания Сомервиллов*, том ii, стр. 388. Традиционный анекдот, рассказанный деканом Эдинбургского университета, относится к более позднему периоду, но характерен для класса. Еще одно описание, которое я слышал об энергичном проповеднике, скорее напористом, чем деликатном: "Эх, у нашего священника была великая сила речи, потому что он хватал, и плевался, и шлепал, как мишиф". *Воспоминания о шотландской жизни и характере*, Э. Б. Рамзи, декан Эдинбургского университета, стр. 201.

[428] Он 'был очень образованным и благочестивым человеком; у него была странная способность проповедовать по пять-шесть часов за раз'. *История Бернета его собственного времени*, том i, стр. 38. Даже в начале восемнадцатого века, когда теологический пыл начал спадать, а проповеди, следовательно, стали короче, Хью Томсон приблизился к Forbes. 'Он был самым длинным проповедником, которого я когда-либо слышал, и проповедовал бы четыре (или) пять часов, а обычно не меньше двух часов; этого ожидали почти все'. ... 'Он был благочестивым, хорошим человеком и пылким, любящим проповедником, и, когда я его слушал, у него было много голов и много материи, и в целом он был очень хорош и практичен, но очень длинный'. *Анализ Водрова*, том iv. стр. 203.

[429] В 1653 году Ламонт небрежно упоминает в своем дневнике, что "один сошел с кафедры, а другой ушел вп, в то время как после первой проповеди пели псалом, так что перерыва в упражнении не было, и люди были распущены до окончания обеих проповедей'. В *Дневнике мистера Джона Ламонта из Ньютона*, стр. 58. Бернет (*История его собственного времени*, том i, стр. 92) говорит: "Я помню, что в один постный день было прочитано шесть проповедей без перерыва. Я сам был там и немало устал от столь утомительной службы.

[430] Когда Гатри проповедовал в Фенвике, "его церковь, хотя и большая в сельской местности, была переполнена каждую субботу, и очень много людей из отдаленных приходов, таких как Глазго, Пейсли, Гамильтон, Ланерк, Килбрайд, Гласфорд, Стратхейвен, Ньюмиллс, Эгельшем и многих других мест, которые жаждали проповедовать чистое Евангелие и получали пищу по слову его служения. Обычно они приезжали в Фенвик в субботу и проводили большую часть ночи в молитвах Богу и беседах о великих заботах своих душ, посещали публичное богослужение в субботу, посвящали остаток этого святого дня религиозным упражнениям, а затем в понедельник отправлялись домой за десять, двенадцать или двадцать миль, нисколько не жалуясь на долгий путь, нехватку сна или других напитков; при этом они не чувствовали себя менее подготовленными ни к каким другим делам в течение недели.' *Биография Шотландца Хоуи*, 2-е изд., Глазго, 1781, стр. 311. Одна женщина проехала сорок миль, чтобы послушать проповедь Ливингстона. Смотрите ее собственное заявление в *Аналитической статье Уодроу*, том ii. стр. 249.

[431] Сполдинг дает следующий отчет о том, что произошло в Абердине в 1644 году. Итак, однажды в Старом Абирдене, семнадцатого июля, мы постились, вошли в церковь найн гурий и продолжали молиться и молиться до тех пор, пока не появятся туа гурии. После проповеди люди все еще сидели, слушая рейдинга, пока не началась и не закончилась проповедь эфтернона, которая продолжалась до получаса до секса. Затем молитвенный колокол зазвонил к вечерней молитве, и так продолжалось до семи.' *История смуты Сполдинга*, том ii. стр. 244, изд. Эдинбург, 1829, 4то. См. также стр. 42: 'люди весь день посещают церковь'. Это также было в Абердине в 1642 году.

[432] 'Теперь с одной кафедры они читают тридцать проповедей в неделю, и все под одной крышей'. *Современный отчет о Шотландии*, в *Сборнике Харлея*, том vi. стр. 138, изд. Парк, Лондон, 1810, 4 ч.

[433] 'Но там, где большая часть была более звучной, они придали таинству новую и необычную торжественность. В предыдущую среду они провели постный день с молитвами и проповедями в течение примерно восьми или десяти часов вместе; в субботу у них было две или три подготовительные проповеди; а в день Господень их было так много, что в некоторых местах

акция продолжалась более двенадцати часов; и все закончилось тремя или четырьмя проповедями в понедельник на день благодарения. ' *История Бернета его собственного времени*, том i, стр. 108.

[434] "Власть этих заседаний кirk-сешнз, которые в настоящее время являются частными собраниями, к собраниям и разбирательствам которых общественность не проявляет никакого интереса, определяется как осведомленность о приходских делах и скандальных случаях; но в шестнадцатом и семнадцатом веках, особенно во время правления ковенантского террора после начала гражданской войны против Карла I., заседания кirk-сешнз Шотландии были источники чрезмерной тирании и угнетения были произвольными, инквизиторскими и мстительными до такой степени, что в это невозможно поверить. Автор "Мемуаров Лохейла" справедливо утверждает: "В каждом приходе был тиран, который заставлял величайшего лорда в своем округе унижаться перед своей властью. Церковь была местом, где он держал свой двор; кафедра - его трон или трибуналом, откуда он издавал свои ужасные указы; и двенадцать или четырнадцать угрюмых невежественных энтузиастов, носивших титул Старейшин, составляли его совет. Если кто-либо, какого бы качества он ни был, осмеливался ослушаться его приказов, против него немедленно оглашался ужасный приговор об отлучении от церкви, его имущество конфисковывалось, а на него самого смотрели как на фактически находящегося во владении дьявола и безвозвратно обреченного на вечные муки ". " Введение в *Реестр Кирк-Сешнеров Перта*, в *Сборнике Споттисвуда*, том ii. стр. 229-230, Эдинбург, 1845. Что касается гибели, которую должен был повлечь за собой приговор об отлучении от церкви, то один из самых влиятельных шотландских богословов того времени просто выражает преобладающее мнение, когда утверждает, что тот, кто был отлучен от церкви, тем самым был предан сатане. 'То, что о том, кто отлучен от церкви, действительно можно сказать, что он предан Сатане, неоспоримо". "*Расцвет жезла Аарона*" *Гиллеспы, или Божественное постановление церковного правления подтверждено*, 1646, 4то, стр. 239. "Отлучение, которое представляет собой исключение члена Церкви из Церкви, посредством чего Сатана получает власть над ним". Там же. стр. 297. "О том, что я отлучен от церкви, действительно можно сказать, что я предан Сатане". стр. 424.

[435] Кларендон под 1640 годом решительно заявляет (*История восстания*, стр. 67): 'Проповедник порицал мужа, управлял женой, наказывал детей и оскорблял слуг в домах величайших людей'. Теория заключалась в том, что 'служители и старейшины должны быть подчинены нам как отцы'. *Исследование Шилдса о церковном общении*, 2-е изд., Эдинбург, 1747, стр. 66. В середине семнадцатого века один из самых известных шотландских проповедников открыто заявил о праве своей профессии вмешиваться в семейные дела на том основании, что таков был обычай во времена Иисуса Навина. 'Служителям дома Божьего вверено не только служение святыням, таким как Слово и Таинства, но и власть церковного правительства наводить порядок в связи со скандальными правонарушениями внутри семьи; и то, и другое здесь обещано Иисусу Навину и священникам'. "*Изложение малых пророков*" *Хатчисона*, том iii. стр. 72, Лондон, 1654. В 1603 году пресвитерия Абердина взяла на себя обязательство распорядиться, чтобы каждый хозяин дома держал розгу, чтобы его семья, включая слуг, могла быть избита, если они будут использовать неподобающие выражения. ' Напрашивается вывод, что у таир салбе в звери есть ладонь. *Выдержки из протоколов сессии Кирки, Пресвитерии и Синода Абердина*, напечатанные для Клуба Сполдинга, 4то, Абердин, 1846, стр. 194. Также выясняется (стр. 303), что в 1674 году священнослужитель должен был осуществлять надзор за всеми посетителями частных домов; поскольку он должен был быть

проинформирован, 'если это лицо, принятое в семье без свидетельства, представленного министру'.

[436] В 1650 году было приказано, "чтобы каждый старейшина был разделен на несколько кварталов, а каждый старейшина - на свой квартал, за которым он должен проводить специальную инспекцию, и чтобы каждый старейшина посещал свой квартал по крайней мере раз в месяц, согласно акту Генеральной ассамблеи 1649 года, и в таире". посещающий должен обращать внимание на все нарушения порядка при ходьбе, особенно на пренебрежение богослужением в своих семьях, на суарери, на привидения во всех домах, особенно во внеплановое время, на долгое сидение за столом и на здоровое питье; и чтобы он распространял это на Сеансы. ' *Выдержки из протоколов Синода Файфа*, напечатанные для клуба Эбботсфорд, Эдинбург, 1837, 4то, стр. 168. ' Старейшины, каждый в своем квартале, за то, что испытывали нравы людей. *Правительство и орден Церкви Шотландии*, Эдинбург, 1690, стр. 14. Этот небольшой томик перепечатан с издания 1641 года. Смотрите рекламу в начале.

[437] В 1652 году на заседании Кирки Глазго брат бойс и слуги до них были обвинены в нарушении субботы и других проступках. У них были тайные цензоры, и некоторым они давали деньги на эти цели.' *Коллекции Уодроу*, том ii. часть ii. стр. 74, Глазго, 1848, 4 т.

[438] "Было бы целесообразно, чтобы ане байи с членами сессионного совета посещали город каждый субботний день и не обращали внимания на то, что они обнаруживают отсутствие проповедей в церкви или вообще ни одной; и для этого, чтобы их родители и *серше-так* *называемые дома, как они думают*". *приходи ко мне* и выйди на улицу. *Выдержки из протоколов сессии Кирки, Пресвитерии и Синода Абердина*, стр. 26. "Разрушить таун, чтобы заставить людей прибегать к проповедям". стр. 59. "Объединиться, чтобы разрушить таун в обычные праздничные дни в штате Вайк, также как и в субботний день, чтобы заставить людей прибегать к проповедям". стр. 77. См. также стр. 94; и *Сборники Вудроу*, том ii. часть ii. стр. 37: "Сессия разрешила поисковикам заходить в дома и задерживать отсутствующих в церкви".

[439] "Другой особенностью был надзор за передвижениями людей до такой степени, что они не могли ни *получить жилье, ни работу* иначе, как по лицензии Кирк-Сейшн, или, бросив вызов этому полицейскому суду, подвергнуть себя штрафу и тюремному заключению'. *Книга Лоусона о Перте*, стр. xxxvii. Эдинбург, 1847.

[440] В 1652 году сэр Александр Ирвин возмущенно пишет, что пресвитерия Абердина, "когда они испробовали множество способов, в том числе в вайне, чтобы сделать вероятным это их воображение в вайне, они, наконец, когда все другие способы потерпели неудачу, посредством непревзойденного варварства, заставил моих серванди клятвенно подтвердить то, что они видели, изучали или знали о том, что делалось в моем доме, дальше чего не могла проникнуть никакая турецкая инквизиция.' *Сборник Сполдинг-клуба*, том iii. стр. 206, Абердин, 1846, 4-е издание.

[441] В 1656 году было приказано привести служанку на заседание Кирки абердина "за то, что она повторила слова мистера Эндрю Канта, министра, сказав, что из-за того, что упомянутый мистер Эндрю спак снова обратился к вам, он назвал себя старым дураком'. *Выдержки из протоколов сессии Кирки, Пресвитерии и Синода Абердина*, стр. 138. В 1642 году пресвитерия Ланарка арестовала некоего Джеймса Бейли, потому что он изложил чрезвычайно вероятное обстоятельство: "эти два дурака встретились вместе, когда встретились священник и его сын'.

Выдержки из реестров пресвитерии Ланарка, напечатанные для клуба Эбботсфорда, Эдинбург, 1839, 4то, стр. 30.

[442] В 1644 году: 'Если вы расходитесь с ними в богословских догматах, это ересь'. *Выставка пресвитерии, 1644, стр. 39, переиздано в Лондоне, 1663, 4то. В 1637 году: "Если вы хоть на волос отступите от того, чему Я вас учил, из страха или благосклонности людей, или из желания удобства в этом мире, я беру небо и землю в свидетели, что в конце концов вас постигнет зло". Религиозные письма Резерфорда, стр. 116. В 1607 году 'мистер Уильям Каупер, священник, пожаловался Роберту Кейру на то, что тот пренебрежительно отзывался о его доктрине. Сессия (Кирка) предписала ему быть предупрежденным на завтра". Книга Лоусона о Перте, стр. 247.*

[443] В 1619 году мужчина был вызван на заседание Кирки в Перте, потому что, среди прочего, он не выполнил "этот гражданский долг приветствия, как подобает ему по отношению к своему пастору"; но "прошел мимо него, не проявив никакого почтения'. *Хроника Перта, Эдинбург, 1831, 4то, стр. 80. Жалоба была подана самим министром. Действительно, шотландское духовенство приняло эти вещи так близко к сердцу, что выдвинуло теорию о том, что всякий, кто проявил к ним хоть малейшее неуважение, был побужден к этому сатаной. 'Это великая машина сатаны - побуждать людей презирать Бога и его слово под предлогом неуважения и предубеждения только к Посланникам'. ... 'Возможно, это позволит нам увидеть вину тех, кто презирает самых выдающихся обычных Посланников'. "Изложение малых пророков" Хатчесона, том i. стр. 205, 233.*

[444] Генеральная ассамблея Сент-Эндрюса в 1642 году приняла 'закон, запрещающий использование имен министров в любых публичных газетах без их собственного согласия'. *История церкви Шотландии Стивенсона, стр. 503.*

[445] 'Указания для хождения верующего, данные служителями Христа из его слова, являются его собственными и учитываются им так, как если бы он непосредственно произнес их сам'. *Изложение Песни песней Соломона Даремом, стр. 102. Цитирую по переизданию в Глазго 1788 года. Чтобы мои ссылки можно было легко проверить и обнаружить любую ошибку, если таковая имеется, я упоминаю, что точное используемое издание в каждом случае будет указано в списке авторов в начале этой работы. Но, если это придаст читателю дополнительную уверенность, я рискну заметить, что я всегда скрупулезно обращаюсь к цитатам, просматривая каждый отрывок заново, по мере того как листы выходили из рук печатника. Некоторые обстоятельства, описанные в этой главе, настолько чудовищны, что, надеюсь, меня извинят за то, что я приложил все возможные усилия для обеспечения их буквальной точности.*

[446] "Да, таково было их высокомерие, что, как будто они были посвящены в советы Бога или вершителей его мести миру, они осмелились высказать свое мнение об их будущем состоянии и обрекли их, как тело, так и душу, на вечные муки". *"Воспоминания Уишарта о маркизе Монтроузе", стр. 237. 'Вы слышали обо мне весь совет Божий. Религиозные письма Рутерфорда, стр. 16. "Я свободен от крови всех людей; ибо я передал вам весь совет Божий". Там же. стр. 191. 'Это великое дело служителей Евангелия - провозглашать весь замысел Божий'. Великая забота Халибертона о спасении, стр. 4. "Утверждая, что он изложил весь совет Божий и ничего не утаил". Жизнь преподобного А. Педена, стр. 41, в первом томе Пресвитерианской биографии Уокера.*

[447] "Служителям церкви дана власть ключей, с помощью которых не только проповедью слова, но и церковными порицаниями (sic) они открывают и закрывают царство небесное". *Победа истины Диксона над заблуждением*, стр. 282. 'Проповедовать Слово, оспаривать, обличать, увещевать, наставлять и исправлять, и это при не меньшем участии пейна, чем бросить и тело, и душу в вечный адский огонь'. *Официальные записи Форбса, касающиеся имущества Кирка*, стр. 519. Следующие слова: "Все, что вы свяжете на Земле, будет связано на Небесах", были обращены к Апостолам, а через них - к другим Служителям Иисуса Христа". *"Расцвет жезла Аарона" Гиллеспи*, стр. 366. 'Ключи Царства Небесного'... 'хранятся и вверяются пасторам и другим руководящим чинам Церкви'. Там же. стр. 260.

[448] "Препояшьте чресла вашего разума и приготовьтесь ко встрече с Господом; Я часто призывал вас, и теперь я призываю вас снова, чтобы предстать перед вашим Судьей и подвести итог вашей жизни". *Религиозные письма Рутерфорда*, стр. 235. 'Мистер Камерон, немного поразмыслив, сказал: "Вы и все, кто не познал моего Бога в милосердии, познаете его в его судах, которые через несколько дней обрушатся на вас внезапно и неожиданно; и я, как посланный слуга Иисуса Христа, чье поручение я несу и чей знак ношу на груди, предупреждаю вас и предоставляю вас правосудию Божьему". Соответственно, через несколько дней упомянутый Эндрю, будучи в полном здравии, обильно позавтракал, и прежде чем он встал, у него началась рвота, и кровь из его сердца попала в тот самый сосуд, из которого он принял свой завтрак; и умер самым ужасным образом.' *Шотландская биография Хоуи*, стр. 406.

[449] "Сидя за ужином с лордом Очилтри (который приходился дядей жене мистера Уэлша), он, несмотря на все свои манеры, развлекал компанию благочестивыми и назидательными речами, которые были хорошо приняты всей компанией, за исключением только одного распущенного молодого джентльмена папистского толка, который иногда смеялся, а иногда издевался и корчил рожи; после чего мистер Уэлш удалился в печальный резкий призыв ко всей компании хранить молчание и наблюдать за работой Господа над этим нечестивым пересмешником, которую они вскоре увидят; после чего нечестивый негодяй немедленно упал и умер под столом, но больше к жизни не вернулся, к великому изумлению всей компании." *История мистера Джона Уэлша, Евангелического служителя в Эйре, в Избранных биографиях*, т. i., стр. 29. 'Мистер Уэлш, находясь рядом с капитаном, сидевшим в верхнем конце, развлекал собравшихся серьезной и назидательной речью, которую все были рады услышать, за исключением этого молодого паписта, который со смехом и насмешками старался заставить его замолчать, на что мистер Уэлш мало обращал внимания. Но после ужина, когда гости немного насытились, этот юноша встал с нижнего конца стола, и пока мистер Уэлш переходил от серьезности к любезному угощению своей компании, юноша дошел до того, что стал показывать на него пальцем и корчить презрительные гримасы, чем огорчил святого человека, так что тот внезапно был вынужден замолчать. Вся компания, слушавшая его с восторгом, молчала вместе с ним. Вскоре мистер Уэлш, движимый духом Божьим, разразился такими словами: "Джентльмены, дух Божий настроен против нас, и я умоляю вас не бояться увидеть, что Бог совершит среди вас, прежде чем вы встанете из-за стола, ибо он поразит некоторых из вас смертью, прежде чем вы уйдете отсюда". Все были молча поражены, со страхом ожидая решения проблемы. И в то время как каждый человек боялся самого себя, за исключением дерзкого юноши, он внезапно упал замертво в конце стола, чтобы показать силу Божьей ревности против насмешников над его Духом и дарованиями его благодати.'" *Исполнение Священного Писания" Флеминга*, стр. 374, 375.

[450] “Когда они сели ужинать, кажется, забыли ножи; и когда слугу отчитали, мистер Хогг сказал, что в этом нет ничего страшного, потому что у него был нож в кармане, и он был необходимым спутником для трудящегося; и, поскольку он использовался по любому поводу, он воспользовался случаем, чтобы завести духовную беседу”. из него: “Если мы так заботимся о приспособлениях на нашем пути сюда, то какую осторожность нам следует проявлять в нашем духовном путешествии!” и тому подобное; над чем фактур слегка посмеивается. Мистер Хогг, нахмурившись, посмотрел на него и продолжил свою речь. Через некоторое время, по тому или иному поводу, он расхохотался еще громче, и мистер Хогг немного остановился, и очень строго посмотрел ему в лицо, и продолжил свою речь о дарованной милости Божьей; и, услышав то или иное выражение лица, этот человек очень громко расхохотался и осыпался бранью; на что мистер Хогг остановился и направил свою речь к нему с такой целью: “Алас!” - говорит он, - “Моя душа огорчена тем, что я должен сказать вам, сэр, и я принужден и принужден духом сказать это, и ничего не могу с этим поделать. Сэр, вы можете пренебрегать милостью Божьей и насмехаться над ней; но я говорю вам, во имя Господа, что наступает время, и это очень скоро, когда вы (будете) искать предложения милости, но не найдете его!” На что мужчина встал, смеясь и ругаясь, и пошел в свою комнату. Когда он ушел, леди спросила мистера Хогга, что, по его мнению, с ним может случиться? Он ответил, что знает не больше, чем сказал, и что он был вынужден сказать это вопреки своему желанию; и он не мог смириться с некоторыми из этих впечатлений, которые он иногда испытывал, и после того, как Провидение прояснит, и это вскоре; но что это было, когда и где, он не знал. Этот человек сказал кому-то из слуг, что фанатичный священник наложил на него проклятие, но он не ценил ни его, ни это проклятие. После того, как мистер Хогг побыл некоторое время с леди, он отправился в свою комнату; и после того, как он, по своему обыкновению, провел некоторое время в молитве, он снял одежду, и как раз в тот момент, когда он ложился в постель, приходит слуга, стучит в дверь и кричит: “Ради Бога, мистер Хогг, зайдите поскорее в комнату директора!” Он как можно быстрее надел свою одежду и вернулся, но негодяй был мертв прежде, чем он добрался до него!” *Аналекта, или Материалы для истории замечательных провидений, в основном относящиеся к шотландским священникам и христианам*, преподобный Роберт Водроу, том i. стр. 265, 266. Сравните “Жизнь мистера Томаса Хогга” в “Биографии Хоуи”, стр. 543, где приводится версия, немного отличающаяся, но по сути та же.

[451] ‘Он рассказывает мне, что, находясь на Юге страны, он услышал эту историю о Геддарте’ (то есть Джеббурге), в которой никто не сомневался: ‘Мистер Гэбриэл Сэмпл приобрел привычку, когда говорил и проповедовал, высовывать язык и очень часто облизывать губы. Был феллу, который обычно подражал ему, в насмешку; и однажды, в драконьем заговоре, он подражал ему и высунул язык; и он стал жестким и бессмысленным, и он не мог втянуть его снова, но был окрашен в черный цвет. Это дополнение настолько странное, что я хотел бы получить подтверждение из других рук.’ *Анализ Водрова*, том ii. стр. 187.

[452] “Примерно в то же время, переходя Дуглас-уотер очень глубоко вброд”, (он) “подошел к тамошнему дому; добрая хозяйка дома настояла (поскольку большинство женщин не держат уздечку) на том, чтобы отчитать его; это заставило его встревожиться и сказать: “Я удивляюсь, что у тебя язык не болит от такого количества праздного стука”. Она сказала, что за всю мою жизнь у меня никогда не болел язык или рот. Он сказал, что это ненадолго. Соответственно, ее язык и слизистые оболочки распухли так, что она не могла есть мясо в течение нескольких дней.’ *Отчет о жизни и смерти мистера Уолтера Смита*, стр. 93, в томе II. из “Пресвитерианской биографии” Уокера.

[453] "Я слышал от леди Генриетт Кэмпбелл, которая присутствовала на Причастии в Джеддарте (Джедбург) за несколько лет до смерти мистера Гэбриэла Сэмпла, что либо в день поста, либо в субботу, были трое джентльменов, либо в приходе, либо неизвестных о нем, которые восстали во время прочтения последнюю проповедь и вместе со своими слугами вышли из (церкви) то ли на какую-то ярмарку, то ли на какие-то скачки, неподалеку. После проповеди, когда мистер Сэмпл поднялся, чтобы дать обычную рекламу, он начал с того, что обратил на это внимание, и сказал, что заметил, как трое джентльменов встают во время проповеди и презрительно и смело оставляют служение Богу, чтобы отправиться на ярмарку или забег, как он предполагал; но сказал: "Это заложено во мне, и я убежден в этом, Господь не допустит, чтобы они ушли без какого-либо выдающегося суда, и я сильно ошибусь, если большинство из тех, кто видел, как они совершали грех, не захотят уйти". услышь о наказании за такое открытое пренебрежение к таинствам Христа". Эта безапелляционность очень удивила леди Х. (Энриетт), и, возвращаясь домой с проповеди в карете с милордом Лотианом и его супругой, она выразила свое удивление по этому поводу. Милорд Лотиан сказал: "Министр - человек Божий, и я убежден, что ни одно его слово не упадет на землю!" Через несколько месяцев милорд или миледи, написав леди Х. (Энриетт), уведомили ее, что один из этих джентльменов был найден в своей комнате (если я не забыл) с перерезанным горлом; а второй, будучи пьяным, упал с лошади и сломал шею; и некоторое время спустя она услышала, что третий умер насильственной смертью". *Анализ Вудроу*, том i, стр. 344, 345.

[454] "Во время проповеди входит лэрд Хилтоуна и приказывает ему посреди его работы сойти с кафедры именем короля. Мистер Дуглас отказался, после чего лэрд подходит к кафедре и силой вытаскивает его оттуда! Когда он сказал, что ему следует обратиться к йилду, он сказал: "Хилтун, за это оскорбление, которое ты причинил слуге Божьему, знай, с чем тебе предстоит встретиться! Совсем скоро тебя приведут в эту самую церковь, как наколотого су!" А через некоторое время Хилтону проткнули тело и покрасили, если я не ошибаюсь, братом Аннандейла, то ли в доуэле, то ли в пьяном виде, и его трупы были привезены, все истекающие кровью, в ту церковь. "Не прикасайся к моим раздраженным и не причиняй вреда моим пророкам!" *Анализ Водроу*, том ii, стр. 154. В той же работе (том iv, стр. 268) преподобный мистер Уодроу пишет, что впоследствии ему сообщили, "что история о доносе на лэрда Хилтоуна очень правдива, поскольку я (я думаю) опубликовал ее; и еще жив человек, который был свидетелем этого и в то время находился в церкви".

[455] "Однажды субботним утром, находясь в заключении в Бассе, во время публичного поклонения Богу, молодая девушка примерно тринадцати или четырнадцати лет подошла к двери камеры, издеваясь громким смехом: Он сказал: "Бедняжка, ты издеваешься над поклонением Богу; но вскоре Бог напишет такое внезапное, удивительное письмо". суд над тобою, который остановит твой смех, и ты не избежишь его. Очень скоро после этого она шла по скале, и налетел порыв ветра и сбросил ее со скалы в море, где она и погибла". *Жизнь и смерть мистера Александра Педена*, стр. 43, в первом томе *Пресвитерианской биографии Уокера*. См. также *Биографию пресвитерианы Хоуи*, стр. 487.

[456] "Он (мистер Фордайс, из Абердина) рассказывает мне следующую историю, которую он узнал из личного наблюдения: когда он жил недалеко от Фрейзербурга, на Севере, там поселился священник, *юре деволуто*, тун был настроен против пресвитерии до крайности, и

только двое или трое имели какие-либо похуже, тебе это нравится. После того, как министр был назначен, он ожидал большой поддержки от одного Угстоуна, кажется, так его звали, который таким образом проявил к нему большое уважение. Некоторое время спустя, оказавшись в некотором затруднении, к нему пришел Священник и попросил его поддержки и помощи в этом затруднении. Сначала он с опозданием отстранил министра, а через некоторое время откровенно насмеялся над ним и ничего не хотел делать. Священник пришел от него к моему информатору, который жил немного дальше от этого места, и дал ему отчет о том, что с ним случилось, и сказал: "Я много ожидал от этого человека и воспользовался его помощью в столь неприятном положении, на которое я отважился; а он не только разочаровал меня, но и посмеялся надо мной!" И священник был словно погружен в мысли об этой повозке; и после некоторого молчания он сказал очень безапелляционно: "Я сильно ошибаюсь, да, я скажу это, Бог послал меня и говорил через меня. Бог посетит этого человека, и с ним случится нечто большее, чем обычное!" Мой информатор был очень ошеломлен и обрадован таким безапелляционным заявлением. Тем не менее, это было сделано, насколько знал лично мой информатор. Этот человек был торговцем, который был очень богат, у него было около четырех или пяти тысяч фунтов стерлингов на складе. У него было два сына и две дочери. Через какое-то время один из его сыновей отвлекся, и я думаю, что это продолжается до сих пор. Другой сын, страдающий каким-то расстройством, стал глупым, немного поправился и покраснел. Его дочери, одна из которых вышла замуж, и ее муж дважды или трижды терял все свои запасы в море; его добрый отец запасал их раз или два, но все равно все было потеряно, и они сами и их дети несчастны. Другая дочь впала в смуту, в результате чего потеряла рассудок. Сам человек с тех пор так и не преуспел; его средства незаметно иссякли; и, несмотря ни на что, он впал в меланхолию, стал глупым и окрасился в глупый цвет. Все это произошло через несколько лет после того, что произошло выше; и мой родственник знал все это особенно хорошо, и ему довелось быть в курсе дел этого человека. *Анализ Водрова*, том ii. стр. 175, 176. Смотрите также в другой работе этого выдающегося шотландского богослова отчет о том, что произошло, когда "опротестованный молодой человек" уничтожил имущество священника по имени Бойд, "было замечено, что впоследствии эта семья никогда не процветала, а находилась в упадке, пока не превратилась почти в ничто". *Сборники Вудроу о жизни служителей Шотландской церкви*, том ii. часть i. стр. 215.

[457] Смотрите "Жизнь самого Фрейзера" в томе ii "*Избранных биографий*" под редакцией преподобного У. К. Твиди. 'Теперь от всего огромного состояния моего отца ничего не осталось, кроме небольшой пачки в шестнадцать чалдеров, также пожизненно подаренных моей матерью. И примерно в то же время новый (хотя и несправедливый) противник предъявляет и ей, и мне обвинение в 36 000 наемников и ограничении наших прав; так что все наши средства к существованию были либо пропали, либо поставлены на карту. В течение четырех лет этот противник досаждал нам и был готов погубить нас в том, что касается нашего временного состояния, если бы Господь не предотвратил". стр. 196. "У меня, не знавшего, какие средства защиты предпринять, в моем окружении был регистрационный рогач, который я случайно и непреднамеренно (Бог вложил это в мое сознание одновременно) бросил, из-за чего он, будучи королевским мятежником, был лишен возможности преследовать меня. И Господь так распорядился, что с тех пор он никогда не беспокоил меня, а значит, я был избавлен от потерь и мошенничества, и у меня был только один придворный, которому можно было прислуживать'. стр. 202. 'Мое состояние в то время было состоянием борьбы с сыновьями Саруи, которые были слишком сильны для меня; небольшое преодоление или вообще никакого преодоления, но

яростная борьба'. ... 'Ибо я смирил себя, осознав бедствия нашей семьи и мои собственные особые потребности; Я умолял его уберечь нас от полного уничтожения. И Господу было приятно это слышать; *он уничтожил смертью моих главных противников*, я нашел способы выплатить свои многочисленные мелкие долги, добился судебного разбирательства и снова получил некоторые из своих древних владений". стр. 227, 228.

[458] 'Так опасно вмешиваться в дела посланных Христом слуг'. *Жизнь мистера Уильяма Гатри, священника в Фенвике*, написанная преподобным Уильямом Данлопом, перепечатана в *Избранных биографиях*, т. ii. стр. 62. Арест священнослужителя по гражданскому или уголовному процессу был актом, полным опасности, поскольку Божество вряд ли не смогло бы отомстить за это. Это относилось даже к офицерам, производившим арест, а также к тому, кто отдал приказ об этом. См., например, *некоторые примечательные отрывки из жизни и смерти мистера Джона Сэмпла, служителя Евангелия*, стр. 171 (в книге Уокера "Пресвитерианская биография", том i). "Некоторое время спустя он получил приказ задержать мистера Сэмпла; он просил извинить его, поскольку мистер Сэмпл был священником и человеком, с которым он не стал бы связываться; поскольку он был уверен, что, если он это сделает, с ним внезапно случится какая-нибудь ужасная беда. Мистер Артур Купар, который был мистером Сэмплом. Регент Сэмпла пересказал эти отрывки преподобному служителю церкви, еще живому, заслуживающему всяческой похвалы, который рассказал мне. "Дарем хвастается, что "когда служителям приходится делать больше всего и они *сталкиваются с наибольшим противодействием*, Бог часто наделяет их соответственно большей смелостью, дарами и помощью, чем обычно. Свидетели Христа - ужасная группа; ибо, как бы малочисленны ни были эти свидетели, ни один из их противников не выигрывает от их рук; *всякий, кто причинит им вред, будет убит таким образом*. Хотя они презренны во вретисце, все же *лучше противостоять королю с его силой и отдавать приказы с его трона, облаченного в государственные одежды, чем им*: хотя они могут сжечь одних и заключить в тюрьму других, все же их противники жестоко заплатят за это. Это происходит не из-за какой-либо ценности, которая есть в них, или ради них самих; но 1. ради Него и ради Его власти, которая их посылает. 2. за исполнение их слова, которое, несомненно, канет в лету, и это более ужасно и столь же определено, как когда-либо любое временное решение, вынесенное Моисеем или Илией.' *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 416.

[459] 'Те, кому Христос доверил быть хранителями виноградника и его служителями, также должны пользоваться уважением людей, над которыми они поставлены; и Христос позволяет им это. Там, где уважают Христа и он получает по заслугам, там будут уважать и хранителей, которые получают по заслугам.' *Изложение Песни песней Соломона Даремом*, стр. 450, 451. Фергюссон самодовольно говорит, что оскорблять священнослужителя, не веря его заявлению, или "посланию", как он это называет, - это "бесчестие, нанесенное Богу". *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 422.

[460] "Как верно в отношении vs, что необходимость заключается в том, чтобы vs проповедовал, и горе будет vs, если мы не проповедуем; так верно и в отношении вас, что необходимость заключается в том, чтобы вы слушали, и *горе будет вам, если вы не слушаете*". 'Небеса Каупера разверзлись, с. 156.

[461] Следующий приказ был обнародован на заседании Кирки в Абердине 12 июля 1607 года. 'В указанный день, в связи с тем, что на заседание было принято решение о том, что вы

являетесь местными джентльменами синдри и прибыли в этот город, где находится резиденция куа маки, а не на курорт ни в Субботу, ни в другие дни; потому что, согласно порядку, три старейшины каждого квартала собираются с министрами в доме заседаний сразу после окончания проповеди во вторник, и они узнав имена джентльменов и того, как этот шкипер сражается в этом городе, он не принадлежит Церкви и не прибегает к Божьему слову; и после того, как эти имена были выбраны, он освобождает священника вместе с бейли от должности, чтобы передать их там, и увещевает их перейти в преичингис и сохранить Церковь, после чего возвращается в таун.' *Выдержки из протоколов сессии Кирки, Пресвитерии и Синода Абердина*, стр. 58. Недостаточно было время от времени ходить в церковь; посещение должно было быть регулярным; в противном случае духовенство было недовольно и наказывало провинившихся. В Книге пресвитерства Стратбоджи записано, что 29 сентября 1649 года "мистер Джон Рейдферд, будучи поставлен в известность о том, какое усердие он проявил к леди Френдраут, сообщил, что у Шу было три трудные проповеди, и поэтому, как он думал, Шу намеревался продолжать слушать". Братья, учитывая ее длительное сопротивление и затягивание процесса, из-за того, что она время от времени *слушала проповедь*, не думали, что *такого рода случайность с получением наследства* для мистера Роберта Уотсона и мистера Роберта Ирвинга, которые были рукоположены идти с мистером Джоном Рейдфердом и просить указанную Леди подписать Соглашение, куэрби шу могла бы засвидетельствовать ее соответствие Церкви Шотландии, килк, если бы шу отказалась, упомянутому мистеру Джону было поручено вынести приговор об отлучении от церкви в отношении него перед Провинциальным собранием, поскольку он будет нести за это ответственность". *Выдержки из Книги пресвитерии Стратбоги*, стр. 115. Ни расстояние, ни болезнь не могут служить веским оправданием. Проповедники ни при каких обстоятельствах не потерпели бы оскорбления со стороны кого-либо, проявляющего нежелание слушать их проповеди. В 1650 году 'лорд Олифант, будучи привлечен к ответственности за то, что не сохранил свою приходскую церковь в Аберчердуре, заявил о своей недееспособности в течение многих лет и о нехватке домов для размещения его и его семьи, находящихся так далеко от нее, что это единственная причина, которую он обещал исправить в ближайшее время. Мистер Джон Рейдферд распорядился сообщить о том же пресвитеру и, в случае его продолжительного отсутствия, обработать его". *Пресвитерская книга Стратбоджи*, стр. 149. Подробнее об этом читайте в *Реестрах пресвитерии Ланарка*, стр. 5, 33, 67; *Протоколах пресвитерий Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 67, 68, 90, 153; *Протоколах Синода Файфа*, стр. 18, 55, 132; и *"Истории смуты" Сполдинга*, том ii. стр. 57. Сполдинг также упоминает (стр. 114), что в Абердине в 1643 году духовенство выступало каждый вторник, четверг и субботу, во второй половине дня; в таких случаях "народ вынужден посещать их Лекции или кричать против них".

[462] "И можно с уверенностью сказать, что у Шотландской церкви не было недоброжелателей, кроме тех, кто не знал о ней или был дезинформирован о ней, или кого вдохновляли фракции, пристрастие, предрассудки, злоба или любовь к незаконной свободе; поэтому ни один человек или партия до сих пор не пытались искоренить пресвитерию, но Господь сделал это для них тяжелым камнем". *Неффалим*, sig. В 2 отк. 'Гнев Господень так поразит врагов Его, куда бы они ни обратились, что они будут вынуждены оставить свое служение Церкви'. *Объяснение первых Пятидесяти Псалмов Диксоном*, стр. 115.

[463] 'Истинные дети Церкви действительно превосходны на земле и действительно принцы, где бы они ни жили, по сравнению со всеми другими людьми, которые всего лишь отвратительные рабы сатаны'. *Объяснение первых Пятидесяти Псалмов Диксоном*, стр. 312. Другой

высокопоставленный авторитет тщательно отождествляет 'истинную религию' с "истинной профессией пресвитерианина". См. *Исследование о церковном общении, проведенное мистером Александром Шилдсом, служителем Евангелия в Сент-Эндрюсе*, стр. 126. Его замечание относится к "клятвам Берджесса".

[464] Фергюссон оригинально подходит к этому вопросу и говорит, что их долгом было восхвалять свою профессию не ради себя, а ради других. 'Долг служителей Христа - восхвалять и возвеличивать свое служение не для того, чтобы заслужить похвалу и уважение к себе, 2 Кор. iii. 1, но чтобы таким образом была сорвана злоба сатаны и его орудий, 2 Кор. xi. 12, которые трудятся над тем, чтобы презирать это священное призвание; чтобы оно имело меньший успех в сердцах людей'. *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 180.

[465] "Также нет никакой посреднической власти между Господом и его посланниками в вопросах их послания; он только посылает их; он один дает им быть пасторами и врачами и т.д.; он один будет судить их; он один вознаградит их; ему одному они должны предоставить информацию о своем устроении; и он только он сам непосредственно управляет ими своим духом и словом.' *Официальные записи Форбса, касающиеся имущества Кирка*, стр. 435. Ссылаясь на эти удивительные притязания, шотландское духовенство постоянно называлосебя посланниками Божества, тем самым ставя себя бесконечно выше всех других людей. См., например, *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 86, 100, 160. *Закон Дарема Раскрыт*, стр. 85, 96. *Великая забота Халибертона о спасении*, стр. 402. *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 17, 273. *Исследование Шилдса о церковном общении*, стр. 72. *Проповеди Биннинга*, т. ii. стр. 118, т. iii. стр. 178. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 122. *Проповеди Монро*, стр. 207. *"Расцвет жезла Аарона" Гиллеспы*, стр. 240, 413. *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 166. *Свободный спор Резерфорда против мнимой свободы совести*, стр. 41. *Победа истины Диксона над заблуждением*, стр. 274. *Великие и драгоценные обещания Грея*, стр. 50, 74. *"Исполнение Священного Писания" Флеминга*, стр. 429. *"Обет Иакова, или счастье и долг человека" Кокберна*, стр. 401. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, стр. 461, 479.

[466] "Служителей называют Ангелами, потому что они являются Посланниками Бога, которым Он доверил высокую и небесную миссию; и это звание должно напоминать служителям об их долге исполнять волю Бога на земле так, как Ангелы исполняют ее на небесах, духовным и небесным образом, радостно, охотно и с готовностью: и это должно напоминать людям о том, что они являются Посланниками Бога. об их долге - принять это слово из рук Служителей, как из рук Ангелов.' *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 496. 'Поэтому Служители называются Ангелами, а Ангелы - Служителями', стр. 596. Кокберн говорит, что именно по этой причине 'мы должны вести себя прилично и благоговейно' в церкви; 'ибо если присутствие королей внушает нам благоговейный трепет, то насколько больше должно внушать присутствие Бога и Ангелов'. *"Клятва Иакова" Кокберна, или Счастье и долг человека*, стр. 356. Другой шотландский богослов утверждает, что он и его братья способны наставлять ангелов и освобождать их от их невежества. Посмотрите смелый отрывок из *"Изложения посланий Павла" Фергюссона*, стр. 180: "Это может немало похвалить служителей Евангелия перед людьми и породить в них почтение к ним, что даже благословенные ангелы в некотором роде становятся от этого лучше и что, следовательно, они уважают это: ибо Павел хвалит свое служение тем, что благодаря этому "начальствам и державам была открыта многообразная мудрость Божья". Хотя ангелы являются наиболее знающими созданиями, поскольку наслаждаются

непосредственным видом и присутствием Бога, Мф. хviii. 10, однако они не осведомлены о некоторых вещах, о которых, благодаря Божьему способу распространения Евангелия среди его церкви, они приходят к более полному знанию.' После этого нетрудно заметить, что Монро настаивает на том, что "люди должны рассматривать наш характер как самый трудный и самый священный". *Проповеди Монро*, стр. 202.

[467] "Он обязан служить им в Евангелии; и они обязаны подчиняться ему, укреплять его, признавать его, сообщать ему все хорошее и обеспечивать его" и т.д. *Комментарий Дарема к Книге Откровение*, стр. 90. То, что духовенство - это "правители и наместники", и что их дело - "управлять стадом и присматривать за ним", также подтверждается в книге Гиллеспы *"Расцвет жезла Аарона"*, стр. 172, 313. Сравните *Переписку преподобного Роберта Водроу*, том i, стр. 181: "властвуй над людьми и говори слово"; и *"Свободный диспут Резерфорда против мнимой свободы совести"*, стр. 41: 'командующая власть в Посланнике Христа'. См. также "благоговейную оценку", привитую в *Бостонских проповедях*, стр. 186.

[468] 'Называли стражей именем, заимствованным из практики использования центинелей в армиях или городах'. Они - 'величайшее бельмо на глазу сатаны'. *"Изложение малых пророков" Хатчесона*, т. ii. с. 158, т. iii. с. 208. "Они, став стражами, тем самым становятся мишенью сатанинской злобы". ... "Главный замысел врага, несомненно, направлен против стража, потому что он не позволяет сатане удивлять свой народ", по крайней мере, это его дело". *"Великая забота о спасении" Галибертона*, стр. 24. Сравните *соображения Гатри, способствующие открытию опасностей, угрожающих религии*, стр. 259; *Изложение посланий Павла" Фергюссона*, стр. 97, 106; *Изложение Песни Песней Соломона Даремом*, стр. 278, 443, и *Переписка Водроу*, том i. стр. 84, 244.

[469] Один из самых популярных шотландских проповедников семнадцатого века фактически считает себя в этом отношении выполняющим ту же работу, что и Сын Божий. 'Христос и его служители - это музыканты, которые действительно используют свои песни, чтобы завладеть человеческими ушами и сердцами, если так случится, они могут остановить свой путь и не погибнуть. Это благословенные сирены, которые так поступают". *Проповеди Биннинга*, том iii. стр. 265.

[470] Резерфорд называет себя 'избранной стрелой, спрятанной в его колчане'. *Биография Шотландца Хоуи*, стр. 230. Я знаю, что чтение грубого материализма, содержащегося в этом и других отрывках, шокирует и до сих пор оскорбляет многие чистые и утонченные умы, чувства которых я не стал бы без нужды ранить. Но никто не может понять историю шотландского интеллекта, кто отказывается вникать в эти вопросы; и читателю решать, останется ли он в неведении относительно того, что я, как историк, обязан раскрыть. Его лекарство несложно. Ему нужно только либо захлопнуть книгу, либо сразу перейти к следующей главе.

[471] 'Господь призывает людей быть проповедниками и держит их в своей руке, как звезды, протягивая их иногда в одну часть мира, а иногда и в другую, чтобы мы могли нести свет тем, кто сидит во тьме'. *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 360.

[472] 'Министров называют звездами по следующим причинам: I. Чтобы подчеркнуть возвышенность и достоинство должности, что это великолепная и блистательная должность. II. Указать, какова особая цель этого служения; Оно заключается в том, чтобы давать свет: как использование Звезд заключается в том, чтобы давать свет миру; так и главная цель Служителя

- сиять и давать свет другим; сделать мир, который представляет собой темную ночь, светлым. ' *Комментарий Дарема к Книге Откровение*, стр. 43. См. Также стр. 151, 368; и *"Победа истины над заблуждением" Диксона*, стр. 176.

[473] Преподобный Джеймс Киртон говорит о преподобном Джоне Уэлше, что некто, наблюдавший за его ходьбой, "ясно увидел странный свет, окружавший его, и услышал, как он произносил странные слова о своей духовной радости". *Избранные биографии*, под редакцией преподобного У. К. Твиди, том i, стр. 12. Но больше об этом еще предстоит рассказать. Сердца шотландского духовенства были настолько переполнены гордостью, что они верили — ужасно об этом рассказывать, — что они получали звуковые и устные сообщения от Всемогущего Бога, которые могли слышать посторонние. Одну из этих историй, также относящуюся к валлийскому языку, в том виде, в каком ее передавала традиция, можно найти в *Биографии шотландца Хоуи*, стр. 148. Я не могу процитировать такое богохульство; и тем, кто сомневается в моем утверждении, лучше обратиться ко второму изданию работы Хоуи, опубликованному в Глазго в 1781 году. Вероятно, с ним можно познакомиться в Британском музее.

[474] 'Мистер Джон Макбирни из Абердина (но сначала в Саут-Ферри, над замком аганис в Броти), самый ревностный и болезненный пастор, ярый противник иерархии. Он был мерцающим факелом и горящей звездой; поэтому Господь чудесным образом сотворил после его смерти звезду, которая появилась на небе в полдень того дня; в то время как многие из ныне живущих свидетельствуют, что они, очевидно, видели это (в Троицын день 1609 г.)'. *История Шотландской церкви Роу*, стр. 421.

[475] Мистер Джеймс Стирлинг, министр баронства Глазго, пишет о своем отце, мистере Джоне Стирлинге, министре в Килбарчане, что "в тот день, когда его похоронили, в комнате горели две большие свечи, которые, на удивление, погасли без какого-либо ветра, заставившего их погаснуть'. *Анализ, или Материалы для истории замечательных Провидений*, преподобный Роберт Водроу, том iii. стр. 37.

[476] "Этим вечером Гландерстон сказал мне, что в газете "Правда" в Берроустонессе сообщили, что примерно шесть недель назад мистер Дэвид Уильямсон проповедовал в своей собственной церкви в Эдинбурге, и в середине проповеди пришел крысеныш и сел на его Библию. Это заставило его остановиться; и после небольшой паузы он сказал прихожанам, что это послание Бога к нему, и прервал свою проповедь, и официально попрощался со своим народом, и пошел домой, и продолжает болеть.' *Анализ Водроу*, том i, стр. 12.

[477] "Тот же человек" (т.е. преподобный мистер Уайт) 'добавляет, что несколько лет назад, когда могилу мистера Брюса вскрыли, чтобы положить в нее его внука, его тело было почти свежим и неповрежденным, к великому удивлению многих; и если я правильно помню, могилу снова засыпали и сделали другую. Свежее тело не имело неприятного запаха. Прошло почти восемьдесят лет после того, как его похоронили. Мой информатор был министром Ларберта, когда это произошло.' *"Жизнь Брюса" Уодроу*, стр. 150, предпослано к *Проповедям Брюса*.

[478] "Он" (Джон Локхарт) "сказал мне, что мистер Роберт Патон, священник в Барнвеле, его тесть в Лос-Анджелесе, за семь или восемь лет до его смерти получил особое уведомление о его смерти: что он так много значил для моего информатора". ... "Когда пришел мой информатор, он не почувствовал никакой опасности и сообщил о своей смерти. большое спасибо его тестю, мистеру Патону. Он ответил: 'Джон, Джон, в это время я должен краситься; и это то время, о

котором Бог предупреждал меня, как я тебе говорил'. Через восемь или десять дней он покрасился. Мистер Патон был человеком очень (любимым) и могущественным в молитве". *Анализ Водроу*, том iii. стр. 451. Сравните случай с Хендерсоном (в *Переписке Водроу*, том iii, стр. 33), где уведомление было намного короче, но "все вышло так, как он предсказывал".

[479] "Как правило, я наблюдаю, что смерти священников не единичны, а все вместе". *Аналитический анализ Вудроу*, том iii. стр. 275.

[480] Преподобный Уильям Роу (в своем *Продолжении автобиографии Блэра*, стр. 153) говорит: "Без всякого сомнения, хотя из Священного Писания и нельзя доказать, что у каждого человека есть ангел-хранитель, все же несомненно, что добрые ангелы оказывают много добрых услуг народу Божьему, особенно его министрам и послам, чего мы не видим, не замечаем и не знаем".

[481] 'Мистер Джеймс Стирлинг, мистер Роберт Мьюир и несколько других сотрудников компании согласились с этим предложением мистера Резерфорда. Когда ему было около четырех лет, он играл в доме своего отца вместе со своей сестрой, которая была несколько старше его. Мистер Резерфорд упал в колодец глубиной в несколько саженей, не полный, но обложенный большим камнем, так что подняться оттуда было практически невозможно ни одному человеку, не говоря уже о ребенке. Когда он упал в воду, его сестра вбежала в соседний дом и сказала, что Сэмюэлл упал в колодец; на что его отец и мать выбежали и нашли его сидящим на траве у колодца; и когда они спросили его, куда он выбрался? он сказал, что после того, как он однажды оказался на дне, он поднялся на вершину, и симпатичный молодой человек вытащил его оттуда за руку. В то время поблизости не было тела, и поэтому они пришли к выводу, что это, без сомнения, энджелл. У Господа было много общего с ним". *Анализ Водрова*, том i, стр. 57. См. Также том iii, стр. 88, 89, где это обстоятельство снова упоминается как "предание о нем" в месте его рождения.

[482] "Мистер Уильям Трейл, священник в ****, рассказывает мне, что его отец, мистер Уильям Трейл, священник в Бортвике, каждое утро, когда у него были общественные дела, слышал три стука в дверь своей комнаты; и если из-за усталости или тяжести он все-таки сидел на них, обычно стучали три раза в дверь". его изголовье кровати, на которое он никогда не осмеливался сесть, но принимался за свою работу. Обычно это было около трех часов ночи. Поначалу, в юности, это пугало его; но потом ему стало легко, и он поверил, что эти удары и пробуждения происходят от хорошего искусства. Что они никогда не подводили его по субботам и на причастиях, когда он был вынужден рано вставать; Что, когда он стал старым и немощным, ближе к концу своего рабочего дня, они полностью прекратились и оставили его". *Анализ Водроу*, том ii. стр. 307. Этот труд в четырех томах кварто бесценен для истории шотландского сознания; он представляет собой обширный свод мнений и традиций духовенства семнадцатого и первой половины восемнадцатого века. Вудроу был способным человеком, безусловно, выше среднего уровня; его честность безупречна, что убедительно доказывает ревнивое изучение епископами его великого труда по истории Шотландской церкви; и у него была постоянная привычка к личному и эпистолярному общению с ведущими персонажами своего времени. Поэтому я свободно пользовался его *Анализом*; также его *Собранием жизнеописаний министров*, которое также состоит из четырех томов кварто; и его *Перепиской*, состоящей из трех толстых томов октаво. Было бы трудно найти более компетентного свидетеля,

уважающего чувства своих духовных братьев. Более искреннего свидетеля найти было бы невозможно.

[483] В качестве иллюстрации этого можно было бы заполнить целый том выдержками из трудов шотландских богословов семнадцатого века. Следующий отрывок, пожалуй, не хуже любого другого. 'Да, вряд ли можно привести пример какой-либо великой перемены или революции на земле, у которой раньше не было такого экстраординарного вестника. Может ли мир отрицать, что иногда эти поразительные знаки приобретали форму, указывающую на саму природу неминуемого удара, благодаря странному сходству с ним, такому как пылающий меч в воздухе, появление армий, сражающихся даже иногда на земле, на взгляд многих наиболее трезвых и рассудительных наблюдателей, а также потоки крови, барабанный бой и тому подобное, которые, как известно, обычно предшествуют войне и беспорядкам.' *"Исполнение Священного Писания" Флеминга*, 1681, стр. 216.

[484] Дарем, после упоминания 'старых аббатств, монастырей или замков, когда стены стоят, и в них никто не живет', добавляет: 'Если спросят, существует ли такая вещь, как обитание злых духов в этих пустынных местах? Мы отвечаем 1. То, что по земле повсюду бродят злые духи, несомненно, хотя ад по сути является их тюрьмой, все же они обладают своего рода властью и обитают как на земле, так и в воздухе; частично, как часть их проклятия, это налагается на них, чтобы они странствовали; частично, как их упражнение в искушении людей или причинении им духовного или временного вреда'. *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 582. То же самое у Хатчесона (*Изложение Книги Иова*, стр. 9): "Мы должны помнить, что мы живем в мире, где есть дьяволы, и они бродят среди нас"; и у Флеминга (*Исполнение Священного Писания*, стр. 217): "Но сама истина несомненна, что такая партия есть и в этот день, охватывая землю и перемещаясь туда-сюда, доказывать что аргументами было бы зажечь свечу, чтобы люди увидели, что сейчас день, в то время как известно, что обычные знакомые общаются со многими по этому поводу." Одним из их любимых мест обитания были Шетландские острова, где в середине семнадцатого века "почти в каждой семье был Броуни, или так называемый злой дух". См. Отчет преподобного Джона Брэнда в его работе, озаглавленной *"Краткое описание Оркнейских островов, Зетланда, Пайтленд-Ферта и Кейтнесса"*, стр. 111, 112, Эдинбург, 1701.

[485] 'Нет никого, на кого бы он не напал'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 101. "По правую руку и по левую". *Книга Купера "Небеса разверзлись"*, стр. 273. Еще в начале восемнадцатого века 'самые популярные богословы' Шотландии утверждали, что сатана 'часто является облаченным в телесную субстанцию'. *Мемуары Чарльза Ли Льюиса, написанные Им самим*, том iii. стр. 29, 30, Лондон, 1805.

[486] 'Этим вечером Джеймс Лоххейд сказал мне, что в прошлом году, если я не ошибаюсь, на Причастии Бафру ему весь день оказывали большую помощь. Ночью, когда немного стемнело, он вышел на улицу помолиться; и им овладел такой ужасный рабский страх, что он чуть не лишился чувств. Тем не менее, он решил приступить к выполнению своего долга. К (тому времени), когда он был на месте, страх покинул его; и, лежа на боку, черный пес подошел к его голове и встал. Он сказал, что знал, что это сатана, и потряс его рукой, но ничего не нашел, она исчезала." ... "Господи, помоги против его козней и укрепись против них!" *Аналитическая книга Уодроу*, том i, стр. 24. В *Реестрах пресвитерии Ланарка*, стр. 77, содержится заявление 1650 года о том, что "дьявол появился как маленький щенок", а затем "как коричневый щенок".

[487] Знаменитый Педен присутствовал при "появлении ворона и сидении на голове одного человека". ... Вслед за этим, "возвращаясь домой, мистер Педен сказал своему землевладельцу: "Я всегда думал, что среди вас есть Дьявол, но я никогда не думал, что он действительно появляется среди вас зримо, пока теперь я не увидел это. О, ради Господа, прекрати это", *Жизнь и смерть мистера Александра Педена, покойного служителя Евангелия в Нью-Гленлюсе в Галлоуэе*, стр. 111, 112, в первом томе *Пресвитерианской биографии Уокера*.

[488] 'Я услышал голос прямо перед собой по другую сторону изгороди, и мне показалось, что это был стон пожилого человека. Так продолжалось некоторое время. Я знал, что там не может быть человека, потому что по другую сторону изгороди, где я слышал стоны, была большая вонь или лужа. Я нисколько не сомневался, что это был сатана, и я угадал его замысел; но все же я продолжал умолять ребенка сохранить мне жизнь. Наконец он взревел и зарычал, как бык, и притом очень громко. Из всего этого я сделал вывод, что я тем или иным образом провоцировал Бога, выполняя свой долг, и что он был разгневан на меня, и напустил на меня врага, и мог бы дать ему разрешение разорвать меня на куски. Это побудило меня обратиться к Богу, чтобы он показал мне, почему он боролся, и умолял его обличить сатану. Враг продолжал реветь, как бык, и, казалось, пробирался вдоль изгороди к двери летней беседки, рыча на ходу.' *Редкое, укрепляющее душу и утешающее сердечное пособие Стивенсона для старых и молодых христиан*, стр. 29. Эта книга была опубликована и подготовлена к печати преподобным Уильямом Копплсом. Прочтите письмо мистера Копплса в начале.

[489] В 1684 году, с "черными плащами, синей повязкой и белыми наручниками". *"Открытый невидимый мир сатаны" Синклера*, стр. 8.

[490] 'Он заметил, что одна ступня чернокожего мужчины раздвоена, и что одежда чернокожего человека была черной, и что у него была синяя повязка на шее, и белые манжеты на руках, и что на ногах у него были бутсы без обуви; и что голос чернокожего человека был глухим и ужасающим'. *Открыт невидимый мир сатаны*, стр. 9. "Дьявол явился в облике черного человека", стр. 31. См. Также *описание Оркнейских островов, сделанное Брэндом*, стр. 126: "весь в черном".

[491] 'Приобретенные знания Дьявола велики, он продвинутый ученик и все еще учится более пяти тысяч лет'. *Христос Резерфорда, умирающий и привлекающий грешников к Себе*, стр. 204. 'Он знает это очень хорошо, отчасти благодаря живости своей натуры, а отчасти благодаря долгому опыту, поскольку ему сейчас около шести тысяч лет'. *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 219. 'Хи, по сравнению с vs, обладает многими преимуществами; например, он более утонченный по натуре, обладает большим опытом и более древний, ему сейчас почти шесть тысяч лет'. *Там же*. стр. 403. 'Здесь диуэлл одновременно прилежен и хитер, и (сейчас ему почти шесть тысяч лет) обладает большим опытом'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 142. 'Сатана, такой изобретательный и испытующий дух'. *Проповеди Биннинга*, том i, стр. 67. "Его великая ловкость и коварство". *Там же*. стр. 110. Другие восхваления его мастерства можно увидеть в *"Изложении посланий Павла" Фергюссона*, стр. 475; и в *"Исполнении Священного Писания" Флеминга*, стр. 45. 'Министр', чье имя не упоминается, заявляет, что он 'превосходного сложения, с великолепными природными данными, большим опытом и глубоким пониманием'. *Книга Синклера "Открытый невидимый мир сатаны"*, стр. 78.

[492] В работе профессора Синклера (*Обнаружен невидимый мир сатаны*, стр. 141), опубликованной в 1684 году, мы находим 'очевидный пример того, что дьявол может переносить

тела мужчин и женщин по воздуху. Это правда, он не увлек ее далеко, но не из-за недостатка мастерства и силы.' В конце семнадцатого века было распространено мнение, что один из приспешников сатаны был буквально 'задушен дьяволом в своем кресле, по крайней мере, если он сделает признание в ущербе службе'. *"История графства Ренфрю" Кроуферда*, часть iii. стр. 319.

[493] Смотрите отчет о молодом проповеднике, обманутом таким образом, в *Аналитической статье Уодроу*, т. i. стр. 103, 104. Преподобный Роберт Блэр распознал обман и 'с ужасающей серьезностью, появившейся на его лице, начал рассказывать юноше о его риске и о том, что человек, которого он принял за Священника, был Нырятьщиком, который трепанировал его и заманил в свои сети; посоветовал ему быть искренним с Богом в молитве, а также не поддаваться отчаянию, ибо надежда еще есть'. В этом случае проповедник был настолько одурачен, что дал дьяволу 'письменное обещание' сделать все, о чем его попросят. Как только преподобный мистер Блэр удостоверился в этом факте, он отвел молодого человека в Пресвитерию и рассказал об этом прихожанам. Все они были странно взволнованы этим и единодушно решили немедленно покончить с делами Пресбитрии и остаться на всю ночь в городе, а на следующее утро собраться для молитвы в одной из самых уединенных церквей Пресбитрии, никого не посвящая в свои дела, (но) взяв с собой юношу, которого они всегда держали рядом с собой. Что и было сделано, и после того, как служители помолились все вместе, за исключением мистера Блэра, который молился последним, во время его молитвы на церковь налетел сильный порыв ветра, такой сильный, что они подумали, что церковь должна была рухнуть им на уши, и вместе с этим документ юноши "Завет" (*то есть завет, который он подписал по просьбе сатаны*) "свисает с крыши церкви среди служителей".

[494] 'Дьявол поражает их, чтобы в них поразить все собрание'. *Бостонские проповеди*, стр. 186. Флеминг (*Исполнение Священного Писания*, стр. 379) рассказывает о своем явлении одному из шотландских священнослужителей. Сравните *"Анализ" Уодроу*, том iv. стр. 110. В 1624 году Брюс пишет: 'Я слышал его голос так живо, как никогда ничего не слышал, не во сне, а наяву'. *Жизнь Брюса*, стр. 8, предвещающая *Проповеди Брюса*. Единственным средством было немедленное сопротивление. 'Долг призванных служителей - мужественно продолжать работу во имя Господа, несмотря на любые препятствия такого рода, мужественно встречая первый натиск ярости сатаны, поскольку они знают, что, уступив ему, они сделают его еще более жестоким'. *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 74. В семнадцатом веке шотландское духовенство часто хвалило друг друга за то, что они поставили его в тупик и тем самым привели в ярость. Так, в 1626 году Диксон пишет Бойду: "Дьявол безумен против вас, он боится своего королевства". *Жизнь Роберта Бойда, в сборнике Вудроу "О жизни министров"*, том ii. часть i. стр. 238. См. также стр. 165, 236.

[495] 'Он может вводить в заблуждение уши, глаза и т. Д. Либо путем искажения внешних объектов, либо путем внутреннего нарушения способностей и органов, в результате чего мужчины и женщины могут и часто предполагают, что они слышат, видят и т. Д. Такие-то и такие-то вещи, чего на самом деле они не делают'. *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 128. 'Поднимайте бури'. *Проповеди Биннинга*, том i, стр. 122. 'Его сила и могущество, посредством которых, с Божьего соизволения, он поднимает бури, обуздывает стихии, уничтожает скот' и т. Д. *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 264. "Он может любопытно и сильно воздействовать на стены телесных органов, на лавку, в которой обитает понимающая душа, и на необходимые инструменты, органы и силы воображения, памяти,

юмора, чувств, духа, крови" и т.д. *"Смерть Христа" Рутерфорда*, стр. 212. Сэмпл, сообщив о своем намерении совершить причастие, сказал прихожанам, 'что дьявол был бы настолько завистлив к тому доброму делу, которым они должны были заниматься, что он боялся, что ему будет позволено поднять в воздух бурю с дождем, поднять уровень воды, намереваясь утопить некоторых из них; но утопить кого-либо из вас, даже собаку, будет не в его власти". *Замечательные отрывки из жизни и смерти мистера Джона Сэмпла, Служителя Евангелия*, стр. 168, 169, в первом томе *"Пресвитерианской биографии" Уокера*.

[496] *Sinclair's Satan's Invisible World Discovered*, стр. 137. *Воспоминания о жизни и опыте Мэрион Лэрд из Гринока с предисловием преподобного мистера Кока*, стр. 43, 44, 45, 84, 85, 172, 222, 223.

[497] "Далее я покажу, как сатана-убийца явился явно нечестивому человеку, побудил его ударить меня ножом, и как милосердно я был избавлен от этого". *Автобиография мистера Роберта Блэра, священника Сент-Эндрюса*, стр. 65. См. Также книгу Флеминга *"Исполнение Священного Писания"*, стр. 379, 380.

[498] 'Некий мистер Томас Хогг, очень популярный пресвитерианский проповедник на Севере, спросил человека большой образованности на религиозной конференции, видел ли он дьявола? Ему ответили, "Что он никогда не видел его ни в каком видимом обличье". "Тогда, уверяю вас, - говорит мистер Хогг, - вы никогда не сможете быть счастливы, пока не увидите его в таком виде, то есть пока не побеседуете с ним лично и не сразитесь с ним". *Шотландское пресвитерианское красноречие*, стр. 28, 29.

[499] "Вы идете в церковь, и когда вы слышите, как в проповеди упоминается дьявол или преисподняя, вы вздыхаете и производите шум". *Последние и Божественные речи Джона, виконта Кенмюра*, в *Избранных биографиях*, т. i, стр. 405.

[500] Эндрю Грей, умерший в 1656 году, использовал такой язык, "что его современник, вышеупомянутый мистер Дарем, заметил, что много раз от него у них волосы на голове вставали дыбом". *Шотландская биография Хоуи*, стр. 217. Джеймс Хатчесон хвастался подобным успехом. Как он выразился, "Не прошло и четверти часа, как я увидел перед собой дюжину из них, задыхающихся от изумления". Он проповедовал с большой свободой *весь день*, и четырнадцать или двадцать человек датировали свое обращение этой проповедью'. *Анализ Водрова*, том i, стр. 131. Когда Диксон проповедовал, 'многие были настолько потрясены и взяты за сердце, что через террор, дух в такой мере убедил их в грехе, что, услышав слово, они были повергнуты в падение и таким образом изгнаны из церкви'. *"Исполнение Священного Писания" Флеминга*, стр. 347. Вряд ли существовал какой-либо ресурс, которым эти люди пренебрегали. Александр Данлоп 'поступил на служение в Пейсли примерно в 1643 или 1644 году'. ... "Он обычно издавал за кафедрой что-то вроде стоны в конце некоторых предложений. мистер Пиблз называл это святым стоном". *Анализ Уодроу*, том iii. стр. 16, 21.

[501] Школьный учитель, записывая свои религиозные переживания (*Анализ Вудроу*, том i, стр. 246), говорит: "Если бы что-нибудь стукнуло, я бы вздрогнул, вид собаки привел меня в ужас, вид камня на поле привел меня в ужас, и, как мне показалось, голос в моей голове звучат слова: "Это сатана".'

[502] Только те, кто много читал богословскую литературу того времени, могут составить представление об этом, о его почти всеобщей тенденции. В течение примерно ста двадцати лет с шотландских кафедр раздавались самые страшные обличения. Грехи людей, месть Божья, деятельность сатаны и муки ада были ведущими темами. В этом мире всевозможные бедствия объявлялись неизбежными; они были уже совсем близко; это поколение, возможно, тот год, не должны были пройти без того, чтобы худшее зло, которое только можно было вообразить, не обрушилось на всю страну. Я просто процитирую начало проповеди, которая сейчас лежит передо мной и которая была произнесена в 1682 году не кем иным, как Александром Педеном. 'Есть три или четыре вещи, которые я должен сказать тебе сегодня; и первая из них - это окровавленный меч, окровавленный меч, окровавленный меч для тебя, о Шотландия, который дойдет до большей части тебя, до самого сердца. И второе таково: Много миль пройдешь ты в себе, о Шотландия! и не увидишь ничего, кроме пустынь. Третье таково: Самые плодородные места в тебе, о Шотландия! будут опустошены, как горные вершины. И, в-четвертых, женщины, носящие в тебе ребенка, о Шотландия! будут разорваны на куски. И в-пятых, в тебе было много условностей, о Шотландия! но скоро у Бога в тебе будет условность, которая заставит тебя, Шотландию, трепетать. Сколько проповедей изрек Бог тебе, о Шотландия! но вскоре Божьи суды станут такими же частыми в Шотландии, как и эти драгоценные собрания, на которые он посылал своих верных слуг, чтобы от его имени верно предупредить их об опасности отступничества от Бога и нарушения всех его благородных обетов. Бог послал валлийца, Камерона, Карджилла и Сэмпла проповедовать тебе; но вскоре Бог будет проповедовать тебе окровавленным мечом'. *Проповеди выдающихся богословов*, стр. 47, 48.

[503] На 'изгоните гнев и проклятие Господа'. *Комментарий Дарема к Книге Откровение*, стр. 191. 'Обязанность служителей - проповедовать суды'. *Изложение Хатчесона о Малых Пророках*, том i, стр. 93. 'Если служители, когда они угрожают, не будут более серьезными и пылкими, самые страшные угрозы лишь незначительно повлияют на большую часть слушателей'. *Изложение посланий Павла Фергюссоном*, стр. 421.

[504] Духовенство не стыдилось распространять историю о мальчике, который в состоянии транса был таинственным образом перенесен в ад, а оттуда ему было позволено вновь посетить землю. Его рассказ, который бережно сохранил преподобный Роберт Водроу (*Анализ*, том i, стр. 51), гласил, что "там были большие костры, и людей поджаривали на них, а затем бросали в реки с холодной водой, а затем в воду для мальчиков; других подвешивали за язык".

[505] 'Сгоревшие в адском огне и слышащие вой своих товарищей по заключению, и видящие уродливых дьяволов, кровавых скорпионов, которыми сатана набрасывается на несчастные души'. *"Умирающий Христос" Резерфорда*, стр. 491, 492.

[506] 'Кипящее масло, горящая сера, обжигающий свинец'. *Проповеди выдающихся богословов*, стр. 362.

[507] 'Река огня и серы шире земли'. *Религиозные письма Резерфорда*, стр. 35. 'Посмотрите на несчастных, лежащих связками, вечно кипящих в этом потоке серы'. *Великая забота Халибертона о спасении*, стр. 53.

[508] 'Язык, легкие и печень, кости и все остальное должны свариться и поджариться на мучительном огне'. *Религиозные письма Резерфорда*, стр. 17. 'Это будут вселенские муки, каждая часть существа будет мучиться в этом пламени. Когда человека бросают в раскаленную

печь, огонь проникает в самые внутренности и не оставляет ни одного члена нетронутым: какая часть тогда может испытывать облегчение, когда проклятые плавают в огненном озере, горящем серой?" *Человеческая природа Бостона в ее четырехчастном состоянии*, стр. 458.

[509] 'Пока черви забавляются с твоими костями, дьяволы будут развлекаться твоими болями'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 97. "Они будут испытывать муки в обществе дьяволов, будучи запертыми вместе с ними в аду". *Человеческая природа Бостона в ее четырехкомпонентном состоянии*, стр. 442. 'Их уши наполнились ужасающими воплями адской команды'. Там же. стр. 460.

[510] Это фундаментальное учение шотландских богословов кратко изложено в *Проповедях Биннинга*, том iii, стр. 130: "Вы попадете из одного ада в другой, еще худший; вечность - это мера его продолжительности, и степени самого себя зависят от его продолжительности". Автор этих проповедей умер в 1653 году.

[511] И, по их словам, варварская жестокость была естественным результатом Его Всеведения. С болью я переписываю следующий нечестивый отрывок. 'Подумайте, кто является устроителем этих мучений. Были некоторые очень изысканные пытки, изобретенные человеческим умом, названия которых, если бы вы понимали их природу, было бы достаточно, чтобы наполнить ваши сердца ужасом; но все это настолько же далеки от мук, которые вам предстоит вынести, насколько мудрость человека далека от мудрости Бога.' ... "Бесконечная мудрость создала это зло". *"Великая забота о спасении"*, написанная покойным преподобным мистером Томасом Хейбертоном, правка. Эдинбург, 1722, стр. 154.

[512] "Люди задаются вопросом, что он мог делать все это время, если мы можем назвать это временем, у которого нет начала, и как он был занят". ... "Вспомните, что благочестивый человек ответил какому—то распутному любопытному остро слову, который с презрением потребовал того же от него: "Он готовил ад для любопытных и гордых глупцов", - сказал он." *Биннинг Проповеди*, том i, стр. 194.

[513] "Ад расширился". *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 146.

[514] 'Вечные вопли'. *Проповеди выдающихся богословов*, стр. 394. 'Визг и завывания'. *Великие и драгоценные обещания Грея*, стр. 20. 'О! визг и вопли, которые будут в аду'. *Комментарий Дарема к Книге Откровения*, стр. 654. "Ужасные изображения тех, кто сгорел в нем". *Книга Купера "Разверзшиеся небеса"*, стр. 175.

[515] 'Когда дети и слуги отправятся, так сказать, в схолах в Яму, проклиная своих родителей и хозяев, которые привели их туда. И родители и хозяева семей во множестве будут с головой погружены в бесконечное разрушение, потому что они не только убили свои собственные души, но и обагрили свои руки кровью своих детей и слуг. О, какой печальной будет расплата среди них в тот день! Когда дети и слуги будут упрекать своих родителей и господ. "Теперь, теперь, мы должны отправиться в Яму, и мы должны винить в этом тебя; твой проклятый пример и прискорбная небрежность привели нас в Яму". ... "А с другой стороны, как вопли родителей наполнят все уши? "Я проклял себя, я проклял своих детей, я проклял своих слуг. В то время как я кормил их тела и одевал их спины, я погубил их души и навлек на себя двойное проклятие". *"Великая забота Хейбертона о спасении"*, стр. 527, 528. Подробнее об этом читайте в *"Человеческой природе Бостона в ее четырехчастном состоянии"*, стр. 378, 379:

"проклятия вместо приветствий, разрывание самих себя и ярость друг против друга вместо привычных объятий".

[516] Уильям Ветч, 'проповедуя в городе Джедбург перед многочисленной паствой, сказал: "Сегодня здесь две тысячи человек, но я уверен, что восемьдесят из вас не будут спасены"; на что трое из его невежественных слушателей, пребывая в отчаянии, вскоре покончили с собой'. *"Шотландское пресвитерианское красноречие"*, стр. 23. Смотрите также жизнеописание или, скорее, панегирик Вику в "Биографии шотландца" Хоуи, где это обстоятельство не отрицается, а, напротив, утверждается, что оно не является "порочающим его", стр. 606. Умонастроение, которое поощрялось учениями духовенства и которое провоцировало самоубийства, ярко описано Сэмюэлем Резерфордом, самым популярным из всех шотландских богословов семнадцатого века. 'О! он ложится, и ад ложится с ним в постель; он спит, и ад и он видят сны вместе; он встает, и ад идет с ним в поле; он идет в свой сад, там ад.' ... 'Человек идет к своему столу, О! он не смеет есть, он не имеет права на это создание; есть - грех и ад; поэтому ад в каждом блюде. Жить - грех, она предпочла бы удушение; каждый акт дыхания - грех и ад. Когда он идет в церковь, перед его глазами предстает собака величиной с горного коня: Вот ужас.' *"Умиравший Христос" Рутерфорда, 1647, 4то, стр. 41, 42.* Теперь послушайте признания двух замученных жертв доктрин, провозглашенных духовенством; жертв, которые, претерпев невыразимые муки, не раз, по их собственным словам, испытывали искушение покончить с собой. 'Облако держалось два года и несколько месяцев'. ... 'Стрелы Всемогущего иссушили мой дух; день и ночь его рука тяжело лежала на мне, так что даже влага моего тела превратилась в летнюю засуху. Когда я иногда говорил, что моя кушетка облегчит мои жалобы, я был полон тоски до рассвета дня.' ... 'Среди всех моих разочарований мне приходилось бороться с рычащим львом, который очень любит ловить рыбу в мутной воде. Он настоятельно посоветовал мне не есть, потому что у меня не было права на пищу; или, если бы я отважился это сделать, враг заверил меня, что гнев Божий обрушится на меня вместе с моим куском; и что я утратил право на божественную милость и, следовательно, не имею ничего общего ни с одним из Божьих созданий.' ... "Однако искушения сильного врага были настолько сильны, что я часто забывал съесть свой хлеб и не осмеливался попробовать это; и когда, по уговорам моей жены, я когда-либо делал это, враг в течение дня жестоко избивал меня, уверяя, что гнев Божий сменился тем, что я принял". ... "Враг, в конце концов, так преследовал меня, что он яростно внушал моей душе, что когда-нибудь Бог внезапно уничтожит меня, как ударом грома: это так наполнило мою душу страхом и боль от того, что время от времени я оглядывался вокруг, ожидая божественного удара, все еще ожидая его приближения; да, много ночей я не смел уснуть, опасаясь, что проснусь в вечном пламени. *"Редкая сердечность" Стивенсона, стр. 11-13.* Другой бедняга, услышав одну из проповедей Смитона в 1740 году, говорит: "Итак, я видел себя осужденным преступником; но я не знал дня своей казни. Я думал, что между мной и адом нет ничего, кроме хрупкой нити естественной жизни.' ... 'И в этом ужасном смятении я не смел уснуть, опасаясь, что проснусь в вечном пламени'. ... 'И сатана яростно напал на меня, чтобы лишить меня собственной жизни, видя, что мне нет пощады'. ... "Вскоре после этого искушитель снова яростно напал на меня, чтобы лишить меня собственной жизни; для этого он подарил мне нож; в доме не было никого, кроме меня. Враг преследовал меня так близко, что я не мог вынести даже вида ножа, но убрал его.' ... 'Однажды вечером, когда я был на улице, сатана яростно набросился на меня, чтобы я бросился в море и утопился; это была бы самая легкая смерть. Тогда на меня напал такой страх перед сатаной, что у меня затряслись суставы, так что мне было тяжело идти домой пешком; и когда я подошла к двери, то никого внутри не

обнаружила; я боялась войти в дом, чтобы сатана не получил надо мной власти". *Воспоминания о жизни и переживаниях Марион Лэрд из Гринока*, стр. 13, 14, 19, 45, 223, 224.

[517] Биннинг говорит, что 'со времен первого восстания' (то есть грехопадения Адама) 'не видно ничего, кроме ужасного лика разгневанного Бога'. *Проповеди Биннинга*, том iii. стр. 254.

[518] "Он будет, так сказать, подстерегать грешников, чтобы воспользоваться всеми преимуществами, чтобы погубить их". *"Изложение Хатчесона о Малых Пророках"*, том i, стр. 247.

[519] "Его гнев бушует против стен, домов и лишенных чувств существ больше сейчас, чем в то время" (*то есть* во времена написания Ветхого Завета). 'Посмотрите, какое опустошение он учинил в Ирландии, какое поедание лошадей, младенцев и убитых воинов произошло в этой стране и в Германии'. *Свободный спор Резерфорда против мнимой свободы совести*, стр. 244, 245.

[520] "Хотя и не было земного человека, который преследовал бы врагов Христа; все же ангелы-мстители или злые духи будут выпущены на них и их семьи, чтобы беспокоить их". *Объяснение первых пятидесяти Псалмов Диксона*, стр. 229.

[521] "У Бога есть много путей и средств, с помощью которых можно досаждать человеку и достигать его удовлетворения". *Изложение Хатчесона о Малых Пророках*, том i, стр. 286. 'У Бога есть множество средств, с помощью которых можно изводить людей и навлекать на них любое бедствие, которое он замышляет против них; и особенно у него есть несколько способов, с помощью которых можно вызвать голод. Он может заставить всех своих созданий лишать людей пропитания, одно за другим; он может менять обстановку, и мелкие насекомые делают это, когда ему заблагорассудится.' *Там же.*, том i, стр. 422. То же самое божество в другом тщательно разработанном трактате отчетливо приписывает Божеству ощущение удовольствия от причинения вреда даже невинным. 'Когда Бог внезапно посылает бич в виде меча, голода или мора, чтобы свергнуть и истребить людей, это касается не только нечестивых (что здесь предполагается), но даже невинных, то есть таких, которые праведны и свободны от грубых провокаций; ибо, в любом другом смысле, никто не невинен или не свободен от греха в этой жизни. Да, далее, испытывая невинных этими бедствиями, *Господь, по-видимому, действует так, как будто он доволен этим* и мало возмущается огромными ограничениями, на которые их давят.' *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, 1669, фолио, стр. 123. Сравните стр. 359. 'Господу угодно проявлять великое разнообразие в причинении страданий детям человеческим' и проч. Но, в конце концов, простые выдержки могут дать лишь слабое представление о темном и злобном духе, который пронизывает эти писания.

[522] "Нынешняя нехватка и голод, охватившие многих, очевидно, вызваны сильным гневом Бога против против" *Выдержки из Протокола Синода Файфа*, стр. 98. 'Сокрушение плодов земли'. *Изложение Хатчесона о Малых пророках*, том i, стр. 277. 'Заставляет плоды увядать'. *Там же.*, том ii. стр. 183. 'Хи удерживает облака и связывает лоно небес во время сильной засухи'. *"Умиравший Христос" Рутерфорда*, стр. 52. "Иногда он превращает воздух вокруг в латунь, а землю под ним в железо; так что, хотя люди трудятся и сеют, все же они не получают прироста: иногда, в должное время, идут первый и поздний дожди, так что земля приносит изобилие, но Господь посредством порывистых ветров или гусениц, язвенных червей и

попрыгунчиков уничтожает их, которые выступают как взыскатели и офицеры, посланные Богом, чтобы наказать людей в их трудах". *товары. "Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 433.

[523] "Из-за недавней нехватки этот народ сильно страдал, бедняков было много, и многие, особенно в окрестностях города Килсайт, были на грани голодной смерти; однако, как я часто замечал им, я не мог видеть, чтобы кто-нибудь обращался к Господу, который поразил их, или взывал к нему из-за своих грехов, в то время как они были на своих постелях в поисках хлеба." *Рассказы Риба о необычайной работе Духа Божьего*", стр. 68.

[524] *Дневник Николла*, стр. 152, 153. Обильные дожди осенью были "гневом Господа на землю". *Протоколы заседаний пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 179.

[525] "Люди потеют, возделывают землю, много сеют, и солнце, и лето, и облака, теплые росы и дожди улыбаются корнсу и меддоу, но Бог встает между устами земледельца и серпом и уничтожает все". *"Смерть Христа" Резерфорда*, стр. 87. Сравните *Письма Бейли*, том iii, стр. 52, о "продолжении очень сильного дождя на мозолях" как об одном из "великих знамений гнева Божьего".

[526] "Когда Господь раздражен, он может не только наслать бедствие, но и распорядиться им таким образом, чтобы показать лучшую участь и усилить ожидания и желания грешников, что может сделать ее наиболее печальной". *Изложение Хатчесона о Малых Пророках*, том iii, стр. 9, 10.

[527] В 1696 году в Эдинбурге случился пожар; после чего Монкриф в своей проповеди на следующий день "сказал нам, "Что Глас Божий взывал к этому городу, и что он пришел к самым портам, и взывал к нам через стены; что мы должны изменить наши пути, чтобы он не пришел в наш город и не поглотил нас в аду". ужасная манера". Я не могу сказать, что это Провидение произвело на меня" и т.д. *Мемуары или духовные упражнения Элизабет Уэст, написанные ее собственной рукой*, стр. 41, 42. Смотрите также, на стр. 122, 123, рассказ о другом пожаре, где сказано: 'в этом огне было много от Бога'. Сравните любопытный отрывок из *"Истории шотландской церкви" Калдервуда*, том vii, стр. 455, 456.

[528] У преподобного Джеймса Фрейзера был фурункул, а затем поднялась температура. "Во время этой болезни он чудесным образом унял боль от моего фурункула и быстро, без всяких средств, вылечил его; хотя я и купил кое-что, чтобы предотвратить это, все же, рассматривая это как Божье наказание, я не знал, смогу ли я взять розгу из его рук и оказать ему противодействие". *Воспоминания преподобного Джеймса Фрейзера из Бреа, служителя Евангелия в Калроссе, написанные им самим, в Избранных биографиях*, т. ii, стр. 223. Дарем выступает против 'греховного избегания страданий', а Резерфорд говорит: 'Ни один человек не должен радоваться слабости и болезням; но я думаю, что мы можем испытывать своего рода радость при появлении фурункулов и язв, потому что без них пальцы Христа, как закланного Господа, никогда бы не коснулись нашей кожи'. *Закон Дарема Незапечатанный*, стр. 160; *Религиозные письма Резерфорда*, стр. 265. Я не знаю, какой эффект эти отрывки могут произвести на читателя, но у меня мурашки бегут по коже, когда я их цитирую. Сравните *Редкое, укрепляющее душу и утешающее сердечное произведение Стивенсона*, стр. 35.

[529] Только в конце восемнадцатого века шотландское духовенство отказалось от этой идеи. В конце концов, даже они оказались под влиянием насмешек, которым подвергало их их суеверие и которые произвели больший эффект, чем мог бы произвести любой аргумент. Однако

доктрины, которые они и их предшественники долгое время насаждали, настолько развратили общественное сознание, что, я полагаю, даже в девятнадцатом веке можно найти примеры того, как шотландцы считали меры предосторожности против оспы преступными, или, как они это называли, пренебрежением к Провидению. Последнее свидетельство, к которому я могу на данный момент прикоснуться, содержится в томе, опубликованном в 1797 году. Преподобный Джон Патерсон утверждает, что в приходе Олдерн, в графстве Нэрн, "Очень немногие стали жертвой оспы, хотя люди в целом питают отвращение к прививкам из-за общей мрачности их веры, которая учит их, что все болезни, поражающие человеческое тело, являются примерами Божественного вмешательства для наказания за грех; поэтому любое вмешательство с их стороны они считают узурпацией прерогатив Всемогущего". *Синклера Статистический отчет Шотландии*, том хіх. стр. 618, Эдинбург, 1797. См. также том хіv. стр. 52, Эдинбург, 1795. Это хорошо сказано. Без сомнения, столь жалкое и пагубное суеверие среди людей было результатом 'общей мрачности их веры'. Но преподобный Джон Патерсон забыл добавить, что мрачность, на которую он жалуется, находилась в строгом соответствии с учениями самого способного, самого энергичного и самого почитаемого шотландского духовенства. Мистер Патерсон не отдает должного своим соотечественникам и скорее должен был бы похвалить упорство, с которым они придерживались инструкций, которые давно привыкли получать.

[530] Преподобный Джон Уэлш, страдающий от болезненного расстройства, а также от других неприятностей, пишет: 'Моих душ невозможно выразить словами'. ... 'Это гнев Господа'. Смотрите его письмо в *Сборнике Общества Вудроу*, том і, стр. 558. См. также книгу Купера "Разверзшиеся небеса", стр. 128. Боль в боку была делом рук "Господа" (*Воспоминания Мэрион Лэрд*, стр. 95); так же было и с болью в горле (*Воспоминания Васта*, стр. 203); и так же было с лихорадкой при плеврите. *Рассказы Роуба об экстраординарной работе Духа Божьего*, стр. 66.

[531] В январе 1653 года "Этот тайм, и мони монетис умер, став великим наследником вайнса. В этом также проявилась Божья справедливость по отношению к этому гражданину за злоупотребление этим блаженным прошлым многих людей". *Дневник Николла*, стр. 105.

[532] Эта идея укоренилась так глубоко, что мы фактически находим публичный пост и унижение заказанными из-за "нынешней неотесанной бури с морозами и снегопадами, которая продолжается до тех пор, пока не умрет самое скверное'. *Отчеты о заседании Кирки, Пресвитерии и Синоде Абердина*, стр. 82.

[533] "Собака отчаянно укусила меня за ногу. Я не сразу получил это, но увидел в этом руку Божью". *Мемуары Васта*, стр. 114.

[534] 'Очевидным свидетельством Божьего гнева, охватившего землю, является чрезвычайная засуха'. *Отчеты о заседании Кирки, Пресвитерии и Синоде Абердина*, стр. 78.

[535] 'Величественные синнесиннесы земли произвели много снимков godis wraith; именно, в эту весеннюю пору, на весь февраль, и большая пара Марке была полна хэви вейти'. *Дневник Николла*, стр. 152.

[536] *Великая забота Халибертона о спасении*, стр. 85. "Исполнение Священного Писания" Флеминга, стр. 101, 149, 176. *Книга Бальфура*, том і, стр. 169. *Проповеди Бостона*, стр. 52. *Человеческая природа Бостона в ее четырехчастном состоянии*, стр. 67, 136. *Воспоминания Мэрион Лэрд*, стр. 63, 90, 113, 163. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, стр. 62, 91, 140, 187, 242, 310, 449, 471, 476, 527, 528.

[537] "Война - это одно из жестоких бедствий, которыми Бог наказывает нечестивые народы; и оно обрушивается на людей не случайно, а *по особому промыслу Бога*, который держит мир и войну в своих руках". *"Изложение Малых пророков" Хатчесона*, том ii. стр. 3. В 1644 году 'Гражданская война разрушает Испанию, а недавно и Италию: судя по всему, она надвигается на Францию. Справедливый Господь, который терпеливо взирает на нечестие народов, наконец *восходит в ярости*.' ... 'Шведский и датский флоты после ожесточенного боя готовятся к новому наступлению: есть опасения, что вскоре там прольется большая кровь, как на море, так и на суше. *Гнев Господень* против всего христианского мира велик.' *Письма и дневники Бейли*, том ii. стр. 190, 223.

[538] 'Землетрясения, посредством которых Бог, когда он разгневан, ниспровергает даже горы'. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, стр. 114. 'Министры и заседатели, собравшиеся в сессионном доме, рассматривают страшный инцидент, который произошел в этот момент, во всем этом городе, около девяти часов вечера, как документ, свидетельствующий о том, что Бог разгневан на землю и на этот город в частности, за многочисленные грехи народа' и т. *Д.Отчеты о заседании Кирки, Пресвитерии и Синоде Абердина*, стр. 64.

[539] 'Какие бы естественные причины ни приводились для этих тревожных явлений, система комет все еще настолько неопределенна, и они так часто предшествовали разрушительным ударам и поворотам в общественных делах, что, кажется, они созданы провидением для того, чтобы подтолкнуть грешников к серьезному поведению. Эти проповедники с небес, когда Божьи посланники замолчали, ни принц, ни прелат не смогли остановиться.' *История Шотландской церкви Вудроу*, том i, стр. 421.

[540] "Люди всех мастей приходят в церкви, чтобы осудить Божий гнев". *"Анналы Бальфура"*, том i, стр. 403. Это было в 1598 году.

[541] "Этим он проявляет свою силу и показывает себя ужасным". *"Комментарий Дарема к Книге Откровения"*, стр. 33. Сравните "Историю Кирки" Роу, стр. 333; и отрывок из "Мемуаров Лэрда", стр. 69, который показывает, с какой жадностью их доверчивые слушатели впитали в себя такие представления: "Было несколько явных свидетельств того, что праведные суды Господни распространились по земле; сильные раскаты грома" и т.д.

[542] "Глупость и бессмысленность человека больше, чем у грубых созданий, которые все больше трепещут от грома, чем сердца людей по большей части". *Объяснение первых пятидесяти Псалмов Диксона*, стр. 193. Хатчесон делает аналогичное замечание относительно землетрясений. 'Дрожание бесчувственных созданий, когда Бог гневается, служит для осуждения людей, которые не осознают этого и не склоняются под его рукой'. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, стр. 115.

[543] Леди Колсфилд 'родила двух или трех дочерей и греховно желала сына, который унаследовал бы поместье Колсфилд'. *Анализ Водрова*, том iii. стр. 293.

[544] Под влиянием этого ужасного вероучения любезная мать Дункана Форбса, написав ему письмо с уважением к его собственному здоровью и здоровью его брата, говорит 'о моем грешном, провоцирующем Бога беспокойстве как за ваши души, так и за тела'. *"Жизнь Ловата и Форбса" Бертон*, стр. 724. Теологическая теория, лежащая в основе и предполагающая это, заключалась в том, что 'благодать обуздывает эти привязанности'. *Человеческая природа Бостона в ее четырехчастном состоянии*, стр. 184. Отсюда его жестокое применение в дни,

отведенные для религиозных целей. Преподобный мистер Лайон (*История Сент-Эндрюса*, том i, стр. 458) упоминает, что некоторые шотландские священнослужители при составлении правил управления колонией вставили следующий пункт: "Ни один муж не должен целовать свою жену, и ни одна мать не должна целовать своего ребенка в день субботний".

[545] 'Чем больше вы радуете себя и мир, тем дальше вы от угождения Богу'. *Проповеди Биннинга*, том ii. стр. 55. В другом месте (том ii. стр. 45): "Дружелюбие к самим себе - это вражда к Богу".

[546] 'Удовольствий следует избегать особенно тщательно: потому что они одновременно вредят и обманывают'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 251. На стр. 268 тот же авторитет говорит: "Убей свое тело и приведи его в подчинение, воздерживаясь не только от незаконных удовольствий, но и от законных и безразличных наслаждений".

[547] Согласно *"Изложению Иова" Хатчесона*, стр. 6, "нет времени, когда люди были бы более готовы к выкидышу и обнаруживали в себе какие-либо горькие корни, чем когда речь шла о щедром использовании созданий и среди поводов для веселья'. Как созрела эта доктрина, лучше всего можно проиллюстрировать на примере чувств, которых придерживался еще в начале восемнадцатого века полковник Блэкадер, шотландский офицер, который также был образованным человеком, много повидавшим на своем веку и которого в какой-то степени можно было бы назвать светским человеком. В декабре 1714 года он отправился на свадьбу и, вернувшись домой, пишет: 'Я был весел и, возможно, слишком сильно поддавался на шутки, но, надеюсь, не легкомыслен и не тщеславен в разговоре. Я желаю, чтобы моя речь всегда была приправлена солью и приносила пользу слушателям. Засиживаюсь допоздна и достаточно весел, хотя и надеюсь, что невиновен; но я не стану оправдываться.' *Жизнь и дневник лейтенанта.-полковник Дж. Блэкадер, автор Эндрю Крайтон*, стр. 453. В другой раз (стр. 511), в 1720 году, он был на званом вечере. 'Молодые люди были веселы. Я сдерживал себя, боясь зайти слишком далеко, и присоединился совсем немного, только для того, чтобы не показать угрюмости или невоспитанности. Мы засиделись допоздна, но беседа была невинной, и мы не пили ничего, кроме того, что нам нравилось. Однако потрачено много времени, чему я не смею оправдываться. *Во всем, что мы оскорбляем.*' На стр. 159 он пишет: "Я всегда должен был бы подмешивать в свои рассуждения что-нибудь назидательное"; и, как говорит его биограф (стр. 437), "Беседу, когда она переставала достигать этой цели, он считал, что она *вырождается в праздное развлечение*, которое следует сдерживать, а не поощрять".

[548] 'Часто бывайте в самом серьезном обществе и общении с теми, кто полон скорби'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 416. Сравните нападки на "слишком много плотского веселья" в книге Дарема *"Закон нераскрытый"*, стр. 323; в *"Исполнении Писания" Флеминга*, стр. 226; и в *"Изложении посланий Павла" Фергюссона*, стр. 227. См. также *"Духовная война"* Грея, стр. 42. Купер говорит: 'Горе тем, кто сейчас смеется, ибо, несомненно, они будут плакать, концом их радости будет бесконечная скорбь и скрежет зубов, они будут обильно лить слезы об Исаве, но не найдут места для милосердия'. *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 271. Хатчесон, проявляя необычную щедрость, время от времени допускает смех. Он говорит: 'Людам дана способность смеяться, которая, безусловно, используется, по крайней мере иногда; и развлечения иногда необходимы людям серьезным и занятым важными делами'. ... "И в частности, смех иногда законен для магистратов и других лиц, несущих общественную ответственность, не только потому, что они могут воссоздать себя, но и потому, что таким

образом и подобными вкрадчивым манерами они могут завоевать любовь людей'. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, редактировать. фолио, 1669, стр. 389, 390.

[549] В 1650 году, при Карле II. когда он был в Шотландии, "духовенство очень резко осуждало его, если он улыбался в те дни' (по воскресеньям). *История восстания Кларендона*, книга xiii. стр. 747, изд. Оксфорд, 1843.

[550] О Дональде Карджилле говорят, что 'само его лицо было поучительным для созерцателей; часто вздыхание сопровождалось глубокими стонами'. *Облако свидетелей Царственных прерогатив Иисуса Христа*, стр. 423. Знаменитый Джеймс Дарем был 'человеком чрезвычайно серьезным и почти ничему не улыбался'. *Биография Шотландца Хоуи*, стр. 226. О Ливингстоне нам рассказывают, 'что он был очень любящим человеком и много плакал; что это была его обычная манера, и ее можно было наблюдать почти каждую субботу, что, когда он поднимался за кафедру, он немного насыщался и смотрел сначала в один конец церкви, а затем в другой; и тогда, как правило, слезы выступали у него на глазах, и он плакал, и часто он начинал свое предисловие и свою работу со слезами'. *Анализ Водрова*, том ii. стр. 249. Джеймс Александер 'имел обыкновение много плакать в молитве и проповеди; он был во всех отношениях самым приятным'. *Там же.*, т. iii. стр. 39. Что касается преподобного Джона Карстера, "его оркестр в субботу был бы весь мокрый, как если бы его облили слезами, прежде чем он закончил свою первую молитву". стр. 48. Эйрд, священник Далсерфа, "много плакал" (*Там же.*, т. iii. стр. 56): "Мистер Джеймс Стирлинг говорит мне, что он был самым пылким, любящим, плачущим проповедником". стр. 172; и Преподобный Александр Данлоп был известен тем, что было названо "святым стоном", т. iii. стр. 21. Смотрите также, о плаче как признаке религии, *Воспоминания Васта*, стр. 83, 84; и *Рассказ Роуба о необычайной работе Духа Божьего*, стр. 21, 31, 75, 150. Я сомневаюсь, уместно ли цитировать один отрывок из самых популярных шотландских проповедников, но важно, чтобы их идеи были известны, если мы хотим понять историю Шотландии. Резерфорд, указав, кому именно мы должны стремиться подражать, добавляет: "Насколько мы читаем, Христос никогда не смеялся на земле, но он плакал". *"Смерть Христа" Резерфорда*, 1647, 4то, стр. 525. Я публикую это без малейшего непочтения; Боже упаси меня от этого. Но меня ничто не удержит от того, чтобы позволить этому веку увидеть реальный характер системы, которая нацелена на уничтожение всего человеческого счастья, возбуждение рабского и низменного страха и превращение этого великолепного мира в один огромный театр горя.

[551] "Ходите трезвым шагом, а не "цокая ногами". *Мемуары преподобного Джеймса Фрейзера, написанные им самим*, в *Избранных биографиях*, том ii. стр. 280. "Это чем-то похоже на это или меньше этого, что Господь осуждает, Ис. iii. 16: 'Ходить и семенить, или спотыкаться и цокать ногами'. Что это, как не пренебрежение к серьезному образу жизни, чтобы использовать его в качестве искусства? как многие делают сейчас, в наши дни; и разве это будет неужгодно Господу, а не кому-то другому? видя, что он любит местный способ ношения тела и больше всего доволен им.' *Закон Дарема раскрыт*, стр. 324. 'Верующий имеет или, по крайней мере, должен иметь и, если он похож на себя, будет иметь хорошо организованную походку и будет вести себя в своей осанке величественно и по-королевски". *Изложение Песни песней Соломона Даремом*, стр. 365.

[552] Дома пишу письма другу. Я склонен к шуткам и юмористике. Письмо было слишком комичным; и после того, как я его отослал, я убедился, что оно было слишком легким и глупо

шутило. Я отправил, получил его обратно и уничтожил. Мой характер заходит слишком далеко, и я должен обуздать его, быть более настороже и во всем искать назидания. ' *Жизнь Крайтона и дневник Блэкэйдера*, стр. 536, 537. Даже среди маленьких детей, от восьми лет и старше, игрушки и игры были плохими; и это был хороший знак, когда от них отказывались. 'Некоторые совсем юные, восьми и девяти лет, некоторые двенадцати и тринадцати. Они все больше и больше склонялись к своему долгу, так что встречались три раза в день: утром, вечером и в полдень. Кроме того, они оставили все свои детские фантазии и игры; так что тех, кто пробудился, можно узнать по их выражению лица и разговорам, по их походке и поведению. ' *Рассказы Роуба об экстраординарной работе Духа Божьего*, стр. 79, 80.

[553] 'Для непорочного человека мир пахнет, как сад Божий' ... 'мир для него - не дурно пахнущий вонючий корпус'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 498. Но те, кто был должным образом умерщвлен, знали, что "земля - это всего лишь дом горшечника" (*там же.*, стр. 286); "старый, совершенно изношенный ящик" (*там же.*, стр. 530); "дымный дом" (*Религиозные письма Резерфорда*, стр. 100); "покрытый пеленами, прогнивший мир" (*там же.*, стр. 132); и "пепельная и грязная земля" (*там же.*, стр. 169). 'Земля также покрыта (подобно лицу женщины, некогда красивому, но теперь обезображенному струпьями проказы) чертополохом, колючками и множеством бесплодных зарослей'. *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 255.

[554] 'Усталость и движение свойственны Луне и Солнцу, а также всем существам на этой стороне Луны. Моря приливы и отливы, и это проблема; дуют ветры, текут реки, небеса и звезды все эти пять тысяч лет, за исключением одного раза, не отдыхали и шести минут. ' ... 'Солнце, которое никогда не отдыхает, но движется ночью так же быстро, как и днем'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 12, 157. "Это старость мира; он приходит в упадок; хотя это кажется справедливым и прекрасным в глазах тех, кто не знает ничего лучшего, а для тех, кто пришел из вчерашнего дня и ничего не знает, это выглядит так, как будто это было создано вчера; однако истина в том, и верующий знает, что она близка к могиле". *Проповеди Биннинга*, т. iii. стр. 372.

[555] 'Тогда, говорю я, это состояние, в котором находятся все вещи, которые вы видите, — это их старость. Нынешнее творение - это старый прогнивший дом, который весь провалился и накренился на одну сторону.' *Проповеди Биннинга*, том iii. стр. 398.

[556] 'Лилии и розы, которые, без сомнения, обладали большей сладостью красоты и запаха, прежде чем грех человеческий сделал их тщеславными'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 185.

[557] 'Небеса, которые считаются нетленными, но они стареют, как одежда'. *Проповеди Биннинга*, том i, стр. 95.

[558] "Чем ближе солнце подходит к концу своего дневного пути, тем меньше его силы, ибо мы видим, что Солнце вечером угасает от жары; так и есть, чем дольше оно вращается по своей сфере, тем слабее оно становится; и, по всему подобию святого духа, как одеяние, тем слабее оно". чем старше она становится, тем менее красивой. ' *"Небеса разверзлись" Каупера*, стр. 255.

[559] 'Это чувство настолько деликатно по своей природе, что, поскольку это было первое чувство, которое оскорбило, оно, как и все остальные, подвержено (в качестве достойного наказания) стольким болезням, сколько недель в году'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр.

501. Шотландские богословы были крайне недовольны нашими глазами. Резерфорд презрительно называет их 'двумя глиняными окнами'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 570. Грей, идя еще дальше, говорит: 'Эти наши проклятые глаза'. *Великие и драгоценные обещания Грея*, стр. 53.

[560] 'Истинная видимая Церковь, где установлены Божьи постановления, как он назначил, где Его слово проповедуется в чистоте, является самой прекрасной вещью под небесами'. *Объяснение первых пятидесяти Псалмов Диксоном*, стр. 341.

[561] У меня есть один очень поздний и в этом отношении очень любопытный пример распространения этого чувства в Шотландии. В 1767 году в грамматической школе Гринока открылась вакансия. Это было предложено Джону Уилсону, автору "Клайда". Но, как говорит его биограф, "магистраты и священник Гринока сочли нужным, прежде чем допустить мистера Уилсона к руководству грамматической школой, оговорить, что он должен отказаться от "нечестивого и бесполезного искусства сочинения стихов"". *"Жизни выдающихся шотландцев" Общества древних шотландцев*, 1821, т. v., стр. 169.

[562] 'сентябрь. 22. 1649.—В тот злополучный день, когда Сессюн устроил этот акт, чтобы в брайделсе не было пайперов, и если кто-нибудь когда-либо будет играть в их брайделле в день свадьбы, потеряет вложенные деньги и будет наказан еще больше, как сочтет нужным Сесюн.' *Выдержки из реестров пресвитерии Глазго и церковных сессий приходов Камбузнетан-Хамби и Стирлинг*, стр. 34. Этот любопытный том состоит из кварто и не имеет даты; если, конечно, в моем экземпляре не хватает одного из титульных листов.

[563] Смотрите Протоколы заседания Кирка в Глазго в *сборниках Вудроу о жизни служителей*, том ii. часть ii. стр. 76; также дело "Мьюр, Пайпер" в *Отрывках из протоколов Пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 72.

[564] Это представление сохранялось, вероятно, до начала нынешнего столетия; уж точно до конца прошлого. В работе, опубликованной в Шотландии в 1836 году, утверждается, что был еще жив священник, который подвергся 'суровому порицанию' только за то, что во время представления Панча 'слуга был послан к артисту с просьбой подойти к окнам дома ее хозяина, чтобы священник и его жена могли насладиться зрелищем'. *"Традиции Перта" Джорджа Пенни*, Перт, 1836, стр. 124.

[565] '17 февраля 1650 г. Актом комиссии Генеральной ассамблеи во всех церквях Эдинбурга запрещены беспорядочные танцы.' *Дневник Николла*, стр. 3. См. также *Акты Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии*, 1638-1842 гг., стр. 201; *Реестр сессии Кирка Камбузнетана*, стр. 35; *Протоколы Пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 55, 181; *Протоколы Синода Файфа*, стр. 150, 169, 175; и избранный отрывок из *Сборника проповедей выдающихся богословов*, стр. 51.

[566] Смотрите *Выдержки из протоколов сессии Кирки, Пресвитерии и Синода Абердина*, стр. 77, 78, запрещающие кому бы то ни было 'есть мясо или пить за этих сангстери или латиноамериканцев в их домах'. Певцов должны были 'посадить в тюрьму'.

[567] В 1643 году Пресвитерия Сент-Эндрюса распорядилась, чтобы "из-за большого злоупотребления, которое распространено среди них из-за привлечения множества людей к крестинам и контрактам, служителям и сессиям было поручено принять строгий порядок для

ограничения этих злоупотреблений, так что по количеству они не превышают шести или семи. А также предписывает, чтобы конюхи, которые допускают подобные выпады, подвергались осуждению на заседаниях.' *Протоколы Пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 11. Смотрите также *Отчеты сессии Кирка, Пресвитерии и Синода Абердина*, стр. 109, 110, в которых жалуются на обычай, "согласно которому каждый подлый подневольный мужчина в тауне, когда ему нужно крестить ребенка, приглашает своих родителей или секстенов быть его опекунами и крестными отцами для своего ребенка" и т. Д.; и предписывают, "что не следует допускать, чтобы любой житель этого города, каким бы он ни был, может пригласить кого-либо в качестве крестного отца на обед в единственном экземпляре, не более двух или четырех, поскольку киркский чиновник прямо приказывает и запрещает, чтобы с этого момента он не назначал никого в качестве крестного отца и не назначал никого в качестве вице-президента в редар, не более четырех, и все самое большое порицание, которое он может понести, было противоречием, и это постановление должно быть открыто разъяснено с кафедры, что люди не притворяются невежественными, тайроф.

[568] Они запретили музыку и танцы и приказали, чтобы присутствовало не более двадцати четырех человек. Смотрите постановление 1647 года о "Пенни брайделлс" в *Протоколах пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 117. В 1650 году "Пресвитерия, к сожалению, была поражена сообщением о продолжении, чрезмерных и неоправданно многочисленных скоплениях людей в пенни-бридлз, а также о нецелесообразности и незаконности одновременного пьянства и танцев, столь скандальных и греховных в этом прискорбном состоянии наших Церквей"; и опасаясь, что служители и члены кирк-сессии не были столь бдительны и активны (как нейд верр) для подавления этих беспорядков, дое поэтому самым серьезным образом рекомендую министрам и членам Киркстага пресечь то же самое.' *Там же*. стр. 169, 170. См. далее, *Реестры пресвитерии Ланарка*, стр. 29; и *Выдержки из Книги пресвитерии Стратбоги*, стр. 4, 144.

[569] Смотрите два любопытных примера ограничения цены в "*Истории Дамбартоншира*" Ирвинга, стр. 567; и в сборниках Вудроу "*О жизни священников*", том ii. часть ii. стр. 34.

[570] "Какое же он мерзкое, надменное и подлое создание, насколько осквернена и отчаянно порочна его натура, насколько отвратительны его поступки; одним словом, какое он сочетание тьмы и порочности — куча оскверненного праха и масса смятения, вместилище нечестия и беззакония, *даже лучшие представители человечества*, люди самого редкого и утонченного происхождения, *принимают их в лучшем виде*'. *Проповеди Биннинга*, том ii. стр. 302. Сравните *Человеческую природу Бостона в ее четырехкомпонентном состоянии*, стр. 26, 27.

[571] "Наименьший грех не может не заслужить Божьего гнева и вечного проклятия'. *Победа истины над заблуждением Диксона*, стр. 71. 'Все люди, даже возрожденные, грешат ежедневно'. *Там же*. стр. 153.

[572] "В наших лучших произведениях такая смесь разврата и греха, что они заслуживают его проклятия и гнева". *Там же*. стр. 130.

[573] 'Но теперь, отпав от Бога, он также настолько сильно выродился из своего собственного вида, что стал ниже зверей'. "*Небеса разверзлись*" Каупера, стр. 251. 'О! разве человек не стал таким грубым и невежественным, что его можно послать к полевым зверям за наставлением в том, что является его долгом?' *Духовная война Грея*, стр. 28. "Люди от природы более жестокие,

чем сами звери'. *Бостонская человеческая природа в ее четырехкратном проявлении*, стр. 58. 'Хуже, чем полевой зверь'. *Великая забота Халибертона о спасении*, стр. 71.

[574] "Младенцы, даже находящиеся во чреве матери, несут в себе достаточно вины, чтобы заслужить такие суждения"; т.е. когда женщин с ребенком "разрывают на части". *"Изложение Хатчесона о Малых пророках"*, том i, стр. 255.

[575] 'И в нашей речи наши Священные Писания и старые шотландские имена перестали запрашиваться; вместо *Отца* и *Матери* - *мама* и *папа*, которые учат детей говорить глупости и то, чего они не понимают. Эти несколько примеров, среди многих, которые можно было бы привести, являются дополнительными причинами Божьего гнева.' *Жизнь и смерть мистера Александра Педена, покойного служителя Евангелия в Нью-Гленлюсе, в Галлоуэе, в Пресвитерианской биографии Уокера*, том i, стр. 140.

[576] "Да, если бы Господь не удержал ее, она открыла бы рот и проглотила нечестивых, как она сделала с Корой, Дафаном и Авирамом". *Небеса Каупера разверзлись*, стр. 257. Сравните *Изложение Хатчесона о Малых пророках*, том i, стр. 507.

[577] 'В мире нет ничего более чудовищного, настолько деформированного, чем человек'. *Проповеди Биннинга*, том i, стр. 234. 'Во всем творении нет такого жалкого создания, как человек'. Там же. том iii. стр. 321. 'Ничего более жалкого'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 37.

[578] '17 декабря 1635 года. Упоминается исправительный дом, в который Сессия предписывает доставлять людей, как мужчин, так и женщин, и назначает им порку каждый день по желанию Сессии.' *Сборники Вудроу о жизни служителей*, том ii. часть ii. стр. 67.

[579] 22 октября 1648 года на заседании Кирки Данфермлина было приказано, чтобы некую Джанет Робертсон 'растерзали и выпороли по городу, а также поместили каленым железом'. *История Данфермлина Чалмерса*, стр. 437.

[580] "Как они наказывают денежными штрафами, так и телесно, заключая преступников в тюрьму, бесчестно используя их, возя их на телегах по городам, заставляя стоять на бревнах, как они их называют, столбах (которые в сельских церквях прикреплены к двум сторонам главного входа приходской церкви), отрезая им половинки волос, бреют бороды и т. Д., И это более чем обычно, в силу их "изначальной" и "надлежащей власти" изгонять их за пределы прихода или пресвитерии, как они того пожелают". *Пресвитерианский Дисплей*, стр. 4.

[581] Шотландское духовенство семнадцатого века было не слишком склонно к шуткам, но в одном из таких случаев проповедник, как говорят, рискнул сыграть каламбуром. Женщину по имени Энн Кэнтли заставляют нести епитимью: "Вот, - сказал священник, - вот одна из них на скамье покаяния, они называют ее *Кэнтли*; она сама говорит, что она честная женщина, но *яскудоумна*'. *Шотландское пресвитерианское красноречие*, стр. 125. Из того, что я читал о шотландском богословии, я могу засвидетельствовать точность этой книги в том, что касается ее общего характера. Действительно, автор, опасаясь быть полностью дискредитированным, часто несколько преуменьшал свою правоту.

[582] Как говорит Дарем в своем *Изложении Песни Песней Соломона*, стр. 451, "Честному верующему не в тягость признавать служителей Христа, повиноваться их доктрине и подчиняться их осуждению".

[583] Мужчина по имени Александр Лори предстал перед сессией кирки в Перте, и на вопрос священника, был ли он в свое последнее пребывание за пределами этой страны в Испании, ответил, что был в Португалии, но никогда не присутствовал на мессе, не оказывал почтения ни одной процессии и что никто никогда не спрашивал его о его религии. Поскольку упомянутый Александр был отстранен от должности и подвергнут порицанию, на Заседании (Кирка) было сочтено целесообразным предостеречь его от дальнейших поездок в эти края, за исключением того, что они были иным образом реформированы в религии.' *Выдержки из реестра сеансов Кирка в Перте, в Сборнике Споттисвуда*, том ii. стр. 274. Еще раньше, то есть в 1592 году, духовенство пыталось вмешиваться даже в торговлю, "утверждая, что маршаны не могли совершать вылазки в Испанию без опасности для своих солис, а потому желают, чтобы тейм в Божьей милости воздержался'. *История короля Якова Шестого*, стр. 254.

[584] Смотрите дело Патрика Стюарта и примечание мистера Лоусона к нему в *Книге Лоусона о Перте*, стр. 238. В данном случае "джентльмен-католик" был отлучен от церкви, что еще больше усугубило ситуацию.

[585] Пресвитерия Эдинбурга "своей исключительной властью разрешила проводить любой рынок в понедельник; причина заключалась в том, что это приводило к перемещению людей и лошадей накануне дня Господня, который предсказывал субботу". *Presbytery Displayd*, стр. 10. В 1650 году суббота также была введена другим церковным сенатом. "Пресвитерия назначает нескольких братьев в городах вести переговоры с теми, кто не изменил понедельники и субботы на другие дни недели, чтобы они могли поступать так *жерримо quoque tempore*". *Протоколы пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 53.

[586] В 1650 году из-за "поношения греха" женщинам не разрешалось работать официантками в тавернах, но "исключительно мужчинами - слугами и мальчиками". *Анналы Чемберса*, том ii. стр. 196. Этот приказ "носит красный и публичный характер во всех кирках Эдинбурга". *Дневник Николла*, стр. 5.

[587] "Оставляем за скобками, что Джанет Уотсон живет одна, где она может дать повод для клеветы", поэтому Патрику Питкэрну, старейшине, поручено от имени сессии увещевать ее либо выйти замуж, либо затем перейти на службу, в противном случае ей не позволят жить одной. ' *Записи сеансов Кирка в Перте, в Хронике Перта*, стр. 86.

[588] "Рукополагает двух сестер, Элспит и Джанет Стюарт, чтобы они больше не находились в доме со своей сестрой, но каждая из них должна отправиться на службу или туда, где их можно наилучшим образом развлечь без клеветы, под страхом защиты их личности и изгнания из города". *Кирк-Сейшн Зарегистрировался, в Книга Лоусона о Перте*, стр. 169.

[589] "Я уважаю Уильяма Киннира и признаюсь в его поездке в субботу, в которой, по его словам, не было особой необходимости, поскольку у него было две поездки в кроче, а в другой день шторма я заставляю его опасаться, что он не получит воды вовремя, и поэтому его заслуги могут пострадать". . Ему сделали резкое замечание и пообещали снова поступить как лайк". *Выдержки из протоколов заседания Кирки в Абердине*, стр. 136.

[590] 'Составить компанию Томасу Грею и признаться, что однажды воскресным утром он отправился в Калтер навестить друга и пробыл там всю ночь. Сессия предупредила его, согласно акту, на следующий день и назначила Патрика Грея, его хозяина, вызвать на следующий день для предоставления дополнительной информации по этому вопросу. (С резким упреком за кафедрой.)" *Выдержки из протоколов заседания Кирки в Абердине*, стр. 146.

[591] "Сообщалось, что Маргарет Бразерстоун поливала свой кайл в субботу, и таирвон была рукоположена для цитирования". ... "Маргарет Бразерстоун призналась в нарушении субботы, когда поливала свой кайл, и таирвон было рукоположено публично свидетельствовать о своем раскаянии на следующий день Господень". *Выдержки из протокола заседания Кирка Хамби*, стр. 42.

[592] Даже в середине восемнадцатого века 'священнослужители иногда подвергались клевете' ... 'за бритье' по воскресеньям. *Статистический отчет Шотландии Синклера*, том xvi. стр. 34, Эдинбург, 1795. В более ранний период никого нельзя было брить в этот день. См. *Сборник Споттисвуда*, том ii. стр. 276; и *Книгу Лоусона о Перте*, стр. 224, 225.

[593] 'Встретился с Джоном Гордоном из Авачи и признался, что согрешил, когда в субботу ехал на лошади в Милстон. Передано на сессию Кинора для вынесения порицания'. *Выдержки из Книги пресвитерии Стратбоги*, стр. 236. Смотрите также случай, упомянутый в *Письмах джентльмена с Севера Шотландии*, том i, стр. 172; "Эта воскресная верховая езда была сочтена большим скандалом".

[594] В 1647 году было назначено наказание всем, кто был виновен в 'сидении или праздной ходьбе по улицам и полям' в воскресенье. *Выдержки из протоколов Синода Файфа*, стр. 152. В 1742 году "сидеть сложа руки у своих дверей" и "сидеть около дверей" было богохульством. *Рассказы Роба об экстраординарной работе Духа Божьего*, стр. 109, 110. В 1756 году в Перте 'прогуливаться по полям или даже ходить по инчам считалось крайне греховным и недопустимым нарушением четвертой заповеди'. *Традиции Пенни из Перта*, стр. 36.

[595] В 1656 году 'Процитируйте Иссобелл Балфорт, служанку Уильяма Гордона, тайлера, которую нашли спящей на берегу озера в день Господень во время Проповеди'. *Выдержки из протоколов заседания Кирк-Сейшена в Абердине*. стр. 137. Даже для детей было грехом уставать от бесконечных проповедей, которые их заставляли слушать. Халибертон, обращаясь к молодежи своей паствы, говорит: "Разве вы не были рады, когда день Господень закончился; или, по крайней мере, когда проповедь была закончена, что вы могли получить свободу? Разве вам не было в тягость так долго сидеть в церкви? Что ж, это большой грех.' Смотрите этот примечательный отрывок в книге Хэлибертона *"Великая забота о спасении"*, стр. 100.

[596] В 1719 году пресвитерия Эдинбурга с негодованием заявляет: "Да, некоторые достигли такой высоты нечестия, что не стыдятся мыться в водоемах и купаться в реках в святую субботу". *Реестр пресвитерии Эдинбурга, 29 апреля 1719 г., в "Истории Эдинбурга" Арно*, стр. 204.

[597] Еще в 1691 году Кирк-Сейшн в Глазго пытался запретить всем мальчикам плавать, какой бы ни был день. Но поскольку Церковь в то время находилась в упадке, пришлось обратиться за помощью к гражданским властям. Каков был результат, я не смог установить. Однако в *сборниках Водроу о жизни министров есть любопытное уведомление*, том ii. часть ii. стр. 77, в котором говорится, что '6 августа 1691 года Сессия рекомендует магистратам подумать о

некоторых мерах по отстранению Бойса от плавания в связи с тем, что один из них недавно погиб'. Я встречался с другими свидетельствами на этот счет, но я не могу вспомнить отрывки.

[598] Преподобный Джеймс Фрейзер говорит: 'Мир - опасная штука и великое зло, а удобства в нем - ад'. *Избранные биографии*, том ii. стр. 220. Сравните *Духовную войну Грея*, стр. 22.

[599] "Хорошо постоянно страдать здесь". *Избранные биографии*, том ii. стр. 220. Грей, отстаивающий ту же доктрину, резюмирует свои замечания предположением, что "Я думаю, что у Давида никогда не было такого приятного времени, как тогда, когда его сын Авессалом преследовал его, как куропатку". *Великие и драгоценные обещания Грея*, стр. 14.

[600] 'Подозревать то, что доставляет удовольствие чувствам'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 63.

[601] Дарем в своем длинном каталоге грехов упоминает в качестве одного из них "старательное приготовление мяса, то есть когда оно слишком роскошно заправлено, для удовлетворения плотского аппетита и вкуса мужчин, или неба, его тонкостью, и другие курьезы такого рода'. *Закон Дарема незапечатанный*, стр. 333. См. также стр. 48, о "любителях вкуса"; и мнение Диксона о "самых редких блюдах и лучшем мясе". *Объяснение Псалмов Диксоном*, стр. 84. Согласно другому шотландскому богослову, тот, кто приготовит одно хорошее блюдо и оставит достаточно на второе, находится в неминуемой опасности. 'Тот, кто сыт и имеет достаточно, чтобы насытиться, легко отречется от Бога и возвысится против него: трапеза его будет сетью для его тела и ловушкой для его души'. *"Лекарство для души" Абернети*, стр. 421.

[602] Ибо, как говорит Абернети (*"Лекарство для души"*, стр. 488), 'люди не склонны прислушиваться к Слову, когда они преуспевают'. То же самое и Хатчесон в своем *Изложении Книги Иова*, стр. 387: "Слабость даже благочестивых людей такова, что они едва ли могут жить в достатке и не быть охваченными некоторой безопасностью, плотской самоуверенностью или другими неудачами".

[603] Смотрите эту теорию, разработанную в *книге Кокберна "Обет Иакова, или Счастье и долг человека"*, стр. 71-75. Он говорит: "И, конечно, жаждать большего, чем то, что необходимо для поддержания нашей жизни, несовместимо с той зависимостью и подчинением, которыми мы обязаны Богу, а также свидетельствует о большом тщеславии, безрассудстве и невнимательности'. Бостон, поражая саму основу практики обеспечения будущего, которая является первым и наиболее важным принципом всей гражданской мудрости и которая особым образом отличает цивилизованные нации от варваров, спрашивает своих слушателей: 'Почему люди должны ломать голову над тем, как обеспечить завтрашний день, в то время как они не знают, понадобится ли им что-нибудь потом?' *Бостонская человеческая природа в ее четырехчастном состоянии*, стр. 300. Хатчесон считает, что те, кто виновен в таком нечестивом благоразумии, заслуживают того, чтобы их морили голодом. 'Когда люди не довольствуются пищей и развлечениями, но все равно хотели бы накопить еще, справедливо с Божьей Стороны оставлять им не так много, как хлеб, и позволять людям зло смотреть на них и ощипывать их, даже пока у них есть мясо'. *Изложение Книги Иова Хатчесоном*, стр. 296. Биннинг, идущий еще дальше, угрожает вечной гибелью. 'У вас могут быть здесь необходимые вещи — пища и одежда; и если вы будете искать большего, если вы хотите быть богатыми и будете иметь излишки, тогда вы попадете во множество искушений, ловушек и пагубных похотей, которые утопят вас в гибели'. *Проповеди Биннинга*, том iii. стр. 355.

[604] "Если бы Бог сильно любил богатство, неужели вы думаете, что он раздавал бы его так щедро и сваливал бы его в кучу каким-то низким алчным негодяям?" Конечно, нет". *Проповеди Биннинга*, том iii. стр. 366. Грей в своем рвении бороться с богатством выдвигает еще одну доктрину, которую, насколько я помню, я нигде не встречал. Он говорит: "Все, что есть у владельца богатств, - это их созерцание; которое человек, проходящий мимо, может иметь, даже если он ими не владеет". *"Духовная война" Грея*, стр. 128. Я надеюсь, что читатель не заподозрит меня в том, что я злонамеренно выдумал какой-либо из этих отрывков. Книги, из которых они цитируются, все, за двумя или тремя исключениями, находятся в моей библиотеке, и с ними могут ознакомиться лица, проявляющие интерес к подобным вопросам.

[605] 'Отсутствие внешних проявлений радости в Шотландии, в отличие от частых праздников и веселья на континенте, было широко отмечено. Мы находим в записях о церковной дисциплине четкие следы процесса, посредством которого было проведено это различие. Для пуританской церкви шестнадцатого и семнадцатого веков каждое внешнее проявление естественного хорошего настроения было своего рода грехом, который следовало, насколько это было возможно, подавлять. " ... "Весь солнечный свет жизни был, так сказать, вытеснен из общества'. *"Анналы Шотландии" Чемберса*, том i. с. 336, том ii. с. 156.

[606] 'Христианин должен умерщвлять свои привязанности, которые являются его преобладающими похотями, к которым наши привязанности так сильно привязаны, и наша душа так сильно стремится'. *Духовная война Грея*, стр. 29. 'Эта благословенная работа по отлучению привязанностей от всего, что есть здесь'. *Великие и драгоценные обещания Грея*, стр. 86.

[607] "Один из наших более северных священников, приход которого расположен вдоль побережья между Спеем и Финдорном, заставил нескольких рыбаков покаяться за нарушение субботы, выйдя в море, хотя и исключительно с целью спасти судно, терпящее бедствие во время шторма". *Письма джентльмена с Севера Шотландии*, том i, стр. 173 .

[608] 'Глава семьи может и должен отказать в акте гуманности или гостеприимства незнакомцам, которые являются лжеучителями'. *Свободный спор Резерфорда против мнимой свободы совести*, стр. 176. 'Святой Дух запрещает хозяину каждой христианской семьи принимать еретика в качестве гостя. *Там же.*, стр. 219. См. также стр. 235.

[609] 'Мы считаем, что запрещение всех религий недалеко от богохульства'. *Свободный диспут Резерфорда против мнимой свободы совести*, стр. 20. "Если волкам будет позволено учить тому, что правильно в их собственной ошибочной совести, и не будет "Судьи, который пристыдит их", судья. xviii. 7, и нет Короля, который мог бы наказать их, тогда благочестие и все, что касается первой Скрижали Закона, должно быть нарушено.' *Там же.*, стр. 230. 'Уайльд и атеистическая свобода совести', стр. 337. 'Проклятая терпимость', стр. 400. Смотрите также в той же работе (стр. 110, 244) замечания Резерфорда об убийстве Сервета. В 1645 году Бейли, находившийся тогда в Лондоне, пишет: "Здесь независимые требуют взимания платы как для себя, так и для других сект. Мой совет - приходите вовремя, чтобы совершить здесь служение. Мы надеемся, что Бог поможет нам выразить протест против порочности такого взимания платы. ' И из-за того, что "Индепенденты" хотели проявить обычное милосердие к людям, которые отличались во мнениях от них самих, Бейли пишет в следующем году (1646): "У "Индепендентс" наименьшее представление о Божьей истине из всех известных нам людей'. *Письма и дневники Бейли*, том ii. стр. 328, 361. Блэр, который был в Лондоне в 1649 году,

был крайне раздосадован "самыми незаконными, нерелигиозными и порочными действиями сектантской армии"; одним из их преступлений была попытка 'разрушить религию своей веротерпимостью'. *Продолжение автобиографии мистера Роберта Блэра, министра Сент-Эндрюса*, стр. 213. Другие свидетельства этого духа преследования см. в книге Диксона *"Победа истины над заблуждением"*, стр. 159, 163, 199-202; *"Лекарство для души"* Абернети, стр. 215; *"Изложение Песни Песней Соломона"* Дарема, стр. 147; *"Комментарий Дарема к книге Откровение"*, стр. 141, 143, 330; и *"Шилдс выпустил заднюю часть"*, стр. 168.

[610] "Третье благо (являющееся ответвлением первого) - это ревность благочестивых против лжеучителей, которые будут настолько бережно относиться к истине и славе Божьей и безопасности Церкви (всему, чему угрожает заблуждение), что это преодолееет в них естественную привязанность; так что родители не должны *щадить своих собственных детей*, будучи соблазнителями, но либо совершив героический поступок (как это было с Финеесом, *Онемение. XXV. 8*), *сами сочтут его достойным смерти, вынесут приговор и приведут его в исполнение, либо заставят его понести наказание, доставив его к магистрату*", и т. Д 'Терпимость к ложной религии в доктрине или богослужении и освобождение заблуждающихся от гражданского наказания по Новому Завету не более законны, чем это было по Ветхому'. *Изложение пророчества Захарии в книге Хатчесона "Изложение о малых пророках"*, том iii. стр. 203, 8в. 1654.

[611] *Выборки из реестров Пресвитерии Ланарка*, стр. X. 33, 56, 63, 65, 73.

[612] Я копирую точные слова из *сборника Водроу о жизни служителей Шотландской церкви*, том ii. часть ii. стр. 71. Ранее от правительства был получен приказ, 'требующий от магистратов выдворить за пределы штата всех лиц, отлученных от должности'.

ГЛАВА V.

ИССЛЕДОВАНИЕ ШОТЛАНДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА В XVIII ВЕКЕ.

Чтобы завершить историю и анализ шотландского мышления, я должен теперь рассмотреть своеобразное интеллектуальное движение, появившееся в восемнадцатом веке и по нескольким причинам заслуживающее пристального внимания. По сути, это была реакция против того теологического духа, который господствовал в семнадцатом веке. Такая реакция вряд ли была бы возможна, если бы не тот факт, который я уже заметил, а именно, что политическая активность, вызвавшая восстание против Стюартов, спасла шотландский разум от застоя и предотвратила тот глубокий сон, в который его, естественно, погрузил бы прогресс суеверий. Длительный и упорный конфликт с деспотическим правительством сохранил живую настороженность и силу понимания, которые пережили борьбу, породившую их. Когда борьба закончилась и был восстановлен мир, способности, которые на протяжении трех поколений упражнялись в сопротивлении исполнительной власти, стали искать другого применения и нашли другую сферу, на которой они могли проявить себя. Следовательно, смелость, которая в семнадцатом веке была практической, стала в восемнадцатом веке спекулятивной и породила литературу, которая пыталась поколебать прежние мнения и нарушить древние ориентиры человеческого разума. Движение было революционным и имело такое же отношение к

церковной тирании, какое предыдущее движение имело к политической тирании. Но у этого нового восстания была одна поразительная особенность. Почти во всех других странах, когда интеллект справедливо противостоял исключительным притязаниям Церкви, случилось так, что возникшая светская философия была индуктивной философией, берущей за основу индивидуальный и специфический опыт и стремящейся с помощью этого средства ниспровергнуть общие и традиционные представления, на которых основана вся церковная власть. План состоял в том, чтобы отказаться принимать принципы, которые не могли быть подтверждены фактами; в то время как противоположный и теологический план состоит в том, чтобы заставить факты уступить принципам. В первом случае опыт предшествует теории; во втором случае теория предшествует опыту и управляет им. В теологии определенные принципы считаются само собой разумеющимися; и поскольку считается нечестивым подвергать их сомнению, все, что нам остается, - это рассуждать исходя из них. Это дедуктивный метод. С другой стороны, индуктивный метод ничего не уступает, но настаивает на восходящих рассуждениях и требует, чтобы у нас была свобода устанавливать принципы для самих себя. В полной схеме наших знаний, и когда все наши ресурсы будут полностью развиты и приведены в порядок, как это в конечном итоге должно быть, эти два метода будут не враждебными, а дополняющими друг друга и будут объединены в единую систему. В настоящее время, однако, мы очень далеки от такого результата; и не только каждый ум более склонен к одному методу, чем к другому, но мы обнаруживаем, что исторически разные эпохи и разные страны характеризовались степенью преобладания одной из этих двух схем; и мы также обнаруживаем, что изучение этого антагонизма является самым надежным способом понимания интеллектуального состояния любого периода.

То, что индуктивная философия еще более отмечена своими светскими тенденциями, чем научными, будет очевидно любому, кто понаблюдает за эпохами, в которые она была наиболее активна и имела наибольшее количество приверженцев. Хорошим примером этого является история французского мышления в восемнадцатом веке, где после смерти Людовика XIV мы можем ясно проследить связь между ростом индуктивного метода и последующим ниспровержением галликанской церкви. В Англии также расцвет философии Бэконизма с ее решимостью подчинить древние принципы современному опыту был тяжелейшим ударом, который когда-либо наносился теологам, чей метод состоит в том, чтобы начинать не с опыта, а с принципов, которые, как говорят, непостижимы и которым мы обязаны верить без дальнейших затруднений. И вряд ли мне нужно напоминать читателю, что едва эта философия утвердилась среди нас, как она породила те смелые исследования, которые быстро закончились падением Английской церкви при Карле I. После этого ужасного поражения наше духовенство на какое-то время частично восстановилось; но поскольку их очевидный успех в правление Карла II был обусловлен политическими изменениями, а не социальными, они не смогли восстановить свою власть над обществом, и, если нация не отступит, нет никакой возможности, что они когда-либо восстановят ее. На низшие слои умов они по-прежнему оказывают большое влияние; но философия бэконовцев, опорочив их излюбленный метод, подорвала саму основу их системы. С того момента, как их метод расследования был дискредитирован, секрет их могущества исчез. С того момента, как люди начали настаивать на исследовании действительности первых принципов, вместо того чтобы принимать их без исследования и смиренно подчиняться им как вопросам веры и необходимой веры; с того момента теологи, перемещаемые с одного поста на другой и постоянно отступающие перед давлением развивающегося знания, были вынуждены оставлять окоп за окопом, пока то, что они удерживали на своей бывшей территории, едва ли

стоило борьбы. В качестве последнего средства они в конце восемнадцатого века решили воспользоваться оружием своих противников; и Пейли и его преемники, расширив схему, которую Рэй и Дерхэм слабо набросали, попытались искусным применением индуктивного метода компенсировать своей партии неудачу дедуктивного. Но их проект, хотя и умело задуманный, сошел на нет. В настоящее время общепризнано, что из этого ничего нельзя сделать и что невозможно установить старые теологические предпосылки с помощью цепочки индуктивных рассуждений. В этом отношении самые выдающиеся философы согласны с самыми выдающимися теологами; и со времен Канта в Германии и Кольриджа в Англии никто из наших самых способных людей, даже среди самих богословов, не прибегал к плану, который Пейли действительно энергично проводил, но которому наши Бриджуотерские Трактаты, наши эссе, отмеченные наградами, и подобные школьные сочинения являются жалкими и бесплодными имитациями.[613] Ни один великий мыслитель сейчас не следует этим курсом в вопросах религии. Напротив, они предпочитают более безопасный и философский метод рассмотрения этих предметов на трансцендентальных основаниях, откровенно признавая, что они ускользают от понимания индуктивной философии, которая в сфере науки добилась таких значительных успехов.

Противоположность этих двух методов и неприменимость индуктивного метода к богословским занятиям, таким образом, очевидны, поэтому неудивительно, что шотландцы с большим рвением переняли один из методов, почти полностью исключив другой. Шотландия, будучи по сути теологической страной, следовала теологическому плану. Интеллектуальная история этой страны в семнадцатом веке - это почти полностью история теологии. За единственным исключением Нейпира, родившегося в середине шестнадцатого века, все наиболее энергичные мыслители были богословами. В физической науке почти ничего не было сделано.[614] Не было ни поэзии, ни драмы, ни оригинальной философии, ни прекрасных сочинений, ни светской литературы, которую сейчас стоит прочитать.[615] Единственными людьми, обладавшими реальным влиянием, были священнослужители. Они управляли нацией, и кафедра была главным двигателем их власти. С кафедры они приводили в движение все классы и всевозможные умы; как высшие, так и низшие. Там они наставляли их и угрожали им, говоря все, что им заблагорассудится, и зная, что тому, что они скажут, поверят.[616] Но все их проповеди и все их противоречивые труды в высшей степени дедуктивны; ни один из них не пытается привести индуктивный аргумент. Мысль о подобном никогда не приходила им в голову. Они исходили из истинности своей собственной религии и моральных представлений, большую часть которых они позаимствовали из античности; они сделали эти понятия основными посылками своих силлогизмов и, исходя из них, рассуждали до тех пор, пока не пришли к своим выводам. Они никогда не подозревали, что предпосылки, взятые из древних времен, могут быть результатом индукции тех времен и что по мере развития знаний индукции могут нуждаться в пересмотре. Они предположили, что Бог дал нам первые принципы, и что, открыв их, нам не пристало тщательно их изучать. То, что Он раскрыл их, они восприняли как должное и сочли излишним доказывать.[617] Поскольку их метод был полностью дедуктивным, все, о чем они заботились, - это следить за тем, чтобы между посылками и выводами не возникло ошибки. И эту часть своей задачи они выполнили с большим умением. Они были проникательными диалектиками и редко допускали грубые ошибки в том, что называется формальной частью логики. Обращаясь со своими посылками после того, как они их получили, они были чрезвычайно искусны; как они их получили, они были очень беспечны. Это был вопрос, который они никогда не рассматривали с чем-либо, приближающимся к беспристрастности. Согласно

их методу, все, что требовалось, - это сделать выводы из того, что было сообщено сверхъестественным образом. С другой стороны, индуктивный метод научил бы их, что первый вопрос заключался в том, были ли они сообщены сверхъестественным образом или нет. Они, как сторонники дедуктивного рассуждения, исходили из тех самых предварительных выводов, которые сторонники индуктивного рассуждения оспорили бы. Они перешли от общего к частностям, а не от частных к общему. И они не позволили бы ни себе, ни другим просеивать общие положения, которые должны были охватывать конкретные факты и контролировать их. Для них было достаточно того, что более широкие положения уже были установлены и должны были рассматриваться в соответствии с правилами старой и силлогистической логики. Действительно, они были настолько убеждены в непригодности индуктивного метода, что без колебаний утверждали, что именно с помощью силлогизма Божество сообщало Свои желания человеку.[618]

Естественно было ожидать, что духовенство, придерживающееся этих взглядов относительно наилучших средств достижения истины, должно было сделать все, что в его силах, чтобы привлечь нацию на свою сторону, и должно было работать над тем, чтобы их собственный метод расследования полностью вытеснил противоположный метод. И это не было очень сложной задачей. Преобладающая доверчивость была одним из важных моментов в их пользу, поскольку она заставляла людей с большей готовностью принимать предложения, чем тщательно их анализировать. Когда предложения были приняты, ничего не оставалось, кроме как рассуждать на их основе; и самые активные умы Шотландии, будучи постоянно вовлеченными в этот процесс, приобрели полное мастерство в нем, а ловкость, которую они проявляли, повысила его репутацию. Кроме того, духовенство, которое было его ревностными поборниками, монополизировало все источники образования, как государственные, так и частные. Ни в одной другой протестантской стране они не осуществляли такого контроля над университетами; в Шотландии не только преподаваемые доктрины, но и способы их преподавания находятся под надзором Церкви.[619] Эту власть они, конечно, использовали для распространения своего собственного плана получения истины; и, пока их власть оставалась неизменной, вряд ли было возможно, чтобы противоположный, или индуктивный, план получил огласку. Над гимназиями духовенство обладало властью, полностью равной той, которую оно имело в университетах.[620] Они также назначали и смещали, по своему усмотрению, учителей всех классов, от сельских школьных учителей до наставников в частных семьях.[621] Таким образом, каждое поколение по мере своего возникновения попадало под их влияние и подчинялось их представлениям. Взяв за основу разум Шотландии, пока он был молод и гибок, они применили его к своему собственному методу. Следовательно, этот метод стал верховным; он царил повсюду; против него не было поднято ни одного голоса; и никому не приходило в голову, что существует более одного пути, по которому можно достичь истины, или что человеческое понимание может принести какую-либо пользу, кроме как дедуктивно обращаться с посылами, которые не подлежат индуктивному исследованию.

Поскольку индуктивный или аналитический дух, таким образом, был неизвестен, а предпочтение отдавалось исключительно дедуктивному или синтетическому духу, случилось так, что, когда в начале восемнадцатого века уже упомянутые обстоятельства породили великое интеллектуальное движение, это движение, хотя и новое по своим результатам, не было новым по методу, с помощью которого были получены результаты. Действительно, была создана светская философия, и самые способные люди вместо того, чтобы быть богословами, стали учеными. Но Шотландию настолько полностью захватил теологический план, что даже

философы не смогли уклониться от его метода, и, как я собираюсь показать, индуктивный метод не оказал на них никакого влияния. Этот любопытнейший факт является ключом к истории Шотландии XVIII века и объясняет многие события, которые в противном случае казались бы несовместимыми друг с другом. Это также наводит на аналогию с Германией, где дедуктивный метод в течение длительного периода был столь же распространен в силу точно тех же причин. В обеих странах светское движение восемнадцатого века не смогло стать индуктивным; и это интеллектуальное родство между двумя такими разными нациями, я не сомневаюсь, является главной причиной, по которой шотландская и немецкая философии так замечательно действовали друг на друга; Кант и Гамилтон являются наиболее законченными образцами их общения. Англия представляет собой полную противоположность этому. В течение более чем ста пятидесяти лет после смерти Бэкона величайшие английские мыслители, за исключением Ньютона и Гарвея, придерживались в высшей степени индуктивного подхода; и только в девятнадцатом веке были явно проявлены признаки обратного движения и была предпринята попытка в какой-то степени вернуться к дедуктивному методу.^[622] То, что мы делаем, во многих отношениях оправдано, потому что в процессе развития наших знаний мы путем длительного курса индукции пришли к нескольким выводам, которые мы можем безопасно рассматривать дедуктивно; то есть мы можем сделать их основными предпосылками новых аргументов. Тот же процесс наблюдался во Франции, где исключительно индуктивная философия восемнадцатого века предшествовала частичному возрождению дедуктивной философии в девятнадцатом веке. Однако в Шотландии подобных перипетий не было. В этой стране люди всегда были склонны к дедукции; даже самые оригинальные мыслители не могли освободиться от всеобщей тенденции и были вынуждены принять метод, освященный временем и вплетенный во все ассоциации национального сознания.

Чтобы понять исследование, к которому мы собираемся приступить, читатель должен твердо усвоить и держать перед глазами существенное различие между дедукцией, которая рассуждает исходя из принципов, и индукцией, которая рассуждает исходя из принципов. Он должен помнить, что индукция идет от меньшего к большему; дедукция - от большего к меньшему. Индукция идет от частных к общему и от чувств к идеям; дедукция идет от общего к частностям и от идей к чувствам. С помощью индукции мы поднимаемся от конкретного к абстрактному; с помощью дедукции мы нисходим от абстрактного к конкретному. Наряду с этим различием существуют определенные качества ума, которые, за крайне редкими исключениями, характеризуют эпоху, нацию или отдельного человека, в которых преобладает один из этих методов. Философ-индуктивист от природы осторожен, терпелив и несколько изворотлив; в то время как философ-дедуктивист более примечателен смелостью, ловкостью и часто опрометчивостью. Мыслящий дедуктивно неизменно предполагает определенные посылки, которые сильно отличаются от гипотез, необходимых для наилучшей индукции. Эти предпосылки иногда заимствуются из древности; иногда они взяты из представлений, которые преобладают в окружающем обществе; иногда они являются результатом собственной специфической организации человека; а иногда, как мы сейчас увидим, они намеренно изобретаются с целью достижения не истины, а приближения к ней. Наконец, подводя итог всему, мы можем сказать, что дедуктивный навык, будучи по существу синтетическим, всегда имеет тенденцию умножать исходные принципы или законы; в то время как тенденция индуктивного навыка заключается в уменьшении этих законов путем постепенного и последовательного анализа.

Поскольку это два фундаментальных направления человеческого исследования, несомненно, самым замечательным фактом в истории Шотландии является то, что в течение восемнадцатого века все великие мыслители принадлежали к первому направлению, и что в тех немногих примерах индукции, которые содержатся в их работах, из шагов, которые они впоследствии предприняли, очевидно, что они считали такие индукции неважными сами по себе и ценными лишь постольку, поскольку они предоставляли предпосылки для другого, дедуктивного исследования. Поскольку различные области нашего знания еще никогда не координировались и не рассматривались как единое целое, вероятно, никто не осознает универсальности этого движения в Шотландии и того, в какой степени оно проникло во все науки и определило каждую фазу мышления. Поэтому, чтобы доказать силу, с которой он действовал, я намереваюсь теперь исследовать его действие во всех основных формах спекуляции, будь то физической или моральной, и показать, что в каждой из них применялся один и тот же метод. Делая это, я должен, ради ясности, действовать в соответствии с естественным расположением различных тем; но я буду, когда это будет возможно, также следовать хронологическому порядку, в котором развивался шотландский ум; так что мы сможем понять не только характер этой замечательной литературы, но также этапы ее развития и удивительную энергию, с которой она освободилась от оков, наложенных суеверием.

Начало великой светской философии Шотландии, несомненно, положил Фрэнсис Хатчесон.^[623] Этот выдающийся человек, хотя и родился в Ирландии, происходил из шотландской семьи и получил образование в Университете Глазго, где в 1729 году получил звание профессора философии.^[624] Своими лекциями и работами он привил вкус к смелым исследованиям предметов глубочайшей важности, но относительно которых ранее предполагалось, что ничего нового узнать нельзя; шотландцев до сих пор учили, что все истины, касающиеся нашей собственной природы, которые необходимо знать, уже открыты. Хатчесон, однако, не побоялся построить систему морали в соответствии с планом, полностью светским, и ни один пример которого не был представлен в Шотландии до его времени. Принципы, с которых он исходил, были не теологическими, а метафизическими. Они были собраны из того, что он считал естественным строением разума, вместо того, чтобы быть собранными, как раньше, из того, что было передано сверхъестественным путем. Поэтому он изменил область исследования. Хотя он твердо верил в Откровение, он считал, что наилучшие правила поведения могут быть установлены без его помощи и могут быть выработаны без помощи человеческого разума; и что, когда они выработаны, их в своей совокупности следует уважать как Закон Природы.^[625] Эта уверенность в силе человеческого понимания была совершенно новой для Шотландии, и ее появление составляет эпоху в национальной литературе. Раньше людей учили, что понимание - это опрометчивый и глупый поступок, который следует подавлять и который не способен справиться с возникающими перед ним проблемами.^[626] Хатчесон, однако, утверждал, что он вполне способен справиться с ними, но для этого он должен быть свободным. Следовательно, он энергично отстаивал то право на личное суждение, на которое шотландская кирка не только посягала, но и почти уничтожила. Он настаивал на том, что каждый человек имеет право формировать свое мнение в соответствии с имеющимися у него доказательствами, и что, поскольку это право неотчуждаемо, никто, кроме слабоумных, не воздержится от его осуществления.^[627] Каждый должен был судить по своему усмотрению, и ничего нельзя было добиться, побуждая людей исповедовать чувства, противоречащие их убеждениям.^[628] Однако, пока мы не поняли этого, мы обнаружили, что все маленькие секты ссорились между собой и оскорбляли друг друга

просто потому, что их взгляды отличались. Было странно слышать, как профессора одного вероучения клеймят профессоров других вероучений как идолопоклонников и требуют, чтобы к ним были применены наказания. На самом деле, у всех было много хорошего, и их единственным настоящим злом была эта любовь к преследованиям.^[629] Но чернь считала еретиком каждого, кто не верил в то, во что верили они; и этот образ мышления слишком одобрялся духовенством, многие из которых чувствовали себя оскорбленными при мысли о мирянах, притворяющихся мудрее своих духовных учителей и осмеливающихся не соглашаться с тем, что они говорили.^[630]

Такие широкие взгляды на свободу намного опережали страну, в которой они были выдвинуты, и не могли оказать никакого влияния, кроме как на нескольких мыслящих людей. Эти и подобные им доктрины Хатчесон, однако, повторял в своих лекциях каждый год.^[631] И действительно, странными они, должно быть, казались. Для тех, кто их получал, они были полным подрывом господствующего теологического духа, который считал веротерпимость нечестивой и который, стремясь ограничить человеческий разум рамками предрешенных выводов, считал своим долгом наказывать тех, кто их переступал. В противовес этому Хатчесон допустил элементы исследования, дискуссии и сомнения. Есть и еще один момент, в котором его философия запоминается как начало великого восстания шотландского интеллекта. В предыдущей главе мы видели, как успешно учителя насаждали народу доктрины самого мрачного аскетизма и как естественно эти доктрины возникли из огромного авторитета, которым обладала Церковь. Хатчесон решительно воспротивился подобным представлениям. Он справедливо предположил, что восхищение любым видом красоты, отнюдь не греховное, необходимо для целостного и уравновешенного ума; и самая оригинальная часть его философии состоит из проведенных им исследований действия и происхождения наших идей по этому вопросу. До сих пор шотландцев учили, что эмоции, которые возбуждает красота, обусловлены испорченностью нашей природы и должны быть подавлены. Хатчесон, с другой стороны, настаивал на том, что они хороши сами по себе; что они являются частью общей схемы человеческих дел и что они заслуживают специального научного изучения.^[632] И с таким мастерством он исследовал их, что, по мнению одного из высочайших ныне живущих авторитетов, он является инициатором всех последующих исследований этих вопросов; это первая попытка подойти к теме красоты широко и всеобъемлюще.^[633]

Не только в умозрительных взглядах, но и в практических рекомендациях Хатчесон проявлял ту же тенденцию; повсюду он пытался разрушить ту мрачную ткань, которую создали суеверия.^[634] Его предшественники и, действительно, почти все его современники, имевшие большое влияние, считали удовольствие аморальным и противопоставляли себя изящным искусствам, которые они считали опасными, поскольку они служат нашим удовольствиям и тем самым отвлекают наши умы от серьезных забот. Хатчесон, однако, заявил, что изящными искусствами следует дорожить; ибо, по его словам, они не только приятны, но и заслуживают уважения, и тратить на них свое время - почетно.^[635] То, что это так, для нас достаточно очевидно, но на самом деле это было давно, поскольку подобный язык слышали в Шотландии от великого общественного учителя, и он полностью противоречил преобладающим представлениям. Но Хатчесон пошел еще дальше. Не довольствуясь возвышением своего голоса в пользу богатства,^[636] который шотландское духовенство заклеило как одну из самых пагубных и плотских вещей, он бесстрашно утверждал, что все наши естественные аппетиты законны и что их удовлетворение соответствует высшей добродетели.^[637] В его глазах они были законными, потому что они были естественными; в то время как, согласно

теологической теории, их естественность делала их незаконными. И здесь кроется фундаментальное различие между практическими взглядами Хатчесона и теми, которые были получены ранее. Он, как и каждый великий мыслитель начиная с семнадцатого века, любил человеческую природу и уважал ее; но он не любил и не уважал тех, кто чрезмерно загонял ее в рамки и тем самым ослаблял ее силу, а также принижал ее красоту. Он больше доверял человечеству, чем правителям человечества. Шотландские богословы, которые предшествовали ему, были клеветниками своего вида; они оклеветали весь род человеческий. По их мнению, в нас не было ничего, кроме греха и растления, и, следовательно, все наши желания должны были быть сдержаны. Особая слава Хатчесона заключается в том, что он был первым человеком в Шотландии, который публично выступил против этих унижительных представлений. Он взялся за свою задачу с благородной целью. Преклоняясь перед человеческим разумом, он был склонен отстаивать его достоинство перед теми, кто оспаривал его титулы. К несчастью, он не смог добиться успеха; предрассудки его времени были слишком сильны. Тем не менее, он сделал все, что было в его силах. Он противостоял течению, которое был не в силах остановить; он нападал на то, что было невозможно уничтожить; и он с яростным презрением выбросил из своей философии те низкие предрассудки, которые, пороча все великое и великодушное, долгое время ослепляли глаза своих современников, и, вновь выдвинув на первый план старую и пагубную догму морального вырождения, представляли нашу природу как совокупность пороков, и были неспособны увидеть, сколькими добродетелями мы действительно обладаем, сколько в нас духа самопожертвования и свободной воли. бескорыстная благожелательность существовала всегда; сколько хорошего сохраняют даже худшие из нас; и как среди обычных и заурядных персонажей, из которых состоит мир, желание принести пользу другим встречается чаще, чем желание причинить им вред, доброта встречается чаще, чем жестокость, и количество хороших поступков в целом намного перевешивает количество плохих.[638]

Это касается и направления философии Хатчесона.[639] Теперь нам нужно выяснить его метод, то есть план, который он принял для получения своих результатов. Это очень важная часть нашего настоящего исследования; и мы обнаружим, что при изучении философии морали, как и при изучении всех предметов, еще не возведенных в ранг наук, существует не только два метода, но и что каждый метод приводит к различным последствиям. Если мы действуем методом индукции, мы приходим к одному выводу; если мы действуем методом дедукции, мы приходим к другому. Это различие в результатах всегда является доказательством того, что предмет, в котором существует различие, еще не поддается научному лечению и что необходимо устранить некоторые предварительные трудности, прежде чем он сможет перейти из эмпирической стадии в научную. Как только эти трудности будут устранены, результаты, полученные методом индукции, будут соответствовать результатам, полученным методом дедукции; при условии, конечно, что обе линии аргументации будут справедливы. В таком случае не будет иметь значения, будем ли мы рассуждать от частных к общим или от генералов к частностям. Любой план приведет к одинаковым последствиям, и это соответствие между последствиями доказывает, что наше исследование, собственно говоря, научное. Так, например, в химии, если бы, рассуждая дедуктивно, исходя из общих принципов, мы всегда могли предсказать, что произойдет, когда мы объединим два или более элемента, даже предполагая, что эти элементы для нас новы; и если бы, рассуждая индуктивно, исходя из каждого элемента, мы могли бы прийти к тому же выводу, один процесс подтвердил бы другой, и, благодаря их взаимной проверке, наука была бы полной. В химии мы не можем этого сделать;

следовательно, химия еще не является наукой, хотя с тех пор, как Дальтон ввел в нее идеи веса и числа, есть все шансы, что она станет таковой. С другой стороны, астрономия - это наука, потому что, используя дедуктивное оружие математики, мы можем вычислять движения и возмущения тел; а используя индуктивное оружие наблюдения, телескоп показывает нам точность наших предыдущих и, так сказать, предрешенных выводов. Факт согласуется с идеей; конкретное событие подтверждает общий принцип; принцип объясняет событие; и их единодушие позволяет нам верить, что мы должны быть правы, поскольку, как бы мы ни поступали, вывод один и тот же; и индуктивный план, основанный на поразительных средних значениях, согласуется с дедуктивным планом рассуждений на основе идей.

Но в изучении морали такой гармонии нет. Отчасти из-за силы предрассудков, а отчасти из-за сложности предмета все попытки научного исследования морали потерпели неудачу. Поэтому неудивительно, что в этой области исследователь, проводящий индуктивный анализ, приходит к одному выводу, а исследователь, проводящий дедуктивный анализ, - к другому. Исследователь, проводящий индуктивный анализ, стремится достичь своей цели, наблюдая за действиями людей и подвергая их анализу, чтобы изучить принципы, которые ими управляют. Тот, кто занимается дедуктивным исследованием, начиная с другого конца, принимает определенные принципы за исходные и рассуждает, исходя из них, о фактах, которые действительно появляются в мире. Первый идет от конкретного к абстрактному; второй - от абстрактного к конкретному. Индуктивный моралист смотрит на историю общества прошлого или на состояние настоящего и считает само собой разумеющимся, что первым шагом является сбор фактов, а затем их обобщение. Исследователь, проводящий дедуктивный анализ, используя факты скорее для иллюстрации своих принципов, чем для того, чтобы предложить их, апеллирует, в первую очередь, не к внешним фактам, а к внутренним идеям, и он делает эти идеи главной посылкой силлогистического аргумента. Обе стороны согласны с тем, что у нас есть право считать одни действия правильными, а другие - неправильными. Но относительно того, как мы получаем эту силу, и относительно того, что это за сила, они совершенно расходятся во мнениях. Философ-индуктивист говорит, что его целью является счастье, что мы получаем его по ассоциации и что оно обусловлено действием и реакцией социальных причин, которые поддаются анализу. Философ-дедуктивист говорит, что эта способность различать правильное и неправильное направлена не на счастье, а на истину; что она присуща нам, что ее нельзя проанализировать, что это первичное убеждение, и что мы можем предполагать его и рассуждать исходя из него, но никогда не можем надеяться объяснить его, рассуждая в соответствии с ним.

Требуется лишь небольшое знакомство с работами Хатчесона, чтобы увидеть, что он принадлежит к последней из этих двух школ. Он предполагает, что все люди обладают тем, что он называет моральной способностью, которая, будучи изначальным принципом, не поддается анализу.^[640] Далее он предполагает, что задача этого факультета - регулировать все наши полномочия.^[641] Исходя из этих двух предположений, он рассуждает вплоть до видимых фактов нашего поведения и дедуктивно конструирует общую схему жизни. Поскольку его план полностью синтетический, он обесценивает аналитический метод и жалуется на него как на искусную попытку уменьшить количество наших способностей восприятия.^[642] Правда в том, что каждое такое уменьшение отняло бы у него некоторые из его первоначальных принципов и, таким образом, помешало бы ему использовать их в качестве основных предпосылок отдельных аргументов. И если вы лишаете человека, рассуждающего дедуктивно, его основных посылок, вы не оставляете ему ничего, на что можно было бы опереться. Таким образом, Хатчесон, как и

все философы его школы, чрезвычайно ревниво относился к вторжениям индуктивного духа с его постоянной тенденцией нападать на убеждения, которые считались первичными, и пытаться разложить их по элементам. Он отвергал подобные посягательства на свои основные посылы, потому что сила и красота его метода проявлялись в рассуждениях, исходящих из посылок, а не в рассуждениях в соответствии с ними. Согласно ему, моральная способность и авторитет, которым она пользовалась, были невосприимчивы к анализу; было невозможно отследить их выше или разложить на более простые составляющие; и напрасно многие пытались отнести их к внешним по отношению к ним обстоятельствам, таким как образование, обычай или ассоциация идей.[643]

Следовательно, суждения, которые люди выносят о поведении других или о самих себе, по своему происхождению совершенно необъяснимы; каждое суждение является всего лишь иной формой одной великой моральной способности. Поскольку, однако, эта способность ускользает от наблюдения и познается только по ее результатам, очевидно, что для всех целей рассуждения суждения должны считаться первичными, и аргументы должны строиться на их основе, как если бы они были конечными и высшими условиями нашей природы. Таким образом, Хатчесон пришел к той любви к умножению оригинальных принципов, которую сэр Джеймс Макинтош справедливо отметил как характеристику своей философии, а вслед за ним и шотландской философии в целом;[644] хотя выдающийся автор этого замечания не смог понять, что такая характеристика была лишь отдельной частью гораздо более масштабной схемы и была тесно связана с теми привычками дедуктивного мышления, которые длинная череда предшествующих обстоятельств неизгладимо запечатлела в сознании шотландца.

В Хатчесоне тенденция была настолько сильной, что заставляла его верить, что, рассуждая на основе определенного числа исходных принципов, он мог построить теорию и объяснить ход человеческих дел, практически без помощи опыта прошлого или, более того, настоящего. Его взгляды, например, относительно природы и объектов законодательства, как уголовного, так и гражданского, могли быть написаны отшельником, который никогда не покидал своего уединения и чья чистота все еще не была запятнана реалиями окружающего мира. Исходя из так называемой природы вещей, его первые шаги были идеальными, и от них он стремился продвинуться к реальному. В своем рассказе о жизненных обязанностях в том виде, в каком они существовали до укрепления власти правительства, он не приводит никаких свидетельств того, что на самом деле происходило среди варварских племен, находившихся в том состоянии; но он довольствуется дедуктивными выводами из принципов, которые он ранее изложил.[645] Сложные вопросы, касающиеся законов о собственности, рассматриваются таким же образом; то есть выводы, касающиеся их, делаются на умозрительной основе, а не путем сравнения того, как различные законодательные акты работали в разных странах.[646] Опыт либо исключается, либо ставится в подчинение теории; и факты приводятся для иллюстрации вывода, но не для того, чтобы предложить его. Точно так же надлежащие отношения между народом и его правителями и объем свободы, которой должен обладать народ, вместо индуктивного обобщения на основе исторического исследования обстоятельств, принесших наибольшее счастье, могли бы, по мнению Хатчесона, быть установлены путем рассуждений о природе правительства и о целях, для которых оно было учреждено.[647]

Следующая крупная попытка научного изучения поступков людей и обобщения принципов их поведения без вмешательства сверхъестественных идей была предпринята Адамом Смитом, который в 1759 году опубликовал свою *Теорию моральных чувств*, а в 1776 году - свою книгу

"Богатство народов". Чтобы понять философию этого, безусловно, величайшего из всех шотландских мыслителей, обе работы должны быть взяты вместе и рассматриваться как одно целое; поскольку на самом деле они представляют собой два раздела одного предмета. В *"Моральных чувствах"* он исследует отзывчивую часть человеческой природы; в *"Богатстве народов"* он исследует ее эгоистичную часть. И поскольку все мы симпатичны так же, как и эгоистичны; другими словами, поскольку все мы смотрим как вовне, так и внутрь себя, и поскольку эта классификация является первичным и исчерпывающим разделением наших мотивов к действию, очевидно, что если бы Адам Смит полностью выполнил свой обширный замысел, он сразу же возвел бы изучение человеческой природы в ранг науки, не оставив последующим исследователям ничего, кроме выяснения второстепенных причин событий, все из которых нашли бы свое место в этой общей схеме и считались бы подчиненными ей. В своей попытке выполнить эту грандиозную задачу и пересечь огромное поле, которое, как он видел, лежало перед ним, он вскоре понял, что индуктивное исследование невозможно, потому что потребовался бы труд многих жизней даже для того, чтобы собрать материалы, из которых предстояло сделать обобщение. Тронутый этим размышлением и, вероятно, еще больше тронутый царившими вокруг него интеллектуальными привычками, он решил использовать дедуктивный метод вместо индуктивного; но в поисках предпосылок, из которых он должен был рассуждать и на которых должна была строиться его структура, он прибегнул к особой уловке, которая совершенно справедлива и которую он имел несомненное право использовать, хотя для того, чтобы сделать ее доступной, требуется такой тонкий такт и требуется так много уточнений, что крайне немногие писатели использовали ее с успехом в социальных вопросах ни до, ни после.

План, на который я ссылаюсь, состоит в том, что когда какой-либо предмет становится неуправляемым с помощью индуктивного метода, будь то из-за невозможности экспериментировать с ним, или из-за его чрезвычайной естественной сложности, или из-за присутствия огромных и сбивающих с толку деталей, собранных вокруг него, мы можем во всех таких случаях провести воображаемое разделение неразделимых фактов; и рассуждать на основе последовательности событий, которые не имеют реального и независимого существования и которые нигде не могут быть найдены, кроме как в уме исследователя. Результат, полученный таким образом, не может быть строго истинным; но, если мы точно рассуждали, он будет так же близок к истине, как и посылки, из которых мы исходили. Чтобы сделать это совершенно верным, мы должны сопоставить его с другими результатами, к которым мы пришли аналогичным образом и исходя из того же предмета. Эти отдельные умозаключения в конечном итоге могут быть объединены в единую систему; так что, хотя каждое умозаключение содержит лишь несовершенную истину, все умозаключения, собранные вместе, будут содержать совершенную истину.

Такие гипотетические аргументы, очевидно, основаны на намеренном сокрытии фактов; и искусственность необходима, потому что без сокрытия факты были бы неуправляемы. Каждый аргумент приводит к заключению, которое приближено к истине; следовательно, всякий раз, когда посылки настолько всеобъемлющи, что почти исчерпывают факты, на которые они ссылаются, заключение будет настолько близко к полной истине, что будет иметь наибольшую ценность, даже до того, как оно будет согласовано с другими выводами, сделанными в той же области исследования.

Геометрия демонстрирует наиболее совершенный пример этой логической стратегии. Задача геометра состоит в том, чтобы обобщить законы пространства; другими словами, установить необходимые и универсальные отношения между различными его частями. Поскольку, однако, пространство не имело бы частей, если бы оно не было разделено, геометр вынужден принять такое деление; и он принимает простейшую из возможных форм этого деления - деление линиями. Итак, линия, рассматриваемая как факт, то есть в том виде, в каком она встречается в реальном мире, всегда должна обладать двумя качествами: длиной и шириной. Какими бы незначительными ни были эти качества, каждая линия обладает ими обоими. Но если бы геометр принял во внимание и то, и другое, он оказался бы перед проблемой, слишком сложной для того, чтобы с ней могли справиться ресурсы человеческого понимания; или, во всяком случае, слишком сложной для нынешних ресурсов наших знаний. Следовательно, он с помощью научной уловки намеренно вычеркивает одно из этих качеств и утверждает, что линия - это длина без ширины. Он знает, что это утверждение ложно, но он также знает, что оно необходимо. Ибо, если вы будете это отрицать, он ничего не сможет доказать. Если вы будете настаивать на том, чтобы он включил в свои послышки идею широты, он не сможет двигаться дальше, и вся структура геометрии рухнет на землю. Поскольку, однако, ширина самой слабой линии настолько мала, что ее невозможно измерить, кроме как с помощью инструмента, используемого под микроскопом, из этого следует, что предположение о том, что могут существовать линии без ширины, настолько близко к истине, что наши чувства, без помощи искусства, не могут обнаружить ошибку. Раньше, до изобретения микрометра в семнадцатом веке, его вообще невозможно было обнаружить. Следовательно, выводы геометра настолько близки к истине, что мы вправе принять их за истину. Недостаток слишком мал, чтобы его можно было заметить. Но то, что здесь есть изъяс, кажется мне несомненным. Представляется несомненным, что всякий раз, когда что-то утаивается в послышках, чего-то должно не хватать в заключении. Во всех таких случаях область исследования не была полностью охвачена; и поскольку часть предварительных фактов умалчивается, следует, я думаю, признать, что полная истина недостижима и что ни одна задача в геометрии еще не была исчерпывающе решена.^[648]

Тем не менее, удивительные успехи, достигнутые в этой области математики, показывают, насколько мощным оружием является эта форма дедукции, которая осуществляется путем искусственного разделения фактов, самих по себе неразделимых. Однако философия метода понимается так мало, что, когда в конце восемнадцатого века политическая экономия приняла научную форму, многие люди, которые в остальном были хорошо образованы, упрекали ее сторонников в жестокосердии; такие возражатели были неспособны понять, что наука не могла бы быть построена, если бы было необходимо учитывать весь спектр щедрых и благожелательных чувств. Политический экономист стремится открыть законы богатства, которые слишком сложны, чтобы их можно было изучать во всех аспектах. Поэтому он выбирает один из этих аспектов и обобщает законы в том виде, в каком они проявляются в эгоистичных сторонах человеческой природы. И он прав, поступая так, просто потому, что люди в погоне за богатством чаще заботятся о собственном удовлетворении, чем об удовлетворении других. Следовательно, он, подобно геометру, вычеркивает одну часть своих посылок, чтобы с большей легкостью манипулировать оставшейся частью. Но мы должны всегда помнить, что политическая экономия, хотя и глубокая и прекрасная наука, является наукой лишь об одной области жизни и основана на сокрытии некоторых фактов, которыми изобилуют все крупные общества. Это подавляет или, что то же самое, игнорирует многие высокие и великодушные

чувства, которые мы вряд ли могли бы позволить себе потерять. Следовательно, мы не должны позволять его выводам переопределять все другие выводы. Мы можем принимать их в науке и все же отвергать их на практике. Таким образом, политический экономист, ограничиваясь рамками своего собственного ведомства, с полным основанием говорит, что для правительства абсурдно и вредно брать на себя обязательство обеспечивать рабочие классы работой. Это утверждение он, как политический экономист, может доказать; и все же, несмотря на его научную истинность, для правительства может быть практически правильным поступить с точностью до наоборот. Возможно, для правительства было бы правильно обеспечить занятость, когда люди настолько невежественны, что требуют этого, и когда, в то же время, они настолько могущественны, что ввергнут страну в анархию, если требование будет отклонено. Здесь взгляд политика учитывает все предпосылки, из которых политэкономист исходил лишь частично. Точно так же, с точки зрения экономической науки, для кого-либо неправильно оказывать помощь бедным; поскольку нет ничего лучше установленного, чем то, что облегчение бедности увеличивает ее, поощряя расточительность. Но, несмотря на это, антагонистический принцип сочувствия вступит в игру и, по мнению некоторых, будет действовать с такой силой, что будет желательно, чтобы тот, кто чувствует это, подавал милостыню, потому что, если он воздержится от ее подачи, насилие, которое он совершает над своей собственной природой, может причинить ему самому больше вреда, чем его благотворительность нанесла бы общим интересам общества.

Надеюсь, не будет сочтено, что в этих замечаниях я отклонился от основного аргумента настоящей главы, поскольку, хотя, выдвигая их, я стремился прояснить общий вопрос, касающийся природы научного доказательства, я сделал это только с более конкретной целью - проиллюстрировать философию Адама Смита и объяснить метод, которого придерживался этот самый глубокий и оригинальный мыслитель. Теперь мы сможем увидеть, насколько полностью его план был дедуктивным и какой своеобразной формой дедукции он был. В двух своих великих работах он сначала излагает определенные идеи, а от них переходит к фактам внешнего мира. И в каждой работе он исходит только из части своих предпосылок; другую часть он дополняет в другой работе. Никто из нас не является исключительно эгоистичным, и никто из нас не вызывает исключительно сочувствия. Но Адам Смит выделяет в умозрении качества, которые неразделимы в реальности. В его *нравственных чувствах*, он приписывает наши действия по симпатии; в его *"богатстве народов"*, он приписывает их к эгоизму. Краткий обзор этих двух работ докажет существование этого фундаментального различия и позволит нам понять, что каждая из них дополняет другую; так что, чтобы понять любую из них, необходимо изучить обе.

В Теории моральных чувств Адам Смит излагает один великий принцип, исходя из которого он рассуждает и которому подчинены все остальные. Этот принцип заключается в том, что правила, которые мы предписываем себе и которые управляют нашим поведением, вырабатываются исключительно путем наблюдения за поведением других.^[649] Мы судим себя, потому что ранее судили их. Наши понятия получены извне, а не изнутри. Следовательно, если бы мы жили совершенно одни, мы не могли бы иметь представления о достоинствах или недостатках, и для нас было бы невозможно составить мнение о том, были ли наши чувства правильными или неправильными.^[650] Чтобы приобрести эти знания, мы должны заглянуть за границу. Однако, поскольку у нас нет прямого опыта того, что на самом деле чувствуют другие люди, мы можем получить информацию, только представив, что бы мы чувствовали, если бы были на их месте.^[651] Следовательно, все люди в воображении постоянно меняют ситуации с

другими; и хотя изменение идеально и длится лишь мгновение, оно является основой того великого и универсального импульса, который называется Симпатией.[652]

Исходя из этих предпосылок, можно объяснить огромное количество социальных явлений. Естественно, мы больше сочувствуем радости, чем горю.[653] Отсюда это восхищение преуспевающими людьми, которое совершенно независимо от какой-либо выгоды, которую мы ожидаем от них; и отсюда также существование различных рангов и социальных различий, все из которых исходят из одного источника.[654] Отсюда также и чувство лояльности, которое является продуктом не разума, не страха и не чувства общественного удобства, а скорее сочувствия к тем, кто выше нас, порождая необычайное сострадание даже к их обычным страданиям.[655] Обычаи и мода играют большую роль в мире, но своим происхождением они полностью обязаны симпатии;[656] то же самое делают различные философские системы, процветавшие в разное время, разногласия между которыми зависят от того факта, что каждый философ симпатизировал различным идеям, некоторые симпатизировали понятию пригодности или конгруэнтности, некоторые - понятию благоразумия, некоторые - понятию доброжелательности, и каждый развивал концепцию, имеющую первостепенное значение в его собственном сознании.[657] Сочувствию, опять же, мы должны приписать установление наград и наказаний и все наши уголовные законы, ни один из которых не существовал бы, если бы не наша склонность сочувствовать тем, кто либо творит добро, либо терпит вред; поскольку то обстоятельство, что общество защищено уголовными законами, является последующим и второстепенным открытием, которое подтверждает наше ощущение их уместности, но не предполагает этого. [658] Тот же принцип вызывает различие характеров, проявляемое разными классами, например, раздражительность поэтов по сравнению с хладнокровием математиков;[659] это также вызывает то социальное различие между полами, которое делает мужчин более замечательными в щедрости, а женщин - в человечности.[660] Все эти результаты иллюстрируют работу симпатии и являются отдаленными, но все же прямыми проявлениями этого принципа. Действительно, мы можем проследить за некоторыми мельчайшими чертами характера; гордость и тщеславие, например, зависят от него, хотя эти две страсти часто путают вместе, а иногда странным образом смешивают в одном и том же сознании.[661]

Таким образом, сочувствие является главной движущей силой человеческого поведения. Оно возникает не столько из-за наблюдения за страстями других людей, сколько из-за наблюдения за ситуацией, которая возбуждает эти страсти.[662] Этому единственному процессу мы обязаны не только высочайшими принципами, но также и глубочайшими эмоциями. Ибо величайшая привязанность, на которую мы способны, - это просто симпатия, вошедшая в привычку; а любовь, существующая между ближайшими родственниками, не является врожденной, но проистекает из этого могущественного и контролирующего принципа, который управляет всем ходом дел.[663]

С помощью этой смелой гипотезы Адам Смит одним махом настолько сузил поле исследования, что исключил из него все соображения об эгоизме как первичном принципе и признал только его главного антагониста - сочувствие. Он отчетливо осознает существование антагонизма. Ибо он не допустит, чтобы сочувствие каким-либо образом считалось эгоистичным принципом.[664] Хотя он знал, что это доставляет удовольствие и что всякое удовольствие содержит элемент эгоизма, метод его философии не подходил для того, чтобы подвергать принцип симпатии такому индуктивному анализу, который выявил бы его элементы. Его дело было рассуждать

исходя из этого, а не из него самого. Сосредоточив свою энергию на дедуктивном процессе и проявив то диалектическое мастерство, которое присуще его соотечественникам и которым он сам был одним из самых непревзойденных мастеров, которых когда-либо видел мир, он построил систему философии, действительно несовершенную, поскольку исходные посылки были несовершенными, но приближающуюся к истине настолько близко, насколько это было возможно для любого, кто воздерживался от должного учета эгоистичной стороны человеческой природы. Он внимательно изучил работу ее сочувственной части и с такой тонкостью исходил из нее, что это сделало его работу самой важной из когда-либо написанных на эту интересную тему. Но поскольку его план предполагал преднамеренное сокрытие предварительных и существенных фактов, полученные им результаты не совсем соответствуют тем, которые действительно наблюдаются в мире.^[665] Это, однако, как я показал, не является обоснованным возражением; поскольку такое несоответствие между идеальным и действительным, или между абстрактным и конкретным, является необходимым следствием того все еще раннего состояния нашего знания, которое заставляет нас изучать сложные вопросы по частям и поднимать их до уровня наук путем отдельных и фрагментарных исследований.

То, что Адам Смит видел эту необходимость и что его видение этого было причиной применяемого им метода, очевидно из того факта, что в своей следующей великой работе он следовал тому же плану, и, хотя он аргументировал, исходя из новых предпосылок, он тщательно избегал аргументации, исходя из каких-либо старых. Убежденный в том, что в своей теории морали он рассуждал как можно точнее, исходя из принципов, вытекающих из сочувствия, его обширный и ненасытный ум, полагая, что ничего не было сделано, в то время как оставалось что-то сделать, побуждал его перейти к противоположной страсти - эгоизму - и относиться к нему таким же образом, чтобы охватить всю область мысли. Это он сделал в своем *"Богатстве народов"*, которое, хотя и является еще более великим произведением, чем его *"Моральные чувства"*, столь же односторонне по отношению к принципам, которые оно предполагает. Она предполагает, что эгоизм является главным регулятором человеческих дел, точно так же, как в его предыдущей работе предполагалось, что таковым является сочувствие. Между этими двумя работами прошел интервал в семнадцать лет; *"Богатство народов"* было опубликовано только в 1776 году. Но что показывает, что для их автора оба были частью единой схемы, так это примечательное обстоятельство, что еще в 1753 году он изложил принципы, которые содержатся в его более поздних работах.^[666] Это было в то время, когда его прежняя работа все еще находилась в стадии медитации, и до того, как она увидела свет. Следовательно, ясно, что исследование, которое он предпринял, сначала одной страсти, а затем ее противоположности, не было капризным или случайным решением, но было следствием той обширной идеи, которая руководила всеми его работами и которая, при правильном понимании, придает им великолепное единство. И это был великолепный объект для честолюбия. Его устремленный и всеобъемлющий гений, охватывающий далекий горизонт и с первого взгляда охватывающий промежуточное пространство, стремился охватить всю территорию в двух отдельных и независимых направлениях, теша себя надеждой, что, если в одной линии аргументации будут представлены посылки, которых не хватает в другой, их противоположные выводы будут скорее компенсирующими, чем враждебными, и послужат широкой и постоянной основой, на которой можно будет безопасно построить великую науку о природе человека.

"*Богатство наций*", как я уже отмечал в другом месте,^[667] вероятно, самая важная книга, которая когда-либо была написана, независимо от того, учитываем ли мы количество оригинальных мыслей, которые в ней содержатся, или ее практическое влияние. Его практические рекомендации были чрезвычайно благоприятны для тех доктрин свободы, которые были провозглашены восемнадцатым веком; и это обеспечило им внимание, которого в противном случае они бы не получили. Таким образом, хотя *Богатство наций* было непосредственной причиной значительных изменений в законодательстве,^[668] более глубокий анализ покажет, что успех книги и, следовательно, изменение законов зависели от действия более отдаленных и общих причин. Следует также признать, что те же самые причины расположили ум Адама Смита к доктринам свободы и дали ему своего рода предубеждение в пользу выводов, которые ограничивали вмешательство законодателя. Так много он позаимствовал у своего времени; но кое-чего он не позаимствовал. Его широкий и организующий ум был полностью его собственным. Это сделало бы его великим при любых обстоятельствах; чтобы сделать его могущественным, требовалось особое стечение событий. Это стечение ему понравилось, и он обратил его во благо. Влияния его современников было достаточно, чтобы сделать его либералом; его собственных способностей было достаточно, чтобы сделать его всесторонне развитым. Он обладал в самой замечательной степени тем избытком мысли, который является одной из высших форм гениальности, но который приводит тех, кто им обладает, к далеким экскурсам, которые, хотя и преследуют одну общую цель, часто клеймятся как отступления, просто потому, что критикующие неспособны разглядеть великий принцип, пронизывающий целое и объединяющий различные части в единую схему. Особенно это касалось Адама Смита, чья бессмертная работа часто подвергалась таким поверхностным возражениям. И, конечно, "*Богатство наций*" демонстрирует широту обращения, которое те, кто не может сочувствовать, с большой вероятностью высмеют. Явления, не только богатства, но и общества в целом, классифицированы и организованы в различных формах; происхождение разделения труда, и тех последствий, которые это разделение было произведено; обстоятельства, которые привели к изобретению денег, и последующие изменения его стоимости; в истории этих изменений прослеживаются в разные эпохи, и истории об отношениях, которые драгоценных металлов несут друг к другу; изучение связи между зарплатой и прибылью, и законов, которые регулируют рост и падение обоих; еще одну экспертизу, каким образом это касается, с одной стороны, с аренды земли, и, с другой стороны, при цене товаров; расследование причин, почему доходы различаются по разным специальностям, и в разные времена; краткий, но всеобъемлющий, вид прогресса городов в Европе после падения Римской Империи; колебания, в течение нескольких веков, в цены на продукты людей, и заявление о том, что в отдельных этапах развития общества, относительная стоимость земельных участков и мяса изменяется; история корпорации законов и муниципальных правовых актов, и их влияние на четыре больших класса учеников, производители, торговцы, и помещики; счет огромного могущества и богатства, которые ранее пользовались духовенство, и каким образом, как общество достижений, они постепенно теряют свои эксклюзивные привилегии; природа религиозного инакомыслия, и причина, почему священники церкви не может потягаться с ним на равных условиях, и, поэтому, призываем государства, чтобы помочь им, и желаю, чтобы преследовать, когда они не могут убедить; почему некоторые секты исповедуют более аскетические принципы, и другие, более роскошных, как это было, что, в феодальные времена, дворяне приобрели свою власть, и как эта власть, с тех пор постепенно сокращал; как права территориальной подсудности возник, и как они угасли, как государи Европы получили прибыль, что источниками его являются, и какие

классы являются наиболее высокими налогами для того, чтобы поставлять его; причина определенных добродетелей, таких как гостиничный бизнес, процветающий в варварские века, и загнивающей цивилизации, у; влияние изобретений и открытий на изменение в распределении власти между различными классами общества; смелое и виртуозное эскиз особого рода преимуществ, которые Европе, полученных в результате открытия Америки и прохождения обогнуть мыс; происхождение университетов, их вырождение от своего первоначального плана, коррупцией, которая постепенно выползло из-за них, и почему они так желают совершенствоваться и идти в ногу с желаниями возраст; сравнение между государственным и частным образованием, и оценить их относительные преимущества;—это и огромное количество других предметов, соблюдая структура и развитие общества, таких, как феодальный строй, рабство, освобождение крестьян, страна происхождения постоянных армий и наемных войск, эффекты десятины, законы майората, *sumptuary* законов, международных договоров по вопросам торговли, рост европейских банков, государственных долгов, влияние драматические представления за мнения, влияния зарубежных поездок за мнения, колонии, нищие-законы,—все темы разное характер, и многие из них расходятся друг от друга,—все сливаются в одну большую систему, и облучали великолепие великого гения. В эту плотную и беспорядочную массу Адам Смит внес симметрию, метод и закон. От его прикосновения анархия исчезла, и на смену тьме пришел свет. Конечно, он многое позаимствовал у своих предшественников, хотя и не так много, как принято считать. От такого рода заимствований зависят лучшие и сильнейшие из нас. Но, приняв во внимание все, что он узнал от других, мы должны честно сказать, что ни один человек никогда не делал такого большого шага по столь важному предмету, и что ни одна сохранившаяся сейчас работа не содержит такого количества взглядов, которые были новыми в то время, но которые были подтверждены последующим опытом. Что, однако, для нашей настоящей цели наиболее важно отметить, так это то, что он добился этих результатов, аргументируя, исходя из принципов, которые исключительно обеспечивала эгоистичная часть человеческой натуры, и что он опустил те сочувственные чувства, которыми каждый человек обладает, по крайней мере, в некоторой степени, но которые он не мог принять во внимание, не создав проблему, количество сложностей которой было бы безнадежно разгадать.

Поэтому, чтобы не оказаться сбитым с толку, он упростил проблему, вычеркнув из своего взгляда на природу человека те предпосылки, которые он уже рассматривал в своей *Теории моральных чувств*. В начале "*Богатства народов*" он выдвигает два положения: 1-е, что все богатство происходит не от земли, а от труда; и 2-е, что величина богатства зависит частично от мастерства, с которым выполняется труд, а частично от соотношения между числом тех, кто трудится, и числом тех, кто не трудится. Остальная часть работы представляет собой применение этих принципов для объяснения роста и механизма общества. Применяя их, он повсюду исходит из того, что великой движущей силой всех людей, всех интересов и всех классов во все века и во всех странах является эгоизм. Противоположную силу сочувствия он полностью игнорирует; и я с трудом припоминаю случай, когда хотя бы это слово встречалось в ходе его работы. Его фундаментальное предположение состоит в том, что каждый человек следует исключительно своим собственным интересам или тому, что он считает своими собственными интересами. И одна из особенностей его книги состоит в том, чтобы показать, что, рассматривая общество в целом, почти всегда случается так, что люди, продвигая свои собственные интересы, непреднамеренно продвигают интересы других. Следовательно, великий практический урок состоит не в том, чтобы обуздывать эгоизм, а в том, чтобы

просвещать его; потому что в природе вещей есть положение, благодаря которому эгоизм индивида ускоряет прогресс общества. Согласно этой точке зрения, процветание страны зависит от величины ее капитала; величина ее капитала зависит от привычки экономить, то есть от бережливости, в противоположность щедрости; в то время как привычка экономить, в свою очередь, определяется желанием, которое все мы испытываем, улучшить свое положение, — желанием, настолько присущим нашей природе, что оно приходит с нами из утробы матери и оставляет нас только в могиле.[669]

Это постоянное усилие каждого человека улучшить свое собственное положение настолько благотворно, а также настолько мощно, что часто способно обеспечить прогресс общества, несмотря на безрассудство и расточительность правителей человечества.[670] Если бы не эта склонность, улучшение было бы невозможно. Ибо человеческие институты постоянно останавливают наше продвижение вперед, препятствуя нашим естественным склонностям.[671] И неудивительно, что это должно быть так, учитывая, что люди, стоящие во главе дел и создающие институты, обладают, возможно, определенной грубой и практической проницаемостью; но поскольку из-за узости их понимания они неспособны к широким взглядам, их советы определяются теми простыми случайными колебаниями, которые только они способны воспринимать.[672] Они не видят, что мы процветаем не благодаря их постановлениям, а вопреки им; и что истинной причиной нашего процветания является тот факт, что мы беспрепятственно наслаждаемся плодами нашего собственного труда.[673] Всякий раз, когда это право достаточно надежно, каждый человек будет стремиться обеспечить себе либо настоящее наслаждение, либо будущую выгоду; и если он не стремится ни к одной из этих целей, он лишен общего понимания.[674] Если у него есть капитал, он, вероятно, будет стремиться к тому и другому, но при этом он никогда не будет учитывать интересы других; его единственным мотивом будет собственная выгода.[675] И хорошо, что так должно быть. Ибо, преследуя таким образом свои личные интересы, он помогает обществу больше, чем если бы его взгляды были великодушными и возвышенными. Некоторые люди делают вид, что продолжают торговлю на благо других; но это всего лишь притворство, хотя, по правде говоря, это притворство не очень распространено среди торговцев, и не нужно много слов, чтобы отговорить их от столь глупой практики.[676]

Таким образом, Адам Смит полностью меняет посылки, которые он исходил из своей более ранней работы. Здесь он делает людей естественно эгоистичными; раньше он делал их естественно отзывчивыми.[677] Здесь он представляет их стремящимися к богатству ради низменных целей и самых узких личных удовольствий; ранее он представлял их стремящимися к нему из уважения к чувствам других и ради завоевания их симпатии.[678] В *"Богатстве наций"* мы больше не слышим этого примирительного и сочувственного духа; такие дружелюбные сентенции полностью забыты, и дела в мире регулируются другими принципами. Теперь выясняется, что благожелательность и привязанность не оказывают никакого влияния на наши поступки. Действительно, Адам Смит вряд ли допустит элементарную человечность в свою теорию мотивов. Если народ освобождает своих рабов, это является доказательством не того, что на людей действуют высокие моральные соображения, и не того, что их сочувствие возбуждается жестокостью, причиняемой этим несчастным созданиям. Ничего подобного. Такие стимулы к поведению являются воображаемыми и не оказывают реального влияния. Все, что доказывает эмансипация, это то, что рабов было мало по численности и, следовательно, невелика их ценность. В противном случае они не были бы эмансипированы.[679]

Точно так же, если в своей предыдущей работе он приписывал различные системы морали силе сочувствия, то в этой работе он полностью приписывает их силе эгоизма. Он замечает, что среди низших слоев общества распутство более губительно для индивидов, чем среди высших. Расточительность, к которой приводит расточительство, может нанести ущерб состоянию богатого человека, но этот ущерб обычно можно исправить, или, во всяком случае, он может годами потворствовать своим порокам, не разрушая полностью свое состояние и не доводя себя до полного разорения. Для рабочего подобное потворство стало бы фатальным в течение одной недели; это не просто довело бы его до нищенства и, возможно, отправило бы в тюрьму, но и разрушило бы его перспективы на будущее, лишив того качества трезвости и регулярности, от которых зависит его работа. Следовательно, высший класс простых людей, руководствуясь своими интересами, с отвращением смотрит на излишества, которые, как они знают, губительны; в то время как высшие чины, обнаружив, что умеренное количество пороков не вредит ни их кошельку, ни их репутации, считают такую распущенность одним из преимуществ, которые дает им состояние, и ценят как одну из привилегий, присущих их положению, свободу потворствовать себе без порицания. Следовательно, те, кто не согласен с установленной Церковью, имеют более чистую систему морали или, во всяком случае, более строгую, чем те, кто с ней согласен. Ибо новые религиозные секты обычно зарождаются среди простых людей, мыслящая часть которых в силу своих интересов придерживается строгих взглядов на жизненные обязанности. Следовательно, сторонники нового мировоззрения придерживаются подобной строгости, видя, что это самое верное средство увеличения числа их приверженцев. Таким образом, сектанты и еретики, руководствуясь интересами, а не принципами, принимают кодекс морали, который соответствует их собственным целям и жесткость которого сильно контрастирует с более мягким кодексом более ортодоксальных верующих.[680] Благодаря действию того же принципа мы также обнаруживаем, что среди самих православных духовенство придерживается более строгой системы морали в странах, где церковные пособия почти равны, чем в странах, где пособия очень неравны. Это происходит потому, что, когда все пособия почти равны, никто не может быть очень богатым, и, следовательно, даже самые заметные среди духовенства будут иметь лишь небольшие доходы. Но человек, которому нечего тратить, не может иметь влияния, если только его мораль не является образцовой. Не имея богатства, которое придавало бы ему вес, пороки легкомыслия сделали бы его смешным. Чтобы избежать неуважения, а также избежать расходов, к которым приводит распущенность в поведении и которые его ограниченные обстоятельства не могут позволить, у него есть только одно средство, и это средство он принимает. Он сохраняет свое влияние и экономит свой карман, протестуя против удовольствий, которыми ему неудобно наслаждаться; в этом, как и во всех других случаях, следуя тому образу жизни, которому его побуждают следовать его собственные интересы.[681]

В этих поразительных обобщениях, которые, хотя и содержат большую долю истины, далеко не содержат всей правды, не остается места для действий великодушных сторон нашей натуры; но система морали, преобладающая в любое время или в любом классе, объясняется исключительно диктатом чистого эгоизма. Адам Смит, рассуждая исходя из этого принципа, с той изысканной тонкостью, которая была характерна для его ума, объясняет многие другие обстоятельства, возникающие в обществе и которые на первый взгляд кажутся неуместными.

Согласно старым представлениям, которые, действительно, еще не совсем вымерли, те, кто получал заработную плату, были в личном долгу перед теми, кто ее платил; иными словами, они были в моральном долгу, помимо обязанности оказывать определенные услуги. Считалось, что хозяин может не только выбирать тех слуг, которых он выберет, но и платить им то, что он выберет; или, во всяком случае, что это была воля хозяев, рассматриваемая как единый орган, который устанавливал обычный и средний уровень заработной платы.[682] Следовательно, низшие классы были в большом долгу перед высшими за то, что они давали им так много; и на всех лицах, получавших жалование, лежала обязанность принимать его со смиренной благодарностью и с чувством признательности за благосклонность, оказанную им щедростью вышестоящих.

Эта доктрина, столь удобная для высших классов общества и столь естественная при всеобщем невежестве, которое ранее царило в этих вопросах, начала поколебываться спекулятивными мыслителями семнадцатого века; но опровергнуть ее было поручено восемнадцатому веку, который ввел великую идею необходимости и доказал, что уровень заработной платы, установленный в стране, был неизбежным следствием обстоятельств, в которых находилась эта страна, и не имел никакой связи с желаниями какого-либо отдельного человека или, более того, с желаниями какого-либо класса. Для всех проинструктированных людей это теперь знакомая истина. Его открытие исключило понятие благодарности из денежных отношений между работодателями и нанятыми и сделало известным, что слуги или рабочие, получающие заработную плату, имеют не больше причин быть благодарными, чем те, кто их платит. Поскольку при установлении заработной платы не было осуществлено никакого выбора, никакая льгота не может быть предоставлена при ее выплате. Весь процесс является обязательным и является результатом того, что произошло ранее. Едва миновал восемнадцатый век, как было совершено это важнейшее открытие. Было решительно доказано, что вознаграждение за труд зависит исключительно от двух факторов, а именно от величины того национального фонда, из которого оплачивается весь труд, и от числа рабочих, между которыми этот фонд должен быть разделен.

Этим огромным шагом в наших знаниях мы обязаны, главным образом, хотя и не полностью, Мальтусу, чья работа о народонаселении, помимо того, что она ознаменовала эпоху в истории спекулятивной мысли, уже принесла значительные практические результаты и, вероятно, даст начало другим, еще более значительным. Она была опубликована в 1798 году; так что Адам Смит, умерший в 1790 году, упустил то, что для него было бы огромным удовольствием видеть, как в ней его собственные взгляды были скорее расширены, чем исправлены. Действительно, несомненно, что без Смита не было бы Мальтуса; то есть, если бы Смит не заложил фундамент, Мальтус не смог бы воздвигнуть надстройку. Это был Адам Смит, который гораздо больше, чем кто-либо другой, ввел концепцию единообразной и необходимой последовательности в кажущиеся капризными явления богатства и который изучал эти явления с помощью принципов, данными для которых служил только эгоизм. Согласно его мнению, наниматели рабочей силы как работодатели не обладают ни благожелательностью, ни сочувствием, ни какой-либо добродетелью. Их единственной целью является их собственный эгоистичный интерес. Они постоянно участвуют в негласном, если не открытом, сговоре, направленном на то, чтобы помешать низшим чинам извлечь выгоду из повышения заработной платы; и иногда они объединяются даже с целью снизить эту заработную плату ниже ее фактического уровня.[683] Не имея кишечника, они думают только о себе. Идея об их желании смягчить имущественное неравенство должна быть отвергнута как одна из химер того защитного духа,

который воображал, что общество не сможет жить дальше, если более богатые классы не будут помогать более бедным и сочувствовать их бедам. Это устаревшее представление дополнительно опровергается тем фактом, что летом заработная плата всегда выше, чем зимой, хотя расходы, которые рабочий несет зимой, тяжелее, чем летом, и он должен, исходя из принципов общей гуманности, получать больше денег в более дорогой сезон.[684] Точно так же в годы дефицита дороговизна продуктов питания заставляет многих людей идти на службу, чтобы прокормить свои семьи. Хозяева, вместо того чтобы из милосердия платить таким слугам больше из-за неудачного положения, в которое они попали, пользуются этим положением, чтобы платить им меньше. Они создают для себя лучшие условия; они снижают заработную плату как раз в тот момент, когда сочувствие к несчастью могло бы повысить ее; и поскольку они обнаруживают, что их слуги, помимо того, что получают худшее вознаграждение, из-за бедности становятся более покорными, они считают, что дефицит - это благо, и что дорогие годы заслуживают похвалы как более благоприятные для промышленности, чем дешевые.[685]

Следовательно, Адам Смит, хотя и не смог понять отдаленную причину изменения уровня заработной платы, ясно видел, что приблизительной причиной была не щедрость человеческой природы, а ее эгоизм, и что вопрос заключался в спросе и предложении; каждая сторона стремилась извлечь как можно больше из другой.[686] С помощью того же принципа он объяснил другой любопытный факт, а именно экстравагантные награды, которыми награждаются некоторые из самых презренных классов общества, такие, например, как артисты оперы, которые всегда получают огромную плату за незначительные услуги. Он замечает, что одна из причин, по которой мы платим им так высоко, заключается в том, что мы их презираем. Если бы профессия публичной танцовщицы была достойной, к ней было бы привлечено больше людей, а количество публичных танцоров становилось все больше, конкуренция снижала бы их заработную плату. Как бы то ни было, мы смотрим на них с презрением. В качестве компенсации за презрение нам приходится в значительной степени подкупать их, чтобы побудить продолжать свое дело.[687] Здесь мы видим, что награда, которой один класс награждает другого, вместо того, чтобы увеличиваться за счет сочувствия, увеличивается за счет презрения; так что чем больше мы презираем вкусы и образ жизни наших собратьев, тем более щедро мы вознаграждаем их.

Переходя к другому и несколько иному классу, Адам Смит пролил новый свет на причину того гостеприимства, которым духовенство славилось в Средние века и за великолепие которого оно получило высокую оценку. Он показывает, что, хотя они, несомненно, облегчили большое количество страданий, это не следует приписывать им как заслугу, поскольку это было следствием особенности их положения, и поскольку, более того, они сделали это для своей собственной выгоды. В средние века духовенство обладало огромным богатством, и их доходы в основном выплачивались не деньгами, а натурой, такой как зерно, вино и крупный рогатый скот. Торговля и мануфактуры были малоизвестны, и духовенство не могло найти применения этим товарам, кроме как для того, чтобы накормить других людей. Используя их таким образом, они извлекали выгоду самым эффективным образом для себя. Они приобрели репутацию людей с обширной благотворительностью; они усилили свое влияние; они умножили число своих приверженцев; и они не только продвинулись к мирской власти, но и обеспечили своим духовным угрозам уважение, которого без этого изобретения для них было бы невозможно добиться.[688]

Теперь читатель сможет понять природу того метода исследования, который принят в *"Богатстве народов"*, и примеров которого я привел больше, чем мог бы сделать в противном случае, отчасти потому, что вопрос философского метода лежит в самом корне наших знаний, а отчасти потому, что до сих пор не было предпринято попыток проанализировать интеллект Адама Смита, рассматривая его две великие работы как противоположные, но все же компенсирующие части единой схемы. И поскольку он, безусловно, величайший мыслитель, которого породила Шотландия, вряд ли мне нужно извиняться в "истории шотландского мышления" за то, что я уделил так много внимания его системе и попытался изучить ее с самого начала. Но, сделав это, было бы излишней растянутостью рассматривать с такой же полнотой произведения тех других выдающихся шотландцев, которые жили в то же время и почти все из которых применяли метод, по существу, хотя и не совсем одинаковый; то есть они предпочитали дедуктивный процесс рассуждения на основе принципов индуктивному процессу рассуждения. В той своеобразной форме дедукции, которая заключается в преднамеренном подавлении части принципов, Адам Смит стоит особняком. Ибо, хотя другие пытались следовать этому плану, они делали это нерегулярно и с перерывами и, подобно ему, не понимали важности соблюдения их метода и неизменного воздержания от включения в предпосылки своих аргументов соображений, которые усложнили бы проблему, которую они хотели решить.

Среди современников Адама Смита одним из первых по известности, а также по репутации является Дэвид Юм. Его взгляды на политическую экономию были опубликованы в 1752 году,^[689] то есть в том самом году, когда Адам Смит преподавал принципы, впоследствии раскрытые в *"Богатстве народов"*. Но Юм, хотя и был наиболее опытным рассуждателем, а также глубоким и бесстрашным мыслителем, не обладал ни всесторонностью Адама Смита, ни тем бесценным качеством воображения, без которого никто не может настолько перенестись в прошлые эпохи, чтобы осознать длительные и прогрессивные изменения общества, всегда колеблющиеся, но, в целом, неуклонно продвигающиеся вперед. Насколько он был лишен воображения, видно не только из выражаемых им чувств, но и из многих черт его личной жизни.^[690] Это проявляется также в самом колорите и механизме его языка; в том прекрасном и отточенном стиле, которым он обычно писал, отшлифованном, как мрамор, но и холодном, как мрамор, и лишенном того пламенного энтузиазма и тех вспышек бурного красноречия, которые всегда естественно вдохновляют великие объекты и которые будоражат людей до самых сокровенных глубин. Именно это в его *Истории Англии* — это изысканное произведение искусства, которым, несмотря на его ошибки, будут восхищаться до тех пор, пока у нас сохраняется вкус, — помешало ему проникнуться симпатией к тем смелым и великодушным натурам, которые в семнадцатом веке рисковали всем, чтобы сохранить свободу своей страны. Его воображение было недостаточно сильным, чтобы представить себе весь тот великий век с его обширными открытиями, его стремлением к неизведанному, его великолепной литературой и, что было лучше всего этого, его суровой решимостью отстоять свободу и свергнуть тиранию. Его ясное и мощное понимание видело эти вещи по отдельности и в их различных частях, но не могло объединить их в единую форму, потому что ему не хватало той особой способности, которая уподобляет прошлое настоящему и позволяет уму различать и то, и другое почти с одинаковой легкостью. Это Великое восстание, которое он приписал духу фракции и лидеров которого он выставил на посмешище, было всего лишь продолжением движения, которое можно ясно проследить до двенадцатого века и такие события которого, как изобретение книгопечатания и установление Реформации, были всего лишь последовательными

симптомами. Несмотря на все это, Хьюма это не волновало. Что касается философии и чисто умозрительных частей религиозных доктрин, его проницательный гений позволил ему понять, что ничего нельзя сделать, кроме как руководствуясь духом бесстрашия и безудержной свободы. Но это была свобода его собственного класса; свобода мыслителей, а не актеров. Отсутствие воображения помешало ему расширить диапазон своих симпатий за пределы интеллектуальных классов, то есть за пределы классов, о чувствах которых он был непосредственно осведомлен. Таким образом, представляется, что его политические ошибки были вызваны не отсутствием у него интереса к исследованиям, как это обычно говорят, а скорее холодностью его темперамента.[691] Именно это заставило его остановиться там, где он остановился, и придало его работам особый облик глубокого и оригинального мыслителя середины восемнадцатого века, отстаивающего практические доктрины, настолько нелиберальные, что, если их применять, они привели бы к деспотизму, и в то же время отстаивающего спекулятивные доктрины, настолько бесстрашные и просвещенные, что они не только намного опередили его собственное время, но и, в некоторой степени, опередили даже эпоху, в которую мы живем.

Среди его спекулятивных взглядов наиболее важными являются его теория причинности, отвергающая идею власти, и его теория законов ассоциации. Ни одна из этих теорий по своей первоначальной концепции не является вполне оригинальной, но его трактовка сделала их такими ценными, как если бы они были полностью его собственными. Его теория чудес, связанная, с одной стороны, с принципами очевидности, а с другой стороны, с законами причинно-следственной связи, разработана с непревзойденным мастерством и, после изменений, внесенных впоследствии Брауном, в настоящее время стала основой, на которой основываются лучшие исследователи этих вопросов.[692] Его работа о принципах морали, обобщающая законы целесообразности, подготовила путь для Бентама, который впоследствии включил в них оценку более отдаленных последствий человеческих поступков; Юм, в основном, ограничился их более непосредственными последствиями. Доктрина полезности была общей для всех; но в то время как Юм применял ее главным образом к индивиду, Бентам применял ее к окружающему обществу. Хотя Бентам был более всеобъемлющим, все же Юм, пришедший первым, был более оригинален. Похвалы за оригинальность следует также воздать его экономическим теориям, в которых он отстаивал те принципы свободной торговли, которые политики начали принимать много лет спустя после его смерти.[693] В противовес тогдашним господствовавшим представлениям он отчетливо утверждал, что все товары, хотя и кажутся покупаемыми за деньги, на самом деле покупаются трудом.[694] Следовательно, деньги не являются предметом коммерции и не могут быть использованы, кроме как для ее облегчения.[695] Следовательно, для страны абсурдно беспокоиться о торговом балансе или устанавливать правила, препятствующие экспорту драгоценных металлов.[696] Средняя норма процента зависит не от их дефицита или избытка, а от действия более общих причин.[697] Как необходимое следствие этих позиций, Юм пришел к выводу, что установленная политика была неправильной, которая заставляла торгующие государства смотреть друг на друга как на соперников, в то время как на самом деле вопрос, если рассматривать с определенной высоты, заключался не в соперничестве, а в сотрудничестве; каждая страна получала выгоду от увеличения богатства своих соседей.[698] Те, кто знает характер торгового законодательства и мнения даже самых просвещенных государственных деятелей столетней давности, сочтут эти взгляды чрезвычайно примечательными, поскольку они были выдвинуты в 1752 году. Но что еще более примечательно, так это то, что их автор впоследствии обнаружил фундаментальную

ошибку, которую совершил Адам Смит и которая искажает многие из его выводов. Ошибка состоит в том, что он разложил цену на три составляющие, а именно на заработную плату, прибыль и ренту; тогда как теперь известно, что цена представляет собой соединение заработной платы и прибыли и что рента является не ее элементом, а ее результатом. Это открытие является краеугольным камнем политической экономии; но оно доказано в результате столь долгой и утонченной аргументации, что большинство умов не в состоянии следовать ему, не спотыкаясь, и большинство тех, кто соглашается с ним, находятся под влиянием великих писателей, к которым они относятся с уважением и чьим суждениям следуют. Таким образом, поразительным доказательством прозорливости Юма является то, что в эпоху, когда наука только зарождалась и когда он мог получить мало помощи от своих предшественников, он обнаружил ошибку такого рода, которая лежит так далеко под поверхностью. Как только появилось "Богатство наций", он написал Адаму Смиту, оспаривая его позицию о том, что рента является частью цены;^[699] и это письмо, написанное в 1776 году, является первым указанием на ту знаменитую теорию ренты, которую немного позже увидели и несовершенно развили Андерсон, Мальтус и Уэст, но которая была сохранена. чтобы гений Рикардо возник на широком и прочном фундаменте.

Весьма примечательно, что Юм и Адам Смит, которые внесли такие огромные дополнения в наши знания о принципах торговли, не имели с ними практического знакомства.^[700] В ранний период своей жизни Хьюм работал в торговом доме; но он с отвращением бросил это занятие и похоронил себя в провинциальном городке, чтобы скорее думать, чем наблюдать.^[701] Действительно, одним из главных недостатков его ума было игнорирование фактов. Это не происходило, как это слишком часто бывает, из наихудшей формы моральной косности, безразличия к правде; поскольку он, напротив, был страстным любителем истины и, более того, человеком чистейшего и образцового характера, совершенно неспособным ко лжи или увеливанию любого рода.^[702] В нем презрение к фактам было просто преувеличенным результатом преданности идеям. Он не только совершенно справедливо полагал, что идеи важнее фактов, но и предполагал, что они должны занимать первое место в порядке изучения и что их следует развивать до того, как будут исследованы факты. Философия Бэконизма, которая, хотя и допускает предварительную гипотезу, настоятельно настаивает на необходимости сначала собрать факты, а затем перейти к идеям, вызвала у него отвращение; и это, я не сомневаюсь, является причиной, по которой он, который обычно был таким снисходительным в своих суждениях и таким горячим поклонником интеллектуального величия, тем не менее, крайне несправедлив по отношению к Бэкону, методу которого он не мог сочувствовать, хотя и не мог отрицать его полезности в физической науке.^[703] Если бы Юм следовал бэконовской схеме, всегда поднимаясь от частных фактов к общему и от каждого обобщения к тому, что непосредственно над ним, он вряд ли написал бы одну из своих работ. Конечно, его экономические взгляды никогда бы не появились, поскольку политическая экономия по сути своей такая же дедуктивная наука, как и сама геометрия.^[704] Обращая индуктивный процесс вспять, он был за то, чтобы начать с того, что он назвал общими аргументами, с помощью которых он надеялся продемонстрировать неточность мнений, которые, как предполагалось, были доказаны фактами.^[705] Он не остановился, чтобы исследовать факты, из которых был сделан вывод, но он изменил порядок, в котором этот вывод должен был быть получен. Такое же нежелание делать торговые факты основой науки о торговле было продемонстрировано Адамом Смитом, который выражает свое недоверие статистике, или, как ее тогда называли,

политической арифметике.[706] Однако очевидно, что статистические факты не уступают любым другим фактам и, благодаря своей математической форме, очень точны.[707] Но когда они касаются человеческих действий, они являются результатом всех мотивов, которые управляют этими действиями; другими словами, они являются результатом не только эгоизма, но и сочувствия. И поскольку Адам Смит в *"Богатстве народов"* имел дело только с одной из этих страстей, а именно с эгоизмом, он считал бы невозможным проводить свои обобщения на основе статистических данных, которые обязательно собираются из продуктов обеих страстей. Такие статистические факты были по своему происхождению слишком сложными, чтобы их можно было обобщить, тем более что над ними нельзя было проводить эксперименты, а можно было только наблюдать и систематизировать. Адам Смит, считая их неуправляемыми, совершенно справедливо отверг их как основу своей науки и просто использовал их в качестве иллюстрации, когда мог выбрать то, что ему нравилось. То же замечание применимо и к другим фактам, которые он почерпнул из истории торговли и, более того, из общей истории общества. Все они, по существу, вытекают из приведенного аргумента. Они делают аргумент более ясным, но не более определенным. Ибо не будет преувеличением сказать, что, если бы все коммерческие и исторические факты в *"Богатстве наций"* были ложью, книга все равно осталась бы в силе, и ее выводы были бы столь же хороши, хотя и были бы менее привлекательными. В ней все зависит от общих принципов, а к ним, как мы видели, пришли в 1752 году, то есть за двадцать четыре года до публикации работы, в которой применялись эти принципы. Следовательно, они должны были быть получены независимо от фактов, которые Адам Смит впоследствии включил в них и которые он изучил в течение этого долгого двадцатичетырехлетнего периода. И десять лет, которые он потратил на написание своего великого труда, не были потрачены в одном из тех оживленных мест скопления людей, где он мог бы наблюдать все явления промышленности и изучать то, как торговые операции влияют на человеческий характер и на кого они влияют. Он не прибегал ни к одному из тех огромных торговых центров, где происходили события, которые он пытался объяснить. Это был не его метод. Напротив, десять лет, в течение которых он занимался наукой в самой активной области жизни, прошли в полном уединении в Киркалди, его тихой маленькой родине.[708] Он всегда отличался рассеянностью ума и был настолько мало склонен к наблюдательности, что часто не обращал внимания на то, что происходило вокруг него.[709] В этом забытии он, среди спокойных сцен своего детства, мог теперь предаваться без опасности. Там, действительно, ободренный обществом своей матери, но не имея возможности наблюдать человеческую природу в широком масштабе и вдали от шума больших городов, этот могущественный мыслитель силой собственного ума разгадал многочисленные и сложные явления богатства, обнаружил мотивы, регулирующие поведение наиболее энергичной и трудолюбивой части человечества, и обнажил схемы и секреты той активной жизни, от которой он был отрезан, в то время как он, замурованный в сравнительном одиночестве, был неспособен наблюдать те самые факты, которые ему удалось объяснить.

Та же решимость сделать изучение принципов предшествующим изучению фактов демонстрируется Юмом в одной из его самых оригинальных работ *"Естественной истории религии"*. Ссылаясь на название этого трактата, мы должны заметить, что, согласно шотландским философам, естественный ход любого движения ни в коем случае не совпадает с его фактическим ходом. Это несоответствие между идеальным и реальным было неизбежным результатом их метода.[710] Поскольку они рассуждали дедуктивно, исходя из фиксированных предпосылок, они не могли принять во внимание возмущения, которым были подвержены их

выводы, из-за игры и трений в окружающем обществе. Для этого потребовалось провести отдельное исследование. Было бы необходимо исследовать обстоятельства, вызвавшие трения и, таким образом, не позволившие выводам в мире фактов быть такими же, какими они были в мире спекуляций. То, что мы называем случайностями, происходит постоянно, и они не позволяют реальному ходу дел совпадать с естественным ходом событий. И до тех пор, пока мы не сможем предсказать эти случайности, всегда будет отсутствовать полная гармония между выводами дедуктивной науки и реалиями жизни; другими словами, наши выводы будут стремиться к истине, но никогда не достигнут ее полностью.[711]

Поэтому Юм с особым основанием назвал свой труд *Естественной историей религии*. Это замечательный образец дедуктивного метода. Его единственный недостаток заключается в том, что он слишком уверенно говорит о точности результатов, которых мог бы достичь этот метод по подобному предмету. Он верил, что, соблюдая принципы человеческой природы, какими он находил их в своем собственном сознании, можно объяснить весь ход дел, как моральных, так и физических.[712] К этим принципам следовало прийти в результате экспериментов, проведенных на нем самом; и придя к ним таким образом, он должен был рассуждать на их основе дедуктивно и таким образом построить всю схему. Это он противопоставляет индуктивному плану, который он называет утомительным и затяжным процессом; и в то время как другие могли бы следовать этому медленному и терпеливому методу постепенного продвижения к первым принципам, его проект состоял в том, чтобы овладеть ими сразу, или, как он выражается, не останавливаться на границе, а идти прямо на столицу, овладев которой, он мог бы легко одержать победу над другими трудностями и распространить свои завоевания на науки.[713] Согласно Юму, мы должны рассуждать не для того, чтобы получать идеи, но мы должны иметь четкие идеи, прежде чем рассуждать.[714] Таким образом, мы приходим к философии; и ее выводы не подлежат сомнению, даже если они вступают в противоречие с наукой. Напротив, ее авторитет является высшим, и ее решениям, будучи по сути истинными, всегда следует отдавать предпочтение перед любым обобщением фактов, которые представляет внешний мир.[715]

Таким образом, Юм верил, что все тайны внешнего мира заключены в человеческом разуме. Разум был не только ключом, с помощью которого можно было открыть сокровище, но и самим сокровищем. Обучение и наука могли бы проиллюстрировать и украсить наши интеллектуальные приобретения, но они не могли передать реальных знаний; они не могли ни дать первичных оригинальных материалов, ни научить дизайну, в соответствии с которым эти материалы должны быть обработаны.

В соответствии с этими взглядами была составлена *"Естественная история религии"*. Целью Юма при написании этой книги было установить происхождение и развитие религиозных идей; и он приходит к выводу, что поклонение многим Богам должно было повсюду предшествовать поклонению одному Богу. Он рассматривает это как закон человеческого разума, то, что не только всегда происходило, но и всегда должно происходить. Его доказательство полностью умозрительно. Он утверждает, что самое раннее состояние человека обязательно было диким состоянием; что дикари не могут испытывать интереса к обычным действиям природы и никакого желания изучать принципы, которые управляют этими действиями; что такие люди должны быть лишены любопытства ко всем предметам, которые лично их не беспокоят; и что, следовательно, хотя они и пренебрегают обычными событиями в природе, они обратят свой ум к необычным.[716] Сильная буря, чудовищные роды, чрезмерный холод, чрезмерный дождь,

внезапные и смертельные болезни - вот те вещи, к которым приковано внимание дикаря и только о причинах которых он желает знать. Как только он обнаруживает, что такие причины находятся вне его контроля, он считает их выше себя и, будучи неспособным абстрагироваться от них, персонифицирует их; он превращает их в божества; устанавливается политеизм; и древнейшее вероучение человечества принимает форму, которая никогда не может быть изменена, пока люди остаются в этом состоянии первозданного невежества.[717]

Эти положения, которые не только правдоподобны, но и, вероятно, истинны, должны были, согласно индуктивной философии, быть обобщены на основе обзора фактов, то есть на основе совокупности свидетельств, касающихся состояния религии и умозрительных способностей среди диких племен. Но этого Юм воздерживается делать. Он не упоминает ни одного из многочисленных путешественников, которые посещали таких людей; за все время своей работы он не упоминает ни одной книги, в которой сохранились бы факты, касающиеся жизни дикарей. Для него было достаточно того, что переход от веры во многих Богов к вере в единого Бога был естественным прогрессом; другими словами, это означало, что он казался его разуму естественным прогрессом.[718] Этим он остался доволен. В других частях своего эссе, где он рассматривает религиозные воззрения древних греков и римлян, он демонстрирует сносную, хотя и ни в коем случае не примечательную ученость; но отрывки, которые он цитирует, не относятся к тому совершенно варварскому обществу, в котором, как он предполагает, впервые возник политеизм. Следовательно, предпосылки этого аргумента вытекают из его собственного разума. Он рассуждает дедуктивно, исходя из идей, которые подсказывал его мощный интеллект, вместо того, чтобы рассуждать индуктивно, исходя из фактов, характерных для предмета, который он исследовал.

Даже в остальной части своей работы, которая полна изысканных и любопытных рассуждений, он использует факты не для демонстрации своих выводов, а для их иллюстрации. Поэтому он отобрал те факты, которые соответствовали его цели, оставив остальные нетронутыми. И это, что многие критики называли бы несправедливым, не было несправедливым по отношению к нему, потому что он верил, что уже установил свои принципы без помощи этих фактов. Факты могли бы принести пользу читателю, сделав аргументацию более ясной, но они не могли усилить аргументацию. Они были скорее призваны убеждать, чем доказывать; они были скорее риторическими, чем логическими. Следовательно, критик напрасно потратил бы свое время, если бы ему пришлось просеивать их с необходимой тщательностью, предположив, что Юм построил на них индуктивный аргумент. В противном случае, не заходя далеко, было бы любопытно сопоставить их с совершенно другими фактами, которые Кадворт восемьдесят лет назад собрал из того же источника и по тому же предмету. Кадворт, который намного превосходил Юма в обучении и намного уступал ему в гениальности,[719] продемонстрировал в своем великом труде об *интеллектуальной системе Вселенной* потрясающую эрудицию, чтобы доказать, что в древнем мире вера в единого Бога была преобладающей доктриной. Юм, который никогда не ссылается на Кадворта, приходит к прямо противоположному выводу. Оба цитировали древних писателей; но в то время как Кадворт делал свои выводы из того, что находил у этих авторов, Юм делал свои из того, что он обнаружил в своем собственном сознании. Кадворт, будучи более образованным, полагался на свое чтение; Юм, обладая большей гениальностью, полагался на свой интеллект. Кадворт, получивший образование в школе Бэкона, сначала собрал доказательства, а затем вынес решение. Юм, воспитанный в совершенно иной школе, считал, что проникаемость судьи важнее количества доказательств; что свидетели склонны уваливать; и что он, по его собственному мнению,

обладает самыми надежными материалами для того, чтобы прийти к точному заключению. Поэтому нет ничего странного в том, что Кадворт и Юм, применяя противоположные методы, должны были получить противоположные результаты, поскольку такое расхождение, как я уже указывал, неизбежно, когда люди исследуют в соответствии с разными планами предмет, который при существующем уровне знаний не поддается научному рассмотрению.

Объем, которого уже достигла эта глава, и количество тем, которые мне еще предстоит затронуть, помешают мне подробно рассмотреть философию Рида, который был самым выдающимся среди чисто спекулятивных мыслителей Шотландии после Юма и Адама Смита, хотя по своим достоинствам он должен быть поставлен намного ниже их. Ибо у него не было ни проницательности Смита, ни бесстрашия Юма. Диапазон его знаний был недостаточно широк, чтобы позволить ему быть всесторонним; в то время как робость, почти доходящая до моральной трусости, заставила его отшатнуться от взглядов, отстаиваемых Юмом, не столько из-за их ложности, сколько из-за их опасности. Однако несомненно, что ни один человек не может занять высокого положения в качестве философа, который позволяет себе быть скованным рассуждениями подобного рода. Философ должен стремиться исключительно к истине и должен отказываться оценивать практическую направленность своих умозрений. Если они истинны, пусть остаются; если они ложны, пусть падают. Но приятны они или неприятны, приносят утешение или обескураживают, безопасны или вредны - это вопрос не для философов, а для практиков. Каждая новая истина, которая когда-либо выдвигалась, на какое-то время причиняла вред; она вызывала дискомфорт, а часто и несчастье, иногда нарушая социальные или религиозные устои, а иногда просто разрушая старые и лелеемые ассоциации мышления. Только через определенный промежуток времени, когда структура дел приспособилась к новой истине, ее положительные эффекты преобладают; и преобладание продолжает увеличиваться, пока, наконец, истина не вызывает ничего, кроме добра. Но в начале всегда есть вред. И, если истина очень велика, а также очень нова, вред серьезен. Людям становится не по себе; они вздрагивают; они не могут вынести внезапного света; возникает общее беспокойство; лицо общества встревожено или, возможно, искажено; старые интересы и верования разрушаются прежде, чем создаются новые. Эти симптомы являются предвестниками революции; они предшествовали всем великим переменам, через которые прошел мир; и хотя, если они не чрезмерны, они предвещают прогресс, если же они чрезмерны, они угрожают анархией. Дело практических людей смягчать такие симптомы и заботиться о том, чтобы истины, которые открывают философы, не применялись столь опрометчиво, чтобы нарушить структуру, вместо того чтобы укрепить ее. Но философу остается только открыть истину и провозгласить ее; и это достаточно тяжелая работа для любого человека, какими бы великими ни были его способности. Такое разделение труда между мыслителями и действующими лицами обеспечивает экономию сил и не позволяет ни одному из классов растрачивать свою власть впустую. Оно устанавливает различие между наукой, которая устанавливает принципы, и искусством, которое их применяет. В нем также признается, что философ и практик, каждый из которых играет отдельную роль, каждый в своей области является высшим. Но это печальная путаница, когда кто-то из них вмешивается в другого. В своих разных сферах оба независимы, и оба достойны восхищения. Однако, поскольку практические люди никогда не должны допускать, чтобы спекулятивные выводы философов, какой бы ни была их истинность, применялись на практике, если общество в какой-то степени не созрело для их принятия, так, с другой стороны, философы не должны колебаться, трепетать и резко останавливаться в своей карьере, потому что их интеллект ведет их к выводам,

подрывающим существующие интересы. Долг философа ясен. Его путь лежит прямо перед ним. Он должен приложить все усилия, чтобы установить истину; и, придя к заключению, он, вместо того чтобы уклоняться от него, потому что оно неприятно или потому что кажется опасным, должен именно по этой причине еще крепче держаться за него, должен поддерживать его дурную репутацию более ревностно, чем он сделал бы это при хорошей репутации; должен распространять это повсюду, совершенно независимо от того, какие мнения он шокирует или каким интересам подвергает опасности; должен от его имени вызывать враждебность и презирать презрение, будучи твердо уверенным, что, если это неправда, оно умрет, но если это правда, то она должна приносить максимальную пользу, хотя и не подходит для практического применения в ту эпоху или стране, в которой она впервые предложена.

Но Риду, несмотря на ясность своего ума и огромную аргументационную силу, было так мало настоящего философского духа, что он любил истину не ради нее самой, а ради ее непосредственных и практических результатов. Он сам говорит нам, что начал изучать философию просто потому, что был потрясен последствиями, к которым пришли философы. До тех пор, пока рассуждения Локка и Беркли не были доведены до логических выводов, Рид соглашался с ними, и в его глазах они были хороши.^[720] Хотя они были безопасными и сносно ортодоксальными, он был не слишком любезен, задаваясь вопросом об их действительности. Однако в руках Юма философия стала смелее и пытливее; она нарушила древние мнения, которых было приятно придерживаться; она проникла в основу вещей и, заставляя людей сомневаться и вопрошать, оказала неоценимую услугу делу истины. Но это была именно та тенденция, которая не понравилась Риду. Он видел, что такое беспокойство было неудобным; он видел, что это было опасно; поэтому он попытался доказать, что это было беспочвенно. Путая вопрос о практических последствиях с совершенно другим вопросом о научной истине, он считал само собой разумеющимся, что, поскольку для его возраста принятие этих последствий было бы пагубным, они должны быть ложными. Глубоким взглядом Юма на причинно-следственную связь он серьезно возражает, что, если бы они были приведены в действие, действие уголовного права было бы поставлено под угрозу.^[721] На рассуждения того же философа относительно метафизической основы теории контрактов он отвечает, что такие рассуждения сбивают людей с толку и ослабляют их чувство долга; следовательно, их следует не одобрять из-за их склонности.^[722] С Reid главный вопрос всегда заключается не в том, является ли вывод истинным, а в том, что произойдет, если он верен. Он говорит, что о доктрине следует судить по ее плодам;^[723] забывая, что одна и та же доктрина принесет разные плоды в разные эпохи и что последствия, которые теория производит в одном состоянии общества, часто диаметрально противоположны тем, которые она производит в другом. Таким образом, он сделал свой собственный возраст эталоном для всех будущих поколений. Он также сковал философию практическими соображениями, отвлекая мыслителей от поиска истины, которая является их собственной сферой деятельности, в погоню за целесообразностью, которая вообще не является их сферой деятельности. Рид постоянно останавливался, чтобы поинтересоваться, не точны ли теории, а целесообразно ли их принимать; благоприятствуют ли они патриотизму, или великодушию, или дружбе;^[724] одним словом, удобны ли они и таковы ли, во что нам в настоящее время хотелось бы верить.^[725] Иначе он занял бы другую позицию, еще более низкую и еще более недостойную философа. Выступая, например, против доктрины о том, что наши способности иногда нас обманывают, — доктрины, которой, как он хорошо знал, придерживались люди, чья честность была равна его собственной, а способности превосходили его собственные, — он не постеснялся привлечь на свою сторону предрассудки

вульгарного суеверия, стремясь очернить догмат, который он был не в состоянии опровергнуть. Он фактически утверждает, что те, кто выступает за это, оскорбляют Божество, вменяя Всевышнему, что Он солгал. Из этого, конечно, следует, что мнение должно быть отвергнуто без дальнейшего изучения, поскольку принятие его привело бы к фатальным результатам в нашем поведении и, действительно, подорвало бы всю религию, всю мораль и все знания.[726]

В 1764 году Рид опубликовал свое *Исследование человеческого разума*; и в этой, и в своей последующей работе, озаглавленной "*Очерки о силах разума*", он стремился разрушить философию Локка, Беркли и Юма. И поскольку Хьюм был самым смелым из троих, Рид атаковал главным образом его философию. О характере этого нападения только что были приведены некоторые примеры; но они скорее касаются его цели и мотивов, в то время как то, что нам сейчас предстоит выяснить, - это его метод, то есть тактика его ведения войны. Он ясно видел, что Юм исходил из определенных принципов и рассуждал дедуктивно, исходя из них, к фактам, вместо того, чтобы рассуждать индуктивно, исходя из фактов, к ним. Против этого метода он решительно и, возможно, справедливо возражает. Он признает, что Юм рассуждал настолько точно, что если согласиться с его принципами, то следует согласиться и с его выводами.[727] Но, по его словам, Хьюм не имел права действовать таким образом. Он не имел права предполагать принципы, а затем исходить из них. К законам природы следовало прийти не путем умозаключений таким способом, а путем терпеливой индукции фактов.[728] Открытия зависели исключительно от наблюдения и эксперимента; и любой другой план мог породить только теории, возможно, остроумные и правдоподобные, но совершенно бесполезные.[729] Ибо теория должна уступать факту, а не факт теории.[730] Спекулянты, действительно, могут говорить о первых принципах и строить систему, рассуждая на их основе. Но факт заключался в том, что не было согласия относительно того, как следует признавать первый принцип; поскольку принцип, который один человек счел бы самоочевидным, другой счел бы необходимым доказать, а третий и вовсе отверг бы.[731]

Здесь превосходно изображены трудности дедуктивного рассуждения. Можно было бы ожидать, что Рид построил бы свою собственную философию в соответствии с индуктивным планом и презрел бы то допущение первичных принципов, которым он насмехается над своими оппонентами. Но это одна из самых любопытных вещей в истории метафизики, то, что Рид, подвергнув сомнению метод Юма, сам следует тому же самому методу. Когда он нападает на философию Юма, он считает дедукцию неверной. Когда он выдвигает свою собственную философию, он считает ее правильной. Он считал определенные выводы опасными и возражает их сторонникам за то, что они аргументировали, исходя из принципов, а не из фактов; и что они предполагали, что обладают первыми принципами истины, хотя люди не были согласны с тем, что представляет собой первый принцип. Это хорошо сказано, и на это трудно ответить. Странно, однако, сказать, что Рид приходит к своим собственным выводам, предполагая исходные принципы в гораздо большей степени, чем это было сделано любым писателем с противоположной стороны. Исходя из них, он рассуждает; вся его схема дедуктивна; и его работы едва ли содержат хоть один пример той индуктивной логики, которую он счел удобным рекомендовать, нападая на своих оппонентов. Трудно представить себе лучшую иллюстрацию своеобразного характера шотландского интеллекта в восемнадцатом веке и того твердого влияния, которое оказал на этот интеллект то, что можно назвать антикэбконовским методом. Рид был человеком значительных способностей, безупречной честности и был глубоко убежден, что для блага общества следует ниспровергнуть господствующую философию. Выполнению этой задачи он посвятил свою долгую и

кропотливую жизнь; он увидел, что уязвимым местом враждебной системы был ее метод; он указал на недостатки этого метода и заявил, возможно, ошибочно, но, во всяком случае, искренне, что он никогда не сможет привести к истине. И все же, несмотря на все это, таково было давление эпохи, в которую он жил, и так полно сила обстоятельств сформировала его понимание, что в своих собственных работах он не смог избежать того самого метода исследования, который он осуждал в других. На самом деле, он был далек от того, чтобы избегать этого, он был его рабом. Доказательство этого я сейчас приведу, потому что, помимо его важности для истории шотландского сознания, оно ценно как один из многих уроков, которые учат нас тому, как нас формирует общество, которое нас окружает; как даже на наши самые энергичные действия влияют общие причины, о которых мы часто не знаем и которые мало кто из нас хочет изучать; и, наконец, насколько мы хромы и бессильны, когда, как личности, пытаемся остановить поступательное течение, сопротивляясь великому прогрессу вместо того, чтобы помогать ему, и тщетно противопоставляем свои маленькие желания этому величественному прогрессу. ход событий, который не допускает прерывания, но проносится дальше, величественный и ужасный, в то время как поколение за поколением уходит из жизни, последовательно поглощаясь одним могучим водоворотом.

Как только Рид, перестав опровергать философию Юма, начал строить свою собственную философию, он поддался господствующему методу. Теперь он уверяет нас, что все рассуждения должны исходить из первых принципов, и что, будучи далеки от рассуждений на основе этих принципов, мы должны сразу же признать их и положить в основу всех последующих рассуждений.[732] Приняв их, они становятся нитью, ведущей исследователя по лабиринту мысли.[733] Его оппоненты не имели права предполагать их, но он мог это сделать, потому что для него они были интуитивно понятны.[734] Тот, кто их отрицал, не заслуживал возражений.[735] Действительно, исследовать их или пытаться анализировать было неправильно и глупо, потому что они были частью устройства вещей; а об устройстве вещей нельзя было дать никакого отчета, кроме того, что такова была воля Бога.[736]

Поскольку Рид с такой легкостью получил свои первые принципы и тщательно защищал их, запрещая любые попытки разложить их на более простые элементы, он испытывал сильное искушение умножать их почти до бесконечности, чтобы, рассуждая на их основе, он мог создать полную и гармоничную систему человеческого разума. Этому искушению он поддался с готовностью, что поистине удивительно, если вспомнить, как он упрекал своих оппонентов в том, что они делают то же самое. Среди многочисленных первых принципов, которые он принимает не только как необъяснимые, но и как необъяснимые, - вера в личную идентичность;[737] вера во Внешний мир;[738] вера в единообразие мира. Природа;[739] вера в существование жизни в других людях;[740] вера в свидетельство;[741] также в способности отличать истину от заблуждения,[742] и даже в соответствии лица и голоса мыслям.[743] Что касается веры в целом, он утверждает, что существует множество принципов,[744] и он сожалеет, что кто-то опрометчиво попытался их объяснить.[745] Такие вещи загадочны, и в них не стоит копаться. У нас есть также другие способности, которые, будучи оригинальными и неразложимыми, не поддаются никакой индуктивной обработке и не могут быть ни разложены на более простые элементы, ни отнесены к более общим законам. К этому классу Рейд относит Память,[746] Восприятие,[747] Желание самоутверждения,[748] и не только Инстинкт, но даже Привычка.[749] Многие из наших идей, например, касающиеся пространства и времени, столь

же оригинальны;[750] и существуют другие первичные принципы, которые не были сформулированы, но из которых мы можем рассуждать.[751] Следовательно, они являются основными предпосылками аргументации; поскольку для них еще не было приведено никаких оснований, они должны быть простыми; и, поскольку они еще не объяснены, они, конечно, необъяснимы.[752]

Все это достаточно условно. Тем не менее, отдавая должное Риду, следует сказать, что, сделав эти предположения, он проявил замечательную способность аргументировать их, и что, нападая на философию своего времени, он подверг ее критике, которая оказалась чрезвычайно полезной. Его ясность, его диалектическое мастерство, а также колоритный и мужской стиль, в котором он писал, сделали его грозным оппонентом и обеспечили, чтобы его возражения уважительно выслушивали. Мне, однако, представляется, что, несмотря на попытки сначала г-на Кузена, а затем и сэра Уильяма Гамильтона поддержать свою падающую репутацию, его философия как независимая система несостоятельна и не выживет. В этом я могу ошибаться; но что совершенно несомненно, так это то, что нет ничего более абсурдного, чем предположить, как это сделали некоторые, что он принял индуктивный, или, как его обычно называют, бэконовский метод. Бэкон, действительно, улыбнулся бы такому ученику, принимающему всевозможные важные послышки, принимающему общие принципы как должное с величайшим безрассудством и приберегающему свое мастерство для рассуждений на основе положений, для которых у него не было доказательств, за исключением того, что при беглом или, как он это называл, здравом смысле, они казались истинными.[753] Этот отказ анализировать предвзятые представления подпадает под определение того, что Бэкон заклеил как *естественное предвосхищение* и что он считал величайшим врагом знания из-за опасной уверенности, которую оно вселяет в спонтанные и неисправленные выводы человеческого разума. Когда, следовательно, мы обнаруживаем, что Рид придерживается философии Бэконизма как образца, которому надлежит следовать всем исследователям;[754] и когда мы, более того, находим Дугалда Стюарта, который, хотя и был несколько поверхностным мыслителем, был, во всяком случае, тщательным писателем, предполагая, что Рид следовал ей,[755] мы встречаемся с новым доказательством того, как трудно было шотландцам прошлого века усвоить истинный дух индуктивной логики, поскольку они верили, что система, грубо нарушающая свои правила, была создана в строгом соответствии с ними.

Оставив ментальную философию, я теперь перехожу к физической науке, в которой, если таковая вообще существует, мы могли бы ожидать, что индуктивный план будет преобладать и восторжествует над противоположным, или дедуктивным, планом. Насколько это было верно, я попытаюсь установить, изучив наиболее важные открытия, сделанные шотландцами относительно органического и неорганического мира. И, поскольку моя цель - просто указать на поворот и характер шотландского ума, я буду избегать всех подробностей, касающихся практических последствий этих открытий, и ограничусь таким повествованием, которое продемонстрирует их чисто научный аспект, чтобы дать читателю возможность понять, какие дополнения были внесены в наши знания о законах природы и каким образом эти дополнения были сделаны. Будет изложен характер каждого открытия и его процесс, но не более того. Ни здесь, ни в какой-либо другой части этого Введения я не претендую на то, чтобы исследовать вопросы практической полезности или проследить связь между открытиями науки и искусством жизни. Это я сделаю в основной части самой работы, где я надеюсь объяснить ряд незначительных общественных событий, многие из которых рассматриваются как изолированные, если не нелепые. В настоящее время я нацелен исключительно на те общие

принципы, которые, выделяя эпохи мысли, лежат в основе всей структуры общества и которые должны быть ясно усвоены, прежде чем история перестанет быть простым эмпирическим набором фактов, поскольку научная основа которых не установлена, истинный порядок и связность должны быть неизвестны.

Среди наук, изучающих неорганический мир, законы теплоты занимают заметное место. С одной стороны, они связаны с геологией, будучи тесно связанными и, более того, неизбежно связанными со всеми предположениями, касающимися изменений и современного состояния земной коры. С другой стороны, они затрагивают великие вопросы жизни, как животной, так и растительной; они имеют отношение к теории видов и расы; они изменяют почву, пищу и организацию; и к ним мы должны обращаться за ценной помощью в решении тех великих проблем биологии, которые в последние годы привлекли внимание самых смелых и передовых философов.

Наши нынешние знания о законах теплопроводности можно кратко изложить как разделяющиеся на пять фундаментальных разделов. К ним относятся: скрытая теплота; удельная теплота; теплопроводность; излучение тепла; и, наконец, волновая теория теплоты; с помощью последней мы постепенно отказываемся от наших старых материальных взглядов и приучаем себя смотреть на тепло просто как на одну из форм силы, все из которых, такие как свет, электричество, магнетизм, движение, тяготение и химическое сродство, постоянно принимают форму друг друга, но в своем общем количестве неспособны ни увеличиваться, ни уменьшаться.^[756] Эта грандиозная концепция, которая теперь ставит неуничтожимость силы на одно место с неуничтожимостью материи, имеет значение, намного превышающее ее научную ценность, какой бы значительной она, несомненно, ни была. Ибо, уча нас, что ничто не погибает, но что, напротив, малейшее движение мельчайшего тела в самой отдаленной области приводит к постоянным результатам, которые распространяются по всему пространству и которые, хотя и могут подвергаться метаморфозам, не могут быть уничтожены, это внушает нам такую возвышенную идею регулярного и обязательного хода физических процессов, что в конечном итоге это должно повлиять на другие, более высокие области исследования. Наш образ мыслей настолько связан и переплетен, что понятия закона и необходимой взаимосвязи вещей никогда не могут быть введены в одну область умозрения, не затронув другие области, которые лежат рядом с ней. Поэтому, когда современная доктрина сохранения силы,^[757] станет прочно связана со старой доктриной сохранения материи, мы можем быть уверены, что человеческий разум на этом не остановится, а распространит на изучение Человека выводы, аналогичные тем, которые уже были допущены при изучении Природы. Однажды признав, что состояние материальной Вселенной, в любой момент, просто в результате все, что произошло за все предыдущие моменты, и, что самое тривиальное нарушение будет так нарушать общую схему, чтобы сделать анархия неизбежна и что, на север от общей массы даже крошечный фрагмент, хотел, за то, что вывихнул структура, похоронить все в одну общую разруху, мы, тем самым признав, изысканный регулировки различных частей, и чувствовать тоже, в самом красоте и полноты дизайн, лучшее доказательство того, что он никогда не был подделан с Божественным архитектором, который призвал его к бытию, в которых всеведение и план, и вопрос плана, проживал с такой ясностью и безошибочной уверенностью, что камня на камне не в том, что великолепная и симметричные здания был тронут, поскольку фундамент здания был заложен, по возрастанию этот шаг и высоту мысли, истинно, продвигается к, что гораздо выше, шаг, что останется для наших потомков, чтобы брать, а что позволит поднять их точки зрения так необходимое высоте, чтобы обеспечить полнейший отказ от старых догм и в высшей

степени религиозны сверхъестественное вмешательство в дела жизни, который изобрел суеверие, невежество и завещал, а настоящее согласие, которое служит признаком еще в начале состояние наших знаний, нищету наших интеллектуальных ресурсов, и застарелость предрассудков, в которых мы все еще погружены.

Поэтому естественно, что физическая доктрина неуничтожимости, применяемая как к силе, так и к материи, должна быть, по сути, творением нынешнего столетия, несмотря на несколько намеков, сделанных на нее некоторыми более ранними мыслителями, все из которых, однако, действовали смутно и без общей цели. Ни одна предшествующая эпоха не была достаточно смелой, чтобы охватить столь величественный взгляд в целом, и ни у кого из предшествующих философов не было достаточного знакомства с природой, чтобы позволить им защищать такую концепцию, даже если бы они захотели принять ее. Таким образом, в рассматриваемом нами случае очевидно, что, хотя тепло считалось материальным, его нельзя было рассматривать как силу, и поэтому никто не мог понять теорию его превращения в другие силы; хотя у Бэкона есть отрывки, доказывающие, что он хотел отождествить его с движением. Сначала было необходимо абстрагировать тепло от простого свойства или аффекта материи, и не было никакой возможности сделать это до тех пор, пока тепло не было лучше понято в его непосредственных предпосылках, то есть до тех пор, пока с помощью математики не были обобщены его ближайшие законы. Но, за единственным исключением Ньютона, чьи усилия, несмотря на его гигантские способности, были в этом вопросе весьма неудовлетворительными, и который, более того, имел явную склонность к материальной теории, никто не пытался разгадать математические законы теплопроводности до второй половины восемнадцатого века, когда Ламберт и Блэк начали карьеру, которую продолжили Прево и Фурье. Разум, так медленно осваивавший предварительные и второстепенные этапы исследования, не созрел для гораздо более трудного предприятия - идеализации самого тепла и такого абстрагирования его, чтобы лишить его материальных атрибутов и не оставить ничего, кроме спекулятивного представления о нематериальной силе.

Из этих соображений, которые были необходимы, чтобы дать читателю возможность оценить ценность того, что было сделано в Шотландии, станет ясно, насколько важно было изучить законы движения тепла до того, как была исследована его природа, и до того, как теория излучения могла подвергнуться настолько серьезным нападкам, чтобы допустить возможность существования этой великой доктрины о неуничтожимости силы, которой, я не сомневаюсь, суждено произвести революцию в наших привычках мышления и дать будущим спекуляциям основу, бесконечно более широкую, чем любая из известных ранее. Что касается движения тепла, то законами проводимости и излучения мы обязаны главным образом Франции и Женеве, в то время как законы удельной теплоемкости и законы скрытой теплоты были открыты в Шотландии. Учение об удельной теплоте, хотя и интересное, не имеет того научного значения, которое принадлежит другим разделам этого великого предмета; но учение о скрытой теплоте чрезвычайно любопытно не только само по себе, но и из-за аналогий, которые оно наводит на различные области физических исследований.

То, что называется скрытым теплом, проявляется следующим образом. Если в результате приложения тепла твердое вещество переходит в жидкость, как, например, лед в воду, то это превращение занимает больше времени, чем могло быть объяснено какой-либо теорией, которая была выдвинута вплоть до середины восемнадцатого века. Также было невозможно объяснить, как это получается, что температура льда никогда не поднимается выше 32° до тех

пор, пока он действительно не растает, независимо от того, какова может быть температура соседних тел. Не было никаких средств для учета этих обстоятельств. И хотя практические люди, будучи знакомы с ними, не удивлялись им, они вызвали большое удивление у мыслителей, которые привыкли анализировать события и искать причину обычных и повседневных явлений.

Вскоре после середины восемнадцатого века Блэк, который в то время был одним из профессоров Университета Глазго, обратил свое внимание на этот предмет.^[758] Он выдвинул теорию, которая, будучи в высшей степени оригинальной, подверглась яростным нападкам, но теперь общепризнана. С смелостью и размахом мысли, с которыми не часто можно сравниться, он пришел к выводу, что всякий раз, когда тело частично теряет свою консистенцию, как в случае превращения льда в воду или воды в пар, такое тело получает такое количество тепла, которое наши чувства, хотя и с помощью самого тонкого термометра, никогда не смогут обнаружить. Ибо это тепло поглощается; мы теряем его из виду, и оно не оказывает ощутимого воздействия на материальный мир, а становится как бы скрытым свойством. Поэтому Блэк назвал это скрытым теплом, потому что, хотя мы воспринимаем это как идею, мы не можем отследить это как факт. Тело, собственно говоря, горячее; и все же его температура не повышается. Непосредственно, однако, происходит обратный процесс, то есть непосредственно пар конденсируется в воду или вода затвердевает в лед, тепло возвращается в чувственный мир; оно перестает быть скрытым и передается окружающим объектам. Никакого нового тепла создано не было; оно, действительно, появлялось и исчезало, насколько это касается наших чувств; но наши чувства были обмануты, поскольку на самом деле не было ни прибавления, ни уменьшения.^[759] То, что эта замечательная теория проложила путь к доктрине неуничтожимости силы, будет очевидно для любого, кто исследовал способ, которым в истории человеческого разума генерируются научные концепции. Этот процесс всегда настолько медленный, что никогда не было сделано ни одного открытия, кроме как объединенным трудом нескольких последовательных поколений. Следовательно, оценивая то, что сделал каждый человек, мы должны судить о нем не по ошибкам, которые он совершает, а по истинам, которые он провозглашает. Большинство его ошибок на самом деле не его собственные. Он наследует их от своих предшественников; и если он отбрасывает некоторые из них, мы должны быть благодарны, а не недовольны тем, что он не отверг все. Блэк, без сомнения, впал в ошибку, рассматривая тепло как материальную субстанцию, которая подчиняется законам химического состава.^[760] Но это была всего лишь гипотеза, которая была ему завещана и которой существующее состояние мысли заставило его обременить свою теорию. Он унаследовал эту гипотезу и не смог избавиться от своего неприятного обладания. Реальная услуга, которую он оказал, состоит в том, что, несмотря на эту гипотезу, которая цеплялась за него до последнего, он гораздо больше, чем кто-либо из его современников, внес свой вклад в великую концепцию идеализации тепла и, таким образом, позволил своим преемникам отнести его к классу нематериальных и сверхчувственных сил. После включения в этот класс список сил становился полным; и было сравнительно легко применить ко всей совокупности сил то же самое понятие неуничтожимости, которое ранее применялось ко всей совокупности материи. Но вряд ли было возможно воздействовать на этот объект, в то время как тепло находилось как бы посередине между силой и материей, вызывая противоположные результаты для различных органов чувств; оно поддавалось осязанию, но было невидимо глазу. Чего не хватало, так это полностью вывести его из-под юрисдикции органов чувств и признать, что, хотя мы и испытываем его воздействие, мы можем только предполагать о его существовании. Для достижения этой цели Блэк сделал огромный шаг вперед. Возможно, не осознавая отдаленной направленности своих

собственных работ, он подорвал доктрину материального тепла, которую, казалось, поддерживал. Ибо, выступая в защиту скрытого тепла, он учил, что его движение постоянно сбивает с толку не только некоторые из наших органов чувств, но и все они; и что, в то время как наши чувства заставляют нас верить, что тепло теряется, наш интеллект заставляет нас верить, что оно не теряется. Здесь мы имеем очевидную разрушаемость и реальную неуничтожимость. Утверждать, что тело получает тепло без повышения температуры, означало заставить понимание корректировать прикосновение и бросить вызов его диктату. Это был смелый и красивый парадокс, для раскрытия которого требовались смелость и проницательность, и принятие которого знаменует собой эпоху в человеческом сознании, потому что это был огромный шаг к превращению материи в силу. Некоторые, действительно, говорили о невидимой материи; но это противоречие в терминах, которое никогда не будет допущено, пока формы речи остаются неизменными. Ничто не может быть невидимым, кроме силы, разума и Высшей Причины всего сущего. Следовательно, мы должны приписать Блэку главную заслугу в том, что он первым при изучении теплоты поставил под сомнение авторитет органов чувств и тем самым заложил основу всего, что было сделано впоследствии. Помимо связи, которую его открытие имеет с неуничтожимостью силы, оно также связано с одним из самых блестящих достижений этого поколения в неорганической физике; а именно, с установлением тождества света и тепла. Для органов чувств свет и тепло, хотя и похожи в некоторых отношениях, в большинстве своем не похожи. Свет, например, воздействует на глаза, а не на осязание. Тепло влияет на осязание, но при обычных обстоятельствах не влияет на глаза. Основное различие, однако, между ними состоит в том, что тепло, в отличие от света, обладает свойством температуры; и это свойство настолько характерно, что до тех пор, пока наука не укрепит наше понимание, мы не можем представить себе тепло отдельно от температуры, но вынуждены путать одно с другим. Однако как только люди начали перенимать метод, которому следовал Блэк, и были полны решимости рассматривать тепло как сверхчувственное, они вступили на путь, который привел к открытию, что свет и тепло - это просто разные проявления одной и той же силы. Игнорируя воздействие тепла на них самих или на любую часть творения, которая была способна ощущать его температуру и, следовательно, была бы введена им в заблуждение, им ничего не оставалось делать, кроме как изучать его воздействие на неживой мир. Тогда все открылось. Путь открытий был совершенно открыт; и аналогии между светом и теплом, о которых даже самое смелое воображение едва ли подозревало, были поставлены вне всяких сомнений. Для отражения тепла, которое было ранее известно, были добавлены преломление тепла, своего двойного лучепреломления, поляризации, ее деполяризации, его круговой поляризации, интерференции лучей, а их отсталость; в то же время, что еще более примечательно, чем все, марш наших знаний по этим вопросам был так стремителен, что до 1836 года, подошли к концу, цепочка доказательств была завершена эмпирического исследования Forbes и Меллони, они сами мало понимая, что каждая вещь, которую они совершили, было подготовлено, прежде чем они родились, что они только служители и последователи его, кто указал путь, по которому они ступали, и что их экспериментов, гениальный, как они были, и полон ресурсов, были просто прямым практическим следствием одного из тех великолепных идей, которые Шотландии бросила на мир, и память о которых почти достаточно, чтобы подкупить суд, чтобы заставить нас забыть, что, в то время как ведущие умы нации занимались такие благородные занятия, сама нация, не тронутая им, передали их с холодным и презрительным равнодушием, будучи погружен в мертвящего суеверия, которое не прислушивается к всякого рода причины, и не послушают голоса заклинателя, очарование он не так мудро.

Рассматривая таким образом происхождение и взаимосвязь научных концепций, мы одни можем понять, чем мы действительно обязаны открытию скрытого тепла Блэком. Что касается метода открытия, то здесь мало что нужно говорить, поскольку каждый изучающий философию Бэконизма должен видеть, что открытие было такого рода, которого не предусматривала ни одна из максим этой системы. Поскольку скрытое тепло ускользает от органов чувств, оно не могло бы подчиняться правилам философии, которая основывает всю истину на наблюдении и эксперименте. Поскольку предмет исследования был сверхчувственным, не было места для того, что Бэкон называл решающими экспериментами и разделением природы. Истина заключалась в этой идее; следовательно, эксперименты могли бы проиллюстрировать ее, могли бы вывести на поверхность и таким образом позволить людям понять ее, но не могли доказать. И это, бросающееся в глаза в самом начале открытия, подтверждается прямым свидетельством доктора Томсона, который знал Блэка и действительно был одним из самых выдающихся его учеников. Этот безупречный свидетель заверяет нас, что Блэк примерно в 1759 году начал размышлять о теплоте; что результатом этих размышлений стала теория скрытого тепла; что он публично изложил эту теорию в 1761 году; но что эксперименты, которые были необходимы, чтобы убедить в этом мир, были проведены только в 1764 году,^[761] хотя, как я уже говорил, эксперименты, которые были необходимы, чтобы убедить в этом мир, были проведены только в 1764 году. едва ли нужно добавлять, что, согласно индуктивному методу, было нарушением всех правил философии удовлетвориться теорией за три года до проведения экспериментов, и еще большим нарушением было не только удовлетвориться ею, но и открыто провозгласить ее как оригинальную и неоспоримую истину, которая по-новому объясняет экономику материального мира.

Интеллект Блэка принадлежал к классу, который в восемнадцатом веке был почти повсеместным в Шотландии, но едва ли можно было встретить в Англии, и который, за неимением лучшего слова, мы вынуждены называть дедуктивным, хотя полностью признаем, что даже самые дедуктивные умы обладают большим количеством индукции, поскольку, действительно, без индукции невозможно было бы продолжать обычное дело жизни. Но в целях научной классификации мы можем сказать, что человек или эпоха являются дедуктивными, когда излюбленным процессом является рассуждение на основе принципов, а не исходя из них, и когда существует тенденция недооценивать ценность конкретного опыта. То, что так обстояло дело со знаменитым первооткрывателем скрытого тепла, мы видели как из природы открытия, так и из решающего свидетельства его друга и ученика. И дальнейшее подтверждение можно найти в том обстоятельстве, что, однажды выдвинув свою великую идею, он, вместо того чтобы провести длинную серию трудоемких экспериментов, с помощью которых ее можно было бы проверить в различных областях, предпочел рассуждать на ее основе в соответствии с общими принципами диалектики; доводя ее до логических следствий, вместо того, чтобы проследивать ее в областях, где чувства могли бы либо подтвердить, либо опровергнуть ее.^[762] Следуя этому процессу мышления, он пришел к некоторым прекрасным предположениям, которые настолько далеки от опыта, что даже сейчас, со всеми дополнительными ресурсами наших знаний, мы не можем сказать, истинны они или ложны. Такого рода были его взгляды на причины сохранения человека, существование которого, по его мнению, оказалось бы под угрозой, если бы не способность тепла оставаться скрытым и ненаблюдаемым. Так, например, когда за долгой и суровой зимой последовало внезапное потепление, казалось естественным, что лед и снег растаяли с соответствующей внезапностью; и если бы это произошло, результатом были бы

такие ужасные наводнения, что человеку вряд ли удалось бы спастись от их разрушительного воздействия. Даже если бы он сбежал, его произведения, то есть материальные продукты его цивилизации, погибли бы. От этой катастрофы его спасает только скрытая сила тепла. Благодаря этой мощности, как только лед и снег начинают таять на их поверхности, тепло поступает в их структуру, где большая его часть остается в состоянии покоя, и, таким образом, теряя большую часть своей мощности, процесс разжижения приостанавливается. Этот ужасный агент усыпляется и впадает в спячку. Он ослабляется в начале своего развития и откладывается, как на складе, из которого впоследствии может постепенно и безопасно для человеческого рода выходить.[763]

Таким образом, с наступлением лета накапливается огромный запас тепла, который сохраняется посреди воды, где он не может причинить человеку вреда, поскольку, действительно, его органы чувств неспособны его ощутить. Там тепло остается погребенным до тех пор, пока при смене времен года не вернется зима и вода не превратится в лед. В процессе застывания эта сокровищница тепла, которая была скрыта все лето, вновь появляется; она перестает быть скрытой; и теперь, впервые, поражая чувства человека, она смягчает, в его интересах, суровость зимы. Чем быстрее замерзает вода, тем быстрее отводится тепло; так что, в силу этого великого закона природы, холод на самом деле порождает тепло, и суровость каждого времени года, хотя ей и нельзя помешать, смягчается по мере того, как суровость становится более угрожающей.[764]

Таким образом, поскольку тепло становится скрытым и улетучивается из органов чувств не только тогда, когда лед переходит в воду, но также и тогда, когда вода переходит в пар, мы находим в этом последнем обстоятельстве одну из причин, почему человек и другие животные могут жить в тропиках, которые, если бы не это, были бы пустыни. Они постоянно страдают от тепла, которое накапливается в их телах и которого, само по себе, достаточно, чтобы уничтожить их. Но эта жара вызывает жажду, и, следовательно, они глотают большое количество жидкости, большая часть которой выделяется через поры кожи в виде пара. А поскольку, согласно теории скрытого тепла, пар не может образовываться без того, чтобы в нем не было заключено огромного количества тепла, такой пар поглощает и уносит из организма то, что, если бы осталось в организме, оказалось бы смертельным. К этому мы должны добавить, что в тропиках испарение воды неизбежно происходит быстро, и образующийся при этом пар становится еще одним хранилищем тепла и средством, с помощью которого оно отводится от земли и предохраняется от чрезмерного вмешательства в жизнь.[765]

Из этих и многих других аргументов, все из которых были настолько спекулятивными и касались таких скрытых процессов природы, что даже сейчас мы не имеем права ни уверенно признавать их, ни категорически отрицать, Блэк пришел к той великой доктрине о неуничтожимости тепла,[766] которая, как я указал, в его связь с неуничтожимостью силы, моральное и социальное значение, даже превосходящее его научную ценность. Хотя свидетельства, которыми он располагал, были гораздо более скудными, чем то, что мы имеем сейчас, он, благодаря своему выдающемуся интеллекту, а не количеству и точности своих фактов, настолько проникся убежденностью в стабильности физических явлений, что не только применил эту идею к тонким феноменам тепла, но, что было гораздо труднее сделать, он применил ее к случаям, в которых тепло настолько полностью ускользает от чувств, что человек

не осознает его, кроме как посредством воображения. Согласно его точке зрения, тепло проходит через огромное разнообразие изменений, во время которых оно, по-видимому, теряется; изменений, которые никогда не сможет увидеть ни один глаз, которые никогда не сможет ощутить ни одно прикосновение и которые никогда не сможет измерить ни один инструмент. И все же, несмотря на все эти изменения, она остается нетронутой. От нее ничего нельзя отнять, и к ней ничего нельзя добавить. В одном из тех прекрасных отрывков своих Лекций, которые, несмотря на то, что они плохо освещаются,^[767] несет на себе отпечаток его возвышенного гения, Блэк, после заявления о том, что, вероятно, произошло бы, если бы общее количество тепла, существующее в мире, было уменьшено, переходит к размышлениям о последствиях его увеличения. Если бы какая-либо держава могла добавить к этому хоть немного, она сразу же перешла бы свои границы; равновесие было бы нарушено; структура дел была бы разрозненной. Зло быстро разрастается и действует с накопленной силой, и ничто не сможет остановить его разрушительные действия. Оно должно продолжать набирать обороты, пока все остальные принципы не будут поглощены и побеждены. Несущееся вперед, беспрепятственное и непреодолимое, перед ним должно погибнуть каждое животное, должен исчезнуть весь растительный мир, воды должны превратиться в пар, а твердые части земного шара будут слиты и расплавлены, пока, наконец, великолепная ткань, ослабленная и растворенная, не отпадет и не вернется к тому первоначальному хаосу, из которого она возникла.^[768]

Эти, как и многие другие рассуждения этого великого мыслителя, не вызовут особой симпатии у тех чисто индуктивных философов, которые не только предполагают, возможно, справедливо, что все наше знание изначально построено на фактах, но и поддерживают, как мне кажется, очень опасное мнение, что каждому увеличению объема знаний должно предшествовать увеличение количества фактов. Таким людям покажется, что Блэку гораздо лучше было бы заняться новыми наблюдениями или разработать новые эксперименты, чем таким образом тешить свое воображение дикими и несбыточными мечтами. Они подумают, что подобные полеты фантазии действительно подобают поэту, но недостойны той суровой точности и того пристального внимания к фактам, которые должны характеризовать философа. В Англии, особенно среди исследователей физики, существует общепризнанная решимость отделить философию от поэзии и смотреть на них не только как на разные, но и как на враждебные. Среди этого класса мыслителей, чье рвение и способности выше всяких похвал и перед которыми мы в почти безграничном долгу, несомненно, существует очень твердое мнение, что в их собственном стремлении воображение чрезвычайно опасно, поскольку ведет к спекуляциям, основа которых еще не установлена, и порождает желание слишком жадно ловить отдаленные проблески, прежде чем будет пройден промежуточный этап. То, что воображение имеет такую тенденцию, неоспоримо. Но те, кто возражает против этого по этой причине и кто, следовательно, хотел бы отделить поэзию от философии, как я понимаю, придерживаются слишком ограниченного взгляда на функции человеческого разума и на способ, которым достигается истина. В поэзии есть божественная и пророческая сила, а также понимание хода и аспекта вещей, которые при правильном использовании сделали бы ее союзником науки, а не врагом. Поэт созерцает природу со стороны эмоций; человек науки - со стороны понимания. Но эмоции - такая же часть нас, как и понимание: они такие же правдивые; они с такой же вероятностью окажутся правильными. Хотя их точка зрения и отличается, она не капризна. Они подчиняются установленным законам; они следуют упорядоченному и единообразному курсу; они действуют последовательно; у них есть своя логика и метод вывода. Поэзия, следовательно,

является частью философии просто потому, что эмоции являются частью разума. Если человек науки презирает их учение, тем хуже для него. У него есть только половина оружия; его арсенал не заполнен. Он действительно может совершать победы, потому что его природная сила может компенсировать недостатки его снаряжения. Но его успех был бы более полным и быстрым, если бы он был должным образом экипирован и подготовлен к битве. И я не могу не рассматривать как худший интеллектуальный симптом этой великой страны то, что я осмелился бы назвать несовершенным образованием философов-физиков, что проявляется как в их трудах, так и в ходе их мыслей. Это тем более серьезно, что они, как единое целое, составляют самый важный класс в Англии, независимо от того, смотрим ли мы на их способности, или на выгоды, которые мы получили от них, или на влияние, которое они оказывают и, вероятно, будут оказывать на прогресс общества. Однако нельзя скрыть, что они проявляют чрезмерное уважение к экспериментам, чрезмерную любовь к мельчайшим деталям и склонность переоценивать изобретателей новых инструментов и первооткрывателей новых, но часто незначительных фактов. Их предшественники семнадцатого века, более смело используя гипотезы и чаще давая волю своему воображению, несомненно, добились большего по сравнению с тогдашним уровнем знаний, чем смогли достичь наши современники, располагавшие гораздо более значительными ресурсами. Великолепные обобщения Ньютона и Гарвея никогда не могли быть завершены в эпоху, поглощенную одним неизменным циклом экспериментов и наблюдений. Мы находимся в таком затруднительном положении, что наши факты опередили наши знания и теперь препятствуют их продвижению. Публикации наших научных учреждений и наших научных авторов изобилуют мельчайшими и бесчисленными деталями, которые затрудняют суждение и которые не может сохранить никакая память. Напрасно мы требуем, чтобы они были обобщены и приведены в порядок. Вместо этого куча продолжает увеличиваться. Нам нужны идеи, и мы получаем больше фактов. Мы постоянно слышим о том, что делает природа, но редко слышим о том, о чем думает человек. Благодаря неутомимому трудолюбию этого и предыдущего столетий, мы располагаем огромной и бессвязной массой наблюдений, которые накапливались с большой тщательностью, но которые, пока их не свяжет какая-нибудь руководящая идея, будут совершенно бесполезны. Наиболее эффективным способом привлечь их к ответственности было бы дать больше простора воображению и соединить дух поэзии с духом науки. Таким образом, наши философы удвоили бы свои ресурсы, вместо того чтобы работать, как сейчас, искалеченными и используя только половину своей натуры. Они боятся воображения из-за его склонности создавать поспешные теории. Но, несомненно, для поиска истины необходимы все наши способности, и мы не можем быть оправданы в дискредитации какой-либо части человеческого разума. И я едва ли могу сомневаться, что одна из причин, по которой мы, в Англии, сделали такие замечательные открытия в семнадцатом веке, заключалась в том, что этот век был также великим веком английской поэзии. Два самых могущественных интеллекта, произведенных нашей страной, - это Шекспир и Ньютон; и то, что Шекспир должен был предшествовать Ньютону, не было, я полагаю, случайным или ничего не значащим событием. Шекспир и поэты посеяли семя, которое Ньютон и философы пожали. Отбросив старые схоластические и теологические изыскания, они обратили внимание на природу и, таким образом, стали настоящими основателями всех естественных наук. Они сделали даже больше. Они первыми внебрили в сознание Англии смелые и возвышенные концепции. Они научили мужчин своего поколения стремиться к невидимому. Они учили их стремиться к идеалу и возвышаться над видимым миром чувств. Таким образом, культивируя эмоции, они открыли один из путей, ведущих к истине. Импульс, который они передали, пережил свое время и, как все великие

движения, ощущался во всех областях мысли. Но теперь его нет; и, если я не сильно ошибаюсь, физическая наука в настоящее время страдает от его отсутствия. С семнадцатого века у нас не было поэта высшей пробы, хотя Шелли, будь он жив, возможно, стал бы им. В нем было что-то от той жгучей страсти, от того священного огня, который зажигает душу, как будто он только что сошел с алтаря богов. Но он был прерван в самом расцвете сил, когда его великолепный гений все еще находился на заре своего развития. Если не считать его незрелых, хотя и замечательных усилий, мы можем с уверенностью сказать, что почти за двести лет в Англии не было создано поэзии, несущей на себе те безошибочные следы вдохновения, которые мы находим у Спенсера, у Шекспира и у Мильтона. В результате мы, отделенные столь длительным промежутком времени от тех великих питателей воображения, которые питали наших предков, и будучи неспособными полностью проникнуться чувствами поэтов, писавших тогда, когда почти все мнения и, следовательно, почти все формы эмоций сильно отличались от того, что они есть сейчас, вряд ли сможем сочувствовать этим бессмертным произведениям так близко, как это делали их современники. Благородную английскую поэзию шестнадцатого и семнадцатого веков читают больше, чем когда-либо, но она не окрашивает наши мысли; она не формирует наше понимание, как формировала понимание наших предков. Между нами и ними - пропасть, которую мы не можем полностью преодолеть. Мы так далеки от ассоциаций, среди которых были написаны эти стихи, что они не поражают нас той реальностью и четкостью цели, которые они имели бы, если бы мы были живы, когда они были написаны. Их одеяние необычно и принадлежит другому времени. Не только их диалект и одежда, но и сам цвет их лица и сокровенные чувства говорят о давно минувших днях, о которых мы не имеем твердого представления. Несомненно, существует определенная декоративная культура, которую наиболее высокообразованные люди черпают из литературы прошлого и с помощью которой они иногда оттачивают свой вкус, а иногда расширяют свои представления. Но настоящая культура великого народа, та, которая придает каждому поколению его главную силу, состоит из того, чему научилось поколение, непосредственно предшествующее. Хотя мы часто не осознаем этот процесс, мы строим почти все наши концепции на основе, признанной теми, кто жил непосредственно перед нами. Наш самый тесный контакт связан не с нашими предками, а с нашими отцами. С ними мы связаны подлинным влечением, которое, будучи спонтанным, не требует от нас никаких усилий и от которого, действительно, мы не можем убежать. Мы наследуем их представления и модифицируем их точно так же, как они модифицировали представления своих предшественников. При каждой последующей модификации что-то теряется, а что-то приобретается, пока, наконец, первоначальный тип почти не исчезает. Следовательно, идеи, высказанные несколько поколений назад, имеют к нам примерно такое же отношение, как идеи, сохранившиеся в иностранной литературе. В обоих случаях идеи могут украшать наши знания, но они никогда не внедряются в наш разум настолько глубоко, чтобы стать самым знанием. Усвоение неполное, потому что симпатия неполная. Сейчас у нас нет великих поэтов, и наша бедность в этом отношении не компенсируется тем фактом, что они у нас когда-то были и что мы можем читать их произведения и читаем их. Движение ушло в прошлое; очарование разрушено; узы единения, хотя и не отменены, серьезно ослаблены. Следовательно, наша эпоха, какой бы великой она ни была и почти во всех отношениях более великой, чем любая другая, которую когда-либо видел мир, имеет, несмотря на свои широкие и великодушные чувства, свою непревзойденную терпимость, свою любовь к свободе и свою обильную и почти безрассудную благотворительность, определенный материальный, лишенный воображения и негероический характер, который заставил некоторых наблюдателей трепетать за будущее. Насколько я могу понять наше нынешнее состояние, я не разделяю этих

страхов, потому что я верю, что благо, которое мы уже приобрели, несравнимо больше того, что мы потеряли. Но то, что что-то было потеряно, несомненно. Мы утратили большую часть того воображения, которое, хотя в практической жизни оно часто вводит в заблуждение, в жизни спекулятивной является одним из высших качеств, будучи наводящим на размышления, а также творческим. Даже практически, мы должны лелеять это, потому что от этого в основном зависит обмен привязанностями. Однако она идет на убыль; в то же время растущая утонченность общества все больше и больше приучает нас подавлять свои эмоции, чтобы они не были неприятны другим. И поскольку игра эмоций является главным предметом изучения поэта, мы видим в этом обстоятельстве еще одну причину, по которой трудно соперничать с тем великим собранием поэзии, которым обладали наши предки. Следовательно, философы-физиологи вдвойне обязаны развивать воображение. Это их долг перед их собственными занятиями, которые обогатились бы и активизировались благодаря такому увеличению их ресурсов. Это также долг, который они несут перед обществом в целом; поскольку они, чье интеллектуальное влияние уже больше, чем у любого другого класса, и чей авторитет заметно возрастает, могли бы обладать достаточной властью, чтобы исправить самый серьезный недостаток нынешнего века и немного загладить нашу неспособность создать такую великолепную литературу с богатым воображением, какую создали наши предки и в которой, если можно так выразиться, обитали лучшие умы семнадцатого века.

Следовательно, если бы Блэк не сделал ничего большего, чем подал пример великого философа-физика, дающего волю воображению, он оказал бы нам благодеяние, величину которого нелегко переоценить. И очень примечательно, что перед его смертью кафедрой неорганической физики, которую он с таким успехом развивал, занялся другой выдающийся шотландец, который преследовал точно такой же план, хотя и с несколько меньшей гениальностью. Я имею в виду, конечно, Лесли, чьи исследования в области теплоты хорошо известны тем, кто занимается этим предметом; в то время как для нашей настоящей цели они интересны главным образом как иллюстрация того своеобразного метода, который в восемнадцатом веке казался важным для шотландского сознания.

Примерно через тридцать лет после того, как Блэк выдвинул свою знаменитую теорию тепла, Лесли начал исследовать ту же тему и в 1804 году опубликовал специальную диссертацию по ней.^[769] В этой работе и в некоторых статьях его *трактатов по философии* содержатся его взгляды, некоторые из которых, как теперь известно, неточны,^[770] хотя некоторые из них представляет достаточную ценность, чтобы отметить целую эпоху в истории науки. Таково было его обобщение относительно связи между излучением тепла и его отражением: тела, которые отражают его больше всего, излучают его меньше всего, и те, которые излучают его больше всего, отражают его меньше всего. Таким же был и другой общий вывод, который впоследствии подтвердили лучшие исследователи, а именно, что, хотя тело излучает тепло, интенсивность каждого луча равна синусу угла, который он составляет с поверхностью этого тела.

Это были важные шаги, и они стали результатом экспериментов, которым предшествовали обширные и обоснованные гипотезы. Однако по отношению к экономии природы, рассматриваемой в целом, они не имеют большого значения по сравнению с тем, что Лесли сделал для закрепления великой идеи об идентичности света и тепла и, таким образом, подготовил своих современников к теории взаимообмена сил, которая является главным интеллектуальным достижением девятнадцатого века. Но интересно наблюдать, что, при всем своем рвении, он не мог продвинуться дальше определенной длины. Ему настолько мешали

материальные тенденции его времени, что он не мог заставить себя воспринимать тепло как чисто сверхчувственную силу, внешним проявлением которой была температура.[771] Для этого возраст едва созрел. Соответственно, мы находим, что он утверждает, что тепло - это эластичная жидкость, чрезвычайно тонкая, но все же жидкость.[772] Его настоящей заслугой было то, что, несмотря на трудности, стоявшие на его пути, он твердо усвоил великую истину, что нет фундаментальной разницы между светом и теплом. По его словам, каждое из них - это просто метаморфоза другого. Тепло - это свет в полном покое. Свет - это тепло в быстром движении. Как только свет соединяется с телом, он становится теплом; но когда он отбрасывается от этого тела, он снова становится светом.[773]

Верно это или ложно, мы не можем сказать; и должно пройти много лет, возможно, много поколений, прежде чем мы сможем сказать наверняка. Но услуга, оказываемая Лесли, совершенно не зависит от точности его мнения относительно способа взаимозаменяемости света и тепла. То, что они взаимозаменяемы, является существенной и первостепенной идеей. И мы должны помнить, что он положил эту идею в основу своих исследований в период, когда некоторые очень важные факты, или, я бы скорее сказал, некоторые очень бросающиеся в глаза факты, противоречили ей; в то время как основные факты, которые благоприятствовали ей, были все еще неизвестны. Когда он писал свою работу, аналогии между светом и теплом, с которыми мы теперь знакомы, еще не были обнаружены; никто не знал, что двойное преломление, поляризация и другие любопытные свойства являются общими для обоих. Осознать столь широкую истину перед лицом таких препятствий было редким проявлением проницательности. Но из-за препятствий индуктивный ум Англии отказался принять истину, поскольку она не была обобщена на основе обзора всех фактов. И Лесли, к несчастью для себя, умер слишком рано, чтобы насладиться изысканным удовольствием стать свидетелем эмпирического подтверждения своей доктрины прямым экспериментом, хотя он ясно понимал, что прогресс открытий в области поляризации подводил научный мир к точке, природу которой его острый глаз разглядел, в то время как для других она была почти невидимой точкой, тускло видимой вдали.[774]

Что касается метода, принятого Лесли, он уверяет нас, что в принятии принципов, на основе которых он рассуждал, ему большую помощь оказала поэзия; ибо он знал, что поэты по-своему являются непревзойденными наблюдателями и что их объединенные наблюдения образуют сокровищницу истин, которые ни на йоту не уступают истинам науки и которыми наука должна либо воспользоваться сама, либо пострадать от пренебрежения ими.[775], чтобы применить эти истины по праву, и с учетом их интересов физическое познание, является, несомненно, одной из наиболее трудных задач, поскольку речь идет не менее, чем держать баланс между противоречивыми требованиями, эмоций и понимания. Как и все великие предприятия, оно полно опасности, и, если бы за него взялся обычный человек, оно наверняка потерпело бы неудачу. Но есть два обстоятельства, которые делают его менее опасным в наше время, чем в любой более ранний период. Первое обстоятельство состоит в том, что превосходство человеческого разума и его право судить обо всех теориях самостоятельно сейчас признается более широко, чем когда-либо; так что можно не опасаться, что мы склоняемся на противоположную сторону и позволим поэзии посягать на науку. Другое обстоятельство заключается в том, что наши знания о законах природы намного превосходят те, которыми обладала любая предшествующая эпоха; и, следовательно, существует меньший риск того, что воображение введет нас в заблуждение, поскольку у нас есть большое количество хорошо

установленных истин, которым мы можем противопоставить любое предположение, каким бы правдоподобным или остроумным оно ни казалось.

По обоим этим причинам Лесли, как я полагаю, был прав, избрав тот курс, который он избрал. Во всяком случае, несомненно, что, следуя ей, он подошел ближе, чем это было бы возможно в противном случае, к концепциям самых передовых научных мыслителей наших дней. Он отчетливо осознал, что в материальном мире нет ни перерыва, ни паузы; так что то, что мы называем разделением природы, не существует иначе, как в нашем сознании.^[776] Он был даже почти готов покончить с тем воображаемым различием между органическим и неорганическим миром, которое все еще беспокоит многих наших физиков и мешает им понять единство и непрерывный ход событий. Они, со своими старыми представлениями о неживой материи, неспособны увидеть, что вся материя живая, и что то, что мы называем смертью, - это просто выражение, с помощью которого мы обозначаем новую форму жизни. К этому выводу сейчас сводятся все наши знания; и, безусловно, немалая заслуга Лесли в том, что он шестьдесят лет назад, когда действительно всеобъемлющие взгляды, охватывающие все мироздание, были едва известны среди ученых, решительно настаивал на том, что все силы одного вида и что мы не имеем права проводить различие между ними, как если бы одни были живыми, а другие - мертвыми.^[777]

Мы многим обязаны тому, кто отстаивал такие взгляды. Но они были тогда и в определенной, хотя и гораздо меньшей степени являются сейчас, настолько вне сферы физического опыта, что Лесли никогда не смог бы получить их путем обобщения тем способом, который предписывает индуктивная философия. Его великая работа о теплоте была выполнена, как и задумана, по противоположному плану;^[778] и его предубеждения по этому поводу были настолько сильны, что его биограф заверил нас, что он не допустил бы никаких заслуг перед Бэконом, который организовал индуктивный метод в систему, и авторитету которого мы в Англии платим охотно, и я бы почти сказал раболепно, дань уважения.^[779]

Еще одна любопытная иллюстрация мастерства, с которым шотландский ум, однажды овладев принципом, действовал на основе него дедуктивно, появляется в "геологических рассуждениях Хаттона" конца восемнадцатого века. Хорошо известно, что две великие силы, которые изменили состояние нашей планеты и сделали ее такой, какая она есть, - это огонь и вода. Каждый из них сыграл настолько значительную роль, что мы едва ли можем измерить их относительную важность. Однако, судя по нынешнему виду земной коры, есть основания полагать, что более старые породы образовались главным образом в результате плавления, а более молодые - это водные отложения. Следовательно, не исключено, что в том порядке, в котором раскрылись энергии природы, огонь предшествовал воде и был ее необходимым предшественником.^[780] Но все, что мы пока обоснованно утверждаем, это то, что эти две причины, магматическая и водная, действовали в полную силу задолго до существования человека и все еще активно работают. Возможно, они готовят еще одно изменение в нашем жилище, подходящее для новых форм жизни, столь же превосходящих человека, насколько человек выше существ, населявших землю до него. Как бы то ни было, огонь и вода - это два наиболее важных и наиболее общих принципа, которыми занимаются геологи; и хотя, на поверхностный взгляд, каждый из них чрезвычайно разрушителен, несомненно, что на самом деле они ничего не могут разрушить, а могут только разлагать и рекомпозировать; изменяя устройство природы, но оставляя саму природу нетронутой. Сможет ли один из этих элементов когда-нибудь снова одержать верх над своим противником, является чрезвычайно интересным

предположением. Ибо есть основания подозревать, что в один период огонь был более активен, чем вода, и что в другой период вода была более активна, чем огонь. То, что они ведут непрекращающуюся войну, - факт, с которым геологи прекрасно знакомы, хотя в этом, как и во многих других случаях, поэты были первыми, кто разглядел истину. На взгляд геолога, вода постоянно работает над тем, чтобы свести все неровности земли к единому уровню; в то время как огонь с его вулканическим действием в равной степени занят восстановлением этих неровностей, выбрасывая вещество на поверхность и различными способами нарушая земную кору.[781] И поскольку красота материального мира в основном зависит от неправильности внешнего вида, без которой пейзаж не представлял бы разнообразия форм и лишь небольшого разнообразия цветов, мы, я думаю, не будем виноваты в излишней утонченности, если скажем, что огонь, спасая нас от однообразия, на которое нас обрекла бы вода, был отдаленной причиной этого. развитие воображения, которое дало нам нашу поэзию, нашу живопись и нашу скульптуру и тем самым не только чудесным образом увеличило удовольствие от жизни, но и придало человеческому разуму полноту функционирования, которой он не смог бы достичь в отсутствие такого стимула.

Когда геологи начали изучать законы, по которым огонь и вода изменили структуру земли, перед ними открылись два различных пути, а именно индуктивный и дедуктивный. Дедуктивный план состоял в том, чтобы вычислить вероятные последствия воздействия огня и воды, исходя из таких наук, как термотика и гидродинамика; прослеживая каждый элемент с помощью независимой линии рассуждений, а затем сводя в единую схему результаты, которые были получены по отдельности. Тогда оставалось бы только выяснить, насколько эта воображаемая схема согласуется с действительным положением вещей; и если бы расхождение между идеальным и действительным не было большим, чем можно было бы справедливо ожидать, исходя из возмущений, вызванных другими причинами, логическое обоснование было бы полным, и геология в ее неорганическом отделе стала бы дедуктивной наукой. Я действительно далек от предположения, что наше знание созрело для такого процесса; но это путь, по которому пошел бы дедуктивный ум, насколько это было возможно. С другой стороны, индуктивный ум, вместо того чтобы начинать с огня и воды, начал бы с эффектов, которые произвели огонь и вода, и сначала изучил бы эти два агента не в их собственных отдельных науках, а в их объединенном действии, проявляющемся на земной коре. Исследователь такого рода предположил бы, что лучшим способом достижения истины было бы перейти от следствий к причинам, наблюдая за тем, что на самом деле произошло, и поднимаясь от сложных результатов к знанию простых факторов, силой которых были достигнуты результаты.

Если читатель проследил ход мыслей, который я попытался изложить в этой главе и в первом томе, он будет готов ожидать, что, когда во второй половине восемнадцатого века геология впервые серьезно изучалась, индуктивный план перехода от следствий к причинам стал излюбленным в Англии; в то время как дедуктивный план перехода от причин к следствиям был принят в Шотландии и в Германии. И так было на самом деле. Общеизвестно, что в Англии научная геология обязана своим возникновением Уильяму Смиту, чей ум питал исключительное отвращение к системе и который, полагая, что лучший способ понять прежние причины - это изучить нынешние следствия, в период с 1790 по 1815 год занимался кропотливым исследованием различных пластов.[782] В 1815 году он, пройдя пешком всю Англию, опубликовал первую полную геологическую карту, которая когда-либо появлялась, и таким образом сделал первый большой шаг к накоплению материалов для индуктивного обобщения.[783] В 1807 году, следовательно, до того, как он завершил свою трудную задачу, в

Лондоне было сформировано Геологическое общество, непосредственной целью которого, как мы уверены, было наблюдение за состоянием земли, но ни в коем случае не обобщение причин, вызвавших это состояние.^[784] Решение, возможно, было мудрым. Во всяком случае, оно в высшей степени характеризовало трезвый и терпеливый дух английского интеллекта. Всем, кто интересуется этими вопросами, хорошо известно, с какой энергией и беспощадным трудом это было выполнено и как самые выдающиеся члены Геологического общества в поисках истины исследовали не только каждую часть Европы, но и земную оболочку в Америке и Северной Азии; нельзя отрицать и того, что великие работы Лайелла и Мерчисона доказывают, что люди, способные на такие трудоемкие предприятия, способны также на еще более трудное достижение - обобщение полученных фактов и превращение их в идеи. Они шли не как простые наблюдатели, но они шли с благородной целью подчинить свои наблюдения открытию законов природы. Такова была их цель; и да будет им за это вся честь. Тем не менее, очевидно, что их процесс по существу индуктивный; это процедура от наблюдения сложных явлений до элементов, которыми эти явления обусловлены; другими словами, это изучение естественных эффектов с целью изучения действия естественных причин.

Совсем иным был процесс в Германии и Шотландии. В 1787 году, то есть всего за три года до того, как Уильям Смит приступил к своим трудам, Вернер своей работой по классификации гор заложил фундамент немецкой геологической школы.^[785] Его влияние было огромным, и среди его учеников мы находим имена Мооса, Раумера и Фон Буха и даже Александра Гумбольдта.^[786] Но геологическая теория, которую он выдвинул, полностью зависела от цепочки аргументов от причины к следствию. Он предположил, что все великие изменения, через которые прошла земля, были вызваны действием воды. Принимая это как должное, он рассуждал дедуктивно, исходя из предпосылок, которыми его снабдили знания о воде. Не вдаваясь в подробности относительно его системы, достаточно сказать, что, согласно ей, первоначально существовало одно обширное и первобытное море, которое с течением времени отложило первобытные горные породы. Основанием всего был гранит, затем гнейс, и другие следовали в своем порядке. В недрах воды, которая поначалу была спокойной, постепенно возникло волнение, которое, уничтожив часть самых ранних отложений, породило новые породы, образовавшиеся из их обломков. Таким образом, стратифицированное сменило нестратифицированное, и установилось нечто вроде разнообразия. Затем наступил другой период, в который поверхность вод, вместо того чтобы быть просто взволнованной, сотрясалась от бурь, и среди их игры и столкновения зародилась жизнь, появились растения и животные. Обширная пустынная местность постепенно заселялась, море постепенно отступало; и был заложен фундамент той эпохи, в течение которой на сцену вышел человек, принес с собой зачатки порядка и социального совершенствования.^[787]

Это были ведущие взгляды системы, которая, как мы должны помнить, пользовалась большим влиянием в научном мире и привлекла на свою сторону умы, обладающие значительной властью. Каким бы ошибочным и притянутым за уши это ни было, оно имело то достоинство, что привлекало внимание к одному из двух главных принципов, которые определили нынешнее состояние нашей планеты. У нее было еще одно достоинство - она спровоцировала полемику, которая в высшей степени отвечала интересам истины. Ибо великий враг знания - не ошибка, а инертность. Все, чего мы хотим, - это обсуждения, и тогда мы обязательно преуспеем, какими бы ни были наши промахи. Одна ошибка вступает в конфликт с другой; каждая уничтожает своего оппонента, и выявляется истина. Таков ход человеческого разума, и именно с этой точки зрения авторы новых идей, предлагающие новые изобретения и зачинатели новых ересей являются

благодетелями своего вида. Правы они или нет, это наименьшая часть вопроса. Они имеют тенденцию будоражить ум; они раскрывают способности; они побуждают нас к новым исследованиям; они придают старым предметам новый аспект; они нарушают общественную лень; и они прерывают, грубо, но с самым благотворным эффектом, ту любовь к рутине, которая, побуждая людей продолжать пресмыкаться на путях своих предков, стоит на пути любого совершенствования как постоянное, отдаленное и, слишком часто, фатальное препятствие.

Метод, принятый Вернером, был, очевидно, дедуктивным, поскольку он исходил из предполагаемой причины и рассуждал от нее к следствиям. В этом он нашел свою главную посылку и, исходя из нее, продвигался вниз к своему заключению, пока не достиг мира смысла и реальности. Он верил в свою единственную великую идею и справился с ней с непревзойденным мастерством. Именно по этой причине он уделял меньше внимания существующим фактам. Если бы он захотел, он, как и другие люди, мог бы собрать их и подвергнуть индуктивному обобщению. Но он предпочел противоположный путь. Упрекать его в этом нерационально, ибо в своем стремлении к истине он выбрал одну из двух дорог, которые открыты человеческому разуму. В Англии, действительно, мы склонны считать само собой разумеющимся, что один путь бесконечно предпочтительнее другого. Возможно, это и так; но по этому, как и по многим другим предметам, распространены утверждения, которые никогда не были доказаны. Во всяком случае, Вернер был настолько доволен своим методом, что не стал утруждать себя исследованием положения горных пород и их слоев, поскольку они по-разному представлены в разных странах; он даже не исследовал свою собственную страну, но, ограничившись уголком Германии, начал и завершил свою знаменитую систему, не исследуя факты, на которых, согласно индуктивному методу, должна была быть построена эта система.[788]

Точно такой же процесс, на ту же тему и в то же время, происходил в Шотландии. Хаттон, который был основателем шотландской геологии и который в 1788 году опубликовал свою *Теорию Земли*, провел исследование точно так же, как и Вернер; хотя, когда он начинал свои рассуждения, он понятия не имел о том, что делал Вернер.[789] Единственная разница между ними заключалась в том, что в то время как Вернер рассуждал, опираясь на воду, Хаттон рассуждал, опираясь на огонь. Причину этого, я думаю, можно объяснить. Хаттон жил в стране, где впервые были обобщены некоторые из важнейших законов теплопроводности и, следовательно, эта кафедра неорганической физики приобрела большую репутацию. Для шотландца было естественно проявлять больше обычного интереса к предмету, в котором Шотландия добилась такого успеха и приобрела такую большую известность. Поэтому нам не нужно удивляться, что Хаттон, который, как и все люди, ощущал интеллектуальные наклонности того времени, в которое он жил, поддался влиянию, о котором он, возможно, и не подозревал. Повинуясь общим ментальным привычкам своей страны, он применил дедуктивный метод. В дальнейшем, повинуясь более особым обстоятельствам, связанным с его собственными непосредственными занятиями, он почерпнул принципы, на основе которых он рассуждал, из изучения огня, вместо того чтобы черпать их, как это делал Вернер, из изучения воды.

Следовательно, в истории геологии последователи Вернера известны как непунисты, а последователи Хаттона - как плутонисты.[790] И эти термины представляют собой единственное различие между двумя великими мастерами. В наиболее важных моментах, а именно в их методе, они были полностью согласны. Оба были по существу односторонними; оба уделяли слишком исключительное внимание одному из двух основных факторов, которые изменили и

все еще изменяют земную кору; оба исходили из этих факторов, вместо того чтобы рассуждать с ними; и оба построили свою систему без достаточного изучения действительных и существующих фактов; совершив в этом отношении ошибку, которую первыми исправили английские геологи.

Поскольку я пишу историю не науки, а научного метода, я могу лишь кратко остановиться на характере тех услуг, которые Хаттон оказал геологии и которые настолько значительны, что его система была названа ее нынешней основой.[791] Это, однако, выражено слишком сильно; ибо, хотя Хаттон был далек от отрицания влияния воды,[792] он недостаточно с этим согласился, и среди некоторых геологов существует тенденция признать, что система Вернера, рассматриваемая как водная теория, содержит большую долю истины, чем готовы допустить сторонники магматической теории. И все же то, что сделал Хаттон, было самым замечательным, особенно в отношении того, что сейчас называется метаморфическими породами, теорию образования которых он разработал первым.[793] В это и в их связь, с одной стороны, с осадочными породами, а с другой стороны, с теми породами, происхождение которых, возможно, чисто магматическое, я не мог углубиться, не вступив на спорную почву. Но, оставляя в стороне то, что пока неясно, я упомяну о двух обстоятельствах, касающихся Хаттона, которые бесспорны и которые дадут некоторое представление о его методе и об умонастроении. Первое обстоятельство заключается в том, что, хотя он приписывал подземному теплу, проявляющемуся при вулканической деятельности, большую и более постоянную энергию, чем осмеливались делать какие-либо предыдущие исследователи,[794] он предпочитал размышлять о вероятных последствиях этого действия, а не делать выводы из фактов, которые представляло это действие; он был к этому вопросу настолько равнодушен, что пришел к своему выводу. Выводы, не обследовав ни единого региона действующих вулканов, где он мог бы понаблюдать за работой природы и увидеть, что она собой представляет на самом деле.[795] Не менее характерно и другое обстоятельство. Хаттон в своих рассуждениях о геологическом воздействии тепла, естественно, воспользовался законами, которые раскрыл Блэк. Один из этих законов состоял в том, что некоторые земли обязаны своей плавкостью присутствию в них неподвижного воздуха до того, как он будет вытеснен теплом; так что, если бы было возможно заставить их удерживать неподвижный воздух, или углекислый газ, как мы теперь его называем, никакое количество тепла не могло бы лишить их способности к плавлению. Богатый ум Хаттона увидел в этом открытии принцип, на основе которого он мог бы построить геологическую аргументацию. Ему пришло в голову, что большое давление предотвратило бы утечку неподвижного воздуха из нагретых пород и, таким образом, позволило бы их плавить, несмотря на их повышенную температуру. Затем он предположил, что в период, предшествовавший существованию человека, подобный процесс происходил под поверхностью моря и что вес столь огромного столба воды предотвратил разложение горных пород, когда они подвергались действию огня. Таким образом, их летучие части удерживались вместе, и они сами могли расплавиться, чего не могло бы произойти, если бы не это огромное давление. Следуя этой линии аргументации, он объяснил уплотнение слоев под действием тепла; поскольку, согласно предпосылкам, из которых он исходил, маслянистые или битуминозные части должны были оставаться, несмотря на усилия тепла по их рассеиванию.[796] Это поразительное предположение привело к выводу, что летучие компоненты вещества и его фиксированные компоненты могут быть приведены к сцеплению в самых зубах того, казалось бы, непреодолимого агента, в обязанности которого входит производить их разделение. Такой вывод противоречил всему опыту; или, если говорить мягко, ни один человек никогда не видел

подобного примера.[797] Действительно, событие должно было произойти только вследствие обстоятельств, которые никогда не встречались на поверхности земного шара и которые, следовательно, были вне пределов человеческих наблюдений.[798] Максимум, чего можно было ожидать, это того, что с помощью наших инструментов мы могли бы, возможно, в небольшом масштабе имитировать процесс, который представлял себе Хаттон. Было возможно, что прямой эксперимент мог бы искусственно совместить большое давление с большой температурой, и что результатом могло бы быть то, что чувства осознали бы то, что задумал интеллект.[799] Но эксперимент так и не был опробован, и Хаттон, которому нравилось рассуждать на основе идей, а не фактов, вряд ли решился бы на него.[800] Он высказал свои предположения о мире, и бросил его на произвол судьбы.[801] К счастью, однако, для получения своей системы очень изобретательный и умелый экспериментатор того времени, сэр Джеймс Холл, решил проверить предположение, обратившись к фактам; и поскольку природа не предоставила фактов, которые он хотел, он создал их для себя. Он нагрел толченный мел и в то же время с большой деликатностью манипулировал им, подвергая мел давлению, примерно равному весу водяного столба высотой в полмили. Результатом было то, что под таким давлением летучие части мела удерживались вместе; углекислый газ не мог выделяться; образование негашеной извести было остановлено; обычные природные процессы были нарушены, и вся композиция, сохранившаяся в своей целостности, была расплавлена и при последующем охлаждении фактически кристаллизовалась в твердый мрамор.[802] Никогда еще triumph не был таким полным. Никогда еще факт так полно не подтверждал идею.[803] Но, по мнению Хаттона, идея предшествовала факту с большим интервалом; поскольку, прежде чем факт стал известен, теория была выдвинута, и система, построенная на ней, действительно, была опубликована за несколько лет. Таким образом, представляется, что одна из главных частей Теории Хаттона, и, безусловно, ее наиболее успешная часть, была задумана в противовес всему предшествующему опыту; что она предполагала комбинацию событий, которые никто никогда не наблюдал, и саму возможность которых не могло доказать ничто, кроме искусственного эксперимента; и, наконец, что Хаттон был настолько уверен в обоснованности своего собственного метода исследования, что побрезговал провести эксперимент сам, но предоставил другому разуму ту эмпирическую ветвь исследования, которую он считал маловажной, но которую нас, в Англии, учат считать единственной. надежная основа физических исследований.[804]

Теперь я изложил все наиболее важные открытия, сделанные Шотландией в восемнадцатом веке в отношении законов неорганического мира. Я ничего не сказал о Уатте, потому что, хотя паровая машина, которой мы ему обязаны, имеет неисчислимое значение, это не открытие, а изобретение. Это справедливо можно назвать изобретением, а не усовершенствованием.[805] Несмотря на то, что было сделано в семнадцатом веке Де Каузом, Вустером, Папеном и Савери, и несмотря на более поздние дополнения Ньюкомена и других, настоящая оригинальность Уатта безупречна. Его двигатель был, по сути, новым изобретением; но в своем научном аспекте это была всего лишь умелая адаптация ранее известных законов; и один из его наиболее важных моментов, а именно экономия тепла, был практическим применением идей, провозглашенных Блэком.[806] Единственным открытием, сделанным Уаттом, было открытие состава воды. Хотя друзья Кавендиша оспаривают его утверждения, похоже, что он был первым, кто установил, что вода не является элементом, а представляет собой соединение двух газов.[807] Это открытие стало значительным шагом в истории химического анализа, но оно не включало и не предполагало какого-либо нового закона

природы и, следовательно, не претендует на то, чтобы отметить эпоху в истории человеческого разума.[808] Однако с этим связано одно обстоятельство, которое слишком характерно, чтобы его можно было обойти молчанием. Открытие было сделано в 1783 году шотландцем Уоттом и англичанином Кавендишем, ни один из которых, похоже, не осознавал, что делал другой.[809] Но между этими двумя была такая разница. Уотт за несколько лет до этого размышлял о связи воды с воздухом и, связав их вместе с помощью закона скрытой теплоты Блэка, был готов поверить, что одно преобразуется в другое.[810] Идея тесной аналогии между двумя телами, однажды пришедшая ему в голову, постепенно созрела; и когда он, наконец, завершил открытие, это было просто рассуждением на основе данных, которыми обладали другие, помимо него. Вместо того чтобы выявлять новые факты, он делал новые выводы из прежних идей.[811] Кавендиш, с другой стороны, получил свой результат естественным для англичанина методом. Он не осмеливался делать новые выводы до тех пор, пока не выяснил некоторые новые факты. Действительно, его открытие было настолько полностью выведено из его собственных экспериментов, что он не принял во внимание теорию скрытого тепла, исходя из которой рассуждал Уотт и где этот выдающийся шотландец нашел предпосылки для своего аргумента.[812] Оба этих великих исследователя пришли к истине, но каждый завершил свой путь другим путем. И этот антитезис точно выражен одним из самых знаменитых ныне живущих химиков, который в своих замечаниях о составе воды справедливо говорит, что в то время как Кавендиш установил факты, Уотт сформулировал идею.[813]

Вот и все о том, что было сделано шотландцами на факультете неорганических наук. Если мы теперь обратимся к органической науке, то обнаружим, что и там их труды были весьма замечательными. Тем, кто способен к определенному возвышению и кругозору мышления, в высшей степени вероятным покажется, что между органическим и неорганическим миром нет реальной разницы. То, что они разделены, как обычно утверждается, резкой демаркационной линией, которая указывает, где резко заканчивается одна и резко начинается другая, представляется предположением совершенно несостоятельным. Природа не останавливается и не прерывается таким прерывистым и нерегулярным образом. В ее работах нет ни промежутка, ни пропасти. Для истинно научного ума материальный мир представляет собой один обширный и непрерывный ряд, постепенно поднимающийся от низших форм к высшим, но никогда не останавливающийся. В одной части этого ряда мы находим особую структуру, которую, насколько позволяют наши наблюдения, в другой части мы обнаружить не можем. Мы также наблюдаем определенные функции, которые соответствуют структуре и, как мы полагаем, являются ее результатом. Это все, что мы знаем. Тем не менее, исходя из этих скудных фактов, мы, которые в настоящее время все еще находимся в зачаточном состоянии познания и лишь поверхностно изучили вещи, должны сделать вывод, что в цепи существования должна быть точка, где и структура, и функция внезапно прекращаются, и после этого мы можем тщетно искать признаки жизни. Было бы трудно представить себе вывод, более противоречащий всему ходу и аналогиям современной мысли. В каждой области рассуждения величайших мыслителей постоянно стремятся согласовать все явления и рассматривать их как различные, действительно, по степени, но ни в коем случае не как отличающиеся по характеру. Раньше люди довольствовались тем, что основывали свою убежденность в этом различии в роде на свидетельстве глаза, который при беглом осмотре видел организацию в одних телах, а не в других. Исходя из организации, они сделали вывод о существовании жизни, и предположили, что, например, растения обладают жизнью, а минералы - нет. Аргумент такого рода долгое время считался удовлетворительным; но со временем он потерпел крах; требовалось больше

доказательств, и с середины семнадцатого века повсеместно было признано, что глаз сам по себе является ненадежным свидетелем и что мы должны использовать микроскоп, вместо того чтобы полагаться на показания наших собственных слабых органов чувств без посторонней помощи. Но микроскоп неуклонно совершенствуется, и мы не можем сказать, каковы пределы его возможностей для совершенствования. Следовательно, мы не можем сказать, какие новые секреты он может раскрыть. Мы также не можем сказать, что он не может быть полностью заменен каким-либо новым искусственным ресурсом, который предоставит нам доказательства, настолько же превосходящие все имеющиеся, насколько наши нынешние доказательства превосходят данные, видимые невооруженным глазом. Уже сейчас, и несмотря на короткий промежуток времени, в течение которого микроскоп был действительно эффективным инструментом, он открыл нам организации, о существовании которых никто ранее не подозревал. Доказано, что то, что в течение тысячелетий считалось просто частицами инертной материи, на самом деле является животными, обладающими большинством функций, которыми обладаем мы, воспроизводящими свой вид в регулярной и упорядоченной последовательности и наделенными нервной системой, которая показывает, что они должны быть восприимчивы к боли и удовольствию. Он обнаружил жизнь, скрытую в ледниках Швейцарии; он обнаружил, что она встроена в полярные льды, и, если она может процветать там, трудно сказать, с какой стороны ее можно изолировать. Однако большинство людей настолько не желают отказываться от старых представлений, что были привлечены ресурсы химии, чтобы установить предполагаемое различие между органической и неорганической материей: при этом утверждается, что в органическом мире существует более сложная молекулярная комбинация, чем в неорганическом.^[814] Химики далее утверждают, что в органической природе преобладает углерод, а в неорганической - кремний.^[815] Но химический анализ, как и микроскопическое наблюдение, делает такие быстрые успехи, что каждое поколение, я чуть было не сказал "каждый год", нарушает некоторые из ранее установленных выводов; так что сейчас и в течение длительного времени мы должны рассматривать эти выводы как эмпирические и, по сути, просто предварительные. Несомненно, постоянный и универсальный вывод не может быть сделан из изменчивых и ненадежных фактов, которые признаются сегодня и могут быть опровергнуты завтра. Таким образом, казалось бы, что в пользу мнения, что одни тела живые, а другие мертвые, у нас нет ничего, кроме того обстоятельства, что наши исследования, насколько они еще продолжались, показали, что клеточная структура, рост и размножение не являются неизменными свойствами материи, но исключены из значительной части видимого мира, который по этой причине мы называем неодушевленным. Вот и весь аргумент по этой стороне вопроса. С другой стороны, мы имеем тот факт, что наше зрение и искусственные инструменты, с помощью которых мы пришли к этому заключению, по общему признанию, несовершенны; и у нас есть еще один факт, что, какими бы несовершенными они ни были, они доказали, что органическое царство бесконечно обширнее, чем когда-либо воображал самый смелый мечтатель, в то время как они не смогли расширить границы неорганического царства ни на что подобное. Это показывает, что, насколько это касается наших мнений, чаша весов неуклонно склоняется в одну заданную сторону; другими словами, по мере развития наших знаний вера в органическое вторгается в веру в неорганическое.^[816] Когда мы, кроме того, добавим, что вся наука явно приближается к одной простой и общей теории, которая должна охватывать весь спектр материальных явлений, и что на каждом последующем шаге некоторые нарушения объясняются, а некоторые неравенства уменьшаются, вряд ли можно сомневаться, что такое движение имеет тенденцию ослаблять те старые различия, реальность которых была слишком очевидна. поспешно

принятые; и что на их место нам рано или поздно придется прийти к более всеобъемлющему взгляду, согласно которому жизнь является свойством всей материи, и что классификация тел на одушевленные и неодушевленные или на органические и неорганические - это всего лишь временное устройство, удобное, возможно, для наших нынешних целей, но которое, как и все подобные подразделения, в конечном итоге будет объединено в более высокую и широкую схему.

Однако до тех пор, пока этот шаг не сделан, мы должны довольствоваться рассуждениями в соответствии с доказательствами, получаемыми нашими несовершенными инструментами или нашими еще более несовершенными органами чувств. Поэтому мы признаем разницу между органической и неорганической природой не как научную истину, а как научную уловку, с помощью которой мы разделяем в идее то, что на самом деле неразделимо; надеясь, таким образом, с большей легкостью следовать нашим курсом и, в конечном счете, получить результаты, которые сделают эту уловку ненужной. Принимая, таким образом, это разделение, мы можем отнести все исследования органических тел к одному из двух объектов. Первая цель состоит в том, чтобы установить закономерность этих тел в их обычном, здоровом или, как мы несколько ошибочно выражаемся, нормальном течении. Другая цель состоит в том, чтобы установить их закономерность в их необычном, нездоровом или ненормальном течении. Когда мы пытаемся сделать первое из этих действий, мы являемся физиологами. Когда мы пытаемся сделать второе, мы становимся патологами.^[817]

Таким образом, физиология и патология являются двумя фундаментальными разделами всей органической науки.^[818] Каждое из них тесно связано с другим; и в конечном итоге, без сомнения, оба будут объединены в единое исследование путем открытия законов, которые докажут, что здесь, как и везде, на самом деле нет ничего ненормального или нерегулярного. Однако до сих пор физиологи неизмеримо превосходили патологов во всесторонности своих взглядов и, следовательно, в ценности своих результатов. Ибо лучшие физиологи отчетливо осознают, что основа их науки должна включать в себя не только животных, стоящих ниже человека, но и все растительное царство, и что без этого масштабного обзора всего царства органической природы мы, вероятно, не сможем понять даже физиологию человека, не говоря уже об общей физиологии. Патологи, с другой стороны, настолько отстают, что болезни низших животных редко входят в их планы; в то время как болезнями растений почти полностью пренебрегают, хотя несомненно, что до тех пор, пока все они не будут изучены и не будут предприняты некоторые шаги для их обобщения, каждое патологическое заключение будет в высшей степени эмпирическим из-за узости области, из которой оно получено.

Поскольку наука о патологии все еще настолько отстала как в концепции, так и в применении, что даже люди с реальными способностями верят, что она может быть создана на основе простого изучения человеческого строения, вряд ли можно ожидать, что шотландцы, несмотря на поразительную смелость их спекуляций, смогли в восемнадцатом веке предвосхитить метод, который еще предстоит применить девятнадцатому веку. Но они подготовили двух патологоанатомов с большими способностями, которым мы в немалой степени обязаны. Это были Каллен и Джон Хантер.^[819] Каллен был выдающимся только как патолог; но Хантер, чей тонкий и дискурсивный гений проявлялся гораздо шире, был велик как в физиологии, так и в патологии. Краткий отчет об их обобщениях, касающихся органической науки, будет

подходящим продолжением к уже приведенным мною замечаниям о том, что было сделано их соотечественниками для неорганической науки за тот же период. Это завершит наш обзор шотландского интеллекта и позволит читателю составить некоторое представление о блестящих достижениях этого самого замечательного народа, который, вопреки ходу дел во всех других современных нациях, показал, что научные открытия не обязательно ослабляют суеверия и что два враждебных принципа могут процветать бок о бок, никогда не вступая в фактическое столкновение и ощутимо не ослабляя силы друг друга.

В 1751 году Каллен был назначен профессором медицины в Университете Глазго;^[820] из которого, однако, в 1756 году он был переведен в Эдинбургский университет,^[821] где он читал те знаменитые лекции, от которых теперь зависит его слава. В начале своей карьеры он уделял большое внимание неорганической физике и выдвинул несколько замечательных предположений, которые, как предполагается, подсказали Блэку, который был его учеником, теорию скрытого тепла.^[822] Но для подтверждения этих взглядов потребовалось бы провести ряд тщательных экспериментов, которые не соответствовали привычке его ума проводить. Таким образом, изложив свои идеи, он оставил их прорасти и перешел к своей трудной попытке обобщить законы болезни в том виде, в каком они проявляются в организме человека. В изучении болезней, поскольку явления были более неясными и менее поддавались эксперименту, была большая свобода для спекуляций; следовательно, он мог легче предаваться той любви к теории, которая была его главной страстью, и с крайней преданностью, в которой его упрекали.^[823] Я думаю, следует признать, что упрек не совсем несправедлив, поскольку мы находим, что он излагает доктрину, согласно которой, поскольку при лечении болезней теория неотделима от практики, неважно, что стоит на первом месте.^[824] Это было равносильно утверждению, что практикующий врач может позволить своим теориям контролировать свои наблюдения; ибо несомненно, что в огромном большинстве случаев люди настолько цепки за мнения, которые они впитывают, что все, что в любом стремлении сначала занимает их разум, вероятно, формирует все, что приходит впоследствии. В обычном сознании ассоциации идей, если они прочно укоренились, становятся нерасторжимыми; и способность разделять их и выстраивать в новые комбинации является одним из редчайших наших дарований. Средний интеллект, однажды овладев теорией, вряд ли когда-нибудь сможет от нее избавиться. Следовательно, в практических вопросах теории следует опасаться, точно так же, как в научных вопросах ею следует дорожить; потому что практическими занятиями в основном занимается низший класс умов, где ассоциации и сила предрассудков чрезвычайно сильны, в то время как научные занятия касаются высшего класса, где такие предубеждения сравнительно слабы и где тесные ассоциации легче разорвать. Самые могущественные интеллекты в наибольшей степени привыкли к новому способу мышления и, следовательно, в наибольшей степени способны разрушить старые. На них вера держится легко, потому что они хорошо знают, как мало доказательств у нас есть для многих даже наших самых старых верований. Но средние, или, как мы должны сказать, не желая никого обидеть, низшие умы, не обеспокоены этими изысками. От теорий, которые они когда-то искренне принимали, они вряд ли когда-нибудь смогут избавиться, и они часто присваивают им название основных истин и негодуют на каждое нападение на них как на личное оскорбление. Унаследовав подобные теории от своих отцов, они относятся к ним со своего рода сыновним пиететом и цепляются за них, как за какое-то богатое приобретение, к которому никто не имеет права прикасаться.

К этому последнему классу принадлежат почти все люди, которые больше заняты практическими занятиями, чем умозрительными. Среди них есть обычные практикующие врачи, будь то в медицине или в любой другой области, крайне немногие из которых готовы нарушить ход мыслей, к которому они привыкли.^[825] Хотя они заявляют, что презируют теорию, на самом деле они поработаны ею. Все, что они могут сделать, это скрыть свое подчинение, называя свою теорию необходимой верой. Следовательно, следует считать замечательным доказательством любви Каллена к дедуктивным рассуждениям то, что он, каким бы проницательным и проницательным он ни был, предположил, что в таком практическом искусстве, как медицина, теория может безнаказанно предшествовать практике. Ибо совершенно верно, что, если брать среднестатистических людей, их разум устроен так, что он не может предшествовать им, не контролируя его. Столь же верно и то, что такой контроль должен быть вредным. Даже сейчас, несмотря на огромные шаги, предпринятые в патологической анатомии, в химии животных и в микроскопическом исследовании как жидкостей, так и твердых тел человеческого организма, лечение болезней является вопросом искусства в гораздо большей степени, чем вопросом науки. Что в основном характеризует самых выдающихся врачей и дает им их реальное превосходство, так это не столько объем их теоретических знаний, — хотя и они тоже часто значительны, — но это то тонкое восприятие, которым они обязаны, частично опыту, а частично природной быстроте в обнаружении аналогий и различий, которые ускользают от обычных наблюдателей. Процесс, которому они следуют, представляет собой быструю и, в некоторой степени, бессознательную индукцию. И это причина, по которой величайшие физиологи и химики, которыми обладает медицинская профессия, само собой разумеется, не являются лучшими целителями болезней. Если бы медицина была наукой, они всегда были бы лучшими. Но медицина, оставаясь по сути искусством, зависит главным образом от качеств, которые каждый практикующий должен приобрести для себя сам и которым не может научить ни одна научная теория. Время для общей теории еще не пришло, и, вероятно, должно пройти много поколений, прежде чем это произойдет. Следовательно, предполагать, что теория болезни должна, как вопрос образования, предшествовать лечению болезни, не только практически опасно, но и логически ложно. Меня сейчас не интересует его практическая опасность; но его логический аспект представляет собой любопытную иллюстрацию той страсти к систематическому и диалектическому мышлению, которая была характерна для Шотландии. Это показывает, что Каллен, в своем стремлении аргументировать от принципов к фактам, а не от фактов к принципам, мог в самом важном из всех искусств рекомендовать метод процедуры, для которого даже наши знания не созрели, но который в его время был настолько необдуманно и незрелым, что ничто не может объяснить его принятие человеком с таким глубоким пониманием, кроме того обстоятельства, что он жил в стране, в которой этот особый метод царил безраздельно.

Следует, однако, признать, что Каллен владел этим методом с большим мастерством, особенно в применении его к науке патологии, для которой он подходил гораздо лучше, чем для искусства терапии. Ибо мы всегда должны помнить, что наука, исследующая законы болезни, совершенно отличается от искусства, которое ее лечит. Наука имеет спекулятивный интерес, который не зависит от всех практических соображений и который зависит просто от того факта, что, когда она будет завершена, она объяснит aberrации всего органического мира. Патология направлена на установление причин, определяющих любое отклонение от естественного типа,

будь то форма или функция. Следовательно, никто не может получить исчерпывающего представления о фактическом состоянии знаний, не изучив теоретических связей между патологией и другими областями исследования. Делать это - дело не практиков, а философов, так называемых в собственном смысле этого слова. Патологоанатом-философ так же отличается от врача, как юрист отличается от адвоката, или как агрохимик отличается от фермера, или как политэкономист отличается от государственного деятеля, или как астроном, который обобщает законы движения небесных тел, отличается от капитана, который управляет своим кораблем, применяя эти законы на практике. Эти два набора функций могут быть объединены, и иногда, хотя и очень редко, так оно и есть, но в этом нет необходимости. Следовательно, хотя для непрофессионала было бы абсурдно самонадеянно выносить суждение о терапевтической системе Каллена, для любого, кто изучал теорию этих вопросов, совершенно законно исследовать его патологическую систему; потому что она, как и все научные системы, должна поддаваться общим соображениям, которые должны быть взяты частично из смежных наук, а частично из универсальной логики философского метода.

Именно с этой последней, или логической, точки зрения патология Каллена представляет интерес для целей настоящей главы. Характер его исследований можно проиллюстрировать, сказав, что его метод в патологии аналогичен тому, который Адам Смит применил в то же время, хотя и в совершенно другой области. Оба были дедуктивными; и оба, прежде чем рассуждать дедуктивно, отвергли некоторые посылки, из которых они исходили. То, что это подавление является ключом к методу Адама Смита и было преднамеренной частью его плана, я уже показал; как и то, что в каждой из своих двух работ он выдвигал предпосылки, в которых другой работе не хватало. В этом отношении он намного превосходил Каллена. Ибо, хотя Каллен, как и Смит, начал с искажения своей проблемы, чтобы легче ее решить, он, в отличие от Смита, не видел необходимости в проведении другого параллельного исследования, которое должно было дополнить схему, отталкиваясь от предпосылок, которые были ранее опущены.

То, что я назвал искажением проблемы, было произведено Калленом следующим образом. Его целью было обобщить феномены болезни в том виде, в каком они проявляются в организме человека; и для него, как и для всех остальных, было очевидно, что организм человека состоит частично из твердых тел, а частично из жидкостей. Особенность его патологии в том, что он почти полностью исходит из законов твердых тел и так мало учитывает жидкости, что допускает, что они являются лишь косвенными причинами болезней, которые, с научной точки зрения, следует считать строго подчиненными прямым причинам, представленным твердыми составляющими нашего тела.^[826] Это предположение, хотя и ложное, было совершенно оправданным, поскольку, ограничивая проблему, он упрощал ее изучение; точно так же, как Адам Смит в своем *"Богатстве наций"* упростил изучение человеческой природы, лишив ее всякого сочувствия. Но этот наиболее всеобъемлющий мыслитель был осторожен в своей *Теории моральных чувств*, стремясь восстановить в человеческой природе качества, которых лишило ее Богатство наций, и, таким образом, установив две различные линии аргументации, он охватил весь предмет. Точно так же Каллену, после того как он построил теорию болезни, исходя из твердых тел, было поручено построить другую теорию, исходя из жидкостей; так что координация двух теорий могла бы создать науку о патологии, настолько полную, насколько позволял тогдашний уровень знаний.^[827] Но к этому его разум был неравен. Каким бы способным он ни был, ему не хватало хватки интеллекта, которая характеризовала Адама Смита и которая заставила этого великого человека осознать, что каждый дедуктивный аргумент, основанный на подавлении посылок, должен быть компенсирован параллельным аргументом,

который принимает эти послышки во внимание.[828] Каллен так мало знал об этом, что, создав ту систему патологии, которая известна медицинским писателям как солидизм, он никогда не брал на себя труд дополнить ее другой системой, которая отводила жидкостям первое место. Напротив, он верил, что его план был полным и исчерпывающим, и что то, что называется гуморальной патологией, было вымыслом, который слишком долго узурпировал место истины.[829]

Некоторые взгляды, отстаиваемые Калленом, были заимствованы у Хоффмана, а некоторые факты - у Гобиуса; но то, что его патология, рассматриваемая в целом, по существу оригинальна, очевидно из определенного единства замысла, которое несовместимо с обширным плагиатом, и которое доказывает, что он тщательно продумал свой предмет самостоятельно. Не останавливаясь, однако, на том, чтобы выяснить, многое ли он позаимствовал у других, я кратко укажу на несколько основных моментов его системы, чтобы читатель мог понять ее общий характер.

Согласно Каллену, все твердые вещества в человеческом теле либо простые, либо жизненно важные. Простые твердые вещества сохраняют после смерти свойства, которыми они обладали при жизни. Но жизненно важные вещества, образующие фундаментальную часть нервной системы, отмечены свойствами, которые исчезают сразу после наступления смерти.[830] Следовательно, простые твердые тела, обладающие меньшим количеством функций, чем жизненно важные, также страдают меньшим количеством заболеваний; а болезни, которым они подвержены, поддаются простой классификации.[831] Настоящая трудность заключается в жизненно важных твердых телах, потому что от их особенностей зависит вся нервная система, и почти все расстройства возникают непосредственно из-за изменений в них. Поэтому Каллен сделал нервную систему основой своей патологии; и, размышляя о ее функциях, он отводил главное место оккультному принципу, который он назвал Животной Силой, или Энергией, мозга.[832] Этот принцип действовал на жизненно важные твердые вещества. Когда принцип работал хорошо, тело было здоровым; когда он работал плохо, тело было нездоровым. Поскольку, таким образом, состояние жизненных тел было главной причиной беспорядка, и поскольку Энергия мозга была главной причиной состояния жизненных тел, стало важным знать, какие влияния воздействовали на Энергию, потому что в них мы должны были найти начало ряда. Каллен разделил эти воздействия на физические и ментальные. Физическими были тепло, холод и испарения, три наиболее мощных материальных возмущения человеческого организма.[833] Психические воздействия, которые побуждали мозг воздействовать на твердые тела, были объединены в шесть различных разделов, а именно: воля, эмоции, аппетиты, склонности и, наконец, два великих принципа привычки и подражания, на которые он, не без оснований, делал значительный упор.[834] В рассуждениях на основе этих ментальных причин и при обобщении отношений между ними и ощущениями тела он, верный своему любимому методу, исходил дедуктивно из модных тогда метафизических принципов, не исследуя индуктивно их обоснованность, такая индукция, по его мнению, не входила в его обязанности.[835] Он был слишком озабочен продолжением своей диалектики, чтобы его прерывал такой пустяк, как истинность или ложность посылок, на которых зиждется разум. То, что он делал в метафизической части своей патологии, он делал и в ее физической части. Хотя кровь и нервы являются двумя ведущими элементами человеческого организма, он не исследовал их с помощью отдельной индукции; он не подвергал их ни химическим экспериментам, чтобы изучить их состав, ни микроскопическим наблюдениям, чтобы изучить их структуру.[836] Это тем более заметно, что, хотя мы должны признать, что химией животных

тогда вообще пренебрегали и что ее истинное значение едва ли понимали, пока замечательные труды Берцелиуса не выявили ее важность, микроскоп все же был готов к рукам Каллена; он был изобретен за сто пятьдесят лет до того, как он завершил свою патологию, и использовался в научных целях в течение многих десятилетий. около ста лет. Но любовь к синтезу пересилила его. Его система построена на рассуждениях, основанных на общих принципах; и в этом процессе он, безусловно, был непревзойденным мастером. Находясь между посылками и выводом, он почти никогда не допускает, чтобы в него вкралась ошибка. И что касается результатов его размышлений, то у него было одно огромное достоинство, которое навсегда обеспечит ему видное место в истории патологии. Настаивая на важности твердых тел, он, каким бы односторонним он ни был, исправил такую же односторонность своих предшественников; ибо, за чрезвычайно немногими исключениями, все лучшие патологи, начиная с Галена, ошибались, приписывая жидкостям слишком много, и отстаивали чисто гуморальную патологию. Каллен повернул умы людей в другом направлении; и хотя, объяснив им, что нервная система является единственным первичным очагом заболеваний, он совершил большую ошибку, это была ошибка самого благотворного рода. Опираясь на эту сторону, он восстановил равновесие. Следовательно, я не сомневаюсь, что он косвенно поощрял те тщательные исследования нервов, которые он сам не остановился бы провести, но которые в следующем поколении привели к капитальным открытиям Белла, Шоу, Мейо и Маршалла Холла. В то же время старая гуморальная патология, которая преобладала на протяжении многих веков, была практически пагубной, потому что, предполагая, что все болезни находятся в крови, она производила ту постоянную и неизбирательную венозэктомию, которая разрушала бесчисленные жизни, помимо непоправимого вреда, который она часто наносила как телу, так и разуму; ослабляя тех, кого она была не в состоянии убить. Первым эффективным барьером против этого безжалостного натиска, превратившего медицину в проклятие человечества, была сплошная патология.[837] Следовательно, как практически, так и умозрительно, мы должны приветствовать Каллена как великого благодетеля своего вида; и мы должны рассматривать его появление как эпоху в истории человеческого комфорта, а также в истории человеческой мысли.

Возможно, это облегчит представление непрофессиональных читателей, если я приведу, в возможно меньшем количестве слов, пример того, как Каллен использовал свой метод при исследовании теории какого-то одного класса заболеваний. Для этой цели я выберу его доктрину лихорадки, которая, хотя сейчас в целом отвергнута, когда-то оказывала большее влияние, чем любая другая часть его патологии. Здесь, как и везде, он исходит из твердых веществ.[838] Игнорируя состояние крови, он говорит, что причиной любой лихорадки является снижение энергии мозга.[839] Такое уменьшение может быть вызвано различными седативными средствами, наиболее распространенными из которых являются испарения, будь то болотные или человеческие, невоздержанность, страх и холод.[840] Непосредственно при нарушении работы мозга начинается заболевание. Быстро проходя через нервную систему, его первым ощутимым эффектом является озноб, или приступ озноба, который сопровождается спазмом на концах артерий, особенно там, где они соприкасаются с поверхностью тела.[841] Этот спазм крайних сосудов раздражает сердце и артерии, и раздражение продолжается до тех пор, пока спазм не ослабнет.[842] В то же время усиленная работа сердца восстанавливает энергию мозга; система восстанавливается; кровеносные сосуды освобождаются; в то время как в результате всего движения выделяется пот, и лихорадка спадает.[843] Таким образом, исключая всякое рассмотрение жидкостей организма, последовательных стадий вялости,

озноба и прилива жара, можно, по мнению Каллена, обобщить, рассуждая только о твердых веществах, которые, кроме того, привели к его хорошо известному различию между лихорадками, продолжительность которых обусловлена избытком спазмов, и теми, продолжительность которых обусловлена избытком жара. из-за чрезмерной слабости.[844]

Подобный процесс мышления породил его *Нозологию*, или общую классификацию болезней, которую некоторые считают наиболее ценной частью его трудов;[845] хотя, по уже упомянутым причинам, мы должны, я думаю, отвергнуть все подобные попытки как преждевременные и, вероятно, принесут больше вреда, чем пользы, если только они не используются просто как приспособление для улучшения памяти. В любом случае, *нозология* Каллена, хотя и демонстрирует явные следы его мощного и организующего ума, быстро теряет дурную славу, и мы можем быть уверены, что еще долгое время подобная судьба будет ожидать его преемников. Наши патологические знания еще слишком молоды для столь грандиозного предприятия.[846] У нас есть все основания ожидать, что с помощью химии и микроскопа он будет продолжать расти более быстрыми темпами, чем это было до сих пор. Не берясь предсказывать темпы его увеличения, мы можем составить о нем некоторое представление, рассмотрев, что было достигнуто с использованием ресурсов, значительно уступающих тем, которыми мы обладаем сейчас. В авторитетной работе, опубликованной в 1848 году, утверждается, что с момента появления *Нозологии* Каллена простое перечисление болезней почти удвоилось, в то время как наши знания о фактах, относящихся к болезням, выросли более чем вдвое.[847]

Теперь мне остается добавить еще одно имя к этому великолепному списку великих шотландцев восемнадцатого века.[848] Но это имя человека, который по своей всеобъемлющей и оригинальной гениальности идет сразу после Адама Смита и должен быть поставлен намного выше любого другого философа, которого произвела Шотландия. Я имею в виду, конечно, Джона Хантера, единственной ошибкой которого была случайная неясность не только в языке, но и в мыслях. В этом отношении, и, возможно, только в этом, Адам Смит имел преимущество, ибо его ум был настолько гибким и двигался так свободно, что даже самые грандиозные замыслы не могли его подавить. С Хантером, напротив, иногда казалось, что разум был обеспокоен величиим его собственных концепций и сомневался, по какому пути ему следует идти. Он колебался; выражение его разума было невнятным.[849] Тем не менее, его способности были настолько экстраординарными, что среди великих мастеров органической науки он принадлежит, как я понимаю, к тому же рангу, что и Аристотель, Гарвей и Биша, и несколько превосходит либо Галлера, либо Кювье. Что касается этой классификации, то люди будут различаться в соответствии с их различными представлениями о природе науки и, прежде всего, в соответствии с тем, в какой степени они ценят важность философского метода. Именно с этой последней точки зрения я должен в настоящее время рассматривать характер Джона Хантера; и, прослеживая движения его самого замечательного ума, мы обнаружим, что в нем дедукция и индукция были соединены более тесно, чем в любом другом шотландском интеллекте семнадцатого или восемнадцатого века. Причины этого необычного сочетания я сейчас попытаюсь выяснить. Когда они будут поняты, они не только объяснят многие особенности его работ, но и предоставят материал для размышлений тем, кто любит изучать развитие идей и кто способен различить, каким образом различные схемы национальной мысли придавали различные формы национальному характеру и тем самым изменяли весь ход человеческих дел до такой степени, о которой обычные составители истории не имеют ни малейшего представления.

Хантер оставался в Шотландии до двадцати лет, когда поселился в Лондоне; и, хотя он пробыл за границей около трех лет, он покинул свою страну и стал, в социальном и интеллектуальном плане, уроженцем Англии.^[850] Следовательно, ранние ассоциации в его уме сформировались среди дедуктивной нации; более поздние ассоциации - среди индуктивной. Двадцать лет он прожил среди людей, которые, возможно, являются самыми проницательными мыслителями в Европе, если вы признаете за ними принципы, из которых они исходят; но которые, с другой стороны, из-за своей склонности к этому методу, настолько жадны до общих принципов, что они примут их почти на основании любых доказательств и, следовательно, одновременно очень доверчивы и очень логичны. В этой школе, в окружении этих привычек, интеллект Джона Хантера развивался в течение самого впечатляющего периода его жизни. Затем сцена внезапно изменилась. Приехав в Англию, он провел сорок лет в сердце самой эмпирической нации в Европе; нации, глубоко ненавидящей все общие принципы, гордящейся своим здравым смыслом, хвастающейся, и не без оснований, своей практической проницательностью, громко провозглашающей превосходство фактов над идеями и презиравшей любую теорию, если только от нее нельзя ожидать какой-либо прямой и сиюминутной выгоды. Молодой и пылкий шотландец оказался перенесенным в страну, совершенно непохожую на ту, которую он только что покинул, и такая разница не могла не повлиять на его сознание. Со всех сторон он видел признаки процветания и длительного и непрерывного успеха не только в практической, но и в умозрительной жизни; и ему сказали, что все это было достигнуто благодаря системе, в которой факты принимались во внимание в первую очередь. Он жаждал славы, но понимал, что путь к славе в Англии не такой, как в Шотландии. В Шотландии великий логик считался бы великим человеком; в Англии мало обращали бы внимание на красоту его логики, если бы он не следил за тем, чтобы посылки, из которых он аргументировал, были надежными и подтверждались опытом. Новая машина, новый эксперимент, открытие соли или кости получили бы в Англии большее уважение, чем самые глубокие спекуляции, от которых не ожидалось никаких очевидных результатов. Несомненно, что такой способ рассмотрения дел принес великое благо. Но также несомненно, что это односторонний способ и удовлетворяет лишь часть человеческого разума. Многие из самых благородных умов жаждут чего-то, чего он не может дать. Однако в Англии на протяжении большей части восемнадцатого века она была еще более высокой, чем сейчас, и, действительно, настолько универсальной, что с 1727 года и почти до конца столетия в нашей стране ни в одной отрасли науки не было спекулянта, обладавшего достаточной силой, чтобы подняться над теми узкими взглядами, которые тогда считались совершенством мудрости.^[851] К нашим знаниям добавилось многое, но их отдаленные границы не расширились. Хотя любопытных и ценных деталей стало больше, и хотя были обобщены некоторые из небольших и непосредственных законов природы, следует признать, что те возвышенные обобщения, которыми мы обязаны семнадцатому веку, оставались неизменными, и что не было предпринято никаких попыток выйти за их пределы. Когда Джон Хантер прибыл в Лондон в 1748 году, Ньютона не было в живых более двадцати лет, и английский народ, поглощенный практическими занятиями и теперь впервые начинающий вступать в политическую жизнь, испытывал большее, чем когда-либо, отвращение к исследованиям, направленным на установление истины без оглядки на полезность, и привык ценить науку главным образом ради прямой и ощутимой выгоды, которую они могли надеяться извлечь из нее.

То, что Хантер, должно быть, находился под влиянием этих обстоятельств, будет очевидно для любого, кто задумается о том, насколько невозможно ни одному отдельному разуму избежать

давления современного мнения. Но поскольку все его ранние связи склоняли его в другом направлении, мы видим, что во время его длительного пребывания в Англии на него действовали две конфликтующие силы. Страна его рождения сделала его дедуктивным; страна усыновления сделала его индуктивным. Как шотландец, он предпочитал рассуждать от общих принципов к частным фактам; как житель Англии, он привык к противоположному плану рассуждений от частных фактов к общим принципам. В каждой стране мужчины, естественно, ставят на первое место то, что ценится больше всего. Англичане уважают факты больше, чем принципы, и поэтому начинают с фактов. Шотландцы считают принципы самыми важными и поэтому начинают с принципов. И я не сомневаюсь, что одна из причин, по которой Хантер при исследовании предмета часто бывает неясен, заключается в том, что в таких случаях его разум разрывался между этими двумя враждебными методами, и что, склоняясь то к одному, то к другому, он не мог определить, какой из них ему следует выбрать. Конфликт затемнил его понимание. С другой стороны, Адам Смит, как и все великие шотландцы, оставшиеся в Шотландии, был удивительно ясен. Он, подобно Хьюму, Блэку и Каллену, никогда не колебался в своем методе. На этих выдающихся людей английское влияние не подействовало. Из всех самых выдающихся шотландцев восемнадцатого века только Хантер подвергся такому влиянию, и только он один проявлял некоторую нерешительность и запутанность мышления, что кажется неестественным для столь великого ума и что, как мне кажется, лучше всего объясняется особыми обстоятельствами, в которые он попал.

Один из самых способных его комментаторов справедливо заметил, что его естественной склонностью было строить догадки о том, каковы законы природы, а затем рассуждать исходя из них, вместо того чтобы приводить к ним доводы путем медленной и постепенной индукции.[852] Этот процесс дедукции был, как я показал, любимым методом всех шотландцев, и, следовательно, это был именно тот курс, которого мы должны были ожидать от него. Но, поскольку он был окружен последователями Бэкона,[853] это естественное предубеждение было искажено, и большая часть его замечательной деятельности была использована в наблюдениях и экспериментах, которыми никогда бы не занимался ни один шотландский мыслитель, живущий в Шотландии. Он сам заявлял, что мышление было его наслаждением;[854] и не может быть никаких сомнений в том, что, будь он в другом положении, мышление было бы его основным занятием. Как бы то ни было, трудолюбие, с которым он собирал факты, является одной из самых заметных черт в его карьере. Его исследования охватывали весь спектр животного мира и проводились с таким неутомимым рвением, что он препарировал свыше пятисот различных видов, не считая препарирования различных особей, а также не считая препарирования большого количества растений.[855] Результаты были тщательно упорядочены и сохранены в той благородной коллекции, которую он сформировал, и о масштабах которой мы можем получить некоторое представление из заявления, что на момент его смерти в ней содержалось свыше десяти тысяч препаратов, иллюстрирующих явления природы.[856] Таким образом он так близко познакомился с животным царством, что сделал огромное количество открытий, которые, рассматриваемые по отдельности, любопытны, но которые, будучи собраны вместе, составляют бесценный свод новых истин. Из них наиболее важными являются истинная природа кровообращения у ракообразных и насекомых;[857] орган слуха у головоногих моллюсков;[858] способность моллюски обладают способностью поглощать свои раковины;[859] тот факт, что пчелы не собирают воск, а выделяют его;[860] полукружные каналы китообразных;[861] лимфатические сосуды птиц;[862] и воздушные клетки в костях птиц.[863] Мы также уверены, что он предвосхитил недавние открытия, касающиеся

эмбриона кенгуру;[864] и его опубликованные работы доказывают, что у человека он открыл мускулатура артерий,[865] мускулатура радужной оболочки,[866] и переваривание желудка после смерти собственным соком.[867] Хотя в его время химия животных еще не была возведена в систему и, следовательно, физиологи мало обращали на нее внимания, Хантер попытался с ее помощью исследовать свойства крови, чтобы установить свойства ее составляющих.[868] Он также исследовал кровь на разных стадиях эмбриональной жизни и, детально проследив за всеми периодами ее развития, сделал важное открытие, что красные шарики крови образуются позже, чем другие ее компоненты. Однако его современники так мало осознавали важность этой великой физиологической истины, что она перестала для них существовать и, будучи забытой, была примерно пятьдесят лет спустя открыта заново и была объявлена в 1832 году как закон природы, который только что был выявлен.[869] Это один из многих примеров в истории наших знаний, который доказывает, насколько бесполезно для человека слишком далеко выходить за рамки возраста, в котором он живет.[870] Но Хантер, помимо того, что сделал открытие, также увидел его значение. Из этого он сделал вывод, что функция красных шариков заключается в поддержании прочности системы, а не в ее восстановлении.[871] Сейчас это признано всеми; но это не было признано долгое время после его смерти. Его признание произошло главным образом благодаря быстрому развитию химии животных и усовершенствованию микроскопа. Ибо благодаря использованию этих ресурсов стало очевидным, что красные шарики, дыхательный процесс, выработка животным тепла и энергия двигательных органов являются всего лишь различными частями единой схемы.[872] Их связь друг с другом устанавливается не только путем сравнения разных видов, но и путем сравнения разных представителей одного и того же вида. У людей, например, двигательные и другие животные функции более активны у лиц с сангвиническим темпераментом, чем у лиц с лимфатическим темпераментом; в то время как у сангвинических темпераментов шариков больше, чем у лимфатических. Знанием этого факта мы обязаны Лекану;[873] и ему мы также обязаны аналогичным фактом, подтверждающим ту же точку зрения. Он показал, что кровь женщин содержит больше воды и меньше красных шариков, чем кровь мужчин;[874] так что здесь снова мы различаем связь между этими шариками и энергией животной жизни. Поскольку, однако, эти исследования были проведены только через много лет после смерти Хантера, совпадение между ними и его умозрительными выводами является поразительным примером его способности к обобщениям и того непревзойденного знания сравнительной анатомии, которое снабдило его материалами, из которых, несмотря на отсталость химии животных, он смог сделать вывод, который были окончательно подтверждены более поздними исследованиями.[875]

Таким образом, после всестороннего изучения животного мира, связав его замечательную способность двигаться с состоянием его крови, Хантер обратил свое внимание на другой аспект вопроса и принял во внимание движения растительного мира в надежде, что, сравнивая эти два раздела природы, он сможет обнаружить какой-нибудь закон, который, будучи общим для обоих, должен объединить в одном исследовании все принципы органического движения. Хотя он потерпел неудачу в этом великом начинании, некоторые из его обобщений наводят на размышления и хорошо иллюстрируют силу и хватку его ума. Рассматривая органическое царство в целом, он предположил, что его способность действовать, как у животных, так и у овощей, бывает трех видов. Первый вид - это воздействие особи на материалы, которыми она уже обладала; и это дало толчок росту, секреции и другим функциям, в которых сок растения был эквивалентен крови животного.[876] Второй вид действий имел своей целью увеличение

количества этих материалов; он всегда вызывался нуждой, и его результатом было питание и сохранение личности.[877] Третий вид был полностью обусловлен внешними причинами, включая весь материальный мир, все явления которого были стимулом к какому-либо действию.[878] Комбинируя различными способами эти различные источники движения и изучая каждое побуждение к действию, во-первых, в отношении одного из трех только что указанных основных разделов, и, во-вторых, в отношении *силы* действия, в отличие от *количества* действий,[879] Хантер верил, что некоторые фундаментальные истины могут быть получены, если не им самим, то, во всяком случае, его преемниками. Ибо он считал, что, хотя животные могут делать многое, чего не могут растения, тем не менее, непосредственная причина действия в обоих случаях одна и та же.[880] У животных больше разнообразия движений, но у растений больше реальной силы. Лошадь, безусловно, намного сильнее человека. Однако маленькая виноградная лоза не только поддерживает, но и может поднять столб жидкости в пять раз выше, чем это может сделать лошадь. Действительно, способность растения удерживать лист в вертикальном положении в течение всего дня, без перерыва и без утомления, является усилием поразительной силы и является одним из многих доказательств того, что действует принцип компенсации, так что та же энергия, которая в животном мире ослабляется, если ее направлять на множество объектов, в растительном мире усиливается, если ее концентрировать на нескольких.[881]

Продолжая эти рассуждения, которые, несмотря на многое неопределенное, содержат, я твердо верю, большое количество важной, хотя и игнорируемой истины, Хантер пришел к рассмотрению того, как движение создается различными силами, такими как магнетизм, электричество, гравитация и химическое притяжение.[882] Это привело его в неорганическую науку, где, как он ясно видел, должен быть заложен фундамент всей органической науки. Точно так же, как, с одной стороны, человеческое строение никогда не могло быть успешно изучено, кроме как с помощью принципов, которые были почерпнуты из исследования животных ниже человека,[883] так и, с другой стороны, к законам этих самых животных, по его словам, следует подходить через законы обычной или неорганической материи.[884] Следовательно, он стремился ни к чему меньшему, чем объединить все отрасли физической науки, рассматривая их в порядке их относительной сложности и переходя от простейших к наиболее запутанным. С этой точки зрения он исследовал структуру минерального царства и, проводя обширное сравнение кристаллов, стремился обобщить принципы формы точно так же, как, сравнивая животных, он стремился обобщить принципы функционирования. И при этом он учитывал не только обычные кристаллы, но и неправильные.[885] Ибо он знал, что в природе на самом деле нет ничего нерегулярного или беспорядочного; хотя наше несовершенное восприятие, или, скорее, отсталость наших знаний, мешает нам распознать симметрию универсальной схемы. Красота плана и необходимость последовательности не всегда ощутимы. Следовательно, мы слишком склонны воображать, что цепочка разорвана, потому что не можем видеть каждое ее звено. От этой серьезной ошибки Хантера спас его гений, даже больше, чем его знания. Будучи удовлетворен тем, что все, что происходит в материальном мире, настолько связано со своими предшественниками, что является неизбежным результатом того, что происходило ранее, он смотрел истинно философским взглядом на самые странные и причудливые формы, потому что для него они имели значение и необходимую цель. Для него они не были ни странными, ни капризными. Это были отклонения от естественного хода событий; но фундаментальным принципом его философии было то, что природа, даже посреди своих отклонений, все еще

сохраняет свою закономерность.[886] Или, как он выражается в другом месте, отклонение при определенных обстоятельствах является частью закона природы.[887]

Обобщить такие нарушения или, другими словами, показать, что они вовсе не являются нарушениями, было главной целью жизни Хантера и самой благородной частью его миссии. Следовательно, несмотря на его огромные достижения в физиологии, его любимым занятием была патология,[888] где, поскольку явления более сложные, интеллект играет большую роль. В этой великой области он изучал аберрации структуры и функций как в растительном, так и в животном мире;[889] В то время как для аберраций формы, которые являются внешними проявлениями нарушенной структуры, он принимал во внимание явления, представленные минеральным царством. Там сила кристаллизации является ведущей характеристикой, и там нарушения симметрии составляют существенное нарушение, независимо от того, является ли деформация кристалла следствием его изготовления, или же, будучи результатом того, что произошло до его изготовления, это оригинальный и, если можно так выразиться, врожденный дефект. В любом случае, это отклонение от нормального типа и, как таковое, аналогично уродствам как животных, так и растений.[890] Ум Хантера, пронесшись сквозь этот необъятный диапазон мыслей, достиг таких выдающихся взглядов на философию болезни, что в этой области ему, безусловно, нет соперника. Как физиолог, он был равен Аристотелю или, возможно, превзошел его; но как патолог он стоит особняком, если мы рассмотрим, какой была патология, когда он ее обнаружил, и какой она была, когда он от нее отказался.[891] После его смерти быстрое развитие патологической анатомии и химии привело к изменению некоторых из его доктрин, а некоторые из них были отменены. Это была работа низших людей, владеющих превосходными химическими и микроскопическими ресурсами. Сказать, что преемники Джона Хантера уступают ему, не значит умалить их способностей, поскольку он был одним из тех чрезвычайно редких персонажей, которые появляются лишь с очень большими интервалами и которые, когда они все-таки появляются, перестраивают структуру знания. Они революционизируют наш образ мышления; они побуждают интеллект к восстанию; они являются бунтарями и демагогами науки. И хотя патологоанатомы девятнадцатого века выбрали более скромный путь, это не должно закрывать нам глаза на их заслуги или мешать нам быть благодарными за то, что они сделали. Однако нам нельзя слишком часто напоминать, что по-настоящему великие люди и те, кто являются единственными постоянными благодетелями своего вида, - это не великие экспериментаторы, не великие наблюдатели, не великие читатели и не великие ученые, а великие мыслители. Мысль - творец и оживитель всех человеческих дел. Действия, факты и внешние проявления любого рода часто торжествуют на какое-то время; но именно прогресс идей в конечном итоге определяет прогресс мира. До тех пор, пока они не будут изменены, все остальные изменения будут поверхностными, а любое улучшение ненадежным. Однако очевидно, что при нынешнем состоянии наших знаний все идеи, касающиеся природы, должны относиться либо к нормальному, либо к ненормальному; иными словами, они должны относиться либо к тому, что является регулярным, единообразным и подчиняется признанным принципам, либо к тому, что является неправильным, возмущенным и непослушным. Из этих двух разделов первое относится к науке, второе - к суеверию. Джон Хантер разработал великолепную концепцию объединения обоих классов идей в одну, показав, что нет ничего неправильного, что ничто не нарушено, что ничто не является непослушным. Возможно, пройдут столетия, прежде чем эта концепция будет реализована. Но то, чего добился Хантер, ставит его во главе всех патологоанатомов, древних или современных. Ибо для него наука патологии означала законы болезни не только у человека, или даже у всех животных,

или даже во всем органическом царстве; но она означала законы болезни и пороков развития во всем материальном мире, органическом и неорганическом. Его великой целью было создать науку об аномальном. Он решил созерцать природу как обширное и единое целое, проявляющее, действительно, в разное время разные проявления, но сохраняющее при каждом изменении принцип единообразного и непрерывного порядка, не допускающее никаких отклонений, не подвергающееся никаким нарушениям и не представляющее реальной неправильности, хотя обычному глазу неправильности присущи в изобилии со всех сторон.

Как патология была наукой, которой Хантер был наиболее предан, так и его естественная любовь к дедукции проявлялась наиболее явно. Здесь, гораздо в большей степени, чем в его физиологических исследованиях, мы обнаруживаем желание умножить исходные принципы, на основе которых он мог бы рассуждать; в противовес индуктивному методу, который всегда направлен на уменьшение этих принципов путем постепенного и последовательного анализа. Так, например, в своей работе "Патология животных" он попытался представить в качестве окончательного принципа, исходя из которого он мог бы аргументировать, идею о том, что все болезни быстрее распространяются на кожу, чем на внутренние органы, благодаря какой-то скрытой силе, которая также заставляет овощи приближаться к поверхности земли.^[892] Другим любимым утверждением, которое он часто использовал в качестве основной посылки и с его помощью дедуктивно конструировал патологический аргумент, было то, что ни в коем случае, каким бы оно ни было, два процесса не могут происходить в одной и той же части тела одновременно.^[893] Применив это универсальное положение к более ограниченным явлениям животной жизни, он пришел к выводу, что две общие болезни не могут сосуществовать у одного и того же индивидуума; и он настолько полагался на это рассуждение, что отказывался верить любым свидетельствам, которыми оно оспаривалось.^[894] Есть основания полагать, что его вывод ошибочен и что различные болезни могут настолько сопутствовать друг другу, что могут быть объединены у одного и того же человека в одно и то же время и в одной и той же части тела.^[895] Так это или нет, но не менее интересно отметить процесс мышления, который заставил Хантера тратить бесконечно больше усилий на то, чтобы отталкиваться от общей теории, чем на то, чтобы спорить с ней. Действительно, вряд ли можно сказать, что он вообще оспаривал это, поскольку он получил это путем грубого и поспешного обобщения того, что казалось очевидными свойствами неорганической материи. Получив его таким образом, он применил его к патологическим явлениям органического мира, и особенно к животному миру. То, что он избрал этот курс, является любопытным доказательством энергии его дедуктивных привычек и силы ума, позволивших ему настолько свести на нет традиции своих английских современников, что следовать методу, который, по мнению всех, кто его окружал, был не только полон опасностей, но и никогда не мог привести к истине.

Другие части его патологии изобилуют подобными примерами, которые показывают, как сильно он стремился усвоить принципы, на которых мог бы строить аргументы. Такого рода были его идеи о сочувствии, связанном с действием. Он предположил, что простейшие формы симпатии, вероятно, можно найти в растительном мире, потому что там общие механизмы менее сложны, чем в животном мире.^[896] Исходя из этого предположения, он построил серию любопытных и изысканных предположений, из которых, однако, я должен ограничиться очень кратким изложением. Поскольку животные сочувствуют нам больше, чем овощи, это помогает нам понять, почему их движения более многочисленны. Ибо симпатия, будучи восприимчивостью к впечатлению, также является принципом действия.^[897] Как и другие принципы действия, это может быть как естественным, так и болезненным.^[898] Но, что бы это ни было, у растений оно

может иметь только один способ развития, потому что у них на него может влиять только стимул; в то время как у животных, обладающих ощущением, оно обязательно имеет три способа: один от стимула, другой от ощущения и третий, составленный из двух других.[899] Это самые крупные подразделения симпатии, если рассматривать органический мир в целом. Однако в отдельных случаях симпатия допускает еще большее разделение. Мы можем рассуждать исходя из этого, исходя из возраста человека;[900] мы также можем рассуждать исходя из этого, ссылаясь на темперамент, поскольку, по сути, темперамент - это не что иное, как восприимчивость к действию.[901] И когда симпатия в действии, мы можем, анализируя наше представление о ней, свести его к пяти различным разделам и классифицировать как продолжающееся, или смежное, или отдаленное, или похожее, или непохожее.[902] Все это снабдило Хантера принципами, из которых путем дедуктивных рассуждений он попытался объяснить факты болезни; ибо, по его словам, болезнь просто заключается в отсутствии сочетания действий.[903] Благодаря этому процессу мышления он был вынужден пренебречь теми предрасполагающими причинами, которым индуктивные патологи уделяют большое внимание и которыми были сильно заняты работы его английских современников. Такие причины могли быть обобщены только на основе наблюдений, и Хантер не принимал их во внимание. Более того, он даже отрицает их реальное существование и утверждает, что предрасполагающей причиной является просто повышенная восприимчивость к формированию склонности к действию.[904]

Рассуждая на основе двойственных идей действия и симпатии, Хантер сконструировал дедуктивную, или синтетическую, часть своей патологии. Это он сделал как шотландец, и если бы он всегда жил в Шотландии, то, вероятно, ограничился бы этим. Но, находясь в течение сорока лет в окружении англичан и впитав в свой ум английские привычки, он кое-что перенял от их образа мыслей. Соответственно, мы обнаруживаем, что значительная часть его патологии настолько индуктивна, насколько мог пожелать самый ревностный последователь Бэкона; в этом отношении она составляет разительный контраст с чисто синтетическим методом Каллена, другого великого патолога Шотландии. Однако попытка Хантера смешать эти два метода поставила в тупик и его самого, и его читателей. Отсюда та неясность, которую заметили даже самые горячие его почитатели, хотя и не поняли ее причины. Какими бы огромными ни были его способности, он не смог добиться полного объединения индукции и дедукции. То, что это должно было произойти, не удивит никого, кто задумается о том, как некоторые из величайших мыслителей потерпели неудачу в этом, самом трудном из всех предприятий. Среди древних Платон потерпел неудачу в индукции, и все его последователи потерпели неудачу вместе с ним; поскольку ни один из них не придавал достаточного доверия фактам и процессу рассуждений от частных к общим. Среди современников Бэкону не хватало дедукции, и каждый последователь Бэкона был таким же недостатком; существенным пороком этой школы было презрение к рассуждениям на основе общих положений и недооценка ценности силлогизма. Действительно, можно усомниться в том, что мировая история знает более двух примеров, когда философы-физики были столь же велики в одной форме исследования, как и в другой. Это Аристотель и Ньютон, которые с одинаковой легкостью владели каждым методом, сочетая мастерство и смелость дедукции с осторожностью и настойчивостью индукции, мастера как синтеза, так и анализа, одинаково способные переходить от общего к частному, так и от частных к общему, иногда выдвигая идеи раньше фактов, а иногда выдвигая факты раньше идей, но никогда не колеблясь, никогда не сомневаясь, какой курс избрать, и никогда не позволяя ни одной схеме неоправданно вторгаться в свою противоположность. То, что

Хантер не смог этого сделать, просто доказывает, что он был ниже этих двух мужчин, чьи почти невероятные достижения дают право называть их вундеркиндами человеческой расы. Но то, что он сделал, было замечательным, и в его собственном отделе ему никогда не было равных. О характере и масштабах его исследований я дал краткий очерк, который, несмотря на его несовершенства, может служить иллюстрацией антагонизма шотландского и английского интеллектов, показывая, как методы, присущие каждой нации, боролись за господство в этом великом уме, который подвергался воздействию обоих. Какой метод преобладал в Хантере, было бы трудно сказать. Но несомненно, что их конфликт нарушил его понимание. Также несомненно, что из-за своей любви к дедукции или рассуждениям на основе общих идей он пользовался гораздо меньшим влиянием на своих английских современников, чем имел бы, если бы следовал исключительно их любимому методу рассуждений на основе конкретных фактов. Отсюда и диспропорция между его влиянием и заслугами. Что касается его заслуг, то теперь признано, что в дополнение к его физиологическим открытиям и великим патологическим взглядам, которые он выдвинул, мы можем приписать ему почти все хирургические усовершенствования, которые были внедрены в течение примерно сорока лет после его смерти.[\[905\]](#) Он был первым, кто объяснил и, действительно, первым, кто распознал заболевание воспалением вен, которое встречается часто и под названием флебит в последнее время широко изучается, но которому до него приписывали самые ошибочные причины.[\[906\]](#) На общее воспаление он пролил столько света, что доктрины, которые он отстаивал и которые тогда высмеивались как причудливые новшества, теперь преподаются в школах и стали частью общих традиций медицинской профессии.[\[907\]](#) Более того, он представил то, что, вероятно, является наиболее капитальным усовершенствованием в хирургии, когда-либо осуществленным одним человеком; а именно, практику перевязки артерии при аневризме на расстоянии от очага заболевания. Одно это предложение спасло тысячи жизней; и как самим предложением, так и первым успешным его осуществлением мы полностью обязаны Джону Хантеру, который, если бы он не сделал ничего другого, только за это имел бы право быть причисленным к главным благодетелям человечества.[\[908\]](#)

Но что касается его собственной непосредственной репутации, то все было напрасно. Он находился среди людей, которые не сочувствовали тому образу мыслей, который был для него наиболее естественным. Их не интересовали идеи, за исключением тех, которые приводили к прямым и ощутимым результатам; он ценил идеи сами по себе и ради их истинности, независимо от всех других соображений. Его английские современники, благоразумные, проникательные, но близорукие, видевшие мало вещей одновременно, но видевшие эти вещи с восхитительной ясностью, не смогли оценить его всеобъемлющих рассуждений. Следовательно, по их мнению, он был не кем иным, как новатором и энтузиастом.[\[909\]](#) Следовательно, даже практические улучшения, которые он внес, были холодно приняты, потому что они исходили из столь подозрительного источника. Великий шотландец, оказавшийся среди народа, образ мыслей которого не соответствовал его собственным, находился, по словам одного из самых знаменитых его учеников, в положении одиночества и неуютного превосходства.[\[910\]](#) Действительно, к нему так мало относились в той самой профессии, главным украшением которой он был, что за многие годы, в течение которых он читал в Лондоне лекции по анатомии и хирургии, его аудитория никогда не превышала двадцати человек.[\[911\]](#)

Теперь я завершил свое исследование шотландского интеллекта в том виде, в каком он развивался в семнадцатом и восемнадцатом веках. Разница между этими двумя периодами должна броситься в глаза каждому читателю. В семнадцатом веке самые способные шотландцы растрачивали свою энергию на теологические темы, относительно которых у нас нет ни достоверной информации, ни средств ее получения. По этим вопросам разные люди и разные нации, одинаково честные, одинаково просвещенные и одинаково компетентные, придерживались и продолжают придерживаться самых разных мнений, которые они отстаивают с величайшей уверенностью и подкрепляют аргументами, вполне удовлетворяющими их самих, но презрительно отвергаемыми их оппонентами. Каждая сторона считает себя обладательницей истины, беспристрастный исследователь, то есть тот, кто действительно любит истину и знает, как трудно ее достичь, ищет какие-то средства, с помощью которых он может справедливо рассудить между этими конфликтующими претензиями и определить, что правильно, а что нет. Чем дальше он ищет, тем больше он убеждается, что таких средств найти невозможно и что эти вопросы, если они и не выходят за пределы человеческого понимания, то, безусловно, выходят за пределы его нынешних ресурсов и не имеют шансов получить ответ, в то время как другие, гораздо более простые проблемы все еще остаются нерешенными. Действительно, было бы странно, если бы мы, не знающие столько низших и второстепенных вопросов, смогли достичь этих отдаленных и сложных тайн и проникнуть в них. Было бы странно, если бы нам, которые, несмотря на достигнутые нами успехи, все еще находимся в зачаточном состоянии нашей карьеры и которые, подобно младенцам, могут ходить только нетвердой походкой и едва ли способны передвигаться, не спотыкаясь, даже на простой и ровной земле, удалось бы, несмотря ни на что, взобраться на те головокружительные высоты, которые, нависая над нашим путем, заманивают нас туда, где мы обязательно упадем. Однако, к сожалению, мужчины в любом возрасте настолько мало осознают свои недостатки, что не только пытаются выполнить эту невыполнимую задачу, но и верят, что достигли ее. Среди тех, кто является жертвой этого заблуждения, всегда есть определенное число тех, кто, восседая на своем воображаемом возвышении, настолько раздуты воображаемым превосходством, что берутся наставлять, предостерегать и порицать остальное человечество. Выдавая себя за духовных советников и заявляя, что учат тому, чему они сами еще не научились, они демонстрируют в своих личностях эту наиболее последовательную из всех комбинаций - сочетание великого невежества с великим высокомерием. Из этого неизбежно вытекают другие беды. Невежество порождает суеверия; высокомерие порождает тиранию. Следовательно, в такой стране, как Шотландия, где давление длительных и неблагоприятных обстоятельств укрепило власть этих претендентов на мудрость, такие печальные результаты становятся заметными со всех сторон. Не только национальный характер, но и национальная литература ощущают их влияние и окрашиваются ими. Поэтому было естественно, что в Шотландии в семнадцатом веке, когда власть духовенства была наиболее неконтролируемой, последствия этой власти были наиболее очевидны. Было естественно, что была создана литература, подобная той, о которой я дал некоторый отчет; литература, поощряющая суеверия, нетерпимость и фанатизм; литература, полная мрачных предчувствий и еще более мрачных угроз; литература, которая учила людей, что неправильно наслаждаться настоящим и что правильно трепетать перед будущим; одним словом, литература, которая, распространяя мрак со всех сторон, портит характер, развращает чувства, притупляет интеллект и полностью дискредитирует те смелые и оригинальные исследования, без которых невозможны никакие другие. не может быть никакого прогресса в человеческих знаниях и, следовательно, никакого увеличения человеческого счастья.

По сравнению с этим литература восемнадцатого века представляла собой поразительный и волнующий контраст. Казалось, что в одно мгновение все изменилось. На смену Байи, Биннингам, Диксонам, Даремам, фламандцам, Фрейзерсам, Гиллеспи, Гатри, Галибертонам, Гендерсонам, Резерфордам и остальной монашеской черни пришли выдающиеся и предприимчивые мыслители, чей гений осветил все области знания, и чьи умы, свежие и энергичные, как утренняя заря, открыли для себя новую карьеру и обеспечили своей стране высокое место в анналах европейского интеллекта. Кое-что из того, что они произвели, я попытался рассказать; многое, однако, осталось невысказанным. Но я привел достаточно доказательств, чтобы убедить даже самого скептически настроенного читателя в великолепии их достижений и в разнице между благородной литературой, которую они создали, и теми жалкими сочинениями, которые изуродовали предыдущее столетие.

Тем не менее, какими бы большими ни были различия, у этих двух литератур, как я показал, был один важный общий момент. Оба были по существу дедуктивными; и доказательство этого я привел довольно подробно, потому что, хотя это, насколько мне известно, ускользнуло от внимания всех предыдущих исследователей, его последствия имели огромное значение для судьбы Шотландии и, более того, представляют большой интерес для тех, кто в своих исследованиях человеческих дел желает проникнуть глубже простой поверхности и симптомов вещей.

Если мы бросим общий взгляд на те страны, где культивировалась наука, мы обнаружим, что везде, где преобладал дедуктивный метод исследования, знания, хотя и часто увеличивались и накапливались, никогда не были широко распространены. С другой стороны, мы обнаружим, что при преобладании индуктивного метода распространение знаний всегда было значительным или, во всяком случае, было несравнимо большим, чем при преобладании дедукции. Это справедливо не только для разных стран, но и для разных периодов в одной и той же стране. Это справедливо даже для разных людей в один и тот же период и в одной и той же стране. Если бы в какой-либо цивилизованной стране два человека, одинаково одаренных, выдвинули какой-нибудь новый и поразительный вывод, и один из этих людей защитил бы свой вывод, рассуждая на основе идей или общих принципов, в то время как другой человек защищал бы свой вывод, рассуждая на основе конкретных и очевидных фактов, то не может быть сомнения, что, предполагая все остальное таким же, последний приобрел бы наибольшее количество приверженцев. Его вывод было бы легче опровергнуть просто потому, что прямое обращение, в первую очередь, к осязаемым фактам, производит на обывателей немедленный эффект; в то время как апелляция к принципам находится за пределами их понимания, и поскольку они этому не сочувствуют, они склонны высмеивать это. Факты, кажется, доходят до каждого и неоспоримы. Принципы не столь очевидны, и, поскольку их часто оспаривают, они имеют для тех, кто их не понимает, нереальный и иллюзорный вид, что ослабляет их влияние. Следовательно, индуктивная наука, которая всегда отводит первое место фактам, по существу популярна и имеет на своей стороне тех бесчисленных людей, которые не желают слушать более утонченные учения дедуктивной науки. Следовательно, исторически мы также находим, что становление современной индуктивной философии с ее разнообразными и привлекательными экспериментами, материальными приемами и постоянным обращением к чувствам было тесно связано с пробуждением общественного сознания и совпадает с тем духом исследования и с той любовью к свободе, которые постоянно развивались с шестнадцатого

века. Мы можем с уверенностью сказать, что скептицизм и демократизм являются двумя ведущими чертами этого великого научного движения. Семнадцатый век, положивший начало философии Бэконизма, был примечателен своим непокорным духом, особенно в стране, где эта философия зародилась и где она наиболее процветала. В следующую эпоху она была перенесена во Францию, и там тоже оказала влияние на общественное сознание и стала, как я уже указывал, одной из главных причин Французской революции.

Если мы еще внимательнее изучим этот интересный вопрос, мы найдем дальнейшее подтверждение точки зрения о том, что выводы индуктивной философии с большей вероятностью будут расплывчатыми, чем выводы дедуктивной. Индуктивная наука непосредственно опирается на опыт или, во всяком случае, на эксперимент, который является просто искусственно модифицированным опытом. В настоящее время огромное большинство человечества, даже в самых развитых странах, по складу своего ума неспособны усвоить общие принципы и применять их в повседневных делах, не нанося серьезного вреда ни себе, ни другим. Такое применение требует не только большой ловкости, но и знания тех тревожащих причин, которые влияют на действие всех общих теорем. Поскольку задача настолько трудна для выполнения, за нее редко берутся; и обычные люди, обладающие относительно здравыми суждениями, не без оснований полагаются главным образом на опыт, который является для них более безопасным и полезным руководством, чем любой принцип, каким бы точным и научным он ни был. Это порождает в их умах предубеждение в пользу экспериментальных исследований и соответствующую неприязнь к противоположному и более умозрительному методу. И, я думаю, вряд ли можно сомневаться в том, что одной из причин триумфа философии Бэконизма является рост трудолюбивых классов, чьи деловые и методичные привычки в высшей степени благоприятствуют эмпирическим наблюдениям за единообразием последовательности, поскольку, действительно, от точности таких наблюдений зависит успех всех практических дел. Несомненно, мы находим, что ниспровержение чисто дедуктивной схоластики средневековья повсюду сопровождалось распространением торговли; и тот, кто внимательно изучит историю Европы, заметит множество следов связи между двумя движениями, оба из которых отмечены растущим уважением к материальным и эмпирическим интересам и пренебрежением идеальными и спекулятивными устремлениями.

Связь между всем этим и популярной тенденцией индукции очевидна. На одного человека, способного думать, приходится по меньшей мере сотня людей, способных наблюдать. Точный наблюдатель, без сомнения, редок; но точный мыслитель встречается гораздо реже. Доказательств этому слишком много, чтобы их оспаривать. В самом деле, никто не может общаться со своими собратьями, не видя, насколько для них естественнее замечать, чем размышлять; и насколько крайне необычно встречаться с кем-либо, чьи разговоры или сочинения носят отпечаток терпеливого и оригинального мышления. И поскольку мыслители более склонны накапливать идеи, в то время как наблюдатели более склонны накапливать факты, подавляющее преобладание класса наблюдателей является решающей причиной, по которой индукция, которая начинается с фактов, всегда более популярна, чем дедукция, которая начинается с идей. Часто говорят, и, вероятно, справедливо, что всякой дедукции предшествует индукция; так что в каждом силлогизме главная посылка, какой бы очевидной и необходимой она ни казалась, является просто обобщением фактов или записью того, что уже было замечено органами чувств. Но это мнение, независимо от того, истинно оно или ложно, не влияет на то, что я только что высказал, потому что оно касается происхождения нашего знания, а не его последующей обработки; иными словами, это метафизическое мнение, а не

логическое. Ибо, даже если предположить, что вся дедукция в конечном счете основывается на индукции, тем не менее несомненно, что существуют бесчисленные случаи, в которых индукция происходит в столь ранний период жизни, что мы не осознаем этого и не можем без усилий вспомнить процесс. Хорошим примером этого являются аксиомы геометрии. Никто не может сказать, когда и как он впервые поверил, что целое больше своей части или что вещи, равные одной и той же вещи, равны одна другой. Все эти предварительные шаги скрыты от нас, а сила и ловкость дедукции проявляются в последующих шагах, посредством которых основная посылка корректируется и как бы подгоняется к второстепенной. Это часто требует большой тонкости мышления, и в каждом случае внешний мир отбрасывается в сторону и теряется из виду. Процесс, будучи идеальным, не имеет отношения ни к наблюдениям, ни к экспериментам. Внушения чувств отсекаются, в то время как ум проходит через длинный ряд последовательных силлогизмов, в которых каждое заключение превращается в посылку нового аргумента, пока, наконец, дедуктивным путем не получается вывод, который тем, кто просто слышит, как он излагается, кажется не имеющим никакой связи с первыми посылками, хотя на самом деле это необходимое следствие из них.

Метод, столь малопонятный и столь скрытый от посторонних глаз, никогда не сможет вызвать симпатий общественности. Следовательно, если человеческий разум не претерпит каких-либо значительных изменений в своей природе, а также в своих ресурсах, чувственный процесс движения вверх от частных фактов к общим принципам всегда будет более привлекательным, чем идеальный процесс движения вниз от принципов к фактам. В обоих случаях, без сомнения, имеется линия аргументации, по существу идеальная; точно так же, как в обоих случаях имеется совокупность фактов, по существу чувственных. Ни один метод не является чистым или стоит полностью сам по себе. Но поскольку при индукции факты выступают более ярко, чем идеи, в то время как при дедукции идеи выступают более ярко, чем факты, очевидно, что выводы, сделанные по первому плану, как правило, получают более широкое одобрение, чем выводы, сделанные по второму плану. Получив более широкое одобрение, они приведут к более решительным результатам и с большей вероятностью сформируют национальный характер и повлияют на ход национальных дел.

Единственным исключением из этого правила является теология. Там индуктивный метод, как я уже заметил, неприменим, и не остается ничего, кроме дедукции, которой вполне достаточно для целей теолога. Ибо у него есть особый ресурс, который снабжает его общими принципами, исходя из которых он может рассуждать; и обладание этим ресурсом составляет фундаментальное различие между ним и человеком науки. Наука - это результат исследования; теология - результат веры. В одном - дух сомнения; в другом - дух веры. В науке оригинальность является причиной открытия и, следовательно, является достоинством; в теологии она является причиной ереси и, следовательно, является преступлением. Каждая система религии, которую когда-либо видел мир, признает веру как неотъемлемую обязанность; но для каждой системы науки это помеха, а не обязанность, поскольку она препятствует тем любознательным и новаторским привычкам, от которых зависит весь интеллектуальный прогресс. Богослову, превращающему, таким образом, легкое верование в честь и ценящему людей пропорционально тому, насколько они простодушны и легко поддаются вере, нет нужды утруждать себя фактами, которым он, действительно, открыто бросает вызов в своем стремлении рассказать о знаменательных и часто чудесных событиях. Философу-индуктивисту такая вольность запрещена. Он обязан основывать свои выводы на фактах, которые никто не оспаривает или которые, во всяком случае, каждый может либо проверить сам, либо увидеть подтвержденными

другими. И если он не примет этот курс, его выводам, какими бы они ни были верными, будет очень трудно внедриться в массовое сознание, потому что они будут отдавать тонкостью и утонченностью мышления, которые больше, чем что-либо другое, предрасполагают обывателей отвергать выводы, к которым приходят философы.

Из фактов и аргументов, содержащихся в этой и предыдущей главах, читатель, я надеюсь, сможет понять, почему шотландский интеллект в семнадцатом и восемнадцатом веках был преимущественно дедуктивным; а также почему в восемнадцатом веке шотландская литература, несмотря на ее блеск, мощь и великолепные открытия, проводником которых она была, практически не произвела никакого эффекта на нацию в целом. Эта литература, благодаря своему смелому и новаторскому характеру, казалась особенно подходящей для того, чтобы разрушить древние предрассудки и пробудить дух исследования. Но его метод, как исследования, так и доказательства, был слишком утонченным, чтобы соответствовать обычному пониманию. Следовательно, при обычном понимании он был неработоспособен. В Шотландии, как и в Древней Греции, и в современной Германии интеллектуальные классы, будучи по сути дедуктивными, оказались неспособными влиять на основную массу народа. Они рассматривали вещи на слишком большой высоте и на слишком большом расстоянии. В Греции только у Аристотеля было истинное представление о том, что такое индукция на самом деле. Но даже он ничего не знал о решающих примерах и теории средних значений, двух основных источниках той индуктивной философии, которой мы теперь обладаем. Ни он, ни кто-либо из великих немецких философов, ни кто-либо из великих шотландских философов не придавали достаточного значения медленному и осторожному методу постепенного подъема от каждого обобщения к тому, которое непосредственно над ним, не опуская никаких промежуточных обобщений. На этом методе Бэкон, действительно, настаивает слишком сильно, поскольку многие важнейшие открытия были сделаны независимо от него или, я бы скорее сказал, в противоречии с ним. Но это замечательное оружие, и никто, кроме настоящего гениальных людей, не может без него обойтись. А когда они все-таки обходятся без него, они отрезают себя от общих симпатий своего времени и страны. Ибо эти небольшие и приблизительные обобщения, которыми они пренебрегают, являются именно теми разделами философии, которые, будучи наименее удаленными от области видимых фактов, лучше всего понятны людям и, следовательно, образуют единственную общую почву между мыслителями и практиками. Это своего рода средний термин, который, будучи понятен обоим классам, доступен любому из них. При любом дедуктивном рассуждении эта промежуточная и, если можно так выразиться, нейтральная территория исчезает, и у двух классов нет места встречи. Следовательно, шотландская философия, подобно немецкой философии и подобно греческой философии, не имела национального влияния. Но в Англии, начиная с семнадцатого века, и во Франции, начиная с восемнадцатого века, преобладающей философией был индуктивный подход, и, следовательно, он повлиял не только на интеллектуальные классы, но и на общественное сознание. Немецкие философы намного превосходят, как по глубине, так и по всесторонности, философов Франции или Англии. Однако их глубокие исследования так мало сделали для их страны, что немецкий народ во всех отношениях уступает французскому и английскому народам. Точно так же в философии древней Греции мы находим обширный массив массивных и оригинальных мыслей, и, что бесконечно лучше, мы находим смелость исследования и страстную любовь к истине, которых не превзошла ни одна современная нация, и лишь немногие современные нации могут сравниться с ними. Но метод этой философии был

непреодолимым препятствием для ее распространения. Людей это не тронуло, и они продолжали пресмыкаться в своем старом безумии, став жертвой суеверий, большинство из которых великие мыслители презирали и часто нападали на них, но ни в коем случае не могли искоренить. Однако, какими бы плохими ни были эти суеверия, мы можем с уверенностью сказать, что они были менее вредными, то есть менее пагубными для счастья человека, чем отталкивающие и ужасные представления, пропагандируемые шотландским духовенством и санкционируемые шотландским народом. И на эти понятия шотландская философия не могла произвести никакого впечатления. В Шотландии в течение восемнадцатого века суеверия и наука, самые непримиримые из всех врагов, процветали бок о бок, неспособные ослабить друг друга и, более того, неспособные вступить в столкновение друг с другом. Это было сосуществование без контакта. Две силы держались порознь, и результатом было то, что, в то время как шотландские мыслители создавали благородную и наиболее просвещенную литературу, шотландский народ, отказываясь слушать тех великих мастеров мудрости, которыми обладала их страна, оставался во тьме, оставляя слепых следовать за слепыми, и некому было им помочь.

Действительно, любопытно наблюдать, сколь незначительный эффект произвели многие великие произведения, написанные шотландцами в восемнадцатом веке. Если не считать *Богатства народов*, я едва ли могу вспомнить что-либо, что заметно повлияло на общественное мнение. Причину этого исключения можно легко объяснить. "*Богатство наций*" ограничивало действия правительства более узкими рамками, чем когда-либо было отведено ему какой-либо другой книгой, имеющей большое значение. Ни один предыдущий политический писатель, признанный гениальным, не оставлял так много народу и не требовал для него такой свободы в управлении своими собственными делами, как Адам Смит. *Богатство наций*, будучи, таким образом, в высшей степени демократической книгой, несомненно, пользовалось популярностью в Шотландии, которая была в высшей степени демократической страной. Как только люди слышали его выводы, они были предвзяты в пользу его аргументов. Точно так же и в Англии любовь к свободе, которая на протяжении многих веков была нашей главной чертой характера и которая делает нам больше чести, чем все наши завоевания, вся наша литература и вся наша философия, вместе взятые, неизменно вызывает в народе предубеждение в пользу любого притязания на свободу. Таким образом, мы, несмотря на активность заинтересованных сторон, были предрасположены к свободной торговле, как к одному из средств, позволяющих каждому человеку делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится. Но воображать, что обычные умы способны освоить такой труд, как "*Богатство наций*", и без путаницы следовать его длинным и запутанным аргументам, просто абсурдно. Ее прочитали десятки тысяч людей, которые принимают ее выводы, потому что они им нравятся; это просто высказывание, потому что движение века имеет тенденцию именно к этому. Другая великая работа Адама Смита, а именно "*Теория моральных чувств*", не оказала влияния, за исключением очень небольшого класса метафизиков, хотя ее стиль, как думают некоторые, превосходит *Богатство наций*, и его, безусловно, легче понять. Более того, она намного короче, что для большинства читателей является немалой рекомендацией; и в ней рассматриваются темы, представляющие большой интерес, которые затрагивают чувства всех. Но эпоха, не заботясь о своих выводах, пренебрегла своими аргументами. С другой стороны, *Богатство наций* соответствовало общей тенденции, и его успех был наивысшим. Это быстро взволновало не только философов, но даже государственных деятелей и политиков, которые в конечном итоге ввели в действие его ведущие рекомендации, хотя, как убедительно

доказывают их законы и речи, им так и не удалось овладеть теми великими принципами, которые лежат в его основе, и среди которых свобода торговли является лишь второстепенным дополнением.

Оставляя в стороне *Богатство наций*, мы обнаружим, что шотландская литература восемнадцатого века почти ничего не сделала для Шотландии, рассматриваемой в целом. То, что оно потерпело неудачу в своей великой цели ослабления суеверий, слишком очевидно для любого, кто путешествовал по этой стране и наблюдал за привычками и складом ума, все еще преобладающими там. Многие способные и просвещенные люди, жившие там, настолько запуганы общим духом, что ради своего собственного комфорта и спокойствия своих семей они не сопротивляются, а молчаливо соглашались с тем, что они искренне презирают. По крайней мере, я твердо верю, что они ошибаются; хотя я знаю, что многие честные и во всех отношениях компетентные судьи придерживаются мнения, что ни один человек не обязан становиться мучеником или подвергать опасности свои личные интересы, если он ясно не видит своего пути к немедленному общественному благу. Мне, однако, кажется, что это узкий взгляд и что первейший долг каждого человека - противопоставить свое лицо тому, что он считает ложным, и, сделав это, предоставить результатам своего поведения самим заботиться о себе. Тем не менее, искушение пойти наперекор всегда очень сильно, и в такой стране, как Шотландия, многие считают его непреодолимым. Ни в одной другой протестантской стране и, более того, ни в одной католической стране, кроме Испании, человек, который, как известно, придерживается неортодоксальных взглядов, не сочтет свою жизнь столь же некомфортной. В нескольких крупных городах он, возможно, избежит враждебного отношения, если его чувства не будут слишком смелыми и не будут выражаться слишком открыто. Если он робок и неразговорчив, на его ересь, возможно, не обратят внимания. Но даже в больших городах безнаказанность - исключение, а не правило. Даже в столице Шотландии, в этом интеллектуальном центре, который когда-то хвастался тем, что является Современными Афинами, быстро распространится шепот, что такого человека следует избегать, поскольку он свободомыслящий; как будто свободомыслие является преступлением, или как будто не лучше быть свободомыслящим, чем мыслителем-рабом. В других частях, то есть в Шотландии в целом, положение вещей гораздо хуже. Я говорю не на основании смутных слухов, а исходя из того, что, как мне известно, существует в настоящее время и за точность чего я ручаюсь и несу ответственность сам. Я призываю любого опровергнуть мое утверждение, когда я говорю, что в настоящее время почти по всей Шотландии палец презрения направлен на каждого человека, который, осуществляя свое священное и неотъемлемое право на свободное суждение, отказывается соглашаться с этими религиозными представлениями и практиковать те религиозные обычаи, которые, действительно, освящены временем, но многие из которых отталкивают взор разума, хотя всех их, какими бы иррациональными они ни были, люди придерживаются с угрюмым и непреклонным упорством. Зная, что эти слова будут широко прочитаны и распространены в Шотландии, и не желая, естественно, навлекать на себя враждебность нации, за многие безупречные и ценные качества которой я искренне уважаю, я, тем не менее, сознательно утверждаю, что ни в одной цивилизованной стране терпимость не понимается так мало и что ни в одной из них дух фанатизма и преследований не распространен так широко. И никто не может удивляться, что так должно быть, кто наблюдает за тем, что там происходит. Церкви так же переполнены, как и в Средние века, и наполнены набожными и невежественными прихожанами, которые собираются вместе, чтобы выслушать мнения,

достойные только Средних веков. Этими мнениями они дорожат, и когда возвращаются в свои дома или приступают к повседневным делам, они претворяют их в жизнь. И в результате по всей стране царит угрюмый и фанатичный дух, отвращение к невинному веселью, склонность ограничивать удовольствия других и любовь к выяснению чужого мнения и вмешательству в их жизнь, чего вряд ли можно найти где-либо еще; в то время как посреди всего этого процветает национальное кредо, мрачное и суровое до последней степени, кредо, полное предчувствий, угроз и ужасов всякого рода, и которое радуется, заявляя человечеству, насколько оно жалкое и обездоленное. они таковы, насколько малую часть из них можно спасти, и какое подавляющее большинство неизбежно обречено на мучительные, невыразимые и вечные муки.

Прежде чем завершить этот том, возможно, будет уместно рассказать о событии, которое, несмотря на его недавнее появление и большое внимание, которое оно привлекло в то время, под давлением более важных вопросов было предано сравнительному забвению, хотя оно представляет интерес для тех, кто изучает различные формы национального характера, и, более того, является замечательной иллюстрацией сущностного антагонизма, который все еще существует между шотландским и английским умами; антагонизма, чрезвычайно примечательного, когда обнаруживается между нациями, которые, помимо того, что соседствуют и постоянно они смешиваются друг с другом, говорят на одном языке, читают одни и те же книги, принадлежат к одной империи и имеют одни и те же интересы, и все же во многих важных отношениях настолько различны, как будто у них никогда не было никаких средств влияния друг на друга и как будто у них никогда не было ничего общего.

В 1853 году холера, после серьезных разрушений во многих частях Европы, посетила Шотландию. Там он наверняка наткнулся бы на многочисленные жертвы среди плохо накормленных, плохо обеспеченных жильем и не слишком чистоплотных людей. Ибо, если и есть что-то более достоверное, чем другое, в отношении этой болезни, так это то, что она неизменно поражает с наибольшим эффектом те классы населения, которые из-за бедности или лени плохо питаются, пренебрегают своей личностью и живут в грязных, плохо осушаемых или плохо вентилируемых жилищах. В Шотландии таких классов очень много. Следовательно, холера в Шотландии должна быть очень смертельной. В этом не было ничего загадочного. Напротив, загадкой было бы, если бы эпидемия, подобная азиатской холере, пощадила такую страну, как Шотландия, где собраны все материалы, питающие мор, и где грязь, нужда и беспорядок царят повсюду.

При таких обстоятельствах должно было быть очевидно не только людям науки, но и всем людям ясного, здравого ума, которые отнеслись бы к делу без предубеждения, что у шотландцев был только один способ успешно справиться со своим ужасным врагом. Они должны были кормить своих бедняков, чистить выгребные ямы и проветривать свои дома. Если бы они сделали это, и сделали быстро, были бы спасены тысячи жизней. Но они пренебрегли этим, и страна погрузилась в траур. Более того, они не только пренебрегли этим, но, движимые ужасным суеверием, которое сидит над ними подобно инкубу, они избрали курс, который, если бы он был приведен в действие в полную силу, усугубил бы бедствие до ужасающих размеров. Хорошо известно, что всякий раз, когда бушует эпидемия, физическое истощение и психическая депрессия делают организм человека более подверженным ей, и поэтому от них следует особенно остерегаться. Но, хотя это общеизвестно, шотландское духовенство, поддержанное, к сожалению, общим голосом шотландского народа, пожелало, чтобы государственные власти предприняли шаг, который, несомненно, привел бы к физическому истощению и способствовал

умственной депрессии. Во имя религии, чьими обязанностями они таким образом злоупотребляли и извращали во вред человеку, вместо того, чтобы использовать их для его блага, они настаивали на уместности установления общенационального поста, который в столь суеверной стране, несомненно, должен был строго соблюдаться, а будучи строго соблюдаемым, столь же точно ослаблял тысячи чувствительных людей и, прежде чем проходили двадцать четыре часа, подготавливал их к приему того смертельного яда, который уже витал вокруг них и которому до сих пор у них едва хватало сил противостоять. Публичный пост также должен был сопровождаться публичным унижением, чтобы ничто не могло потрясти разум и наполнить его ужасом. В тот же день проповедники должны были греметь со своих кафедр и громко провозглашать грехи страны; в то время как бедные, погруженные во мрак люди, охваченные паникой, должны были сидеть в благоговейном страхе, должны были целый день оставаться без надлежащего питания и отправиться в свои постели, рыдая и умирая от голода. Тогда была надежда, что Божество будет умиловлено и чума будет остановлена. Как только вся нация выбрала курс, который, несомненно, приведет к увеличению смертности, считалось, что человек совершил самое худшее, Всемогущий вмешается, нарушит законы природы, и, сотворив чудо, убережет свои создания от того, что без чуда стало бы неизбежным следствием их собственных преднамеренных действий.

Таков был план шотландского духовенства, и они были полны решимости привести его в исполнение. Чтобы придать этому больший эффект, они призвали Англию помочь им, и осенью 1853 года пресвитерия Эдинбурга, полагая, что с их позиции они обязаны взять на себя инициативу, заставила своего Модератора направить письмо якобы английскому министру, но на самом деле - английской нации. В этом избранном постановлении, копия которого сейчас лежит передо мной, министр внутренних дел заверяется, что члены Пресвитерии отложили назначение дня для поста и унижения по решению своей собственной церковной власти, потому что они считали вероятным, что такой день будет назначен королевской властью. Но поскольку этого сделано не было, пресвитерия почтительно попросила сообщить, предполагалось ли это сделать. Они извинились за вольность, которую им позволили; у них не было желания излишне навязываться; они также не хотели, чтобы министр внутренних дел отвечал на их вопрос, если только он не чувствовал себя вправе это сделать. И все же, если бы он смог ответить на этот вопрос, они были бы рады. Ибо не было никаких сомнений в том, что в стране свирепствовала азиатская холера; и в таком случае пресвитерия Эдинбурга была заинтересована в том, чтобы узнать, рассматривалось ли назначение королевой общенационального поста.^[912]

Это письмо, которое, несомненно, стало хорошо известно через прессу и было широко прочитано, очевидно, имело целью повлиять на общественное мнение в Англии. Фактически это был скрытый упрек английскому правительству в пренебрежении своими духовными обязанностями и в том, что оно не поняло, что голодание - самый эффективный способ остановить эпидемию. В Шотландии, в целом, это получило большую похвалу и было расценено как достойный упрек, адресованный нерелигиозным привычкам англичан, которые, видя холеру у своих дверей, просто занимались оздоровительными мерами и плотскими утехами для улучшения общественного здоровья, показывая тем самым, что они слишком доверяют рукам плоти. В Англии, с другой стороны, этот манифест Шотландской церкви был встречен почти всеобщими насмешками и, действительно, не нашел поддержки ни у кого, кроме самой невежественной и легковверной части нации. Министром, которому оно было адресовано, был лорд Пальмерстон, человек с огромным опытом и, возможно, лучше знакомый с общественным

мнением, чем любой политик его времени. Он, будучи хорошо осведомленным о разнице между Шотландией и Англией, знал, что то, что подходит для одной страны, не подходит для другой, и что представления, которые шотландцы считали религиозными, англичане считали фанатичными. В прошлом случае имперское правительство, уступив шумихе, которую удалось поднять нескольким активным и заинтересованным людям, было достаточно глупо, чтобы противопоставить себя в этом вопросе духу времени и предписать общественные обряды, которые, к счастью, не соблюдались строго, но которые, поскольку им подчинялись, усиливали всеобщий ужас, усиливая естественные страхи сверхъестественными, и таким образом, угнетая нервную систему, увеличивали вероятность смертности от чумы. Иметь чуму в нашей стране - это достаточно плохо, поскольку, что бы мы ни делали, от нее погибнет много жертв. Но страшная ответственность ложится на тех, кто в такой период, вместо того чтобы приложить усилия для сдерживания его разрушительных последствий либо с помощью мер предосторожности, либо успокаивая и вселяя уверенность в народ, делают все, что в их силах, чтобы усугубить бедствие, поощряя тот суеверный страх, который ослабляет народную энергию в тот самый момент, когда энергия наиболее необходима, и подрывает хладнокровие, уверенность в себе, и самообладание, без которых никогда не удастся предотвратить ни один кризис национальной опасности.

Однако на этот раз не было никакого риска того, что правительство допустит столь серьезную ошибку. Лорд Пальмерстон, который знал, что здравый смысл английского народа поддержит его в том, что он делает, направил в пресвитерию Эдинбурга письмо, которое, если я не сильно ошибаюсь, в грядущие века будут цитировать как интересный документ, иллюстрирующий историю развития общественного мнения. Столетие назад любой государственный деятель, написавший бы подобное письмо, был бы смещен с должности бурей всеобщего негодования. Два столетия назад последствия для него были бы еще более катастрофическими и действительно разрушили бы его как в социальном, так и в политическом плане. Ибо в ней он бросает вызов тем суеверным представлениям о происхождении болезней, которые когда-то повсеместно почитались как неотъемлемая часть любого религиозного вероучения. Традиции, память о которых сохранилась в богословской литературе всех языческих стран, всех католических стран и всех протестантских стран, спокойно отбрасываются в сторону, как будто они не имеют значения и как будто их не стоит обсуждать. Шотландское духовенство, занимавшее старую почву, на которой всегда привыкли стоять представители их профессии, считало само собой разумеющимся, что холера была результатом божественного гнева и предназначалась для наказания за наши грехи. В ответе, который они теперь получили от английского правительства, была изложена доктрина, которая англичанам кажется достаточно правильной, но которая для шотландцев звучала очень кощунственно. Пресвитерия была проинформирована о том, что дела этого мира регулируются естественными законами, от соблюдения или пренебрежения которыми зависит благополучие или горе человечества.^[913] Один из этих законов связывает болезнь с выделениями тел; и именно в силу этого закона инфекция распространяется либо в многолюдных городах, либо в местах, где происходит разложение овощей. Человек, прилагая усилия, может рассеять или нейтрализовать эти вредные влияния. Появление холеры доказывает, что он не прилагал усилий. Города не были очищены; отсюда корень зла. Поэтому министр внутренних дел посоветовал пресвитерии Эдинбурга, что лучше очиститься, чем поститься. Он думал, что из-за чумы активность была предпочтительнее унижений. Сейчас была осень, и, прежде чем вернется жаркая погода, должно пройти значительное время. Этот период следует использовать для устранения причин

болезней путем улучшения жилищ бедных. Если бы это было сделано, все шло бы хорошо. В противном случае мор наверняка вернулся бы к ним, "несмотря", — я цитирую слова английского министра, — "несмотря на все молитвы и посты объединенной, но бездействующей нации".

Эту переписку между шотландским духовенством и английским государственным деятелем не следует рассматривать как простой эпизод, представляющий легкий или временный интерес. Напротив, это олицетворяет ту ужасную борьбу между теологией и наукой, которая, начавшись с преследования науки и мученической смерти ученых людей, в наши последние дни приняла более счастливый оборот и теперь явно разрушает тот старый теологический дух, который принес столько страданий и разорения миру. Древнее суеверие, которое когда-то было всеобщим, но теперь медленно, но верно отмирает, представляло Божество как постоянно пребывающее в гневе, получающее удовольствие от того, что Его создания унижают самих себя, получая удовольствие от их жертвоприношений и аскетизма, и, несмотря на все, что они могли сделать, постоянно налагающее на них самые тяжкие наказания, среди которых выделялись различные формы эпидемии. Именно с помощью науки, и только с помощью науки, эти ужасные иллюзии рассеиваются. События, которые раньше считались сверхъестественными явлениями, теперь доказано, что они зависят от естественных причин и поддаются естественным средствам правовой защиты. Человек может их предсказать, и человек может справиться с ними. Поскольку они являются неизбежным результатом их собственного прошлого, не остается места для представления о том, что они являются особыми причинами. Это великое изменение в наших взглядах фатально для теологии, но полезно для религии. Ибо благодаря этому наука, вместо того чтобы быть врагом религии, становится ее союзником. Религия является каждому индивидууму в соответствии с внутренним светом, которым он наделен. Следовательно, в разных характерах она принимает разные формы и никогда не может быть сведена к одному общему и произвольному правилу. Теология, с другой стороны, претендуя на власть над всеми умами и отказываясь признавать их существенное расхождение, стремится принудить их к единому вероучению и устанавливает единый стандарт абсолютной истины, с помощью которого она проверяет мнения каждого; самонадеянно осуждая тех, кто не согласен с этим стандартом. Такие высокомерные претензии нуждаются в средствах поддержки. Этими средствами являются угрозы, в которые в невежественные времена верят все и которые, вызывая страх, приводят к подчинению. Вот почему книги каждой теологической системы повествуют о деяниях величайшей жестокости, которые без малейших колебаний приписываются прямому вмешательству Бога. Гуманные и нежные натуры возмущаются такой жестокостью, даже когда пытаются в нее поверить. Задача науки - очистить теологию, показав, что жестокости не было, потому что не было никакого вмешательства. Наука приписывает естественным причинам то, что теология приписывает сверхъестественным. Согласно этой точке зрения, бедствия, от которых страдает мир, являются результатом невежества человека, а не вмешательства Бога. Поэтому мы не должны приписывать Ему то, что происходит из-за нашей собственной глупости или нашего собственного порока. Мы не должны клеветать на премудрое и всемилостивое Существо, приписывая Ему те мелкие страсти, которые движут нами самими, как если бы Он был способен на ярость, ревность и месть, и как если бы Он, протянув руку, постоянно усугублял страдания человечества и делал страдания человеческой расы более острыми, чем они были бы в противном случае.

То, что это замечательное улучшение религиозных идей обусловлено прогрессом физической науки, очевидно не только из общих аргументов, которые позволили бы нам предположить, что

так и должно быть, но и из исторического факта, что постепенному разрушению старой теологии повсюду предшествует рост и распространение физических истин. Чем больше мы узнаем о законах природы, тем яснее понимаем, что все, что происходит в материальном мире, будь то эпидемия, землетрясение, голод или что бы это ни было, является необходимым результатом чего-то, что произошло ранее. Причина порождает следствие, а следствие, в свою очередь, становится причиной других следствий. В этой операции мы не видим промежутка и не допускаем паузы. Для нас цепь неразрывна; постоянство природы ненаруσιμο. Наш разум привыкает рассматривать все физические явления как упорядоченное, однородное и спонтанное движение, протекающее в одной регулярной и непрерывающейся последовательности. Это научная точка зрения. Это также религиозная точка зрения. Против этого у нас есть теологическая точка зрения; но то, что уже утратило свою власть над интеллектом людей, теперь теряет свою власть над их чувствами и настолько явно гибнет, что в настоящее время ни один образованный человек не отваживается защищать это, не ограничивая и не охраняя свой смысл настолько, чтобы уступить его оппонентам почти по каждому пункту, который действительно является спорным.

Однако, в то время как в отношении материального мира узкие представления, которых раньше придерживались, в наиболее просвещенных странах почти исчезли, следует признать, что в отношении мира нравственного развитие общественного мнения происходит менее быстро. Те же самые люди, которые верят, что Природа не нарушена чудесным вмешательством, отказываются верить, что человек также не нарушен. В одном случае они отстаивают научную доктрину регулярности; в другом - теологическую доктрину неправильности. Причина такого расхождения во мнениях заключается в том, что движения природы менее сложны, чем движения человека. Будучи менее сложными, они легче изучаются и быстрее понимаются. Следовательно, мы обнаруживаем, что в то время как естественные науки уже давно культивируются, историческая наука едва ли еще существует. Наши знания об обстоятельствах, определяющих ход развития человечества, все еще настолько несовершенны и были так плохо усвоены, что едва ли оказали какое-либо влияние на популярные идеи. Философы, действительно, осознают, что здесь, как и везде, должна существовать необходимая связь даже между самыми отдаленными и непохожими событиями. Они знают, что любое несоответствие можно уладить, хотя мы, при нынешнем уровне знаний, можем быть не в состоянии справиться с этой задачей. Такова их вера, и ничто не может отучить их от нее. Но подавляющее большинство людей придерживаются другой веры. Они верят, что необъяснимое является необъяснимым, а то, что необъяснимо, является сверхъестественным. Наука объяснила огромное количество физических явлений, и поэтому даже обывателям эти явления больше не кажутся сверхъестественными, а объясняются естественными причинами. С другой стороны, наука еще не объяснила исторические явления; следовательно, теологический дух овладевает ими и ставит их себе на службу. Таким образом, возникла та знаменитая и древняя теория, которая получила название морального правления миром. Это громкий титул, который импонирует многим, и если бы они рассмотрели его притязания, то никогда бы не были ими обмануты. Ибо, как и то другое понятие, которое мы только что рассмотрели, оно не только ненаучно, но и в высшей степени нерелигиозно. Фактически, это порицание одного из самых благородных атрибутов Божества. Это оскорбление Всеведения Бога. Она предполагает, что судьба наций, вместо того чтобы быть результатом предшествующих и окружающих событий, особым образом зависит от контроля и вмешательства Провидения. Это предполагает, что существуют серьезные общественные чрезвычайные ситуации, при которых такое

вмешательство необходимо. Это предполагает, что без вмешательства ход дел не мог бы идти гладко; что они были бы сбиты с толку; что игра и гармония целого были бы неполными. И таким образом получается, что те самые люди, которые в один момент провозглашают Божественное Всеведение, в следующий момент отстаивают теорию, которая сводит это Всеведение к нулю, поскольку она вменяет Премудрому Существу, что схема человеческих дел, в которой Он должен был с самого начала предвидеть каждый исход и каждое последствие, настолько слабо продумана, что может быть сорвана; что все получилось не так, как Он мог бы пожелать; что он был сбит с толку Его собственными созданиями, и что, чтобы сохранить ее целостность, его собственные творения должны быть уничтожены. операции должны быть изменены, а их нарушения устранены. Великого Архитектора вселенной, Создателя и Конструктора всего существующего сравнивают с каким-то неуклюжим механиком, который настолько плохо знает свое дело, что его приходится вызывать для изменения работы его собственной машины, устранения ее недостатков, восполнения изъянов и исправления ошибок.

Пришло время положить конец таким недостойным представлениям. Настало время, чтобы то, что давно известно философам, стало известно и историкам, и чтобы история человечества перестала быть обеспокоенной тем, что для тех, кто проникнут научным духом, должно казаться немногим лучше, чем сущей безделицей. Из двух вещей выбери одну. Либо отрицай Всеведение Создателя, либо признай это. Если вы отрицаете это, вы отрицаете то, что, по крайней мере, на мой взгляд, является фундаментальной истиной, и в этих вопросах между нами не может быть никакой симпатии. Но если вы признаете Всеведение Бога, остерегайтесь клеветы на то, что вы якобы защищаете. Ибо, когда вы утверждаете то, что называется моральным управлением миром, вы клеветаете на Всеведение, поскольку заявляете, что механизм всей вселенной, включая действия как Природы, так и Человека, спланированные Бесконечной Мудростью, не соответствует своим обязанностям, если только та же самая Мудрость время от времени не вмешивается в него. Фактически вы утверждаете, что или Всеведение было обмануто, или что Всомогущество потерпело поражение. Несомненно, те, кто верит, и чья гордость и счастье - верить, что есть Сила превыше всего и прежде всех, знающая все и создающая все, не должны попадаться в такую ловушку, как эта. Те, кто, неудовлетворенный этим маленьким миром чувств, стремится возвысить свой разум до чего-то, чего чувства не в состоянии охватить, вряд ли смогут при более глубоком размышлении не понять, насколько груб и материален тот теологический предрассудок, который приписывает такой Власти вульгарные функции временного правителя, облачает его в одеяние земного властелина и представляет его вмешивающимся то здесь, то там, изрекающим угрозы, налагающим наказания, дарующим награды. Это низменные и пресмыкающиеся концепции, порождение невежества и тьмы. Такие грубые и грязные представления всего в одном шаге от настоящего идолопоклонства. Это отбросы ушедшей эпохи, и мы не допустим, чтобы они здесь навязывались. Они хорошо подходили для тех древних и варварских времен, когда люди, будучи неспособными усовершенствовать свои идеи, были, следовательно, неспособны очистить свое вероучение. Теперь, однако, они раздражают нас; они не сочетаются с другими частями нашего знания; они несовместимы; их согласованность нарушена. Все против них. Они стоят особняком; не осталось ничего, с чем они гармонизировали бы. Весь размах и тенденция современной мысли навязывают нашим умам концепции регулярности и закона, которым они диаметрально противоположны. Даже те, кто цепляется за них, делают это под влиянием традиции, а не из полной и непоколебимой веры. Та детская и непоколебимая вера, с которой когда-то было принято учение о вмешательстве, сменяется холодным и безжизненным

согласием, сильно отличающимся от энтузиазма прежних времен. Вскоре и это исчезнет, и люди перестанут ужасаться призракам, порожденным их собственным невежеством. Возможно, этот век не станет свидетелем эмансипации; но по мере развития человеческого разума эта эмансипация обязательно наступит. Она может наступить быстрее, чем кто-либо ожидает. Ибо мы продвигаемся далеко и быстро. Знамена времени повсюду, и те, кто перечисляет, могут прочесть. Почерк написан на стене; распоряжение вышло; древняя империя будет ниспровергнута; господство суеверий, уже приходящее в упадок, развалится и рассыплется в прах; и когда новая жизнь вдохнется в запутанную и хаотичную массу, будет ясно видно, что с самого начала не было ни расхождений, ни несоответствий, ни беспорядка, ни прерываний, ни помех; но что все события, которые нас окружают, даже до самых дальних пределов материального творения, являются лишь различными частями единой схемы, которая является пронизанный одним великолепным принципом универсальной и неизменной регулярности.

Сноски:

[613] Конечно, я говорю это просто в связи с их теологическим смыслом. Некоторые из бриджуотерских трактатов, такие как Белла, Бакленда и Праута, имели большие научные достоинства на момент своего появления, и даже сейчас их можно изучать с пользой; но религиозная часть их вызывает сожаление и показывает либо то, что они не вкладывали сердца в свою работу, либо то, что предмет был для них слишком широким. В любом случае, остается надеяться, что мы никогда больше не увидим людей столь же выдающихся, нанимающихся в качестве платных адвокатов и получающих гонорары за поддержку определенных мнений. Поистине позорно, что такие важные спекулятивные вопросы, вместо того чтобы подвергаться честному и бескорыстному обсуждению с целью выявления истины, должны быть превращены в денежную сделку, в которой любой, у кого много денег и мало ума, может подкупить сколько угодно людей, чтобы привлечь внимание общественности в пользу своих собственных теорий.

[614] ‘Унизительно отмечать, что сообщения о кометах, которые мы черпаем из шотландских авторов вплоть до настоящего времени (1682 г.), не содержат ничего, кроме отчетов о популярных фантазиях относительно них. Практическая астрономия, по-видимому, тогда была неизвестна в нашей стране; и поэтому, в то время как в других странах люди тщательно наблюдали, вычисляли и приближались к справедливым выводам относительно этих прославленных пришельцев неба, наши дневниковеды могли только рассказать нам, сколько *ярдов* они имели в длину, каких *последствий* они ожидали в виде войн и эпидемий, и как определенные благочестивые богословы “улучшили” их для духовного назидания. В начале этого столетия Шотландия произвела на свет одного великого философа, который снабдил свое ремесло математическими инструментами, с помощью которых можно было решать только сложные проблемы, такие как движение комет. Можно было бы ожидать, что в стране Нейпира через семьдесят лет после его смерти будет много сыновей, способных применить его ключ к таким тайнам природы. Но никто не поднялся - и никто не поднимался в течение пятидесяти лет, пока, наконец, Колин Маклорин не изложил в Эдинбургском университете возвышенную философию Ньютона. Не могло быть более выразительного обозначения характера Шотландии семнадцатого века. Наши безрадостные споры о внешних религиозных материях поглотили весь гений народа, сделав для нас эпоху Коули, Уоллера и Мильтона столь же лишенной

изящной литературы, сколь эпоха Хоррокса, Галлея и Ньютона была лишена науки.' *"Домашние анналы Шотландии" Чемберса*, том ii. стр. 444, 445.

[615] "Таким образом, в течение всего семнадцатого века англичане постепенно совершенствовали свой язык и вкус; в Шотландии первый был сильно искажен, а второй почти полностью утрачен". *История Шотландии*, книга viii., в *Работах Робертсона*, стр. 260.

Но вкус и наука, гений и образованность того времени были поглощены пучиной религиозных споров. В то время, когда ученость Селдена и гений Мильтона сговорились украсить Англию, шотландцы были сведены к таким писателям, как Бейли, Резерфорд, Гатри и два Гиллеспи.' *История Шотландии Лэйнга*, том iii. стр. 510. 'От Реставрации до Союза единственным автором "возвышения", которого создала Шотландия, был Бернет'. Там же., том iv. стр. 406.

'Семнадцатый век, роковой для хорошего вкуса Италии, погрузил Шотландию в глубокую ночь'. ... 'Ни один писатель, делающий хоть малейшую честь нации, не процветал в течение столетия с 1615 по 1715 год, за исключением Бернета, чье имя действительно могло бы прославить самый яркий период. В частности, не возникло ни одного поэта, чьи произведения заслуживают сохранения. По странному стечению обстоятельств столетие, занимающее наивысшее место в английской истории и гениальности, является одним из самых мрачных в истории Шотландии.' *Древние шотландские стихотворения под редакцией Джона Пинкертона*, том i. стр. iii. iv., Лондон, 1786.

[616] Рэй, посетивший Шотландию в 1661 году, не смог подавить легкую профессиональную зависть, когда увидел, насколько там выше рейтинг священнослужителей, чем в Англии. Он говорит: 'Люди здесь посещают свои церкви гораздо лучше, чем в Англии, и их служители пользуются большим уважением'. *Мемориалы Рэя, отредактированные доктором Ланкестером для Общества Рэя*, стр. 161.

[617] 'Верить в невежество намного лучше, чем в опрометчивое и самонадеянное знание. Не спрашивайте причины этих вещей, а скорее преклоняйтесь и трепещите перед их тайной и величием'. *Проповеди Биннинга*, том i, стр. 143. Даже библейская критика была запрещена; и Диксон говорит о различных книгах Библии: "Мы не должны беспокоиться об имени автора или времени написания какой-либо его части, особенно потому, что Бог с определенной целью скрывает имя автора в разное время и время, когда это было написано". *Объяснение Псалмов Диксоном*, стр. 291.

[618] 'Христос с небес предлагает силлогизм ярости Саула'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 180. 'Вывод из практического силлогизма, посредством которого верующий заключил из Евангелия, что он будет спасен'. *Закон Дарема Раскрыт*, стр. 97. 'Всякая уверенность заключается в практическом силлогизме, первым из которых обязательно должна быть истина из Священного Писания'. *Драгоценные обещания Грея*, стр. 139.

[619] Бауэр (*История Эдинбургского университета*, том i, стр. 217) говорит: 'История университетов и церкви в современной Европе и, возможно, в любой другой цивилизованной части земного шара очень тесно связана. Они более тесно связаны в Шотландии, чем в любой другой цивилизованной стране, называемой протестантской; потому что Генеральная Ассамблея имеет законное право изучать экономику учреждений, как в том, что касается способа преподавания, так и доктрин, будь то религиозных, моральных или физических, которым они преподаются.' Сполдинг под 1639 годом приводит пример власти Генеральной

ассамблеи в "Колледже Старого Абердина". *"История смуты" Сполдинга*, том i, стр. 178. Смотрите также, о власти, осуществляемой Генеральной Ассамблеей над университетами, любопытную маленькую книжечку под названием *Правительство и орден Церкви Шотландии*, Эдинбург, 1690, стр. 25.

[620] В 1632 году "министры" Перта были сильно недовольны тем, что Джон Роу был назначен директором грамматической школы без их согласия. *Хроника Перта*, стр. 33, где говорится, что, следовательно, "таир вызывает много возмущения с кафедры".

[621] Смотрите, например, *Протоколы заседаний Пресвитериев Сент-Эндрюса и Купара*, стр. 66, 83, 84, 118. Одна из записей гласит, что в январе 1648 года 'Пресвитерия постановила, что все молодые студенты, которые ожидают дворян или джентльменов в пределах своих границ, либо для обучения своих детей, либо для катехизации и молитвы в своих семьях, должны часто посещать Пресвитерию, чтобы брат мог знать, что они читают и каких успехов достигают в учебе, а также знать поведение в указанных семьях и их приверженность Завету и нынешней религии'. стр. 118. Сравните *подборки из Реестров пресвитерии Ланарка*, стр. 56, 65.

[622] Этого я уже касался в первом томе, стр. 808, 809. В дальнейшем, в моей специальной истории английского мышления, я рассмотрю это тщательно и подробно. Возрождение старой логики - отличный симптом этого. Произведения, подобные произведениям Уэтли, Де Моргана и Мэнсела, не могли быть созданы в восемнадцатом веке, или, во всяком случае, если бы они были созданы в результате какого-то экстраординарного стечения событий, они не нашли бы читателей. Как бы то ни было, они оказали очень обширное и очень благотворное влияние; и, хотя архиепископ Уэтли не был хорошо знаком с историей формальной логики, его изложение ее обычных процессов настолько восхитительно ясно, что он, вероятно, внес больший вклад, чем кто-либо другой, в то, чтобы внушить своим современникам представление о ценности дедуктивного рассуждения. Он, однако, недостаточно отдал должное противоположной школе и, действительно, впал в старую академическую ошибку, предполагая, что все рассуждения строятся с помощью силлогизма. С таким же успехом мы могли бы сказать, что всякое движение происходит по наследству.

[623] Смотрите письмо сэра Джеймса Макинтоша Парру в *Мемуарах Макинтоша*, Лондон, 1835, том i, стр. 334. "К Хатчесону можно отнести склонность к спекуляциям в Шотландии и все философские мнения (за исключением берклианского гуманизма)". М. Кузен (*История философии*, премьера серии, т. iv, стр. 35, Париж, 1846) замечает, что до Хатчесона "я никогда не встречал ничего примечательного в жизни, ни у кого из друзей, ни у кого из профессоров философии".

[624] *Tytler's Memoirs of Kames Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. iii. Лондон, 1755, 4 ч.

[625] "Цель моральной философии состоит в том, чтобы направить людей к тому образу действий, который наиболее эффективно способствует их величайшему счастью и совершенству; насколько это может быть сделано с помощью наблюдений и выводов, которые можно обнаружить из устройства природы, без каких-либо вспомогательных средств сверхъестественного откровения: следовательно, эти максимы или правила поведения считаются законами природы, и их система или совокупность является называется Законом Природы." *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 1.

[626] 'Естественное понимание - самая развратная вещь в мире'. ... "Понимание, даже в поиске истины среди созданий, - это опрометчивая и беспокойная вещь'. *"Умиравший Христос" Резерфорда*, стр. 181. 'Невинный Адам,' действительно, говорит Бостон, 'Невинный Адам обладал запасом благородных способностей, благодаря которым он мог бы, руководствуясь моральными соображениями, заставить себя правильно исполнять долг. Но где это у нас?' *Бостонские проповеди*, стр. 65.

[627] 'Подобное естественное право имеет каждое разумное существо относительно своих собственных мнений, умозрительных или практических, судить в соответствии с имеющимися у него доказательствами. Это право вытекает из самого устройства рационального разума, который может соглашаться или не соглашаться исключительно в соответствии с представленными доказательствами и, естественно, стремится к знанию. Те же соображения показывают, что это право неотчуждаемо: оно не может быть подчинено воле другого; хотя там, где заранее сформировано суждение о высшей мудрости другого или его непогрешимости, мнение этого другого для слабого ума может стать достаточным доказательством. Что касается мнений о Божестве, религии и добродетели, то это право дополнительно подтверждается всеми благороднейшими желаниями души; поскольку не может быть никакой добродетели, а скорее нечестия в том, чтобы не придерживаться мнений, которые мы считаем справедливыми, и исповедовать противоположное.' *Моральная философия Хатчесона*, том i. стр. 295, 296. См. Также том ii. стр. 311. "Каждое разумное существо имеет право самостоятельно судить в этих вопросах: и поскольку люди должны соглашаться в соответствии с имеющимися у них доказательствами и не могут требовать своего согласия вопреки им, это право явно неотчуждаемо".

[628] 'Таким образом, ни один человек не может по-настоящему изменить свои чувства, суждения и внутренние привязанности к удовольствию другого, и ни к чему хорошему не приведет признание того, что противоречит его сердцу'. *Моральная философия Хатчесона*, том i. стр. 261, 262.

[629] 'Ариане и социниане - идолопоклонники и отрицатели Бога, говорят ортодоксы. Они обвиняют ортодоксов в том, что они тритеисты; то же самое делают и другие секты; и таким образом они побуждают судей к преследованиям. Хотя, тем не менее, очевидно, что во всех этих сектах для всех социальных добродетелей существуют одни и те же мотивы, основанные на вере в нравственное провидение, одно и то же признание того, что благость Бога является источником всего хорошего, которым мы наслаждаемся или на которое надеемся, и рекомендуются одна и та же благодарность и покорность ему. И ни один из их замыслов не побуждает людей к порокам, за исключением этого ужасного принципа, слишком распространенного для большинства из них, - права на преследование.' *Моральная философия Хатчесона*, том ii. стр. 316. См. также том i, стр. 160; и *Исследование Хатчесона о наших идеях красоты и добродетели*, Лондон, 1738, стр. 283.

[630] "Мы все знаем представления, которых придерживаются черни относительно всех еретиков; мы знаем гордыню схоластов и многих священнослужителей; как раздражает их наглое тщеславие то, что любой человек считает себя мудрее их в догматах религии, отличаясь от них". *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 167.

[631] 'Поскольку у него каждый год была возможность в ходе своих лекций объяснить происхождение правительства и сравнить различные его формы, он уделял особое внимание

тому, чтобы в этой теме подчеркнуть важность гражданской и религиозной свободы для счастья человечества'. *"Жизнь Хатчесона" Личмана*, стр. xxxv., предисловие к "Моральной философии Хатчесона".

[632] "Идеи красоты и гармонии, как и другие разумные идеи, обязательно приятны нам, причем непосредственно". *Исследование Хатчесона о наших идеях красоты и добродетели*, стр. 11. "Наше чувство прекрасного, кажется, создано для того, чтобы доставлять нам позитивное удовольствие". стр. 71. 'Красота дает благоприятную презумпцию хороших моральных устоев'. стр. 257. 'Но очевидно, что в нашей власти нет моделирования наших чувств или желаний, чтобы формировать их в личных интересах; они установлены для нас Автором нашей природы, подчиненным интересам системы; так что каждый индивид предварительно по своему собственному выбору становится членом большого тела и зависит от судьбы целого; или, по крайней мере, многих его частей; и он не может порвать с собой по собственному желанию'. *Эссе Хатчесона о страстях*, стр. 105, 106.

[633] 'Fille de la scholastique, la philosophie moderne est demeurée longtemps étrangère aux grâces, et les *Recherches* d'Hutcheson présentent, je crois, le premier traité spécial sur le beau, écrit par un moderne. Elles ont paru en 1725. Cette date est presque celle de l'avènement de l'esthétique dans la philosophie européenne. L'ouvrage du père André, en France, est de 1741, celui de Baumgarten, en Allemagne, est de 1750. Ce n'est pas un petit honneur à Hutcheson d'avoir le premier soumis l'idée du beau à une analyse méthodique et régulière.' *Cousin, Histoire de la Philosophie*, première série, vol. iv. p. 84.

[634] В своем *Исследовании красоты и добродетели*, стр. 107, он настолько решительно выступал против преобладающих представлений, что утверждал, что 'наше восприятие удовольствия необходимо, и для нас нет ничего выгодного или естественно хорошего, кроме того, что способно вызвать удовольствие, опосредованно или непосредственно'. Сравните то, что он говорит на стр. 91 о "суеверных предрассудках против действий, которые воспринимаются как оскорбительные для Божества".

[635] 'Следовательно, вкус к оригинальным искусствам музыки, скульптуры, живописи и даже к мужественным развлечениям заслуживает уважения'. *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 83. На стр. 129 он говорит, что в них 'наше время используется приятно и с честью'. См. Также том ii. стр. 115.

[636] 'Богатство и власть действительно полезны не только для естественных удобств или удовольствий жизни, но и как фонд для оказания добрых услуг'. *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 104. Сравните *Хатчесона о красоте и добродетели*, стр. 93-95; и его *Эссе о страстях и привязанностях*, стр. 8, 9, 99. "Насколько также слабы рассуждения некоторых моралистов-отшельников, которые вообще осуждают любое стремление к богатству или власти, как не соответствующее безупречно добродетельному характеру; поскольку богатство и власть являются наиболее эффективными средствами и самыми мощными инструментами даже величайших добродетелей и самых великодушных поступков".

[637] "Главное счастье любого существа должно состоять в полном наслаждении всеми удовольствиями, которых желает и на которые способна его природа". *"Моральная философия Хатчесона"*, том i, стр. 100. "Наивысшие чувственные наслаждения могут испытывать те, кто энергично использует как ум, так и тело на общественных добродетельных должностях и

позволяет всем естественным аппетитам проявиться в должное время'. стр. 121. "Нет, поскольку на самом деле для блага системы следует удовлетворять каждое естественное для нас желание и чувство, даже самого низкого рода, в той мере, в какой их удовлетворение согласуется с более благородными удовольствиями и в справедливом подчинении им; кажется естественным представление *оправе* присутствовать при них всех". стр. 254, 255.

[638] 'Приятно наблюдать, как те авторы, которые рисуют нашу природу как смесь чувственности, эгоизма и коварства, забывают об этом предмете в своих описаниях молодости, когда природный темперамент менее замаскирован, чем в последующие периоды жизни. 'Оно состоит из множества острых, непостоянных страстей, многие из них великодушны; оно любит сиюминутные удовольствия, но также чрезмерно добр и щедр к любимцам; беззаботно относится к собственным отдаленным интересам; полно доверия к другим; прилежно относится к похвалам за доброту и великодушие; склонно к дружбе и лишено подозрительности'. *Моральная философия Хатчесона*, том ii. стр. 11. 'Люди часто подвержены гневу и при внезапных провокациях наносят друг другу увечья, и то только из самолюбия без злого умысла; но большая часть их жизни занята служением естественной привязанности, дружбе, невинному самолюбованию или любви к стране'. *Эссе Хатчесона о страстях*, стр. 97, 98. И на стр. 165: "Без сомнения, в нашей конституции есть много яростных вспышек страсти, в которых, как может показаться, злему умыслу есть место; но как редко и как коротко по сравнению с годами, проведенными в постоянных добрых поисках блага семьи, партии, страны?" ... "Здесь люди склонны давать волю своему воображению, представляя все грабежи, пиратства, убийства, лжесвидетельства, мошенничества, резню, покушения, о которых они когда-либо слышали или читали в истории; отсюда делая вывод, что все человечество очень порочно; как будто суд центры правосудия были подходящим местом для оценки нравственности человечества или лечебницей для оценки полезности климата. Разве они не должны учитывать, что число честных граждан и фермеров намного превосходит число всевозможных преступников в любом государстве; и что невинные или добрые поступки даже самих преступников превосходят по численности их преступления? Что именно редкость преступлений по сравнению с невинными или добрыми поступками привлекает к ним наше внимание и заставляет их быть занесенными в историю; в то время как несравненно более честные, великодушные семейные поступки упускаются из виду только потому, что они настолько обычны; как одна большая опасность или один месяц болезни станут часто повторяющейся историей в течение долгой здоровой и безопасной жизни".

[639] В 1731 году Удроу, который был последним по-настоящему великим представителем старых пресвитерианских богословов и который был немало шокирован переменами, происходившими вокруг него, пишет: "Когда доктор Калами услышал о вызове мистера Хатчесона в Глазго, он улыбнулся и сказал, я думаю, Томасу Рэнди, что он не за Шотландию". , как он думал из своей книги; и что его там будут считать таким же неортодоксальным, как мистера Симсона. У Доктора странный способ выуживать частные истории и события, происходящие в Шотландии". *"Анализ" Удроу*, том iv. стр. 227. Интересно сравнить с этим замечания, которые этот мирской священник, преподобный Александр Карлайл, сделал в адрес Хатчесона. См. *Автобиографию Карлайла*, Эдинбург, 1860, 2-е издание. стр. 82-85.

[640] В своей *Философии морали*, т. i., стр. 52, он называет это "изначальным определением или смыслом в нашей природе, который нельзя отнести к другим способностям восприятия".

[641] 'Это моральное чувство по самой своей природе, по-видимому, предназначено для регулирования и контроля всех наших сил'. *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 61.

[642] Смотрите в его "*Философии морали*", том i, стр. 79, его жалобу на тех, кто "стремится свести все наши способности восприятия к очень малому числу с помощью той или иной искусной ссылки".

[643] 'Напрасно здесь упоминать наставление, воспитание, обычай или ассоциацию идей как источник морального одобрения'. *Моральная философия Хатчесона*, том i, стр. 57. Сравните его работу *о красоте и добродетели*, стр. 84.

[644] "Ему также можно приписать склонность к умножению конечных и изначальных принципов в природе человека, которая характеризовала шотландскую школу до второго угасания страсти к метафизическим спекуляциям в Шотландии". *Диссертация Макинтоша по этической философии*, редактировать. Уэвелл, Эдинбург, 1837, стр. 208.

[645] Смотрите его гениальную главу, озаглавленную 'Вывод о более специальных законах природы и жизненных обязанностях, предшествовавших гражданскому правительству и другим случайным состояниям'. *Моральная философия*, том i, стр. 227; и сравните том ii, стр. 294-309, "Как приобретается гражданская власть".

[646] Смотрите, например, его замечания о "праве владения". *Моральная философия*, том i, стр. 344; о правах по ипотеке, стр. 350; и о наследовании, стр. 356.

[647] В своей "*Философии морали*", том ii, стр. 346, 347, он подводит итог долгому рассуждению о "природе гражданских законов", говоря: "Таким образом, общие обязанности магистратов и подданных можно обнаружить из характера оказанного им доверия и конца всей гражданской власти".

[648] То есть, насколько это касается фактов. Геометрия, рассматриваемая с самой возвышенной точки зрения, покоится на идеях и с этой точки зрения неприступна, если только аксиомы не могут быть опровергнуты. Но если геометры будут настаивать на наличии определений, а также аксиом, они, без сомнения, обретут большую ясность, но кое-что потеряют в точности. Я полагаю, что без определений геометрия не могла бы быть наукой о пространстве, но была бы наукой о величинах, идеально понятых и, следовательно, настолько чистых, насколько это возможно сделать с помощью логических рассуждений. Это не касается вопроса об эмпирическом происхождении аксиом.

[649] 'Наши постоянные наблюдения за поведением других людей незаметно приводят нас к формированию для себя определенных общих правил относительно того, что уместно делать или чего следует избегать'. ... 'Именно так формируются общие правила морали. В конечном счете они основаны на опыте того, что в конкретных случаях одобряют или не одобряют наши моральные способности, наше естественное чувство достоинства и пристойности. Изначально мы не одобряем и не осуждаем конкретные действия, потому что при рассмотрении они кажутся приемлемыми или несовместимыми с определенным общим правилом. Общее правило, напротив, формируется путем установления из опыта, что все действия определенного рода или обстоятельства определенным образом одобряются или не одобряются". *Теория моральных чувств Смита*, том i, стр. 219, 220. На стр. 153: "Мы либо одобряем, либо не одобряем наше собственное поведение в зависимости от того, чувствуем ли мы, что, когда мы ставим себя на

место другого человека и смотрим на это, так сказать, его глазами и с позиции его положения, мы можем или не можем полностью проникнуться чувствами и мотивами, которые повлияли на это, и сочувствовать им".

[650] 'Если бы было возможно, чтобы человеческое существо могло вырасти до зрелости в каком-нибудь уединенном месте, без какого-либо общения со своим собственным видом, оно могло бы думать о своем собственном характере, о правильности или порочности своих собственных чувств и поведения, о красоте или уродстве своего собственного ума не больше, чем о красоте или уродстве своего собственного лица'. *Теория моральных чувств* Смита, том i, стр. 154. "Наша первая моральная критика направлена на характеры и поведение других людей". стр. 156.

[651] "Поскольку у нас нет непосредственного опыта того, что чувствуют другие люди, мы можем составить представление не о том, как на них это влияет, а о том, что мы сами должны чувствовать в подобной ситуации'. *Теория моральных чувств* Смита, том i, стр. 2.

[652] 'Это воображаемое изменение ситуации, на котором основано их сочувствие, является лишь кратковременным'. *Теория моральных чувств* Смита, том i, стр. 21. Сравните том ii, стр. 206.

[653] 'Я рискну утверждать, что, когда в деле нет зависти, наша склонность сочувствовать радости намного сильнее, чем наша склонность сочувствовать горю'. *Теория моральных чувств* Смита, том i, стр. 58. "Именно потому, что человечество склонно больше сочувствовать нашей радости, чем нашему горю, мы выставляем напоказ наше богатство и скрываем нашу бедность". стр. 65.

[654] 'На этой склонности человечества потакать всем страстям богатых и могущественных основано различие рангов и общественный порядок. Наше подобострастие перед вышестоящими чаще проистекает из нашего восхищения преимуществами их положения, чем из каких-либо личных ожиданий выгоды от их доброй воли.' *Теория моральных чувств* Смита, том i, стр. 69. См. Также том ii, стр. 72.

[655] Смотрите Поразительные замечания в *Теории моральных чувств*, том i, стр. 70-72.

[656] *Теория моральных чувств*, том ii. стр. 23 и далее.

[657] *Теория моральных чувств*, том ii. стр. 131-244. Этот очерк различных философских систем, пожалуй, самая удачная часть книги, несмотря на две или три ошибки, которые в ней содержатся.

[658] *Теория моральных чувств* Смита, том i. стр. 89, 92, 115, 116. Максимум, с чем он согласен в отношении понятия социального удобства, - это то, что 'у нас часто есть возможность подтвердить наше естественное чувство уместности наказания, размышляя о том, насколько оно необходимо для сохранения общественного порядка'.

[659] *Теория моральных чувств*, том i. стр. 172-174.

[660] 'Человечность - добродетель женщины, великодушные мужчины. Прекрасный пол, у которого обычно гораздо больше нежности, чем у нас, редко бывает таким великодушным.' *Теория моральных чувств* Смита, том ii. стр. 19. Еще не собрано достаточных фактов, которые

позволили бы нам проверить истинность этого замечания, а скудный опыт отдельных наблюдателей очень мало чего стоит в столь широком вопросе. И все же я рискну усомниться в истинности различия Адама Смита. Я подозреваю, что женщины в целом более щедры, чем мужчины, а также более нежны. Но чтобы обосновать предположение такого рода, потребовалось бы самое обширное исследование, проведенное внимательным и аналитическим умом; а в настоящее время нет даже сколько-нибудь сносно хорошей работы по психическим характеристикам, которые различают помы, и никогда не будет такой, пока физиология не объединится с биографией.

[661] *Теория моральных чувств*, том ii. стр. 115-122.

[662] "Сочувствие, следовательно, возникает не столько из взгляда на страсть, сколько из взгляда на ситуацию, которая ее возбуждает". *Теория моральных чувств Смита*, том i, стр. 6.

[663] 'То, что называется привязанностью, на самом деле не что иное, как привычная симпатия'. *Теория моральных чувств Смита*, том ii. стр. 63. 'В некоторых трагедиях и романах мы встречаемся со многими прекрасными и интересными сценами, основанными на том, что называется силой крови, или на удивительной привязанности, которую, как предполагается, испытывают друг к другу близкие родственники, даже до того, как они узнают, что между ними есть какая-либо такая связь. Однако, боюсь, эта сила крови существует только в трагедиях и романах".стр. 66.

[664] 'Сочувствие, однако, ни в коем случае нельзя рассматривать как эгоистичный принцип'. *Теория моральных чувств*, том ii. стр. 206. В томе i, стр. 9, он жалуется на "тех, кто любит выводить все наши чувства из определенных проявлений любви к себе".

[665] Это замечено сэром Джеймсом Макинтошем, чей набросок Адама Смита поспешен и несколько поверхностен, но который, тем не менее, верно отмечает, что Смит "подвергся возражениям, основанным на опыте, на которые невозможно попытаться ответить". *Диссертация Макинтоша по этической философии*, стр. 239, 240. Смотрите также письмо Юма Адаму Смиту в книге Бертона "Жизнь и переписка Юма", том ii. стр. 60.

[666] 'Политические лекции мистера Смита, в которых излагались фундаментальные принципы его "Исследования", были прочитаны в Глазго еще в 1752 или 1753 году'. "Жизнь Адама Смита" Дугалда Стюарта, стр. lxxviii., предисловие к *Посмертным очеркам Смита*, Лондон, 4-е издание, 1795.

[667] *История цивилизации*, том i, стр. 214.

[668] 'Возможно, единственная книга, которая произвела немедленные, общие и бесповоротные изменения в некоторых из наиболее важных частей законодательства всех цивилизованных государств'. *Этическая философия Макинтоша*, стр. 232. Но это выражено слишком сильно, как убедительно доказывает экономическая история Франции и Германии.

[669] 'Скупость, а не трудолюбие, является непосредственной причиной увеличения капитала. Трудолюбие, действительно, обеспечивает предмет, который накапливает скупость; но что бы ни приобрела трудолюбие, если бы скупость не сберегала и не накапливала, капитал никогда не был бы больше. " ... "Но принцип, побуждающий экономить, - это желание улучшить наше положение; желание, которое, хотя в целом и спокойное и бесстрастное, приходит к нам из

утробы матери и никогда не покидает нас, пока мы не сойдем в могилу". *"Богатство народов"* Смита, книга ii. глава iii. стр. 138, 140, редактировать. Edinb. 1839.

[670] 'Единообразные, постоянные и непрерывные усилия каждого человека по улучшению своего положения, принцип, из которого изначально проистекает общественное и национальное, а также частное богатство, часто оказываются достаточно мощными, чтобы поддерживать естественный ход вещей в направлении улучшения, несмотря как на расточительность правительства, так и на величайшие ошибки администрации. Подобно неизвестному принципу животной жизни, он часто восстанавливает здоровье и бодрость организма, несмотря не только на болезнь, но и на абсурдные предписания врача.' *Богатство народов*, книга ii. глава iii. стр. 141. "Естественное стремление каждого индивида улучшить свое собственное положение, когда ему позволяют проявлять себя в условиях свободы и безопасности, является настолько мощным принципом, что оно в одиночку и без какой-либо помощи способно не только привести общество к богатству и процветанию, но и преодолеть сотню непреодолимых препятствий, которыми безумие человеческих законов слишком часто затрудняет его деятельность'. Книга iv. глава v., стр. 221.

[671] Смотрите замечательный отрывок, стр. 156, слишком длинный, чтобы цитировать, начинающийся словами "Если бы человеческие институты никогда не препятствовали этим естественным наклонностям", и т.д.

[672] 'Это коварное и хитрое животное, в просторечии называемое государственным деятелем или политиком, чьи советы руководствуются сиюминутными колебаниями событий'. *Богатство народов*, книга iv. глава ii. стр. 190.

[673] 'Той гарантии, которую законы Великобритании дают каждому человеку, что он будет пользоваться плодами своего собственного труда, достаточно для процветания любой страны, несмотря на эти и двадцать других абсурдных правил торговли'. *Богатство народов*, книга iv. глава v., стр. 221.

[674] 'Во всех странах, где существует приемлемая безопасность, каждый человек, обладающий здравым смыслом, будет стремиться использовать все, чем он может располагать, для получения либо текущего удовольствия, либо будущей прибыли'. *Богатство народов*, книга ii. глава i. стр. 115.

[675] "Забота о собственной частной прибыли является единственным мотивом, который заставляет владельца любого капитала использовать его либо в сельском хозяйстве, либо в мануфактурах, либо в какой-либо конкретной отрасли оптовой или розничной торговли". *Богатство наций*, книга ii. глава v., стр. 154.

[676] Преследуя свои собственные интересы, он часто продвигает интересы общества более эффективно, чем когда он действительно намеревается продвигать их. Я никогда не видел много хорошего от тех, кто пытался торговать на общественное благо. Это наигранность, действительно, не очень распространенная среди торговцев, и нужно употребить очень мало слов, чтобы разубедить их в этом". *Богатство народов*, книга iv. глава ii. стр. 184.

[677] В своей *Теории моральных чувств*, том i, стр. 21, он говорит, что человечество "от природы отзывчиво".

[678] 'Нет, именно из-за этого уважения к чувствам человечества мы стремимся к богатству и избегаем бедности'. *Теория моральных чувств*, том i, стр. 66. "Стать естественным объектом радостных поздравлений и сочувственного внимания человечества - это, таким образом, обстоятельство, придающее процветанию все его ослепительное великолепие". стр. 78.

[679] 'Недавнее решение квакеров Пенсильвании освободить всех своих негритянских рабов может убедить нас в том, что их число не может быть очень большим. Если бы они получили какую-либо значительную часть своей собственности, такое решение никогда не было бы принято'. *Богатство наций*, книга iii. глава ii. стр. 159.

[680] 'В каждом цивилизованном обществе, в каждом обществе, где когда-то было полностью установлено различие рангов, всегда существовали две различные схемы или системы морали, действующие одновременно; из которых одну можно назвать строгой; другую либеральной, или, если хотите, свободной системой. Первый, как правило, почитается и вызывает восхищение у простых людей; второй, как правило, более почитаем и принят теми, кого называют людьми моды. Степень неодобрения, с которой мы должны отмечать пороки легкомыслия, пороки, которые склонны проистекать из большого достатка и избытка веселья и хорошего настроения, по-видимому, составляет главное различие между этими двумя противоположными схемами или системами. В либеральной, или распущенной системе к роскоши, распутному и даже беспорядочному веселью, погоне за удовольствиями, доходящей до некоторой степени невоздержанности, нарушению целомудрия, по крайней мере, у одного из двух полов, при условии, что они не сопровождаются вопиющей непристойностью и не ведут ко лжи и несправедливости, обычно относятся с большой долей снисхождения и легко либо извиняются, либо прощаются вовсе. В строгой системе, напротив, к этим излишествам относятся с величайшим отвращением. Пороки легкомыслия всегда губительны для простых людей, и одной недели бездумия и беспутства часто бывает достаточно, чтобы навсегда погубить бедного рабочего и довести его в отчаянии до совершения самых чудовищных преступлений. Поэтому более мудрые и благородные представители простого люда всегда испытывают крайнее отвращение к подобным эксцессам, которые, как подсказывает им их опыт, столь немедленно становятся фатальными для людей их положения. Беспорядок и расточительность нескольких лет, напротив, не всегда губят светского человека; и люди этого ранга очень склонны рассматривать возможность предаваться некоторым излишествам как одно из преимуществ своего состояния, а свободу делать это без порицания или укоризны - как одну из привилегий, присущих их положению. Поэтому люди их положения относятся к подобным эксцессам лишь с небольшой долей неодобрения и осуждают их либо очень слабо, либо вообще не осуждают.

'Почти все религиозные секты зародились среди простых людей, из которых они обычно черпали своих первых, а также самых многочисленных прозелитов. Соответственно, суровая система морали была принята этими сектами почти постоянно или за очень немногими исключениями, ибо некоторые из них были. Это была система, с помощью которой они могли наилучшим образом рекомендовать себя той категории людей, которой они первыми предложили свой план реформирования на основе того, что было установлено ранее. Многие из них, возможно, большая их часть, даже пытались завоевать доверие, усовершенствуя эту суровую систему и доводя ее до некоторой степени безумия и экстравагантности; и эта чрезмерная строгость часто вызывала к ним больше, чем что-либо другое, уважения и почитания простых людей. '... 'Соответственно, в небольших религиозных сектах мораль

простых людей почти всегда была удивительно правильной и упорядоченной; как правило, гораздо большей, чем в официальной церкви. Мораль этих маленьких сект, действительно, часто была довольно неприятно строгой и антиобщественной.' *"Богатство народов"*, книга V. глава i. стр. 332, 333.

[681] Там, где все церковные пособия почти равны, ни одно из них не может быть очень большим; и эта посредственность пособия, хотя она, без сомнения, может заходить слишком далеко, имеет, однако, некоторые очень приятные последствия. Ничто, кроме образцовой морали, не может придать достоинства человеку с небольшим состоянием. Пороки легкомыслия и тщеславия неизбежно делают его смешным и, кроме того, почти так же губительны для него, как и для простых людей. Следовательно, в своем собственном поведении он обязан следовать той системе морали, которую простые люди уважают больше всего. Он завоевывает их уважение и привязанность с помощью того плана жизни, которому его заставили бы следовать его собственные интересы и ситуация.' *"Богатство народов"*, книга V. глава первая, стр. 340.

[682] Помимо доказательств, представленных экономическими трактатами, законы в нашем своде законов, касающиеся заработной платы, демонстрируют общее убеждение, что ее размер может устанавливаться высшими классами.

[683] Как уже было сказано, мы редко слышим о комбинациях мастеров, хотя часто о комбинациях рабочих. Но тот, кто воображает, исходя из этого, что мастера редко объединяются, так же невежественен в мире, как и в предмете. Хозяева всегда и везде находятся в своего рода молчаливом, но постоянном и единообразном сговоре, направленном на то, чтобы не повышать заработную плату за труд выше ее действительной нормы. Нарушение этого сочетания повсюду является самым непопулярным действием и своего рода поношением мастеру среди его соседей и равных. Действительно, мы редко слышим об этом сочетании, потому что это обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никто никогда не слышит. Хозяева тоже иногда вступают в особые комбинации, чтобы снизить заработную плату еще ниже этой нормы'. *"Богатство наций"*, книга i. глава I. viii. с. 28.

[684] 'Во-первых, почти в каждой части Великобритании существует различие, даже в самых низших видах труда, между летней и зимней заработной платой. Заработная плата летом всегда самая высокая. Но из-за чрезвычайных расходов на топливо содержание семьи обходится дороже всего зимой. Следовательно, заработная плата является самой высокой, когда эти расходы самые низкие, и кажется очевидным, что она регулируется не тем, что необходимо для этих расходов, а количеством и предполагаемой стоимостью труда'. *Богатство наций*, книга i, глава I. viii. с. 31.

[685] 'В годы дефицита трудности и неуверенность в средствах к существованию заставляют всех таких людей стремиться вернуться на службу. Но высокие цены на провизию, уменьшая средства, предназначенные для содержания слуг, побуждают хозяев скорее уменьшать, чем увеличивать количество тех, кто у них есть.' ... 'Поэтому хозяева всех мастей часто заключают более выгодные сделки со своими слугами в дорогие, чем в дешевые годы, и находят их более скромными и зависимыми в первые, чем во вторые. Поэтому они, естественно, одобряют первое как более благоприятное для промышленности'. *"Богатство наций"*, книга i. глава. viii. стр. 35.

[686] 'Рабочие хотят получить как можно больше, хозяева - дать как можно меньше. Первые склонны объединяться, чтобы повысить заработную плату, вторые - чтобы понизить ее.'
Богатство наций, Б. И. в., viii, стр. 27.

[687] 'На первый взгляд кажется абсурдным, что мы должны презирать их личности, и все же вознаграждать их таланты с самой обильной щедростью. Однако, делая одно, мы по необходимости должны делать другое. Если общественное мнение или предубеждение когда-либо изменится в отношении такого занятия, их денежное вознаграждение быстро уменьшится. К ним обращалось бы больше людей, и конкуренция быстро снизила бы стоимость их труда. Такие таланты, хотя и далеко не обычны, ни в коем случае не так редки, как представляется. Многие люди владеют ими в совершенстве, но пренебрегают таким их использованием; и гораздо больше способны приобрести их, если бы они могли сделать что-нибудь достойно".
Богатство народов, книга i. глава x. стр. 44.

[688] "Сверх арендной платы с этих поместий духовенству принадлежала в виде десятины очень большая часть арендной платы со всех других поместий в каждом королевстве Европы. Доходы, получаемые от обоих этих видов ренты, большей частью выплачивались натурой - зерном, вином, скотом, домашней птицей и т. Д. Количество значительно превышало то, что могло потребить само духовенство; и не было ни искусств, ни мануфактур, на продукты которых они могли бы обменивать излишки. Духовенство не могло извлечь выгоду из этого огромного избытка никак иначе, как используя его, подобно тому как крупные бароны использовали подобный избыток своих доходов в самом обильном гостеприимстве и в самой обширной благотворительности. Соответственно, говорят, что и гостеприимство, и благотворительность древнего духовенства были очень велики. " ... "Гостеприимство и благотворительность духовенства также не только дали им в распоряжение огромную светскую силу, но и значительно увеличили вес их духовного оружия. Эти добродетели обеспечивали им высочайшее уважение и почитание среди всех низших слоев населения, многие из которых постоянно и почти все время от времени питались ими".*Богатство народов*, книга V. глава i, стр. 336.

[689] "*Жизнь Юма*" Бертон, том i, стр. 354.

[690] Смотрите ценную книгу мистера Бертон "*Жизнь Юма*", Эдинбург, 1846, том i. стр. 58, 267, том ii. стр. 14, 134.

[691] Что подтверждает мою точку зрения, так это тот факт, что чем старше становился Юм и чем больше он читал по истории, тем больше он проникался этими ошибками; чего не было бы, если бы ошибки, как говорят многие из его критиков, были результатом недостаточного знакомства с доказательствами. М-р Бертон, сравнивая различные издания своей *Истории Англии*, показал, что он постепенно стал менее благосклонно относиться к народной свободе; смягчая или стирая в более поздних изданиях те выражения, которые казались благоприятными для свободы. "*Жизнь Юма*" Бертон, том ii. стр. 74-77. См. также стр. 144, 434. В *своей собственной жизни*, стр. xi (в первом томе *Сочинений Юма*, 1826), он говорит: 'В сотне изменений, которые мне пришлось внести при дальнейшем изучении, чтении или размышлении в период правления двух первых Стюартов, я неизменно делал их на стороне тори'. В одном из своих эссе он замечает (*Философские труды*, том iv, стр. 172), что "среди философов нет энтузиазма"; замечание совершенно верное, насколько это касалось его, но очень несправедливое по отношению к классу людей, к которым оно относится.

[692] Браун в своем великом труде — одном из величайших, созданных в этом столетии, — откровенно признается, что его собственная книга 'в основном отражает свет, который он (Юм) 'дал'. *Исследование Брауна о связи причины и следствия*, Лондон, 1835, стр. 253. См. также стр. vii.

[693] В то время как политики его времени презирали его взгляды, политики нашего времени, похоже, склонны переоценивать их. Лорд Броэм, например, в своей книге "Жизнь Юма" говорит о своей политической экономии: 'Мистер Юм, вне всякого сомнения, является автором современных доктрин, которые сейчас правят миром науки.' *Сочинения Броэма*, Глазго, 1856, том ii. стр. 176. Но это далеко не так, наука политической экономии со времен Юма получила такие дополнения, что, если бы этот прославленный философ воскрес из мертвых, он вряд ли смог бы ее распознать. Ему были совершенно неизвестны многие из ее крупнейших и фундаментальнейших принципов. Юм ничего не знал о причинах, управляющих накоплением богатства и заставляющих это накопление происходить с разной скоростью в разных состояниях общества; плодотворное и важное исследование, которым почти полностью пренебрегали, пока за него не взялся Рей. Юм также ничего не знал ни о законе соотношения между численностью населения и заработной платой, ни о соотношении между заработной платой и прибылью. Он даже предполагает (*Философские труды*, том iii, стр. 299, Эдинбург, 1826), что трудящиеся классы могут путем объединения усилий "повысить свою заработную плату"; и снова (стр. 319), что чем богаче нация и чем больше у нее торговли, тем легче бедной стране будет недооценивать свои изделия, потому что бедная нация пользуется преимуществом "низкой цены труда". В другом месте он утверждает, что монета может быть обесценена без повышения цен, и что страна, облагая налогом иностранный товар, может снизить цену на него. , могло бы увеличить собственное население. "Если бы, например, все наши деньги были обращены обратно и из каждого шиллинга было изъято серебра на пенни, то на новый шиллинг, вероятно, было бы куплено все, что можно было купить на старый; цены на все, таким образом, незаметно снизились бы; внешняя торговля оживилась; а отечественная промышленность благодаря обращению большого количества фунтов и шиллингов получила бы некоторый рост и поощрение'. *Философские труды*, том iii. стр. 324. 'Налог на немецкий лен поощряет отечественную мануфактуру и тем самым умножает наш народ и промышленность'. стр. 365. Это кардинальные ошибки, которые уходят в самый корень политической экономии; и когда мы справедливо оценим то, что было сделано Мальтусом и Рикардо, станет очевидно, что доктрины Юма не 'правят миром науки'. Это не принижает Юма, который, напротив, добился замечательных результатов, учитывая тогдашний уровень знаний. Ошибка заключается в том, что мы воображаем, что такая быстро развивающаяся наука, как политическая экономия, может руководствоваться доктринами, выдвинутыми более века назад.

[694] "Каждая вещь в мире приобретает трудом, и наши страсти - единственные причины труда". *Эссе I. о коммерции, в философских трудах Юма*, том iii. стр. 294. Следовательно, он увидел ошибочность утверждения французских экономистов, "что все налоги в конечном счете падают на землю". стр. 388.

[695] "Деньги, собственно говоря, не являются одним из предметов торговли, а лишь инструментом, о котором люди договорились для облегчения обмена одного товара на другой". *Эссе о деньгах в философских трудах*, том iii. стр. 317. "Действительно, очевидно, что деньги - это не что иное, как представление труда и товаров, и они служат только как метод их классификации". стр. 321.

[696] См. Эссе V. о торговом балансе, в *Философских трудах Юма*, том iii. стр. 348-367.

[697] *Философские труды Юма*, том iii. стр. 333-335. Даже сейчас знание этой истины так мало распространено, что недавно, когда Австралия и Калифорния начали добывать огромное количество золота, было широко распространено мнение, что денежный интерес вследствие этого упадет; хотя ничто не может быть более определенным, чем то, что если бы золота стало так же много, как железа, денежный интерес не пострадал бы. Весь эффект будет зависеть от цены. Замечания по этому поводу в книге Ричи *"Жизнь Юма"*, Лондон, 1807, стр. 332, 333, интересны, поскольку иллюстрируют медленный прогресс мнений и трудности, с которыми сталкиваются умы, не прошедшие специальной подготовки, когда они пытаются исследовать эти предметы.

[698] 'Среди государств, добившихся определенного прогресса в торговле, нет ничего более обычного, чем смотреть на прогресс своих соседей с подозрением, рассматривать все торговые государства как своих соперников и предполагать, что ни одно из них не может процветать иначе, как за их счет. В противовес этому узкому и злобному мнению я осмелюсь утверждать, что увеличение богатства и торговли в какой-либо одной нации, вместо того чтобы наносить ущерб, обычно способствует богатству и торговле всех ее соседей.' ... 'Я иду дальше и замечаю, что там, где между нациями сохраняется открытое сообщение, невозможно, чтобы домашняя промышленность каждой из них не получала увеличения за счет улучшений других'. Эссе о ревности к торговле, в *Философских трудах Юма*, том iii. стр. 368, 369.

[699] Это письмо, на которое я ссылался в своем первом томе, стр. 229, было опубликовано, по моему, впервые, в 1846 году в книге Бертона *"Жизнь и переписка Юма"*, том ii, стр. 486. Однако очень трудно определить, каково на самом деле было мнение Адама Смита по этому вопросу и насколько он был осведомлен о том, что арендная плата не входит в цену. В одном отрывке из *"Богатства народов"* (книга i, глава vi, стр. 21) он говорит о заработной плате, прибыли и ренте: "в каждом обществе цена каждого товара в конечном итоге сводится к той или иной или ко всем этим трем частям; и в каждом усовершенствованном обществе все три в большей или меньшей степени входят в качестве составных частей в цену гораздо большей части товаров". Но в книге i, глава xi, стр. 61 он говорит: 'Высокая или низкая заработная плата и прибыль являются причинами высокой или низкой цены; высокая или низкая рента является ее следствием'. Это последнее мнение, как мы теперь знаем, является истинным; однако оно несовместимо с тем, что выражено в первом отрывке. Ибо, если рента является следствием цены, она не может быть ее составной частью.

[700] Следовательно, когда появилось *"Богатство наций"*, один из наших мудрецов серьезно сказал, что "от доктора Смита, который никогда не занимался торговлей, нельзя ожидать, что он хорошо напишет на эту тему, не больше, чем от юриста по медицине". См. *"Жизнь Джонсона" Босуэлла*, редактировать. Крокер, 1848, стр. 478, где это замечание приписывается сэру Джону Принглу.

[701] 'В 1734 году его отправили в торговый дом в Бристол; но он счел тяжелую работу невыносимой и удалился в Реймс'. *"Жизнь Хьюма" Броэма*, Глазго, 1856, стр. 169. См. также *"Жизнь Хьюма" Ричи*, стр. 6. В *"Воспоминаниях Ханны Мор"* Робертса, 2-е изд. 1834 г., т. i, стр. 16, говорится, что 'два года его жизни прошли в торговой конторе в Бристол, откуда он был уволен из-за проворства его пера в исправлении писем, которые ему доверили копировать'. Последняя часть этой истории невероятна; первая часть, безусловно, неверна; поскольку сам Юм говорит:

"В 1734 году я отправился в Бристоль с некоторыми рекомендациями выдающимся торговцам, но через несколько месяцев обнаружил, что эта сцена мне совершенно не подходит. Я поехал во Францию, намереваясь продолжить учебу в загородном доме". *Собственная жизнь*, стр. v.

[702] То, что говорит о нем сэр Джеймс Макинтош, является лишь слабым отголоском общего мнения его современников. Нрав у него был спокойный, если не сказать холодный; но хотя ни одно из его чувств не было пылким, все были на стороне добродетели. В нем не было ни малейшего налета злобности или подлости; его поведение было неизменно безупречным.' *Мемуары Макинтоша*, том ii. стр. 162. Человек более великий, чем Макинтош, и близко знавший Хьюма, выражает себя в гораздо более теплых выражениях. 'В целом, — пишет Адам Смит, - в целом я всегда считал его, как при жизни, так и после смерти, настолько близким к представлению о совершенно мудром и добродетельном человеке, насколько, возможно, позволяет природа человеческой слабости'. *Философские работы Юма*, том i, стр. xxv. Некоторые упоминания о Юме можно найти в только что опубликованной интересной работе. *Автобиография Александра Карлайла*, Эдинбург, 1860, стр. 272-278. Но Карлайл, хотя и был человеком значительных практических навыков, был неспособен к широким взглядам и, следовательно, был неспособен, я бы не сказал, измерить, но даже представить себе масштабы такого понимания, каким обладал Дэвид Юм. Решающий пример отсутствия у него спекулятивной силы можно найти в его замечаниях об Адаме Смите. Он серьезно говорит (*Автобиография*, стр. 281): "Прекрасное письмо Смита в основном представлено в его книге о *моральных чувствах*, которая является самой приятной и красноречивой книгой на эту тему. Его *"Богатстве народов"*, по которому его считали гениальным изобретателем первого порядка, утомителен и полон повторений. Его отдельные эссе во втором томе выглядят как случайные памфлеты, без особой силы или решимости. По политическим вопросам его мнения были не очень здравыми.' Это уже чересчур, когда деревенский проповедник пишет в таком тоне о величайшем человеке, которого когда-либо создавала его страна.

[703] Он говорит о нем в следующих необычных выражениях. 'Если мы примем во внимание разнообразие талантов, проявленных этим человеком: оратора, делового человека, остроумца, придворного, компаньона, писателя, философа, - то он по праву является объектом большого восхищения. Если мы рассматриваем его просто как писателя и философа, то в том свете, в котором мы видим его сейчас, хотя он и очень уважаем, *он все же уступал своему современнику Галилею, возможно, даже Кеплеру.* ' ... 'Национальный дух, который преобладает среди англичан и который составляет их великое счастье, является причиной того, что они воздают всем своим выдающимся писателям, и Бэкону среди прочих, такие похвалы и приветствия, которые часто могут показаться пристрастными и чрезмерными'. *История Англии Юма*, том vi. стр. 194, 195, Лондон, 1789.

[704] Смотрите примечание в томе i, стр. 250 *"Истории цивилизации" Бакла*.

[705] Так, например, в своем замечательном *Эссе о торговом балансе* он говорит (*Философские труды*, том iii, стр. 349): "Каждый человек, который когда-либо рассуждал на эту тему, всегда доказывал свою теорию, какой бы она ни была, фактами и расчетами, перечислением всех товаров, отправленных во все иностранные королевства"; следовательно (стр. 350), "Возможно, здесь уместно привести общий аргумент, доказывающий невозможность этого события, пока мы сохраняем наш народ и нашу промышленность".

[706] "Я не очень верю в политическую арифметику". *Богатство наций*, книга iv. глава v. стр. 218.

[707] Действительно, единственное возможное возражение против них заключается в том, что язык их сборщиков иногда неоднозначен; так что под одним и тем же результатом один статистик может подразумевать одно, а другой статистик может подразумевать нечто совершенно иное. Это хорошо проиллюстрировано в медицинской статистике; отсюда несколько авторов, не знакомых с философией научного доказательства, предположили, что медицина неспособна к математической обработке. На самом деле, однако, единственным реальным препятствием является постыдное состояние клинической и патологической терминологии, которая находится в таком беспорядке, что ставит под сомнение все обширные числовые утверждения, касающиеся болезней.

[708] По возвращении в Англию осенью 1766 года он переехал жить к матери в свой родной город Киркалди и оставался там десять лет. Все попытки его друзей в Эдинбурге заманить его туда были тщетны; и из доброго и оживленного письма мистера Хьюма по этому поводу, в котором он жаловался, что, хотя и находится в пределах видимости на противоположном берегу Фрит-оф-Форт, он не может с ним поговорить, выясняется, что никто не знал о занятиях, в которых прошли те годы.' *"Жизнь Адама Смита"* Брозема, стр. 189. Однако иногда он виделся со своими друзьями-литераторами. См. *Биографические мемуары Дугалда Стюарта*, стр. 73, Эдинбург, 1811, 4-е издание.

[709] 'Он определенно не был приспособлен к мирской коммерции или к занятиям активной жизнью. Всесторонние размышления, которыми он был занят с юности, и разнообразие материалов, которые его собственное изобретение постоянно снабжало его мыслями, сделали его привычно невнимательным к знакомым предметам и обычным явлениям; и он часто демонстрировал примеры отсутствия, которые едва ли превзошли фантазию Лабрюйера.' *Биографические мемуары Стюарта*, стр. 113. См. также *Воспоминания Рамзи*, 5-е издание. Edinb. 1859, стр. 236. Карлайл, который хорошо знал его, говорит: 'Он был самым рассеянным человеком в компании, которого я когда-либо видел, шевелил губами, разговаривал сам с собой и улыбался посреди больших компаний'. *Автобиография преподобного Александра Карлайла*, 2-е издание. Эдинб. 1860, стр. 279.

[710] Шотландский философ с большой репутацией, но, как мне кажется, способностями, не вполне соответствующими его репутации, очень ясно и точно изложил этот излюбленный метод своих соотечественников. "При изучении истории человечества, а также при изучении явлений материального мира, когда мы не можем проследить процесс, посредством которого то или иное событие *было* произведено, часто важно иметь возможность показать, как оно *могло быть* вызвано естественными причинами'. ... "Этому виду философских исследований, у которого нет подходящего названия в нашем языке, я возьму на себя смелость дать название *"Теоретическая или гипотетическая история"*; выражение, которое почти совпадает по своему значению с выражением *"Естественная история"*, употребляемым м-ром Юмом, и с тем, что некоторые французские писатели называли *"Историей разума"*". *Биографические мемуары Дугалда Стюарта*, стр. 48, 49. Следовательно (стр. 53), "в большинстве случаев более важно констатировать прогресс, который является наиболее простым, чем прогресс, который наиболее соответствует фактам; ибо, каким бы парадоксальным ни казалось утверждение, безусловно верно, что *реальный прогресс не всегда самый естественный*. Это могло быть

обусловлено конкретными случайностями, которые вряд ли повторятся снова и которые нельзя рассматривать как составляющую какую-либо часть того общего положения, которое природа предусмотрела для улучшения расы".

[711] Часть этой точки зрения хорошо выражена в *"Трактате Юма о природе человека"*, книга iii. часть ii. "Это, однако, не препятствует тому, что философы могут, если им заблагорассудится, распространить свои рассуждения на предполагаемое *состояние природы*; при условии, что они допускают, что это всего лишь философская фикция, которая никогда не имела и никогда не могла иметь никакой реальности'. ... 'Морали может быть предоставлена та же свобода, что и натурфилософам; и для последних очень обычно рассматривать любое движение как составное и состоящее из двух частей, отдельных друг от друга, хотя, в то же время, они признают, что оно само по себе несложно и неразделимо'. *Философские труды*, том ii. стр. 263.

[712] И, наоборот, что бы ни было 'демонстративно ложным", "никогда не могло быть отчетливо понято разумом". *Философские труды*, том iv. стр. 33. Здесь, а иногда и в других отрывках, Юм, хотя ни в коем случае не картезианец, напоминает нам Декарта.

[713] "Итак, вот единственное средство, с помощью которого мы можем надеяться на успех в наших философских исследованиях, *оставить утомительный, затяжной метод*, которому мы до сих пор следовали, и вместо того, чтобы время от времени брать замок или деревню на границе, направиться прямо в столицу или центр этих наук, к самой человеческой природе; которая, будучи когда-то хозяевами, мы можем повсюду надеяться на легкую победу. С этой позиции мы можем распространить наши завоевания на все те науки, которые более непосредственно касаются человеческой жизни, а затем, на досуге, приступить к более полному изучению тех, которые являются объектами чистого любопытства'. *Философские работы Юма*, том i, стр. 8. Смотрите также в томе ii, стр. 73, 74, его замечания о способе "рассматривать вопрос *априори*."

[714] 'Никакие рассуждения не могут породить новую идею, подобной идее власти; но где бы мы ни рассуждали, мы должны заранее обладать ясными идеями, которые могут быть объектами наших рассуждений'. *Философские труды Юма*, том i, стр. 217. Сравните том ii, стр. 276, о том, как мы приходим к знанию причин 'с помощью своего рода вкуса или фантазии'. Следовательно, большая точка зрения предшествует меньшей и, будучи по существу независимой от нее, будет постоянно противоречить ей; и он жалуется, например, на то, что "трудности, которые кажутся непреодолимыми в теории, легко преодолеваются на практике". т. ii. с. 357; и снова, в т. iii. с. 326, на усилия, необходимые для 'согласования разума с опытом'. Но, в конце концов, его метод можно понять скорее при тщательном изучении его работ, чем при цитировании отдельных отрывков. Однако в двух только что процитированных предложениях читатель увидит, что теория и разум отражают более широкий взгляд, в то время как практика и опыт представляют меньший.

[715] "Это, безусловно, своего рода оскорбление философии, суверенный авторитет которой следует признавать повсюду, обязывать ее при каждом удобном случае приносить извинения за свои выводы и оправдываться перед каждым конкретным искусством и наукой, которые могут быть оскорблены ею. Это наводит на мысль о короле, обвиняемом в государственной измене своим подданным.' *Философские труды Юма*, том i. стр. 318, 319.

[716] 'Дикое, нуждающееся животное (такое, каким является человек, стоящий у истоков общества), обуреваемое такими многочисленными потребностями и страстями, не имеет времени восхищаться правильным ликом природы или расспрашивать о причинах возникновения тех объектов, к которым оно постепенно привыкло с младенчества. Напротив, чем более правильной и однородной, то есть более совершенной, кажется природа, тем больше человек знаком с ней и тем менее склонен тщательно изучать ее. Чудовищное рождение возбуждает его любопытство и считается чудом. Оно пугает его своей новизной и немедленно вызывает у него трепет, готовность к самопожертвованию и молитву. Но животное, цельное во всех своих конечностях и органах, является для него обычным зрелищем и не вызывает никаких религиозных убеждений или привязанностей. Спросите его, откуда появилось это животное? Он скажет вам, от совокупления его родителей. А эти откуда? От их совокупления. Несколько удалений удовлетворяют его любопытство и отодвигают предметы на такое расстояние, что он полностью теряет их из виду. Не воображайте, что он даже начнет задаваться вопросом, откуда появилось первое животное, не говоря уже о том, откуда возникла вся система или единая ткань Вселенной. Или, если вы зададите ему такой вопрос, не ожидайте, что он будет занимать свой ум каким-либо беспокойством по поводу предмета, столь отдаленного, столь неинтересного и который настолько выходит за пределы его возможностей.' *Естественная история религии, в философских трудах Юма*, том iv. стр. 439. См. также стр. 463-465.

[717] 'Постепенно активное воображение людей, испытывающее затруднения в этой абстрактной концепции объектов, относительно которых оно постоянно используется, начинает делать их более конкретными и облекать в формы, более подходящие для его естественного понимания. Это представляет их разумными существами, подобными человечеству; движимыми любовью и ненавистью, гибкими благодаря подаркам и мольбам, молитвам и жертвоприношениям. Отсюда происхождение религии. И отсюда происхождение идолопоклонства, или политеизма'. *Философские сочинения Юма*, том iv. стр. 472. "Основная религия человечества возникла главным образом из тревожного страха перед будущими событиями", стр. 498.

[718] 'Кажется несомненным, что, согласно естественному прогрессу человеческой мысли, невежественная толпа должна сначала принять какое-то пресмыкающееся и знакомое представление о высших силах, прежде чем они распространят свое представление на то совершенное Существо, которое даровало порядок всему строю природы. Мы можем с таким же основанием предположить, что люди населяли дворцы раньше, чем хижины и коттеджи, или изучали геометрию раньше, чем сельское хозяйство, как и утверждать, что Божество представлялось им чистым духом, всеведущим, всемогущим и вездесущим, прежде чем его стали воспринимать как могущественное, хотя и ограниченное существо, с человеческими страстями и аппетитами, конечностями и органами. Ум постепенно поднимается от низшего к высшему. Абстрагируясь от несовершенного, оно формирует представление о совершенстве; и постепенно, отделяя более благородные части своего собственного тела от более грубых, оно учится преобразовывать только первые, гораздо более возвышенные и утонченные, в свою божественность. Ничто не могло нарушить этот естественный ход мысли, кроме какого-нибудь очевидного и неопровержимого аргумента, который мог бы немедленно привести разум к чистым принципам теизма и заставить его одним прыжком преодолеть огромный промежуток, лежащий между человеческой и Божественной природой. Но хотя я допускаю, что порядок и структура Вселенной, при точном

рассмотрении, дают такой аргумент, все же я *никогда не мог подумать*, что это соображение могло оказать влияние на человечество, когда оно формировало свои первые грубые представления о религии.' *Естественная история религии, в философских трудах*, том iv. стр. 438.

[719] Не то чтобы он был отнюдь не лишен гениальности, хотя он занимает положение намного ниже такого великого и оригинального мыслителя, как Юм. Однако он собрал больше материалов, чем был в состоянии использовать; и его работа об *интеллектуальной системе Вселенной*, которая является сокровищем древней философии, плохо организована и во многих частях слабо аргументирована. В его посмертном трактате *овечной и неизменной морали* больше *реальной силы*.

[720] "Когда-то я так твердо верил в это учение об идеях, что вследствие него охватил всю систему Беркли; пока, обнаружив другие следствия, которые вызывали у меня больше беспокойства, чем отсутствие материального мира, более 40 лет назад мне не пришло в голову поставить вопрос: какие у меня есть доказательства в пользу этого учения о том, что все объекты теории мои знания - это идеи в моем собственном уме? С того времени и по настоящее время я искренне и беспристрастно, как мне кажется, искал доказательства этого принципа, но не смог найти ни одного, за исключением авторитета философов.' *"Очерки Рейда о силах человеческого разума"*, редактировать. Эдинбург, 1808, т. i. стр. 172. И в письме, которое он написал Юму в 1763 году, он с простой откровенностью, которая, должно быть, очень позабавила этого выдающегося философа, признается, что "ваша система представляется мне не только последовательной во всех своих частях, но также справедливо выведенной из принципов, общепринятых среди философов; принципов, которые я никогда не думал подвергать сомнению, пока выводы, которые вы делаете из них в "Трактате о природе человека", не заставили меня заподозрить их". *Жизнь и переписка Юма Бертона*, т. ii. стр. 155.

[721] 'Предположим, что человека нашли мертвым на шоссе с проломленным черепом, смертельными ранами на теле, унесли часы и деньги. Присяжные коронера осматривают тело, и ставится вопрос, что стало причиной смерти этого человека, был ли это несчастный случай, или *преступление*, или убийство неизвестными лицами? Предположим, что одним из присяжных является адепт философии мистера Хьюма и что он настаивает на предыдущем вопросе: была ли какая-либо причина у этого события или оно произошло без причины.' *Очерки Рейда о силах разума*, том ii. стр. 286. Сравните том iii, стр. 33: "Это положило бы конец всем спекуляциям, а также всем жизненным делам".

[722] "Выполнение контрактов и обещаний является делом настолько священным и имеет такие последствия для человеческого общества, что спекуляции, которые имеют *тенденцию ослаблять это обязательство* и искажать представления людей о предмете, столь простом и важном, должны *встречать неодобрение всех честных людей*". Некоторые подобные рассуждения, я думаю, мы встречаем в третьем томе "Трактата о природе человека" м-ра Хьюма и в его "Исследовании принципов морали"; и моя цель в этой главе состоит в том, чтобы предложить некоторые наблюдения о природе контракта или обещания и о двух отрывках этого автора по этому предмету. Я далек от того, чтобы говорить или думать, что мистер Хьюм хотел ослабить обязательства людей перед честностью и добросовестными сделками, или что он сам не имел представления об этих обязательствах. Я обвиняю не этого человека, а его труды. Давайте отнесемся к первому настолько снисходительно, насколько сможем, в то время как мы

свободно исследуем значениеи *тенденцию* последнего". *"Очерки о силах разума" Рейда*, том iii. стр. 444. В этом, как и в большинстве отрывков, курсив мой собственный.

[723] 'Не повторяя того, что я ранее говорил о причинах в первом из этих эссе, а также во второй и третьей главах этого, я здесь упомяну некоторые следствия, которые могут быть справедливо выведены из этого определения причины, чтобы мы могли судить о нем по его плодам'. *Очерки Риды*, том iii. стр. 339.

[724] 'Епископ Беркли, конечно, не учел должным образом, что именно посредством материального мира мы имеем какую-либо переписку с мыслящими существами или какое-либо знание об их существовании, и что, лишив нас материального мира, он одновременно лишил нас семьи, друзей, страны и каждого человеческого существа; каждого объекта привязанности, уважения или заботы, кроме нас самих. Добрый епископ, конечно же, никогда не имел этого в виду. Он был слишком теплым другом, слишком ревностным патриотом и слишком хорошим христианином, чтобы быть способным на подобную мысль. *Он не осознавал последствий своей системы*' (бедный, невежественный Беркли), 'и поэтому их не следует вменять ему; но мы должны вменить их самой системе. Это подавляет все благородные и социальные принципы.' *Эссе Риды*, том ii. стр. 251, 252.

[725] В своих *Эссе*, т. i, стр. 179, он говорит о Беркли, одном из самых глубоких и неопровержимых из всех спекулянтов: "Но есть одно *неприятное последствие* его системы, на которое он, кажется, не обратил внимания, и от которого будет трудно, если вообще возможно, уберечься.

[726] 'Эта доктрина бесчестит нашего Создателя и закладывает основу для всеобщего скептицизма. Это предполагает, что Автор нашего бытия наделил нас одной способностью намеренно, чтобы обмануть нас, и другой, с помощью которой мы можем обнаружить ошибочность и обнаружить, что он навязал ее нам.' ... 'Подлинный диктат наших природных способностей - это голос Бога, не меньший, чем то, что он открывает с небес; и сказать, что это ошибочно, значит вменить ложь Богу истины'. ... 'Должны ли мы вменять Всемогущему то, что мы не можем вменить человеку, не нанеся ему ужасного оскорбления? Поэтому рассматриваем это мнение как шокирующее для простодушного ума и, по своим последствиям, подрывающее всю религию, всю мораль и все знания", и с. *Эссе Рейда*, том iii. стр. 310. См. также том i, стр. 313.

[727] 'Его рассуждения показались мне справедливыми; следовательно, возникла необходимость поставить под сомнение принципы, на которых они были основаны, или признать заключение'. *Исследование человеческого разума Рейда*, стр. v. "Общепринятое учение об идеях - это принцип, из которого оно выводится и которое, действительно, кажется справедливым и естественным следствием". стр. 53. См. Также *Эссе Рейда*, т. i. стр. 199, 200, т. ii. стр. 211.

[728] 'Законы природы - это самые общие факты, которые мы можем обнаружить в процессах природы. Подобно другим фактам, к ним следует прийти не в результате удачной догадки, а справедливо вывести из наблюдения. Как и другие общие факты, их следует извлекать не из нескольких частных, а из обстоятельных, терпеливых и осторожных индукций.' *Исследование человеческого разума Рейдом*, стр. 262, 263.

[729] 'Такие открытия всегда делались путем терпеливого наблюдения, точных экспериментов или выводов, сделанных на основе строгих рассуждений на основе наблюдений и экспериментов; и такие открытия всегда имели тенденцию опровергать, но не подтверждать теории и гипотезы, которые изобрели гениальные люди'. *Эссе Риды*, том i, стр. 46.

[730] 'Это понятие причины у мистера Хьюма'. ... 'Но теория должна сводиться к факту, а не факт к теории'. *Очерки Риды*, том iii. стр. 276.

[731] 'Но все же, похоже, среди философов существует большая разница во мнениях относительно первых принципов. То, что один считает самоочевидным, другой пытается доказать с помощью аргументов, а третий вообще отрицает.' *Эссе Риды*, том ii. стр. 218. "Мистер Локк, по-видимому, считает, что от первых принципов очень мало пользы". стр. 219.

[732] "Все рассуждения должны исходить из первых принципов; и для первых принципов не может быть приведено никакой другой причины, кроме той, что в силу особенностей нашей природы мы вынуждены соглашаться с ними". *Запрос Риды*, стр. 140. 'Все рассуждения исходят из принципов'. ... 'Поэтому наиболее справедливо, что такие принципы пренебрегают проверкой разумом и смеются над всей артиллерией логика, когда она направлена против них'. стр. 372. 'Все знания, полученные путем рассуждений, должны основываться на первых принципах'. *Эссе Риды*, том ii. стр. 220. 'В каждой отрасли реального знания должны быть первые принципы, истинность которых познается интуитивно, без рассуждений, будь то вероятных или доказательных. Они не основаны на рассуждениях, но все рассуждения основаны на них". стр. 360.

[733] 'Ибо, когда любая система основана на первых принципах и регулярно выводится из них, у нас есть нить, ведущая нас через лабиринт'. *Очерки Риды*, том ii. стр. 225.

[734] "Я называю это "первыми принципами", потому что они *кажутся мне* интуитивными доказательствами, перед которыми *я не могу устоять*'. *Очерки Риды*, том iii. стр. 375.

[735] "Если какой-либо человек сочтет нужным отрицать, что эти вещи являются качествами или что они требуют какого-либо предмета, *я оставляю его наслаждаться своим мнением, как человека, который отрицает основные принципы и не достоин того, чтобы с ним рассуждали*". *Эссе Риды*, том i, стр. 38.

[736] "О строении вещей нельзя сказать ничего другого, кроме воли Того, Кто их создал". *Очерки Риды*, том i, стр. 115.

[737] *Эссе Риды*, том i. стр. 36, 37, 340, 343, том ii. стр. 245.

[738] *Эссе Риды*, том i. стр. 115, 116, 288-299, том ii. стр. 251.

[739] Или, как он выражается, 'наша вера в постоянство законов природы'. *Исследование Риды*, стр. 426-435; также его *Эссе*, т. i. с. 305, т. ii. с. 268.

[740] *Очерки Риды*, том ii. стр. 259.

[741] *Запрос Риды*, стр. 422; и его *Эссе*, том ii. стр. 266.

[742] “Другой первичный принцип заключается в том, ”Что естественные способности, с помощью которых мы отличаем истину от заблуждения, не являются ошибочными”. *Эссе Риды*, том ii. стр. 256.

[743] “Еще одним первым принципом, который я считаю, является то, что определенные черты лица, звуки голоса и жесты тела указывают на определенные мысли и расположение ума”. *Эссе Риды*, том ii. стр. 261. Сравните его *Запрос*, стр. 416.

[744] ‘Мы обратили внимание на несколько первоначальных принципов веры в ходе этого исследования; и когда будут исследованы другие способности ума, мы обнаружим больше, чего не было при исследовании пяти чувств’. *Расследование Риды*, стр. 471.

[745] ‘И если бы ни один философ не попытался определить и объяснить веру, некоторые парадоксы в философии, более невероятные, чем когда-либо, были вызваны самым жалким суеверием или самым неистовым энтузиазмом, никогда не увидели бы света’. *Запрос Риды*, стр. 45.

[746] *Эссе Риды*, т. i. стр. 329, 334, т. ii. стр. 247.

[747] *Эссе Риды*, том i. стр. 9, 71, 303, 304.

[748] *Эссе Риды*, том ii. стр. 60.

[749] ‘Я не вижу причин думать, что мы когда-либо сможем установить физическую причину, будь то инстинкт или сила привычки. И то, и другое, по-видимому, является частью нашей первоначальной конституции. Их цель и применение очевидны; но мы не можем определить их причину, кроме воли Того, Кто создал нас”. *Очерки Риды*, том iii. стр. 119.

[750] ‘Я не знаю идей или понятий, которые с большим основанием могли бы считаться простыми и оригинальными, чем идеи пространства и времени’. *Эссе Риды*, том i, стр. 354.

[751] ‘Я вовсе не утверждаю, что все упомянутые мной являются первыми принципами, исходя из которых мы можем рассуждать относительно условных истин. Такие подсчеты, даже сделанные после долгих размышлений, редко бывают совершенными.’ *Очерки Риды*, том ii. стр. 270.

[752] “Почему ощущения должны заставлять нас верить в настоящее существование вещи, память - в ее прошлое существование, а воображение - вообще не верить, *я верю, что ни один философ не может дать и тени разума*”, но такова природа этих операций. Все они просты и оригинальны, *аследовательно, необъяснимы* действиями разума.’ *Запрос Риды*, стр. 40. “Мы не можем *объяснить*, почему из всех частей тела только на сетчатке возникают изображения, создаваемые лучами света, вызывающие зрение; и *поэтому мы должны рассматривать это исключительно как закон нашей конституции*”. стр. 258.

[753] В недавней работе, имеющей выдающиеся заслуги, приводится пример свободной манеры, в которой он считал само собой разумеющимся, что определенные явления являются окончательными, чтобы вместо их анализа он мог рассуждать на их основе. Доктор Рид без колебаний относит произвольное управление нашими органами, то есть последовательность чувств и действий, подразумеваемых во всех волевых актах, к инстинктам. Способность поднести кусочек пищи ко рту, согласно ему, является инстинктивной или заранее

установленной связью желания и действия; иными словами, эмоциональное состояние голода в сочетании с видом куска хлеба связано, через примитивную связь психической конституции, с несколькими движениями руки и рта, задействованными в акте еды. *На это утверждение доктора Рида можно просто ответить, обратившись к фактам.* Неправда, что человеческие существа при рождении обладают каким-либо произвольным управлением своими конечностями. Двухмесячный младенец не может пользоваться руками, повинаясь своим желаниям. Младенец ничего не может ухватить, удержать, едва ли может зафиксировать на чем-либо свой взгляд.' ... "Если более совершенное владение нашими произвольными движениями, подразумеваемое в каждом искусстве, является приобретением, то же самое можно сказать и о менее совершенном владении этими движениями, которое развивается у ребенка в течение первого года жизни'. *Книга о чувствах и интеллекте*, Лондон, 1855, стр. 292, 293.

[754] Смотрите *Запрос Рида*, стр. 436, 446, а также другие части его работ: смотрите также отрывок из одного из его писем доктору Грегори в *Биографических мемуарах Стюарта*, стр. 432.

[755] 'Идея продолжения изучения человеческого разума по плану, аналогичному тому, который был столь успешно применен в физике последователями лорда Бэкона, если и не была впервые задумана доктором Ридом, то, по крайней мере, впервые была успешно реализована в его трудах'. *Биографические мемуары Стюарта*, стр. 419. "Влияние общих взглядов, изложенных в *"Новом Органоне"*, можно проследить почти на каждой странице его сочинений; и, действительно, обстоятельство, благодаря которому они так сильно и характерно отличаются друг от друга, заключается в том, что они демонстрируют первую систематическую попытку проиллюстрировать в изучении человеческой природы тот же план исследований, который привел Ньютона к свойствам света и закону всемирного тяготения'. стр. 421. Исходя из этого отрывка, можно рискнуть предположить, что Дугалд Стюарт понимал Бэкона не намного лучше, чем Аристотеля или Канта. Из двух последних наиболее глубоких мыслителей он, безусловно, знал мало или вообще ничего, кроме того, что почерпнул из вторых рук. Следовательно, он недооценивает их.

[756] Теория неуничтожимости силы была применена к закону всемирного тяготения профессором Фарадеем в его *Рассуждении о сохранении силы*, 1857 г.; эссе, полное мысли и силы, и которое должно быть тщательно изучено каждым, кто желает понять направление, которое сейчас принимают высшие спекуляции физической науки. Я процитирую только один отрывок из начала, чтобы дать читателю представление о его общем объеме, независимо от более специального вопроса о гравитации. "Прогресс строгой науки нового времени все больше и больше приводит к убеждению, что силу нельзя ни создать, ни уничтожить; и с каждым днем все более проявляется ценность знания этой истины в экспериментальных исследованиях". ... "Соглашаясь с теми, кто признает сохранение силы принципом физики, таким же масштабным и надежным, как принцип неразрушимости материи или неизменности гравитации, я думаю, что ни одна конкретная идея силы не имеет права на неограниченное или безоговорочное признание, которое не включает в себя согласие с ней".

[757] В качестве иллюстрации этой доктрины я не могу придумать ничего лучше, чем процитировать следующий отрывок из одной из самых наводящих на размышления и четко аргументированных книг, которые были написаны в этом столетии английским физиком:

"Взмахните рукой; движение, которое, по-видимому, прекратилось, поглощается воздухом, из воздуха стенами комнаты и т. Д., И, таким образом, прямыми и реагирующими волнами, постоянно измельчаемый, но никогда не уничтожаемый. Это правда, что в определенный момент мы теряем все средства обнаружения движения, начиная с его мельчайших деталей, которые не поддаются нашему самому тонкому восприятию, но мы можем бесконечно расширять нашу способность обнаруживать его соответствующим образом, ограничивая его направление или повышая деликатность нашего исследования. Таким образом, если двигать рукой в свободном воздухе, движение воздуха не будет ощутимо для человека, находящегося на расстоянии нескольких футов; но если поршень той же площади поверхности, что и рука, перемещать в трубке с той же скоростью, порыв воздуха можно отчетливо ощутить на расстоянии нескольких ярдов. Во втором случае абсолютное количество движения в воздухе не больше, чем в первом, но его направление ограничено, чтобы сделать средства обнаружения более легкими. Сохраняя это ограничение, как в пневматическом пистолете, мы получаем возможность обнаруживать движение и перемещать другие тела на гораздо большие расстояния. Порыв воздуха, который в духовом ружье выбрасывает пулю на четверть мили, если позволить ей вылететь без ограничения ее направления, как при разрыве мочевого пузыря, не был бы замечен на расстоянии ярда, хотя такое же абсолютное движение было бы произведено на окружающий воздух". *Соотношение физических сил Гроува*, Лондон, 1855, стр. 24, 25. В работе, которая сейчас выходит из печати и все еще не закончена, со значительной долей правдоподобия высказывается предположение, что Сохранение Силы было бы более точным выражением, чем Сохранение Энергии. См. "*Первые принципы*" мистера Герберта Спенсера, Лондон, 1861, стр. 251. Название этой книги дает неадекватное представление о важности тем, которым она посвящена, а также о широте и тонкости мышления, которые ее характеризуют. Хотя некоторые обобщения кажутся мне довольно преждевременными, ни один хорошо образованный и дисциплинированный интеллект не может рассматривать их без восхищения замечательными способностями, проявленными их автором.

[758] Он был назначен профессором в 1756 году; и 'именно во время своего пребывания в Глазго, между 1759 и 1763 годами, он довел до зрелости те размышления о сочетании тепла с материей, которые часто занимали часть его мыслей'. *История химии Томсона*, том i. стр. 319, 320.

[759] *Лекции Блэка по химии*, том i, стр. 116, 117; и в разных местах. Доктор Робисон, редактор этих лекций, говорит, стр. 513: 'Ничто не могло быть проще его доктрины скрытого тепла. Опыт, накопленный более чем за столетие, заставил нас рассматривать термометр как надежный и точный индикатор температуры и всех ее вариаций. Мы научились не доверять всем остальным. Тем не менее, при разжижении и испарении тел у нас были неопровержимые доказательства поступления тепла в тела. И мы могли бы с помощью подходящих процессов снова извлечь его из них. Доктор Блэк сказал, что это было скрыто в них, — *латентно*, — это было скрыто так же, как углекислота в мраморе или вода в цеолите, — это было скрыто, пока доктор Блэк не обнаружил это. Он назвал это скрытым теплом. Под этим термином он не имел в виду, что это был вид тепла, отличный от тепла, которое расширяет тела, а просто то, что оно было скрыто от нашего ощущения тепла и от термометра.' См. также стр. xxxvii.: "Философы издавна привыкли рассматривать термометр как самое верное средство для определения присутствия тепла или огня в телах, и они не доверяли всем другим".

[760] 'Текучесть является следствием определенного сочетания теплотворного вещества с веществом твердых тел' и т.д. *Лекции Блэка*, том i, стр. 133. Сравните стр. 192 и замечания в *Turner's Chemistry*, 1847, том i, стр. 31, о взглядах Блэка на 'химическое сочетание' тепла. Среди отсталых химиков мы все еще находим следы идеи о том, что тепло подчиняется химическим законам.

[761] "Он был настолько убежден в этом, что преподавал доктрину в своих лекциях в 1761 году, прежде чем провел ни одного эксперимента по этому предмету". ... "Необходимые эксперименты были впервые предприняты доктором Блэком в 1764 году". *История химии Томсона*, том i, стр. 324. Смотрите также стр. 319, 320; а об истории идеи, возникшей в голове Блэка еще в 1754 году, смотрите интересные выдержки из его записных книжек в приложении Робисона к *Лекциям Блэка*, том i, стр. 525, 526.

Заявление доктора Томсона относится к завершению, или последней стадии, открытия, а именно к парообразному сочетанию тепла. Но из письма, которое Блэк написал Уатту в 1780 году ("*Жизнь Уатта*" Мюрхеда, Лондон, 1859, стр. 303), выясняется, что Томсон даже преуменьшил значение вопроса, и что Блэк, вместо того чтобы впервые изложить свою теорию в 1761 году, изложил ее тремя годами ранее, то есть за *шесть* лет до проведения решающих экспериментов. "Я начал, - пишет Блэк, - излагать доктрину скрытого тепла в своих лекциях в Глазго зимой 1757-58 годов, которая, я полагаю, была первой зимой моего чтения там лекций; или, если я не читал ее той зимой, я определенно читал ее в 1758-59 годах; и с тех пор я читаю ее каждый год в своих зимних лекциях, которые я продолжал читать в Глазго до зимы 1766-67 годов, когда я начал читать лекции в Эдинбурге".

[762] И он четко заявляет, что даже в других вопросах, когда он проводил эксперименты, их целью было подтвердить теорию, а не предложить ее. Таким образом, приводя один из многих примеров, в своих *Лекциях*, т. i., стр. 354, он говорит о солях: "Когда мы проверяем достоверность этого рассуждения с помощью эксперимента, мы имеем удовольствие обнаружить, что факты в точности согласуются с теорией".

[763] Смотрите хорошее изложение этой идеи в *Лекциях Блэка по химии*, том i, стр. 118. Противопоставляя свою теорию тепла принятой ранее, он говорит: "Но если бы лед и снег растаяли так внезапно, как это неизбежно должно было произойти, если бы прежнее мнение о действии тепла при их таянии было хорошо обосновано, потоки и наводнения были бы несравненно более непреодолимыми и ужасными. Они разорвут и сметут все на своем пути, и это будет так внезапно, что человечеству будет очень трудно спастись от их опустошительного воздействия".

[764] 'Доктор Блэк быстро осознал огромную важность этого открытия; и ему доставило удовольствие показать своим студентам обширное и благотворное влияние тепла на экономику природы. Он заставил их заметить, что таким образом в течение летнего сезона накапливался огромный запас тепла, который, постепенно выделяясь во время застывания из воды, покрывающей поверхность земли, служит смягчением смертельного зимнего холода. Если бы не это количество тепла, составляющее 145 градусов, которое выделяется из каждой частицы воды при замерзании и которое рассеивается по атмосфере, солнце не успело бы продвинуться на несколько градусов южнее экватора, как мы ощутили бы все ужасы зимы'. *Предисловие Робисона к лекциям Блэка*, том i, стр. xxxviii.

[765] Поскольку я пишу отчет о взглядах Блэка, а не критикую их, я приведу их без комментариев, его собственными словами и словами одного из его учеников. 'Здесь мы также можем проследить еще одну великолепную цепочку изменений, которые прекрасно соответствуют потребностям жителей этого земного шара. В экваториальных регионах разрушительному накоплению удушающего солнечного тепла препятствует обильное испарение. Вода, запасенная теплом испарения, таким образом, поднимается в атмосферу до тех пор, пока самый разреженный пар не достигнет очень холодных областей воздуха, где небольшая его часть немедленно образует ворсистое облако. Это также дополнительно смягчает палящий зной за счет своей непрозрачности, обеспечивая приемлемую функциональность экрана. Оттуда облака уносятся во внутренние страны, образуя источники в горах, которые должны питать бесчисленные ручьи, орошающие поля. И благодаря постоянному действию причин, которые относительно однородны, большая часть паров переходит в приполярные области, где опускается с дождями и росой; и при этом благотворном превращении в дождь из-за холода этих регионов каждая частица пара отдает 700 или 800 градусов тепла, которые были скрыты в ней. Они немедленно рассеиваются и смягчают суровость этих менее комфортных климатических условий.' ... 'Я убежден, что тепло, поглощаемое при самопроизвольном испарении, в значительной степени способствует тому, что животные могут переносить жару тропического климата, где термометр часто продолжает показывать температуру человеческого тела. Такая жара, действительно, едва переносима и ослабляет животное, делая его ленивым и беззаботным, принимающим самые расслабленные позы и избегающим любого напряжения тела или ума. Жителей заставляют пить большими глотками разбавляющие напитки, которые наиболее обильно проникают через их поры, унося с собой значительную часть этой докучливой и изнуряющей жары. В самом теле существует постоянная лаборатория, или производство тепла, и, если бы окружающий воздух был такой температуры, чтобы не уносить его, оно вскоре накопилось бы так, что уничтожило бы жизнь. Избыточное потоотделение, вызванное слабыми сквозняками, выполняет ту же функцию, что и холодный воздух за пределами тропиков, защищая нас от этого фатального накопления.' *Лекции Блэка*, том i, стр. xlv. 214.

[766] Смотрите его решительный протест против представления о том, что тепло когда-либо уничтожается, в его *Лекциях*, т. i. стр. 125, 126, 164, 165.

[767] Они были опубликованы после его смерти из таких скудных материалов, что их редактор, доктор Робисон, говорит (*Предисловие к лекциям Блэка*, том i. р. х.): "Когда я затем серьезно взялся за эту задачу, я обнаружил, что заметки были (за исключением, возможно, партитуры лекций) в том же несовершенном состоянии, в каком они были с самого начала, состоящие исключительно из отдельных листов бумаги, in octavo, полных подчисток, переплетений и изменений всякого рода; так что во многих местах это было не так. совершенно уверен, какую из нескольких нот следовало выбрать.

[768] "С другой стороны, если бы теплу, которое в настоящее время поддерживает и оживляет этот земной шар, было позволено увеличиться сверх предписанных ему в настоящее время пределов; помимо уничтожения всей животной и растительной жизни, что было бы непосредственным и неизбежным следствием, вода потеряла бы свою нынешнюю форму и приняла бы форму упругого пара, подобного воздуху; твердые части земного шара были бы расплавлены". и смешались бы вместе или смешались с воздухом и водой в виде дыма и

испарений; и природа вернулась бы к первоначальному хаосу.' *Лекции блэка*, том i. стр. 246, 247.

[769] Мистер Нейпир в своих *Воспоминаниях о Лесли*, стр. 16, 17 (с префиксом к *"Трактатам Лесли по философии"*, 1838) говорит, что он "написал основную часть своей знаменитой работы о теплоте в 1801 и 1802 годах"; но что в 1793 году он выдвинул "некоторые из ее теоретических положений, а также как зародыши его открытий." Однако из его собственного заявления явствует, что он проводил эксперименты с теплом, во всяком случае, еще в 1791 году. См. *"Экспериментальное исследование природы и распространения тепла"* Лесли, Лондон, 1804, стр. 409.

[770] Примеры некоторых из его наиболее неоправданных спекуляций см. в *"Трактатах Лесли по философии"*, стр. 38, 43.

[771] Хотя он явно проводит различие между ними. "Почти излишне отмечать, что термин "тепло" имеет двусмысленное значение, обозначая либо определенное ощущение, либо внешнюю причину, которая его возбуждает". *Лесли о теплоте*, стр. 137.

[772] 'Тепло - это эластичная жидкость, чрезвычайно тонкая и активная'. *Лесли о теплоте*, стр. 150. На стр. 31 'теплотворные и охлаждающие жидкости'. См. также стр. 143, 144; и попытку измерить его эластичность на стр. 177, 178.

[773] "Тепло - это всего лишь свет в состоянии соединения". *Лесли о теплоте*, стр. 162. 'Тепло в состоянии излучения составляет свет'. стр. 174. 'Следовательно, это одна и та же тонкая материя, которая в зависимости от различных способов своего существования образует либо тепло, либо свет. Излучаемый с быстрой быстротой, он образует свет; в состоянии соединения с телами он действует как тепло'. стр. 188. См. также стр. 403, "различные состояния одного и того же идентичного вещества".

[774] В 1814 году, то есть через десять лет после публикации его великого труда и примерно через двадцать лет после его начала, он пишет из Парижа: "Моя книга о теплоте более известна "здесь", чем в Англии. Мне даже напомнили о некоторых отрывках в нем, которые в Англии сочли причудливыми, но которые были подтверждены недавними открытиями о полярности света.' *Мемуары Нейпира о Лесли*, стр. 28, приставка к *Философским трактатам Лесли*, правка. Эдинб. 1838. Лесли умер в 1832 году (стр. 40); а решающие эксперименты Форбса и Меллони были проведены между 1834 и 1836 годами.

[775] 'Самый простой способ понимания предмета - рассматривать тепло, которое пронизывает все тела и соединяется с ними в различных пропорциях, просто как тонкий флюид света в состоянии сочетания. Будучи насильственно высвобожденным или внезапно извлеченным из какой-либо субстанции, он снова обретает свое сияющее великолепие.' ... 'Та же идея была воспринята поэтами и придает возвышенность их лучшим одам'. ... 'Следовательно, те поэтические образы, которые дошли до наших дней, были основаны на пристальном наблюдении за природой. Современная философия не должна брезговать их принятием, ей остается только расширить и свести к точности исходные концепции.' *Философские трактаты Лесли*, стр. 308, 309. И снова, на стр. 416: 'Это не первый случай, когда нам приходится восхищаться, сквозь завесу поэтических образов, проницательностью тех ранних мудрецов. Было бы слабостью ожидать хороших выводов в зачаточном состоянии науки; но это

высокомерная самонадеянность - с презрением относиться ко всем усилиям гения без посторонней помощи".

[776] 'Мы должны помнить, что во всех своих произведениях Природа демонстрирует цепь постоянных градаций, и что систематические разделения и ограничения полностью искусственны и предназначены лишь для того, чтобы помочь памяти и облегчить наши представления'. *Лесли в "Жаре"*, стр. 506.

[777] "Все силы в корне одинаковы, и разделение их на *живые* и *мертвые* основано не только на принципах'. *Лесли в "Жаре"*, стр. 133. Сравните с. 299: "Мы, возможно, обнаружим, что этот предрассудок, как и многие другие, имеет некоторое подобие истины; и что даже мертвые или неорганические вещества должны в своих непостижимых структурах проявлять такие различные энергии *итак похожи на само ощущение*, что, будучи полностью открытыми нашим глазам, не могли бы не поразить нас удивлением".

[778] Мистер Нейпир в своей "*Жизни Лесли*", стр. 17, очень серьезно говорит об этом: "Его гипотезы не подтверждаются трезвыми максимумами индуктивной логики".

[779] "Несмотря на противоположные показания, явно зафиксированные основателями английской экспериментальной школы, он отрицал все заслуги и влияние бессмертного создателя индуктивной логики". "*Жизнь Лесли*" *Нейпира*, стр. 42.

[780] Предположение о том, что вулканические силы раньше были более мощными, чем сейчас, ни в коем случае не противоречит научной доктрине единообразия, хотя обычно считается, что так оно и есть. Одно дело утверждать единообразие естественных законов; совсем другое дело утверждать единообразие естественных причин. Возможно, когда-то тепло производило гораздо большие эффекты, чем сейчас, и все же законы природы остаются неизменными, а порядок и последовательность событий неизменными. Что я рискнул бы предложить геологам, так это то, что они недостаточно учли теорию взаимодействия сил, которая, по-видимому, предлагает решение по крайней мере части проблемы. Ибо, согласно этой теории, большая часть тепла, существовавшего ранее, могла быть преобразована в другие силы, такие как свет, химическое сродство и гравитация. Увеличение этих сил, вытекающее из уменьшения тепла, облегчило бы уплотнение материи; и пока такие силы не обладали определенной энергией, вода, которая впоследствии стала столь заметной, не могла бы образоваться. Если бы сила химического сродства, например, была намного слабее, чем она есть, вода, несомненно, распалась бы на составляющие ее газы. Не желая придавать слишком большого значения этому предположению, я представляю его на рассмотрение компетентных судей, поскольку убежден, что любая гипотеза, не являющаяся абсолютно несовместимой с известными законами природы, предпочтительнее той догмы вмешательства, которую то, что можно назвать чудесной школой геологов, хотят навязать нам, в полном неведении о ее несовместимости с выводами наиболее передовых умов в других областях мысли.

Замечания в великой работе сэра Родерика Мерчисона (*Силурия*, Лондон, 1854, стр. 475, 476) о "большей интенсивности прежней причинно-следственной связи" и о трудностях, с которыми это противопоставляется "униформистам", применимы только к тем, кто считает само собой разумеющимся, что *каждая* сила всегда была одинаково могущественной: они не затрагивают тех, кто полагает, что только *совокупность* сил остается неизменной. Хотя распределение сил может быть изменено, их общее количество не подвержено изменению, насколько

простираются высшие представления нашей актуальной науки. Следовательно, нам нет необходимости верить, что в разные периоды интенсивность причинно-следственной связи различается; хотя мы можем полагать, что какой-то один агент, такой как тепло, обладал в одно время большей энергией, чем когда-либо с тех пор.

[781] 'Великих агентов изменений в неорганическом мире можно разделить на два основных класса: водные и магматические. К водным относятся дождь, реки, ливни, источники, течения и приливы; к магматическим - вулканы и землетрясения. Оба эти класса являются инструментами как разложения, так и воспроизводства; но их также можно рассматривать как антагонистические силы. Ибо водные агенты непрестанно трудятся над тем, чтобы свести неровности земной поверхности до определенного уровня; в то время как магматические в равной степени активны в восстановлении неровностей внешней земной коры, частично за счет нагромождения нового вещества в определенных местах, а частично за счет понижения одной части земной оболочки и вытеснения другой". *Принципы геологии Лайелла*, 9-е изд., Лондон, 1853, стр. 198.

[782] Доктор Уэвелл, сравнивая его со своим великим немецким современником Вернером, говорит: 'В немце, рассматривающем его как геолога, преобладал элемент идеала'. ... 'Уильям Смит был совсем другого склада и характера. Никакое литературное воспитание его юности не пробудило в нем *спекулятивной любви к симметрии и системе*; но исключительная ясность и точность классифицирующей способности, которой он обладал как врожденный талант, проявлялись и развивались именно в тех геологических фактах, среди которых лежала его философская задача. " ... "Мы видим большую живость мысли и активность ума, раскрывающиеся точно пропорционально фактам, с которыми ему приходилось иметь дело.' ... 'Он датирует свои попытки различать и соединять пласты 1790 годом'. *История индуктивных наук Уэвелла*, Лондон, 1847, том iii. стр. 562-564.

[783] 'Составление его карты было завершено в 1815 году и остается непреходящим памятником оригинального таланта и необычайного упорства; ибо он исследовал всю страну пешком без руководства предыдущих наблюдателей или помощи товарищей по работе, и ему удалось естественным образом разделить всю сложную серию британских скал'. "*Принципы геологии*" Лайелла, стр. 58. Геологические карты частей Англии, однако, были опубликованы до 1815 года. См. *Статью Конибера о геологии во Втором отчете Британской ассоциации*, стр. 373.

[784] Потребовался большой объем новых данных; и Лондонское геологическое общество, основанное в 1807 году, внесло большой вклад в достижение этой желанной цели. Целью, предложенной ими, было умножение и запись наблюдений и терпеливое ожидание результата в какой-то будущий период; и это была их любимая максима, что время для общей системы геологии еще не пришло, но что все должны довольствоваться тем, что в течение многих лет будут заниматься исключительно добычей материалов для будущих обобщений.' *Принципы геологии Лайелла*, стр. 59. Сравните "*Геологию Ричардсона*", 1851, стр. 40.

[785] Cuvier, in his Life of Werner, says (*Biographie Universelle*, vol. i. pp. 376, 377), 'La connaissance des positions respectives des minéraux dans la croûte du globe, et ce que l'on peut en conclure relativement aux époques de leur origine, forment une autre branche de la science qu'il appelle Géognosie. Il en présenta les premières bases en 1787, dans un petit écrit intitulé "Classification et description des Montagnes."'

[786] *История индуктивных наук Уэвелла*, том iii. стр. 567.

[787] 'Une mer universelle et tranquille dépose en grandes masses les roches primitives, roches nettement cristallisées, où domine d'abord la silice. Le granit fait la base de tout; au granit succède le gneiss, qui n'est qu'un granit commençant à se feuilletier.' ... 'Des agitations intestines du liquide détruisent une partie de ces premiers dépôts; de nouvelles roches se forment de leurs débris réunis par des cimens. C'est parmi ces tempêtes que naît la vie.' ... 'Les eaux, de nouveau tranquillisées, mais dont le contenu a changé, déposent des couches moins épaisses et plus variées, où les débris des corps vivans s'accumulent successivement dans un ordre non moins fixe que celui des roches qui les contiennent. Enfin, la dernière retraite des eaux répand sur le continent d'immenses alluvions de matières meubles, premiers sièges de la végétation, de la culture et de la sociabilité.' *Eloge de Werner*, in *Cuvier, Recueil des Elogés Historiques*, vol. ii. pp. 321–323.

[788] "Если верно, что доставка является первым, вторым и третьим требованием популярного оратора, то не менее очевидно, что путешествия имеют первое, второе и третье значение для тех, кто желает выработать справедливые и всеобъемлющие взгляды на устройство нашего земного шара. Так вот, Вернер не путешествовал по дальним странам: он просто исследовал небольшую часть Германии и понял и убедил других поверить, что вся поверхность нашей планеты и все горные цепи в мире созданы по образцу его собственной провинции.' ... 'Теперь выясняется, что он неверно истолковал многие наиболее важные явления даже в непосредственной близости от Фрейберга. Так, например, в пределах одного дня пути от его школы было обнаружено, что порфир, названный им примитивным, не только выделяет жилы, или дайки, через пласты угольной формации, но и перекрывает их в массе.' *Принципы геологии Лайелла*, стр. 47.

[789] Хотя *Теория Земли* Хаттона была впервые опубликована в 1788 году, издание 1795 года, которым я воспользовался, содержит большое количество дополнительных иллюстраций его взглядов и, очевидно, было переписано заново. Но основные черты те же; и мы узнаем от его друга, Плейфера, что 'большой набросок его системы' был завершен "за несколько лет" до 1788 года. *Жизнь Хаттона в произведениях Плейфера*, том iv. стр. 50, Эдинбург, 1822.

[790] Кирван, по-видимому, был первым, кто назвал теорию Хаттона 'Плутонической системой'. Смотрите *Иллюстрации теории Хаттона в работах Плейфера*, т. i, стр. 145. О различии между непунистами и плутонистами см. Ту же работу, стр. 504, 505.

[791] 'Не только вытеснила работу Вернера, но и легла в основу исследований и трудов наших самых просвещенных наблюдателей и по праву считается основой всей надежной геологии на сегодняшний день'. *Геология Ричардсона*", Лондон, 1851, стр. 38.

[792] *Теория Земли Хаттона*, издание 1795 г., том i. стр. 34, 41, 192, 290, 291, 593, том ii. стр. 236, 369, 378, 555.

[793] 'В его работах и работах его иллюстратора Плейфера мы находим зародыш теории метаморфизма'. *Руководство по геологии Лайелла*, Лондон, 1851, стр. 92.

[794] Самое краткое изложение этой точки зрения содержится в его *Теории Земли*, Изд. 1795, т. ii. стр. 556. "Следовательно, доктрина нашей теории вкратце такова: каким бы ни был процесс растворения воды и ее химического воздействия на материалы, скопившиеся на дне моря, общая плотность этой массы земли и размещение ее в атмосфере над поверхностью моря были

непосредственным действием огня или высокой температуры, плавящей и расширяющейся тел."

[795] 'Хотя Хаттон никогда не исследовал области действующих вулканов, он убедил себя, что базальт и многие другие породы-ловушки магматического происхождения'. "*Принципы геологии*" Лайелла, Лондон, 1853, стр. 51. К этому я могу добавить, что он писал свою работу, не исследовав гранит. Он говорит (*Теория Земли*, том i, стр. 214): "Это правда, я встретился с ним по возвращении с восточного побережья, когда я просто видел его, и не более того, в Питерхеде и Абердине; но это был единственный гранит, который я когда-либо видел, когда писал свою *Теорию Земли*. С тех пор я видел его в разных местах, потому что я специально ходил туда, чтобы изучить его, как у меня будет возможность описать в ходе этой работы.' Теория Хаттона о граните изложена в книге Бейквелла "*Геология*", Лондон, 1838, стр. 101: но мистер Бейквелл, по-видимому, не знает, что теория была сформирована до проведения наблюдений.

[796] *Теория Хаттона*, в *Playfair*, том i. стр. 38-40, 509, 510. Сравните "*Жизнь Хаттона*" Плейфера, стр. 61.

[797] Следовательно, возражения Кирвана были недействительны; потому что его аргумент против Хаттона был "основан на экспериментах, в которых происходит то самое разделение летучей и неподвижной частей, которое он исключил в этой гипотезе подземного тепла". Теория Хаттона, в *Playfair*, т. i. стр. 193, Edinb. 1822.

[798] Хаттон говорит (*Теория Земли*, Эдинбург, 1795, том i, стр. 94): 'Место добычи полезных ископаемых находится не на поверхности земли; и мы не должны ограничивать природу своим слабоумием или оценивать силы природы по нашим собственным меркам'. См. также стр. 159, "Добыча полезных ископаемых, характерная для нижних слоев земли". И стр. 527: "Природные месторождения полезных ископаемых находятся в той части земного шара, которая неизбежно недоступна человеку, и где силы природы действуют в условиях, совершенно отличных от тех, которые, как мы обнаруживаем, имеют место в единственной ситуации, где мы можем жить'. И снова, в томе ii, стр. 97, "Современная теория Земли принципиально придерживается того, что пласты консолидированы в минеральных регионах, находящихся далеко за пределами досягаемости человеческого наблюдения'. Аналогично, том ii, стр. 484: "мы судим о ходе вещей не по фактическим операциям на поверхности".

[799] Хаттон, однако, не верил, что это возможно сделать. В "*Теории Земли*", которая была опубликована, я стремился предостеречь читателя от представления, что подземное тепло и термоядерный синтез можно сравнить с тем, что мы вызываем в результате наших химических воздействий на минеральные вещества здесь, на поверхности земли'. *Теория Земли Хаттона*, том i, стр. 251.

[800] Смотрите в "*Жизни Хаттона*", в "*Работах Плейфера*", т. iv. стр. 62 примечание, любопытное замечание о его безразличии к экспериментальной проверке. Бесчисленные отрывки в его работе указывают на эту тенденцию и демонстрируют его желание рассуждать непосредственно, исходя из общих принципов. Так, в томе i, стр. 17, "Давайте строго изучим наши принципы, чтобы избежать ошибок в наших рассуждениях". ... 'Теперь, рассуждая исходя из принципов, мы подходим к пункту, решающему этот вопрос'. том i, стр. 177. 'Давайте теперь рассуждать, исходя из наших принципов'. Том ii. стр. 308. Отсюда его постоянно выражаемое презрение к опыту; как, например, в томе ii, стр. 367, где он говорит, что мы должны "преодолеть

те предрассудки, которые могли породить суженные взгляды на природу и преувеличенные мнения об опыте человека".

[801] Плейфейр (*Жизнь Хаттона*, стр. 64) говорит, что это привлекло "их внимание" (т.е. Внимание "людей науки") 'очень медленно, так что прошло несколько лет, прежде чем кто-либо публично проявил к этому интерес, будь то враг или друг'. В качестве одной из причин этого он добавляет, что в нем содержалось "слишком мало подробных фактов для системы, которая включала в себя так много нового и противоположного общепринятым мнениям".

[802] Отчет об этих экспериментах был прочитан перед Королевским обществом Эдинбурга в 1805 году и напечатан в их *Трудах*, т. vi. стр. 71-185, Edinb. 1812, 4to. Общим результатом было (стр. 148, 149), 'Что давление в 52 атмосферы, или 1700 футов над уровнем моря, способно образовать известняк при надлежащем нагревании; что при 86 атмосферах, что соответствует почти 3000 футам, или примерно полумиле, может образоваться полноценный мрамор; и, наконец, что при давлении в 173 атмосферы, или 5700 футов, что составляет немногим более одной мили над уровнем моря, карбонат извести подвергается полному расплавлению и оказывает мощное воздействие на другие земли'. См. также стр. 160: 'Углекислота известняка не может быть задержана при нагревании давлением ниже, чем на глубине 1708 футов над уровнем моря'. Краткое и не очень точное описание этих поучительных экспериментов есть в книге Бейквелла *"Геология"*, Лондон, 1838, стр. 249, 250.

[803] Как говорит сэр Джеймс Холл, 'Истинность самого сомнительного принципа, который предположил доктор Хаттон, таким образом, была установлена прямым экспериментом'. *Труды Эдинбургского королевского общества*, том vi. стр. 175.

[804] Смотрите замечания сэра Джеймса Холла в *Трудах*, том vi. стр. 74, 75. Он отмечает, что "система Хаттона, однако, включает в себя так много предположений, явно противоречащих обычному опыту, который встречает нас на самом пороге, что большинство людей до сих пор удерживались от исследования ее принципов, и лишь немногие люди справедливо оценили ее достоинства'. ... "Я полагал, что химические эффекты, приписываемые имсжатию, должны быть исследованы в первую очередь". ... "Мне пришло в голову, что этот принцип можно установить прямым экспериментальным путем, и я убеждал его предпринять попытку; но он всегда отвергал это предложение из-за огромного количества природных агентов, действие которых, как он предполагал, лежит далеко за пределами досягаемости нашего подражания; и он, казалось, воображал, что любая такая попытка, несомненно, потерпит неудачу и, таким образом, дискредитирует мнения, уже достаточно устоявшиеся, как он считал, о другие принципы.

[805] Ее можно проследить до начала семнадцатого века, а возможно, и еще выше. Тем не менее, распространенное мнение, по-видимому, верно, что Уотт был его настоящим изобретателем; хотя, конечно, он не смог бы сделать то, что он сделал, без своих предшественников. Это, однако, можно сказать как обо всех самых выдающихся и успешных людях, так и о самых обычных людях.

[806] Об обязательствах Уотта перед Блэком, сравните книгу Броэма *"Жизнь Уатта"* (*Работы Броэма*, том i, стр. 25, 36-38, изд. Глазго, 1855), с *"Жизнью Уатта"* Мюрхеда, второе издание. Лондон, 1859, стр. 66, 83. На стр. 301 м-р Мюрхед говорит о Уотте, что 'его основные

изобретения, связанные с паровой машиной, со всеми их потрясающими результатами, были основаны, как мы видели, на внимательном рассмотрении великих философских истин; а экономия топлива, увеличение производительной мощности и экономия животного труда, которые постепенно последовали, - все это возникло благодаря проницательной и тщательной мысли, с которой он исследовал природу и свойства тепла'. Но какие бы исследования Уотт ни проводил в области теплоты, он не обнаружил никакого нового закона, касающегося ее, или, во всяком случае, никакого нового закона, достаточно масштабного, чтобы его можно было отметить в истории термотики, рассматриваемой исключительно как наука и отдельно от практического применения. М-р Мьюирхед в своей интересной работе, которую я только что процитировал, опубликовал (стр. 484-486) некоторые замечания, сделанные по этому поводу Уоттом через несколько лет после смерти Блэка, которые, хотя и совершенно справедливы и откровенны, показывают, что Уотт имел довольно смутное представление о реальной разнице между изобретением и открытием.

[807] Мистер Мюрхед в своей "*Жизни Уатта*", стр. 301-370, по-видимому, поставил приоритет Уатта вне всяких сомнений; хотя он несколько суров к Кавендишу, который, без сомнения, сделал открытие сам.

[808] Я бы ни на йоту не хотел умалять того почтения, которым по праву пользуется великое имя Уотта. Но когда я нахожу цитируемое мнение доктора Уитеринга, ботаника, о том, что его 'способности и приобретения ставят его следующим, если не выше, после Ньютона'. ("*Жизнь Уотта*" Мьюирхеда, стр. 302), я не могу не протестовать против такого огульного восхваления, которое причислило бы Уотта к тому же классу, что и один из тех богоподобных интеллектов, которым весь мир не составил и десятка, и которые имеют право называться вдохновенными, если когда-либо человек был таковым. Другой пример этого неблагоразумного панегирика можно найти в той же в остальном превосходной работе (Muirhead, стр. 324, 325), где мы читаем, что открытие Уатта о том, что вода состоит из кислорода и водорода, было "началом новой эры, зарей нового дня в физических исследованиях, реальной основой новой системы химии; более того, даже открытием, "возможно, более важным, чем любой отдельный факт, установленный человеческой изобретательностью до или после".

[809] То, что плагиат со стороны Уатта не было, мы знаем из положительных свидетельств; что со стороны Кавендиша его не было, можно справедливо предположить как из характера этого человека, так и из того факта, что при тогдашнем состоянии химических знаний открытие было неизбежным и не могло быть отложено надолго. Ранее существовала вероятность, что состав воды будет установлен разными людьми в одно и то же время, как мы видели во многих других открытиях, которые были сделаны одновременно, когда человеческий разум в этой конкретной области исследования достиг определенной точки. Мы слишком склонны подозревать философов в том, что они крадут друг у друга то, чего их собственных способностей достаточно, чтобы выработать самостоятельно. Однако несомненно, что Уотт считал, что Кавендиш плохо обращался с ним. См. *Переписку Уатта о составе воды*, Лондон, 1846, стр. 48, 61.

[810] 26 ноября 1783 года он пишет: "В течение многих лет я придерживался мнения, что воздух был модификацией воды; первоначально оно было основано на фактах, что в большинстве случаев, когда воздух действительно был создан, что следует отличать от случаев, когда он только высвобождается из веществ, содержащих его в своих порах, или иным образом соединяется с ними в состоянии воздуха, вещества были такими, как были на самом деле".

известно, что они содержат воду в качестве одной из своих составных частей, однако в этих процессах не было получено никакой воды, за исключением того, что, как было известно, было лишь слабо связано с ними, например, воды при кристаллизации солей. *Это мнение возникло из открытия, что скрытое тепло, содержащееся в паре, уменьшается пропорционально увеличению осязаемого тепла воды, из которой он был получен;* или, другими словами, что скрытое тепло пара было меньше, когда оно производилось при большем давлении или в более плотном состоянии, и больше, когда оно производилось при меньшем давлении или в менее плотном состоянии; это привело меня к заключению, что, когда для производства пара требовалась очень большая степень тепла, скрытое тепло полностью превращалось в осязаемое тепло; и что в таких случаях скрытое тепло было бы полностью преобразовано в осязаемое тепло. сам пар может претерпеть некоторые заметные изменения. Теперь я отказываюсь от этого мнения в той мере, в какой оно касается превращения воды в воздух, поскольку я думаю, что это может быть объяснено на основе лучших принципов.' Смотрите этот замечательный отрывок, который имеет решающее значение для реальной истории открытия Уатта, в *Переписке Джеймса Уатта о составе воды*, Лондон, 1846, стр. 84, 85. Сравните стр. sxxiv. и стр. 248 примечание.

[811] В документе, который он направил Королевскому обществу, объявляющем о своем открытии, он, хорошо зная эмпирический характер английского мышления, приносит извинения за это; и говорит: "Я испытываю большое нежелание излагать свои мысли по этим предметам перед публикой в их нынешнем непереверенном виде, и не имея возможности проверить их такими экспериментами, которые подтвердили бы или опровергли их. *Переписка Уатта об открытии состава воды*, стр. 77, 78. Одиннадцатью месяцами ранее, то есть в декабре 1782 года, он пишет (Там же. стр. 4): "Доктор Пристли сделал самое удивительное открытие, которое, кажется, подтверждает мою теорию о том, что вода претерпевает какие-то очень заметные изменения в точке, где все ее скрытое тепло преобразуется в осязаемое тепло".

[812] "Он" (м.е. Кавендиш) 'здесь полностью опускает рассмотрение скрытой теплоты; упущение, которое он даже пытается оправдать в одном из отрывков, вставленных Благденем. Но каждому, кто знаком с начальными принципами химической науки, хорошо известно, даже в том виде, в каком ее преподавали во времена Блэка, и это, несомненно, было известно мистеру Уотту, что никакая воздухообразная жидкость не может быть превращена в жидкость, а любая жидкость - в твердое вещество, без выделения тепла, ранее скрытого. Теория мистера Кавендиша не охватывает эту существенную часть процесса; но без нее ни одна теория по данному вопросу не может быть полной; и вскоре будет видно, что мистер Уотт полностью принял ее во внимание.' *"Жизнь Уотта" Мюрхеда*, стр. 315.

[813] 'Кавендиш и Уатт оба открыли состав воды. Кавендиш установил факты; Уотт - идею.' ... *"Придание слишком высокого значения простым фактам часто является признаком недостатка идей."* *Письма Либиха по химии*", Лондон, 1851, стр. 48. Последнее предложение этого выдающегося философа, которое я выделил курсивом, должно быть хорошо обдуманно в Англии. Будь моя воля, это было бы выгравировано золотыми буквами над порталами Королевского общества и Королевского института.

[814] 'Органические вещества, независимо от того, происходят ли они непосредственно из растительного или животного царства или образуются в результате последующей модификации

образовавшихся таким образом тел, примечательны как класс степенью сложности строения, намного превышающей ту, которая наблюдается в любом из еще описанных соединений'. *Химия Фаунса*, 3-е изд., Лондон, 1850, стр. 353. Я цитирую это как первый попавшийся авторитет в обоснование доктрины, которая повсеместно признается химиками и которая, несомненно, верна, *насколько в настоящее время простираются наши эксперименты*.

[815] 'Как органический мир характеризуется количественным преобладанием углерода, так и минеральный или неорганический мир отмечен аналогичным преобладанием кремния'. *Химия Тернера*, под редакцией Либиха и Грегори, том ii. стр. 678, Лондон, 1847.

[816] Я имею в виду, конечно, применить это замечание только к земному шару, на котором мы обитаем, а не к внеземным явлениям. Что касается организации или неорганизованности того, что существует вне этой земли, у нас нет доказательств, и вряд ли можно ожидать, что они будут в течение столетий. Выводы, действительно, были сделаны на основе телескопических наблюдений; и в настоящее время за границей предпринимаются попытки определить с помощью еще более совершенного процесса физический состав некоторых небесных тел. Но, не рискуя в этой заметке вступать в подобные дискуссии или даже излагать их смысл, я могу сказать, что трудность *проверки* еще долго будет оставаться непреодолимым препятствием для нашего знания истинности или ложности любых результатов, которые могут быть получены.

[817] Мистер Саймон в своих вдумчивых и наводящих на размышления лекциях говорит: 'Мы можем описать патологию как Науку о жизни в условиях, отличных от условий идеального совершенства'. *Лекции Саймона по патологии*, Лондон, 1850, стр. 14. Это, безусловно, лучшее описание, с которым я встречался; хотя, поскольку оно предполагает отрицание, оно не может быть принято в качестве определения. Действительно, контекст показывает, что мистер Саймон таковым не считает.

[818] Ранее я придерживался общепринятого разделения органической статики и органической динамики; статика - это анатомия, а динамика - физиология. Но теперь я думаю, что наши знания недостаточно развиты, чтобы сделать это столь же удобным, как разделение на физиологическое и патологическое, или на нормальное и ненормальное, при условии, что мы помним, что на самом деле ничего ненормального нет. Практически полезная, но в высшей степени ненаучная доктрина о том, что изменение функции может происходить без изменения структуры, стерла некоторые из наиболее существенных различий между анатомией и физиологией, и особенно между патологической анатомией и патологической физиологией. До тех пор, пока эти различия не будут признаны, научные концепции профессиональных писателей должны быть смешаны, какими бы ценными ни были их практические предложения. Пока люди способны верить, что *возможно*, что изменения функций происходят от любой причины, кроме изменений структуры, философское значение анатомии будет оценено недостаточно, и ее истинное отношение к физиологии останется неопределенным. Однако, поскольку при наших реальных ресурсах самое тщательное препарирование часто не в состоянии обнаружить (например, при безумии) те изменения структуры, которые вызывают изменения функций, поверхностные мыслители подвергаются сильному искушению отрицать их неизменную связь; и хотя микроскоп так несовершенен, а химия так отстала, невозможно, чтобы эксперименты всегда убеждали их в их ошибке. Следовательно, я полагаю, что до тех пор, пока наши средства эмпирического исследования не будут значительно усовершенствованы, все подобные исследования, несмотря на их огромную ценность в других отношениях, будут

иметь тенденцию вводить в заблуждение просто индуктивные умы, заставляя их слишком полагаться на то, что они называют фактами дела, в ущерб разуму. Именно это я имею в виду, говоря, что наши знания недостаточно развиты, чтобы было целесообразно разделить науки об органических телах на физиологические и анатомические. В настоящее время и, вероятно, еще какое-то время более скромное разделение на физиологическое и патологическое можно считать более безопасным и с большей вероятностью дающим надежные результаты.

[819] Хантер, как мы сейчас увидим, придерживался чрезвычайно всеобъемлющего взгляда на патологию, включая весь органический мир и даже аберрации формы в неорганическом.

[820] *"Жизнь Каллена" Томсона*, том i, стр. 70, Эдинбург, 1832.

[821] *"Жизнь Каллена" Томсона*, том i, стр. 96. Бауэр утверждает, что Каллен "был назначен на кафедру в 1755 году". *"История Эдинбургского университета" Бауэра*, том ii, стр. 216, Эдинбург, 1817.

[822] "Кажется невозможным внимательно прочитать процитированные мною отрывки из рукописных лекций и статей доктора Каллена и из его Эссе по испарению, не понимая, что его исследования тепла и холода, вызванные соединением, разжижением и испарением тел, должно быть, не только помогли привлечь внимание его ученика доктора Блэка к аналогичным исследованиям, но и привели к тому, что он не только научился распознавать тепло и холод, вызываемые соединением, разжижением и испарением тел". должно быть, это также снабдило его некоторыми данными, из которых впоследствии была так философски выведена его простая и всеобъемлющая теория скрытого тепла." *"Жизнь Каллена" Томсона*, том i, стр. 56.

[823] 'Поклонники этого великого человека допускают, что он, возможно, слишком увлекался теорией'. *История Эдинбургского университета Бауэра*, том iii. стр. 273

[824] В 1759 году он написал доктору Бальфуру Расселлу, одному из своих любимых учеников: 'Вы не найдете возможным полностью отделить практику от теории; и поэтому, если у вас есть намерение начать с теории, у меня нет возражений'. *"Жизнь Каллена" Томсона*, том i, стр. 130. Сравните его *Вводные лекции с практикой физики*, где, справедливо утверждая, "что рассуждения в физике неизбежны" (*Работы Каллена*, том i, стр. 417), он смело делает вывод, "что для обеспечения безопасности необходимо развивать теорию в ее полном объеме."

[825] Даже сам Каллен довольно грубо говорит: 'Огромная орда врачей всегда является раболепными имитаторами, которые не могут ни понять, ни исправить недостатки своей системы, и всегда готовы рычать и даже беспокоить изобретательного человека, который мог бы попытаться это сделать. Таким образом, система Галена оказалась во владении физических школ, пока вскоре после вторжения готов и вандалов не уничтожила все остатки литературы в западных частях Европы и не вынудила все, что от нее осталось, искать слабой защиты в Константинополе.' *Лекции Ознакомительная практика физика, в Каллена работ*, объем. я. стр. 386, Эдинбург, 1827.

[826] Эта идея проходит через все его труды. В следующем отрывке это изложено более кратко, чем в любом другом: "В патологии и при прогнозировании конкретных заболеваний абсолютно необходимо проводить различие между этими причинами. Я называю первые *прямыми* причинами те, которые действуют на нервную систему непосредственно; и вторые *косвенные* причины, те, которые производят тот же эффект, но путем разрушения тех органов, которые

необходимы для поддержания возбуждения, а именно. вся система обращения'. *Работы Каллена*, том i, стр. 135. Даже этот отрывок, каким бы ясным он ни казался, может быть правильно истолкован только с учетом контекста.

[827] Ибо, как верно заметил, вероятно, величайший патолог нашего времени, 'Гуморальная патология - это просто требование здравого практического смысла; и она всегда занимала место в медицинской науке, хотя границы ее области, без сомнения, по-разному описывались или интерпретировались в разное время. В последние годы она нашла новую основу и поддержку в патологической анатомии, которая из-за неадекватности своих открытий в области твердых тел для объяснения болезней и смерти была вынуждена искать расширения своих границ путем прямого исследования самой крови.' *Патологическая анатомия Рокитанского*, том i, стр. 362, Лондон, 1854.

[828] Если только, как это бывает в геометрии, подавленные предпосылки не настолько малы, что едва заметны.

[829] Он был настолько возмущен простой идеей гуморальной патологии, что даже Гофман, который до него был самым выдающимся сторонником солидаризма, попал под его влияние за то, что придавал некоторое значение гуморальным доктринам. Он говорит, что Хоффман "не применял свою фундаментальную доктрину так широко, как мог бы; и он повсюду примешивал гуморальную патологию, такую же неправильную и гипотетическую, как любая другая". *Работы Каллена*, том i, стр. 410. На стр. 470: 'Таким образом, я принял общие принципы Гофмана. И, если я сделал их более правильными и более обширными в их применении, и, более конкретно, если я избежал введения многих гипотетических доктрин гуморальной патологии, которые обезобразили как его, так и все другие системы, которые до сих пор преобладали, я надеюсь, что меня извинят за попытку создать систему, которая в целом может показаться новой ".

[830] 'Твердые части тела, по-видимому, бывают двух видов: одни, свойства которых одинаковы у мертвых, как и у живых, и те же у одушевленных, как и у многих неодушевленных тел; другие, свойства которых проявляются только у живых тел. Предполагается, что в последнем имеет место особая организация, или дополнение, в противоположность которому первые называются простыми твердыми телами. Только о них мы будем говорить здесь; а о других, которые можно назвать жизненно важными веществами, поскольку они являются фундаментальной частью нервной системы, мы будем говорить под этим названием в следующем разделе.' *Работы Каллена*, том i, стр. 10.

[831] Этими заболеваниями являются дряблость, вялость и другие. Смотрите перечисление "болезней простых твердых тел" в *Работах Каллена*, том i, стр. 14.

[832] *Работы Каллена*, т. i. стр. 65, 600, т. ii. стр. 364. Доктор Томсон, имевший доступ к статьям и лекциям Каллена, которые никогда не публиковались, говорит (*Жизнь Каллена*, т. i. стр. 265): "Его рассуждения относительно различных функций нервной система, но более конкретно в отношении Животной Силы или Энергии мозга, были включены в каждое мнение, которому он учил относительно феноменов животноводства, причин болезней и действия лекарств; и можно сказать, что они составляют наиболее важную часть, если не единственную основу, той системы врачебной практики, которую он сделал предметом предварительного рассмотрения, а также изучения в течение почти сорока лет, прежде чем он отважился представить ее публике.

"Я должен упомянуть, что Каллен, под термином "Экономика животных", "Причины болезней" и "действие лекарств". мозг" включал содержимое позвоночного столба, а также черепа.

[833] *Работы Каллена*, том i. стр. 40, 546, 558, 648, том ii. стр. 321.

[834] *Работы Каллена*, том i. стр. 86, 91, 100, 101, 108, 115, 116, 553, 592, том ii. с. 35, 366. Сравните краткое изложение причин в книге Томсона *"Жизнь Каллена"*, том i, стр. 289.

[835] Он говорит (*Работы*, том i, стр. 31, 32): "Тот, у кого есть хоть малейшая примесь метафизики, поймет указанное здесь различие между качествами тел как первичных и вторичных". ... *"Хорошо или плохо обоснованы эти различия, это не мое дело выяснять."* Но хотя он не считал своим делом исследовать точность этих и подобных им различий, он считал себя вправе предполагать их и рассуждать на их основе, как если бы они могли объяснить действие тех ощущений, извращение которых служило точкой соприкосновения между метафизикой и патологией. Посмотрите, например, на его *Работы*, том i, стр. 46, длинный ряд недоказанных и улучшаемых утверждений, касающихся сочетания и сравнения ощущений, дающих начало памяти, воображению и тому подобному.

[836] Каллен с той восхитительной откровенностью, которая была одной из самых привлекательных черт его тонкого интеллекта, признается в том, что не был знаком с микроскопом: 'Это оставляет меня, не сведушего в подобных наблюдениях, в полной неуверенности относительно точной природы этой части крови'. *Работы Каллена*, том i, стр. 195. Патологоанатом без микроскопа действительно безоружен. Что касается его животной химии, то можно процитировать один отрывок как образец того, как он приходил к выводам умозрительно, вместо того чтобы подвергать явления экспериментальному исследованию. 'Мы можем отметить, что весьма вероятно, что вся животная материя первоначально образована из растений; потому что все животные питаются либо непосредственно и исключительно овощами, либо другими животными, которые это делают. Следовательно, вероятно, что все животные субстанции могут быть прослежены до растительного происхождения; следовательно, если мы хотим исследовать производство животной материи, мы должны сначала выяснить, каким образом растительная материя может быть преобразована в животную?' *Работы Каллена*, том i. стр. 177, 178. Следовательно и должно, вытекающие просто из предшествующей вероятности, характерны для той чрезмерной смелости, в которую склонна вырождаться дедукция, и которая сильно контрастирует с противоположным пороком чрезмерной робости, которым запятнаны индуктивные рассуждения.

[837] Доктор Ватсон (*Принципы и практика медицины*, 4-е изд. Лондон, 1857, т. i, стр. 41) говорит о гуморальной патологии, что "абсурдность гипотезы и еще более опасная практика, которую эта доктрина породила, начали проявляться и привели к полному отказу от нее'. Но, при всем уважении к этому выдающемуся авторитету, я осмеливаюсь заметить, что этому предположению доктора Ватсона противоречит вся история человеческого разума. В истории нет ни одного хорошо подтвержденного случая, когда от какой-либо теории отказались, потому что она привела к опасным результатам. Пока в теорию верят, люди будут приписывать ее пагубные последствия любой причине, кроме правильной. И в теорию, которая однажды установлена, всегда будут верить, пока в знаниях не произойдут какие-то изменения, которые поколеблют ее фундамент. Путем тщательного анализа можно показать, что каждое практическое изменение зависит, в первую очередь, от некоторого изменения умозрительных мнений. Даже в наши дни в наиболее цивилизованных странах, как правило, придерживаются

многих доктрин, которые приводят к опасным практическим последствиям, и приводили к этим последствиям на протяжении веков. Но вред, который порождает доктрина, не ослабляет саму доктрину. Ничто не может этого сделать, кроме общего прогресса знаний, который, изменяя прежние мнения, изменяет поведение в будущем.

[838] Некоторые авторы, обратившие внимание на Каллена, были введены в заблуждение в этом отношении его случайным использованием выражения 'нервный флюид', как будто он был готов впустить идею юморизма. Но в одном месте он явно предостерегает себя от такого неправильного толкования. Теперь, чтобы избежать каких-либо определений в отношении этих мнений, я использовал термин *нервная сила*; но поскольку это несколько двусмысленно, я предпочитаю выразить это через *нервный флюид*; не то чтобы я предполагал, как и доктор Бурхаав, что мозг является выделительным органом и из него выделяется жидкость: *я имею в виду не что иное, как то, что существует состояние нервов, которое позволяет им передавать движения*. Но я пока отложу рассмотрение этих мнений и, возможно, *объявлю греческие календы*; но ничто не должно основываться на нервной жидкости, ее следует рассматривать просто как *силу*, приспособленную для передачи движений.' *Работы Каллена*, том i, стр. 17. Без этого отрывка его замечания о "нервной жидкости в мозге" (*Работы*, том i, стр. 129) могли бы быть легко поняты неправильно.

[839] "Вместе с этим вялость, бездеятельность и вялость движений животного, несовершенные ощущения, ощущение холода, в то время как тело действительно теплое, и некоторые другие симптомы - все это показывает, что энергия мозга в данном случае сильно ослаблена; и я предполагаю, что, поскольку слабость работы сердца вряд ли может быть объяснена приписываемая любой другой причине, эта слабость также является доказательством снижения энергии мозга. Итак, я заключаю, что ослабление нервной системы является началом приступа простуды и закладывает основу всех других явлений.' *Врачебная практика*, в *работах Каллена*, том i, стр. 492.

[840] "Чтобы сделать нашу доктрину о лихорадке последовательной и полной, необходимо добавить здесь, что эти отдаленные причины лихорадки, выделения человека и болот, по-видимому, имеют изнуряющее или седативное действие". ... "Хотя мы пытались показать, что лихорадка обычно возникает из выделений болот или человека, мы не можем с какой-либо уверенностью сказать, что, исключают некоторые другие отдаленные причины, которые, как обычно предполагается, играют по крайней мере определенную роль в возникновении этих заболеваний. И поэтому я продолжаю исследовать эти причины; первая из которых заслуживает внимания, это сила холода, применяемая к человеческому телу." ... "Помимо холода, существуют другие силы, которые кажутся отдаленными причинами лихорадки; такие как страх, невоздержанность в питье, чрезмерная склонность к венеризму и другие обстоятельства, которые, очевидно, ослабляют организм. Но является ли какое-либо из этих седативных средств само по себе отдаленной причиной лихорадки, или же они действуют только как совпадающие с действием болотных или человеческих выделений, или как дающие возможность действовать при простуде, - на эти вопросы нельзя дать однозначного ответа.' *Врачебная практика*, в *работах Каллена*, том i. стр. 546, 552. Часть этой точки зрения была подтверждена со времен Каллена. 'Эксперименты Чоссата и других ясно доказывают, что холод является прямым успокоительным средством'. *Принципы медицины Уильямса*, 2-е издание. Лондон, 1848, стр. 11. Сравните *Принципы и практику медицины Уотсона*, 4-е издание. Лондон, 1857, том i. стр. 87-92, 249. Отсюда, возможно, 'непреодолимая склонность ко сну,

вызванная воздействием сильного или продолжительного холода'. *Операция Эрихсена*, 2-я правка. Лондон, 1857, стр. 336; но что касается этого, доктор Ватсон (*Принципы физики*, т. i, стр. 89) настроен скептически и считает, что в тех зарегистрированных случаях сонливость, приписываемая холоду, в значительной степени является результатом переутомления.

[841] *Работы Каллена*, том i, стр. 493. Сравните, уважая его общую теорию спазма, стр. 84, и том ii, стр. 400.

[842] 'Идея лихорадки, таким образом, может заключаться в том, что спазм крайних сосудов, каким бы вызванным он ни был, доказывает раздражение сердца и артерий; и что это продолжается до тех пор, пока спазм не ослабнет или не будет преодолен'. *Работы Каллена*, том i, стр. 494.

[843] 'Однако, природа хозяйства животных такова, что эта слабость оказывается косвенным стимулом для кровеносной системы; вследствие чего, благодаря вмешательству стадии простуды и связанного с ней спазма, работа сердца и более крупных артерий усиливается и продолжается до тех пор, пока не будет достигнут эффект восстановления. энергия мозга направлена на распространение этой энергии на крайние сосуды, на восстановление, следовательно, их действия и, таким образом, особенно на преодоление поражающего их спазма, при устранении которого происходит выделение пота и другие признаки расслабления выделений.' *Врачебная практика*, в *работах Каллена*, том i. стр. 501, 502. См. также стр. 636, § ccciii. Или, как он выражается в другом месте (т. i, стр. 561): "Что касается лихорадки, то это фундаментальный принцип: *при лихорадке природа излечивает болезнь*; то есть определенные движения, ведущие к смерти, продолжают болезнь, но, в соответствии с законами животного хозяйства, они возбуждают другие движения, которые имеют тенденцию устранять ее".

[844] "Если мы можем доверять нашим выводам относительно непосредственной причины, из приведенного там взгляда самым естественным образом следует, что продолжающаяся лихорадка всегда обусловлена чрезмерным спазмом или чрезмерной слабостью: поскольку преобладает то или иное из них, это приведет к одной из двух форм, либо Синохе, либо воспалительная лихорадка, или Сыпной тиф, или нервная горячка.' *Работы Каллена*, том i, стр. 518.

[845] "Самая уважаемая работа Каллена - его *Нозология*'. *История медицины Гамильтона*, Лондон, 1831, том ii. стр. 279. "Его *Нозология*, вероятно, переживет все остальные его работы; это, бесспорно, лучшая система, которая когда-либо появлялась'. *Жизни британских врачей*, Лондон, 1830, стр. 213. 'Celle de Cullen, qui parut en 1772, et qui constitue un véritable progrès.' *Renouard, Histoire de la Médecine*, Paris, 1846, vol. ii. p. 231. См. также *Медицинский словарь Хупера*, под редакцией доктора Гранта, Лондон, 1848, стр. 937. Но я сомневаюсь, что в самых знаменитых медицинских трудах, появившихся в Англии за последние двенадцать-пятнадцать лет, есть какой-либо пример принятия нозологической схемы Каллена. За границей, и особенно в Италии, это ценится больше.

[846] 'Я предпочел бы не стесняться попыток создать то, чего не смогли достичь более способные головы, чем моя, и что, по правде говоря, я считаю, при нынешнем состоянии нашей науки, невозможным, - полную методическую систему нозологии'. "*Принципы и практика физики*" Уотсона, Лондон, 1857, том i, стр. 9. В этом мудрость сильного понимания.

[847] 'Теперь, когда количество заболеваний по нозологии Каллена увеличилось почти вдвое, а фактов, относящихся к ним, - более чем вдвое'. *"Принципы медицины Уильямса"*, Лондон, 1848, стр. 522.

[848] Я намеревался дать некоторый отчет о некогда знаменитой бруноновской системе, которая была основана доктором Джоном Брауном, который сначала был учеником Каллена, а затем его соперником. Но внимательное прочтение его работ убедило меня в том, что реальной основой его доктрины или точкой, с которой он начинал, была не патология, а терапия. Его поспешное разделение всех болезней на стенические и астенические не претендует на то, чтобы считаться научным обобщением, а было просто искусственным решением, возникшим в результате желания заменить старое понижающее лечение стимулирующим. Он, без сомнения, впал в противоположную крайность; но поскольку это чисто практический предмет, данное Введение не имеет к нему никакого отношения. По той же причине я опускаю все упоминания о Карри, который, хотя и был выдающимся терапевтом, был обычным патологом. Чрезвычайно любопытно, что такая бедная и малонаселенная страна, как Шотландия, за столь короткий период произвела на свет столько замечательных людей.

[849] Г-н Оттли (*Жизнь Хантера*, стр. 186) говорит: 'В его трудах мы иногда находим неясность в выражении его мыслей, недостаток логической точности в его рассуждениях и неточности в его языке, являющиеся результатом недостаточного образования'. Но недостаточное образование никогда не сделает человека неясным. Хорошее образование также не сделает его ясным. Единственная причина ясности выражения - ясность мысли; а ясность мысли - это природный дар, который самая законченная и систематическая культура может лишь немного улучшить. Необразованные люди, не обладающие и тысячной долей интеллекта Джона Хантера, часто достаточно ясны. С другой стороны, как часто бывает, люди, получившие отличное образование, не могут произнести или написать десять предложений подряд, которые не содержали бы какой-нибудь неприятной двусмысленности. В работах Хантера таких двусмысленностей предостаточно; и это, вероятно, одна из причин, почему никто до сих пор не дал связного представления о его философии. Что касается его безвестности, сравните *"Жизнь сэра Эстли Купера"* Купера, Лондон, 1843, т. i, стр. 151, 152; *Лекции Пейджета по хирургической патологии*, Лондон, 1853, т. i, стр. 419; и замечания его врага Фута в *"Жизни Хантера"* Фута, Лондон, 1794, стр. 59.

[850] Он родился в 1728 году и приехал в Лондон в 1748 году. *"Жизнь Джона Хантера"* Адамса, 2-е издание. Лондон, 1818, стр. 20, 203. Согласно Адамсу (стр. 30-35), он находился за границей в качестве хирурга в английской армии с 1761 по 1763 год; хотя в *книге Фута "Жизнь охотника"*, Лондон, 1794, стр. 78 говорится, что он вернулся в Англию в 1762 году. Мистер Оттли говорит, что он вернулся в 1763 году. *"Жизнь охотника"* Оттли, стр. 22, в первом томе *"Произведений охотника"*, под редакцией Палмера, Лондон, 1835.

[851] См. *"Историю цивилизации"* Бакла, том ii. стр. 374, 375.

[852] "Он последовал своей естественной склонности. Он предпочел более обманчивый и, по-видимому, более прямой путь, который соблазнил стольких философов. Он стремился сразу прийти к общим законам природы путем догадок: вместо того чтобы путем тщательного и детального изучения ее низших процессов подниматься шаг за шагом путем медленного и постепенного наведения к тем законам, которые управляют ее общим процессом." Предисловие

Бабингтона к *трактату Хантера о венерических заболеваниях*, в *Трудах Хантера*, том ii. стр. 129. Сравните узкую и придирчивую критику в *книге Фута "Жизнь Хантера"*, стр. 163.

[853] Чтобы меня не заподозрили в преувеличении, я процитирую то, что, безусловно, сказал по этому поводу величайший из всех историков медицины. 'La majorité des médecins qui prétendaient s'être formés d'après Bâcon, n'avaient hérité de lui qu'une répugnance invincible pour les hypothèses et les systèmes, une grande vénération pour l'expérience, et un désir extrême de multiplier le nombre des observations. Ce fut chez les Anglais que la méthode empirique en médecine trouva le plus de partisans, et c'est principalement aussi chez eux qu'elle s'est répandue jusqu'aux temps les plus rapprochés de nous. Sa propagation y fut favorisée, non-seulement par le profond respect que les Anglais continuent toujours de porter à l'immortel chancelier, mais encore par la haute importance que la nation entière attache au sens commun, *common sense*, et elle y demeura l'ennemie irréconciliable de tous les systèmes que ne reposent pas sur l'observation.' *Sprengel, Histoire de la Médecine*, vol. v. p. 411, Paris, 1815.

[854] Клайв говорит: 'Как бы много мистер Хантер ни делал, он думал еще больше. Он часто говорил мне, что ему доставляет удовольствие думать.' *Хантерианская речь Абернети*, Лондон, 1819, стр. 26.

[855] Мистер Оуэн в своем интересном предисловии к четвертому тому *Трудов Хантера* говорит (стр. vii): "Есть доказательства того, что Хантер анатомировал по меньшей мере пятьсот различных видов животных, не считая многократных вскрытий разных особей одного и того же вида, помимо значительного количества вскрытий растений".

[856] 'Некоторое представление об исключительном усердии Хантера может составить тот факт, что на момент его смерти в его музее хранилось более 10 000 препаратов, иллюстрирующих анатомию человека и сравнительную анатомию, физиологию и патологию, а также естественную историю'. *История Королевского общества Уэлда*, Лондон, 1848, том ii. стр. 92.

[857] 'Я проверил противоречивые свидетельства этих наблюдателей путем вскрытия сердца ома; и вы поймете по этому препарату, что он сложнее, чем предполагал даже датский натуралист, и полностью подтверждает мнение Хантера относительно смешанной природы кровообращения у ракообразных'. *Лекции Оуэна по сравнительной анатомии и физиологии беспозвоночных животных*, 2-е издание. Лондон, 1855, стр. 318. Кювье, введенный в заблуждение аномальным состоянием венозной системы, предположил, что у насекомых отсутствует циркуляция крови; однако спинной сосуд был слишком заметной структурой, чтобы его можно было не заметить. Однако авторитет великого анатома был таков, что природа сердца начала подвергаться сомнению и ему стали приписывать самые странные функции. Хантер, однако, который был готов оценить истинное состояние кровеносной системы у насекомых благодаря своему открытию приблизительно рассеянной и неправильной структуры вен у ракообразных, описал в своей работе о крови все ведущие признаки кровообращения у насекомых в том виде, в каком это признают современные сравнительные физиологи.' *Там же*. стр. 383. Сравните *"Очерки и наблюдения Хантера по естественной истории"*, Лондон, 1861, том i, стр. 108.

[858] 'У класса, называемого *Sepia*, есть орган слуха, хотя он устроен несколько иначе, чем у рыб'. *Описание органа слуха у рыб*, в *Трудах охотника*, т. iv. стр. 294. Внизу страницы мистер

Оуэн отмечает в примечании: 'Это первое сообщение о существовании органа слуха у головоногих моллюсков'.

[859] 'хантер обнаружил, что моллюск, обитающий в раковине, обладает способностью поглощать часть своего жилища'. *Лекции Оуэна по сравнительной анатомии и физиологии беспозвоночных животных*, Лондон, 1855, стр. 544. 'Каждый моллюск обладает способностью удалять часть своего панциря, чтобы адаптировать новое и старое вместе, что достигается не с помощью какой-либо механической силы, а путем поглощения'. *Анатомические замечания о новом морском животном*, в *Работах Хантера*, т. iv. стр. 469, изд. Палмер. В примечании к этому отрывку говорится, что "доктрина поглощения оболочки была недавно" (т.е. в 1833 году) "представлена как новое открытие".

[860] 'Его острая наблюдательность не преминула выявить несколько ошибок, в которые впадали предшествующие натуралисты, особенно в отношении образования воска, который, как он доказал, выделяется, а не собирается животным'. *"Жизнь охотника" Оттли*, стр. 122. "Воск образуется самими пчелами; его можно назвать внешней секрецией масла, и я обнаружил, что он образуется между каждой чешуйкой на нижней стороне брюшка'. *Наблюдения над пчелами*, в *Трудах охотника*, т. iv. стр. 433.

[861] 'В конечной части имеется ряд отверстий в улитке и одно в полукружных каналах, которые обеспечивают проход к различным отделам слухового нерва'. *Наблюдения над строением и экономикой китов*, в *Работах охотника*, т. iv. стр. 383, 384. "Полукруглые каналы китообразных, описанные Хантером в статье о китах, структура, которую Кювье, как справедливо утверждает Кемпер, проглядел, но ошибочно утверждает, что это открытие принадлежит ему". Предисловие к т. iv. *Труды Хантера*, стр. xxi.

[862] Доктор Адамс в своей несколько поспешной книге *"Жизнь охотника"* говорит (стр. 27, 28): "Мистер Хьюсон всегда утверждал, что открыл лимфатическую систему у птиц". Но правда в том, что Хьюсон никогда этого не утверждал. Он говорит: "Возможно, здесь необходимо упомянуть, что спор между доктором Монро и мной заключается в том, кто первым открыл млечные железы птиц? что касается лимфатических узлов в их шеях (упомянутых в записке этого джентльмена), то мы оба допускаем, что они были обнаружены мистером Джоном Хантером около десяти лет назад'. И, опять же, 'Эти лимфатические узлы в шеях домашней птицы были впервые обнаружены мистером Джоном Хантером'. *Работы Хьюсона*, редактировать. Гулливер (Sydenham Soc.), стр. 102, 145.

[863] *Произведения охотника*, том iv. стр. xxi. 176.

[864] "Смотрите № 3731, 3734, 3735 в серии "Физиологические исследования" Хантерианского музея, в которых есть свидетельства того, что мистер Хантер предвосхитил большинство анатомических открытий, которые впоследствии были сделаны на эмбрионе кенгуру". *Раймер Джонс "Организация животного царства"*, Лондон, 1855, стр. 829, 830.

[865] 'Мускулатура артерий, физиологическое доказательство которой сделал Джон Хантер, теперь является вопросом зрения'. *Патология Саймона*, Лондон, 1850, стр. 69. 'Чтобы доказать мускулатуру артерии, необходимо только сравнить ее действие с действием эластичных веществ'. ... 'Когда рассматриваются различные виды использования артерий, такие как их формирование из крови различных частей тела, выполнение ими различных выделений, то, что они позволяют в одно время крови легко проходить в более мелкие ветви, как при покраснении,

а в другое время полностью предотвращают это, как при бледности от страха: и если к этому мы добавим способность вызывать болезненное увеличение любой или каждой части тела, мы не можем не заключить, что они обладают мышечной силой'. *Труды охотника*, том iii. стр. 157. См. также том iv. стр. 254. Мистер Гулливер в своем издании *Работ Хьюсона*, Лондон, 1846 г., говорит (стр. 125), что "эксперименты Хантера над функциями артерий подтверждаются последними и лучшими наблюдениями за их структурой".

[866] "Факт мускулистости радужки, который здесь предполагается на основании аналогии м-ра Хантера, впоследствии был непосредственно доказан наблюдениями Бауэра и Якоба (*Фил. Пер.* 1822), и косвенно Берцелиусом, который обнаружил, что радужная оболочка обладает всеми химическими свойствами мышц.' Примечание Палмера в *"Работах Хантера"*, том iii. стр. 146, Лондон, 1837.

[867] *"Жизнь охотника" Адамса*, стр. 59, 60, 245. *Труды охотника*, том i, стр. 43, том iv, стр. 116-121. *"Физические принципы Уотсона"*, том ii. стр. 440.

[868] 'Хантер подвергает кровь как механическому, так и химическому анализу и пытается определить характерные свойства различных составляющих ее компонентов'. Предисловие Оуэна к тому IV *Произведений Хантера*, стр. xii. Но это дает, возможно, слишком высокое представление о его животной химии; ибо таково было тогда плачевное состояние этой чрезвычайно важной отрасли знаний, что он пришел к выводу, что 'кровь не дает никаких анализов, кроме анализа обычных веществ животного происхождения'. *Принципы хирургии*, глава iii. в *Работах Хантера*, т. i, стр. 229.

[869] Стремясь определить соответствующую важность различных компонентов крови путем философского и наиболее сложного исследования соответствующих периодов их формирования в развитии эмбриона, Хантер сделал интересное открытие, что по сосудам эмбриона краснокровного животного циркулирует в первую очередь бесцветная кровь, как у беспозвоночных животных. 'Красные шарики, - замечает он, - по-видимому, образовались позже в жизни, чем два других компонента, потому что мы видим, как бьется сердце цыпленка в яйце, а затем оно содержит прозрачную жидкость, прежде чем образуются какие-либо красные шарики, и эту жидкость мы можем принять за сыворотку и лимфу'. Я хорошо помню чувство удивления, с которым я слушал, находясь в Париже в 1832 году, мемуары, прочитанные в Академии наук М. Дельпешем и Костом, целью которых было объявление того же факта как нового и важного открытия. Заявление французских наблюдателей было воспринято со всем вниманием, которого справедливо заслуживала его важность, и никто не заподозрил, что наш великий физиолог полвека назад включил его со всеми его законными выводами в расширенный круг своих исследований.' Предисловие Оуэна к тому IV *Произведений Хантера*, стр. xiii.

[870] Действительно, если мы можем полагаться на ссылки, недавно приведенные мистером Гулливером, которые, благодаря его большой общей точности, кажется, нет причин подвергать сомнению, тот факт, что светлая кровь предшествует красной, был известен еще во времена Глиссона. См. Научное издание *сочинений Хьюсона*, изданное Гулливером, Лондон, 1846, стр. 222. Но для современников Глиссона такой факт был единичным и, следовательно, бесполезным. Ничто не является ценным, пока кажется, что оно стоит особняком.

[871] Из приведенного выше отчета следует, что, какой бы ни была их полезность в аппарате, красные шарики, безусловно, не имеют такого универсального применения, как коагулирующая лимфа, поскольку их нельзя обнаружить у всех животных, *и не так рано у тех, у кого они есть*; они также не попадают в крайние артерии, куда, мы должны предположить, достигает коагулирующая лимфа; также не кажется, что они так легко формируются. В таком случае, *мы должны заключить, что они не являются важной частью крови, способствующей росту, восстановлению и т. Д. Их использование, по-видимому, связано с силой.* Тракта о крови, воспалении и огнестрельных ранах, в *Работах охотника*, том iii. стр. 68. В другом замечательном отрывке он затрагивает возможность того, что увеличение количества красных шариков связано с увеличением количества тепла. "Я не буду претендовать на определение того, насколько это может помочь животному поддерживать тепло". *Наблюдения над строением и экономикой китов*, в *Работах охотника*, т. iv. стр. 364.

[872] Доказательства этого собраны в примечаниях к "*Истории цивилизации*" Бакла, том i, стр. 58-61.

[873] Согласно Лекану, темперамент оказывает влияние на состав крови. На основании своих анализов он делает вывод, что кровь людей с лимфатическим синдромом беднее твердыми компонентами, и особенно кровяными тельцами, чем у людей сангвинического темперамента, в то время как количество белка в обоих случаях практически одинаково". *Simon's Animal Chemistry with reference to the Physiology and Pathology of Man*, Лондон, 1845, том i, стр. 236. Сравните "*Химию тел животных*" Томсона, Эдинбург, 1843, стр. 370.

[874] Саймон животного химии, том. я. С. 234, 235. Последующие эксперименты подтвердили это. "Доля красных шариков, *высушенных* на 1000 частей крови, у здоровых мужчин оценивается Андралом и Гаварретом в 127 частей; более низкие и более высокие цифры приводились другими аналитиками, но это, вероятно, результат несколько иных методов исследования. У самок доля шариков ниже. Беккерель и Родье определяют разницу примерно в 15 частях на 1000". *Патологическая анатомия Джонса и Сивекинга*, Лондон, 1854, стр. 23. Следовательно, больший удельный вес мужской крови. Смотрите интересные результаты экспериментов доктора Дэви в книге "*Физиологические и анатомические исследования Дэви*", Лондон, 1839, том ii. стр. 32.

[875] Хантер умер в 1793 году. Исследования Лекану были опубликованы в 1831 году.

Другое и еще более замечательное доказательство того, до какой степени Хантер опередил свой век, содержится в следующем отрывке, который только что был опубликован в его посмертных работах и в котором он предвосхищает самую грандиозную и наводящую на размышления из всех идей, принадлежащих физиологии девятнадцатого века. 'Если бы мы были способны проследить за прогрессом увеличения числа частей самого совершенного животного, по мере того, как они сначала формировались последовательно, от самого первого до состояния полного совершенства, мы, вероятно, были бы в состоянии сравнить его с каким-нибудь из самих незавершенных животных, из каждого отряда животных в Творении, ни на какой стадии не отличающихся от некоторых низших порядков. Или, другими словами, если бы мы взяли серию животных, от более несовершенных к совершенным, мы, вероятно, нашли бы несовершенное животное, соответствующее какой-то стадии наиболее совершенных.' *Очерки и наблюдения Джона Хантера, являющиеся его посмертными документами*, Лондон, 1861, том i, стр. 203.

[876] 'Естественные благотворные действия, возникающие под воздействием раздражителей, имеют место как у животных, так и у овощей, и их можно разделить на три вида. Первый вид действия, или самодвижения, используется просто в экономических операциях, с помощью которых осуществляются непосредственные функции и выполняются необходимые операции с материалами, которыми располагает животное или овощ, такими как рост, поддержка, секреция и т.д. Кровь выводится из организма под действием сосудов, в соответствии с их специфическими раздражителями, производящими все вышеперечисленные эффекты. Соки растения расходуются в соответствии с различными действиями сокосодержащих сосудов, возникающими также из-за их специфического раздражителя, который отличается от раздражителя кровеносных сосудов, но в равной степени способствует росту; но виноградная лоза вырастает на двадцать футов за одно лето, в то время как кит, вероятно, не вырастает так сильно за столько лет.' *Лекции Круна о мышечных движениях, в Трудах Хантера, том iv. стр. 199.*

[877] 'Действие второго рода направлено на получение внешнего влияния и возникает в результате сочетания внутреннего и внешнего раздражителя; оно возбуждается состоянием животного или растения, которое вызывает желание, и, будучи дополнено внешним раздражителем, производит надлежащие запасы пищи. Это приводит в движение целые части: так, мы видим, как *Hedysarum gyrans* двигает своим меньшим листом. Это действие, по-видимому, аналогично дыханию у животных, хотя, возможно, оно не отвечает той же цели; тем не менее, в обоих есть альтернативное движение". *Лекции Круна, в Трудах охотника, т. iv. стр. 200.*

[878] "Третий вид движений возникает в результате внешнего стимула и состоит в основном из движения целых частей, что не является незначительным у овощей, как у *Dionae muscipula* и *Mimosa pudica* очень очевидно'. ... 'Эти действия аналогичны тем, которые возникают у многих животных в результате внешнего стимула'. *Там же. том iv. стр. 201.*

[879] "Я вижу существенную разницу между силой и количеством действий. Некоторые движения могут быть очень незначительными, но действовать с большой силой; в то время как другие имеют значительную протяженность, хотя и очень слабы". *Там же. том iv. стр. 204.*

[880] 'Непосредственная причина движения у всех растений, скорее всего, одна и та же, и она, вероятно, одинакова у всех животных; но насколько они одинаковы у обоих классов, еще не определено. Но я думаю, что при исследовании этого предмета выяснится, что у овощей и животных есть действия, очевидно общие для обоих, и что причины этих действий, по-видимому, одинаковы у обоих; и, скорее всего, в растении нет действия, которое не соответствовало бы животному или не принадлежало бы ему, хотя способ действия частей тела может быть неодинаковым или мускулистым у обоих". *Лекции Круна, в Работы Хантера, т. iv. стр. 196. Сравните раздел "О движении в растениях" в "Очерках Хантера", Лондон, 1861, том i, стр. 24.*

[881] "Разнообразие движений у животных больше, и они отвечают большему количеству целей". ... "Первый вид действий, по-видимому, сильнее по своей силе, хотя и меньше по количеству, у овощей, чем у животных; ибо небольшая виноградная лоза была способна поддерживать и даже поднимать столб сока высотой 43 фута, в то время как сердце лошади было способно поддерживать только столб крови". высота 8 футов 9 дюймов; обе эти колонны, должно быть, поддерживались за счет внутренних органов, поскольку мы должны

предположить, что сердце равно или почти равно силе или действию других частей сосудистой системы; и если мы примем во внимание, что сок самого высокого дерева должен поддерживаться и даже подниматься от корня к самым отдаленным ветвям, должно показаться, что сила таких овощей намного превосходит силу любого животного, и, действительно, она такова, что ее может поддерживать только текстура овоща. Способность удерживать лист в вертикальном положении в течение целого дня требует таких же усилий, как и сила поднимающей глазной мышцы глаза животного.' *Работы охотника*, том iv. стр. 203, 204. См. также *Очерки Хантера*, том i, стр. 342: "Вероятно, что растение, которое меньше всего переносит приостановку своих действий, может сделать это больше, чем животное, которое может переносить это дольше всех".

[882] *Работы охотника*, том iv. стр. 255.

[883] В своих *принципах хирургии* он говорит (*Труды Хантера*, том i, стр. 220): "Я имею в виду главным образом лечить человеческое тело; но я часто буду находить необходимым проиллюстрировать некоторые положения, которые я изложу на примере животных низшего порядка, у которых принципы могут быть более отчетливыми и менее смешанными с другими, или где части тела устроены по-другому, чтобы показать, исходя из многих разновидностей строения и из многих различных соображений, как используются одни и те же части тела у человека; или, по крайней мере, показать, что одни и те же части тела используются у человека". покажите, что они не предназначены для тех целей, которые им обычно приписываются; и, поскольку человек является наиболее сложной частью всего животного мира, будет уместно, в первую очередь, указать на общие принципы, общие для всех этих видов материи, чтобы меня можно было лучше понять, когда я перейду к более сложной машине, а именно к человеку".

[884] "Прежде чем мы попытаемся дать представление о животном, необходимо понять свойства той материи, из которой состоит животное; но чтобы лучше понять животную материю, необходимо понять свойства обычной материи; в противном случае мы будем часто применять наши идеи обычной материи, которые нам знакомы, к животной материи, ошибка, до сих пор слишком распространенная, но которую мы должны были бы тщательно избегать этого.' *Принципы хирургии*, в *работах Хантера*, том i, стр. 211. "Следовательно, в естественной истории растений и животных необходимо будет вернуться к первой или обычной материи на этом земном шаре и дать ее общесвойства; затем посмотрим, насколько эти свойства привнесены в жизнедеятельность растений и животных; или, скорее, возможно, насколько они полезны или подчинены их действиям'. *Очерки Хантера*, том i, стр. 4. 'Каждое свойство человека подобно какому-либо свойству либо другого животного, либо, вероятно, растения, либо даже неодушевленной материи. Таким образом, (человек) становится сопоставимым с теми, кто находится в некоторых его частях'. Там же. стр. 10.

[885] Он составил 'ценную коллекцию кристаллизаций как правильной, так и неправильной формы, которые он привык использовать в своих лекциях для иллюстрации разницы между законами, регулирующими рост органических и неорганических тел'. "*Жизнь охотника*" *Оттли*, стр. 138.

[886] 'Природа всегда единообразна в своих действиях, и когда она отклоняется, ее отклонения остаются регулярными'. *Принципы хирургии*, в *трудах Хантера*, том i, стр. 485; см. также том iv, стр. 44, 45.

[887] 'Безусловно, отклонение от нормы при определенных обстоятельствах может быть заложено в качестве одного из принципов или законов природы'. *Труды охотника*, том iv. стр. 278.

[888] Доктор Адамс, который знал его лично, говорит, что он изучал 'физиологию, особенно связанную с патологией'. *"Жизнь охотника" Адамса*, стр. 77.

[889] Его *Принципы хирургии* содержат некоторые любопытные свидетельства его желания установить связь между патологией животных и растений. Смотрите, например, его замечания о "местных болезнях" (*Сочинения*, т. i, с. 341); о влиянии времен года на возникновение болезней (т. i, с. 345, 346); и о теории воспаления, проявляющегося в дубовом листе (т. i, с. 391). Но даже сейчас слишком мало известно о болезнях растительного мира, чтобы их изучение можно было объединить с наукой о болезнях животного мира; а во времена Хантера эта попытка была еще менее многообещающей. Тем не менее, эти усилия свидетельствуют о величии и широте ума этого человека; и хотя мало что было достигнуто, метод был правильным. Точно так же в одном из своих эссе *о способности производить тепло* он говорит: "В ходе различных экспериментов на животных и растениях я часто наблюдал, что результат экспериментов в одном объяснил экономичность другого и указал на некоторый принцип, общий для обоих". *Работы Хантера*, т. iv. стр. 136.

[890] Поскольку природа довольно постоянна в виде и количестве различных частей, характерных для каждого вида животных, а также в положении, формировании и конструкции таких частей, мы называем "монстром" все, что отклоняется от этого единообразия, происходит ли (это) кристаллизация, растительность или анимализация. Должен быть какой-то принцип для этих отклонений от обычного хода природы в хозяйстве таких видов, в котором они происходят. В настоящем исследовании я хочу рассмотреть создание животных. И все же, поскольку между всеми тремя (царствами природы) может быть в какой-то степени аналогия, я рассмотрю два других, поскольку эта аналогия, по-видимому, имеет место.' ... 'Чудовища не свойственны животным: они, возможно, менее свойственны им, чем любому виду материи. Растительный мир изобилует чудовищами; и, возможно, необычное образование многих кристаллов может быть отнесено к одному и тому же виду продукции и объяснено по тому же принципу, а именно. некоторое влияние, нарушающее установленный закон регулярного формирования. Монстры в кристаллах могут возникать по той же причине, что и упомянутые во "Введении", а именно. либо неправильное расположение частей, из которых должен состоять кристалл, либо дефект в формировании, поскольку первоначальная установка была неправильной, и (формование) продолжалось в той же (неправильной) линии. Принцип кристаллизации заложен в растворе; однако требуется нечто большее, чтобы привести его в действие, такое, *например*, как твердая поверхность. Недостаток в получении настоящего кристалла может заключаться в самом растворе; или, я могу предположить, что очень незначительное обстоятельство может изменить форму кристалла и даже придать одному (кристаллу) форму другого. Быстрота процесса кристаллизации приводит к неравномерности и уменьшению в размерах.' *Очерки охотника*, Лондон, 1861, том i. стр. 239-241. Читатель должен помнить, что, когда были написаны эти замечания, явления кристаллизации не подвергались той точной математической обработке, которая впоследствии выявила так много их закономерностей. Действительно, угломер в то время был настолько грубым инструментом, что было невозможно точно измерить углы наклона кристаллов.

[891] Абернети говорит: 'Он представляется мне новым персонажем в нашей профессии; и, кратко выражая его особые заслуги, я могу назвать его первым и великим физиологом, или объяснителем природы болезней'. *Хантерианская речь Абернети*, стр. 29, Лондон, 1819. "Его можно считать первым, кто применил великие истины анатомической и физиологической науки к этим наиболее важным предметам, проследив процессы, которые природа использует для создания органических изменений, создания новых образований и устранения последствий травм или болезней". *Хантерианская речь Ходжсона*, 1855, стр. 32.

[892] 'Специфические признаки болезней также быстрее проявляются в коже, чем в более глубоко расположенных частях, за исключением рака; хотя даже при этом заболевании продвижение к поверхности происходит быстрее, чем к центру'. ... 'Короче говоря, это закон природы, и, вероятно, он основан на том же принципе, по которому овощи всегда появляются на поверхности земли'. *Трактат о крови, воспалении и огнестрельных ранениях*, в *Трудах охотника*, том iii. стр. 285. 'Грануляции всегда имеют тенденцию к образованию на коже, что в точности похоже на растительность, поскольку растения всегда растут от центра земли к поверхности; и на этот принцип обратили внимание, когда мы лечили абсцессы, распространяющиеся на кожу'. *Там же*. стр. 489, 490.

[893] 'Можно принять в качестве аксиомы, что два процесса не могут протекать одновременно в одной и той же части любого вещества'. *Труды хантера*, том iv, стр. 96. Сравните *Очерки хантера*, том ii, стр. 333: "Поскольку в целом кажется, что природа едва ли может заставить одну часть выполнять два действия с пользой".

[894] 'Таким образом, мы слышим о почечном зуде, цинге и венерических заболеваниях вместе взятых; но это предположение, как мне кажется, основано на ошибке. Я никогда не видел подобных случаев, и они, по-видимому, не согласуются с принципами патологического воздействия в животноводстве. Мне представляется несомненным, что никакие два действия не могут иметь места в одной и той же конституции или в одной и той же части в одно и то же время.' *Труды охотника*, том ii. стр. 132. "Поскольку я считаю каждую операцию в организме действием, универсальным или частичным, мне представляется несомненным, что никакие два действия не могут происходить в одном и том же строении или в одной и той же части тела в одно и то же время; операции тела подобны в этом отношении действиям или движениям в обычной материи. Это естественно вытекает из этого принципа, что при одном и том же телосложении не могут существовать две разные лихорадки или два местных заболевания в одной и той же части тела в одно и то же время. Существует множество местных болезней, которые имеют совершенно различное течение, но имеют очень схожий внешний вид, и которые одни считают одним видом болезни, другие - другим, а третьи, опять же, представляют собой сочетание двух заболеваний.' ... 'Следовательно, часто предполагается, что они смешаны и существуют в одной и той же части. Так, мы слышим о оспенной цинге, оспенном зуде, ревматической подагре и т. Д. и т.п., названия которых, согласно моему принципу, подразумевают объединение, которое никак не может существовать.' *Там же*. том iii. стр. 3, 4.

[895] Доктор Роберт Уильямс (*Энциклопедия медицинских наук*, Лондон, 1847, 4то, стр. 688) говорит: 'Установить диагноз между подагрой и ревматизмом часто чрезвычайно сложно, настолько, что нозологи выделяют смешанный класс, или ревматическую подагру. Мистер Хантер горячо возражал против этого сложного наименования, поскольку, по его мнению, в одной конституции не могут сосуществовать две разные болезни или даже разные диатезы;

следует признать, что закон имеет много исключений.' Сравните книгу Уотсона *"Принципы и практика медицины"*, Лондон, 1857, том i, стр. 312; "действуя на основании афоризма Джона Хантера (афоризма, однако требующего некоторой квалификации), что две болезни или действия не могут протекать одновременно". Согласно другому авторитетному источнику, "Не может быть никаких сомнений в том, что два или более заимозных процесса часто протекают одновременно в крови и организме; факт, представляющий глубокий интерес для патолога и заслуживающий внимательного изучения'. *Отчет об общественном здравоохранении за 1847 год*, в *Журнале Статистического общества*, том xi. стр. 168, Лондон, 1848. См. также "О сосуществовании специфических ядов", *"Хирургия Эрихсена"*, 2-е издание., Лондон, 1857, стр. 430. М-р Пейджет в своих поразительных и в высшей степени наводящих на размышления лекциях по патологии, Лондон, 1853, т. ii. стр. 537, 538, сделал несколько интересных замечаний по одной части теории сосуществования; и его наблюдения, насколько они идут, имеют тенденцию подтверждать точку зрения Хантера. Он очень убедительно показал антагонизм между раком и другими специфическими заболеваниями, и особенно между раковым диатезом и туберкулезным.

[896] 'Возможно, самую простую симпатию можно найти у овощей, поскольку они намного проще, чем у самых простых животных'. *Принципы хирургии*, в *работах Хантера*, том i, стр. 327.

[897] 'Этот принцип действия, называемый симпатией', и с. *Там же*. том i. стр. 318.

[898] 'Сочувствие можно разделить на два вида: естественное и вызванное болезнью'. *Принципы хирургии*, в *Трудах Хантера*, том i, стр. 320; см. также *Трактат о крови, воспалении и т.д.*, в *Работах*, том iii, стр. 6.

[899] *Лекции Круна о мышечных движениях*, в *Трудах Хантера*, том iv, стр. 207; и точно такие же слова в его *Фитологии*, в *Очерках Хантера*, Лондон, 1861, том i, стр. 361.

[900] 'Локальная или частичная симпатия чаще встречается у пожилых, чем у молодых; тогда как универсальная симпатия чаще встречается у молодых, чем у пожилых. Сочувствие менее определено у молодых людей, каждая часть тела тогда готова сочувствовать другим частям тела, находящимся в состоянии болезни. " ... "По мере развития ребенка сила сочувствия становится частичной, поскольку в настоящее время в конституции нет всеобщего согласия частей тела, но какая-то часть, которая испытывает большее сочувствие, чем остальные, попадает во всеобщее раздражение; следовательно, вся склонность к сочувствию направлена на какую-то конкретную часть. По мере взросления ребенка различные органы приобретают все больше и больше самостоятельных функций.' *Работы охотника*, том i. стр. 322, 323.

[901] 'Склонность к диспозициям и действиям, как мне кажется, совпадает с тем, что обычно понимается под темпераментом. Темперамент - это состояние тела, соответствующее тому настрою или действию, в котором оно находится в данный момент". *Работы Хантера*, том i, стр. 307.

[902] *охотник работ*, объем. раздел III. стр. 393.

[903] 'Поскольку каждое естественное действие организма зависит в своем совершенстве от ряда обстоятельств, мы приходим к выводу, что все различные комбинированные действия устанавливаются, пока тело находится в здравии и хорошем расположении; но это не имеет места при болезненных действиях, поскольку болезнь, напротив, заключается в недостатке

именно этого сочетания'. *Работы Хантера*, том iii, стр. 10. Сравните том i, стр. 310: "Я объяснил, что болезнь - это предрасположенность к неправильному действию, и что действие является непосредственным следствием предрасположенности, и что либо действия, либо последствия этих действий *вызывают симптомы, которые обычно называются болезнью*; такие как ощущения, которые обычно представляют собой боль всех видов, недомогание, видимые или невидимые изменения в структуре части или частей, которые действуют, и сочувствие".

[904] 'Строго говоря, такой вещи, как предрасполагающая причина, не существует. Под предрасполагающей причиной обычно понимают повышенную восприимчивость к формированию склонности к действию. Когда я говорю, что я предрасположен к таким-то действиям, это всего лишь означает, что я очень восприимчив к таким-то впечатлениям.' *Работы охотника*, том i, стр. 303. См. также стр. 301: "Самая простая идея, которую я могу сформулировать о животном, способном к болезни, заключается в том, что каждое животное наделено способностью действовать и восприимчивостью к впечатлениям, это впечатление формирует предрасположенность, эта предрасположенность может вызвать действие, это действие становится непосредственным признаком болезни; все это будет соответствовать природе впечатления и впечатленной части".

[905] Хантер умер в 1793 году. В 1835 году мистер Палмер пишет: 'Те, кто проследил прогресс современной хирургии до его истинного истока, не преминут заметить в принципах, установленных Хантером, зародыши почти всех усовершенствований, которые были внедрены с тех пор'. *Труды охотника*, том i, стр. vii. Восемнадцать лет спустя мистер Пейджет говорит о взглядах Хантера на заживление ран: 'В этих предложениях мистер Хантер воплотил принцип, на котором основана вся практика подкожной хирургии; принцип, важность которого, действительно, вряд ли возможно преувеличить'. *Лекции Педжета по хирургической патологии*, Лондон, 1853, том i, стр. 170. На стр. 197, 198: "После того, что я сказал относительно процесса немедленного объединения, может показаться, что мистер Хантер был более близок к правоте, чем его преемники".

[906] 'Воспаление вен, первоначально изученное Хантером, в последние годы привлекло внимание многих выдающихся континентальных и британских патологов'. *Хирургия Эрихсена*, Лондон, 1857, стр. 475. 'Ни один предмет так убедительно не иллюстрирует важную пользу, которую наука и искусство медицины извлекли из патологической анатомии, как флебит. Благодаря этому исследованию многие темные моменты в феномене болезни были либо полностью прояснены, либо, во всяком случае, стали более понятными. Нам достаточно сослаться на так называемые злокачественные перемежающиеся заболевания, возникающие в результате ран и хирургических операций, — на определенные тифозные состояния, послеродовые заболевания и тому подобное, Джон Хантер, старший Мекель и Питер Франк были первыми, кто начал расследование. '"Анатомическое описание болезней органов кровообращения и дыхания" Хассе, Лондон, 1846, стр. 10. 'Хантер был первым, кто открыл путь, и с тех пор скальпель показал, что многие ранее непонятные злокачественные состояния связаны с флебитом'. *Патологическая анатомия Джонса и Сивекинга*, Лондон, 1854, стр. 362. О применении этого открытия к теории воспаления селезенки см. *"Патологическая анатомия" Рокитанского*, том ii, стр. 173, Лондон, 1849; сравните том iv, стр. 335.

[907] Сэр Бенджамин Броди говорит: "Это правда, что основные части доктрин Джона Хантера относительно воспаления и его последствий теперь настолько интегрированы в то, чему учат в

школах, что для ознакомления с ними вам не нужно искать их в его работах; но, тем не менее, я рекомендую вам изучить их специально ради другой ценной информации, которую они содержат". , а также важные взгляды на физиологию и патологию, которые почти на каждой странице предлагаются вашему вниманию. ' *Лекции Броуди по патологии и хирургии*, Лондон, 1846, стр. 25. ' Джон Хантер, чей трактат о воспалении - это шахта, которую копали все последующие писатели'. " *Принципы и практика медицины Уотсона*", Лондон, 1857, том i, стр. 146. Обращение к философским принципам в работах Хантера было, действительно, причиной того, что они были закрытой книгой для его менее просвещенных современников; но, хотя принципы, подразумеваемые или выраженные, подвергали их презрению и пренебрежению со стороны тех, кто менее проникнут духом философии, результаты этих принципов, подтвержденные фактами, постепенно и незаметно навязали себя убеждениям профессии; и хотя они были приняты молча и без признания, как будто сами авторы забыли или пребывали в неведении, откуда они были взяты, они теперь составляют саму основу всех книг, в том числе и тех, которые были написаны. трактаты и лекции на профессиональные темы. ' *Жизненная динамика Грина*, Лондон, 1840, стр. 81. Наконец, я процитирую совсем недавнее свидетельство мистера Саймона, который в своем мастерском и необычайно красивом эссе о воспалении не только свел воедино почти все, что известно по этому интересному предмету, но и показал, что обладает способностью к обобщениям, редкой в медицине, да и в любой другой профессии. 'Без излишнего пристрастия англичанин может быть рад сказать, что специальное исследование воспаления восходит к трудам Джона Хантера. Неутомимый наблюдатель природы, свободный от образовательных форм и основательный скептик в своем методе исследования, этот наш широко мыслящий хирург приступил к работе над воспалением, полностью оценив физиологические масштабы своего предмета. Он увидел, что для того, чтобы понять воспаление, он должен рассматривать его не как отдельный факт болезни, а в связи с родственными явлениями — некоторые из них действительно болезненны по своей природе, но многие из них находятся в пределах допустимого для здоровья. Он увидел, что для любого, кто попытался бы объяснить воспаление, все неравномерности кровоснабжения, все периодичности роста, все проявления сочувствия были частью проблемы, которую нужно было решить. ' ... 'Его нельзя понять без большего размышления, чем могут дать обычные читатели; и только те, кто довольствуется тем, что пробивается сквозь завесу непонятного языка к самой реальности его намерений, могут узнать, с каким великим мастером они общаются. '... 'Несомненно, он был великим первооткрывателем. Но именно духом его трудов, даже больше, чем установлением новой доктрины, английская хирургия навеки обязана ему. Что касается фактов в патологии, то он, возможно, и не может быть постоянным учителем; но для изучающего медицину он всегда должен быть благородным образцом. Подчеркнуто, о нем можно сказать, что он был хирургом-физиологом. Другие до него (Гален, например, в высшей степени) были одновременно физиологами и практиками; но в их случае наука мало соприкасалась с практикой. Никогда еще физиология не была так тесно связана с хирургией, никогда так не применялась к исследованию болезней и предложению методов лечения, как это было сделано нашим мастером. И ему, насколько такие обязательства могут быть личными, мы, несомненно, обязаны тем, что за последние полвека основы английской хирургии, по крайней мере официально, изменились с основы эмпиризма на основу науки.' *Саймон о воспалении, в системе хирургии*, под редакцией Т. Холмса, Лондон, 1860, т. i. стр. 134-136.

[908] Мистер Боумен в своих *Принципах хирургии* (*Энциклопедия медицинских наук*, Лондон, 4то, 1847) говорит (стр. 831): 'До времен Хантера операция выполнялась путем разрезания

мешка аневризмы и перевязки сосуда сверху и снизу. Это действие было настолько грозным по своим последствиям, что ампутация конечности часто предпочиталась как менее опасная и фатальная мера. Гениальность Хантера привела его к перевязке бедренной артерии в случае подколенной аневризмы, оставив опухоль нетронутой. Безопасность и эффективность этого метода лечения в настоящее время полностью установлены, и этот принцип распространен на все операции по лечению этого грозного заболевания". См. Также стр. 873; *Хирургическая патология Педжета*, том i, стр. 36, 37; и *Хирургия Эрихсена*, стр. 141, 142, 508, 509.

[909] "Большинство современников Хантера считали, что его занятия мало связаны с практикой, обвиняли его в том, что он больше занимается физиологией, чем хирургией, и считали его немногим лучше, чем новатором и энтузиастом". *"Жизнь Хантера" Оттли*, стр. 126. В работе, написанной хирургом всего через год после смерти Хантера, читателю сообщается о его замечательных исследованиях, касающихся течки у животных, что "его эксперименты, если они верны, не несут в себе никакой информации: если они верны, из них невозможно извлечь никакого эффекта для пользы человека". *"Жизнь Хантера" Фут*, Лондон, 1794, стр. 116. На стр. 225 тот же практик упрекает великого философа в том, что он выдвигает 'чисто теоретическую версию, не имеющую никакой практической цели'. Фут, действительно, писал под влиянием личных чувств, но он справедливо рассудил, что именно такого рода обвинения, скорее всего, настроят английскую общественность против Хантера. Футу никогда не приходило в голову, как и его читателям, что поиск истины как таковой - великолепная цель, даже если ее практическая польза незаметна. Стоит процитировать еще одно свидетельство. Сэр Эстли Купер пишет о Клайне: 'Его высокое мнение о мистере Хантере свидетельствует о его рассудительности; ибо почти все остальные современники мистера Хантера, хотя и восхваляют его сейчас, ругали его при жизни'. *"Жизнь сэра Эстли Купера" Брэнсби Блейка Купера*, Лондон, 1843, том ii. стр. 337.

[910] "Те, кто намного опережает других, обязательно должны оставаться в одиночестве; и их действия часто кажутся необъяснимыми, более того, даже экстравагантными, их далеким последователям, которые не знают ни причин, которые их порождают, ни последствий, которые они призваны произвести. В таком положении находился мистер Хантер по отношению к своим современникам. Это было неприятное превосходство, поскольку лишало его сочувствия и социального сотрудничества.' *Хантерианская речь Абернати*, стр. 49.

[911] "Этим он продолжал заниматься в течение нескольких лет; но его таланты и просвещенные взгляды были настолько далеки от того внимания, которого они заслуживали, что его слушателей никогда не набиралось и двадцати", *"Жизнь охотника" Оттли*, стр. 28.

[912] 'Участники придерживались мнения, ' пишет Модератор, - что в сложившихся обстоятельствах, вероятно, общенациональный пост будет назначен королевской властью. По этой причине они отложили назначение встречи в этом населенном пункте и тем временем поручили мне почтительно просить вас сообщить — если вы чувствуете себя вправе это сделать — рассматривается ли вопрос о назначении королевой национального поста. Пресвитерия надеется, что ее оправдают за вольность, которой они пользуются, удовлетворяя эту просьбу".

[913] "Благо или горе человечества зависит от соблюдения или пренебрежения этими законами".

[914] "Лорд Пальмерстон, следовательно, предположил бы, что лучшим курсом, которого может придерживаться народ этой страны, чтобы заслужить прекращение дальнейшего распространения холеры, будет использование промежутка времени, который пройдет между настоящим временем и началом следующей весны, для планирования и осуществления мер, с помощью которых те части их городов, населенные беднейшими классами, и которые по природе вещей должны больше всего нуждаться в очищении и улучшении, могут быть освобождены от тех причин и источников заражения, которые, если позволить им остаться, неизбежно породят эпидемию и приведут к смерти, несмотря на все молитвы и посты объединенной, но бездействующей нации".

КОНЕЦ.

ЛОНДОН: НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР
И ПАРЛАМЕНТ-СТРИТ

Примечания переписчика: Оригинальная орфография и незначительные несоответствия в написании и формате сохранены. Непоследовательная расстановка переносов и ударений такая же, как в оригинале, если не помечена как опечатка. Нарушения последовательности записей в указателе не были исправлены.

В таблице ниже перечислены все исправления, внесенные в исходный текст.

стр. xii: 361–кв. м. → 361–след.

стр. xiv: 420–кв.м. → 420–след.

стр. 7: том iv. стр. 313: → стр. 313;

стр. 7: том III. xviii. с., 309 → с. 309

с. 12: по-английски. → англичанами".

стр. 13: Воспоминания Сомервилля → *Memorie*

стр. 18: суверенитет над Шотландией. → Шотландия".

стр. 18: Каледония Чалмера → Каледония Чалмерса

стр. 20: дни Роберта Первого, → Первый,'

стр. 21: 18, 27, 375; т. → 18, 27, 375, т.

стр. 21: 485; т. х. с. 584; т. → 485, т. х. с. 584, т.

стр. 23: Выдержка из → Выдержки из

стр. 24: изделия из кожи и галантереи. → галантерея.'

стр. 25: том i. стр. 512 → 512.

стр. 26: епископ и капитул. → глава.'

стр. 29: хотя это есть, это есть → хотя это есть

стр. 30: Великий путь через Перт → 'Великий

стр. 31: лучшие примеры. → парес,
стр. 37: Споттисвуд → Споттисвуд
стр. 41: мог подписаться своим именем.' → имя."
стр. 46: судьи в помощь. → помогать".
стр. 50: не сам король → он сам
стр. 62: История Калдервуда → История
стр. 64: Генрих VIII., "в → "в
стр. 65: Уголовные процессы на Питкэрне над → в
стр. 66: в пользу еретиков. → еретика".
стр. 78: 'вторая часть Майджа. → "вторая половина Мая".
стр. 80: он (оратор)" → он (оратор)
стр. 86: о крайней бедности → "на
стр. 91: "Требовать оплаты → "К
стр. 94: *Церковь и государство в Шотландии* т. → *Шотландия*, том
стр. 95: в этой реформированной Церкви. → Кирк.'
стр. 97: и рукополагает, Что → это
стр. 106: негодяи и взяточники → взяточники.
стр. 107: салбе худший.' → худший.'"
стр. 111: Эдинбург, 1847. стр. xxxix. → Эдинбург, 1847, стр. xxxix.
стр. 119: о Монтрозе, в 1600 году → 1600.
стр. 121: стр. 265, 266, 272; т. → 272, т.
стр. 129: двадцать тысяч фунтов." → двадцать тысяч фунтов".
стр. 137: Дневник мистера Джона Ламонта, → Ламонт
стр. 147: Подстрекательство герцога Йоркского. → подстрекательство.'
стр. 147: подстрекательство.' *Задние лапы Шилдса ослабли* → Задние лапы Шилдса
стр. 147: Смотрите *Задние лапы Шилдса ослабли* → Задние лапы Шилдса
стр. 148: Согласно Бернету, the → 'the
стр. 149: с изысканной пыткой; → пытки;'
стр. 152: величайшее из его произведений → работы.
стр. 154: примерно 4500 мужчинам; → мужчины;'
стр. 158: Лондон, 4to, 1817, том ii. p → том ii. стр.
стр. 162: Заметки Фаунтенхолла о → Заметки о
стр. 204: *История Бернета его собственного времени*, том → том.
стр. 211: полный совет Бога. → Бог".
стр. 215: прежде чем он достиг его!"" → он!"
стр. 218: стр. 43, в т. i. → т. i.
стр. 224: *Проповеди Биннинга*, т. ii. стр. 118; т. → 118, т.

стр. 226: его народ от сатаны, → Сатана",
стр. 228: и продолжает болеть ". → болен".
стр. 228: когда это произошло. → случилось".
стр. 250: Исполнение Флемингом → из
стр. 250: "Анналы Бальфура" → "Анналы"
стр. 253: "затем, когда они будут" → "затем, когда они будут"
стр. 254: "и мы должны выбрать" → "выбирать"
стр. 262: 22 октября → "22 Октября"
стр. 264: "История → Historie"
стр. 280: "*Каледония Чалмерса*", том → том.
стр. 287: "*Драгоценные обещания Грея*", стр. 139 → стр. 139.
стр. 288: *из Эдинбурга*,,, → *из Эдинбурга*,
стр. 311: том ii. стр. 23, далее. → том ii. стр. 23 след.
стр. 312: объединено с биографией, → биография.
стр. 313: том ii. стр. 206. → стр. 206.
стр. 328: заработная плата за труд. → труд".
стр. 333: *Сочинения Броэма*, Глазго, 1856. → 1856,
стр. 336: определить, что такое Адам → Адам
стр. 338: Моральное чувство → Сантименты
стр. 349: Смиа, а не → ни
стр. 352: убийство неизвестными лицами?' → неизвестно?
стр. 358: стр. 36, 37, 340, 343; т. → 343, т.
стр. 358: стр. 115, 116, 288-299; т. → 288-299, т.
стр. 358: т. i, с. 305; т. → 305, т.
стр. 359: т. i, с. 329, 334; т. → 334, т.
с. 361: исполнено в его произведениях. → письма. '
стр. 368: скрытые в них, —*поздние* → *скрытые*
стр. 387: говорится об этом очень серьезно
стр. 392: слои 1790 года. → 1790.'
стр. 398: были магматического происхождения. → происхождение".
стр. 410: если не превосходит, то Ньютона. → Ньютон.'
стр. 436: *Работы Хантера*, т. i, стр. 43; т. → 43, т.
стр. 473: "Члены комиссии придерживались мнения, что это было → "что это было
стр. 483: Джеффри Монмутский, i. 324. → i. 324
стр. 484: заявление относительно, ii. 281. → ii. 281
стр. 488: одно из Линнея, → одно из Линнея, ii.
с. 490: гражданская война, ii, → ii.

стр. 491: в ранний период в, → в ранний период в, i.
стр. 492: Вестфальский мир, ii, → ii.
стр. 494: они появились, ii. 208. → 208
стр. 496: его светская философия, 329 → 329.
стр. 497: с духовенством, 420, → 420.
стр. 497: для облегчения положения, 463. → 463
стр. . 498: Драйбургское аббатство → Abbey,
стр. 498: шестнадцатый век, iii. 30. → шестнадцатый век, 30.
стр. 500: впервые утвержден срок действия. → авторизованный,
стр. 501: учреждения, → учреждения, i.
стр. 502: первые финансовые реформы, i. → первые финансовые реформы,
стр. 502: Окаменелости; → Окаменелости,
стр. 504: Франциск 1. Французский → Франциск I. Французский
стр. 505: окружал его вступление, → окружал его вступление, i.
стр. 505: "Письма", ii, → ii.
стр. 506: о политической деградации. → деградация,
стр. 506: восхищение Англией, ii, → ii.
стр. 507: исследования в кристаллографии → кристаллография,
стр. 508: причины, i. 144. → i. 144
стр. 510: Французский Ле Блана, ii, → ii.
стр. 511: в царствование Людовика XIV., → в царствование Людовика XIV., ii.
стр. 512: правительства, 494, → 494.
стр. 514: Изморфизм → Изоморфизм
стр. 515: его вступление, → его вступление, i.
стр. 515: "Церковное устройство" → "Церковное устройство", i.
стр. 519: литературный класс, 239 *примечание*. → *примечание*
, стр. 520: в пользу короля, 297. → 297
стр. 520: янсенисты, ii. 344 → Янсенисты, 344
стр. 521: человеческих знаний, 229. → 229
стр. 523: истощенный, 97 → истощенный, i. 97
стр. 524: литература, i. 437 *примечание*. → *примечание*
стр. 525: Кальвинистские мнения, 345. → 345
стр. 530: Мэтью Пэрис, i. 315. → Мэтью Пэрис, 315.
стр. 533: теория ренты, i. 250 → теория ренты, 250
стр. 534: Религиозное телерадиовещание → терпимость
стр. 534: духовенство неизбежно, ii. 347. → духовенство неизбежно, 347.
стр. 535: указано Декартом, → указано Декартом, ii.

стр. 543: однажды вдохновленный, ii. 262. → однажды вдохновленный, 262.

стр. 544: в восемнадцатом веке, 558 → 186

стр. 545: концепция, 18 → концепция, i. 18

стр. 546: с помощью Монтескье, 314. → 314

стр. 546: обложить налогом колонии, 478 → 478

стр. 547: офис в, i 432 → офис в, i. 432